

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1865.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865

THE HISTORY OF THE CITY OF BOSTON

FROM THE FIRST SETTLEMENT TO THE PRESENT TIME

BY

JOHN GARDNER

VOLUME I

1822

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И НАРОДНАЯ ЭКОНОМІЯ.

(Посвящается Д. И. Писареву и всемъ сотрудникамъ «Русскаго Слова.»)

I.

Кто не испыталъ, тотъ не можетъ и представить, себѣ, чего стоитъ быть писателемъ въ провинціальной глуши, гдѣ-нибудь въ Дауро-монголіи или Якутскѣ, гдѣ вокругъ случайно заброшеннаго мыслящаго человѣка все спитъ глубокимъ сномъ безсознательной жизни, гдѣ ничто не шевелитъ человѣческой мысли и не возбуждаетъ ее къ дѣятельности. Ни притока новыхъ впечатлѣній, ни обмѣна мыслей, ни книгъ, ни образованныхъ людей — ничего нѣтъ для мыслящаго человѣка въ нашей мертвой и пассивно-неподвижной провинціи.

При такой обстановкѣ умственная работа — каторга, испытываемая ежеминутно тѣмъ, кто чувствуетъ потребность въ этой неутомной работѣ.

А между тѣмъ, куда бы ни взглянулъ мыслящій человѣкъ — въ этой провинціальной пустынѣ, въ этомъ мертвомъ царствѣ сновъ и призраковъ, вмѣсто дѣйствительныхъ предметовъ, онъ вездѣ встрѣчаетъ необходимость изслѣдованія и знанія. Побѣдетъ ли онъ съ пытливой мыслью по этимъ хребтамъ горъ, загадочнымъ по ихъ геогностическому строенію и минералогическимъ богатствамъ, по ихъ флорѣ и фаунѣ, осмотритъ ли онъ естественныя путеводныя нити и сѣти рѣчныхъ системъ — этихъ артерій въ физико-географической и естественно-экономической организаціи провинцій, осмотритъ ли естественную экономію лѣсовъ, степей, водъ, словомъ — куда ни заглянетъ онъ съ внимательною думою, — вездѣ почувствуетъ, и больно почувствуетъ вопиющую необходимость реаль-

наго изученія природы, разнообразныхъ и глубокихъ естественно-научныхъ знаній. А ихъ-то и нѣтъ. Вездѣ, напротивъ, — безсмысліе, невѣжество, суевѣріе и пассивное рабство передъ природой. Всѣ видятъ, созерцаютъ внѣшнюю природу своей провинціи, видятъ лѣса, горы, воды, топчуть разныя почвы, срубаютъ разныя деревья, ловятъ разныхъ звѣрей, рыбъ, насѣкомыхъ. — и никто не знаетъ этой природы, никто не знаетъ силъ, законовъ и разнообразныхъ свойствъ продуктовъ естественной экономіи своей провинціи. Есть только свои провинціальные суевѣрные травники и зелейники, свои мѣстные мистическія сказки о вѣтрахъ, свои провинціальные суевѣрные примѣты о погодѣ и т. п. Всѣ бродятъ и копошатся по землѣ слѣпо и пассивно. Всюду бродятъ жалкіе звѣроловы, неимѣющіе никакого понятія о силахъ и законахъ развитія животной жизни. Всюду копошатся и роются въ землѣ жалкіе пахари, нисколько непонимающіе силъ и законовъ почвы и земледѣлія; въ горахъ роются жалкіе рудокопы, неимѣющіе никакого понятія о геогностическомъ строеніи горъ, о химическомъ составѣ минераловъ и вообще о силахъ и законахъ развитія и строенія горной природы. Всякій физико-географическій оазисъ, всякая природная форма, всякій физическій типъ въ той или другой провинціи ждетъ реалістовъ — теоретиковъ и практиковъ. Но ихъ-то и нѣтъ. При одномъ проѣздѣ, напримѣръ, черезъ какую-нибудь степь Барабинскую или черезъ лѣса и горы Нижнеудинскія, — такъ и чувствуешь, и больно чувствуешь необходимость быть натуралистомъ; такъ и желаешь, чтобы тутъ, какъ и вездѣ, въ каждомъ физико-географическомъ провинціальномъ оазисѣ, неутомимо работали, подобно Палласу, Раде, Миддендорфу, естественники — реалисты, открывали, указывали народу ключи къ сокровищамъ мѣстной естественной экономіи, научали его рациональному извлеченію и употребленію мѣстныхъ естественныхъ продуктовъ, и сами насаждали тутъ новые починки новой, естественно-научной культуры и промышленности. А этого-то ничего и нѣтъ. И видишь только — тамъ степь громадную, богатую растительность, безчисленныя озера и болота, несмѣтное множество и просторный разлетъ птицъ разныхъ, а здѣсь — только сплошныя горы, сзади и кругомъ лѣса дремучіе, непроходимые, непочатые, посѣщаемые только бродягами. Наконецъ, посмотреть ли мисіонеръ на эту жалкую, сонливую, лѣнивую, пассивную суевѣрно-невѣжественную, восточно-обрядовую жизнь въ провинціальныхъ городишкахъ, въ родѣ Варнавинныхъ, Семеновыхъ, Ялуторовскихъ, Каинскихъ и т. п.; осмотреть ли онъ провинціальныя фабрики и заводы, ремесленныя и мастерскія, которыя, впрочемъ

едва гдѣ и встрѣтить; взглянуть ли на скотоводство въ степяхъ — въ этихъ первосозданныхъ оазисахъ стадъ и табуновъ, взглянуть ли на хлѣбопашество въ земледѣльческихъ провинціяхъ, въ черноземной полосѣ, въ Южной Россіи и Сибири, — опять вездѣ увидитъ и почувствуетъ онъ крайнюю, безотлагательную необходимость естественно-научнаго міросозерпанія и примѣненія его къ социально-экономической дѣятельности. А ея-то и нѣтъ. Вездѣ печальная и страшная апатія мысли и торжество грубыхъ силъ природы надъ умомъ человѣка.

А между тѣмъ въ литературѣ нашей одни идеалы смѣняются другими, одно направление быстро чередуется съ другимъ. Каждая новая книжка журнала приноситъ въ провинцію разнообразія и глубокія идеи, которыя такъ и остаются идеями, безъ всякаго приложенія къ жизни. Жизнь тащится сама по себѣ, а надежды и стремленія мыслящихъ людей — сами по себѣ. Отчего же весь этотъ провинціальный міръ представляетъ такое тупое, повсемѣстное противорѣчіе высокимъ идеаламъ науки и литературы? Отчего эти идеалы, какъ горохъ къ стѣнѣ, лѣплятся къ провинціямъ, и для всѣхъ огромнѣйшихъ провинціальныхъ массъ проходятъ неуловимымъ голосомъ вопіющаго въ пустынь? Подумаешь, да взглядишься въ дѣйствительный омутъ провинціализма, — и невольно задашься вопросами: да въ идеалахъ ли, въ теоріяхъ ли заключается та искомая сила, которая должна пробудить и обновить громадный міръ русскаго народа? Безспорно, что идеалы дѣйствуютъ благотворно на умственное направление и энергію образованныхъ или учащихся молодыхъ поколѣній. Да вѣдь пора же не забывать и ту черную рабочую массу, которая въ исторіи такъ долго и такъ бессмысленно была забыта; а между тѣмъ она составляетъ главную громаду, почти все содержаніе Россіи; меньшинство передъ ней ничтожно. Пора же уничтожить этотъ вредный, неестественный дуализмъ умственный и бытовой, эту, такъ сказать, аристократію мысли, знанія, просвѣщенія — въ меньшинствѣ, отрѣшенномъ отъ дѣла народнаго, и эту демократію невѣжества, суевѣрія и рутинны — въ громадныхъ массахъ работающаго люда, незнающаго и непонимающаго идей и теорій меньшинства. Если оставитъ это раздвоеніе въ обществѣ и на будущее время, то свѣтлой силѣ меньшинства будетъ постоянно противоdѣйствовать темная сила большинства, и всякое движеніе впередъ сдѣлается невозможнымъ. Не даромъ же масса, чернь и въ настоящее время такъ тупо, недовѣрчиво и даже насмѣшливо относится къ великимъ идеямъ науки и литературы, не понимая ихъ прямой, осязательной пользы для себя. Слѣдова-

тельно, проповѣдуя свои теоретическія идеи для развитія меньшинства, мы должны, въ то же время, скорѣе открывать и указывать и практическіе пути и способы для развитія и распространенія реального просвѣщенія въ рабочихъ массахъ. Для нихъ онъ столько же насущный, животрепещущій вопросъ, какъ и для лучшаго, мыслящаго меньшинства. Гдѣ же, въ чемъ искать средствъ и способовъ для развитія и распространенія естественно-научнаго реализма въ провинціальномъ большинствѣ? Объ этомъ мы скажемъ подробно дальше. Теперь же замѣтимъ только, что не идеалы и вообще не теоретическій путь, а экономическій утилитаризмъ есть, на первой порѣ, лучшій путь для того, чтобы мало по малу ввести рабочія массы въ естественно-научную область реализма. Умственное развитіе и просвѣщеніе массъ можетъ идти съ успѣхомъ только параллельно, одновременно съ реальнымъ, экономическимъ развитіемъ ихъ, съ улучшеніемъ ихъ матеріальнаго быта, съ реальнымъ, практическимъ показаніемъ имъ пользы естественно-научнаго просвѣщенія на дѣлѣ, въ практической жизни, въ ея дѣйствительныхъ вопросахъ и потребностяхъ. Для того, чтобы постепенно развить въ массахъ любовь и стремленіе къ естествознанію, имъ нужно на дѣлѣ раскрывать практическую пользу знанія природы и на опытѣ показывать примѣненіе ея къ ихъ экономическому быту. Идеалами и даже школами массы никогда или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно долго не ввести въ великій храмъ естественно-научнаго реализма. Для рабочихъ массъ лучшими проводниками и училищами реальныхъ идей и знаній скорѣе могутъ быть: 1) фабрики и заводы, устроенные на рациональныхъ, естественно-научныхъ основахъ, съ возможными естественно-научными училищами при нихъ, съ химическими лабораторіями, съ механическими и техническими заведеніями, съ естественно-научными библіотеками и проч. 2) Разнообразныя экономическія ассоціаціи, имѣющія цѣлью прилагать естественно-научныя знанія, идеи и теоріи къ усовершенствованію разнообразныхъ отраслей народной экономіи: ассоціаціи агрономическія, акклиматизаціонныя, скотоводческія, фабрично-заводскія или технологическія, ремесленныя и проч. Только такимъ утилитарно-образовательнымъ путемъ можно подновлять въ массахъ провинціальныхъ почву для полнаго, высшаго реального образованія, для водворенія въ ихъ темномъ міру естественно-научнаго реализма. Нѣтъ сомнѣнія, что работы этой хватить на нѣсколько вѣковъ, что для исполненія ея нужны во сто разъ большія силы, чѣмъ какими располагаетъ въ настоящее время Россія, но безъ этой страшной работы мы не выйдемъ изъ этихъ болотъ, надъ которыми бле-

стять блуждающіе огоньки, освѣщая собою непроглядную тьму и тину, лежащую на днѣ... Я даже думаю, что намъ надо отказаться отъ всякой роскоши образованія и прямо приступить къ тому, съ чего начинается умственная дѣятельность всякаго народа, — съ изученія окружающей его природы и разработки экономическаго быта. Вотъ почему популяризировать науку для насъ очень важно, потому что до сихъ поръ всѣ наши теоріи и идеалы носятъ внѣ дѣйствительнаго міра, внѣ рабочихъ массъ, для которыхъ знаніе есть реальная потребность и орудіе полезнаго народнаго труда. Удаляя большинство отъ участія въ нашемъ умственномъ прогрессѣ, мы будемъ заниматься бултыхо-болтательнымъ либерализмомъ, на фраззахъ, творить чудеса, а на самомъ дѣлѣ ничего путнаго не дѣлать.

Желая поговорить въ настоящихъ письмахъ о развитіи естественно-научнаго реализма вообще и въ частности въ Россіи, — я считаю нелишнимъ сначала бросить бѣглый взглядъ на нѣкоторыя другія теоріи, наиболѣе ясно высказавшіяся въ нашей литературѣ. Иногда ждешь-ждешь изъ Петербурга новыхъ книгъ и журналовъ, новыхъ матеріаловъ для работъ и, недождавшись ничего, невольно предашься грустнымъ воспоминаніямъ прочитанныхъ прежде журналовъ, назадъ тому годовъ за пять. Переберешь все, — и въ головѣ образуется хаосъ идей и теорій, знаменующихъ наши неопредѣленные литературныя партіи, большею частію даже сами для себя не обозначившіяся ясно-сознательно. Подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, не мало же было выдуманно и у насъ разныхъ теорій, и всѣ онѣ большею частью одна другую поглощаютъ или уничтожаютъ. Мы укажемъ на самыя главныя изъ нихъ.

II.

Первую теорію можно назвать *историко-юридическою*. Эта теорія по преимуществу старалась развивать, съ разныхъ точекъ зрѣнія, идею постепеннаго государственнаго развитія и благоустройства русскаго общества. Исходной и основной идеей ея была та мысль, что благосостояніе русскаго народа зависитъ отъ хорошихъ или правильныхъ государственныхъ учрежденій, отъ постепенныхъ политическихъ реформъ — административныхъ, юридическихъ, гражданскихъ, отъ либерально — преобразовательной дѣятельности и умѣ-

ренной опеки правительства. Лучшими представителями этой теории в литературѣ можно назвать Кавелина, Калачева, Бѣляева, Лешкова, Чебышева-Дмитріева, Муллова и проч. Чичеринъ проявился, въ этой категоріи писателей, типомъ ультра-государственного фанатизма, рьянымъ проповѣдникомъ строгой, систематической государственной уніи и централизаціи, или централизаціонно-бюрократическаго государственнаго пантеизма: «государство и народъ, по его метафизико-юридической доктринѣ, — одно и тоже, одно цѣлое, государство въ народѣ, народъ въ государствѣ» и т. п. Другіе писатели историко-юридическаго направленія пошли прямо въ разрѣзъ съ доктриной Чичерина, затвердили не объ абстрактной идеѣ государства, не о централизаціи, не о единствѣ государственномъ, не о сліяніи народа съ государствомъ, а о земствѣ, о народѣ, о земскомъ самоуправствѣ, саморазвитіи, самосудѣ и самоуправленіи, о децентрализаціи, о земскихъ сборахъ и объ областныхъ земскихъ собраніяхъ, объ общинахъ сельскихъ и городскихъ, и т. д. Въ томъ числѣ грѣшныя былъ и я: на эти темы я писалъ статьи въ «Вѣстѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ», даже въ «Очеркахъ». До изданія «Очерковъ» земство и земское саморазвитіе было моею *idée fixe*. Подъ земствомъ и земскимъ саморазвитіемъ я разумѣлъ всѣ сферы соціальнаго развитія, всю массу народа со всѣми ея этнографическими видоизмѣненіями, всю совокупность силъ народныхъ — умственныхъ и физическихъ, всѣ интересы и потребности народныя — умственные и экономическіе. Я защищалъ инициативу и самостоятельность силъ народа въ дѣлѣ его соціальнаго саморазвитія. Только при свободномъ и равномъ правѣ инициативы и самостоятельности всѣхъ силъ народныхъ, думалъ я, возможно было и могло начаться прогрессивное, здоровое и всецѣлое саморазвитіе народное — и умственное, и экономическое. Вѣря въ инициативу, самостоятельность земства, земскихъ, народныхъ, соціальныхъ силъ, — я вѣрилъ не только въ земскія собранія, въ земскіе банки и т. п., но и въ земскія реальныя училища, въ земскія реальныя гимназіи, въ земскіе реальныя университеты, академіи и т. д. Со времени изданія «Очерковъ», послѣ тяжелаго сознанія своего семинарскаго невѣжества и пустоты, послѣ сознанія въ своей головѣ совершеннаго отсутствія естественныхъ знаній, и послѣ болѣзненной работы и борьбы мыслей, — я сталъ думать, не по своимъ силамъ, о взаимодействіи и взаимно-отношеніи силъ и законовъ внѣшней, физической природы и силъ и законовъ природы человѣческой, о законахъ этого взаимодействія внѣшней и человѣческой природы, о проявленіяхъ ихъ въ исторіи, о значеніи ихъ въ будущемъ соци-

альномъ стрѣи и развитіи народовъ. Хотя я почувствовалъ все свое безсиліе на этомъ новомъ пути мышленія, но все же, сколько могъ, понялъ тогда, что какаѧ бы-то ни была, хоть бы самая совершенная абстрактная социально-юридическая теорія не прочна, произвольна, безъ единственно прочныхъ основъ—естественно-научныхъ, физико-антропологическихъ; потому что она ни что иное, какъ временный продуктъ измѣняющейся—отстающей или развивающейся—человѣческой мысли, временная и условная, слѣдовательно произвольная форма склада и настроенія нашихъ метафизическихъ, абстрактно-философскихъ идей и понятій о человѣкѣ, о его физиологическихъ и общественныхъ функціяхъ и отношеніяхъ, объ его соотношеніи съ внѣшнимъ физическимъ міромъ и проч. Всѣ юридическія теоріи, безъ теоріи строго-реальной и экономической, почти ничего не значать, не имѣютъ основы и почвы для своего осуществленія и не могутъ вести общества прямо къ главнѣйшей его цѣли—экономическому и умственному развитію и совершенствованію. Сколько бы ни придумывали наши либеральные публицисты самыхъ красивыхъ формъ государственнаго устройства, самыхъ стройныхъ юридическихъ системъ, — они никогда не улучшатъ умственнаго и экономическаго быта народа, если онъ грубъ, неразвитъ, суевѣренъ, невѣжественъ отъ того, что не знаетъ природы, и бѣденъ, неустроенъ, безсиленъ, пассивенъ тоже отъ того, что природы не знаетъ—ни внѣшней, физической природы, ни природы своей земли. Только въ области естествознанія и естествоиспытующаго разума, по мѣрѣ того, какъ будутъ уясняться силы и законы человѣческой природы и силы и законы природы внѣшней, только по мѣрѣ того, какъ будетъ изслѣдована и физиологія отдѣльнаго человѣка и физиологія социальная, только тогда возможно будетъ развитіе истиннаго, рациональнаго или естественно научнаго права. Всегда будутъ грубыя преступленія въ обществахъ, всегда будетъ страшный разладъ социальный, борьба интересовъ и страстей, всегда будетъ хаосъ социально-юридическій, — пока весь социальный строй обществъ не будетъ имѣть единственно прочной основы — естественно-научной разумности и законности, пока онъ не будетъ основанъ на всеобщемъ знаніи единственно точныхъ и непреложныхъ законовъ внѣшней, физической природы и законовъ природы человѣческой. Для этого надобно, чтобы естествознаніе просвѣтило общество, преобразовало все его міросозерцаніе, и было для нихъ центромъ всеобщаго тяготѣнія къ одной, всеобщей цѣли социальной — къ рационально-экономическому благоустройству и къ интеллектуальному совершенствованію въ борьбѣ съ природой.

Надобно, чтобы рациональная, естественно-научная экономія открывала всѣмъ равно всѣ кладовыя и мастерскія, всѣ фабрики, лабораторіи и магазины естественной экономіи, ея сязь и продукты.

Наконецъ, надобно, чтобы рациональная, естественно-научная экономія здоровья, гігіена и медицина, по возможности, энергично и разумно предотвращала или ослабляла паталогическое развитіе и направленіе человѣческаго организма, также сильно выражающееся въ разныхъ формахъ и симптомахъ социальнаго патологизма, въ развитіи преступленій, въ гибельной тратѣ человѣческихъ силъ и проч. Конечно, всѣ эти требованія въ настоящее время могутъ еще казаться идеальными, мечтательными. Но вѣдь и метафизическая философія права или абстрактная юридическая теорія тоже плодитъ свои идеалы, строитъ свои мечтательныя, метафизико-юридическія системы, быстро смѣняющіяся одна другою. Да притомъ же у нея вовсе нѣтъ прочной, реальной основы, на которой бы она основывала свои выводы. Одинъ юристъ беретъ въ основаніе англійскія идеи, другой — французскія, третій — нѣмецкія, четвертый — принципы римскаго права и т. д., и всякой, при этомъ, создаетъ свои теоріи, свою философію или метафизику права. И всѣ эти юридическія системы, не имѣя прочной, всеобщей, естественно-научно-реальной основы, быстро рушатся, смѣняются новыми системами, а эти опять новыми и т. д. При видѣ такой шаткости и непрочности юридическихъ основъ социальнаго развитія, очевидно, лучше начать хоть медленную, но единственно надежную работу на самыхъ прочныхъ — естественно-научныхъ основахъ. Тутъ ужъ зданіе не рухнетъ, хоть и медленно будетъ воздвигаться. Реальный, естественно-научный путь, хотя и многотрудный, но единственно-прямой и вѣрный.

Другая теорія, ясно высказанная въ нашей журналистикѣ—*экономическая*. По этой теоріи, сущность, цѣль и основа социальнаго развитія заключается въ экономическомъ благосостояніи всѣхъ классовъ общества. Лучшимъ выразителемъ этой теоріи былъ—переводчикъ и критикъ «Политической Экономіи Милля». Эта теорія сразу подорвала десятокъ теорій юридическихъ органическихъ, почвенныхъ, славянофильскихъ, классическихъ и т. п. На разныхъ языкахъ—славянофильскихъ, классически-англоманскихъ, русско-лѣтописныхъ, шумными, трескучими, высокоглаголивыми и всякими фразами трещали и трактовали мы о самоуправленіи, объ англійскомъ Selfgovernment, о необходимости возстановленія московской старины, излюбленнаго земскаго самоуправленія временъ Грознаго, о почвѣ,

объ органическомъ развитіи, о самопроникновеніи русскимъ духомъ даже о воспитаніи дѣтей по Несторовой лѣтописи и проч. и проч. И о чемъ мы не трещали и чего не словонизвергали? И гдѣ-то мы не искали счастья русскаго народа? Какихъ потребностей и необходимостей не насчитали мы для него, когда онъ вопилъ: нѣтъ денегъ, не знаемъ ремеслъ и промысловъ, нѣтъ работы, нѣтъ желѣза, нѣтъ соли, неурожай въ вологодской губерніи, неурожай въ пермской губерніи и т. п.! И вдругъ свѣтлая, здравая, рационально-экономическая критика и теорія возвѣстила намъ: Мареза, Мареза, печешься и молвишь о мнозѣ службѣ, едино же есть на потребу— прежде всего хлѣбъ насущный, прежде всего нужно, чтобы всѣ были сыты, обеспечены и довольны. Да, подумали мы, — и въ самомъ дѣлѣ вопросъ хлѣба есть вопросъ жизни и слѣдовательно мысли, литературы и науки. Отъ разрѣшенія его зависитъ разрѣшеніе всѣхъ другихъ соціальныхъ вопросовъ. Великіе реалисты-естественники, когда мы ихъ стали читать, подтвердили намъ эту истину. «Государственное устройство, говоритъ Либихъ, соціальныя и семейныя связи, ремесла, промышленность, искусство и наука, однимъ словомъ все, чѣмъ въ настоящее время отличается человѣкъ, обуславливается фактомъ, что для поддержанія своего существованія человѣкъ ежедневно нуждается въ пищѣ, что онъ имѣетъ желудокъ и подчиненъ закону природы, по которому долженъ необходимую для него пищу произвести изъ земли своими трудами и искусствомъ, потому что природа сама собою не даетъ ему или даетъ въ недостаточномъ количествѣ необходимыя питательныя вещества. Очевидно, что каждое обстоятельство, какимъ-нибудь образомъ дѣйствующее на этотъ законъ, усиливая или ослабляя его, должно обратно имѣть вліяніе на событія человѣческой жизни...» Да, пока существуетъ голодное человѣчество, пролетаріатъ, пауперизмъ, — возможно-ли, мыслимо-ли, чтобы желудочная машина чедовѣческой природы не была тяжелымъ тормазомъ человѣчества на пути его высшаго матеріальнаго и умственнаго движенія, а напротивъ служила безпрепятственнымъ естественнымъ локомотивомъ для живого, быстро прогрессивнаго движенія машины мозговой, для прогресса естествоиспытующаго разума. Доколѣ существуетъ голодное чедовѣчество, можетъ-ли каждый человѣкъ повѣть, что истинными титанами его должны быть будущіе Гумбольдты, Дарвины, Либихи, Уатты и т. п. великіе естествоиспытатели. А мыслимо-ли, возможно-ли, при теперешнемъ экономическомъ строѣ обществъ вообще и въ частности нашего русскаго, возможно-ли, чтобы не было бѣдныхъ, голодныхъ и слѣдовательно неразвивающихся людей? Ра-

рациональная экономическая теорія раскрыла намъ, что невозможно никакими историко-юридическими или административными мѣрами искоренить въ мѣрѣ голодъ и бѣдность, перестроить, преобразовать экономическій складъ общества, безъ единственно-могущей и преобразовательной силы—безъ рациональной, естественно-научной экономіи и организациі рабочихъ и производительныхъ силъ народа, безъ естественно-научныхъ ключей и руководствъ къ разнообразнымъ кладовымъ и мастерскимъ экономіи природы. И въ дѣйствительности все подтверждаетъ эту простую истину. Посмотрите, напримеръ, на нашъ громадный провинціальный людъ рабочихъ. Безъ свѣта и силы естествознанія, какъ жалкій червякъ, копошится онъ по разнообразнымъ областямъ естественной экономіи русской земли, отъ Карпатовъ до Камчатки. Повсюду онъ хлопочетъ изъ всѣхъ силъ только еще о первыхъ потребностяхъ организма — о пищѣ, одеждѣ, жилищѣ,—и все-таки ѣсть скудно, даже часто скверно и большею частію нездорово; пшеничный хлѣбъ и мясо, и то большею частію вонючее, ѣсть не всегда, а только по праздникамъ; жить въ избахъ и домахъ большею частію деревянныхъ, дрянныхъ, полуразвалившихся, грязныхъ и очень нездоровыхъ; при огромности и просторѣ мѣстностей изобильныхъ и здоровыхъ, весьма часто влечить жизнь бѣдственную и чахлую въ мѣстахъ скудныхъ всѣми жизненными дарами природы и заразительныхъ; одежду носить изъ самодѣльщины грубой и непрочной, ходить большею частію въ лаптяхъ, босикомъ и въ рубищахъ, и только по праздникамъ одѣвается въ чистыя рубашки. Въ качествѣ жалкаго пахаря, пастуха, охотника, рыболова, собирателя ягодъ, груздей и грибовъ, саранокъ, полевого луку, пучекъ и т. п. онъ въ потѣ лица и съ измуренными силами остается вѣчно рабомъ окружающей его природы. И все-таки, при всѣхъ хлопотахъ, нѣтъ у него хорошаго скота, а есть выродившіяся породы чахлой, тощей, слабосильной и паршивой животины и клячей, и то ежегодно истребляемыхъ страшными надежами; нѣтъ хорошихъ урожаевъ, и отъ неразумнаго расхищенія почвы они становятся все хуже и хуже, такъ что большинству земледѣльческаго населенія далеко не хватаетъ своего хлѣба на годъ, до новаго урожая; нѣтъ у него хорошаго приготовления и запаса разнаго рода продуктовъ животныхъ и растительныхъ. А какъ часто онъ, какъ червь, исчезаетъ подъ ударами физическихъ силъ, стихій и бѣдствій! Послѣ cadaго неурожая смертность увеличивается почти вдвое противъ обыкновенной. Въ 30 лѣтъ послѣдняго столѣтія, въ неурожайные года всегда умирало отъ 1,000,000 до 2,000,000 съ лишнимъ, тогда какъ обык-

новенно умирало по губерніямъ отъ 800,000 до 900,000 человѣкъ. О разрушительныхъ дѣйствіяхъ эпидемій въ Россію можно судить по 1848 году, когда, по отчету министра внутреннихъ дѣлъ, больных холерою было 1,686,849, а умершихъ отъ нея 668,012 чел. Гдѣ же, послѣ этого, искать помощи, спасенія и улучшенія народной жизни и дѣятельности въ области экономіи природы! Уже ли въ области историко-юридическихъ или чичеринскихъ идей! Рациональная экономическая теорія рѣшительно отвѣчаетъ: нѣтъ, помощь и спасеніе — единственно въ области естественно-научной экономіи, въ рациональной, естественно-научной дѣятельности разнообразныхъ техническихъ и экономическихъ ассоціацій, въ усиленіи труда и его средствъ, въ естественно-научной экономіи и гигиенѣ рабочихъ физическихъ и умственныхъ силъ народа и проч., и слѣдовательно въ области естествознанія. Да, въ естествознаніи скрывается тотъ искомый ключъ ко всѣмъ кладовымъ и мастерскимъ, во всѣмъ лабораторіямъ и фабрикамъ продуктивной и динамической экономіи природы, который ведетъ прямо въ область рациональной народной экономіи. Посмотрите далѣе на провинціи: что это за экономическій строй. Извѣковѣчная, гостомысловская и домостроевская старина и пошлина, отчина и дѣдина, отрицавшая естествознание, какъ бѣсовскую силу, пробавлявшаяся суевѣрнымъ, чернокнижнымъ, мнѣологическимъ міросозерцаніемъ, вездѣ положила и увѣковѣчила свои первобытныя, палеозоническія основы, слои и формы семейнаго, общественнаго и экономическаго строя, теперь достигшія до степени окаменѣлости. Повсюду, во всѣхъ рабочихъ массахъ эта гостомысловская и домостроевская старина и пошлина разъ навсегда намѣтила свои допотопныя, привычки и потребности, свои допотопныя пути и ухажиа промышленныя, свои допотопныя сферы, формы и обычаи труда, теперь закоснѣвшія до рутинной неподвижности въ крестьянской, мѣщанской и кучеческой практикѣ ремесленной, промышленной и торговой. Отъ времени родового быта, отъ Рюрика до послѣдняго новорожденнаго въ нашихъ рабочихъ классахъ отчина и дѣдина только и слѣдала, что передавала и продолжаетъ передавать грядущимъ поколѣніямъ эту допотопно-ветошный и жалко-нищенскій навыкъ труда; а между тѣмъ нарожденіе отъ нихъ дѣтей, приращеніе народонаселенія, хоть и вялое, медленное, все-таки идетъ впередъ, растетъ, далеко непропорціонально съ приращеніемъ новыхъ отраслей и способовъ труда, слѣдовательно — новыхъ, усиленныхъ источниковъ и условій обезпеченія. Возможно-ли тутъ, въ этомъ неподвижномъ омутѣ старины, допотопныхъ, рутинныхъ работъ, ремеслъ

и промысловъ, заколдованномъ отческимъ и дѣдовскимъ благословеніемъ и обычаемъ, возможно-ли тутъ живое экономическое движеніе, возможно-ли развитіе новыхъ и мощныхъ рабочихъ поколѣній, новыхъ и могучихъ силъ и средствъ труда, возможно-ли тутъ развитіе и распространеніе новыхъ видовъ, новыхъ сферъ и отраслей труда? Бородатая стариковщина твердитъ молодымъ рабочимъ поколѣніямъ: «что старо, то свято; что старѣе, то правѣе; что изстари ведется, то не минется; ветхое лучше есть.» Защитники славянофильскаго и такъ называемаго органическаго, историко-паутиннаго плетенія народнаго развитія, въ этомъ застоѣ старины и пошлыны видятъ жизненную силу и мощь Россіи. Не то вовѣстила намъ раціональная экономическая теорія. Она сразу потребовала радикальнаго возрожденія рабочихъ классовъ, и основала свою теорію на фізіологическихъ законахъ общества.

Далѣе, вотъ цѣлая половина Россіи, въ лицѣ женщинъ, нарождающихся, какъ извѣстно, въ наибольшей численности противъ мужчинъ, исповонъ вѣка, цѣлое тысячелѣтіе, оставалась и остается праздною, дармоѣдною обузою и потребительнымъ трутнемъ въ уляхъ мужскаго труда. Женщина, обладающая могучей силой обятельнаго и вдохновляющаго вліянія на умы и сердца мужчинъ, надѣленная отъ природы такими-же мозговыми и мускулярными силами, какъ и мужчина, только менѣе развивавшимися, вслѣдствіе вѣковаго неупотребленія, неизощренія, эксплуатаціи,—какой жалкій тормазъ въ экономическомъ прогрессѣ представляла она, въ своемъ заколдованномъ кругу семейнаго очага и терема! Она служила по древне-русскому выраженію, только *хотью* мужчины, нарождала, плодила дѣтей, и не производила ничего для развитія, обезпеченія и совершенствованія своего потомства. Если же въ низшихъ классахъ народа женщина была рабочей силой, то она была чисто рабочей скотиной, работала и страдала вовсе непропорціонально съ силами своей организаціи. Если такимъ образомъ въ извѣковѣчной эксплуатаціи женщины и ея силъ и дарованій погибла, утратилась, въ теченіи вѣковъ, огромная сумма рабочихъ силъ и прогрессивной дѣятельности, то, скажите, возможно-ли тутъ цѣльное, всестороннее, разнообразное и гармоническое развитіе экономическаго прогресса и благосостоянія обществъ? Экономическая теорія раскрыла намъ всю громадную, вопіющую невыгоду женскаго бездѣлья, всю эксплуатацію имъ мужскаго труда, подняла самые животрепещущіе и настоятельные вопросы о женскомъ трудѣ, объ обществѣ женскаго труда, о женскихъ рабочихъ ассоціаціяхъ и т. п....

Столько и множество других вопросов затрогивает и может затрогивать рациональная экономическая теория. После нашего эстетического самоуслаждения и самоуспокоения въ блестящихъ, но *натурныхъ* и непитающихъ стиховныхъ вертоградахъ Пушкина, после нашего эстетического самозабвения и самоуспокоения въ темныхъ безвоздушныхъ сферахъ мистико-мифологическихъ сновидѣній и галлюцинацій, среди романтическихъ балладъ, ундины, русалокъ и зефирокъ Жуковского, да въ Лермонтовскихъ умственныхъ и нравственныхъ пустыняхъ Демона и Печорина и т. п., — экономическая теория сразу спустилась на землю, въ реальный міръ, заговорила намъ тяжелыя, но дѣйствительно — поучительныя и дѣйствительно — нужныя и полезныя вещи, заговорила о хлѣбѣ, о работѣ, о рабочихъ классахъ, о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, объ организациіи труда, о рабочей платѣ и рентѣ, объ ассоціациахъ рабочихъ, о капиталѣ и богатствѣ, о пауперизмѣ и пролетаріатѣ, объ экономическомъ образованіи и проч. и проч.

Но и абстрактная, философская экономическая теория сама по себѣ еще не можетъ разрѣшить вопроса жизни и развитія человѣческихъ обществъ. Она только раскрываетъ ложь, ненормальность современнаго экономическаго строя обществъ и указываетъ болѣе или менѣе истинныя, рациональныя начала нормальнаго экономическаго развитія народа. Передѣлать же настоящій экономическій міръ она не въ силахъ. Главный недостатокъ этой теории по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что она сама еще не имѣетъ прочныхъ или достаточныхъ естественно-научныхъ основъ. Отъ того происходитъ главнымъ образомъ шаткость и даже произвольность многихъ экономическихъ теорій. Однѣ изъ нихъ, въ родѣ *System des Volkswirtschaft* — В. Рошера, поддерживаютъ старое экономическое вѣданіе, на историческихъ, традиціонныхъ основахъ и подставкахъ, нисколько не разбирая критически ихъ внутренней подгнилости и шаткости. Другіе, въ родѣ буржуазной политической экономіи Милля, исполнены современныхъ экономическихъ предрасудковъ, лжи и даже самыхъ нечестныхъ тенденцій и софизмовъ, порожденныхъ аномаліями и уродливостями средневѣковаго склада обществъ, на примѣръ — лордскимъ аристократизмомъ, буржуазіей, господски — лордскимъ и буржуазнымъ презрѣніемъ къ рабочимъ классамъ и разными формами и видами тунеядства. Третьи, въ родѣ Мальтусовой теории, проповѣдуютъ аристократически-фаталистическій взглядъ на пропорціональное отношеніе естественной и народной экономіи и производительности, проповѣдуютъ, во имя непонятныхъ, неизвѣданныхъ силъ и законовъ эко-

номии и продукціи природы, вѣчный пауперизмъ, пролетаріатъ и голодную смерть рабочимъ классамъ, какъ законъ природы, а не какъ исторически-соціальное нарушение его, не какъ историческую аномалію противъ законовъ естественной экономіи и продукціи. Во многихъ экономическихъ теоріяхъ логическій методъ, методъ абстрактнаго, отвлеченнаго рациональнаго соображенія и разсужденія, безъ прочныхъ естественно-научныхъ основъ, доходитъ нерѣдко до пустыхъ схоластическихъ отвлеченностей, оставляя между тѣмъ безъ разрѣшенія живые и существенные вопросы общественной экономіи. Экономическая жизнь и дѣятельность, экономическое развитіе личностей и обществъ суть по-преимуществу такія реально-жизненные сферы, гдѣ дѣятельность, интересы и потребности человѣка и общества всего болѣе и даже всецѣло связаны съ силами, законами, продуктами и разными сферами физической экономіи. Вѣщество въ разныхъ органическихъ и неорганическихъ комбинаціяхъ— есть матеріалъ для экономическихъ процессовъ, операцій и производствъ. Силы и законы природы суть могучіе факторы въ этихъ экономическихъ функціяхъ и актахъ. Слѣдовательно, знаніе природы есть первый, главный, существеннѣйшій экономическій факторъ и могучая сила, которой одной предстоитъ преобразовать соціально-экономическій міръ. Бѣдность и богатство суть историческія аномаліи умственного отношенія людей къ экономіи природы, патологическія явленія интеллектуально-экономическаго развитія челоѣчества, обусловленные прежнимъ, изначальнымъ бевсиліемъ челоѣческаго разума въ области экономіи природы, всеобщимъ и совершеннымъ незнаніемъ ея. Они не сообразны ни съ нормальнымъ развитіемъ и естественнымъ назначеніемъ интеллектуальныхъ силъ и способностей челоѣческаго разума, ни съ естественнымъ назначеніемъ, содержаніемъ и распределеніемъ экономіи природы. Открытой— равно для всѣхъ и даже открывающей самыя пути и средства для всеобщаго и повсемѣтнаго обмѣна своихъ богатствъ, на примѣръ, въ системѣ рѣкъ и морей, въ силѣ пара. Бѣдность исторически развилась и утвердилась въ мірѣ отъ того главнымъ образомъ, что исторически господствовало и наказывало людей самое величайшее изъ золъ— незнаніе природы и ея экономіи. Чуть исыкалъ, издерживался одинъ естественный источникъ жизненныхъ средствъ, выбивались или убѣгали изъ охотничьяго пространства звѣри, или истощался данный клочокъ почвы, а новый разработать не было силы или умѣнья. — челоѣкъ становился бѣднымъ, потому что не зналъ, чѣмъ воспользоваться въ богатой и разнообразной экономіи природы, кромѣ натурального звѣроловнаго глѣ-

са или кромѣ даннаго клочка земли. Сильный отнималъ у слабого послѣднія средства жизни, — и слабосильный становился отъ того бѣднымъ, потому что не зналъ ключа къ другой кладовой физической экономіи, откуда бы могъ добыть новыя средства обезпеченія и даже обогащенія и т. п. Такъ, если разобрать до основанія, — бѣдность во всѣхъ отношеніяхъ является историческимъ результатомъ незнанія экономіи природы. И доселѣ мы терпимъ нищету, недостатокъ пищи, одежды и жилища отъ того, что не умѣемъ въ достаточномъ количествѣ извлекать изъ экономіи природы средства жизни и богатства, не умѣемъ заставлять силы и законы физической экономіи обезпечивать и обогащать насъ, не знаемъ въ обширной, богатой и разнообразной экономіи природы ни разныхъ сокровенныхъ источниковъ и материаловъ для пищи, одежды и жилища, ни тѣхъ секретовъ, кладовъ и сокровищъ природы, которые могли бы всѣхъ насъ равно обогащать, если бы, напримѣръ, химія, технология и другія естественныя науки всѣмъ намъ въ одинаковой степени открывали ихъ. Точно также богатство, въ историческомъ и современномъ его происхожденіи и видѣ, есть положительно историческій результатъ прежняго всеобщаго отсутствія естественныхъ знаній. Сила, оружіе, война, грабежъ, обманъ, воровство и непосредственно-натуральное расхищеніе экономіи природы — земной, лѣсной и водной или растительной и животной — вотъ первоначальныя источники богатствъ въ обществахъ, какъ это всякій знаетъ, кто слѣдилъ за первоначальной исторіей народовъ. Силачъ, богатырь, воинъ-дружинникъ, конунгъ, предводитель воинственныхъ племенъ постоянно больше другихъ захватывали въ экономіи природы разныхъ угодій — земельныхъ, лѣсныхъ, водныхъ и проч. и кромѣ того постоянно отбирали жизненные средства у слабыхъ; мирныхъ или невоинственныхъ людей, у плѣнныхъ, и т. п., точно также воръ, разбойникъ, обманщикъ или обаянникъ, въ родѣ вѣдуна, волхва, жреца, постоянно отбирали имущество у оплошныхъ, беззащитныхъ, слабоумныхъ, легкомысленныхъ, легковѣрныхъ и простаковъ. А почему? Именно потому, что всѣ эти сильные и хитрые люди сами не знали наиболѣе выгодныхъ и богатыхъ сокровищъ въ общей, никѣмъ незанятой и незнаемой экономіи природы, не знали честныхъ и мирныхъ, естественно-научныхъ способовъ обогащенія. Подобный принципъ обогащенія или историческаго развитія богатствъ господствовалъ и у насъ въ теченіи всей нашей исторіи — и до крѣпостнаго права или помѣщичьяго насилія, и до московскаго казеннаго праведжа, и послѣ... И проявлялся и господствовалъ этотъ принципъ въ разныхъ формахъ — и духовныхъ, и

военныхъ, и приказныхъ. Исторія нашей экономической жизни даже какъ-то особенно богата поразительными фактами и доказательствами этого историческаго принципа происхожденія богатствъ. И доселѣ развѣ не господствуетъ еще подобная система обогащенія даже въ самыхъ первобытныхъ, грубѣйшихъ формахъ. Намъ доводилось слышать не разъ отъ купцовъ-старожиловъ такое увѣрѣніе, основанное на фактахъ, что большая часть нашихъ купцовъ и богачей положили основаніе своему богатству какими нибудь неправдами, даже воровствомъ. Да кто же притомъ не знаетъ, что большая часть богатствъ, обращающихся въ современной нашей торговлѣ и промышленности, суть вовсе не результатъ естественныхъ знаній и открытій или рациональнаго труда, а ловкій, утонченный обманъ, грабежъ и обирательство публики, легко и пассивно поддающейся всякому обману, вслѣдствіе ея невѣжества. Богатство, напримѣръ, русскихъ невѣжественныхъ и старовѣрческихъ бородачей-купцовъ — это ничто иное, какъ высшая степень грубаго инстинктивнаго животнаго довольства, подобнаго довольству козла въ богатомъ огородѣ. И способность накопленія подобнаго богатства есть ничто иное, какъ только высшая степень безсознательнаго животнаго экономическаго инстинкта. Элементъ разсудочности и сообразительности, проявляющійся въ экономическихъ способностяхъ такого наживалы-человѣка, еще нисколько не отличаетъ этотъ экономическій инстинктъ человѣка отъ животнаго инстинкта матеріальнаго самообезпеченія. Потому что и животныя не лишены силы сообразительности (*intelligence*, Fr. Cuvier). «По выраженію Петра Губера,—говоритъ Дарвинъ — малая доза разсудка или разума часто примѣшивается къ дѣйствіямъ животныхъ, даже низшихъ. И у нихъ есть самыя дивныя инстинкты, напримѣръ — строительный инстинктъ пчелы, труженическаго и рабовладельческаго инстинктъ многихъ муравьевъ. И у нихъ есть прогрессъ въ промышленномъ инстинктѣ. Всякія легкія уклоненія и видоизмѣненія въ инстинктѣ, приносящія пользу виду, выгодныя въ его физиологической экономіи, въ трудѣ самообезпеченія, сохраняются дѣйствіемъ естественнаго подбора и развиваются наследственно. Постоянное жизненное соприкосновеніе съ разными физическими предметами, силами и условіями и самыя видоизмѣненія физическихъ отношеній и жизненныхъ условій невольно научаютъ ихъ поступать иначе, уклончиво противъ прежнихъ привычекъ, и такимъ образомъ инстинктъ ихъ, съ каждымъ новымъ выгоднымъ видоизмѣненіемъ, мало по малу пріобрѣтаетъ новую способность жить и промышленно въ опредѣленной сферѣ естественной эконо-

ши. А многимъ ли отличается отъ этого наследственнаго, потомственного развитія инстинктовъ животныхъ историческое, рутинно-традиціонное развитіе экономическаго инстинкта челоуѣка, неруководимаго естественно-научнымъ смысломъ? Приобрѣтательный инстинктъ нашихъ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ есть рѣшительно инстинктъ животно-промышленный, наследственно развитый и переданный отъ *отчины и дѣдины* домостроевскихъ временъ, отъ *лютей московскихъ, отъ житыхъ людей и мужиковъ новгородскихъ*. Какъ животно-промышленный инстинктъ, унаслѣдованный отъ предковъ домостроевскихъ временъ, отъ отчины и дѣдины,—онъ и въ нынѣшней приобрѣтательной практикѣ упорно сохраняетъ привычки старины, отчины и дѣдины. И въ этомъ отношеніи онъ опять похожъ на инстинктъ животныхъ. «Какъ при повтореніи давно знакомой пѣсни,—говорить Дарвинъ,—такъ и въ инстинктивной дѣятельности одно дѣйствіе слѣдуетъ за другимъ какъ-бы ритмически; когда челоуѣка прерываютъ среди пѣсни, или среди повторенія рѣчи, выученной наизусть, онъ часто принужденъ начать съизнова, чтобы снова попасть въ привычную колею. II. Губеръ наблюдалъ совершенно подобныя явленія надъ гусеницею, соорудившею себѣ очень сложный гаймакъ. Когда гусеница была взята изъ гаймака, достроеннаго, на примѣръ, до третьяго стадія, и переносилась въ гаймакъ, доведенный до шестого, такъ-что избавлялась отъ значительной доли труда, то вмѣсто того, чтобы сознавать это облегченіе, она приходила въ крайнее замѣшательство, и для того, чтобы окончить гаймакъ, по видимому, принуждена была начать съ третьяго стадія, на которомъ ее прервали, и пыталась передѣлать то, что уже было окончено». Не точно ли такая машинальность господствуетъ и въ нашихъ экономическихъ операціяхъ, основанныхъ на рутинной традиціи и застарѣлой, упорной привычкѣ—держаться старины, не смотря ни на какія нововведенія и улучшенія. Да, наши рабочіе, промышленные классы—крестьяне, мѣщане и купцы—также инстинктивно тяготеютъ къ своему извѣковѣчному земскому строеню, къ первобытнымъ, изстариннымъ стадіямъ своихъ гаймаковъ — къ своей привычной, рутинной колѣй ремесленной и промышленной, къ своимъ обычнымъ, стариннымъ приемамъ промышленнымъ, и съ упорной привычкою—возвращаются къ этимъ своимъ старымъ стадіямъ промышленнымъ, въ то время, когда естествоиспытующій умъ европейскій давно уже довелъ строеніе этихъ гаймаковъ—разныхъ отраслей, процессовъ и способовъ промышленности—до высокихъ степеней совершенства и прогресса: на примѣръ,

машинность инстинктивную, традиционную, навѣковѣчно-рутинную давно онъ уже замѣнилъ, въ облегченіе рабочихъ классовъ, машинностью физической, динамической, механической. Возьмемъ два-три примѣра этой машинальной инстинктивности земскаго строенія и экономическихъ операций нашихъ промышленныхъ классовъ. Оторвите, на примѣръ, русскихъ промышленниковъ—крестьянъ, ремесленниковъ, торговцевъ отъ ихъ старыхъ пепелищъ, отъ ихъ отцовскихъ и дѣдовскихъ стадій гаймаковъ—домоустройства, ремеслъ и промысловъ, и пересадите ихъ куда-нибудь на новую землю, на примѣръ въ Сибирь: они и тамъ возвратятся въ своимъ первобытнымъ стадіямъ гаймаковъ, не смотря на различіе климата и всѣхъ мѣстныхъ физическихъ условій, и тамъ будутъ такъ же, какъ и въ старину, ставить свои починки на лѣсахъ, на новѣ, построить такіа же избенки, дворы, амбары, бани, овины и проч., сдѣлаютъ такіе же допотопныя сохи и бороны, такіе же домостроевскіе красна, такіе же телѣги и сани, словомъ все то же, что испоконъ вѣка, отъ временъ гостомысловскихъ или домостроевскихъ дѣлали ихъ отцы и дѣды на ихъ старомъ пепелищѣ. Напрасно натуралисты будутъ указывать имъ на новые, наиболѣе выгодныя, по мѣстнымъ условіямъ, стадіи или отрасли промышленности, какъ, на примѣръ, Радде указывалъ забайкальскому населенію. Они не догадаются, не сознаютъ, что на новомъ мѣстѣ, въ новой области естественной экономіи было бы выгоднѣе и легче обрабатывать то, что въ особенномъ изобиліи даетъ мѣстная природа, на примѣръ—добывать и обрабатывать какіе-нибудь минеральныя, химическія, растительныя и животныя продукты; или предпринять то, что особенно вызываютъ мѣстные географическія условія, на примѣръ, разведеніе и улучшеніе породъ скота для мяса и упряжи, или же что особенно нужно по мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ поселеній народныхъ, на примѣръ—устройство мастерскихъ всякаго рода—столярныхъ, слесарныхъ, кузницъ, фабрикъ и заводовъ стеклянныхъ, фарфоровыхъ и вообще гончарныхъ, кожевенныхъ, салотопенныхъ, стеариновыхъ, или сально-свѣчныхъ, полотняныхъ, суконныхъ и проч. и проч. Нѣтъ, они, какъ гусеницы, инстинктивно будутъ доживать и въ своей новой колоніи старыя стадіи гаймаковъ—свое старое, изстаринное, домостроевское зданіе. Оттого и выходитъ каждая русская колонія въ Сибири такимъ стереотипнымъ слѣпкомъ, на примѣръ великороссійскихъ поселеній, и вообще точнымъ, неизмѣннымъ продолженіемъ и повтореніемъ до-петровскихъ, домостроевскихъ типовъ и формъ хозяйства. Въ частности, возьмемъ примѣръ изъ практики промышленной. Съ XVI или XVII вѣка,

въ некоторыхъ мѣстности напримѣръ ярославской губерніи спеціально занимаются у насъ льняною промышленностью, полотняными пздѣ-
-ліями. Многія деревни тольکو и заняты ткацтвомъ: каждый ткачъ
научить и научить ремеслу своего сына и, достигнувъ самъ по-
-вѣстныхъ лѣтъ, перестаетъ работать и мѣсто его заступаетъ сынъ.
Какъ отцы и дѣды обрабатывали полотно, также — и сыновья и
внуки. Обработка самая первобытная и неудовлетворительная. Нѣтъ
ни хорошихъ ткацкихъ станковъ, не знаютъ ни процесса опали-
-валиа или проведенія тканей по цилиндрамъ, сильно нагрѣтымъ
и стигающимъ ворсъ, ни процессовъ химическаго (спиртового) бѣ-
-ленія посредствомъ хлора и т. п. Бѣленіе и аппретура полотень
производятся до-петровскимъ и потому самымъ неудовлетворитель-
-нымъ образомъ: для ускоренія процесса бѣленія, во многихъ мѣстахъ
употребляютъ, напримѣръ, известь, безъ всякаго разбора, знанія
и безъ необходимыхъ раціональныхъ предосторожностей: известь
сѣдаетъ ткань, и полотно часто распадается въ лоскутья. Зло и
вредъ очевидны. Но извѣковѣчная, отъ отцовъ и дѣдовъ наслѣ-
-дованная инстинктивная привычка къ старымъ стадіямъ гаймака—
въ стариннымъ приемамъ и обычаямъ льняной промышленности,
при отсутствіи необходимыхъ, раціональныхъ, техническихъ знаній,
до того сильна и упорна, что сколько ни показывали, напримѣръ,
крестьянамъ ярославской губерніи полотняныя бѣлильни, съ заве-
-деніями для аппретуры полотень, устроенныя по образцу бель-
-фельдскихъ, что въ Вестфаліи, — льнопромышленники и ткачи эти
упорно возвращались къ своимъ старымъ стадіямъ гаймаковъ —
продолжали работать по своимъ старымъ рутиннымъ приемамъ.
«Это объясняется, какъ замѣчаетъ бывшая по этому поводу ком-
-миссія, двумя обстоятельствами: во-первыхъ, земледѣльческое на-
-родонаселеніе наше не любитъ вообще никакихъ улучшеній, измѣ-
-няющихъ старые обычай и приемы, къ которымъ оно привыкло съ
давнихъ временъ, а во-вторыхъ, обыкновенное бѣленіе и аппре-
-тура производятся бабами, съ помощью столь простыхъ снарядовъ
и способовъ, что операціи эти не влекутъ за собою почти ника-
-кихъ расходовъ. А расходы на усовершенствованіе бѣленія, хоть
и самые ограниченныя (Карновичъ—устроитель бѣлильнь въ ярос-
-лавской губерніи взялся было познакомить крестьянъ съ выгодами
раціональныхъ приемовъ бѣленія за самую ничтожную цѣну), со-
-ставляютъ въ глазахъ ихъ все-таки новую издержку, на которую
они не могутъ смотрѣть равнодушно. Что же касается до пред-
-стоящихъ имъ въ будущемъ существенныхъ выгодъ отъ выпуска

въ продажу полотень въ болѣе удовлетворительномъ видѣ, то, по недостатку предусмотрительности, они еще не въ состояніи понять этихъ выгодъ» (1). Возьмемъ другой примѣръ изъ экономіи питательныхъ продуктовъ. Что, напримѣръ, можетъ быть нужнѣе и полезнѣе въ сельскомъ хозяйствѣ разведенія картофеля, какъ необходимаго суррогата во многихъ губерніяхъ, терпящихъ недостатокъ въ зерновомъ хлѣбѣ, какъ хорошаго кормового средства для скота, какъ нужнѣйшаго матеріала для многихъ отраслей промышленности, напримѣръ—для куренія водки, на приготовленіе патоки, крахмала и проч. Нѣтъ, однакъ, рутинная старина, предпочитавшая, по словамъ Олеарія, даже мясной пищѣ рѣпу, рѣдку, капусту и другіе овощи, съ тухлой, вонючей рыбой, привыкшая къ огородничеству только въ предѣлахъ «Домостроя», — эта сѣдая старина подняла «картофельные бунты»: и семь или даже десять милліоновъ старовѣровъ доселѣ твердятъ, что картофель—чортово прозябаніе, что разводить и ѣсть его грѣхъ—отцы и дѣды не знали и не благословили, и доселѣ упорно продолжаютъ сѣять только рѣпу, рѣдку, капусту и прочія овощи стариннаго, допетровскаго огородничества. А если мы заглянемъ на наши фабрики и заводы всѣхъ видовъ, взглянемъ на различныя операціи обработки продуктовъ минеральныхъ, растительныхъ и животныхъ, то вездѣ увидимъ тоже преобладаніе инстинктивной, рутинной привычки, надъ естественно-научной изыскательностію. Вездѣ, на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ доморощенныхъ русскихъ промышленниковъ, издавна-унаслѣдованная привычка къ старымъ рутиннымъ приѣмамъ и способамъ фабричныхъ операцій мѣшаетъ развитію промышленности и замедляетъ успѣхи нововведеній и улучшеній, основанныхъ на естественно-научныхъ опытахъ и данныхъ. Вотъ, напримѣръ, при изобиліи пастбищъ и скота, при существованіи особыхъ скотоводческихъ народовъ на русской землѣ, коекакъ издавна устроились и распространились въ Россіи кожевенныя фабрики и заводы. Имъ ли бы не научиться, напримѣръ, рационально, по правиламъ технологической науки, обрабатывать кожи—снимать, дубить и проч. Технологи, хоть въ родѣ Кибера, показали, какъ нужно рационально вымачивать кожи въ чанахъ, нагрѣваемыхъ паромъ, въ легкомъ растворѣ извести. Относительно дубленія, самымъ лучшимъ изъ новѣйшихъ средствъ найдено употребленіе дубильнаго вещества въ растворенномъ видѣ, т. е. въ видѣ щелоковъ, приготовляемыхъ изъ смолистой коры, въ ко-

(1) Тенгоборскаго, о производт. силахъ, ч. II, стр. 2, стр. 166.

торше погружаются шкуры и обрабатываются съ помощью механическаго аппарата, облегчающаго и ускоряющаго эту операцію. Нѣтъ, однакожъ: наши патріархальныя доморощенные кожевники и доселѣ пробаваютъ старыми древнѣйшими и вредными способами отдѣлки кожъ. Напримѣръ, для снятія волосъ со шкуръ мочатъ ихъ въ известковомъ растворѣ, что крайне вредитъ имъ; при дубленіи употребляютъ сѣрную кислоту, которая тоже часто оставляетъ на нихъ слѣды своего разрушительнаго вліянія, и т. п. Деревенскіе же кожемаки и кожевники держатся еще болѣе старыхъ и рутинныхъ пріемовъ обработки кожъ, наслѣдованныхъ отъ хамовниковъ и кожевниковъ древней Московіи. Инстинктивно-рутинное, бессмысленное хозяйничанье наше въ области экономіи природы иногда доходитъ до крайней степени бессмыслія, недогадливости и несообразительности. Напримѣръ, народъ напѣ, въ ущербъ своимъ рабочимъ силамъ, весьма мало потребляетъ мяса: всего приходится на человѣка около 27 фунтовъ, тогда какъ въ Англіи больше 162 ф. Между тѣмъ на югѣ и юговостокѣ Россіи огромныя, изобильныя пастбища и обширное скотоводство: кочуютъ даже цѣлыя орды, специально скотоводческія. Почему бы не сознать экономической выгоды и не догадаться устроить тамъ, въ области скотоводства, заведеній для соленія мяса и для развитія торговли солонинной. Нѣтъ: скота разводятъ тамъ множество, большею частію по азіатскимъ рутиннымъ обычаямъ, безъ всякой заботы объ улучшеніи породъ, скотъ бьютъ и продаютъ на убой, а солить мясо для себя и на продажу не умѣютъ и не хотятъ или не думаютъ поучиться. Между тѣмъ ужасно представить, какую говядину ѣсть наше простонародье лѣтомъ тамъ же, въ южно-русскихъ и сибирскихъ скотоводческихъ областяхъ—протухлую, гнилую, даже съ червями. Долго ли и трудно ли бы достать и употребить въ дѣло хоть сѣверо-американскія раціональныя правила соленія и сохраненія мяса соленаго. Нѣтъ никто объ этомъ не догадается, хотя тутъ не нужно никакихъ особенныхъ издержекъ, а польза и выгода, между тѣмъ очевидная. Наконецъ, въ тѣхъ сферахъ промышленности, гдѣ требуются особенно трудныя, специальныя естественныя знанія, напримѣръ знаніе химіи, тамъ особенно обнаружилась пассивность и отсталость русскаго промышленнаго смисла. Такъ, напримѣръ, въ производствѣ химическихъ продуктовъ. «Хотя это послѣднее, замѣчаетъ Тенгоборскій, и составляетъ вспомогательную фабрикацію для всѣхъ отраслей промышленности, успѣхи его не могли однакожъ быть быстры, потому что оно требуетъ отъ занимающихся имъ разнообразныхъ теоретическихъ и практическихъ

свѣденій въ химіи и постояннаго занятія ею, дабы имѣть возможность слѣдить за всѣми ея успѣхами, а это не такъ легко. Въ теченіи послѣдняго полутождствія наука эта подверглась разнообразнымъ измѣненіямъ, вслѣдствіе множества сдѣланныхъ въ ней открытій, которыми она продолжаетъ обогащаться и поминѣ. Этимъ объясняется медленность успѣховъ въ Россіи производства химическихъ продуктовъ. Тамъ, гдѣ особенно требуется естественный умъ, тамъ особенно обнаруживается и малоразвитость, слабость, отсталость русскаго промышленнаго смысла. И тутъ старая, слѣпая привычка и близорукость мѣшаетъ и противится полезнѣйшимъ и удобнѣйшимъ нововведеніямъ. Напримѣръ, добычаніе поташа, по старой до-петровской привычкѣ, безошибочно жечь лѣса, доселѣ сопровождается у насъ истребленіемъ лѣсовъ, тогда какъ Рейманъ давно указалъ на способъ сжиганія у насъ, картофельной травы для поташа, съ большою выгодною, и тогда какъ поташъ съ выгодною можетъ быть замѣненъ при мыловареніи, бѣленіи тканей, крашеніи и набиваніи ситцевъ и въ стежляномъ производствѣ, содою, составляющею у насъ отбросъ при добываніи соляной кислоты, и содержащагося въ изобиліи въ растеніяхъ озерныхъ, при каспійскихъ и солончаково-степныхъ (*). И тутъ сколько еще бываетъ борьбы съ рутинной и невѣжествомъ. Напримѣръ, когда заводчикъ Шиповъ открылъ сѣрный колчеданъ въ костромской губерніи, въ уѣздахъ: галичскомъ, кологривскомъ, кинешемскомъ и макарьевскомъ и, по случаю вздорожанія сѣры, сталъ его употреблять на своихъ химическихъ заводахъ, крестьяне обнаружили недовѣріе къ его изслѣдованіямъ. Онъ старался внушить крестьянамъ, чтобы они собирали сѣрный колчеданъ, для чего давалъ имъ образцы, указывалъ, гдѣ и какъ собирать, и предлагалъ возить его на заводъ для продажи. Но всѣ увѣщанія его ни къ чему не послужили: крестьянамъ странно казалось, что онъ ищетъ самъ колчеданъ и учитъ ихъ собирать его, и съ какимъ-то недовѣріемъ смотрѣли на это. И только впоследствии выгода сбора и сбыта колчедана на химическіе заводы, наконецъ, научила ихъ добывать его. Такъ рутинныя привычки непосредственно натурального пріобрѣтательнаго инстинкта, чуть выводились изъ старой обычной колеи промышленной, то немедленно возвращались въ эти колеи и крѣпко держались ихъ, или обнаруживали слѣпую инстинктивность, рутинно-наслѣдственную обычность и заведенность.

(*) На который указалъ еще Лепехинъ.

промышленных дѣйствій, съ совершеннымъ отсутствіемъ экономической рациональности.

Такъ все зло, весь источникъ или корень аномальнаго, патологическаго развитія и направленія или рутиннаго застоя экономической жизни людей заключается въ *незнаніи*, въ незнаніи силъ, законовъ и данныхъ великой экономіи природы, въ отсутствіи истинныхъ реальныхъ знаній. Дололь господствуетъ незнаніе природы, силъ, законовъ и продуктивнаго содержанія естественной экономіи, до толъ экономическія потребности человека ограничены, часто даже ложны и вредны для него самого, до толъ трудъ человека нерационаленъ, ограниченъ въ сферахъ и отрасляхъ, непостояненъ, недостаточенъ для самыхъ рабочихъ классовъ, непродуцителенъ или мало, должно и даже вредно производителенъ.

Незнаніе природы есть червь, невидимо, незамѣтно, а иногда и явно, но всегда и непремѣнно подтачивающій основы, благоустройство и здоровое развитіе общества. Азіятскія номады, охотничьи племена, азіятскія имперіи, Турція, Испанія и т. п., на яву исторіи, подтачивались и подтачиваются, въ самыхъ основахъ своихъ, этимъ неумолимо-сокрушительнымъ червемъ — незнаніемъ силъ и законовъ природы. Незнаніе природы вездѣ и всегда создавало только рабовъ — рабовъ самой природы и рабовъ всякой человеческой силы — силы мускуловъ, силы хитрости и ума, силы обмана и обаянія, силы богатства, силы власти и деспотизма, силы — силы политической, военной, экономической, буржуазной, религіозной и т. п. По незнанію силъ, законовъ и экономіи природы человекъ былъ безсознательнъ, невѣжественъ, суевѣренъ, бѣденъ, безсиленъ, и потому легко поддавался силѣ и могуществу природнаго умственнаго превосходства, богатства, мускульнаго преимуществва, хитросплетеннаго обмана и проч. Изъ рабовъ природы всегда легко было сдѣлать рабовъ политическаго деспотизма, — стоило только, пользуясь ихъ рабствомъ, пассивностью и безземлемъ въ области природы, покорить ихъ силой мускулярной, вооруженной, изъ бѣдныхъ и слабыхъ сдѣлать еще бѣднѣйшими и слабѣйшими, оторвать отъ самостоятельнаго труда и заставить повиноваться, работать и служить себѣ. Равнымъ образомъ, изъ рабовъ природы легко было сдѣлать рабовъ касты, — стоило только, пользуясь ихъ незнаніемъ природы, страхомъ и рабствомъ передъ грозными и таинственными силами природы, устрашить, застрашать грозными, необычайными и непонятными физическими явлениями — громомъ и молніею, затмѣніемъ солнца, землетрясеніями,

неурожаями и т. п., толкая их хитроумно, обманчиво и устрашающе для массы.

В мутной водѣ легко было рыбу ловить. Сила обаятельнаго вліянія вѣдуна, волхва и жреца, и происходящая оттуда вліятельность, авторитетность и власть потому только были возможны, что всѣ подобныя обманщики массы, по незнанію силъ, законовъ и экономіи природы, не знали другихъ источниковъ доходовъ; кромѣ легкаго обмана легковѣрныхъ массы, не знали разумно-выгодной дѣятельности въ области экономіи природы. Они не знали и не понимали дѣйствительныхъ тайнъ, секретовъ и чудесъ природы, и потому выдумывали свои тайны, чудеса и фокусы ради выгоднаго для нихъ обмана массы. Выѣто фокусовъ и обмановъ, они не могли раскрывать и возвыщать массама великія естественныя истины, дѣлать дѣйствительно-дивныя и могущія открытія въ области силъ и законовъ природы и, вслѣдствіе того, не могли имѣть истиннаго и могучаго умственнаго вліянія на массы, и прибѣгали къ магіи, къ волшебству, къ фокусамъ и мистеріямъ разнаго рода. Сила богатства и происходящая оттуда вліятельность и власть также отъ того только были возможны, что богатые классы, или случайно, или вслѣдствіе наибольшаго практическаго ума и опытности, нахватавши больше другихъ разныхъ благъ въ готовой экономіи природы, или силой награбивши ихъ у безсильныхъ, слабыхъ и оплошныхъ людей,—и потомъ употребляли свои богатства или на новое, дальнѣйшее расхищеніе экономіи природы, или на дальнѣйшій грабежъ, эксплуатацію и закабаленіе классовъ бѣдныхъ, слабыхъ, рабочихъ. Не зная и не умѣя познавать экономію природы, они не могли имѣть на массы интеллектуально-экономическаго вліянія, не могли поучать ихъ своимъ примѣромъ, какъ надо разумно открывать, извлекать и употреблять естественныя матеріалы и данныя для накопленія богатства. А вслѣдствіе того, умѣя только безразсудно расхищать экономію природы, они богатыма запасомъ произведеній, необходимыхъ для пищи, одежды и жилищъ, умѣли только привлекать, закабалять и поработать себѣ массу людей голодныхъ и бѣдныхъ. Они не понимали богатства, какъ взятаго въ экономіи природы займа, средства и силы для рациональной, естественно-научной обработки и фабрикаціи сырыхъ матеріаловъ и продуктовъ природы, для искусственнаго воспроизведенія, усовершенствованія и разнообразнаго примѣненія естественныхъ произведеній, для открытія и разнообразнаго экономическаго примѣненія силъ и законовъ естественной экономіи. И потому, не зная такой разумной дѣятельности, полезной и для

себя и для массъ, они только поработали и эксплуатировали бѣдные классы, просившіе у нихъ работы, пища, одежды и жилища. Наконецъ, мускулярная сила, сила воина опять потому только возможна была и возрастала въ могущество и силу. Фараоновъ, Тамирановъ, Аттилы и Александровъ Македонскихъ, въ могущество и деспотизмъ Цесарей, Нероновъ, въ силу и деспотизмъ разныхъ сатраповъ, конунговъ, викинговъ, князей и т. п., что, въ темномъ царствѣ незнанія природы, сильные и воинственные люди не имѣли понятія о назначеніи силы мускуловъ, какъ факторовъ разнообразной и полезной работы въ области экономіи природы, не знали экономіи физиологическихъ силъ, не находили исхода, не знали широкаго поля природы для борьбы съ физическими силами, не знали умственныхъ, естественно-научныхъ занятій, не знали рациональнаго и производительнаго экономическаго употребленія своихъ силъ въ сферѣ естественной экономіи. И вотъ поэтому такъ аттиловски, сатрапски и деспотически тратили свои силы на покореніе и плѣнь народовъ, на раззореніе человѣческихъ обществъ, на истребленіе человѣчества, на созданіе темныхъ царствъ рабовъ природы и фараонизма. Столько губительной траты силъ производить, или лучше, такъ уродливо, безобразно извращаетъ и зловредно-карательно направляетъ человѣческія силы незнаніе природы. Да, при этой мысли, поймешь и почувствуешь всю глубокую справедливость слѣдующихъ словъ Либиха: «Въ ряду золъ,—говоритъ онъ,—которыя страдаетъ человѣчество, *незнаніе* есть безспорно одно изъ главныхъ и притомъ самое большое. Богатство, какъ бы оно велико ни было, не спасетъ отъ обѣдненія человѣка, которому не достаетъ знанія, а бѣднякъ, обладающій знаніями, становится богатымъ при пособіи ихъ. Безсознательно, самъ своими стараніями, своимъ прилежаніемъ и заботами сельскій хозяинъ, необладающій знаніями, только ускоряетъ свое раззореніе, урожай на его поляхъ постоянно уменьшаются, и наконецъ его внуки и правнуки, столь же невѣжественные, не могутъ уже поддержать свое существованіе на томъ участкѣ земли, на которомъ родились; ихъ земля переходитъ въ руки того, кто обладаетъ знаніемъ, потому что въ знаніи лежитъ сила, которою приобрѣтается капиталъ и могущество, и эта сила, по неизбѣжному закону природы, изгоняетъ изъ наслѣдія предковъ потомка, неспособнаго къ сопротивленію. Животное лишено возможности собственною дѣятельностію обезпечить свое существованіе; оно подчинено закону природы, который управляетъ его существованіемъ и обезпечиваетъ его. Но для человѣка, который постигаетъ законы природы, законъ является не властелиномъ его судь-

н, а слугою, который служить ему безпрекословною и дѣятельною службою. Животное, являясь на свѣтъ, уже владѣетъ всѣмъ своимъ знаніемъ и: мощью, они являваются въ немъ безъ его содѣйствія; человекъ же одаренъ разумомъ и этикъ даромъ, отдѣленъ отъ животныхъ; разумъ есть божественный талантъ, который человекъ долженъ пускать въ дѣло, и о второмъ скажется: «свѣтлому невѣждѣ дается, а у невѣждѣ возьмется и то, что имѣеть»; только то, что человекъ приобретаетъ посредствомъ этого таланта, даетъ ему власть надъ силами природы. Заблужденіе, необходимое послѣдствіе незнанія, должно когда-нибудь быть исправлено; тотъ, кто сознаетъ заблужденіе, не останется на его сторонѣ, и борьба заблужденія съ юною истинною есть естественное стремленіе человека къ познанію; въ борьбѣ должна окрѣнуть истина; и если заблужденіе остается побѣдителемъ, то это только признакъ, что истина должна раски, а не значить, что заблужденіе есть истина. Связавна *мучнее* было врагомъ *хорошаго*, но это не объясняетъ почему такъ часто незнаніе, бываетъ врагомъ разума!» (*)

А. Щаповъ.

(*) Химія въ прилож. къ земледѣлію и физиологіи растений, стр. 191.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И ВЫРОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА.

(Окончаніе).

ВЛІЯНІЕ КРОВНЫХЪ БРАКОВЪ.

Какъ ни убѣдительно доказательства, подтверждающія вредное дѣяніе кровосмѣшенія на потомство, но по долгу справедливости нужно замѣтить, что эти доказательства были собраны и представлены противниками кровныхъ браковъ. Какъ во всякомъ спорномъ вопросѣ, такъ и здѣсь, естественно, могли быть крайнія мнѣнія, послѣдствіе выводы, перетолковываніе фактовъ въ свою пользу; поэтому необходимо познакомиться и съ доводами противоположной стороны. Сравнивая доказательную силу тѣхъ и другихъ, можно вывести болѣе безпристрастное и болѣе справедливое заключеніе.

Защитники родственныхъ браковъ стараются провести и доказать то мнѣніе, что единокровность сама по себѣ не составляетъ еще источника тѣхъ разнообразныхъ болѣзней и безобразій, какія ей приписываютъ, что вредъ кровныхъ браковъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ результатъ болѣзненной наслѣдственности, и что этотъ вопросъ вообще гораздо сложнѣе, чѣмъ онъ кажется съ перваго взгляда. Это мнѣніе защищалось въ парижемскомъ антропологическомъ обществѣ многими талантливыми и дѣльными людьми. Если они не могли привести достаточно удовлетворительныхъ доказательствъ въ пользу безвредности кровныхъ браковъ, то по крайней мѣрѣ старались критически разобрать доводы своихъ противниковъ, чтобы очистить точное отъ произвольнаго и установить вопросъ на болѣе солидной научной почвѣ.

Основаніемъ мнѣнія безвредности кровныхъ браковъ послужили прежде всего наблюденія надъ животными. Въ самомъ дѣлѣ, многіе ветеринары и агрономы увѣряютъ, что путемъ скре-

щиванія чистокровныхъ или вообще доброкачественныхъ животныхъ, не смотря на ихъ близкое родство между собой, можно получать вполне доброкачественные продукты и даже усовершенствовать породу. Въ Англiи, какъ извѣстно, этимъ способомъ созданы были прекрасныя породы лошадей, крупнаго рогатаго скота, овецъ, собакъ и другихъ домашнихъ животныхъ, доведенныхъ до высшей степени хозяйственнаго совершенства. При этомъ скрещиванiя производились между самыми близкими родственниками, напр. между отцомъ и дочерью, сыномъ и матерью, братомъ и сестрой и пр. Этому способу произведенiя, получившему названiе *breeding in and in*, обязаны своимъ происхожденiемъ чистокровная аглицкая лошадь, породы дургамскаго быка, дишлейскаго барана и пр. Основываясь на этихъ фактахъ, многiе агрономы и ветеринары считаютъ правиломъ производить и размножать породу *въ самой себѣ* на томъ основанiи, что лучшiя качества потомковъ при такомъ способѣ не только будутъ сохраняться, но въ ряду слѣдующихъ поколѣнiй даже усовершенствоваться. Принявши эти факты, повидимому нѣтъ основанiя аналогически не примѣнить ихъ и къ человѣческому роду. Поэтому защитники кровныхъ браковъ вывели такой законъ, что *кровосмѣшенiе возвышаетъ наслѣдственность до высшей степени могущества*; оно будетъ благопрiятно, если производители-родственники вполне здоровы и доброкачественны и напротивъ вредно, если они имѣютъ тѣ или другiе недостатки, могущiе передаваться наслѣдственно. Всякiй недостатокъ, равно какъ и хорошiя качества, при кровныхъ бракахъ передается на потомство тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ ближе родство между производителями (André Sanson). Это мнѣнiе, по которому единокровности въ воспроизведенiи потомковъ не придается никакого значенiя, а все сводится на наслѣдственность, — во всякомъ случаѣ высказано слишкомъ смѣло и противорѣчитъ многимъ достовѣрнымъ фактамъ. Не только въ человѣческомъ родѣ, но и между животными, повторяющiяся сочетанiя родственниковъ влекутъ за собой вредныя послѣдствiя. Это ясно видно изъ убѣдительныхъ наблюденiй и изслѣдованiй многихъ агрономовъ, натуралистовъ и врачей (Gourdon, Gordon, Richard du Cantal, Darwin, Ch. Aubè, Magne d'Alfort, Devay, Boudin, Chipault et cet.). Способъ Баккуэля для произведенiя чистокровныхъ породъ путемъ скрещиванiя близкихъ родственниковъ (братьевъ и сестеръ, отцовъ и дочерей и пр.), по мнѣнiю Гордона, можетъ быть полезенъ для того, чтобы упрочить на породѣ одну такую нибудь особенность животнаго, цѣнную для хозяина, но никакъ не для усовершенствованiя расы въ зоологическомъ смыслѣ. Мы уже говори-

ли выше, что животныя, развитыя съ специальной хозяйственной цѣлю, считаются совершенными только относительно той цѣли, которую задали себѣ при ихъ воспитаніи. Большею частію это хозяйственное совершенство есть въ то же время физиологическій недостатокъ. Обратите вниманіе на породу овецъ, гдѣ качеству шерсти приносятъ въ жертву всѣ другія качества животнаго, — на породу быковъ и свиней, утратившихъ свои кости въ пользу мяса и жира; эти животныя суть ничто иное, какъ физиологическіе уроды, выродки первоначальнаго типа. Развитие преобладающихъ хозяйственныхъ качествъ у нихъ идетъ параллельно съ уменьшеніемъ физиологическихъ силъ и искаженіемъ чистаго анатомическаго типа. Даже чистокровная аглицкая скаковая лошадь въ этомъ отношеніи не представляетъ исключенія. «Это совершенно искусственная порода, говоритъ Катрфажъ, создана человѣкомъ исключительно съ тою цѣлю, чтобы быть способной тратить возможно большую силу въ возможно короткое время. Вслѣдствіе этого она совершенно не въ состояніи давать такія услуги, въ которыхъ требуется напряженіе силъ въ теченіи продолжительнаго времени. Потому что чистокровный жеребецъ не передаетъ своему поколѣнію только одну свою силу, но и способъ тратить эту силу, свою деликатность, свою нервную раздражительность». Поэтому скаковая лошадь составляетъ предметъ роскоши и удовольствія, а не пользы. Слѣдовательно на образцы англійскихъ формъ нельзя еще указывать, какъ на доказательство пользы кровосмѣшенія. Кроме того опыты показываютъ, что и разведеніе животныхъ въ самихъ себѣ требуетъ извѣстнаго ограниченія и осторожности. Если скрещиваніе родственниковъ будетъ повторяться черезъ много поколѣній, то раса неизбежно приходитъ въ ослабленіе и вырождается. Это можно считать общимъ закономъ для животныхъ и человѣка. Всякая чистая порода, безъ подновленія крови, съ теченіемъ времени не только мельчала и теряла свои качества, но и дѣлалась бесплодной. Такъ напр., англійская свинья, привезенная во Францію, черезъ нѣсколько поколѣній перестала давать приплодъ, и сдѣлалась снова плодородной, когда ее начали мѣшать съ мѣстной породой, болѣе тощей и не такъ полезной, но за то болѣе крѣпкой и менѣе удалившейся отъ первоначальнаго типа. Такимъ образомъ, опытъ Баккуэля и его послѣдователей, приводимый защитниками кровныхъ браковъ въ свою пользу, опытъ, повидному, такъ рѣзко и соблазнительно подтверждающій безвредность кровныхъ браковъ, теряетъ всякое доказательное значеніе. Временная польза кровосмѣшенія (на нѣсколькихъ поколѣніяхъ), обнаруживающаяся въ

усиленномъ развитіи отдѣльныхъ свойствъ, въ ущербъ общему усовершенствованію организма, можетъ быть принята только въ домашнимъ животнымъ и въ спеціальнымъ цѣлямъ, а никакъ не въ человѣку.

Кромѣ указанія на животныхъ, защитники кровныхъ браковъ приводили въ подтвержденіе своего мнѣнія рядъ отдѣльныхъ наблюденій надъ человѣкомъ, гдѣ такіе браки не сопровождались никакими вредными послѣдствіями. Bourgeois, Périer, Lagneau, Séguin старшій, Dally и пр. сообщили нѣсколько случаевъ, въ которыхъ браки, даже между близкими родственниками, продолжавшіея послѣдовательно въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, не только были плодородны, но и не вызывали на потомкахъ никакихъ болѣзней или неправильностей сложенія, о которыхъ упоминаютъ Дюве, Шазаренъ, Буденъ и пр. Dally собралъ такихъ случаевъ около тридцати, но онъ самъ сознается, что изъ нихъ нельзя вывести никакого заключенія ни за, ни противъ кровныхъ браковъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ извѣстно, что вредныя послѣдствія кровосмѣшенія, равно какъ и всѣ прирожденныя и наслѣдственныя болѣзни, вовсе не обнаруживаются такъ неизбѣжно и постоянно, чтобы не давали мѣста никакимъ исключеніямъ. Поэтому и противники кровосмѣшенія допускали и допускаютъ, что оно иногда можетъ обходиться безнаказанно, но вопросъ не въ этомъ. Для разъясненія дѣла необходимо показать сравнительную частоту происхожденія болѣзней и безобразій при родственныхъ и неродственныхъ бракахъ. Только изъ такой сравнительной статистики и можно вывести то или другое заключеніе, а безъ этого отдѣльные случаи не имѣютъ никакого значенія. Противники кровныхъ браковъ, какъ мы видѣли выше, подобныхъ аргументовъ привели довольно много и въ большихъ размѣрахъ, слѣдовательно вся доказательная сила была бы на ихъ сторонѣ. Но и здѣсь оппозиціонная партія старалась уменьшить цѣну статистическихъ доказательствъ, высказывая сомнѣніе относительно вѣрности цифръ медицинскоі статистики вообще и въ частности статистики кровныхъ браковъ. Докторъ Dally съ этою цѣлю написалъ критическую статью (*), въ которой старается доказать, что какъ въ отдѣльныхъ наблюденіяхъ опасности кровныхъ браковъ, такъ и въ общихъ сравнительно статистическихъ цифрахъ, относительно этого представленнаго Буденомъ, нѣтъ достаточной научной доказательности. Въ отдѣльныхъ наблюденіяхъ, говоритъ онъ,

*) Des dangers attribués aux mariages consanguins. Gazette hebdomadaire. Juillet, 1862).

большую часть не достаетъ тѣхъ необходимыхъ подробностей и точнаго анализа, безъ которыхъ нельзя сказать, что въ разбираемыхъ болѣзняхъ выпадаетъ на долю кровосмѣшенія, и что зависить отъ другихъ побочныхъ обстоятельствъ, отъ болѣзненной наследственности и пр. Кроме того, отдѣльнымъ наблюденіямъ можно противопоставить такое же число наблюденій, показывающихъ безвредность кровныхъ браковъ. Слѣдовательно на основаніи такихъ данныхъ нельзя еще вывести никакого вѣрнаго заключенія. Такимъ образомъ для научнаго рѣшенія вопроса оставался одинъ путь сравнительной статистики, которая должна была показать численную непропорціональность сопряженныхъ болѣзней и безобразій при родственныхъ и неродственныхъ бракахъ. Этотъ путь, какъ мы видѣли, и выбралъ себѣ Буденъ, исслѣдованія котораго если не могутъ считаться совсѣмъ удовлетворительными, то во всякомъ случаѣ онѣ весьма интересны и достаточны для того, чтобы допустить вредъ кровосмѣшенія. Но докторъ Dally высказываетъ недоумѣніе и въ этихъ цифрахъ. Онъ начинаетъ съ того, что пропорція родственныхъ и неродственныхъ браковъ во Франціи, принятая Буденомъ и лежащая въ основаніи его выводовъ, невѣрна. Если всякая статистика, въ какой бы то ни было странѣ, сообщаемая официальнымъ путемъ, представляетъ множество неточностей, ошибокъ, то тѣмъ болѣе это можно сказать про статистику родственныхъ и неродственныхъ браковъ. Относительно ихъ можно сказать, что статистики совершенно не существуетъ. Слѣдовательно, говорить Dally, цифра 2 на 100, принятая Буденомъ за норму для пропорціи родственныхъ и неродственныхъ браковъ во Франціи, взята произвольно, стало быть и сравнительная пропорція глухонѣмыхъ, выведенная для родственныхъ и неродственныхъ браковъ, тоже невѣрна. Надобно согласиться, что возраженіе Dally было сдѣлано основательно; оно показываетъ слабую сторону статистики Будена, но тѣмъ не менѣе никакъ не уничтожаетъ ея доказательной силы. Пропорція глухонѣмыхъ отъ родственныхъ и неродственныхъ браковъ такъ неравновѣрна (25—30 на 100), что если мы примемъ отношеніе тѣхъ и другихъ браковъ какъ 6:100 (какъ полагаетъ Dally), то все-таки происхожденіе глухонѣмыхъ у тѣхъ и другихъ будетъ далеко непропорціонально.

Мы не хотимъ утомлять вниманія читателей перечисленіемъ другихъ, болѣе мелкихъ возраженій, чтобы не сказать придикъ, противъ статистическихъ доводовъ, доказывающихъ вредъ кровныхъ браковъ. Эти возраженія, во многихъ случаяхъ основанныя на лич-

ной проверкѣ данныхъ, по нашему мнѣнію, еще болѣе увеличиваютъ несомнѣнность и доказательную силу тѣхъ аргументовъ, которые привели Будень, Пиру, Брошаръ и др. въ подтвержденіе своего мнѣнія.

Кромѣ отдѣльныхъ изолированныхъ случаевъ, въ доказательство безвредности кровныхъ браковъ приводимо было нѣсколько и такихъ наблюдений, гдѣ отъ родственныхъ сочетаній не замѣчалось никакихъ вредныхъ послѣдствій въ теченіи многихъ поколѣній. Такъ Альфредъ Буржуа представилъ подробную исторію своей фамиліи, въ которой онъ насчитываетъ 68 родственныхъ браковъ, давшихъ на потомствѣ прекрасный результатъ. То же самое подтвердили новыми наблюдениями д-ръ Seguin (представившій исторію 10 послѣдовательныхъ кровныхъ браковъ) и Lagneau. Этотъ послѣдній говоритъ о фамиліи Р... и N..., члены которыхъ въ теченіи 87 лѣтъ (1694 до 1781 г.) родились между собой восемь разъ, и это нисколько не уменьшило здоровья и крѣпости поколѣнія. Г. М. В. сообщилъ доктору Dally подобный же случай изъ своего рода, въ которомъ родственныя сочетанія (не ближе второго колѣна) въ теченіи 150 лѣтъ повторялись въ пяти поколѣніяхъ. Общее число потомковъ этой фамиліи, по прямой и побочнымъ линіямъ, равнялось 120—140, и ни у одного изъ нихъ не было ни глухонѣмоты, ни идиотизма, ни другихъ какихъ либо послѣдствій, которыя обыкновенно приписываютъ родственнымъ бракамъ.

Такія наблюденія, безъ сомнѣнія, имѣютъ больше значенія, чѣмъ наблюденія отрывочныя, относящіяся къ одному поколѣнію, но и относительно ихъ слѣдуетъ сказать то же самое, что сказано выше объ отдѣльныхъ случаяхъ. Все это, въ научномъ смыслѣ, нисколько не доказываетъ ни пользы, ни вреда кровныхъ браковъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ не достаетъ сравненія. Чтобы такія наблюденія имѣли научное значеніе, необходимо взять извѣстное число случаевъ, обнаружившихъ вредъ кровныхъ браковъ, въ процентномъ отношеніи къ числу этихъ браковъ, и то же самое для случаевъ противоположныхъ. Для первыхъ сдѣланы уже попытки отыскать требуемыя отношенія, и они во всякомъ случаѣ говорятъ за вредъ кровныхъ браковъ, а для вторыхъ не сдѣлано и этихъ попытокъ. Слѣдовательно, если бы защитники кровныхъ браковъ привели въ свою пользу и несравненно большее число отдѣльныхъ примѣровъ, то все-таки эти примѣры не могли бы поколебать выводовъ, сдѣланныхъ противной стороной на основаніи сравнительно статистическихъ данныхъ.

Наконецъ мы должны упомянуть еще о третьей категоріи до-

казательствъ, приводимыхъ партизанами родственныхъ браковъ, именно о наблюденияхъ надъ изолированными мѣстностями. Для этого выбраны были такія мѣста, которыя, по географическому положенію или по недостатку путей сообщенія совершенно разобщены отъ мѣстностей сосѣднихъ, слѣдовательно, гдѣ известное число семействъ въ теченіи вѣковъ не могли родниться съ чужими и новыми семействами, а по необходимости вступали въ браки только между собой. Между такими мѣстностями Dally указываетъ на селеніе Rochillac (Gironde), о которомъ докторъ Ферье писалъ ему слѣдующее. «Въ этомъ селеніи считается 1,700 жителей; большая часть изъ нихъ очень крѣпки и хорошо сложены, женщины славятся своей красотой и свѣжестью лица. Можетъ быть, въ цѣлой Франціи нѣтъ другого мѣста, гдѣ бы родственные браки были такъ часты и гдѣ бы, въ то же время, число негодныхъ къ рекрутскому набору было такъ незначительно.»—Dally прибавляетъ къ этому примѣру нѣсколько другихъ небольшихъ изолированныхъ деревень, жители которыхъ въ теченіе долгаго времени роднились только между собой, и это не вызвало никакихъ дурныхъ послѣдствій. На такіе же примѣры указали: Lagneau, Revillout и Voisin. Докторъ Перье въ этомъ отношеніи идетъ еще дальше. Онъ старается доказать, что чистая раса, т. е. такая, которая размножается сама въ себѣ, безъ помѣси съ сосѣдними жителями, гораздо лучше сохраняетъ свою красоту, силу и первоначальный типъ, со всѣми его лучшими качествами, нежели раса смѣшанная, которая будто бы, рано или поздно, ослабѣваетъ и исчезаетъ.

Эти примѣры и объясненія ихъ представлены были главнымъ образомъ съ тою цѣлю, чтобы парализовать доказательства сторонниковъ другого мнѣнія, взятая изъ того же источника. Потому что Decau и др. въ числѣ своихъ доводовъ противъ кровныхъ браковъ точно также указывали на изолированныя мѣстности, жители которыхъ, при недостаткѣ помѣси крови, представляли рѣзкіе признаки ослабленія и вырожденія. Сюда относили такъ называемыя *проклятыя расы* (les races maudites) Франціи и Испаніи, пиренейскихъ ваготовъ (Cagots), астурийскихъ вакеговъ (Vaqueros), марроновъ, альпійскихъ кретиновъ и пр. Относительно всѣхъ этихъ фактовъ слѣдуетъ сказать, что они не имѣютъ въ себѣ ничего опредѣленнаго и доказательнаго. На правильное развитіе или вырожденіе жителей замкнутыхъ мѣстностей имѣютъ вліяніе столько самихъ разнообразныхъ условій, что при самомъ точномъ анализѣ

невозможно сказать, что здѣсь выпадаетъ на долю кровныхъ браковъ и что зависитъ отъ климатическихъ вліяній, наслѣдственныхъ болѣзней, матеріальнаго и нравственнаго быта и пр. Поэтому удивительно, что замечутыя мѣстности могли послужить доказательствомъ и за и *противъ* кровныхъ браковъ, стало-быть доказательствомъ, уже по этому самому, неимѣющимъ научнаго значенія. На упомянутыя мѣстности сворѣе еще могли опереться защитники родственныхъ браковъ, но и приведенныя ими свидѣтельства дадено неточны. По крайней мѣрѣ относительно указанныхъ до сихъ поръ мѣстностей, напримѣръ селенія Рошлас, можно сказать, что ни количество родственныхъ браковъ, ни физическія качества жителей, ни отсутствіе помѣсей здѣсь не опредѣлены, какъ слѣдуетъ, да и опредѣлить ихъ было бы очень трудно. Голословныя же отзывы, какіе приводятъ Ферье и др., не могутъ послужить аргументомъ ни того, ни другого мнѣнія.

То же самое слѣдуетъ сказать о фактахъ, взятыхъ отъ аристократовъ и евреевъ. Вырожденіе царскихъ и аристократическихъ фамилій нѣкоторые (Devaу) приписывали почти исключительно кровному родству. Можетъ быть, кровные браки здѣсь и имѣли вліяніе, но во всякомъ случаѣ было бы крайностію сводить все на эту причину. Нѣтъ сомнѣнія, что вырожденію помянутыхъ родовъ содѣйствовало весьма много физическихъ и нравственныхъ условий, изъ которыхъ выдѣлать вліяніе кровнаго родства было бы не только трудно, но и совершенно невозможно. Поэтому вырожденіе аристократовъ также не можетъ служить серьезнымъ доказательствомъ ни пользы, ни вреда кровныхъ браковъ.

На евреевъ тоже указывали обѣ стороны, каждая стараясь отписать въ нихъ доказательства въ свою пользу. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ народъ представляетъ типъ болѣе или менѣе чистой расы, которая въ теченіе вѣковъ существуетъ въ средѣ другого народа, не смѣшиваясь съ нимъ, и, не смотря на то, до сихъ поръ сохранила свою красоту, силу и плодородіе. Защитники кровныхъ браковъ видятъ въ этомъ подтвержденіе своего мнѣнія. Но на этотъ же самый фактъ противная партія смотритъ совсѣмъ другими глазами. Devау, напримѣръ, находятъ, что евреи въ настоящее время теряли свою красоту и силу, что они вырождаются. Эти видныя противорѣчія показываютъ, что та и другая сторона не безпристрастна въ выборѣ своихъ доказательствъ. Въ самомъ же дѣлѣ еврейская раса, взятая въ обширномъ смыслѣ, вовсе не должна была служить доказательствомъ ни того, ни другого мнѣнія. Евреи, разбѣянные по всей вселенной и въ то же время находящіеся

между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ, представляютъ цѣлый народъ, существующій подъ самыми разнообразными условіями. Слѣдовательно они, какъ и всякій другой народъ, вовсе не могутъ представлять собой замкнутаго круга; между ними также постоянно происходятъ помѣси и одноплеменные и разноплеменные. Стало быть съ этой стороны для евреевъ не существуетъ причины для вырожденія. Что касается до прочности и постоянства ихъ типа, до красоты и силы, то и въ этомъ отношеніи правъ и Devau и Dally. Мы видимъ на каждомъ шагѣ, что еврейскій типъ сохраняется тамъ, гдѣ нѣтъ иноплеменныхъ помѣсей, и наоборотъ — утрачивается и переходитъ въ другіе типы, гдѣ эти помѣси существуютъ. Точно также мы видимъ евреевъ, живущихъ при выгодныхъ матеріальныхъ условіяхъ, и евреевъ, угнетенныхъ нищетой и всевозможной зависимоію. Одни изъ нихъ будутъ представлять доказательства силы, красоты и плодородія, другіе наоборотъ. Все это однакоже не имѣетъ никакой связи съ родственными браками. Другое дѣло, если взять отдѣльные еврейскіе кружки, города, селенія, и въ этихъ ограниченныхъ мѣстностяхъ точно прослѣдить число родственныхъ и неродственныхъ браковъ, сравнивая качества потомковъ тѣхъ и другихъ, — факты, полученные такимъ образомъ будутъ имѣть положительное значеніе. Такіе факты, собранные Буденомъ, Либрейхомъ и др., мы видѣли выше, и они положительно говорятъ противъ родственныхъ браковъ. Достаточно вспомнить число глухонѣмыхъ, идиотовъ, страдающихъ пигментированной сѣтчатой оболочкой и пр., выпадающихъ на долю такихъ браковъ, чтобы видѣть все ихъ значеніе. Подобныхъ статистическихъ доказательствъ защитниками родственныхъ сочетаній не представлено. Поэтому, чтобы отстаивать свое мнѣніе, они должны были или уменьшить цѣну статистическихъ цифръ, или дать имъ другое объясненіе. Такъ и было сдѣлано. Будену представили такое возраженіе, что случаи неблагоприятныхъ послѣдствій кровныхъ браковъ (болѣзней, уродливостей и пр.), какъ и вообще случаи, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, всегда публикуютъ охотнѣе, тогда какъ наблюденія противоположныя, которыя могли бы здѣсь имѣть еще больше значенія, остаются необнародованными. Поэтому естественно, что прихвровъ дурныхъ послѣдствій отъ кровныхъ браковъ можно было набрать несравненно больше, чѣмъ случаевъ послѣдствій благоприятныхъ. Кроме того, полагаться на слѣдную цифру въ рѣшеніи такихъ сложныхъ вопросовъ было бы слишкомъ рискованно. При собираніи статистическихъ данныхъ вообще, приводится гру-

пировать факты не всегда правильно, подводить под одну рубрику случаи подобные, но нетождественные, при этом невозможно выдѣлять всѣ мелкія постороннія вліянія и отгнать факты, что по необходимости дѣлаетъ статистическій путь для рѣшенія вопросовъ шаткымъ и неточнымъ. Всѣ эти возраженія болѣе или менѣе основательны. Но если статистическія цифры дѣйствительно подлежатъ многимъ случайностямъ и не всегда могутъ считаться точными; то все-таки это не уничтожаетъ совсѣмъ значенія статистики. Приблизительное рѣшеніе научныхъ вопросовъ этимъ путемъ необходимо признать не только возможнымъ, но еще болѣе вѣрнымъ и удобнымъ, чѣмъ другимъ способомъ. Это сознали наконецъ и сами защитники родственныхъ браковъ. За исключеніемъ самыхъ упорныхъ, они согласились, что родственные браки дѣйствительно представляютъ на потомкахъ въ гораздо большемъ числѣ неблагоприятныя послѣдствія, чѣмъ браки неродственные; но здѣсь представлялся еще вопросъ для рѣшенія: отъ чего это зависитъ? Въ самомъ дѣлѣ, происходитъ ли это неблагоприятное вліяніе собственно отъ смѣшенія родственной крови, *ipso facto*, даже если бы супруги-родственники не имѣли въ себѣ никакихъ физиологическихъ и патологическихъ задатковъ для ослабленія породы, или это вліяніе зависитъ отъ удвоенной болѣзненной наслѣдственности? Этотъ вопросъ до сихъ поръ остается спорнымъ, но мы все-таки считаемъ не лишнимъ познакомиться съ нимъ, хотя въ краткомъ очеркѣ.

Защитники кровныхъ браковъ, напр. Альфредъ Буржуа, Перье и др., склоняясь передъ фактами вредныхъ послѣдствій кровосмѣшенія, старались объяснить эти послѣдствія наслѣдственными болѣзнями, которыя, концентрируясь въ одномъ семействѣ, проявляютъ свое пагубное вліяніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше въ болѣзненномъ семействѣ не было подновленія крови. Слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, между здоровымъ и болѣзненнымъ кровнымъ бракомъ должна существовать большая разница. Первый не только безвреденъ, но даже полезенъ, потому что онъ содѣйствуетъ сохраненію типа предковъ въ полной красотѣ и силѣ, тогда какъ при второмъ наслѣдственные болѣзни должны разрастаться и увѣковѣчиваться въ нисходящихъ поколѣніяхъ. Такимъ образомъ, всѣ дурныя послѣдствія браковъ между близкими родными, удостовѣренныя наблюденіями, слѣдуетъ приписывать не самимъ бракамъ, а наслѣдственности болѣзней. Но это произвольное предположеніе далеко не объясняетъ фактовъ. Болѣзненная, точно также какъ и физиологическая, наслѣдственность проявляется повтореніемъ на потомкахъ того, что было на родителяхъ. Между тѣмъ пороки развитія

и болѣзни, наблюдаемые при кровномъ родствѣ, встрѣчаются только на потомкахъ и притомъ большая часть этихъ недостатковъ наследственно не передается. Напр. глухонѣмота составляетъ такую болѣзнь, которая проявляется наследственно только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Докторъ *Меньеръ* (1), весьма тщательно изслѣдовавшій эту болѣзнь, говоритъ о ней слѣдующее: «Въ настоящее время нельзя еще сказать, чтобы всѣ глухонѣмые были дѣти родителей, неимѣющихъ этого недостатка. Недавно собрано нѣсколько фактовъ, доказывающихъ противное т. е. наследственность глухонѣмоты. Но все-таки нужно сказать, что факты эти составляютъ рѣдкое исключеніе. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, отъ брака между двумя глухонѣмыми родятся дѣти слышащія и говорящія. Тѣмъ болѣе это происходитъ тогда, когда бракъ былъ смѣшанный, т. е. когда изъ двухъ супруговъ глухонѣмой былъ только одинъ.» По мнѣнію Вудена, прибѣгать къ наследственности для объясненія несчастныхъ послѣдствій кровныхъ браковъ, значитъ совершенно исказить понятіе о наследственности. «Кровнобрачныя личности, полныя силы и здоровья, неимѣющія въ себѣ никакихъ неправильностей и недостатковъ, передаютъ своимъ дѣтямъ не то, что имѣютъ, а напротивъ то, чего у нихъ у самихъ нѣтъ, и этотъ фактъ называютъ наследственностію!» (2).

Въ отвѣтъ на это очевидное опроверженіе защитники кровныхъ браковъ подняли вопросъ о наследственности вообще и въ частности о преобразованіи наследственныхъ болѣзней при переходѣ ихъ изъ одного поколѣнія въ другое. Подъ этимъ разумѣютъ переходъ извѣстной болѣзни одного поколѣнія въ другую, совершенно отличную, болѣзнь слѣдующаго поколѣнія. Этотъ сложный вопросъ относительно происхожденія наследственныхъ болѣзней выдвинутъ былъ на сцену на основаніи теоріи Мореля. Этотъ авторъ, говоря о постепенномъ вырожденіи челоѣческаго рода и образованіи болѣзненныхъ расъ, взялъ за исходную точку нервныя болѣзни. Онъ допускаетъ возможность перехода ихъ въ разстройство умственныхъ способностей, а этихъ послѣднихъ въ разстройства физическія и т. д. до уничтоженія расы. Наследственная болѣзненность, по этой теоріи, служить причиною не только безплодія родителей и преждевременной смерти дѣтей, но останавливаетъ физическое и нравственное развитіе дѣтей, повидимому здоровыхъ, производитъ у нихъ

(1) Recherches sur l'origine de la surd-mutité (Gazette médic. de Paris t. I. p. 143, 3-e Serie).

(2) Dangers des unions consanguines. (Annales d'hygiène p. 21 Juillet 1862.)

болѣзни мозга, отъ которыхъ возникаетъ идиотизмъ или эпилепсія. Такимъ образомъ вредныя вліянія, произведя у предковъ какую нибудь нервную болѣзнь, у потомковъ, пшчерстающихъ подвергаться тѣмъ же вліяніямъ, произведутъ послѣдовательно истерику, эпилепсію (падучую болѣзнь), апохондрію, идиотизмъ или умопомѣшательство. Въ другихъ сферахъ организма тѣ же вредныя вліянія, произведя у предковъ какія-либо незначительныя мѣстныя неправильности, перейдутъ у потомковъ въ самыя глубокія общія разстройства. Такимъ образомъ болѣзнь, усиливаясь съ каждымъ поколѣніемъ и видоизмѣняясь, можетъ дать въ результатъ уменьшеніе роста, золотуху или аглицкую болѣзнь, остановку развитія нѣкоторыхъ органовъ, врожденныя неправильности черена, несогласіе, близорукость, пляску Св. Витта, и пр.

Эта теорія, нелишняя основанія, во всякомъ случаѣ такъ еще неопредѣленна и запутана, что, основывать на ней происхожденіе необъяснимыхъ обыкновенною наслѣдственностію болѣзней, каковы болѣзни вслѣдствіе кровныхъ браковъ, было бы слишкомъ патко. Если мы выведемъ отсюда то заключеніе, что причина болѣзней во многихъ случаяхъ очень сложна, что несчастныя послѣдствія кроваваго родства не всегда зависятъ отъ него, то все-таки это не уничтожитъ значенія тѣхъ цифръ, которыя привели въ доказательство своего мнѣнія противники родственныхъ браковъ. Если допустить, что на происхожденіе болѣзней и уродствъ, совпадавшихъ съ этими браками, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣли вліяніе переходныя формы болѣзненной наслѣдственности, неблагоприятныя случайности во время зачатія и беременности, неравномѣрный, слишкомъ ранній или преклонный возрастъ родителей, случайныя болѣзни перваго дѣтства и пр., то все-таки останется непонятнымъ, почему именно эти случайности вывали на долю кровныхъ браковъ въ такомъ неравномѣрномъ количествѣ. Они должны бы были встрѣчаться приблизительно одинаково во всѣхъ бракахъ, родственныхъ и неродственныхъ, а стало быть число глухонѣмыхъ напримѣръ, или идиотовъ, если это зависитъ отъ случайныхъ причинъ или болѣзненной наслѣдственности, должно бы быть приблизительно равное въ томъ и другомъ случаѣ. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, факты показываютъ совершенно не то. Поэтому намъ кажется, что не смотря на неточность и нѣкоторую случайность статистическихъ данныхъ, не смотря на всевозможныя старанія иначе истолковать эти данныя, за ними все-таки должна оставаться достаточная сила убѣжденія. Такъ или иначе мы будемъ смотрѣть на вещи,

во тѣхъ фактъ, что кровные браки весьма часто влекутъ за собой бесплодіе, различныя тяжелыя болѣзни и уродливости, останется фактомъ несомнѣннымъ. Слѣдовательно и тѣ медики, которые объявляютъ это наслѣдственностію, и тѣ, которые все зло приписываютъ одному кровосмѣшенію, дадутъ обществу единогласный совѣтъ *избѣжать родственнаго сочетаній и по возможности подновлять породу* новою, чуждою кровью въ видахъ предотвратить ослабленіе и вырожденіе породы, Такъ какъ въ настоящее обществѣ рѣдко встрѣтится семейство, въ которомъ бы не было какихъ-либо наслѣдственныхъ болѣзней, такъ какъ одинаковыя болѣзни и недостатки преимущественно группируются въ одномъ и томъ же классѣ общества, то гигиеническій совѣтъ—мѣшать посредствомъ брачныхъ узъ различныя слои общества и разныя фамиліи, съ цѣлію подновлять породу болѣе крѣпкими и здоровыми элементами или парализовать и уравнивать болѣзненную наслѣдственность наслѣдственностію противоположнаго свойства — такой совѣтъ во всякомъ случаѣ будетъ полезенъ.

Можетъ быть, многимъ читателямъ покажется, что мы слишкомъ распространились о вліяніи кровныхъ браковъ; но этотъ вопросъ такъ важенъ, такъ примѣнимъ къ жизни и стало быть такъ подлежитъ общественному вѣденію, что подробности изложенія его, по нашему мнѣнію, не должны казаться ни скучными, ни бесполезными. На основаніи этихъ подробностей, зная научную сторону дѣла, каждый, встрѣчаясь на жизненномъ пути съ вопросами этого рода, можетъ обсудить ихъ съ большею основательностію. Кромѣ того, на основаніи всего вышечелюженнаго, мы можемъ бросить теперь взглядъ на наши гражданскіе законы относительно брака, разсчитывая ихъ съ гигиенической точки зрѣнія.

Вопросъ о возможности или невозможности брака между лицами, находящимися въ родствѣ, у насъ разрѣшается по правиламъ той религіи, къ которой принадлежитъ данное лицо. Относительно православныхъ въ законѣ прямо опредѣлено, что имъ запрещается вступленіе въ бракъ съ родственниками и свойственниками *до четвертой степени включительно*. Древній еврейскій законъ представляетъ въ этомъ отношеніи несравненно больше терпимости, потому что онъ позволяетъ бракъ не только между дядей и племянницей, но и между племянникомъ и теткой, стало быть, запрещаетъ кровосмѣшеніе только между братьями и сестрами. Законы христіанской религіи вообще запрещаютъ родственныя браки; но въ католическихъ и лютеранскихъ странахъ каноническія правила, въ этомъ отношеніи, подвергнуты значительнымъ ограниченіямъ. Гражданскій за-

конъ тамъ позволяетъ вступать въ бракъ двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ, а иногда даже дядѣ съ племянницей или племяннику съ теткой. Слѣдовательно наши гражданскіе законы относительно этого предмета не для всѣхъ подданныхъ одинаковы; то, что позволено лютеранину, католику или еврею, не позволено православному. Различіе это, конечно основано, на историческихъ или чисто-догматическихъ взглядахъ того и другого вѣроисповѣданія. Но всякому извѣстно, что физиологическіе законы безусловно одинаковы для всѣхъ вѣроисповѣданій, слѣдовательно все, что безвредно въ этомъ отношеніи для лютеранина, будетъ безвредно и для католика, и наоборотъ. Съ другой стороны, каждый согласится, что всякій гражданскій законъ, относительно какого бы то ни было вопроса, только тогда можетъ быть проченъ и непоколебимъ, когда онъ основанъ на дѣйствительной потребности и имѣетъ цѣлю положительную гарантію нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа. Слѣдовательно и законъ о бракѣ по справедливости долженъ быть основанъ на физиологическихъ и гигиеническихъ данныхъ, долженъ ограничивать только то, что можетъ быть вредно въ какомъ бы то ни было отношеніи. Что же касается до другихъ ограниченій, основанныхъ не на научныхъ, положительныхъ началахъ, а на совѣсти и убѣжденіи, до такихъ ограниченій, отъ исполненія или неисполненія которыхъ нисколько не можетъ страдать народное благосостояніе, то ихъ, кажется, можно бы было предоставить доброй волѣ гражданъ. Убѣжденіе должно быть свободно и непринужденно.

Говоря о свободѣ религиозныхъ и гражданскихъ убѣжденій, мы вовсе не хотимъ этимъ защищать безусловной свободы дѣйствій. Всякій гражданскій законъ долженъ, въ извѣстной степени, ограничивать эту свободу, съ цѣлю уравнивать личныя выгоды и удобства жизни всѣхъ гражданъ, но такое ограниченіе должно разумно сознаваться членами общества, какъ необходимое условіе ихъ личнаго блага, слѣдовательно оно должно вытекать изъ прочнаго и разумнаго основанія. Поэтому и законы, стѣсняющіе бракъ, должны существовать именно въ такой мѣрѣ, въ какой это стѣсненіе необходимо для поддержанія народнаго здоровья.

Выходя изъ этой точки зрѣнія и имѣя въ виду все вышесказанное о вредѣ кровныхъ браковъ, можно утвердительно сказать, что законъ, запрещающій брачный союзъ между лицами кровнородственными, вполнѣ основателенъ. Подъ словомъ кровные родственники нужно разумѣть восходящее и нисходящее родство по пра-

мой или божовымъ линиямъ, т. е. родство между лицами одной и той же крови, принадлежащими къ одному и тому же роду. Сюда стало быть относятся: братья и сестры, кровные дяди и кровные тетки съ племянниками и племянницами, двоюродные братья и сестры. Что же касается до такого побочнаго родства, которое принадлежитъ другому роду и другой крови, напр. жена моего брата и ея родственники, мужъ моей тетки и жена моего дяди съ ихъ восходящими родственниками и пр., то само собой разумѣется, что при бракѣ такихъ личностей опасности отъ кровесмѣшенія никакой быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое отношеніе имѣютъ напр. два родныхъ брата къ совершенно чуждымъ имъ двумъ роднымъ, а тѣмъ болѣе двоюроднымъ сестрамъ? Если я женюсь напр. на Маріи, а братъ ея женится на моей сестрѣ, или мой братъ на ея сестрѣ, то мы составимъ совершенно отдѣльныя поколѣнія, въ которыхъ, естественно, не будетъ никакой кровнородственной помѣси. Слѣдовательно для такого брака не могло бы быть никакихъ, ни гигиеническихъ, ни нравственныхъ препятствій. Тѣмъ болѣе это можно сказать про духовное родство. Какое препятствіе раздѣляетъ меня напр. отъ моей кумы? Неужели одно то обстоятельство, что мы, совершенно чуждые другъ другу, воспринимали вмѣстѣ настолько же чуждаго намъ ребенка, можетъ послужить физиологической преградой для нашего бракосочетанія? Конечно нѣтъ. Равнымъ образомъ здѣсь нельзя видѣть и нравственнаго препятствія; напротивъ того между лицами чуждыми по крови, но близкими по родственнымъ отношеніямъ, гораздо болѣе можетъ быть гармонія и согласія, вслѣдствіе достаточнаго изученія другъ друга и болѣе искреннихъ и естественныхъ отношеній другъ къ другу до брака. Оттого въ жизни мы такъ часто видимъ сердечную привязанность къ кузинамъ, кумамъ и тому подобнымъ родственницамъ, привязанность, которая въ большинствѣ случаевъ дала бы мѣсто счастливому браку, а между тѣмъ, вслѣдствіе строгости гръ жданскаго закона, она большею частію оканчивается или личнымъ несчастіемъ, или невозможности удовлетворить своему выбору, или скрытыми преступными отношеніями.

Поэтому свободное дѣйствіе каждаго лица, основанное на свободномъ убѣжденіи, было бы лучшей нормой для счастливыхъ браковъ такого рода. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при такой уступкѣ уравновѣсились бы права относительно брака для православныхъ, лютеранъ и католиковъ, чего желать, кажется, совершенно естественно, потому что гражданскіе законы для всѣхъ гражданъ должны быть одинаковы. По этому самому намъ кажется, что

и законъ о бракѣ для лютеранъ и католиковъ могъ бы быть въ извѣстной степени ограниченъ. По крайнѣй мѣрѣ мы имѣемъ полное основаніе желать, чтобы и у нихъ бракъ между кровными родственниками былъ запрещаемъ, потому что это ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ, для предотвращенія которыхъ общество имѣетъ полное право установить извѣстныя ограниченія.

Въ этомъ случаѣ намъ могутъ возразить, что если вредныя послѣдствія кровнаго брака слѣдуетъ отстранять путемъ положительнаго закона, запрещающаго такой бракъ, то съ такимъ же основаніемъ законодательство могло бы вмѣшаться и въ другія гигиеническіе вопросы бракосочетанія. Такъ, мы знаемъ напр., что многія наследственные болѣзни (чахотка, падухая болѣзнь, наследственное помѣшательство и пр.) передаются отъ родителей къ дѣтямъ, слѣдовательно законодательство могло бы и здѣсь принять извѣстныя мѣры противъ ослабленія и вырожденія породы этимъ путемъ; но такое вмѣшательство закона въ частные вопросы было бы весьма затруднительно и едва-ли исполнимо. Дѣйствительно, относительно наследственныхъ болѣзней трудно установить точные предѣлы и опредѣленные уложенія: въ какомъ случаѣ болѣзненная наследственность мѣшаетъ бракосочетанію и въ какомъ нѣтъ. Поэтому, не смотря на предложеніе многихъ авторовъ установить въ этомъ отношеніи какія либо законныя правила, они остались неосуществимыми. Но изъ этого нельзя еще выводить такого заключенія, чтобы законодательная власть не могла стѣснять и родственнаго брака. Родственныя отношенія жениха и невесты можно опредѣлить до брака, также точно, какъ и возрастъ брачующихся, поэтому относительно этихъ двухъ вопросовъ могутъ быть составлены и опредѣленные правила, которыя не должны казаться стѣсненіемъ личной свободы. Что-же касается до вопросовъ о здоровьѣ и наследственномъ расположеніи, вопросовъ большею частію такого рода, на которые въ данное время трудно бываетъ дать юридически положительный отвѣтъ, то законодательство пока не можетъ вмѣшиваться въ нихъ безъ того, чтобы не высказать обременительныхъ стѣсненій относительно свободнаго выбора для брака семействъ и личностей. Поэтому въ настоящее время достаточно бы было и того, если бы въ такихъ сомнительныхъ вопросахъ спрашивали мнѣнія врача, которое, нисколько не стѣсняя личной свободы, можетъ принести большую пользу, чѣмъ положительный законъ.

Наконецъ, мы должны упомянуть еще о законѣ относительно бра-

ка лицъ христіанскихъ вѣроисповѣданій съ евреями и магометанами. (Т. X, кн. I, ст. 85—89).

Запрещеніе, высказанное на счетъ этого въ законѣ для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, за исключеніемъ лютеранско-евангелическаго, кажется намъ слишкомъ строгимъ. Выше мы уже показали, что ничто такъ не сближаетъ народы, какъ брачныя связи, ничто не дѣйствуетъ на улучшеніе рода такъ ощутительно, какъ разнородныя помѣси. Поэтому намъ кажется, что свобода вступленія въ бракъ съ магометанками, еврейками и язычницами, даже въ видахъ политическихъ, могла бы принести существенную пользу. Это содѣйствовало бы значительнымъ образомъ слитію иновѣрцевъ съ русскими. Такъ какъ у насъ господствующая религія православная, и православное народонаселеніе имѣетъ за собой всю нравственную и гражданскую силу, такъ какъ дѣти отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ по закону должны быть тоже православными, то нечего опасаться здѣсь иновѣрческаго вліянія на убѣжденія православнаго супруга. Православная религія въ этомъ случаѣ не только не уменьшила бы числа своихъ сыновъ, а напротивъ значительно бы увеличила. Равнымъ образомъ этотъ путь послужилъ бы къ болѣе быстрому перерожденію инородцевъ, къ поглощенію ихъ въ массу русскаго племени. Для магометанъ и язычниковъ это принесло бы также существенную пользу, потому что брачныя узы составляютъ самый вѣрный путь для прививки и распространенія цивилизаціи и всего того, что имѣетъ за собой наше православное народонаселеніе. Этотъ путь прокладывается теперь всюду и ко всѣмъ, и только развѣ китайцы упорно заграждаютъ его, предчувствуя, что свобода брака съ европейцами можетъ нанести рѣшительный ударъ ихъ неподвижности.

В. Флеринскій.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ Фаллерслебена).

За здравіе нашихъ враговъ!
Въ кружокъ собирайтесь тѣснѣ
И кубки сдвигайте звучнѣ —
За здравіе нашихъ враговъ!

Нашей силы и развитья
Въ нихъ надежнѣйшій залогъ;
Вѣдь безъ нихъ кружокъ нашъ дружный
Такъ сомкнуться бы не могъ!
Вѣдь они одни — пружины
Нашихъ помысловъ и дѣлъ;
Вѣдь они виной, что каждый
Между нами бодръ и смѣлъ!

За здравіе нашихъ враговъ!
Въ кружокъ собирайтесь тѣснѣ
И кубки сдвигайте звучнѣ —
За здравіе нашихъ враговъ!

Пусть число ихъ возрастаетъ,
Пусть ихъ злоба каждый часъ
Раздувается и крѣпнѣтъ, —
Тѣмъ полезнѣе для насъ.
Мы плотнѣй сдвигаться будемъ,
Будемъ дѣйствовать дружнѣй
И встрѣчать съ веселымъ смѣхомъ
Этихъ доблестныхъ людей!

За здравіе нашихъ враговъ!
Въ кружокъ собирайтесь тѣснѣ
И кубки сдвигайте звучнѣ —
За здравіе нашихъ враговъ!

И. Мейнбергъ.

РАЗВИТІЕ РАБСТВА ВЪ АМЕРИКѢ.

(Окончаніе).

Въ протоколахъ, сохранившихся въ архивахъ рабовладѣльческихъ штатовъ, мы открываемъ любопытные факты для исторіи рабства. Такъ, напримѣръ, въ лѣтописяхъ Техаса намъ попадаются слѣдующія записи: «1846 года, 19 мая, на рынокѣ было выставлено 28 черныхъ семействъ; изъ нихъ 12 были проданы въ однѣ руки, безъ раздѣла, а остальные разнымъ лицамъ, изъ разныхъ мѣстностей республики. Семейство Джерри состояло изъ отца, купленного канадскимъ фермеромъ, изъ матери, вымѣненной на пару верховыхъ лошадей лондонскимъ негоціантомъ, и изъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ, проданныхъ за 400 долларовъ плантатору Георгію» и т. д. и т. д. Кромѣ этихъ записей, кое-гдѣ въ домашнихъ библіотекахъ и въ конторахъ плантаторовъ сберегло время драгоцѣнные остатки человѣческаго людоѣдства: «Старый Джонъ наказанъ пятидесятью ударами плети, а сынъ его Герри проданъ въ анденскія рудокопни—оба за неповиновеніе. Вчера повѣсился на деревѣ старый Моппи отъ тоски по своей матери, проданной въ Канзасъ, а дочь его кончила бѣлой горячкой. Плантація Лоди въ одинъ годъ потеряла 60 работниковъ на 280 человѣкъ; большая часть умерла отъ чахотки, а нѣкоторые—отъ жестокихъ наказаній. Впрочемъ все обстоитъ благополучно». Въ такомъ тонѣ и такими кровавыми пятнами написана вся исторія американскаго рабства. Въ первой статьѣ (*) былъ представленъ бѣглый очеркъ постепеннаго возрастанія этого зла и распространенія его въ Америкѣ; язва, заразившая только часть организма, быстро охватила все общественное тѣло и глубоко въѣлась въ характеръ, привычки и нравы американцевъ. Правитель-

(*) См. июльскую кн. „Рус. Слова“ 1865 г.

ство, конституція, религія и большинство націи были защитниками угнетенія и плети. Вся экономическая дѣятельность Юга развивалась и держалась на рабствѣ; негровъ подвозили тысячами и торговали ими вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ.

Но рядомъ съ этимъ гнуснымъ покровительствомъ, во имя религіи и закона, порабощенію черной расы развивалось въ американскомъ обществѣ иное направленіе и прокладывало себѣ дорогу къ освобожденію негровъ. Основаніе обществъ для уничтоженія невольничества почти совпадаетъ съ основаніемъ американской республики. Первое аболиціонистское общество было основано въ Пенсильваніи въ 1774 году. Въ послѣдующіе 15—20 лѣтъ подобныя общества въ различныхъ штатахъ Союза быстро возникали одно за другимъ. Открытіе, будто эти общества несогласны съ духомъ федеральной конституціи и съ взаимными обязательствами гражданъ отдѣльных штатовъ, было сдѣлано лишь сорокъ лѣтъ спустя. Пенсильванское общество имѣло Веньямина Франклина своимъ президентомъ, и адресъ, въ которомъ это общество просило первый федеральный конгрессъ, собравшійся въ то время въ Филадельфіи, возвратить свободу невольникамъ, былъ подписанъ знаменитымъ старцемъ за два мѣсяца до его смерти. На аболиціонистское движеніе приняло значительные размѣры и сдѣлалось вопросомъ дня, глубоко взволновавшимъ все американское общество, лишь въ 20—30 годахъ нашего столѣтія. Однимъ изъ первыхъ самыхъ энергическихъ поборниковъ его выступилъ Веньяминъ Лонди, избравшій аболиціонистскую агитацію дѣломъ всей своей жизни. Вотъ краткій біографическій эскизъ этого честнаго борца за права негровъ. Сынъ бѣднаго Нью-джерсейскаго фермера, онъ провелъ первые девятнадцать лѣтъ своей жизни на фермѣ отца, помогая ему въ домашнихъ работахъ. Еще мальчикомъ онъ повредилъ себѣ слухъ чрезмѣрно напряженнымъ трудомъ, и съ той поры на всю жизнь остался глуховатымъ. Небольшаго роста, тщедушный, кроткій и застѣпчивый въ обращеніи онъ не обладалъ ни краснорѣчіемъ, ни блестящими дарованіями, но у него былъ неистощимый запасъ мужества, постоянства и преданности дѣлу. Покинувъ родительскій домъ, онъ отправился въ Виргинію и тамъ обучался сѣдельному ремеслу. Въ четыре года своего ученичества онъ имѣлъ случай близко ознакомиться со всѣми ужасами невольничества, такъ какъ виргинскій городокъ, Вилингъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ въ то время этапомъ для негроторговъ.

дѣвъ, переправлявшихъ свой товаръ изъ Мерилэнда и Виргинія въ Миссиссипи. По окончаніи ученья онъ женился и открылъ небольшую лавку въ Сентъ-Клервилѣ, недалеко отъ Виллинга. Дѣла его шли хорошо, и въ четыре года ему удалось скопить небольшой капиталъ. Въ семейной жизни онъ былъ счастливъ; но зло, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, не давало ему покоя. Въ 1815 году онъ основалъ противуевольническое общество, состоявшее въ началѣ только изъ шести членовъ; но уже до прошествія мѣсяцѣвѣ мѣсяцевъ число это возрасло до пяти сотъ. Около того же времени онъ былъ приглашенъ въ содрудники редакторомъ журнала *Филантропъ*, издаваемаго въ Мауптиезантѣ. Съ этой минуты дѣятельность Лонди сосредоточилась преимущественно на поприщѣ журналистики.

Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ былъ редакторомъ различныхъ журналовъ, заглавіе которыхъ ясно показываетъ ихъ направленіе, — Эманципаторъ, Геній всемірнаго освобожденія, Пенсильванскій свободный гражданинъ и пр. Изъ одного города въ другой переносилъ онъ свой типографскій станокъ, отыскивая уголокъ, откуда ему можно бы было свободно вести свою рѣчь въ защиту чернаго населенія. При этомъ ему приходилось бороться съ неимовѣрными затрудненіями. Такъ свой первый журналъ — «Геній всемірнаго освобожденія» — онъ началъ съ шестью только подписчиками, печатался онъ за двадцать миль отъ его мѣста жительства, и Лонди нерѣдко приходилось путешествовать туда и оттуда пѣшкомъ, возвращаясь домой съ своимъ изданіемъ на плечахъ. Со стороны людей, затронутыхъ его пропагандой, онъ подвергался неоднократнымъ угрозамъ и насиліямъ. Такъ, однажды, ему пришлось выдержать объясненіе на-единѣ съ двумя негодаями, которые пришли къ нему вооруженные, чтобы подъ страхомъ смерти принудить его къ какой-то уступкѣ. Въ другой разъ онъ былъ до полусмерти избитъ однимъ неготорговцемъ, и когда обратился въ судъ съ жалобой на обидчика, то судья отвѣчалъ ему, что по-дѣломъ ему досталось. Гонимый изъ города въ городъ, онъ проходилъ цѣлыя сотни миль пѣшкомъ, проповѣдуя по дорогѣ на митингахъ, и вездѣ устраивалъ аболіціонистскія общества. Собственное его небольшое состояніе пошло прахомъ, жена умерла, дѣтей приютили родные и друзья, и онъ, бездомный и одинокій, продолжалъ свой подвигъ, всегда посѣщая туда, куда призывали его интересы защищаемаго имъ дѣла.

Между рабовладельцами находились такіе, которые были и не прочь дать свободу своим невольникамъ, но, по закопеніямъ невольничьихъ штатовъ, не могли этого сдѣлать, не выслѣивъ освобожденныхъ негровъ за предѣлы штата. И вотъ, Веньяминъ Лонди отправляется въ Гаити, въ Мексику, въ Канаду, чтобы организовать все нужное для колонизаціи освобожденныхъ невольниковъ, и осмотрѣть уже существующія въ Канадѣ колоніи бѣжавшихъ рабовъ. Смерть застала его на пятьдесятъ первомъ году жизни, въ ту самую минуту, когда онъ, снова собравъ вокругъ себя своихъ дѣтей, поселился въ Иллинойсъ и возобновилъ было изданіе своего «Генія всемірнаго освобожденія».

Рядомъ съ кроткою личностью этого защитника освобожденія выступаетъ другой, болѣе суровый и непреклонный характеръ.— Виліамъ Лойдъ Гаррисонъ. Жизнь обоихъ этихъ людей представляетъ много общихъ чертъ. Такъ же какъ и Лонди, Гаррисонъ вышелъ изъ среды рабочаго сословія; такъ же, какъ и онъ, работая изъ-за куска насущнаго хлѣба (онъ былъ наборщикомъ по ремеслу) посвящалъ лучшія свои силы дѣлу освобожденія. Онъ былъ поочередно редакторомъ различныхъ журналовъ, стоявшихъ за распространіе трезвости, уничтоженіе рабства и другихъ такъ называемыхъ реформъ. Нѣкоторое время онъ былъ сотрудникомъ Лонди по изданію «Генія всемірнаго освобожденія». За свои смѣлыя обличенія онъ заплатился тюремнымъ заключеніемъ, которому былъ подвергнутъ, потому что не въ состояніи былъ уплатить штрафъ, возложенный на него по судебному приговору. Заключеніе его вызвало протестъ со стороны каролинскаго общества освобожденія невольниковъ, и нашлись добрые люди, которые внесли за него деньги. Энергичный и неумолимый въ своей несправости къ рабовладельцамъ, онъ не шелъ ни на какія сдѣлки, не признавалъ никакихъ полумѣръ; колонизація негровъ нашла въ немъ отъявленнаго противника, какъ и вообще все, что предполагало извѣстнаго рода стачку съ рабовладельцами. Онъ сдѣлался главою цѣлой школы абolicіонистовъ, извѣстной подъ именемъ «Гаррисонцевъ». Безпощадная, непримиримая война противъ невольничества была девизомъ этой школы; она не признавала ни религій, ни законодательствъ, которыя шли въ разрѣзъ съ исповѣдуемымъ ею догматомъ о равенствѣ правъ всѣхъ людей. Вотъ почему сторонники этой школы отказывались присягать конституціи и участвовать въ выборахъ; федераль-

ная конституція, допускавшая рабство, была въ ихъ глазахъ «Союзомъ со смертію и соглашеніемъ съ адомъ».

Браги аболиціонизма, конечно, не упускали случая обличать ученіе этой школы, какъ атеистическое и враждебное всякому общественному порядку, и выставяли всѣхъ аболиціонистовъ людьми безпокойными и крайне вредными, хотя въ сущности, столь ненавистныя имъ Гаррисонцы представляли лишь одно изъ подраздѣлений аболиціонистской партіи, вмѣщавшей въ себѣ различныя отѣнки мнѣній. Вообще въ этой партіи можно было отличить четыре отдѣльныхъ группы:

1) Школу Гаррисона.

2) Такъ называемую партію свободы, которая, разсматривая федеральную конституцію какъ положительно противуневольническое учрежденіе, не боялась присягать ей въ вѣрности и подавала свои голоса въ пользу тѣхъ лишь кандидатовъ, которые были защитниками «свободы для всѣхъ».

3) Различныя мелкія секты и подраздѣленія, занимавшія середину между двумя вышеупомянутыми партіями. Соглашаясь съ «партією свободы» въ воззрѣніи на библію, какъ на ученіе враждебное невольничеству, — эти секты, въ то же время, отказывались за одно съ Гаррисонцами подавать голоса при выборахъ.

4) Многочисленную партію умѣренныхъ, которая не воздерживалась отъ подачи голосовъ при выборахъ и, считая неблагоразумнымъ тратить усилія на поддержаніе такихъ кандидатовъ, которые мало имѣли шансовъ быть избранными, старалась дѣлать добро и предупреждать зло лишь въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это было возможно при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Чтобы разъяснить враждебное положеніе, принятое Гаррисонцами относительно религіозныхъ сектъ, столь многочисленныхъ въ Америкѣ, надо упомянуть о томъ, какъ относились эти секты къ невольничьему вопросу. Не говоря уже о католической и такъ называемой протестантской церкви, которая не видѣла въ рабствѣ ничего несомнѣннаго съ духомъ христіанской религіи, даже и тѣ секты, преданія которыхъ, казалось бы, обявывали ихъ къ болѣе гуманному взгляду на дѣло, держались въ этомъ отношеніи совершенно пассивно. Пресвитеріанцы, методисты, баптисты, всѣ эти отпрыски когда-то столь гонимыхъ англійскихъ диссидентовъ не принимали никакихъ активныхъ мѣръ для исключенія изъ среды своей рабовла-

дѣльцовъ. Квакеры были въ этомъ отношеніи нѣсколько послѣдовательнѣе. Но и въ ихъ средѣ протестъ противъ рабовладѣнія появился довольно поздно. Не ранѣе какъ въ 1727 году общество квакеровъ въ Лондонѣ рѣшилось предать осужденію тѣхъ изъ «друзей», которые занимались негроторговлею. Какъ видно изъ подобныхъ же постановленій американскихъ квакерскихъ обществъ, въ средѣ ихъ находились рабовладѣльцы во все продолженіе XVIII столѣтія; лишь въ 70-хъ годахъ филиладельфійское квакерское общество прибѣгло къ рѣшительной мѣрѣ и объявило, что лица, занимающіяся негроторговлею и владѣющія рабами, будутъ исключены изъ среды его. Его примѣру послѣдовали квакерскія общества въ другихъ городахъ, и къ 1860 г. секта эта очистилась отъ всякой солидарности съ рабовладѣльцами.

Но, какъ мы уже сказали, въ другихъ сектахъ дѣло шло далеко не такъ усиленно. Большинство ихъ хотя и признавало рабовладѣніе великимъ зломъ въ принципѣ, но, какъ скоро дѣло доходило до проведенія этого принципа въ жизнь, понижало тонъ своихъ обличеній, обходило щекотливые вопросы и, предавая строгому осужденію абolicіонистовъ, свободно предоставляло рабовладѣльцамъ занимать почетныя мѣста въ своихъ собраніяхъ.

Между тѣмъ горячіе и безпощадные протесты, которыми Гаррисонъ громилъ своихъ противниковъ въ издаваемомъ имъ журналѣ «Освободитель», скоро обратили вниманіе мѣстныхъ властей невольничьихъ штатовъ на бѣднаго наборщика, вравшаго часы у собственнаго сна для работъ по журналу, жившаго на полу въ тѣсной коморкѣ, служившей въ то же время конторою журнала и перебивавшагося со дня на день, съ трудомъ доставая деньги для продолженія изданія. Законодательныя власти Георгіи объявили награду въ 5000 долларовъ тому, кто арестуетъ Гаррисона или когонибудь изъ его сотрудниковъ и доставитъ Георгіи возможность судить и осудить ихъ на основаніи существующихъ въ ней законовъ. Южные журналы громко зывали о немедленномъ истребленіи «поджигателей», «фанатиковъ», грозя, по обыкновенію, въ противномъ случаѣ расторгненіемъ союза. Съ другой стороны, негодянты сѣвера, торговые интересы которыхъ были въ зависимости отъ дружественныхъ сношеній съ Югомъ, требовали отъ своего правительства и общества заявленія непоколебимой вѣрности союзу—другими словами, преслѣдованья абolicіонистовъ. Южане знали свою силу и это придавало имъ заносчивость.

«Будте увѣрены, говорилось въ «Ричмондскомъ Вигѣ», что Сѣверъ никогда не пожертвуетъ своей выгодной торговлею съ югомъ, пока онъ можетъ предупредить разрывъ, перевѣшавъ какую нибудь тысячу-другую агитаторовъ». Но принимать законодательныя мѣры противъ абolicіонистовъ было не такъ-то легко, — подобныя мѣры были бы явнымъ нарушеніемъ конституціи, тѣмъ болѣе, что большая часть обвиненій, вводимыхъ на абolicіонистовъ не имѣли фактическаго основанія. Такъ въ 1835 году, абolicіонисты были обвинены въ распространеніи по почтѣ зажигательныхъ воззваній къ невольникамъ, и президентъ Джексонъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе конгресса на необходимость предупредить на будущее время подобнаго рода пропаганду. Съ подобнымъ же указаніемъ обратился къ конгрессу и губернаторъ Марен. Законодательная власть отвѣчала заявленіемъ полной готовности издать карательныя постановленія противъ агитаторовъ, какъ скоро это окажется нужнымъ. Заявленіе это было разослано къ губернаторамъ южныхъ штатовъ, но никакихъ дальнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ по этому вопросу не было принято.

Но то, на что не доставало смѣлости у правительства, безобразно совершалось изступленною толпой. Всюду, гдѣ только абolicіонисты устраивали свои общества и держали свои рѣчи, мы видимъ рядъ неистовствъ, совершавшихся во имя цѣлости союза. Толпа, перѣдко состоявшая изъ очень представительныхъ лицъ, купцовъ и другихъ сословій, не принадлежащихъ къ такъ называемой черни, врывается въ зданія, гдѣ абolicіонисты держатъ свои митинги и свистажи и угрозами принуждаетъ ихъ разойтись; церкви и школы, принадлежація конгрегаціямъ чернокожихъ, подвергаются всевозможнымъ поруганіямъ и перѣдко разрушаются; та же участь постигаетъ и жилища вождей и проповѣдниковъ абolicіонизма. Несчастныхъ, ни въ чемъ невиноватыхъ, чернокожихъ, во время этихъ уличныхъ схватокъ, бьютъ и заколачиваютъ до смерти.

Въ Бостонѣ, толпа купцовъ напала на женскій абolicіонистскій митингъ и разогнала его. Гаррисонъ, присутствовавшій на этомъ митингѣ, искалъ убѣжища въ лавкѣ одного столяра, но его отыскали, влачили по улицамъ съ веревкою вокругъ тѣла и грозили, вымазавъ дегтемъ, осыпать его перьями, такъ что мэръ города, чтобы спасти его отъ дальнѣйшихъ насилій, принужденъ былъ заключить его въ тюрьму.

Всѣ эти неистовства совершались на Сѣверѣ, но на Югѣ рас-

права съ аболіціонистами была еще короче и состояла, по выраженію Вайза, «изъ лучшаго дюпоновскаго пороха и холодной стали.» Пресса южныхъ штатовъ дышитъ самыми страшными угрозами противъ аболіціонистовъ, которые отважились бы явиться въ предѣлы невольничьихъ штатовъ. «Попробуйте отрядить къ намъ своихъ клеветовъ, говорила одна изъ этихъ газетъ, обращаясь къ бостонскимъ аболіціонистамъ, и будьте увѣрены, что они не вернутся болѣе къ вамъ рассказать о понесенныхъ ими страданіяхъ; они искупятъ *на костре* свое преступное вмѣшательство въ наши домашнія дѣла». «Пускай только заглянутъ къ намъ аболіціонисты, говорилось въ другой газетѣ, и мы повѣсимъ ихъ, не смотря на вмѣшательство какаго-бы то ни было правительства».

И эти угрозы не оставались пустыми словами. Всякій, кто не владѣлъ невольниками и имѣлъ неосторожность сказать какъ-нибудь слово въ защиту негровъ, былъ на примѣтѣ у защитниковъ-рабовладѣльцевъ и, при случаѣ, дорого искупалъ свою неосторожность. Такъ въ 1835 году, въ штатѣ Миссисипи разнесся слухъ о существованіи заговора для произведенія возстанія между невольниками. Толпа рабовладѣльцевъ, не долго думая, сама взяла расправу въ свои руки. Четыре негра были повѣшены, потомъ пятеро бѣлыхъ раздѣлили ихъ участь; дѣло было произведено на скорую руку, настоящихъ уликъ на лице не было, несчастные до конца утверждали, что ни въ чемъ неповинны, но на это никто не обратилъ вниманія. И подобные случаи повторялись не разъ и не два.

Въ томъ-же году, въ Чарлстоунѣ, разнесся слухъ, что только-что прибывшая почта привезла большое количество зажигательныхъ аболіціонистскихъ писемъ и журналовъ. Тотчасъ-же собрался многочисленный митингъ и положилъ, не долго думая, съечь опасную кладь, что и было приведено тотчасъ-же въ исполненіе, съ согласія почтмейстера, не смотря на то, что никакое узаконеніе не давало почтмейстерамъ право препятствовать передачѣ по адресу газетъ, каково бы то ни было содержанія и направленія.

Въ числѣ упрековъ, дѣлаемыхъ аболіціонистамъ защитниками рабства, самое видное мѣсто занимали слѣдующіе два: «Если вы хотите бороться противъ рабства, зачѣмъ не приходите вы и не боретесь съ нимъ тамъ, гдѣ оно существуетъ?» и «зачѣмъ вы не держитесь въ сторонѣ отъ фанатическихъ аболіціонистовъ и не обсуждаете вопросъ спокойно и въ умѣренномъ тонѣ?» На сколько были искрен-

ни эти упреки, всего лучше показала печальная исторія Оуена Ловджая, убитаго своими согражданами въ то время, когда онъ защищалъ отъ ихъ нападеній типографскій станокъ, выписанный имъ для издаваемого имъ журнала. Ловджай вовсе не принадлежалъ къ такъ называемой крайней партіи аболиціонистовъ. Человѣкъ, глубоко религіозный, онъ возставалъ противъ рабства исключительно во имя своихъ религіозныхъ убѣжденій и обличалъ его наравнѣ съ другими злоупотребленіями, казавшимися ему несомнѣнными съ духомъ христіанской религіи. При этомъ онъ былъ положительнымъ противникомъ всякихъ насильственныхъ мѣръ и въ наивной своей утѣренности желалъ, чтобы сами рабовладѣльцы даровали свободу своимъ невольникамъ. Таково было воззрѣніе, проводимое имъ по вопросу о невольничествѣ въ «Наблюдателѣ», журналѣ, преимущественно духовнаго содержанія и вовсе не исключительно посвященномъ невольническому вопросу. А между тѣмъ, вся жизнь его представляетъ рядъ гоненій, окончившихся трагическимъ эпизодомъ въ Альтонѣ. Началъ онъ издавать свой журналъ въ Сентъ-Луи, главномъ городѣ невольничьяго штата Миссисипи, гдѣ вскорѣ утѣренныя обличенія его противъ рабства навлекли на него гнѣвъ населенія. Онъ получилъ письмо, подписанное девятью лучшими гражданами города, въ которомъ его убѣждали, въ интересѣ самой же религіи, сдѣлать уступку раздраженному общественному мнѣнію и не касаться впередъ въ своемъ журналѣ щекотливаго вопроса. На это письмо, писанное, впрочемъ, въ приличномъ тонѣ, онъ отвѣчалъ мужественнымъ заявленіемъ готовности скорѣе умереть, чѣмъ поступиться своимъ законнымъ правомъ на свободную рѣчь. «Между нами существуютъ рабы, говорилъ онъ въ этомъ отвѣтѣ, но я не изъ ихъ числа. Я свободный гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ и не хочу отказаться отъ драгоценныхъ правъ, связанныхъ съ этимъ званіемъ. Но защищая ихъ, я надѣюсь сохранить кротость христіанскаго пастыря и готовъ не сражаться, но пострадать и, въ случаѣ надобности, умереть».

Нѣсколько времени спустя на пристани Сентъ-Луи случилась драка между двумя матросами. Когда полицейскія власти хотѣли арестовать нарушителей общественнаго спокойствія, въ дѣло вмѣшался одинъ мулатъ, по имени Мэкъ-Интошъ, и помогъ виновнымъ бѣжать. Его арестовали и повели въ тюрьму. Дорогою Мэкъ-Интошъ узналъ, что за поступокъ свой онъ заплатитъ пятилѣтнимъ заклю-

ченіемъ въ государственной тюрьмѣ, тогда онъ выхватилъ ножъ и, виновшись на сопровождавшихъ его стражей, одного убилъ, а другаго тяжело ранилъ. Его тотчасъ же схватили и посадили въ тюрьму. Но разъяренная толпа ворвалась въ темницу, схватила несчастнаго и отправилась съ нимъ за городъ. Тамъ его привязали къ дереву и до колѣнъ обложили хворостомъ, стружками и тому подобными горючими веществами, которыя и зажгли. Мулатъ погибъ въ страшныхъ мученіяхъ, послѣ агоніи, продолжавшейся около двадцати минутъ. Когда это ужасное дѣло поступило на разсмотрѣніе суда присяжныхъ, судья обратился къ присяжнымъ съ рѣчью, въ которой увѣщевалъ ихъ смотрѣть на казнь мулата, какъ на проявленіе «того таинственнаго, метафизическаго, почти электрическаго наступленія, которое не подлежитъ суду человѣческому».

Ловджай не преминулъ открыто высказать въ своей газетѣ мнѣніе объ этомъ дѣлѣ и вызвалъ этимъ враждебную демонстрацію. Между тѣмъ, убѣдившись въ невозможности издавать «Наблюдатель» въ Сентъ-Луи, онъ рѣшился продолжать его въ штатѣ Иллинойсѣ, въ Альтонѣ. Съ этою цѣлю онъ отправилъ туда на пароходѣ свой типографскій станокъ, который по брѣвѣтїи былъ оставленъ на берегу; но не прошло и сутокъ, какъ «аболиціонистскій станокъ» былъ разрушенъ пятью или шестью удалцами. Городъ положилъ вознаграждать его за эту потерю, при чемъ счелъ нужнымъ выразить свое неодобреніе аболиціонизму. Но Ловджай объявилъ своимъ согражданамъ, что онъ вовсе не аболиціонистъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ они понимаютъ это слово, хотя и поклялся въ непримиримой ненависти къ невольничеству; что переселился онъ въ Альтону съ цѣлю основать религіозный, а вовсе не аболиціонистскій журналъ.

Въ Альтонѣ онъ продолжалъ свое изданіе все въ томъ же умеренномъ и миролюбивомъ духѣ; но это не спасло его отъ нареканій сосѣднаго невольничьяго штата Миссиссипи. Пресса Сентъ-Луи указывала Иллинойсу на опаснаго агитатора, поселившагося въ Альтонѣ, и по обыкновенію подкрѣпляла свои обличенія угрозами прервать торговля сношенія съ Миссури, если на эти угрозы не обратятъ вниманія. Этихъ угрозъ было достаточно, чтобы поднять въ Альтонѣ страшную бурю противъ ихъ виновника. Новый типографскій станокъ, выписанный Ловджаемъ, былъ сломанъ и брошенъ въ рѣку, не смотря на предосторожности, принятая меромъ

города для предупрежденія подобнаго рода насилія; самъ Ловджай безпрестанно подвергался оскорбленіямъ и угрозамъ. Такъ, находясь въ Сентъ-Чарльзѣ въ гостяхъ у родственниковъ своей жены, онъ едва не сдѣлался жертвою вступленной толпы, окружившей домъ его тещи, въ которомъ онъ находился. Три раза врывается толпа въ домъ, и только мужественнымъ усиліямъ своей жены и двухъ друзей Ловджай былъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Въ другой разъ онъ едва не былъ убитъ въ своемъ собственномъ домѣ брошеною въ него черепицею. Его останавливали на улицѣ, грозя ему дегтемъ и перьями. Жена его, слабая здоровьемъ, проводила дни и ночи въ мучительномъ безпокойствѣ за жизнь мужа и за свою собственную. Ловджай, изображая весь ужасъ своего положенія на одномъ митингѣ своихъ согражданъ, не могъ удержаться отъ слезъ. Слушая его, многіе изъ присутствующихъ, даже не исключая враговъ его, плакали на-взрыдъ. «Простите мнѣ эту минутную слабость, вызванную воспоминаніемъ о моемъ семействѣ, заключилъ Ловджай свою рѣчь. Лично за себя я не трушу, хотя и знаю, что не въ силахъ бороться противъ цѣлаго общества. Я знаю, что вы властны вымазать меня дегтемъ и обсыпать перьями, властны повѣсить меня или бросить въ Миссиссипи. Но что-же изъ этого? Куда я пойду отсюда? Меня завѣрили, что если въ Альтонѣ я не найду безопасности, то не найду ея нигдѣ. И такъ я рѣшился остаться здѣсь; ужь если мнѣ суждено погибнуть, пускай Альтона будетъ моею могилой».

Слова эти оказались пророчествомъ: Ловджай дѣйствительно нашелъ свою могилу въ Альтонѣ. Вскорѣ разнесся слухъ, что онъ выписалъ новый типографскій станокъ для своего журнала, и городъ снова заволновался. Друзья Ловджая опасаясь, чтобы и этотъ станокъ не былъ разрушенъ такъ-же, какъ и два предыдущіе, предупредили обо всемъ мера города. До сорока гражданъ добровольно вызвались охранять чужую собственность отъ нападений неистовой толпы, и съ этою цѣлью собрались въ тотъ вечеръ, когда ожидали прибытія станка въ сладочномъ магазинѣ Гидорм, Джилъ ана и компаніи, куда его предполагалось отправить. Эти волонтеры были вооружены. Въ три часа ночи прибылъ пароходъ съ ожидаемымъ станкомъ. Часовой, поставленный для наблюденія, далъ городу знать объ этомъ, и по улицамъ тотчасъ-же затрубили въ рога, сзывая толпу. Самъ меръ присутствовалъ при выгрузкѣ станка на берегъ.

При этомъ собравшеюся толпою было брошено нѣсколько камешковъ, но тѣмъ демонстрація на этотъ разъ и ограничилась, и станокъ благополучно былъ доставленъ въ складочный магазинъ. Весь слѣдующій день прошелъ спокойно, и подъ вечеръ часть самозванной стражи разошлась. Въ магазинъ осталось только человекъ двѣнадцать; въ томъ числѣ и самъ Ловджай. Но вдругъ, часовъ около десяти вечера, изъ сосѣдняго кабака вышла толпа человекъ въ тридцать, направилась къ магазину и стала ломиться въ дверь. Хозяинъ магазина спросилъ, что имъ нужно? Они отвѣчали: станокъ! Имъ сказали, что станокъ имъ не дадутъ и что люди, находящіеся въ магазинѣ, имѣютъ разрѣшеніе мера защищать ввѣренную имъ собственность, хотя бы имъ пришлось поплатиться жизнью. Нападающіе начали бросать въ окна зданія камешками, повывили нѣсколько стеколъ, наконецъ дали два или три выстрѣла. Тутъ только осаждаемые въ свою очередь рѣшились стрѣлять. Толпа, потерявъ нѣсколько человекъ ранеными и одного убитымъ, разсѣялась, но вскорѣ возвратилась съ лѣстницами и другими принадлежностями, ясно высказывавшими намѣреніе поджечь зданіе магазина. «Выжги ихъ, выжги ихъ!» кричала толпа. Затѣмъ меръ былъ отправленъ къ осажденнымъ съ предложеніемъ выдать станокъ. Осажденные отказались и просили мера созвать къ нимъ на помощь кое-кого изъ другихъ гражданъ; но меръ объявилъ имъ, что толпа такъ сильна, что онъ ничего не можетъ сдѣлать съ ней; на вопросъ ихъ, могутъ ли они защищать магазинъ съ оружіемъ въ рукахъ, онъ отвѣчалъ имъ, что они имѣютъ на то полнѣйшее право. По удаленіи мера, нападающіе привели въ исполненіе свою угрозу и, приставивъ лѣстницы къ кровлѣ магазина, зашли ее. Тогда нѣсколько человекъ изъ осажденныхъ вышли съ намѣреніемъ очистить себѣ путь къ отступленію. Давъ залпъ по кучкѣ осаждающихъ, стоявшей возлѣ лѣстницы, они разогнали ее; затѣмъ возвратились въ зданіе, чтобы снова зарядить свои ружья. Въ эту минуту Ловджай и двое другихъ подошли къ двери магазина; Ловджай стоялъ впереди. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него за кучкою хвороста скрывались кучки осаждающихъ; изъ нея раздавался выстрѣлъ, и пять пуль попали въ Ловджая. Онъ послѣшнью обернулся назадъ, вбѣжалъ по лѣстницѣ въ контору магазина и съ восклицаніемъ: о Боже! я убитъ, я убитъ! упалъ на полъ, гдѣ почти въ ту же минуту испустилъ духъ. Со смертью его, остальнымъ не было болѣе

никого интереса оставаться въ горѣвшемъ зданіи, они немедленно обратились въ бѣгство, преслѣдуемые выстрѣлами толпы. Затѣмъ толпа ворвалась въ магазинъ, выбросила изъ огня типографскій станокъ, предметъ своей ярости, разбила его въ дребезги и обломки побросала въ рѣку.

Замѣчательно, что какъ защитники магазина, такъ и виновники нападенія были обвиняемы передъ судомъ въ произведеніи убійства: первые ссылались на разрѣшеніе самого мера, ручавшагося имъ за безнаказанность задуманнаго ими сопротивленія; но меръ показлъ, что говорилъ съ ними какъ другъ, какъ юрисконсультъ, а не какъ лице, облеченное властью. Наконецъ судъ оправдалъ какъ защитниковъ магазина, такъ и убійцъ Ловджая.

Приведенныхъ нами фактовъ достаточно для того, чтобы показать читателю, съ какими необыкновенными затрудненіями соединялась пропаганда свободы негровъ въ американскомъ обществѣ. Повидимому самая святая и неприкосновенная независимость печати, постоянно боролась съ рабовладѣльческими насиліемъ, и борьба эта почти всегда оканчивалась пораженіемъ. Лучшіе органы прессы, не желая раздражать мнѣнія большинства, молчали или лицедрѣили, когда касались рабовладѣльческихъ интересовъ. Холопскіе же журналы и газеты, готовые напускать своихъ писакъ на всякую грязь, безстыдно поддерживали идею рабства и старались разукрасить ее всевозможными софизмами. Не было недостатка и въ такихъ журнальных погодьяхъ, которые доказывали божественное право рабства, возводя его въ патріархальное и благодѣтельное учрежденіе. На страницахъ этихъ грязныхъ органовъ постоянно встрѣчались слѣдующія фразы: «Господинъ раба есть вмѣстѣ съ тѣмъ и отецъ его, а власть отца надъ сыномъ остается неограниченной? Или: «Самъ Богъ осудилъ негровъ на безусловное повиновеніе своимъ владѣльцамъ, потому что черное племя было проклято въ лицѣ Ханаана. Это проклятіе и дѣлаетъ негра рабочимъ скотомъ бѣлаго населенія.» Само собою разумѣется, что эта подлая лесть, подносимая вмѣсто энимиамъ богатому рабовладѣльческому классу, принималась съ благодарностію и поощрялась общественнымъ мнѣніемъ. На эти органы были десятки тысячъ подписчиковъ, имъ выдавались частныя субсидіи, и они процвѣтали. Среди этого хора защитниковъ рабства, голосъ противниковъ его едва доходилъ до общества; этому энергическому голосу противодѣйствовала вся плантаторская пресса, его

душили интриги и насилия толпы и самого правительства. После этого неудивительно, что аболиционисты играли в продолжение всей истории рабства самую пассивную роль. Они плыли против общего течения, и самые благородные борцы изъ нихъ, обыкновенно, оканчивали свою жизнь и дѣятельность какимъ нибудь трагическимъ происшествіемъ.

Кстати замѣтить, что развитіе рабства шло прогрессивнымъ путемъ. Чѣмъ шире раздвигались экономическіе интересы страны, чѣмъ сложнѣе дѣлались сношенія Юга съ мануфактурами Англіи, тѣмъ дороже и милѣ становилось рабство американской аристократіи. Сначала оно защищалось, какъ домашнее учрежденіе, какъ неизбежная ошибка предковъ, но такая ошибка, за которую, помимо, стыдилось правительство. Съ присоединеніемъ же Техаса оно было объявлено политическимъ принципомъ, и правительство открыто высказалось въ пользу его законнаго существованія. Такъ въ декабрѣ 1844 Тейлеръ представилъ конгрессу депешу государственнаго секретаря Калупа, адресованную посланнику Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ. Этотъ замѣчательный документъ заключалъ въ себѣ инструкцію представить французскому правительству всю выгоду и необходимость присоединенія Техаса *преимущественно, какъ мѣры должествующей способствовать поддержанію невольничества какъ въ самомъ Техасѣ, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ и на всемъ протяженіи американскаго материка.* Въ депешѣ развивалась та мысль, что Англія, уничтожившая невольничество въ своихъ собственныхъ Вестъ-Индскихъ колоніяхъ и потерпѣвъ неудачу въ своей суетной попыткѣ соединить филантропію съ меркантилизмомъ, стремится теперь низвести и остальные государства, начиная съ Техаса, къ своему собственному пониженному уровню. «Съ этою цѣлью, говорилось въ депешѣ, она не только старается увеличить количество своихъ собственныхъ тропическихъ произведеній, но и парализовать производительныя силы другихъ странъ, далеко опередившихъ ее въ этомъ отношеніи по ея же собственной вѣщѣ. Самымъ дѣйствительнымъ для этого средствомъ она считаетъ уничтоженіе рабства на всемъ протяженіи американскаго материка. Переворотъ этотъ, должествующій неизбежно повлечь за собою непримиримую вражду между двумя расами и разрѣшиться кровопролитною борьбою на жизнь и на смерть, отдастъ монополъ тропическаго производства въ руки Англіи. Обла-

для обширными колоніями, обиліемъ рабочихъ рукъ и капиталовъ, она въ состояніи будетъ пополнить дефицитъ, причиненный остановкою въ производствѣ Соединенныхъ Штатовъ, Кубы, Бразиліи и другихъ странъ, воздѣлываемыхъ невольничьимъ трудомъ, такъ скоро повысившіяся цѣны на тропическіе продукты дадутъ ей возможность воздѣлывать ихъ съ выгодой для себя. Пока же конкуренція невольничьяго труда удерживаетъ цѣны на эти продукты на такомъ низкомъ уровнѣ, что не позволяетъ Англіи воздѣлывать ихъ въ своихъ колоніяхъ при посредствѣ того, что ей угодно называть свободнымъ трудомъ.» Деша оканчивалась указаніемъ гибельныхъ послѣдствій, которыя уничтоженіе невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ должно было повлечь за собою для всего образованнаго міра. «Съ нимъ вмѣстѣ, говорилось въ ней, падетъ громадное производство тропическихъ продуктовъ, сумма котораго равняется ежегодно 300,000,000 долларовъ (авторъ деша, повидному забывалъ повсемѣстные жалобы на невольничество какъ на тормазъ, удерживающій производительность юга далеко ниже его естественнаго уровня) и которое, обиліемъ доставляемыхъ имъ продуктовъ, оживляетъ индустрію Европы, способствуя такимъ образомъ возрастанію ея населенія, богатства, могущества и цивилизаціи.»

Такова была точка зрѣнія американской политики до избранія президентомъ Авраама Линкольна. Согласно съ этимъ политическимъ воззрѣніемъ законодательная власть дѣйствовала не только въ духѣ рабовладѣльческихъ интересовъ, но часто выказывала какія-то каннибальскія наклонности въ отношеніи негровъ. Выдача невольниковъ была самой отвратительной мѣрой, надѣлавшей много шуму не только въ Бѣломъ дворцѣ, по и среди народа.

Новый законъ о бѣглыхъ невольникахъ былъ первоначально составленъ сенаторомъ Мэзономъ, ярымъ рабовладѣльцемъ, занявшимъ впоследствии видное мѣсто въ рядахъ Южанъ, отдѣлившихся отъ союза. Вотъ главныя основанія этого закона; они достаточно краснорѣчиво говорятъ сами за себя и не нуждаются въ комментаріяхъ.

Одно заявленіе, кѣмъ бы то ни было, права на дѣйствительно или мнимо бѣглаго невольника признавалось достаточнымъ поводомъ къ выдачѣ послѣдняго. При этомъ предполагаемому невольнику не давалось даже права требовать суда присяжныхъ, права, которое по законамъ

Соединенныхъ Штатовъ предоставлялось великому, какъ скоро истъ превышалъ стоимость двадцати долларовъ. Такимъ образомъ достаточно было первому встрѣчному объявить, что такой-то бѣжавшій невольникъ, — обвиненный, кто бы онъ ни былъ, хотя бы даже генералъ союзныхъ войскъ или губернаторъ провинціи (законъ этотъ умалчиваетъ о цвѣтѣ кожи), не имѣлъ ни малѣйшей гарантіи для своей свободы. Свидѣтельство самого лица, обвиняемаго въ побѣгъ, не имѣло никакой законной силы.

Мало того, законъ не позволялъ невольнику переносить свое дѣло на рѣшеніе судьи. Вся процедура ограничивалась тѣмъ, что истецъ обращался къ нарочно для того приставленному комиссару, который совершалъ формальность засвидѣтельствованія личности невольника и выдавалъ его истцу. При этомъ вознагражденіе комиссару опредѣлялось въ 10 долларовъ, если дѣло дѣйствительно окончится выдачею невольника владѣльцу, въ противномъ же случаѣ только въ пять. Такимъ образомъ самый законъ подкупалъ безпристрастіе комиссара и заставлялъ его въ разбирательствѣ дѣла держать сторону рабовладѣльца.

Комиссару позволялось при арестованіи лицъ, обвинявшихся въ побѣгъ, обращаться за помощью къ присутствующимъ постороннимъ свидѣтелямъ, и всѣмъ добрымъ гражданамъ вмѣнялось въ обязанность оказывать въ этихъ случаяхъ полнѣйшее содѣйствіе.

Защитникомъ и ревностнымъ исполнителемъ этого закона выступило правительство, душою котораго былъ Уэбстеръ, противникъ невольничества по принципу. Подавая голосъ за билъ, предложенный Мэзопомъ, Уэбстеръ не задумался объявить, что считаетъ приведеніе въ исполненіе этого билля не только долгомъ, налагаемымъ вѣрностью конституціи, но и нравственнымъ обязательствомъ. На эту-то тему съ его голоса принялись разглагольствовать всѣ представители «консервативнаго» направленія. Съ кафедръ, въ палатахъ, на митингахъ, всюду ораторствовали о томъ, что гражданинъ, отказывающійся принять дѣятельное участіе въ поимѣ бѣглаго невольника, повиненъ не только въ неуваженіи конституціи, но и въ нарушеніи высшаго нравственнаго обязательства.

Каково бы ни было значеніе этого страшнаго закона съ точки зрѣнія справедливости и гуманности, одно за нимъ надо оставить: онъ былъ логиченъ; потому что никакое постановленіе о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ не могло быть гуманнымъ и въ то же время

достигать своей цѣли. Къ чести человѣческой природы надо замѣтить, что многіе изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ Мэзоновскаго закона оказывались менѣе его консеквентными въ частной своей дѣятельности. Припомнимъ сенатора Бэрда въ хижинѣ дяди Тома, который помогаетъ, на зло своимъ оффиціальнымъ убѣжденіямъ, Лиззи и ея ребенку бѣжать въ Канаду. Эту черту Бичеръ-Стоу заимствовала изъ самой жизни.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ закономъ на общественное мнѣніе, было не вездѣ одинаково. Въ главныхъ центрахъ неготорговли населеніе, солидарное въ своихъ интересахъ съ Югомъ, смотрѣло на сцены поимки бѣглыхъ новольниковъ довольно равнодушно и даже во многихъ случаяхъ сочувственно; въ другихъ мѣстахъ всѣ симпатіи были на сторонѣ преслѣдуемыхъ негровъ: народъ нерѣдко выручалъ ихъ отъ комиссаровъ и доставлялъ имъ возможность бѣжать. Въ Пенсильваніи былъ случай, что одинъ мерилендскій рабовладѣлецъ, преслѣдовавшій своихъ бѣжавшихъ невольниковъ, встрѣтилъ вооруженное сопротивленіе со стороны свободныхъ негровъ, густо заселявшихъ эту мѣстность, и былъ застрѣленъ.

Но это были отдѣльные случаи, и охота за людьми скоро обратилась въ довольно прибыльную профессію. Доказательствомъ тому можетъ служить предложеніе, сдѣланное письменно однимъ констеблемъ изъ Фредерика, монреальскому шерифу въ Канадѣ. Въ этомъ письмѣ говорилось, что множество невольниковъ бѣжитъ въ Канаду, гдѣ ихъ не можетъ настичь преслѣдованье, такъ какъ комиссары Соединенныхъ Штатовъ не отваживаются заходить въ чужія владѣнія, боясь быть арестованными; а потому хорошо было, если бы нашелся въ Монреалѣ человѣкъ, который взялся бы заманивать бѣглецовъ подъ различными предлогами на границу Канады и Соединенныхъ Штатовъ. При этомъ пишущій замѣчалъ, что за поимку невольниковъ даютъ большія награды, и выражалъ готовность честно подѣлиться добытыми такимъ образомъ барышами.

О томъ, какими обстоятельствами сопровождалась подчасъ эта безчеловѣчная охота, могутъ дать понятіе слѣдующіе два эпизода. Въ Вильясбаррѣ, въ Пенсильваніи, одинъ мулатъ, состоявшій слугою въ гостинницѣ, былъ застигнутъ въ располхъ полицейскимъ комиссаромъ и тремя или четырьмя виргинцами. Подкравшись къ нему сзади, они ошеломили его ударомъ кистеня и собирались надѣть ему на руки колодки, но мулатъ вырвался отъ нихъ и, обрызган-

ный кровью, винулся въ рѣку, съ крикомъ: «лучше умереть, чѣмъ быть пойманнымъ живымъ!» Преслѣдователи послали ему въ голову нѣсколько выстрѣловъ, одинъ изъ которыхъ попалъ ему въ голову въ ту минуту, когда онъ стоялъ еще по горло въ водѣ. Собравшаяся между тѣмъ толпа съ негодованіемъ смотрѣла на это зрѣлище, и преслѣдователи, боясь дѣятельнаго вмѣшательства съ ея стороны, удалились и начали между собою совѣтоваться. Тогда мулатъ вышелъ изъ воды и легъ на берегу, близкій, по видимому, къ послѣднему вздоху: одинъ негръ помогъ ему встать на ноги; но въ эту минуту преслѣдователи возвратились и, уставивъ въ мулата дуло своихъ револьверовъ, снова вогнали по-горло его въ воду. Въ этомъ положеніи онъ оставался болѣе часа: ни одинъ изъ преслѣдователей не отваживался къ нему приблизиться; стрѣлять они тоже болѣе не рѣшались въ виду возраставшаго негодованія зрителей. Наконецъ видя, что дѣло пахнетъ арестованіемъ за нарушеніе общественнаго спокойствія, они успѣлиши удалиться, а мулатъ, прошедшій между тѣмъ нѣкоторое пространство вверхъ по рѣкѣ, былъ найденъ среди поля, засѣяннаго хлѣбомъ: онъ лежалъ безъ чувствъ, ничкомъ на землѣ. Нашлись добрые люди, которые подняли его и перевязали его раны. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна. Между тѣмъ преслѣдователи его были арестованы въ Филадельфій и преданы суду за нарушеніе общественнаго порядка, но членъ верховнаго судилища Соединенныхъ Штатовъ, судья Грейсъ, остановилъ дальнѣйшій ходъ этого дѣла на томъ основаніи, что обвиненные состояли на службѣ федеральнаго правительства и, арестуя мулата, исполняли только свой долгъ, при чемъ добавилъ судья: «ихъ можно развѣ обвинить лишь въ недостаткѣ энергіи и стойкости при исполненіи даннаго имъ предписанія.»

Другой, еще болѣе трагическій эпизодъ, представляетъ дѣло Маргариты Гарриеръ. Въ 1856 году два невольника съ женами и дѣтьми бѣжали изъ графства Бусъ въ Штатъ Кентукки и переправились на другой берегъ Цинцинати по льду. Хозяева пустились за ними въ погоню и вскорѣ узнали, что бѣглецы скрываются въ жилищѣ одного негра. Взявъ себѣ на помощь полицейскаго комиссара, преслѣдователи направились къ означенному жилищу и потребовали отъ негровъ сдачи. Имъ отвѣчали отказомъ. Тогда полицейскіе ломали дверь, но были встрѣчены со стороны бѣглецовъ вооруженнымъ сопротивленіемъ. Одинъ изъ полицейскихъ получилъ легкую

рану, но вслѣдъ за тѣмъ негры были обезоружены прежде, чѣмъ успѣли снова зарядить свои пистолеты.

Когда побѣдители вступили въ жилище, первое, что бросилось имъ въ глаза, была маленькая дѣвочка рѣдкой красоты, лежащая въ одномъ углу комнаты при послѣднемъ надыханіи; горло у нея было перерѣзано отъ одного уха до другого. Въ ту же минуту крикъ, раздавшійся изъ сосѣдней комнаты, заставилъ преслѣдователей броситься туда. Передъ ними было слѣдующее зрѣлище: молодая негрятка стояла, замахнувшись окровавленнымъ ножомъ, надъ двумя дѣтьми, валявшимися на полу и кричавшими отъ боли и ужаса. Женщину эту обезоружили; по осмотрѣ дѣтей оказалось, что имъ нанесено нѣсколько тяжелыхъ ранъ въ плечи и въ голову. Негританка объявила себя матерью какъ этихъ дѣтей, такъ и убитой дѣвочки, и показала, что рѣшилась убить ихъ, чтобы не видѣть ихъ рабами. Бѣглецовъ препроводили подъ арестъ; они переносили свою участь съ пассивнымъ отчаяніемъ, и на всѣ, предлагаемыя имъ вопросы, отвѣчали односложными словами. Хозяева ихъ показали, что во время пребыванія своего у нихъ, эти невольники отличались приличнымъ поведеніемъ. Мать убитой дѣвочки казалась погруженной въ какое-то тупое отчаяніе. Кто-то похвалилъ ей ея маленькаго сына, она оживилась и проговорила: «Посмотрѣли бы вы мою дочку, что... что... что умерла! То-то была красавица!» Она показала, что была вынуждена къ бѣгству жестокимъ обращеніемъ своего господина и задумала убить всѣхъ своихъ дѣтей и потомъ себя, чтобы избавиться отъ ужасовъ неволи. Остальные бѣглецы объявили, что они съ пляскою отправились бы на висѣлицу, лишь бы не возвращаться въ неволю. Но желаніе ихъ не сбылось; всѣхъ ихъ возвратили хозяевамъ. Съ хозяйна Маргариты Гарнеръ, обвиненной въ дѣтоубійствѣ, взяли обязательство, что онъ представитъ ее въ судъ тотчасъ же по востребованію; но онъ не сдержалъ своего обѣщанія и продалъ ее кому-то, такъ что дальнѣйшая ея судьба неизвестна.

По мѣрѣ того, какъ увеличивалась цѣна бѣглыхъ невольниковъ, плантаторская политика изощрялась въ придумываніи разныхъ средствъ для преслѣдованія бѣглецовъ. Явились специальные охотники, которые брались за извѣстную плату ловить и представлять рабовладельцу пойманнаго негра. Въ горахъ и ущельяхъ, гдѣ проходы были особенно опасны, скрывались сторожевыя партіи, если бѣгство

принимало хроническій характеръ. Кромѣ того, воспитывалась особенная порода борзыхъ собакъ, приученныхъ хватать негра въ рѣгѣ или на открытомъ полѣ. Часто доставлялся рабъ убитымъ или растерзаннымъ, и за это назначалась особенная плата. Наконецъ съ этою дѣліе введено было систематическое шпионство, обяванное открывать заговоры къ побѣгу и подслушивать самые интимные разговоры въ невольничьихъ семьяхъ. Когда всѣ эти мерзости назрѣли до гвойнаго и вонючаго волдыря, явился новый защитникъ угнетенной расы—Джонъ Броунъ.

Это одинъ изъ тѣхъ трагическихъ эпизодовъ въ исторіи рабства, которые предвѣщаютъ новыя времена и новыя событія. Возстаніе этого «великаго праведника», какъ его назвали американцы, произвело потрясающее впечатлѣніе по ту сторону Атлантическаго Океана. Отголосокъ этого впечатлѣнія, проникшій въ Европу, памятенъ и намъ: есть что-то глубоко трогательное въ исторіи этой жизни, такъ сознательно и спокойно принесенной въ жертву правому дѣлу; какъ-то невольно отдыхаешь на этой простой, неумолимо-последовательной личности библейскаго старца, послѣ длиннаго ряда преступныхъ и малодушныхъ дѣлъ, совершенныхъ во имя ложно-понятой житейской мудрости, послѣ всего этого разлада между внутреннимъ убѣжденіемъ и внѣшнею дѣятельностью, разлада, прикрываемаго ловкою діалектикою. 17 октября 1859 г. всѣ Соединенные Штаты были поражены телеграммою, извѣщавшею, изъ Балтимора, что въ Гарперсъ-Ферри, небольшомъ городкѣ на виргинскомъ берегу Потомана, вспыхнуло аболіціонистское возстаніе. Въ телеграммѣ говорилось, что оружейный заводъ въ рукахъ аболіціонистовъ, число которыхъ простирается до 200, не считая множества присоединившихся къ нимъ негровъ. Первое впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ, было недовѣріе; всѣ полагали, что вышло какое нибудь недоразумѣніе; въ Гарперсъ-Ферри находился государственный оружейный заводъ и большой складъ оружія, а потому естественно было полагать, что тутъ дѣло просто въ столкновеніи между рабочими и лицами, управлявшими заводомъ, изъ-за платы, изъ-за рабочихъ часовъ или чего нибудь подобнаго. Незвѣстность усиливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что проволоки телеграфа, проведеннаго отъ Гарперсъ-Ферри къ ближайшимъ станціямъ, были перерѣзаны, и поѣздъ, проходившій черезъ этотъ городъ, остановленъ на нѣсколько часовъ. Но черезъ нѣсколько времени оказалось, что изъ-

вѣстіе вѣрно, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ своихъ чертахъ. Въ Виргиніи дѣйствительно была произведена попытка возбудить возстаніе между невольниками, и въ цѣлой Америкѣ былъ одинъ только человѣкъ, способный на такое безумно-смѣлое дѣло.

Джонъ Броунъ, виновникъ покушенія въ Гарперсъ-Ферри, былъ потомокъ одного изъ тѣхъ пуританскихъ выходцевъ, которые висали въ Плаймутъ-Рокъ въ достопамятный день 22 декабря 1620. Оба дѣда его съ отцовской и съ матерней стороны участвовали въ войнѣ за освобожденіе, и эти пуританскія и республиканскія семейныя вреданія отразились въ характерѣ самого Джона Броуна. Отецъ его былъ поставщикомъ снота въ армию союза во время войны 1812, и двѣнадцатилѣтній Джонъ соучаствовалъ ему въ его разъѣздахъ. То, что онъ видѣлъ изъ военной жизни, поселило въ мальчикѣ отвращеніе отъ военнаго ремесла и, достигнувъ совершеннолѣтія, онъ предпочелъ платить штрафы и укрываться, лишь бы не нести службу въ милиціи. Изъ дѣтскаго же возраста вынесъ Броунъ глубокое убѣжденіе въ несправедливости невольничества. Вотъ какъ онъ самъ рассказываетъ объ этомъ въ небольшомъ автобіографическомъ отрывкѣ.

«Во время войны съ Англіею случилось обстоятельство, сдѣлавшее его (Броунъ говорилъ про себя въ третьемъ лицѣ) безусловнымъ аболіціонистомъ и заставившее его поклясться въ вѣчной враждѣ къ невольничеству. Онъ гостилъ въ домѣ одного богатаго землевладельца, у котораго былъ маленькій негръ, ровесникъ Джона, дѣятельный, способный и добрый мальчикъ, снискавшій себѣ благодарность Джона разными маленькими услугами. Хозяинъ дома всячески баловалъ Джона, призывалъ его къ столу, когда у него обѣдали друзья и знакомые, обращалъ ихъ вниманіе на каждую его бойкую выходку, тогда какъ маленькаго негра (который во всѣхъ отношеніяхъ могъ бы поспорить съ нимъ) кормили и одѣвали плохо и били, на глазахъ Джона, желѣзною кочергою или чѣмъ ни попаало».

Выросши Броунъ изучилъ кожевенное дѣло и поселился въ Огіо. Жизнь его вплоть до послѣднихъ годовъ не ознаменовалась никакими выдающимися внѣшними событіями. Онъ попеременно занимался то кожевнымъ дѣломъ, то фермерствомъ, то торговалъ шерстью. Какъ видно, ему ни въ чемъ не везло. Пробовалъ онъ завести торговлю съ Англіею и, нагрузивъ корабль шерстью, самъ отправился на немъ въ Лондонъ. Но спекуляціи эта не удалась, и

Броунъ возвратился въ Америку банкротомъ. Онъ нѣсколько разъ мѣнялъ мѣсто своего жительства, былъ два раза женатъ и имѣлъ отъ этихъ двухъ браковъ двадцать-двѣтей, изъ которыхъ восемь пережили его. Наконецъ въ 1854 г. четыре его старшіе сына рѣшились переселиться въ Канзасъ. Прибывъ туда, они поселились недалеко отъ миссурійской границы, но встрѣтили отъ своихъ сосѣдей по ту сторону Миссури тотъ же приемъ, какъ и другіе выходцы изъ свободныхъ штатовъ. Убѣдившись, что безъ средствъ къ сопротивленію имъ не сдобровать, они писали отцу, прося его прислать имъ оружіе. Джонъ Броунъ рѣшился лично доставить имъ то, о чемъ они просили и, оставивъ свое семейство дома, пустился въ путь. Другіе отправлялись въ Канзасъ, чтобы улучшить свое матеріальное благосостояніе, но Броунъ ѣхалъ туда, чтобы отстаивать правое дѣло, если понадобится, съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ былъ не политикомъ, въ ходячемъ значеніи этого слова; его могучая широкая натура не владывалась въ узкія рамки какихъ бы то ни было политическихъ стремленій. Онъ равно презиралъ все партіи и съ недоуміемъ относился къ республиканской, которая говорила «стой!» тамъ, гдѣ онъ говорилъ «впередь!» Торжество республиканцевъ въ 1860 г. онъ считалъ похѣю для успѣха того дѣла, которому онъ себя посвящалъ. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что республиканцы, очутившись во главѣ правленія, окажутся такими же консерваторами въ невольническомъ вопросѣ, какъ и сами демократы и обмануть ожиданія народа, надѣявшагося, что усиліями ихъ въ конгрессѣ невольничество будетъ скоро и безъ потрясеній уничтожено. Слова его оказались пророчествомъ. Онъ вѣровалъ въ братство всехъ людей; съ другой стороны чтеніе библіи наложиво на способъ его служенія избранному имъ дѣлу свой отпечатокъ. «Исторія Гедсона, отозвался чловѣкъ, предавшій его впоследствии, видимо произвели на него глубокое впечатлѣніе».

Броунъ прибылъ въ Канзасъ въ самый разгаръ партизанской войны, которую рабовладѣльческая партія вела противъ выходцевъ изъ свободныхъ штатовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Броунъ сталъ однимъ изъ надежнѣйшихъ вождей послѣдней. Его хладнокровіе, храбрость и быстрота соображенія пополняли малочисленность силъ, которыми онъ располагалъ. Въ небольшомъ его лагерѣ господствовала строгая дисциплина; непреклонный пуританинъ-вождь не доускалъ не только разгула, но и употребленія ругательныхъ и грубыхъ

выраженій. «Ошибочно думаютъ, говорилъ онъ одному посѣтителю, пріѣхавшему въ его лагерь, что нахалы лучшій народъ для битвы. Дайте имъ дюжину людей съ хорошими правилами и умѣющихъ уважать самихъ себя—и я съ такою дюжиной не побююсь цѣлой сотни этихъ пограничныхъ разбойниковъ.»

Пять лѣтъ пробылъ Броунъ въ Канзасѣ, изрѣдка отлучаясь въ восточные штаты, чтобы достать денегъ и другія необходимыя пособія. Одинъ изъ сыновей его, Фредерикъ, былъ убитъ на глазахъ отца въ стылкѣ съ миссурійцами. Наконецъ въ самомъ разгарѣ этой ожесточенной борьбы, Броунъ рискнулъ на такое дѣло, послѣ котораго дальнѣйшее пребываніе въ Канзасѣ для него было невозможно. Одинъ невольникъ изъ Миссури, переправившись черезъ границу, тайно явился къ Броуну и рассказалъ, что онъ и его семейство проданы въ неволю и должны отправиться на слѣдующее утро въ Техасъ. Немного думая, Броунъ съ горстью своихъ вѣрныхъ товарищей, сначала перебрался въ Миссури, освободилъ невольника съ его семействомъ, переселился еще у нѣсколькихъ рабовладѣльцевъ, которыхъ забралъ въ плѣнъ, и возвратилъ свободу нѣсколькимъ неграмъ. Можно себѣ представить, какая буря негодованія поднялась противъ отважнаго аболіціониста. Миссурійскій губернаторъ назначилъ за поимку Броуна награду въ 3000 долларовъ; президентъ Бьюкананъ съ своей стороны прибавилъ еще двѣсти пятьдесятъ долларовъ. Болѣе умѣренные изъ бывшихъ единомышленниковъ Броуна строго порицали его поступокъ, и Броуну ничего болѣе не оставалось, какъ оставить Канзасъ. Онъ держалъ путь на сѣверъ съ четырьмя товарищами изъ бѣлыхъ и нѣсколькими освобожденными имъ неграми съ ихъ женами и дѣтьми. Отступленіе было трудное и сопряженное съ немалыми опасностями. Разъ за Броуномъ и его спутниками гналась толпа челоуѣкъ въ тридцать, и дѣло едва не дошло до рукопашной схватки, когда преслѣдователи обратились въ бѣгство, узнавъ, вѣроятно, что на выручку Броуна спѣшить подрѣшеніе. Всюду къ Броуну присоединился вѣрный его сподвижникъ, Каджи, съ отрядомъ въ сорокъ челоуѣкъ. Такимъ образомъ Броунъ благополучно достигъ Небросской границы, а оттуда пробрался въ Канаду, гдѣ и водворилъ освобожденныхъ невольниковъ.

Между тѣмъ еще въ 1858 году стараніями Броуна состоялся конвентъ, въ которомъ участвовали только самые надежные люди, какъ въ бѣлыхъ, такъ и въ черныхъ. Этотъ конвентъ выдалъ актъ,

озаглавленный «временною конституціею», въ которомъ невольничество объявлялось самою варварскою, незаконною войною одной части населенія противъ другой. Въ остальныхъ статьяхъ этого акта излагался планъ корпорации, обязывавшейся покровительствовать всѣмъ угнетеннымъ гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ, права которыхъ не признавались существующими законами. Вся собственность, добытая трудомъ отдѣльныхъ членовъ этой корпорации, а также имущества, отнятыя на войнѣ и конфискованныя, разсматривались, какъ общій фондъ, равно принадлежавшій всѣмъ и каждому и долженствовавшій расходоваться такъ, какъ того потребуетъ общая выгода. Всякій, кто утаитъ добычу, отбитую имъ отъ непріятеля или позволитъ себѣ злоупотребить общими достояніемъ, ввѣреннымъ его храненію, подвергался строгому наказанію. Тѣ лица, которыя добровольно возвращаютъ свободу своимъ невольникамъ, хотя бы и не поступаая въ члены корпорации, пріобрѣтали этимъ самымъ право на покровительство общества, которое должно было поступать съ ними, какъ съ друзьями. Личность и собственность не рабовладѣльцевъ, которые останутся абсолютно нейтральными, ограждались на столько, на сколько это окажется совмѣстнымъ съ требованіями обстоятельствъ. Что же касается тѣхъ лицъ, которыя прямо или косвенно будутъ помогать рабовладѣльцамъ или упорно откажутся освободить своихъ невольниковъ, то вся ихъ движимая и недвижимая собственность присуждалась къ конфискованію. Въ заключеніе этотъ актъ объявлялъ, что цѣль его состоитъ не въ уничтоженіи существующаго правительства, не въ расторженіи союза, но въ исправленіи и отмѣненіи пагубныхъ учрежденій.

Возвратившись изъ Канады, Броунъ навѣстилъ свое семейство и побывалъ въ различныхъ городахъ съ цѣлью все приготовить для задуманнаго имъ рѣшительнаго удара. Наконецъ онъ явился въ сопровожденіи двухъ своихъ сыновей въ окрестности Гарперсъ-Ферри, и подъ именемъ Смита нанялъ большую ферму, находившуюся не подалеку. Онъ выдавалъ себя за фермера изъ Нью-Йоркскаго штата, гдѣ морозъ будто бы побилъ у него двѣ жатвы подрядъ, и говорилъ, что теперь хочетъ попытать счастья въ болѣе тепломъ климатѣ. Прошло нѣсколько времени, въ продолженіи котораго новые поселенцы ничѣмъ не обращали на себя вниманіе своихъ сосѣдей; правда, они очень часто отлучались въ горы подъ предлогомъ охоты, хотя было замѣчено, что, возвращаясь домой, они нисколько не приносили съ

собой дичи; правда и то, что въ домъ къ нимъ являлись отъ времени до времени неизвѣстныя лица, цвѣтъ кожи которыхъ казался подозрительнымъ; но они продолжали жить въ ладу съ сосѣдами, были со всѣми обходительны и за все платили наличными деньгами. Такимъ образомъ Броуну удалось собрать вокругъ себя нѣсколько единомышленниковъ, которые скрывались въ теченіи дня, чтобы не давать повода ни къ какимъ толкамъ; въ то же время въ ферму подвозили мало по малу значительное количество оружія, аммуниціи и пр.

Ночь 24-го октября была назначена Броуномъ для задуманнаго имъ нападенія на Гарперсъ-Ферри. Многіе изъ его единомышленниковъ были уже на пути; чтобы присоединиться къ нему въ назначенный срокъ, когда до нихъ дошло извѣстіе, что попытка сдѣлана прежде времени и не удалась. Полагаютъ, что причина, заставившая Бруна поторопиться, была измѣна одного изъ его товарищей, принудившая его выбрать одно изъ двухъ: или дѣйствовать немедленно, или вовсе отказаться отъ своего намѣренія. Въ воскресенье вечеромъ, 16-го октября, заговорщики держали совѣтъ, на которомъ единодушно одобрили планъ, предложенный Броуномъ. Планъ этотъ состоялъ въ завладѣніи большимъ складомъ оружія, находившимся въ Гарперсъ-Ферри. Весь отрядъ Бруна состоялъ изъ 17 бѣлыхъ и пяти негровъ, хотя и есть основаніе думать, что ему помогало нѣсколько постороннихъ лицъ, перерѣзавшихъ проволоку телеграфа и сломавшихъ рельсы желѣзной дороги. Въ ту же ночь Броунъ съ горстью своихъ храбрецовъ вошелъ никѣмъ незамѣченный въ Гарперсъ-Ферри. Первымъ дѣломъ было порушить фонари, за тѣмъ абolicіонисты безъ труда справились съ тремя часовыми, охранявшими оружейный заводъ и овладѣли зданіемъ. Часовой, стоявшій у моста черезъ Потомакъ, точно такъ же былъ схваченъ и замѣненъ часовыми изъ отряда Бруна. Все это было исполнено такъ удачно, что оружейный заводъ былъ уже нѣсколько часовъ во власти абolicіонистовъ, прежде чѣмъ кто-либо въ городкѣ догадался о происходившемъ. Въ четверть второго пришелъ поѣздъ желѣзной дороги, но былъ остановленъ на мосту вооруженными людьми. Кондукторъ и еще нѣсколько человекъ хотѣли было переправиться черезъ мостъ, но уставленные на нихъ ружейныя дула заставили ихъ воротиться. При этомъ одинъ негръ былъ раненъ въ спину, отъ чего вскорѣ и умеръ. Между тѣмъ одинъ изъ послѣдователей Бруна, капитанъ Стевенсъ, отправился въ дома нѣкоторыхъ гражданъ, кото-

рыхъ арестовалъ; имущество арестованныхъ конфисковалось и награма ихъ была дарована свобода. Когда такимъ образомъ набралось до сорока плѣнниковъ, Броунъ объявлялъ имъ, что отъ нихъ зависить быть выпущенными на волю: для этого они должны были только написать своимъ семействамъ, чтобы тѣ прислали по одному негру на каждаго плѣнника въ видѣ выкупа. На разсвѣтѣ поѣздъ былъ пропущенъ, и самъ Броунъ проводилъ его черезъ мостъ. На всѣ вопросы о цѣли этого движенія, Броунъ и его товарищи неизмѣнно отвѣчали: «цѣль наша—освобожденіе невольниковъ!»

На слѣдующій день аресты продолжались. Всѣхъ, отъ кого можно было ожидать сопротивленія, хватали и запирали въ зданіе оружейнаго завода. Между тѣмъ виргинцы успѣли оправиться отъ перваго переполоха; тѣ изъ нихъ, которые оставались на свободѣ и имѣли у себя оружіе, стали готовиться къ оборонѣ. Нѣсколько человекъ засѣли въ домѣ, находившемся прямо противъ воротъ арсенала, и выстрѣлили въ часовыхъ, охранявшихъ эти ворота. Одинъ часовой былъ убитъ, другой—сынъ Броуна—смертельно раненъ. Собщеніе съ сосѣдними городами было возобновлено, и хотя городъ все еще оставался во власти инсургентовъ, слѣдовало съ минуты на минуту ожидать прибытія вооруженной силы, долженствовавшей измѣнить положеніе дѣлъ. Почему Броунъ оставался въ Гарперсъ-Ферри, гдѣ ему грозила неминуемая гибель, и не предпочелъ бѣжать въ горы, благо это еще было возможно, остается до сихъ поръ необъяснимымъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ впоследствии говорилъ, что оружія у него было припасено достаточное количество въ окрестностяхъ его фермы, такъ что самое взятіе арсенала представляется загадочнымъ шагомъ съ его стороны. Должно полагать, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе нѣкоторыми лицами, завѣрившими его, что невольничье населеніе въ окрестности только выжидаетъ сигнала къ возстанію, и толпами явится къ нему, какъ скоро онъ водружитъ свое знамя.

19-го октября около полудня прибылъ первый отрядъ милиціи изъ Чарльстоуна и имѣлъ на мосту первую стычку съ инсургентами. Четверо инсургентовъ, видя, что дѣло ихъ проиграно, бросились въ рѣку и, добравшись до небольшого острова посрединѣ ея, выдерживали нѣкоторое время напоръ двухъ сотъ виргинцевъ; трое изъ нихъ были убиты, четвертый сдался; въ числѣ убитыхъ былъ вѣрный сподвижникъ Броуна, Бадли. Въ домѣ, окружавшіе арсеналъ,

были во власти виргинцевъ, которые стрѣляли изъ оконъ по инсургентамъ. Одинъ изъ этихъ выстрѣловъ унесъ у старика Броуна еще одного сына, Оливера. Молодой человекъ, почувствовавъ, что раненъ, вошелъ во дворъ арсенала, спокойно и молча легъ на землю и черезъ нѣсколько минутъ испустилъ духъ. По совѣту одного изъ своихъ плѣнниковъ Броунъ послалъ Аврона Стевенса, одного изъ надежнѣйшихъ своихъ товарищей, парламентаромъ къ непріятелю. Но бѣлый флагъ не предохранилъ Стевенса отъ виргинскихъ пуль; шесть изъ нихъ положили его на мѣстѣ.

Между тѣмъ милиція продолжала прибывать со всѣхъ сторонъ. Телеграфъ и желѣзная дорога были окончательно исправлены, и вашигтонское правительство, ричмондскій губернаторъ и бальтикорскія власти находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Гарперсъ-Ферри. Войска стягивались со всѣхъ пунктовъ, чтобы доконать уцѣлѣвшую горсть аболиціонистовъ. Оружейный заводъ окружили со всѣхъ сторонъ, но Броунъ продолжалъ отчаянно защищаться. Огонь превратился только съ наступленіемъ ночи. Около этого времени изъ отряда Броуна оставалось годными къ бою только четыре бѣлыхъ, не считая его самого, и нѣсколько человекъ негровъ. Всѣ остальные были или убиты, или въ плѣну. Раненый сынъ Броуна лежалъ возле него при послѣднемъ выдоханіи. А вокругъ арсенала между тѣмъ бушевала полуторатысячная толпа вооруженныхъ и яростныхъ враговъ. Броунъ, конечно, провелъ эту ночь безъ сна, раздавая приказанія и увѣщевая своихъ товарищей дорого продать свою жизнь. Въ семь часовъ утра возобновилось нападеніе. Войска выломали дверь той части завода, въ которую Броунъ удалился съ своими товарищами, и ворвались въ зданіе. Броунъ былъ сбитъ съ ногъ и получилъ нѣсколько сабельныхъ ударовъ въ лицо; въ довершеніе какой-то солдатъ два раза пропоролъ штыномъ тѣло старика. Товарищи его, безъ сомнѣнія, всѣ были бы убиты, если бы виргинцы не опасались въ томъ числѣ убить ошибкою и плѣнниковъ, захваченныхъ инсургентами.

Нечего и говорить, что вся Виргинія нахлынула въ Гарперсъ-Ферри, какъ скоро разнесся слухъ, что возстаніе подавлено и опасаться болѣе нечего. Раненый Броунъ и его немногіе уцѣлѣвшіе товарищи должны были выносить длинный рядъ допросовъ, чередовавшихся съ проклятіями. Но даже враги Броуна отдають полную справедливость спойностию и благородной простотѣ, съ которыми

онъ держалъ себя во все это время. 19-го октября четырехъ уцѣлѣвшихъ виновниковъ возстанія перевезли въ Чарльстоунъ, напутствуемыхъ яростными восклицаніями толпы, которую, впрочемъ губернатору Вайзу удалось пристыдить.

Много было говорено о поснѣжности, съ которою былъ веденъ процессъ Броуна и о жестокости приговора. Но у Виргиніи не было другого выбора, какъ повѣсить Броуна или освободить своихъ невольниковъ. О свободѣ нечего было и думать, слѣдовательно ей оставалось одно — предать Броуна и его товарищей суду прежде еще, чѣмъ они успѣли оправиться отъ полученныхъ ранъ; внушенія великодушія должны были умолять передъ паникою, охватившею весь штатъ и передъ опасеніемъ вооруженнаго возстанія.

Броуль держалъ себя во все время процесса съ изумительнымъ спокойствіемъ. Онъ съ презрѣніемъ отвергнулъ предложенный ему выходъ. — выдать себя за помѣшаннаго и смѣло, безъ утаегъ, сознался во всемъ, что только не могло компрометировать товарищей его, успѣвшихъ бѣжать. Когда ему 1-го ноября объявили его приговоръ и спросили, не имѣетъ ли онъ чего возразить противъ этого приговора, онъ всталъ и отвѣчалъ небольшою рѣчью, трогательно-грациозною по своей простотѣ. Въ этой рѣчи онъ отвергалъ вводимое на него обвиненіе въ измѣнѣ и въ подущеніи населенія къ возстанію, и повторялъ то, что не переставалъ заявлять съ самаго начала, — что единственною цѣлью было освобожденіе невольниковъ.

«Есть у меня и еще одно возраженіе, продолжалъ онъ: наказаніе, къ которому меня присудили, несправедливо. Если бы то, что я сдѣлалъ, было сдѣлано мною для богатыхъ и сильныхъ, для тѣхъ называемыхъ великихъ міра сего, тогда я оказался бы правъ, и этотъ же самый судъ призналъ бы меня достойнымъ не наказанія, а награды.

«Признаюсь, я слишкомъ еще молодъ, чтобы повѣрить, что не все люди равны передъ Богомъ. Я твердо убѣжденъ, что, заступаясь за бѣдныхъ и угнетенныхъ, я поступалъ хорошо, а не дурно. Но если считаютъ нужнымъ, чтобы я заплатился живенью за то, что стоялъ за справедливость, пусть будетъ такъ.»

Эта ясность и присутствіе духа пиразу не измѣнили ему въ послѣдніе дни его жизни. Въ письмѣ къ женѣ и дѣтямъ онъ высказывалъ убѣжденіе, что смерть его болѣе принесетъ пользы тому дѣлу, которому онъ себя посвящалъ, чѣмъ дѣятельность цѣлой его

жизни. Участь семьи заботила его болѣе, чѣмъ его собственная. Одна дама, мистрисъ Чайльдъ, хотѣла пріѣхать въ Чарльстоунъ, чтобы ходитъ за раненымъ Броунъ, но не получила на то дозволеніе виргинскихъ властей. Въ отвѣтъ на это письмо, Броунъ благодаритъ ее за доброе намѣреніе, но увѣряетъ, что это самопожертвованіе съ ея стороны было бы совершенно излишне, потому что онъ находится въ домѣ одного человѣколюбиваго джентльмена, который оказываетъ ему всѣ заботы, требуемыя его положеніемъ. Затѣмъ онъ указываетъ ей иной лучшей способъ выразить ему свое сочувствіе. Способъ этотъ—сдѣлать что нибудь для его осиротѣвшей семьи.

2-е декабря былъ день его казни. Три тысячи милиціи были выстроены вокругъ висѣлицы; опасались возстанія между нерольниками и вооруженнаго вмѣшательства съ цѣлью освободить Броунъ; вслѣдствіе этого стеченіе гражданъ на мѣстѣ казни было незначительное. Броунъ всталъ на разсвѣтѣ и писалъ письма вплоть до того часа, когда ему пришли сказать, чтобы онъ готовился къ смерти. Онъ пожалъ руку шерпу и обошелъ кельи своихъ товарищей, которые нѣсколько дней спустя должны были раздѣлить его участь. Каждому изъ нихъ онъ подарилъ на прощанье по четверти доллара, жалѣя, что средства не позволяютъ ему дать больше. Онъ вышелъ изъ темницы, по словамъ одного очевидца, съ лучезарнымъ лицомъ и твердымъ шагомъ побѣдителя. У дверей тюрьмы стояла негритянка съ ребенкомъ на рукахъ; онъ наклонился и поцѣловалъ ребенка. Другая негритянка воскликнула ему вслѣдъ: «да благословитъ тебя Господь, старикъ! Желала бы я помочь тебѣ, но не могу.» Дорогою у него кто-то спросилъ, не чувствуетъ ли онъ страха?—Я съ дѣтства тѣмъ отличался, отвѣчалъ онъ, что никогда не зналъ страха. Я во сто разъ болѣе страдалъ отъ застѣнчивости, чѣмъ отъ трусости.—Прибывъ на мѣсто казни, онъ твердыми шагами взомелъ на эшафотъ. Ему опустили бѣлый колпакъ на глаза и накиннули веревку на шею.

— Не дать ли вамъ платокъ, которымъ вы сами дадите сигналъ опустить трапъ? спросилъ его шерифъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, отвѣчалъ Броунъ; я готовъ во всякое время; только не заставляйте меня ждать понапрасну.

Но эту послѣднюю просьбу старика не захотѣли исполнить. Его продержали нѣсколько минутъ въ ожиданіи смерти, между тѣмъ какъ

войска исполняли различныя эволюціи. Мануты эти для всѣхъ присутствующихъ казались вѣками, даже солдаты начали роптать, и называли позоромъ такую проволочку. Наконецъ, по данному сигналу, палачъ отрѣзалъ веревку, придерживавшую трапъ, и Броунъ нырнулъ въ воздухъ. Но трапъ былъ такъ дурно устроенъ, что упалъ не довольно глубоко и затянулъ агонію Броуна на довольно долгое время.

Тѣло мученика возвратили его вдовѣ, которая увезла его на сѣверъ и схоронила въ родныхъ горахъ.

Послѣ этого страшнаго эпизода, возбужденнаго негодованіемъ во всѣхъ концахъ Европы, безстыдные рабовладѣльцы сами почувствовали свой собственный позоръ. Они старались замаять исторію Броуна, но не смѣли вклевтать на него, какъ это дѣлала прежде ихъ холопская пресса. Предсказаніе Броуна сбылось: на его висѣлицу надлежало смотрѣть Авраамъ Линкольнъ, и, принявъ президентскую власть, поклялся не оставить ни одного раба на землѣ свободнаго народа. Ходъ дальнѣйшихъ событій былъ послѣдовательно изложенъ въ «Русскомъ Словѣ», и потому нѣтъ надобности повторять его.

Б. Ш—дн.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРОЛЕТАРІЯ.

XVI.

Со времени моего приѣзда въ Парижъ, мнѣ не представлялось случая находиться опять съ Эммануэлемъ: работа у насъ была такая спѣшная, что цѣлое воскресенье и слѣдующій за нимъ понедельникъ, до восьми часовъ вечера, мы не выходили изъ мастерской, но въ субботу, раздавая намъ жалованье, господинъ Браконо предупредилъ насъ, что завтра мы будемъ совершенно свободны; съ раннимъ утромъ я былъ уже одѣтъ и бѣжалъ въ отель Песчаной улицы.

Мое посѣщеніе было какъ нельзя кстати, потому что Эммануэль, увидя меня, закричалъ:

— А я именно о тебѣ думалъ, Жанъ-Шьеръ: у насъ теперь вакаціонное время и начались экзамены; въ концѣ этой недѣли я думаю съѣздить на родину мѣсяца на два, и мнѣ было бы очень жаль не проститься съ тобой передъ отъѣздомъ.

Онъ пожалъ мнѣ руку. Въ то время, какъ онъ снималъ свой великолѣпный халатъ, я рассказывалъ ему, почему не могъ быть у него прежде.

— Ну такъ какъ же, сказалъ онъ, идемъ гулять и завернемъ позавтракать въ Палерояль!

Я думалъ, что онъ шутить, говоря о нашемъ завтракѣ въ Палерояль; но Эммануэль видно догадался, о чемъ я думалъ, и потому вскричалъ:

— Конечно не у Вефура, милый мой; сначала дождемся пансіона отъ его величества, короля Луи-Филиппа, а пока я сведу тебя къ Тавернье.

Онъ засмѣялся, и мы вышли, какъ и въ первый разъ, на улицу

Ла-Гарпъ. Но ему хотѣлось прежде всего показать мнѣ палату истицы, огороженную спереди великолѣпной рѣшеткой. За этой рѣшеткой находится дворъ, а въ концѣ двора лѣстница ведетъ въ ту переднюю, гдѣ адвокаты развѣшиваютъ свои плащи между колоннами. По правую руку другая лѣстница поднимается въ большую залу, самую обширную во всей Франціи и извѣстную подъ названіемъ залы «безполезнаго хожденья».

Вокругъ этой залы, очень высокой, очень просторной и вымощенной плитами, какъ соборъ, расположены другія, въ которыхъ помѣщаются трибуналы для суда надъ ворами, мошенниками, банкротами, поджигателями, убійцами и наконецъ тѣми любителями политики, которые находятъ, что не все устроено какъ слѣдуетъ на бѣломъ свѣтѣ, и стараются кое-что поисправить.

Все это объяснял мнѣ Эммануэль, я же размышлялъ, что мнѣ безъ всякаго сомнѣнія никогда не придется вмѣшиваться въ политику.

Потомъ, по задней лѣстницѣ мы вышли на открытую площадь и наконецъ очутились посрединѣ Новаго-Моста. Уже съ конца этой довольно мрачной площади мы хорошо могли завидѣть статую Генриха IV, а далѣе передъ нами открылся великолѣпный видъ Лувра, которымъ еще въ первый разъ я вдосталь любовался. Теперь онъ показался мнѣ еще лучше прежняго, и даже до сихъ поръ я думаю, что на землѣ нѣтъ ничего великолѣпнѣе: чудно хороши эти ряды мостовъ, эти дворцы—луврскій и тюльерійскій,—эти рѣшетки и сады по лѣвую руку, далѣе опять дворцы и дворцы, а въ самомъ углубленіи триумфальная арка! Нѣтъ, ничто въ мірѣ не можетъ заставить такъ удивляться труду и разуму человѣка! Когда я передалъ эту мысль Эммануэлю, то узналъ отъ него, что все, находившееся передъ нашими глазами, сущій вздоръ въ сравненіи съ внутреннимъ убранствомъ дворцовъ, въ которыхъ собраны всѣ богатства свѣта. Но мнѣ казалось это рѣшительно невозможнымъ.

Продолжая идти, мы вступили во дворъ Лувра, и мнѣ было какъ-то отрадно глядѣть на эти великолѣпныя статуи, расположенныя вокругъ башенныхъ часовъ и представлявшія видъ стройныхъ женщинъ, обнявшихъ одна съ другой, какъ сестры; вышиною же эти статуи, красовавшіяся въ воздухѣ, были, какъ я думаю, никакъ не менѣе тридцати футовъ. Словомъ, весь этотъ видъ былъ очень хорошъ. Только, пройдя черезъ арку, со стороны тюльерійскаго дворца, мы очутились посреди старой площади, окруженной дранными постройками въ родѣ монастыря

св. Бенедикта, которыя мнѣ вовсе не нравятся. На площади толкались продавцы образовъ, старой ветоши, ржаваго желѣза, и другіе подобныя торгаша, двое или трое продавали даже попугаевъ, голубей, обезьянъ, маленькихъ куницъ,—и весь этотъ товаръ кричалъ, щелкалъ и распространялъ довольно непріятный запахъ. Не понимаю, какъ могла помѣститься эта грязь между двумя такими великолѣпными дворцами.

Эммануэль сказалъ мнѣ, что всѣ здѣшніе домохозяева не хотѣли продать городу своихъ построекъ и что всякій можетъ жить въ грязи, если это ему нравится.

Разумѣется, я находилъ, что это справедливо, но въ то же время и довольно грустно.

Мы поглядѣли нѣсколько на эту площадь, напоминавшую деревенскія ярмарки,—послѣ чего Эммануэль сказалъ мнѣ:

— Пойдемъ!

Съ вѣшной стороны луврскаго дворца, налѣво тянулось продолженіе зданій, а во дворѣ виднѣлась довольно высокая дверь, въ которую входили прилично одѣтые господа:

— До завтра,—сказалъ мнѣ Эммануэль—нужно показать тебѣ картинную галерею: у насъ есть еще для этого часъ времени.

Видѣть картинную галерею мнѣ сильно хотѣлось самому, потому что я нерѣдко слышалъ о музеѣ, но ни капли не понималъ что это такое.

Въ передней начинался сводъ, который самъ былъ составленъ изъ нѣсколькихъ другихъ сводовъ, запертыхъ большими дверями, со стеклами, обтянутыми зеленымъ сукномъ. У одной изъ такихъ дверей, съ лѣвой стороны, сидѣлъ швейцаръ, котораго я принялъ за очень важнаго господина въ государствѣ, по его великолѣпной рогатой шляпѣ, его кургузому мундиру, краснымъ бархатнымъ штанамъ, бѣлымъ чулкамъ и важному виду.

И вѣдь это былъ простой швейцаръ.

Потомъ уже я видѣлъ много, совершенно одинаково одѣтыхъ, людей, сидѣвшихъ или прохаживавшихся взадъ и впередъ, чтобы размять свои ноги: такая у нихъ служба.

Какая-то дама въ углу принимала трости и зонтики, получая за это по два су отъ каждаго посѣтителя; направо была лѣстница, шириною, по крайней мѣрѣ, въ пять метровъ, а своды надъ нею были расписаны разными картинами. Право, поднимаясь по такой лѣстницѣ, чувствуешь какъ-то уваженіе къ самому себѣ и думаешь: «вѣдь вотъ я иду, а меня никто не останавливаетъ!» Но все это были еще одни пустыаки. Вотъ вверху такъ ужъ было на что погля-

дѣтъ. Какъ хороша эта огромная зала, освѣщенная прозрачными какъ ледъ стеклами, изъ которыхъ падалъ свѣтъ на безчисленныя картины, такія прекрасныя и живныя, что, глядя на нихъ, вы думаете, будто глядите на самые предметы, на нихъ написанные: вотъ деревья, земля, люди—весною, осенью, зимою, во всѣ времена года, смотря потому, какъ вздумалось изобразить художнику.

Вотъ это такъ дѣйствительно великолѣпіе! При одной мысли, что съ кускомъ холста и краскою, люди дошли до умѣнья изображать со всѣми тончайшими подробностями всѣ времена, страны, всевозможныя существа на западѣ и востокѣ солнца, на дунѣ, на землѣ и въ океанѣ, — вы наполняетесь удивленіемъ къ даровитости нашей породы и думаете: »какъ счастливы тѣ, которые получаютъ такое блестящее образованіе и оставляютъ послѣ своей смерти подобныя дивныя произведенія, которыми всѣ мы можемъ гордиться!»

Мы проходили по большой залѣ молча, какъ по церкви, и слышали звукъ собственныхъ нашихъ шаговъ по паркету, сдѣланному изъ стараго дуба. Эммануэль объяснялъ мнѣ въ полголоса все, на что мы глядѣли, и называлъ мнѣ имена живописцевъ, а я думалъ: «какіе умные люди! Какія великія мысли гнѣздились въ ихъ головахъ, и какъ дивно они умѣли передавать ихъ своею кистью!»

Помню, что въ этой залѣ я видѣлъ императора Наполеона, съ поднятыми къ небу глазами, верхомъ на лошади, зимою, посреди снѣга, крови и труповъ. Отъ одного взгляда на него, меня самого провалъ холодъ. Это одна изъ картинъ, оставшихся въ моемъ воспоминаніи. Но эти страшныя изображенія, пугающія людей ужасами войны, забавляли меня не въ примѣръ менѣе, чѣмъ виды полей, луговъ, быковъ, маленькихъ домиковъ, гдѣ у пороговъ дверей ѣли и пили мирныя семейства. Чувствуешь, что то были честные люди, и это приносить сердцу такую отраду, что такъ вотъ и хочется самому помѣститься между ними. Однимъ словомъ, всякій можетъ найдти тамъ, что ему больше нравится, и быть грустнымъ или печальнымъ, смотря по тому, къ чему онъ будетъ приглядываться.

Изъ большой квадратной залы мы вошли въ другую, длиною по крайней мѣрѣ съ полмили, оттуда въ третью: всѣмъ имъ, казалось, не было конца. Эммануэль продолжалъ мнѣ толковать, по столько новыхъ предметовъ смутно перемишались въ моей головѣ; публики набиралось все больше и больше, вдругъ Эммануэль сказалъ мнѣ:

— Послушай, Жанъ-Пьеръ, вѣдь пора завтракать.

Цѣлне четверть часа, если не больше, нужно было обратно идти по заламъ, и—сказать ли вамъ правду—мнѣ страхъ какъ захотѣлось выйдти на свѣжій воздухъ. Въ одинъ разъ видѣнаго было для меня уже слишкомъ много, да притомъ я таки проголодался и желалъ посидѣть не передъ картинами, а передъ чѣмъ нибудь болѣе существеннымъ.

Мы были не вдалекѣ отъ Палерояля, куда и отправились по улицѣ Сентъ-Оноре. Мимоходомъ, мы опять поглядѣли на Орнанскую галерею, садъ, водяные каскады и арки; но теперь больше всего мнѣ понравилась вывѣска Тавернье, которую Эммануэль указалъ мнѣ подъ одной изъ этихъ арокъ.

Мы вошли, и не смотря на то, что и Оберъ угостилъ насъ порядочнымъ обѣдомъ, я сейчасъ же понялъ, что здѣсь пахнуло чѣмъ-то почище. Это былъ настоящій парижскій ресторанъ, хорошо освѣщенный и расписанный богатою позолотой. Маленькіе столы, уставленные въ рядъ, между высокими окнами, и покрытые бѣлыми скатертями, блестящіе графинны и стаканы, словомъ, вся прочая обстановка ясно говорила, что съ деньгами въ этомъ городѣ можно пожить очень не худо.

Когда мы усѣлись, къ намъ явились и слуги. Эммануэль потребовалъ зельтерской воды, вина, дыни, жаркого, десертъ, и если бы я не читалъ въ то же время цѣнъ, выставленныхъ на карточкѣ, то, право, подумалъ бы, что мы разоряемся въ пухъ и прахъ. Такъ какъ же бы вы думали! Все это для насъ обоихъ стоило не больше трехъ или четырехъ франковъ. Удивительное дѣло, право!

Позавтракавши, мы отправились въ садъ, чтобы тамъ, посреди густой публики, напиться кофе за маленькимъ жестянымъ столикомъ. Эммануэль купилъ сигаръ, и мы закурили, какъ принцы, поглядывая по сторонамъ на проходившихъ мимо хорошенькихъ жемчужинъ. Положимъ, для студента правъ оно было очень хорошо, но мнѣ, не шутя, было какъ-то совѣстно играть роль важнаго барина. Вотъ вамъ парижское житье. Очень можетъ быть, что въ толпѣ этихъ дамъ и госюдчиковъ, сидѣвшихъ вокругъ меня и важнымъ голосомъ отдававшихъ приказанія лакеямъ, были такіе, что еще и меня похуже?!

Жара стояла несносная, и бѣлая пыль садилась на все, даже застилала деревья. Часа этакъ въ два, когда сталъ накрапывать дождикъ, всѣ посѣтителы попрятались подъ арками. Нужно было и намъ убираться, но Эммануэль началъ увѣрять, что дождикъ скоро перестанетъ, и просилъ меня ѣхать съ нимъ въ омнибусѣ къ Триум-

фальной аркъ. Мы отправились съ улицы Сентъ-Оноре, на концѣ площади Шато-д'о, гдѣ находится гауптвахта.

Омнибусы цѣлыми сотнями движутся по Парижу, и за какіе нибудь шесть су можно проѣхать съ одного конца города до другого. Посреди улицы вамъ стоитъ только подать знакъ — и карета остановится. Кондукторъ протягиваетъ вамъ руку, и вы садитесь на скамьѣ, набитой волосомъ, между разными дамами и господами, а дождь течетъ по стекляннымъ окошкамъ и лошади везуть отлично. Всѣ эти хорошія выдумки показываютъ, что Франція ни въ чемъ не имѣетъ недостатка.

Послѣ десяти минутъ ѣзды, когда уже стало выглядывать солнышко, Эммануэль поднялъ руку и закричалъ: «стой!» Мы сошли на площадь, занимавшую вдвое болѣе мѣста, чѣмъ цѣлый городъ Савернъ, и окруженную дворцами, садами и аллеями; это — площадь Согласія. Хотѣлось бы мнѣ описать видъ этой площади, съ ея двумя бронзовыми фонтанами, съ обелискомъ — огромной, каменной и острой, какъ иглоза. колонной, вывезенной изъ Египта и покрытой лѣпными изображеніями; наконецъ съ тѣми, размѣщенными вокругъ нея статуями, которыя въ видѣ женщинъ, сидящихъ на пушкахъ, бомбахъ и корабляхъ, представляютъ главнѣйшіе города Франціи.

Да, сильно хотѣлось бы мнѣ описать все это: съ одной стороны тюльерійскій дворецъ, съ другой Елисейскія Поля и Триумфальную арку, церковь Магдалины, справа Сену, усѣянную судами, и палату депутатовъ слѣва; но вѣдь никакимъ словомъ не передашь красоты этой безконечной площади. Довольно сказать безъ всякихъ разсужденій, что это — чудо свѣта и что въ этомъ чудѣ толпятся, гуляютъ, спѣшаютъ богатѣйшіе экипажи, дамы и кавалеры, хвастающіе другъ передъ другомъ красотою лошадей, богатствомъ плюмажей и нарядовъ.

Вдоль по аллеѣ Елисейскихъ Полей, изъ-за зелени листьевъ, вашъ глазъ подмѣчаетъ сотни домовъ, въ которыхъ живутъ миллионеры, а тамъ далѣе слѣва, на другомъ берегу рѣки, выглядываетъ отель инвалидовъ съ его куполомъ, пропадающимъ за облаками.

Между деревьями вы замѣчаете также маленькіе дѣтскіе театры; тутъ есть и деревянные лошади, и акробаты, и звѣрницы, словомъ, безконечный и разнообразный праздникъ.

Мы проходили мимо всѣхъ этихъ диковинокъ и видѣли со всѣхъ сторонъ мраморныя изваянія, изъ которыхъ меня особенно поразили двѣ работы, у входа въ большую аллею, представлявшія юныхъ, прекрасно сложенныхъ мужчинъ, которые держали за узду двухъ

бѣшенныхъ и взвившихся на дыбы коней; ноги животныхъ занесены впередъ, грива развѣвается—такъ вотъ и кажется, что вырвутся и ускачутъ.

Эммануэль сказалъ мнѣ, что это рѣдкость искусства, съ чѣмъ я, конечно, вполне согласился.

Но всего лучше была Триумфальная арка, воздвигнутая на концѣ аллеи; отъ далекаго разстоянія она показала мнѣ совсѣмъ сѣрою, но все-таки великолѣпною, съ ея блѣдными очертаніями въ воздухѣ и ея сводами, въ которыя можно просунуть цѣлыя зданія.

Все хорошо, все удивительно въ этой триумфальной аркѣ; всѣ наши побѣды записаны на ней страницами, длиною въ пятьдесятъ метровъ; здѣсь соединяются всѣ красоты: красота мысли, камня, работы, красота величія и красота скульптурныхъ изображеній. Четыре изъ этихъ изображеній находятся со внѣшней стороны, на нижнихъ карнизахъ сводовъ, и, по словамъ Эммануэля, представляютъ войну, въ видѣ женщины, которую несутъ на рукахъ французскіе солдаты, тогда какъ она кричитъ: «къ оружію!» Волосы становятся дыбомъ, глядя на эту женщину; такъ и слышишь ея голосъ, такъ вотъ и думаешь, что русскіе и пруссаки вторгнулись въ городъ; въ васъ пробуждается жажда крови...

Никогда не забуду я этой женщины: она вызвала во мнѣ самыя тяжелыя и ужасныя воспоминанія.

Подъ другой аркой, отдѣленной сводомъ, помѣщено изображеніе Славы, въ лицѣ императора Наполеона, котораго вѣнчаютъ коронами и благословляетъ ангель. Мнѣ это очень понравилось; на другой сторонѣ представленъ ужасъ вторженія, подъ видомъ всадника, растаптывающаго всѣхъ на своемъ пути, а сладость мира изображается счастливыми поселянами, собирающими жатву. Все это объяснял мнѣ Эммануэль, потому что самъ я, за недостаткомъ хорошаго образованія, не понималъ всего, что видѣлъ.

Я бы могъ поразсказать еще больше объ этихъ предметахъ, но вѣдь они останутся цѣлыя столѣтія на своихъ мѣстахъ, и я думаю, какъ господинъ Нивуа, что нужно самому видѣть Парижъ, чтобы судить о величіи, славѣ и силѣ нашего народа.

На обратномъ пути, часовъ въ пять, мы опять проходили чрезъ тюльерійскій садъ, наполненный самыми великолѣпными мраморными статуями. Кого они представляли, право, не знаю, но все это было прекрасно сдѣлано, въ малѣйшихъ подробностяхъ, окружено деревьями и красиво расположенными аллеями. Въ этихъ аллеяхъ играютъ дѣти, прогуливаются дамы и, не смотря на толпы людей,

кругомъ летаютъ сизые голубки; они садятся даже на: дернъ и ѣдятъ крошки хлѣба, которыми ихъ угощаютъ гуляющіе.

Эти голуби живо напоминаютъ родину, густые лѣса и поля, невольно начинаешь думать: «ахъ если бы мы, подобно вамъ, могли жить нѣсколькими зернышками, да имѣли ваши крылья, то, не смотря на дворцы и монументы, были бы, конечно, не здѣсь.»

Я никакъ не могъ удержаться, чтобъ не передать этихъ мыслей Эммануэлю, припоминая ему, какъ бывало въ долинѣ Пюаской — Скалы, выходя изъ рѣки, когда по дугамъ протягивались длинныя тѣни лѣсовъ, мы слышали изъ подъ кустарниковъ воркованье голубей. Они жили попарно, но тогда мы не знали, о чемъ они могли между собою бесѣдовать; теперь я это зналъ и завидовать счастливой свободѣ, съ какою они ворковали попарно въ тѣни деревьевъ.

Эммануэль слушалъ меня, понурия голову. Мнѣ хотѣлось заговорить съ нимъ немножко объ Анеттѣ, но я не смѣлъ... а на сердцѣ у меня было такъ полно... такъ тяжело!

Когда мы вышли изъ сада, онъ повелъ меня чрезъ большую площадь, на которой возвышалось высокое башенное зданіе, залѣпленное афишами: я издали узналъ Лувръ.

Но тогда все мнѣ казалось грустнымъ, и имя Анеты такъ и просилось съ кончика языка; я глядѣлъ на моего спутника, который, казалось, о чемъ-то мечталъ. Въ такомъ настроеніи мы пошли по грязнымъ переулкамъ; мимо насъ проходили продавцы воды; торгующіе платьемъ, искривя ротъ, кричали подъ окнами; передъ нами опять развертывался уличный Парижъ.

Но вотъ Эммануэль поднимаетъ вверхъ глаза и кричитъ:

— Вотъ Росбифъ! Ну-ка, Жанъ-Пьеръ, идемъ обѣдать!

Мы вышли; публики было очень много, и мы могли помѣститься только въ самой глубинѣ подъ какою-то стеклянной крышей.

И теперь мы хорошо пообедали, но право не знаю, откуда напала на насъ тоска. Эммануэль думалъ, можетъ быть, о своемъ экзаменѣ, а мои мысли были въ Севернѣ. Когда я хотѣлъ расплатиться, мой собесѣдникъ сталъ очень недоволенъ,

— Я не люблю, чтобы мой лучшій товарищъ, котораго я приглашаю, расчитывался, сказалъ онъ мнѣ: — ты меня просто обижаешь.

Я отвѣчалъ ему, что у меня и въ головѣ не было его обижать, но что я имѣлъ работу, и слѣдовательно было бы совершенно справедливо предоставить всякому платить въ свою очередь.

Онъ не соглашался, и мнѣ показалось, что онъ былъ разсерженъ

не на шутку. Но когда мы, спустя нѣсколько минутъ, вышли, онъ вскричалъ, пожимая мнѣ руку:

— У меня, Жанъ-Пьеръ, нѣтъ лучшаго друга, какъ ты. Не хочешь ли побывать въ театрѣ Палерояля?

Сильно уставши, я отвѣчалъ ему, что лучше отложить до другого разу; тогда мы пошли медленно по улицѣ Сентъ-Оноре. Помнится мнѣ еще, что въ тотъ же вечеръ, когда мы проходили чрезъ мостъ О-Шанжъ, Эммануэль показалъ мнѣ площадь Шатле съ ея низенькой колоной и фонтаномъ, а далѣе танцевальное заведеніе Прадо. Но съ этой площадью и мостомъ для меня связаны совсѣмъ инныя воспоминанія, о которыхъ мнѣ нужно будетъ говорить послѣ. Теперь же скажу только, что, дойдя до моей двери, мы обнялись какъ братья. Я не могъ сказать навѣрное, буду ли имѣть время проводить его въ контору дилижансовъ, и потому тогда же пожелалъ ему счастливаго пути.

XVII.

До окончанія каникулъ я уже не думалъ видѣться съ Эммануэлемъ,—но вдругъ въ концѣ этой недѣли, часа въ два по-полудни, онъ вошелъ въ нашу мастерскую, говоря:

— Я пришелъ проститься съ тобою, Жанъ-Пьеръ, — я выдержалъ экзаменъ и уѣзжаю.

На немъ была бѣлая лѣтняя визитка и соломенная шляпа, а глаза его такъ и свѣтились. Въ то время, какъ мы обнимались, на него глядѣли всѣ мои товарищи. Потомъ я провелъ его въ самый дворъ.

— У тебя нѣтъ порученій въ Савернь? спросилъ онъ.

— Обними за меня тетюшку Бале, ободрившись отвѣчалъ я ему, скажи, что работа у меня есть, и что я не перестаю думать о своей благотѣльностицѣ. Обними также дяюшку Антуана, мадамъ Магдалину и Анету. Если случится быть тебѣ возлѣ фонтана, не забудь также и дяюшку Нивуа. Скажи, что я много благодаренъ ему за его совѣты и рекомендацію: господинъ Браконо не забылъ своего пріятеля.

Мы пожали другъ другу руки.

— До скорого свиданія!.. Чрезъ два мѣсяца!.. кричалъ мнѣ, уходя, Эммануэль.

Потомъ онъ усѣлся въ экипажъ, ожидавшій его у воротъ; и въ галопъ помчался по улицѣ.

— Кто это,—товарищъ твой? спросилъ дядюшка Перриньонъ, когда я опять вошелъ въ мастерскую.

— Да, господинъ Перриньонъ, это—сынъ нашего мирового судьи и мой школьный товарищъ: онъ готовится въ адвокаты.

— Славный малый, отозвался старикъ: честная наружность!

И больше объ этомъ ни слова; но въ три часа, когда мы шли обѣдать, онъ опять заговорилъ объ Эммануэлѣ, прибавляя, что народъ и ученые буржуа—одно и то же, что у нихъ интересы одинаковы, но что, къ несчастію, въ Парижѣ является много тѣхъ лѣнтяевъ, которые, подѣ предлогомъ образованія, тратятъ деньги своихъ родителей на распутныхъ женщинъ. Онъ называлъ такихъ господъ негодяями, въ чемъ съ нимъ совершенно соглашались Кантеиъ и другіе.

Говоря объ Эммануэлѣ и подобныхъ ему молодыхъ людяхъ, господинъ Перриньонъ объявилъ, что мѣсто ихъ было во главѣ народа, что ихъ отцы произвели революцію 89 года, что они также пойдутъ по ихъ слѣдамъ, не заразятся дурными примѣрами, наконецъ, что народъ много на нихъ разсчитывалъ.

Нечего и толковать, какъ отрадно мнѣ было слышать похвалы моему товарищу отъ такого достойнаго мастера и человѣка какимъ былъ господинъ Перриньонъ. Помню также, что въ то время споры журналистовъ, граверовъ и живописцевъ удвоились въ нашей харчевнѣ: я слышалъ толки о томъ, что лекціи Мишле и Кине прекращены и не возобновятся послѣ каникулъ, что плотники выселяются на гревную площадь все больше и больше, что официальные обѣды продолжаются, что Одилонъ Барро и Ламартинъ защитятъ права народа; часто говорилось о мирѣ, во что бы то ни стало, объ испанскихъ бракахъ и другихъ предметахъ, о которыхъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

Когда споры становились жарче, нашъ *Кабуло* можно было бы сравнить съ барабаномъ: стекла дрожали, ноги вездѣ стучали, точно господа хотѣли взяться за шиворотъ; и каждый разъ, когда кто нибудь изъ насъ готовился кашлянуть или чихнуть, господинъ Перриньонъ подымалъ руку и говорилъ:

— Тсъ! слушайте: теперь говорить Кубе, послушаемъ Монгалъяра.

По временамъ тотъ или другой изъ журналистовъ или живописцевъ проходилъ, совсѣмъ блѣдный, чрезъ нашу половину, но потомъ, вовсе не замѣчая насъ, опять возвращался въ поле сраженія.

Кубе былъ малаго роста и сухощавъ; у него были очень живые

глаза, крючковатый носъ, сѣдая борода; говорилъ этотъ человѣкъ превосходно.

Монгальяръ былъ высокій, костлявый, рыжеволосый мужчина, съ объемистыми плечами, согнутой спиной и короткой бородкой, которая вверхъ доходила, впрочемъ, до самыхъ глазъ; широкій и плоскій лобъ, длинный носъ и подбородокъ, наконецъ грубый голось придавали ему видъ дикаго кабана.

Другіе также горланили, пищали, нѣкоторые смѣялись, и всѣ были одѣты, какъ люди, занятые только своими мыслями: шляпа на нихъ торчала восо, галстукъ былъ разстегнутъ, одинъ воротничекъ выползалъ наружу, другой прятался подъ рубашку.

На насъ они и не думали обращать вниманія, и только мимоходомъ, будто нечаянно, замѣчали господина Перриньона и пожимали ему руку съ словами:

— Здравствуйте, Перриньонъ, какъ можете!

Потомъ, войдя на свою половину, они опять принимались кричать, ничего не слушая и, кажется, ничего не понимая въ этомъ шумѣ. У Монгальяра и Кубе голось былъ такъ силенъ, что всѣ ихъ рѣчи отчетливо раздавались, не смотря на общій крикъ, хоть и дребезжаніе стеколъ.

Въ первое время, когда они толковали о гревской площади, реформѣ, обидахъ, о мирѣ, во что бы то ни стало, о Причардѣ—обо всемъ въ перемежку, — я не понималъ ни одного слова. Но разъ какъ-то, въ субботу вечеромъ, часа въ четыре, пользуясь досужнымъ временемъ, Вальси, Кантенъ, господинъ Перриньонъ и я, сидѣли мы въ харчевнѣ, когда другіе наши товарищи уже ушли; при этомъ случаѣ я пожелалъ узнать, о чемъ толкуютъ журналисты, и признавался, что въ Севернѣ о такихъ вещахъ нѣтъ и помину, что тамъ никто не смыслилъ такой мудрости, да если бы ктонибудь и вздумалъ ею заниматься, то непременно былъ бы принятъ за сумасшедшаго.

— Да вы развѣ не читали газетъ? спросилъ меня дядюшка Перриньонъ.

— Никогда.

— Ну, что-жъ вы дѣлали по вечерамъ, окончивши работу?

— Я отправлялся погулять въ окрестностяхъ города, а другіе преспокойно усаживались въ пивныхъ, разумѣется, пили и курили до десяти часовъ; часто также они играли въ карты и надували, какъ только могли, одинъ другого.

— Экіе провинціальныя гуси! отозвался дядюшка Перриньонъ. Ну, братъ, если бы ты рассказалъ мнѣ это въ первый день, я бы

вытолкала тебя въ шею изъ мастерской. Теперь, правда, я тебя знаю и считаю славнымъ парнемъ. Только, братецъ, надо читать газеты. Мадамъ Грендоржъ будетъ давать тебѣ «Реформу»,—такъ что-ли, матушка?

— Да пусть себѣ беретъ... мнѣ-то она зачѣмъ?

Это былъ старый замасленный листокъ, который журналисты, входя, бросали на нашъ столъ. Съ тѣхъ поръ каждый вечеръ я занимался чтеніемъ, потому что мнѣ было до-нельзя совѣстно сидѣть олухомъ между товарищами, которые интересовались политическими новостями гораздо болѣе, чѣмъ самые богатые между гражданами моей родины.

Въ этотъ же вечеръ дядюшка Перриньонъ объяснялъ мнѣ, что гревская площадь находилась передъ Городскимъ Отелемъ и получила свое названіе, вѣроятно, отъ покрывавшаго ее прежде песка; что на ней собирались безмѣстные работники, которые оттуда и поступали въ хозяевамъ, что нерѣдко, когда между хозяевами и работниками происходили неудовольствія, работники цѣлыми толпами уходили на гревскую площадь и оттого вошло въ обыновеніе говорить: плотники или каменщики поселились на гревской площади. Это значить, что они хотѣли или увеличенія заработной платы, или уменьшенія рабочихъ часовъ.

— Камѣнотесы, каменщики, кровельщики, продолжалъ онъ, поселяются всегда на гревской площади у Городскаго Отела; но жалары выбираютъ мѣстомъ поселенія площадь Шатлѣ, трубочисты ходятъ къ заставѣ, слесари — на Сенъ-Мартенскій рынокъ, рабочіе мостовыхъ — на уголь Моникартрскаго Бульвара, ну, словомъ, всѣ цехи имѣютъ свои центры для сборища.

Потомъ, онъ сталъ толковать мнѣ, что реформа, о которой всѣ говорили и которой добивалась, наравнѣ съ нами, лучшая буржуазія, требовала измѣненія въ порядкѣ выбора депутатовъ. До сихъ поръ, по словамъ моего наставника, нужно было заплатить двѣсти франковъ контрибуціи, чтобы приобрѣсть право назначить депутата, и что такія деньги могли внести только богачи, тогда какъ честные и образованные бѣдняки не могли ни дать голоса въ пользу депутата, ни сами быть выбранными въ депутаты. Это Перриньонъ называлъ крайне несправедливымъ и незаконнымъ дѣломъ.

— Вѣдь богатые люди, говорилъ онъ, гоняются только за богатствами и вовсе не думаютъ о судьбѣ бѣдныхъ. Очень часто ихъ богатство только обвиняетъ ихъ въ корысти: всякому извѣстно, что высокія чувства, благородство сердца, любовь къ отечеству,

уваженіе къ справедливости больше своихъ выгодъ—не могутъ туго набить кармановъ.

Такимъ образомъ и выходитъ, что бездушные люди получили право одни писать законы честному и гордому народу.

Отсюда, по его словамъ, произошло униженіе Франціи, потому что эти любители золота, выбранные подобными себѣ господами, стали раздавать всѣ лучшія мѣста своимъ родичамъ; имъ не нужно было знать; способны ли ихъ сыновья, племянники и кузены исправлять видныя должности; оттого глупцы и негодии завладѣли всѣмъ и не оставили ничего честнымъ и умнымъ людямъ, а вѣдь это отобьетъ у всякаго охоту учиться и служить отечеству.—Эти эгоисты, продолжалъ старикъ, жертвовали нашею народною честью и старались поддержать миръ, чтобы только сохранить свои имуществва; ихъ начальнику, господину Гизо, стоитъ только намекнуть имъ, что въ войнѣ ихъ богатства могутъ быть расхищены,—и они сейчасъ же начинаютъ требовать мира, во что бы то ни стало; вѣдь не смотря на негодование цѣлой Франціи, они опредѣляли выплатить нѣсколько сотенъ тысячъ франковъ одному англійскому аптекарю Причарду: англичане, видя, что все имъ удается, постоянно пугали насъ своими угрозами; наконецъ, всѣ честные граждане, не могли снести такого позора и стали требовать реформы, называемой содѣйствіемъ способностей (*adjonction de capacités*), но король Луи-Филиппъ слушался господина Гизо, а господинъ Гизо не хотѣлъ реформы, потому что тогда онъ не могъ бы такъ хорошо запугивать депутатовъ, между которыми номѣстались бы нѣсколько бѣдныхъ гражданъ, готовыхъ защищать честь родины, а не жертвовать ею, какъ прежде, ради приманокъ золота.

Вотъ что дядюшка Перриньонъ толвовалъ всѣмъ намъ, потому что товарищи мои также его слушали и лучше меня могли оцѣнить всю необходимость реформы. Старикъ прибавлялъ намъ, что профессора Мишле и Кяне, вмѣстѣ со всѣми безъ исключенія честными людьми, признавали справедливость этого измѣненія и желали, чтобы войско его поддержало, но что господинъ Гизо одинъ уворствовавъ противъ всего общества, желая остаться министромъ на вѣчное время.

При одномъ имени министра Гизо дядюшка Перриньонъ весь блѣднѣлъ отъ негодованія, которое неволью передавалось и мнѣ. Съ этихъ поръ, мои политическія познанія сдѣлались яснѣе; когда заговаривали о гресвой площади, о реформѣ, о мирѣ, во что бы то не стало, я уже понималъ, о чемъ люди толкуютъ, вмѣстѣ съ журналистами негодовавъ противъ взяточничества и считаѣль г.

Гизо человекомъ совершенно безчестнымъ, съ которымъ могутъ ужиться одни англичане.

Такъ вотъ какъ проходило мое время: я работалъ, слушалъ споры, по вечерамъ читалъ газеты, и кое-когда пользовался свободнымъ отъ работы понедѣльникомъ.

Прибавьте ко всему этому воспоминанія о родинѣ: «вотъ ужъ наступаетъ осень... и листья уже начинаютъ падать... Теперь-то начнутся прогулки въ О—Баррѣ... въ маленькую корчму Фаллера, потомъ внизъ по горѣ... Тамъ счастливы,—а я... я здѣсь одинъ-одинешенекъ!»

Я припоминалъ себѣ узкій проулокъ Двухъ Ключей.

— Что-то тамъ подѣлывается, съ тѣхъ поръ, какъ выѣхали Дюбурги? Кто-то живетъ теперь въ старомъ домѣ: плотникъ слесарь или товарь? Молчить ужъ ремесло дядюшки Антуана; семья Ривелей живетъ безъ сомнѣнія еще во второмъ этажѣ—они все еще ходятъ внизъ и вверхъ по старой лѣстницѣ. Нѣтъ, не разбогатѣли они... не покинули своего старого гнѣзда!.. И раздумывалъ объ этомъ по цѣлымъ часамъ, я представлялъ себѣ Анегу уже взрослой дѣвицею.

— Не узнала бы она тебя, думалъ я, не назвала бы, какъ прежде, своимъ Жанъ-Пьеромъ.

Эта мысль давила меня.

Эхъ, чувствовалъ я хорошо, что любилъ ее все сильнѣе, сильнѣе... Я блѣднѣлъ при одной мысли о господинѣ Бреслау, котораго они выбрали своимъ совѣтникомъ,

Но, что прикажите дѣлать! Часто размышленія мои принимали совершенно иной оборотъ. Ежедневная работа, довѣрiе ко мнѣ дядюшки Перриньона, это счастье говорить самому себѣ: «я зарабатываю кусокъ хлѣба»—эти поучительные споры о правахъ народа, о чести Франціи, о реформѣ, о революціи—все это прогоняло мое грустное настроеніе и, открывая передо мною совершенно новый міръ, поселяло въ моей головѣ великія мысли.

— Мы живемъ здѣсь не для однихъ себя, часто раздумывалъ я, но также и для отечества. У кого нѣтъ семьи, богатства, любовной... что-жъ? У того все-таки есть отечество; у того есть что-то болѣе великое, болѣе прекрасное и вѣчное—Франція! Пусть же ей одной принадлежитъ вся наша жизнь, пусть въ ней будутъ заключены вся любовь, богатства и родная семья бѣднаго человека!

Вечеромъ такія мысли толпою посѣщали меня на-единѣ въ моей комнатѣ, и нерѣдко я самъ себѣ произносилъ подобныя рѣчи, потомъ, хватаясь за журналъ, я все болѣе ненавидѣлъ эгоистовъ,

воображающихъ, что отечество обязано осыпать ихъ почестями. Эти люди казались мнѣ съ тѣхъ поръ скучными ростовщиками, которые любятъ ближняго за червонцы и которымъ болѣе высокое чувство любви никогда не было знакомо!

Мнѣ помнится также, что въ концѣ сентября нашъ окологородъ сталъ очень грустенъ: студенты разъѣхались, а ихъ возлюбленные остались одни въ городѣ, изчахли и изорвались ихъ шляпки, ситцевыя платья, крошечныя бальныя башмачки,—все износилось и осыпалось ниточками, подобно цвѣточнымъ лепесткамъ отъ дуновенія вѣтра. Часто дѣвушки эти входили въ *кабулю*, тоскливыя и блѣдненькія, садились у стола и на два су требовали похлебки. Молча, съ опущенными глазами, онѣ переживали хлѣбныя корочки, которыми хотѣли поддержать свои силы. Изъ насъ никто не заговаривалъ съ ними, и каждый, глядя на нихъ, рассуждалъ про себя вотъ это, пожалуй, дочь ремесленника, другая дочь солдата; какъ дошли онѣ до такого горя. И какъ можно сдѣлаться такимъ безчувственнымъ развратникомъ и негодяемъ, чтобы завлекать бѣдную дѣвушку, часто даже дитя, въ погибель, потомъ, покинувши ее, забавляться деревенскими радостями съ папенькой и маменькой, а возвратившись опять приниматься за прежнее! Развѣ нѣтъ за это мщенія? Развѣ это не гнусно въ образованномъ обществѣ?

Сотни подобныхъ мыслей неволью лѣзли въ голову. Какъ передъ Богомъ, говорю, что не тотъ заслуживаетъ имя самаго страшнаго злодѣя, который дѣлается отцеубійцей, потому что такого человека неминуемо караетъ гильотина;—нѣтъ, обольститель невинной дѣвушки, послѣ оставляющій ее на произволъ судьбы,—вотъ кто настоящій злодѣй, и не только злодѣй, но и подлый трусъ. Если бы онъ позади себя подозрѣвалъ руку отца или брата дѣвушки, то, конечно, не смѣлъ бы губить ее.

— Состаритесь вы, сказалъ бы я такимъ людямъ, будете исповѣдываться, но никакія отпущенія въ мірѣ нестоютъ вашихъ грѣховъ: идите же, васъ ждудъ ваши жертвы!

Въ это время дядюшка Перриньонъ всегда любилъ находиться со мною, давалъ мнѣ наставленія по ремеслу и, находя мои мнѣнія справедливыми, любилъ слѣдить за всѣми моими поступками. Часто, послѣ работы, я провожалъ его за Пантеонъ, въ улицу Клодвига, гдѣ онъ жилъ, и тамъ толковалъ съ нимъ о журналахъ, политическихъ вопросахъ и о всемъ, что насъ занимало. Я оставался у него за-частую съ четверть часа, прежде чѣмъ уходилъ домой. Разъ вечеромъ, мнѣ вздумалось проводить его, какъ обыкновенно, въ его улицу; видя, что весь запасъ моего чтенія ограничивался

катехизисомъ и священной исторіей, и что поэтому моя голова никакъ не могла переварить многихъ вещей, старикъ сказалъ мнѣ:

— Все это хорошо, парнишка, но надо дать прочесть тебѣ исторію революціи. Вотъ тогда-то ты и поймешь, откуда происходятъ наши права, чѣмъ мы были въ 89-мъ году и что для насъ сдѣлали наши предки. Только, братъ, не изорви ты мнѣ этой книги.

— Будьте спокойны, г. Перриньонъ, отвѣчалъ я ему, у меня вошло въ обыкновеніе бережно обращаться съ чужими вещами, которые мнѣ одолажуютъ. вмѣстѣ вошли мы на верхъ. Онъ занималъ въ пятомъ этажѣ двѣ довольно просторныя комнаты, выходившія на улицу, а сзади кухню и кабинетъ. Войдя къ нему, я увидѣлъ его жену и троихъ дѣтей — одну дѣвочку десяти или двѣнадцати лѣтъ, мальчика восьми или девяти и другого малютку, еще лежащаго въ люлькѣ. Комнаты были чисты и свѣтлы; жена Перриньона — стройная, высокая брюнетка, лѣтъ тридцати пяти или сорока, отличалась прямымъ носомъ, высокимъ лбомъ и продолговатымъ подбородкомъ, словомъ, она представляла черты женщины — хозяйки, полной мужества и рѣшительности. Уже по одной улыбкѣ, которою она встрѣтила своего мужа, я понялъ, что она любила его горячо и считала чуть не первымъ человѣкомъ во Франціи. Когда мы вошли, она была занята мытьемъ бѣлья, засучивъ по локти рукава своей рубашки; у окна что-то шила маленькая дѣвочка, довольно похожая на свою мать, а на другомъ концѣ стола важно упражнялся въ письмѣ мальчикъ, одѣтый въ камзолъ, и до того напоминавшій папашу чертами лица, что встрѣтивши его на улицѣ, я могъ бы догадаться, что это сынъ Перриньона.

Не говоря ни слова, старикъ снялъ шляпу, повѣсилъ въ углу свою черную шинель и надѣлъ блузу.

— Садитесь, пожалуйста, сказала его жена, подавая мнѣ стулъ.

— Это — мой сослуживецъ, Марріанна, рекомендовалъ меня мужъ, — славный мальчикъ, котораго я люблю... знаешь, въ родѣ Рожера... вылитый его характеръ.

— Да, есть сходство, произнесла жена, взглянувъ на меня съ любопытствомъ. Потомъ онъ поцѣловалъ подошедшую къ нему дочь, а за ней маленькаго мальчика, котораго тетрадь показывалъ мнѣ.

— Посмотри-ка, Жанъ-Пьеръ, сказалъ онъ съ покраснѣвшими щеками, — что ты объ этомъ скажешь?

— Да, онъ хорошо уже пишетъ, г. Перриньонъ.

— Что хорошо, то хорошо, отозвался отецъ, твердо и отчетливо. Молодецъ, Жюльент!

Я обнялъ мальчика, который, казалось, былъ очень гордъ свои-

ми успѣхами, тогда какъ Перриньонъ, вынудивши изъ люльки своего послѣдняго малютку, поднялъ его, цѣловалъ, открывалъ ему ротъ и хохоталъ, какъ самый блаженный папенька.

Мать, принимаясь за свое мытье, хохотала отъ всего сердца, ребенокъ, весь радостный, протягивалъ свои ручонки впередъ и напоследокъ также засмѣялся, а за нимъ развеселилось и все семейство.

— Ну и прекрасно, что здѣсь всѣ здоровы и веселы, сказалъ отецъ, усаживая на рукахъ своихъ ребенка. Принеси-ка мнѣ, Марианна, ключъ отъ шкафа съ книгами, надобно вотъ этому юношѣ дать прочесть *Исторію революціи*. Онъ охотникъ до чтенія, а въ наше время это очень похвально: всякій долженъ понимать свои права и обязанности.

Жена подала ключъ. Старикъ открылъ шкафъ, съ верху до низу набитый книгами, и передавая мнѣ одну изъ нихъ, сказалъ:

— Вотъ почитай-ка это... Я даю тебѣ книгу французскаго народа. Ты познакомишься съ началомъ революціи, говорю съ началомъ, потому что она еще не окончилась и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока мы не завоюемъ себѣ свободы, равенства и братства. Многихъ главъ недостаетъ этой книгѣ, но если мы не успѣемъ написать ихъ сами, то вѣдь послѣ насъ будутъ дѣйствовать вотъ эти молодчики. Онъ указалъ на сына, сидѣвшаго у стола и пригладилъ ему волосы.

— Такъ что-ли, Жюльенъ?

— Да, папаша, отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну и отлично!

Старикъ захохоталъ совершенно искренно и, взглянувши на меня, продолжалъ:

— Правды не задушишь никакими усиліями. Еще если бы ея гонители сами создавали намъ дѣтей, то, пожалуй, могли бы достигнуть своей цѣли. Но вѣдь то-то и есть, что мы родимъ себѣ дѣтей и воспитываемъ ихъ въ нашихъ понятіяхъ. Глянь-ко сюда: вѣдь все это помощники революціи, доброе сѣмя... Оно прозябаетъ, чтобы со временемъ потребовать своихъ правъ и исполнять свои обязанности. И такого сѣмени много множество! Все идетъ впередъ, гужаетъ: кого растаптываютъ, много о томъ не стоитъ и говорить. Чтобы распорядиться съ нами незаконно, насъ подѣлалъ бессмысленными скотами и перессорили другъ съ другомъ. Но тѣ времена ужъ не вернуться: свѣтъ проникаетъ со всѣхъ сторонъ, и что ни дѣлай, а будущее принадлежитъ народамъ. Щипцами можно потушить сальную свѣчку, но не солнце.

Вотъ какъ говорилъ старикъ. Жена и дѣти слушали его съ почтительнымъ вниманіемъ, а я сказалъ, что мнѣ хотѣлось начать чтеніе книги, какъ можно скорѣе.

— Не спиши, пожалуйста, сказалъ онъ, ея возвращеніемъ, потому что я знаю ее наизусть: только прошу ее не терять.

Когда онъ вывелъ меня на лѣстницу, я поклонился его женѣ, и мы сошли внизъ нѣсколько ступеней вмѣстѣ. Потомъ, пожавъ мнѣ руку, онъ возвратился въ комнату, а я продолжалъ спускаться, раздумывая при этомъ, что Перриньонъ—счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ и что я самъ, пожалуй, могъ бы наслаждаться такою отрадною жизнью, не помѣшай мнѣ наслѣдство Дюбуровъ.

Сегодня, далеко за полночь, я читалъ книгу господина Перриньона. Признаться, о нашей революціи я не имѣлъ до сихъ поръ ни малѣйшаго понятія и слышалъ только, какъ наши савернскіе провинціалы проклинали Робеспьера и говорили, что онъ гильотинировалъ людей такъ же легко, какъ иной прихлопываетъ мухъ.

Но никто не рассказывалъ мнѣ о великихъ дѣлахъ, о всѣхъ прекраснѣхъ законахъ, о всѣхъ побѣдахъ того времени. Я даже не подозревалъ, что мой дѣдушка и всѣ мои предки принадлежали важнымъ господамъ, которые обращались съ ними, какъ съ скотами, и не только съ ними, а со всею Франціей.

Грубое незнаніе!

Мнѣ было также неизвѣстно, что революція мужественно вытолкала вонъ многихъ господчиковъ, которые не стыдились нападать на отечество въ союзѣ съ австрійцами, англичанами и русскими. Подумаешь, если бы наши отцы не выказали больше, чѣмъ они, храбрости и ума, да не боролись съ ними успѣшно впродолженіи двадцати лѣтъ, то мы до сихъ поръ оставались бы животными этихъ мучителей! И я не зналъ о всемъ этомъ ни одного слова! Невольно приходили мнѣ въ голову такіа мысли:

«Зачѣмъ не учили насъ отечественной исторіи? Къ чему мнѣ знать про царя Давида или пророка Іону, когда я не смыслю исторіи моей родины!»

Мысль, что меня умышленно держали въ такомъ невѣжествѣ, сильно раздражала мою голову. Дѣло ясное, соображалъ я, что насъ хотятъ обратить въ послѣднихъ скотовъ: насъ убѣждаютъ, что мы всѣ несемъ на себѣ грѣхъ Адама, покушавшаго запрещенныхъ яблоковъ, но не толкуютъ ни слова о нашихъ правахъ, не внушаютъ намъ глубокаго уваженія къ нашимъ предкамъ, создавшимъ то величіе, которымъ мы теперь пользуемся: это ясно, но какъ это благородно!

XVIII.

Въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ, спустя пять недѣль послѣ отъѣзда Эммануэля, на меня напала тоска по родинѣ. Я сталъ замѣтно чахнуть. День и ночь мнѣ представлялись городъ Савернь, гора, еловыя рощи, рѣка, ночныя тѣни. Я вдыхалъ въ себя запахъ лѣсовъ, слышалъ, какъ высочіе дрозды перекликались радушно, какъ работалъ когда-то дядюшка Антуанъ, какъ стучала башмаками тетушка Бале, какъ хохотала Анета. И все это представлялось мнѣ такимъ милымъ и отраднымъ.

— Боже мой! грустилъ я, хоть бы мнѣ немножко подышать тамъ... Хоть бы разъ обнять тетушку Бале и хлебнуть олинъ глотокъ изъ родника.... Воображаю, какъ въ немъ свѣжа водица.... Но нѣтъ! Не вернется золотое времячко: не буду ужъ я стругать вмѣстѣ съ пикардійцемъ, весело распѣвая, не увижу дядюшку Нивуа, не услышу, какъ кричатъ съ ведрами хлопотливыя дѣвушки, не полюбуюсь рѣзвыми коровами и ихъ смѣшными прыжками. Все миновалось! Видно здѣсь суждено мнѣ сложить свои кости.—Это ужасная болѣзнь. Я весь изнывалъ, и напрасно въ ухахъ моихъ раздавался ободрающій голосъ дядюшки Перривьона:

— Полно, перестань тужить, Жанъ-Пьеръ. Экой вздоръ! Вѣдь мы въ Парижѣ, столицѣ всего умнаго... Какое намъ дѣло до разныхъ вздоровъ... Я, братъ, самъ когда-то испытывалъ твое горе. Оно тяжеленько, это правда, но побольше мужества—и все пройдетъ!—Напрасно протягивалъ онъ мнѣ руку: шумъ рѣки между старыми вербами манилъ туда.... сердце рвалось на родину! Проводивши моего утѣшителя въ его улицу и оставшись одинъ, я не возвратился въ латинскій кварталъ, а пошелъ по направленію къ холмистой улицѣ Контръ-Эскарпа. Это совершенно заброшенная и пустынная улица: тамъ и сямъ торчатъ старыя вывѣски, сквозь камни мостовой пробивается травка, а позади виднѣется сѣрый, массивный куполь Пантеона.

Мимоходомъ я взглядывалъ на изнуренныхъ людей, сидѣвшихъ у своихъ пороговъ въ негодныхъ башмакахъ, на желтыхъ женщинахъ, востявыхъ дѣтей, на всѣхъ этихъ грязныхъ и оборванныхъ бѣдняковъ. Маленькія оконныя стекла мѣстами заклѣены бумагой, а за ними красуются портреты временъ республики и Людовика XVI. Одинъ Богъ вѣдаетъ, какъ попали сюда эти портреты; на нихъ вы бы могли видѣть и рогатыя шляпы, и парики, и зеленые кафтаны, и цвѣтныя жилеты, доходящіе до колѣнъ, и галстуки, тор-

чаще до носа. Все это было такъ старо, такъ почтенно-старо, и оставалось въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Я глядѣлъ на все это, какъ, можетъ быть, Іосифъ Аримафейскій глядѣлъ внутри опустѣвшаго гроба.

Ни одинъ экипажъ не вѣзжалъ въ старую холмистую улицу; въ концѣ ея съ правой стороны находилось управленіе мера, съ лѣвой— совершенно новый и бѣлый фонтанъ Кювье; на этомъ фонтанѣ я увидѣлъ отлитаго льва и опирающуюся на него нагую женщину, вверху надъ ними—орла, уносящаго въ своихъ когтяхъ барава, а внизу были собраны всѣ животныя, созданныя природой. Между управленіемъ мера и фонтаномъ тянулась старая стѣна, прикрытая плющемъ... Какой великолѣпный плющъ! Какъ онъ былъ зеленъ, какъ причудливо извивался! Я былъ у ботаническаго сада. Въ лѣвой сторонѣ стѣны была продѣлана рѣшетчатая дверь, у которой стоялъ часовой. Отсюда, начинаясь фонтаномъ съ спокойной водою, сдѣланнымъ въ видѣ большой церковной чаши, пролегаетъ извилистая и хорошо устланная пескомъ аллея; на ея пути красуются рѣдкія растенія и розовые тюльпаны, а тамъ, далѣе, въ вышнѣй, на плотномъ, развѣсистомъ ливанскомъ кедрѣ, была устроена бесѣдка, между старыми скалами, въ которыхъ различалось гнилое дерево, раковины, растенія и другія диковинки, дошедшія къ намъ, если вѣрить инвалиду, отъ временъ потопа.

Долго я былъ въ нерѣшимости, войдти ли мнѣ въ этотъ садъ, думая, что онъ принадлежалъ какому нибудь богачу или принцу; но видя, что въ него поминутно проходили женщины съ ихъ корзинками, мастеровые, дѣти, солдаты, я послѣдовалъ ихъ примѣру и понялъ, что входъ сюда никому не запрещается.

Это была одна изъ лучшихъ минутъ, проведенныхъ мною въ Парижѣ. По крайней мѣрѣ здѣсь не все было вытесано изъ камня, растенія дышали свѣжею жизнью. Жизнь дѣло не шуточное! Въ восторгѣ и счастья я помѣстился внутри, на скамейкѣ, на все глядѣлъ, глубоко дышалъ и, право, чуть не заливался слезами. Уже три мѣсяца я не видѣлъ другой свѣжести, кромѣ подстриженной зелени тюльрійскаго сада. Теперь только я понялъ, чего мнѣ не доставало, и, конечно, далъ себѣ слово навѣдываться сюда чаще. Какъ было бы мнѣ весело, если бы хотя одна капля росы сошла на землю! Но въ Парижѣ нѣтъ росы: лѣтомъ видишь здѣсь одну сухую пыль, зимою—грязь.

Въ саду было много замѣчательнаго: клѣтка съ змѣями помѣщалась за рамами матовыхъ стеколъ; старшій слонъ былъ спрятанъ за высокимъ палисадникомъ; жирафъ, съ его лошадиной головой

и предлинной шеей, обрывалъ древесные листья съ высоты двадцати футовъ; вонь тамъ краснѣютъ круглыя кирпичныя зданія; здѣсь летаютъ китайскія птицы, похожія на нашихъ куръ, гусей и утокъ; орлы кричатъ изъ-за своихъ рѣшотокъ, поглядывая на голубей въ воздухѣ, и пытались улѣтѣть сами; коршуны, линившіеся перьямъ, вѣщаютъ внизъ головы на концѣ длинной и голой, какъ палецъ, шеи; здѣсь свачутъ и коверкаются обезьяны; медвѣди въ своихъ берлогахъ ворочаются по горячему каменному полу и вскоса поглядываютъ на прохожихъ, бросающихъ имъ куски хлѣба; тамъ зѣваютъ львы и тигры; гіены, похожія на свиней, съ головами, какъ у летучихъ мышей, издаютъ довольно неприятный запахъ; вонь въ томъ чистенькомъ зданіи, подъ особыми билетами, сохраняются остовы китовъ и допотопныхъ животныхъ, похожіе на источенныя червями бревна. Но, говоря откровенно, мнѣ больше всего этого нравилась зелень, и, право, дикій крикъ горнаго сокола, перелетающаго со скалы на другую, храпѣнье вола у сохи или лай пастушьей собаки у стада были бы для меня во сто разъ отраднѣе всѣхъ этихъ орловъ, гіенъ да львовъ, догнивающихъ въ своихъ клѣткахъ. По средней аллеѣ, обсаженной липами и буковыми деревьями, я проходилъ мимо превосходныхъ оранжерей, гдѣ американскія растенія прижимаютъ къ стекляннымъ стѣнкамъ свои высохшія листья, и вышелъ на набережныя; здѣсь передо мною развернулись иные виды. Эти громадныя и безконечныя оптовые склады, въ которыхъ бочки съ виномъ и крѣпкими напитками навалены до самыхъ крышъ, эти суда, выгружающія съ Сены на берегъ самыя разнородныя товары, позади башенъ Нортъ-Дамъ у городского отеля — все это шумное движеніе опять призвало меня къ жизни и напомнило великія времена революціи, когда люди, вмѣсто того, чтобы чахнуть, какъ азіятскіе и африканскіе звѣри въ клѣткахъ, захотѣли быть свободными и производить великія дѣла. Я увидѣлъ городской отель, обширное, мрачное зданіе, съ аспидной крышей, двумя боковыми павильонами, высокой, сводчатой дверью, изъ которой внутрь ведетъ большая лѣстница, огромными окнами и нишами, гдѣ разставлены статуи всѣхъ добрыхъ, правдивыхъ судей древняго времени.

При взглядѣ на это зданіе, мнѣ живо представился страшный конвентъ—эти люди революціи, въ парикахъ и долгополыхъ платьяхъ, разсмлавшіе повсюду свои декреты и предсказывавшіе, что вотъ столько-то побѣдъ будетъ одержано въ Голландіи, столько-то въ Пруссіи, столько-то въ Испаніи. И эти люди не ошибались!

Съ двадцатью департаментами они умѣли твердо стоять противъ всей остальной Франціи и Европы, назначали солдатомъ генералами, генераломъ солдатами для пользы и славы отечества.

Да, съ удивленіемъ глядѣлъ я на это зданіе, въ которомъ произошло столько великаго; теперь я лучше понималъ исторію, рассказанную мнѣ старикомъ Перриньономъ, лучше оцѣнивалъ дѣло революціонеровъ. — То были люди непохожіе на насъ! думалъ я: пройдутъ года, насъ не станеть; никто даже не будетъ знать, что мы когда-то жили, а о нихъ будутъ говорить вѣчно, и никогда не умрутъ они въ памяти людей!

Разъ вечеромъ я находился на этомъ же мѣстѣ, и по обыкновенію раздумывалъ на досугѣ; вдругъ какой-то высокій, рыжеволосый канониръ ударилъ меня по плечу. Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и узналъ молодого Матерна, котораго звали Франсуа. Особенными друзьями мы никогда не были, и часто давали другъ другу порядочныя потасовки, но увидя его, я былъ весь въ восторгѣ и сказалъ ему:

— Ты ли это, Франсуа? Мнѣ очень, очень пріятно тебя видѣть, Я пожалъ ему руку и даже хотѣлъ броситься на него.

— Что ты подѣлываешь здѣсь въ Парижѣ? захотѣлось ему узнать.

— Я столярный работникъ.

— Ага! Ну, а я—венсенскій канониръ! Чтожь, угостишь пріятеля?

— Если тебѣ угодно, пожалуй, Францъ.

Тотъ быстро подхватилъ меня за руку и вскричалъ:

— Вѣдь мы, братъ, были товарищами.... Идемъ же! я знаю здѣсь теплое мѣстечко.... Ну-ка, взгляни—вотъ тутъ.

Мы прошли не болѣе четырехъ шаговъ; я думаю, впрочемъ, что для него всякое мѣсто было хорошо, такъ какъ удовольствіе рассчитывать оны уступалъ другому. Ну, да Богъ съ нимъ! Отстегнувъ свою саблю, онъ положилъ ее на рѣшетчатую скамейку у входа трактира, мы же сами помѣстились возлѣ, за маленькимъ столикомъ.

Посѣтители входили и выходили. Я потребовалъ бутылку пива, но Францу была больше по душѣ водка.

— Давайте-ка сюда графинчикъ! скомандовалъ онъ женщицѣ:— такъ вотъ какъ, Жанъ-Шерь, ты работникъ—гдѣ же это?

— Въ улицѣ Лагарпъ, но самъ я живу въ улицѣ св. Якова-матюринцевъ.

— Знай нашихъ!.. Будемъ здоровы!

Я спросилъ, не получалъ ли онъ извѣстій съ родины; тотъ началъ насмѣхаться надъ родиной, говоря:

— Это такая, братъ, трущоба... Стоить ли о ней и говорить...

— А твой отецъ и мать?

— Кажется еще живы: вотъ ужъ два года, какъ я не получаю отъ нихъ писемъ.

— А ты самъ пишешь имъ?

— Конечно. Два или три раза я попросилъ у нихъ денегъ — тѣ какъ въ ротъ воды набрали. Чтожь, мнѣ наплевать! Будемъ здоровы, Жанъ-Пьеръ!

Этими словами онъ оканчивалъ всѣ свои разсужденія.

Еще помнится мнѣ, что когда я заговорилъ ему о реформѣ, онъ такъ отвѣчалъ:

— Эге-ге, это по части политики, а тому, кто ею занимается — не одобровать! Знай, братъ, что у всѣхъ оружейниковъ разобраны ружья, то замокъ отвинченъ, то дуло снято. Теперь, если тѣ, которыхъ забавляетъ политика, стануть расхватывать ружья, то немного изъ нихъ пострѣляютъ. Сержантъ, братецъ, сказалъ мнѣ это. Отъ него же я узналъ, что есть въ городѣ какіе-то господа, сильные, одѣтые наилучшимъ образомъ и вооруженные толстыми дубинами, налитыми свинцомъ. Они узнають другъ друга по знакамъ, притворяются, будто больше всѣхъ занимаются политикой, но, собравшись вдвоемъ и втроемъ, убиваютъ неопытныхъ товарищей, которые непритворно забавляются политикой. А тамъ являются солдаты и въ конецъ разгоняють эту сволочь. То-то, братъ, берегись забавляться политикой, говорю тебѣ это по-дружески.

— Вѣрю, отвѣчалъ я, и нисколько не думаю ею забавляться.

Когда графинчикъ опустѣлъ, Матернъ сказалъ мнѣ, что ему нужно быть на переключкѣ и что до Венсена считалось съ добрую милю разстоянія. Онъ всталъ и застегнулъ свою португезу, а я пожалъ ему руку. Въ то время, какъ онъ торопливо шелъ чрезъ мостъ, я расплачивался за пиво и водку, потомъ возвратился домой. Свиданіе съ нимъ мнѣ было пріятно, но я также былъ сильно удивленъ его разсказомъ о негодяяхъ, принявшихъ на себя обязанность убивать своихъ товарищей.

— Если бы господинъ Гизо стоялъ за правду, думалъ я, то не нуждался бы въ такихъ мѣрахъ: всѣ честные люди потянули бы на его руку. Но кто отвергаетъ справедливыя требованія, того всегда мучитъ страхъ, тому необходимо опираться на помощь убійцы и измѣнниковъ.

XIX.

Встрѣча съ Матерномъ доставила мнѣ мимолетное удовольствіе. Что подумать, скажите пожалуйста, о человѣкѣ, который ѣсть, пьетъ и называетъ родину трущобой, не стоящей добраго слова?

Вѣдь такіе товарищи несносны: они далеко. неспособны облегчить вамъ сердце. Мнѣ, право, не было охоты съ нимъ еще повстрѣчаться, и мысль о поѣздкѣ на родину подступала ко мнѣ съ новою силой: парижская вода, пища, тѣни домовъ меня мучили.

— Здѣсь-то суждено сложить тебѣ кости! часто думалъ я въ отчаяніи: тебя смѣшаютъ съ сотней другихъ, тебѣ совершенно чужихъ мертвецовъ, на кладбищѣ, гдѣ нѣтъ и слѣдовъ зелени!.. Вѣдь это ужасно!

По вечерамъ, мнѣ иногда снилось, что тетупка Вале занемогла, что ей нужна моя помощь, что она меня звала, — и я въ ужасѣ просыпался.

Я не вынесъ такого мучительнаго положенія и отправилъ доброй старушкѣ письмо, въ которомъ такъ и слышались мои стоны.

— Если вы еще живы, напишите мнѣ, потому что я выбиваюсь изъ силъ. Я лучше все брошу и приду къ вамъ на помощь. Скажитъ мнѣ только, здоровы ли вы?

Четыре дня спустя, я получилъ ея отвѣтъ, который сохраняю до сихъ поръ: перечитывать эти старыя письма такъ отрадно, какъ будто съизнова начинаешь жить. Вотъ отвѣтъ старушки отъ слова до слова:

«Милый мой Жанъ-Пьеръ, я слава Богу здорова и ни о чемъ не беспокоюсь, зная, что ты на хорошемъ мѣстѣ. Не все-ли равно, жить въ Парижѣ, Дрезденѣ, Мадридѣ или Сень-Жанъ-де-Шу: лишь бы ни въ чемъ не было недостатка. Выбрось ты изъ головы грустныя мысли. Я видѣла сотни конскриптовъ, которые хворали, именно потому, что ихъ мучили грустныя мысли. А если бы они спокойно покорились судьбѣ и кушали свой паекъ, то избавились бы отъ всякихъ лихорадокъ, были бы свѣжи и здоровы. Кто не думаетъ много—всегда здоровъ. Вообрази себѣ, что все идетъ отлично, и ты будешь доволенъ, а коль скоро доволенъ, то непременно и здоровъ.

Если бы я была больна или въ чемъ нуждалась, то сейчасъ бы тебя увѣдомила, но я никогда не была такъ здорова, какъ теперь, особенно съ того времени, какъ меня навѣстилъ твой товарищъ—Эммануэль. Онъ не полѣнился взобраться ко мнѣ на третій этажъ

и рассказать мнѣ, какъ ты работаешь и какъ вы оба бѣгаете по столицѣ. Этотъ достойный и красивый молодой человекъ хотѣлъ даже обнять меня отъ твоего имени. Теперь я, конечно, старуха, а была и я когда-то совсѣмъ не такая. Это очень умный юноша, и мнѣ было бы пріятно, если бы вы постоянно оставались друзьями. Для тебя, Жанъ-Пьеръ, нѣтъ лучшаго общества; Эммануэль скоро возвратится въ Парижъ и расскажетъ тебѣ больше. Помни-же, что твоя добрая, старенькая тетушка Бале, вовсе не собирается умирать и, съ божьей помощью, надѣется еще не одицъ годовъ пожить вмѣстѣ съ тобою.

«Я бы поболтала съ тобою еще немножко, но мнѣ нельзя долго глядѣть очками: лучше поберегу свои глаза. Обнимаю тебя несчетно, добрый Жанъ-Пьеръ, и желаю тебѣ не унывать, какъ не унываетъ»

Твоя добрая мать и другъ

Марія-Анна Бале».

Письмо это принесло мнѣ невыразимую радость. я ободрился и даже сталъ называть глупостью мое прежнее отчаянье. Но судьба готовила мнѣ другія, менѣе пріятныя извѣстія.

Осень приходила въ концу. Студенты стали показываться въ старыхъ улицахъ, они возвращались разодѣтые франтами, а съ ними молодыя женщины преобразились опять въ модныхъ львицъ, и принялись за прежнія пляски, крикъ и хохоть. Во всѣхъ окнахъ меблированныхъ комнатъ по улицамъ Лагарпъ, Сэнъ-Жакъ, Медицинской Школы и сосѣднимъ раздавались звуки веселой пѣсенки «Ларифла».

— Что же это Эммануэля не видно, думаль — я: гдѣ-то онъ теперь?

Мимоходомъ я взглядывался въ каждую фізіономію и уже началъ безпокоиться, но разъ вечеромъ, когда я возвратился изъ мастерской, господинъ Трюберъ закричалъ мнѣ:

— Вамъ есть записочка!

При этомъ онъ подаль мнѣ коротенькое извѣщеніе Эммануэля: «я пріѣхалъ и нахожусь въ прежней квартирѣ. Жду тебя!»

Нѣсколько минутъ спустя, я уже взбирался по лѣстницѣ дома № 7, въ Песчаной улицѣ. Эммануэль уложилъ свои вещи въ комодъ и, сидя въ халатѣ, передъ вкусной жареной уткой, покуривалъ трубочку.

— А, Жанъ-Пьеръ, здравствуй, голубчикъ!

Мы бросились другъ другу на шею. Какое счастье обнимать дорого товарища!

— Ну... ну... милый мой, говорилъ онъ, выпей чего нибудь, да покуримъ, а я поразскажу тебѣ, что дѣлается въ нашей сторонѣ.

— Ну что, все-ли тамъ благополучно?

— Слава Богу!

— Тетушка Бале?

— Здравехонька.

— Дюбургг?

— Еще бы послѣ такого жирнаго наслѣдства! А вотъ ты, другъ мой, похудѣлъ: ужъ не былъ ли боленъ?

— Нѣтъ, слава Богу, но я страшно скучалъ: мысли о родинѣ, объ осени, о прошломъ, о красныхъ виноградныхъ листьяхъ на горѣ—вотъ что меня съѣдало, понимаешь ли ты?

— Да, да, это мнѣ знакомо. Но что же дѣлать, мой бѣдный Жанъ-Пьеръ! Надо, голубчикъ, ко всему привыкать. Теперь скажу тебѣ, что весь городъ Савернъ просто изумляется, глядя на Дюбургговъ: они купили большой домъ на площади, выписали мебель изъ Страсбурга, а г-жа Мадленъ, вся разодѣтая въ пухъ, прогуливается важно по аллеѣ замка.

Эммануэль улыбался; я тоже старался улыбнуться, но мнѣ невыносимо тяжело были всѣ эти безтолковыя затѣи.

— Что подѣлываетъ дядюшка Антуанъ? спросилъ я.

— О, это все тотъ же почтенный человѣкъ: теперь у него прибавилась хорошая касторовая шинель и пуховая шляпа. Онъ также прогуливается на площади, но просто, безъ чванства; тамъ-то и случилось мнѣ его видѣть; дружбу ведетъ съ старыми капиталистами и отставными военными. Ты не повѣришь, какъ мои разсказы о тебѣ были ему пріятны.—Ахъ, какъ я доволенъ, господинъ Эммануэль, вашими извѣстіями, сказалъ онъ мнѣ: я такъ люблю Жанъ-Пьера! это человѣкъ съ благороднымъ сердцемъ,—ну, и такъ далѣе. Онъ даже хотѣлъ меня пригласить къ обѣду, но я бы стѣснялся въ присутствіи важной барыни—мадамъ Мадленъ.

— Все это я предчувствовалъ заранѣе, замѣтилъ я: у мадамъ Мадленъ не хватаетъ толку, но вѣдь Анета, надѣюсь, на нее не похожа.

— Ни мало, подхватилъ Эммануэль: да и то сказать—что идетъ семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, не пристало сорока-пятилѣтней бабѣ. Анета — прехорошенькій, свѣженькій розанчикъ: зубки бѣленькіе, глазки голубые, талія—прелесть! Понятное дѣло, что ей будутъ къ

лицу модныя фалбалы. Ну, а все-таки, между нами Жанъ-Пьеръ, ей бы не мѣшало имѣть побольше простоты и скромности.

— Такъ ты говоришь, что она хороша?

— Чудо что такое! Прибавь къ этому полное приданое, и ты поймешь, отчего въ ихъ домѣ является цѣлая ватага любезниковъ. Бѣдный лакей умаялся, думаю, натирая воскомъ лѣстницу.

— Такъ у нихъ лакеи натираютъ лѣстницу воскомъ?

— Ну да, разумѣется!

Эммануэль догадался, что все это было мнѣ очень тяжело. Но я хотѣлъ узнать самыя ничтожныя подробности. Лучше оглохнуть, нежели слушать такіе рассказы, но къ несчастью, когда они начаты, тебя такъ и подмываетъ выслушать все до конца.

— Кто же къ нимъ ходитъ? спросилъ я пріятеля.

— Вотъ странный вопросъ! Да всѣ, кого соблазняютъ приданое и красота молоденькой дѣвушки, вся тамошняя молодежь приличнаго круга: чиновники, клерки, нотаріусы, адвокаты безъ дѣла; я могъ бы тебѣ назвать дюжины съ двѣ подобныхъ претендентовъ. Вѣдь стоитъ только натянуть черный фракъ, бѣлый жилетъ и перчатки, а хозяева ужъ угостятъ радушнымъ обѣдомъ. Господинъ Гессъ, органистъ, садится къ роялю, открываются три большихъ окна, распѣваются разные дуэтики, а уличные зѣваки толпятся на площади и задираютъ вверхъ любопытные носы.

Эммануэль рассказывалъ мнѣ все это, какъ самое обыкновенное дѣло, опорожняя свой стаканъ и набивалъ трубку; по временамъ онъ подходилъ къ окну и выглядывалъ на проходившихъ мимо своихъ товарищей, потомъ опять ходилъ и самымъ безопаснымъ голосомъ заговаривалъ со мной.

— Ну-ка, ну-ка, выпей, дружокъ. Если у насъ хватитъ времени, мы отправимся въ Одеонъ; я читалъ афишу—сегодня даютъ что-то необыкновенное.

А меня какъ будто морозъ подиралъ по кожѣ.

— Вотъ, братъ, что значить нечаянно разбогатѣть, продолжалъ Эммануэль, и втереться въ кругъ совсѣмъ иныхъ людей. Это несчастное семейство позволяетъ провинціальнымъ блудолизамъ надувать себя безсовѣстѣйшимъ образомъ, и не замѣчаетъ, что разная сволочь добивается вкуснаго приданого. Я бы могъ не говорить тебѣ ни слова объ этой исторіи, но знаешь, мы всегда интересуемся людьми, съ которыми были знакомы еще съ дѣтства.

Я понурилъ голову и глядѣлъ въ землю; хотѣлъ отвѣчать, но что-то такое сдавливало мнѣ горло. Наконецъ, собравшись съ духомъ, я пробормоталъ:

— Да, это тяжело.

— Конечно, Жанъ-Пьеръ, это очень скверно; боюсь даже, чтобы какойнибудь негодяй не достигъ своей цѣли.

— Будто бы ты думаешь, что одинъ изъ этихъ блюдолизовъ можетъ успѣть?..

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь. Уже ходятъ все-какіе толки о впечатлѣніи, произведенномъ господиномъ Бреслау; это, братецъ, красивая, статная, вѣчно завитая и серьезная фигура, съ круглыми зобомъ и черными усами—однимъ словомъ бель-омъ!

Я не выдержалъ и вскричалъ:

— Подлецъ!

— Скажи лучше—дуракъ, подсказалъ Эммануэль, окинувши меня удивленнымъ взглядомъ.

— Дуракъ, подлецъ, мерзавецъ!

Эта была невольная вспышка злости, послѣ которой я продолжалъ:

— Ну, да впрочемъ, что намъ за дѣло! Если мадамъ Мадленъ такъ глупа, и господинъ Дюбургъ такъ слабъ, что позволяютъ смѣяться надъ собою жаднымъ вертопрахамъ—это ихъ дѣло. Мнѣ жаль только бѣдняжку Анету: она вѣдь ничѣмъ невиновата, что ея матушка полусумашедшая старуха.

— Постой, постой, она вовсе не такъ достойна сожалѣнія, какъ ты думаешь. Ты не воображай себѣ, Жанъ-Пьеръ, что ей тошны всѣ эти визиты, комплименты, интересные вздыхатели, изнывающіе у ея ногъ и называющіе ее прелестной; она очень не прочь протанцовать съ ними шестую или седьмую кадрили, особенно послѣ сладенькаго приглашенія. И когда является красавчикъ Бреслау, завитой на фуфу, раздушенный и разфранченный, мамзель Анета вовсе не кажется несчастною.

— Ты самъ видѣлъ?

— Нѣтъ, но слухомъ земля полнится.

Мнѣ, право, хотѣлось разбить, раздавить чтонибудь. Ужь какія усилія я ни употреблялъ, но никакъ не могъ унять своего внутреннего волненія, и потому вдругъ вставши, сказалъ:

— И такъ... Вѣдь я къ тебѣ сегодня вечеромъ мимоходомъ...

— Куда же ты?

— Пойду къ господину Перриньону, моему начальнику по мастерской; онъ одолжилъ мнѣ исторію революціи; надо возвратитъ ему эту книгу.

— Ба, ба! Такъ ты читалъ исторію революціи, Жанъ-Пьеръ? Ну-ка расскажи, что ты объ этомъ думаешь?

— Я въ водотргѣ.

— Такъ, братъ, такъ... Дантояъ, Верньо, Гогшъ, Клеберъ, Марсо... Значить, мы съ тобой однихъ убѣжденій; тѣмъ лучше! Да что же ты не допиваешь своего ставана?

— Не хочется.

Я ужъ хотѣлъ бѣжать отъ него; щеки мои сильно дрожали, и въ эту минуту, я думаю, Эммануэль самъ началъ догадываться о моемъ волненіи, потому что сказалъ мнѣ:

— Ну, прощай; завтра или послѣ завтра мы опять увидимся... и потолкуемъ.

Онъ освѣщаль мнѣ лѣстницу стеариновой свѣчкой, а я, сжимая ему руку, говорилъ:

— Да... мы потолкуемъ.

Потомъ все стемнѣло, и я ошущю спустился съ лѣстницы. Вольный воздухъ раздражалъ меня еще болѣе. Я бѣжалъ стремглавъ по тротуару и толкалъ прохожихъ, какъ полоумный. Два или три раза мнѣ даже, кажется, закричали:—эй вы, тише,—но навѣрное не знаю.

Словно какія-то тѣни, мельгали мимо моихъ глазъ газовые фонари, экипажи, лавки, повороты улицъ, въ которыхъ раздавались крики:—поди! поди!

Помню только, что въ головѣ моей бродили такія диковинныя мысли:

— Ты долженъ ѣхать въ Савернъ, напасть на Бреслау и задунить его: тебя убьютъ—тѣмъ лучше; кончатся твои страданья!

Потомъ мнѣ представлялись фізіономіа дядюшки Антуана, господина Нявуа, тетушки Бале, и новое раздумье:—что скажутъ они?—приводило меня въ смущеніе. Но какъ сильно я ненавидѣлъ глупую, чванливую г-жу Мадленъ, которую считалъ причиною всѣхъ несчастій! Ахъ, какъ была она мнѣ противна!

Пройдя довольно большое разстояніе, улицей Копо, ботаническимъ садомъ и лежащимъ далѣе за нимъ мостомъ, я вышелъ на бастильскую площадь и увидѣлъ возлѣ ея колонны торговца, игравшаго на литаврахъ; кругомъ меня толпился народъ; волѣни мои дрожали до такой степени, что я долженъ былъ усѣсться подъ навѣсомъ сосѣдняго ресторана. Здѣсь я потребовалъ пива, и скрестивши ноги, хотѣлъ развлечься суматохой, криками, ѣздой множества омнибусовъ, экипажей и громкой ругатней извожиковъ.

Все это представлялось мнѣ тяжелымъ сномъ. Далижансъ отправляясь на мою родину, и я сталъ размышлять;

— А если бы мнѣ сѣсть туда... Послѣ завтра я былъ бы въ Савернѣ, рассчитался бы съ Бреслау!

Я всталъ, заплатилъ и ушелъ, не выпивши своего пива.

Была уже поздняя ночь, когда я проходилъ черезъ площадь городскаго отеля; дальше, на плескавшей и блестящей внизу рѣкѣ пролегалы огромныя тѣни башенъ Нотръ-Дамъ, отраженія мостовъ и старыхъ зданій. Страшныя событія революціи опять заняли мое воображеніе.

— Сколько матушка-Сена носила на себѣ всякихъ труповъ,—и негодлевы, и честныхъ людей, раздумывалъ я... Теперь всѣ они навѣки заснули... Но самоубійцы—люди недостойные... Они, значить, боится страданій...

Спустя еще нѣсколько минутъ, я позвонилъ, вошелъ въ кашкету и по лѣстницѣ добрался до своей комнаты.

XX.

Съ этихъ поръ, мысль сѣздить въ Савернѣ и покончить съ господиномъ Бреслау часто навѣщала меня, но каждый разъ я уже судилъ хладнокровнѣе:

— Къ чему это послужить? Тебя повѣсятъ жандармы, а тетушка Бале умретъ съ горя. Ты сдѣлаешься посмѣшищемъ цѣлаго города; мадамъ Мадленъ будетъ тебя презирать, мамзель Анета, увидя тебя, отвернетъ голову, а дядюшка Антуанъ скажетъ:—никогда я этого не могъ отъ него ожидать!—Тебя осудятъ и господинъ Нивуа, и дядюшка Васеро, и капитанъ Флорантенъ, и госпожа Френцель, однимъ словомъ всѣ порядочные люди въ городѣ. Успокойся лучше, Жанъ-Пьеръ!

Разумѣется, эти соображенія были мнѣ не по душѣ, но что же дѣлать: безсиліе всегда должно слушаться голоса разсудка.

Зима приближалась. Вотъ ужъ у дверей виноторговцевъ, возлѣ жестяныхъ жаровень, усѣлись продавцы каштановъ—грязные, невымытые савояры въ грубыхъ, заплатанныхъ на локтяхъ курткахъ, выпачканныхъ колпакахъ, надѣтыхъ на затылокъ, и парусинныхъ панталонахъ; явились и шарманщики; зданіе Прадо отворило свои двери; студенты, длинными рядами, съ тетрадями подъ мышкой, согнутыми спинами, поднятыми воротниками и всунутыми въ карманы руками, торопились по своимъ зеведеніямъ; холодный, мелкій дождикъ и сѣрыя облака говорили, что зима не за горами.

Парижская зима не приноситъ съ собою картофеля и охапокъ дровъ... Деревенскіе жители воображаютъ себѣ, будто знакомы хорошо съ зимою и говорятъ:—что-жъ, можно ѣсть вареную картошку... потомъ опять картошку... — Ну, а если нѣтъ и этой пищи. Вотъ когда худо!

Впрочемъ работа у меня была, а постель свою я находилъ довольно сносною. Стоитъ только поглядѣть въ дождливую ночь на несчастныхъ нищихъ, полунагихъ женщинъ, съ ихъ малютками въ рукахъ, или на дрожащихъ отъ холода стариковъ подъ фонарями: вотъ тогда-то скажешь спасибо своему теплomu одѣялу.

Тогда ужъ не станешь думать:

«У другихъ есть пуховики, ковры, другіе забавляются музыкой и удовольствіями, другіе танцуютъ въ Прадо и пьютъ пуншъ въ ожиданіи карнавала».

Нѣтъ, инныя мысли придутъ въ голову:

«Многимъ, болѣе меня достойнымъ людямъ—постелью служить мостовая, а одѣяломъ—тучи дождевыя!»

Или:

«Положимъ, что ты—отъ чего избави Боже—женатъ и не имѣешь работы: что тогда станется съ твоей женой и дѣтьми? Что станется съ тобою самимъ подъ старость лѣтъ?»

Такія мысли приучаютъ парижскихъ ремесленниковъ здраво судить. Въмѣсто того, чтобы думать только о своемъ положеніи, какъ поселяне, они принимаютъ участіе другъ въ другѣ; принимая участіе въ своемъ товарищѣ, они и о себѣ приучаются хлопотать. Я помню, что уже въ то время у нихъ было въ виду составлять большія рабочія артели. Эта мысль съ каждымъ днемъ пріобрѣтала все больше силы, и я нахожу ее совершенно справедливой, что бы тамъ другіе ни толковали.

Какой варваръ осмѣлится сказать ближнимъ:

— Вы будете работать всю жизнь и умрете въ нищетѣ. Но я не хочу, чтобы вы помогали одинъ другому.

Вѣдь это было бы безчеловѣчно!

А между тѣмъ на свѣтѣ есть подобные эгоисты, и я желаю отъ души, чтобы Господь сжалился надъ ними.

Работа въ мастерской и споры въ харчевнѣ шли своимъ чередомъ. Журналисты и живописцы нерѣдко орали такъ бѣшено, какъ будто хотѣли вцѣпиться въ волосы одинъ другому. Обыкновенно говорили тогда о реформистскихъ обѣдахъ, на которыхъ депутаты оппозиціи произносили рѣчи при настезѣ открытыхъ окнахъ, чтобы слова ихъ могли слышать всѣ прохожіе.

Монгальяръ прочитывалъ эти рѣчи, приходившія изъ Дижона, Шалона, Лиля, Макона.

Я чуть не плакалъ, выслушивая эти прекрасныя и справедливыя разсужденія.

— Какъ хорошо они говорятъ, удивлялся я, какъ угадываютъ, что мы всѣ думаемъ. Теперь-то господинъ Гизо пойметъ все и самъ сознается въ своихъ ошибкахъ, мы же простимъ ему, если онъ дастъ обѣщаніе не приниматься за прежнее. Вѣдь онъ тоже человѣкъ!

Я уже не сердился на этого министра, но другіе приходили въ бѣшенство при одномъ его имени. Монгальяръ защищалъ Ледрю-Роллена, Кубе—Ламартина, другіе держали сторону Одиллонъ-Барро и Дювержье. Я же всѣхъ ихъ находилъ хорошими людьми и не могъ бы сказать, какая между ними разница.

При выходѣ изъ *кабуло* мнѣ часто хотѣлось развѣдать отъ г. Перриньона, кто изъ этихъ людей ему болѣе нравится, но старикъ постоянно отвѣчалъ мнѣ одно:

— Люди ничего не значать, было бы исправно дѣло. Вѣдь вотъ наше горе во Франціи, что мы любимъ привязываться къ людямъ, а тѣ и вообразили себѣ, что безъ нихъ и вода не святится. Впродолженіи тридцати лѣтъ я насмотрѣлся на замѣчательныхъ людей. И что же? Всѣ они перестали дѣйствовать, а отечеству отъ этого не дѣлалось же хуже. Надобно полюбить самое дѣло, Жанъ-Пьеръ Одиллонъ-Барро требуетъ содѣйствія способностей, а Ледрю-Ролленъ—общаго права голоса. Если бы народъ былъ образованъ, то, конечно, было бы хорошо всякому предоставить право голоса, но вѣдь теперь четвертая часть нашей націи не умѣетъ читать, и потому я думаю, что лучше обратиться къ содѣйствію способныхъ людей.

— Гизо и Луи-Филиппъ въ своей камерѣ допускаютъ только корнсть и скупость, которыя они величаютъ порядкомъ и сохраненіемъ; честь, справедливость, свобода ими выгнаны, тогда какъ безъ этихъ трехъ условій великія дѣла невозможны. Оттого король и его министръ не хотятъ содѣйствія способностей.

— На первое время Одиллонъ-Барро и Дювержье хлопочутъ о правѣ голоса только для способныхъ людей, и я совершенно одобряю эту мѣру. Сначала надо образовать народъ, и когда онъ поумнѣетъ, спросить, чего ему хочется. Слѣпой не можетъ судить о враскахъ: знать его мнѣніе о картинѣ пожелаетъ только тотъ, кому пріятно видѣваться надъ горестнымъ положеніемъ слѣпца; но если кто нибудь станетъ увѣрять такого несчастнаго человѣка,

что онъ судить хорошо, видитъ ясно, что не онъ, а другіе слѣпы, тотъ будетъ издѣваться надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ. Впрочемъ, такія крайности всегда слѣдуютъ за большими злоупотребленіями; сталкиваясь взаимно, какъ тѣ, такъ и другіе минуютъ свою цѣль и проходятъ за нее дальше. Во всемъ нужно держаться строгой справедливости!

— Не смотря, однако, на всѣ эти доводы, прочіе товарищи хотѣли общаго избирательнаго права.

— Всѣ люди равны, кричалъ Контень, и должны все дѣлить сообща, начиная съ убѣжденій. Если бы всѣ голоса были одинаковы, то бѣдные или совсѣмъ ничего неимущіе стали бы требовать справедливаго дѣлежа имущества; отсюда произошла бы мирная революція, и все было бы подѣлено поровну.

Это мнѣніе я находилъ также прекраснымъ, но разъ, когда Контень опять заговорилъ прежнее, дядюшка Перриньонъ сказалъ съ грустной улыбкой:

— Ты разсуждаешь хорошо, Контень, въ тебѣ виднѣтъ толкъ; ты правъ, говоря, что всѣ люди равны; теперь, по твоему, не должно быть лѣнтыевъ, воровъ, глупцовъ, негодяевъ и завистниковъ. Всѣ мы должны быть хорошими работниками, значить надобно поровну всѣмъ платить; дальше, такъ какъ мы всѣ честны, храбры, умны, готовы погибнуть за правду, то слѣдовательно между нами не должно быть ни малѣйшей разницы, мы должны быть одинаково богаты, одинаково уважаемы отечествомъ, впрочемъ, во всемъ, во всемъ равны между собой. Значить, всѣ частныя имущества придется сдѣлать однимъ общимъ имуществомъ. Чтожь выйдетъ? Коммунизмъ!

Онъ улыбался, но видно было, что коммунизмъ ему очень не нравился.

— Ну такъ чтоже! возражалъ Контень, развѣ вы находите, что это несправедливо?

— Нѣтъ, это очень неудобно для лѣнтыевъ, воровъ, глупцовъ, негодяевъ и завистниковъ—вотъ что я думаю! Боюсь только, что отъ всего этого можетъ произойти страшная рѣзня. Чтожь, по твоему, довольно объявить народу, что дважды два — пять, а онъ сразу и повѣритъ? Развѣ вещи измѣняются оттого, что мы, какъ ослы, смотримъ на нихъ съ изнанки, или, какъ негодяи, хитро хотимъ распоряжаться ими для своей пользы? Ты воображаешь, что честные люди, нажившіе свое добро трудомъ, мужествомъ и терпѣніемъ, захотятъ отдать его безъ боя тѣмъ самымъ лѣнтыямъ, ворами, глупцамъ, негодяямъ и завистникамъ, но-

торые мѣшали имъ работать и наживаться? Повѣрь мнѣ, Контень, эти честные люди съумѣютъ защищать свое честное добро еще лучше, чѣмъ умѣли его [нажить. Съ ними будетъ прежняя ихъ сила. Но положимъ, чего быть никогда не можетъ, что ихъ придавить большинство враговъ: что же выйдетъ? Старое зерно нашей націи будетъ задушено; это зерно трудолюбиваго, мужественнаго и гордаго французскаго народа, которому удивляется свѣтъ впродолженіи тысячелѣтій, умретъ, а лѣнтян, выдѣлывая безтолковыя фразы, съѣдятъ богатыя жатвы націи и напоследокъ станутъ пожирать другъ друга. Къ нимъ придутъ на помощь русскіе, пруссаки, англичане, и кончатъ тѣмъ, что разберутъ по своимъ карманамъ остатки народнаго добра, а коммунистовъ ударами кнута станутъ неволить къ работѣ. Погибнетъ такимъ образомъ Франція, какъ позорно погибли не менѣ великія и сильныя государства, когда въ нихъ одерживала верхъ жадная толпа тунеядцевъ и бездѣльниковъ.

— За одной несправедливостью всегда слѣдуетъ другая. Господинъ Гизо отвергаетъ содѣйствіе способностей—мѣру благородную и полезную, которую поддерживаютъ всѣ честные люди; тогда другіе добиваются коммунизма! Если потечетъ кровь, то вся она должна пасть на голову господина Гизо. Онъ ясно видитъ, къ чему все это можетъ привести.... нѣтъ, видите, ему ужъ крѣпко любъ его министерскій стулъ.

— Выбирайте между моею гордостью или пропастью, говорятъ онъ: покоряйтесь или погибайте!

Говоря это, господинъ Перриньонъ страшно поблѣднѣлъ; потомъ вдругъ всталъ и вышелъ, не произнеся болѣе ни одного слова.

— Эхъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы онъ заговорилъ съ Кабе, сказалъ Контень: — тотъ бы его срѣзалъ; я же не хочу съ нимъ спорить. Это старый хрѣнь 89 года, воображающій, что ужъ ничего нѣтъ выше свободы.

Однако, съ тѣхъ поръ я остерегался людей, которымъ нравился дѣлать чужого имуществу, и обѣщалъ себѣ всегда держать сторону гражданъ, наживающихъ добро трудомъ и добронорядочнымъ поведеніемъ.

— Будь весь народъ образованъ, размышлялъ я, тогда, безъ сомнѣнія, всѣ люди согласятся, что въ общемъ правъ голоса заключается самое лучшее положеніе для націи.

XXI.

Въ концѣ ноября, между двумя половинами нашего *кабуло* нель-

за было бы найдти никакой разницы. Споры увеличивались, чѣмъ ближе подходило время открытія камеръ. Всякій мѣшался въ политику, и мы, простые ремесленники, нѣсколько не отставали отъ живописцевъ и журналистовъ. Всѣ защищали свои мнѣнія о реформѣ, о содѣйствіи способностямъ, объ официальныхъ обѣдахъ, о всеобщемъ избирательномъ правѣ.

А между тѣмъ дождь шелъ безостановочно.

Не думаю, чтобы на свѣтѣ былъ другой, такой мокрый въ зимнее время, городъ, какъ Парижъ, особенно въ узенькихъ улицахъ, шага въ три-четыре шириною, гдѣ сточныхъ трубъ нигдѣ не видно. Съ утра до вечера наскучаетъ дождь; на время перестанетъ, потомъ опять полетѣтъ съ новою силой. Ночью, цѣлые часы сряду, внизу домовъ журчитъ вода; пьяницы, ворча, шлепаются въ лужахъ и, когда погаснетъ въ улицахъ газъ, расхаживаютъ муниципальные рунды съ большими на древкахъ фонарями.

Воля ваша, нельзя же постоянно сидѣть до полуночи въ своей комнатѣ и любоваться, какъ вода стекаетъ по крошечнымъ окнамъ или какъ тоскливый мѣсяцъ по временамъ выползаетъ изъ за сѣрыхъ облаковъ. Я купилъ себѣ въ Мазаринской улицѣ поношенный дождевый плащъ у одного ветошника, которому студенты, уѣзжая на каникулы, сбываютъ всю свою рухлядь. Моя обновка была чернаго цвѣта и мохната; по вечерамъ я окутывался ею, и часика на два выходилъ на мостъ св. Михаила, на Новый-Мостъ, чтобы подышать свободнѣе, поглядѣть на Сену, желтѣвшую глиной до верху арокъ, помечтать о родинѣ, тетушкѣ Бале, о господинѣ Бреслау, о политикѣ, о всѣхъ невзгодахъ жизни и о прочемъ. Когда ноги мои уставали, я возвращался домой и засыпалъ въ своей постели.

Вотъ въ одну изъ такихъ вечернихъ прогулокъ, ровно въ десять часовъ, я встрѣтился въ улицѣ Ла-Гарпъ съ Эммануэлемъ, который шелъ прямо на меня, съ книгами подъ мышкой, въ коротенькомъ клеенчатомъ плащѣ.

— Ба! Жанъ-Пьеръ! вскричалъ онъ.

— Куда это ты такъ поздно? спросилъ я.

— На конференціи въ Гарлэ—приходи, послушай: сегодня говорить моя очередь.

— Да въ чемъ дѣло, я не понимаю.

— Ну видишь ли, собирается общество студентовъ третьяго курса: будутъ толковать и пріучаться къ адвокатскимъ защитительнымъ рѣчамъ.

— Гдѣ же это?

— Въ полатѣ кюстиціи, въ седьмой камерѣ исправительной полиціи. Когда присутствіе закрывается, мы начинаемъ свое собраніе по пословицѣ: кошкемъ нѣтъ, мыши танцуютъ.

Онъ захохоталъ, я же пошелъ за нимъ, любопытствуя видѣть все это.

— Но можетъ быть мнѣ нельзя войти, Эммануэль?

— Будь спокоенъ — можно.

Мы дошли до мрачной рѣшотки, охраняемой часовымъ съ ружьемъ на плечѣ.

Все было тихо, когда мы проходили чрезъ дворъ и потомъ стали подниматься по большой лѣстницѣ: словно все замерло.

Въ передней, между колоннами, былъ привѣшенъ къ стѣнѣ фонарь, освѣщавшій входъ на лѣстницу справа. Мы поднялись, и чрезъ двѣ минуты очутились посреди огромной залы «Потерянныхъ Шаговъ», — темной, сырой, холодной. Громко отдавался звукъ нашихъ шаговъ по каменнымъ плитамъ; до ушей моихъ доносился какъ будто слабый говоръ нѣсколькихъ голосовъ.

— Кажется, конференція началась, сказалъ мнѣ Эммануэль.

Онъ повелъ меня въ корридоръ, изъ котораго нужно было еще подняться по витой лѣстницѣ къ двери: у этой двери на ступлѣ сидѣлъ другой швейцарь. Когда она была отворена, я увидѣлъ седмью камеру [исправительной полиціи; потолокъ былъ расписанъ старою живописью, въ глубинѣ помѣщалась эстрада, а на скамьяхъ, разставленныхъ внизу полукружіемъ, засѣдали студенты. Двое или трое изъ нихъ, представлявшіе важныхъ судебныхъ савонниковъ, въ долгополыхъ одеждахъ помѣщались на эстрадѣ за столами; нѣкоторые обернули головы, другіе протянули руку Эммануэлю, который сказалъ мнѣ:

— Садись вонъ тамъ.

Конференція началась еще прежде и имѣла необыкновенное сходство съ настоящимъ засѣданіемъ трибунала. Въ числѣ студентовъ я узналъ Кокиля, Силлери и многихъ другихъ, которыхъ видѣлъ пять мѣсяцевъ тому назадъ въ ресторанѣ Обера.

Маленькій горбачъ, по фамиліи Вокье, говорившій въ то время, выражался очень краснорѣчиво; президентомъ былъ Форъ-Мерà, хорошенькій молодой человекъ съ отпущенной, густой бородою.

Все это на ухо передавалъ мнѣ Эммануэль. Я, кажется, никогда не забуду, какъ хорошо говорилъ маленький горбачъ о томъ, что французское правительство занималось всѣми дѣлами государства — войной и миромъ, собираніемъ податей, содержаніемъ путей сообщ-

щенія, соляной продажей и почтовымъ управленіемъ. Не такъ, по словамъ его, было въ Англіи, гдѣ правительство не брало на себя сложныхъ предпріятій, отчего произошло успѣшное развитіе англійскаго земледѣлія, промышленности, флота, торговли и колоній, тогда какъ у насъ правительство желало взвалить на себя всю обузу.

Онъ заключилъ, что не дѣло правительства вмѣшиваться въ народное воспитаніе, что отцы и матери должны имъ распоряжаться, какъ своимъ естественнымъ правомъ и что естественныя права старше всѣхъ другихъ. Сказавши это, онъ сѣлъ.

Слова эти были для меня тогда совершенно новы, и потому врядъ ли когданибудь они могутъ изгладиться изъ моей памяти.

Пришла очередь Эммануэля. Мнѣ было страшно за него, чтобы онъ не сконфузился, но тотъ привсталъ безъ всякой робости и заговорилъ такъ хорошо, что мнѣ оставалось только удивляться.

Онъ говорилъ, что отцы и матери были вольны воспитывать дѣтей по своимъ убѣжденіямъ, но вовсе не были вольны оставлять ихъ безъ куска хлѣба, потому что это противно нравственности, или ничему ихъ не учить, потому что и это нисколько съ нравственностью не согласно.

Правда, говорилъ онъ, всякій можетъ одѣваться, какъ ему заблагоразсудится, но никто не смѣетъ ходить нагишемъ среди образованнаго народа, какъ нашъ, и требовать подобной свободы можетъ только сумасшедшій.

Воспитаніе, по словамъ Эммануэля,—не какоенибудь коммерческое предпріятіе, а благодѣяніе отечества, которымъ всѣ французы имѣютъ право пользоваться, такъ же какъ дышать воздухомъ Франціи; правительство не можетъ брать на себя поставку воздуха, солнечнаго свѣта, воспитанія, но должно слѣдить, чтобы всѣхъ дѣтей учили, должно даже настойчиво требовать, чтобы всякій пользовался воспитаніемъ, смотря по средствамъ деревни, села, города, гдѣ живетъ; если оно строитъ дороги для общественныхъ нуждъ, то на немъ же лежитъ обязанность строить и школы.

Далѣе, онъ говорилъ, что любовь къ отечеству измѣряется благодѣяніями, которыя гражданинъ получаетъ отъ своего отечества, и что всякій двадцатилѣтній французъ долженъ былъ бы думать такъ:

«Какое счастье для меня, что я родился во Франціи, а не въ Турціи, не въ Испаніи или гдѣнибудь въ подобныхъ краяхъ! Моя родина доставила мнѣ воспитаніе, указала мои права и обязанно-

сти. Тамъ я былъ бы скотомъ безсмысленнымъ, здѣсь—я человѣкъ!» Долгъ всякаго правительства—создавать гражданъ. То правительство, которое не сѣетъ повсюду образованія, не можетъ создавать гражданъ: оно виновато передъ отечествомъ, передъ человѣческимъ родомъ, передъ самимъ Богомъ, потому что употребляетъ во зло данныя ему средства.

Все это Эммануэль говорилъ съ большимъ одушевленіемъ.

За нимъ говорили также другіе, и только около полуночи прератилась конференція. Мы вышли. На дворъ стояла воробьиная ночь, и дождь лилъ немилосердно; часовой выглянулъ изъ своей будки, когда мы проходили, и потомъ сейчасъ же въ нее юркнулъ.

Ускоривши ходъ, съ опущенной внизъ головой, для защиты отъ ливня, мы вдвоемъ съ Эммануэлемъ подвигались по улицѣ.

— Ты правъ, говорилъ я ему, у кого нѣтъ воспитанія—нѣтъ и отечества. Такіе люди до гробовой доски служатъ только изъ-за куска хлѣба, называйся они Иванъ, Петръ, Ома, будь то—русскій, французъ или англичанинъ. Они не знаютъ, что такое отечество, и угрождаютъ только своимъ милостивцамъ. Но получившій отъ своего отечества воспитаніе выше всего ставитъ свои обязанности гражданина.

— Да, это такъ, пробормоталъ онъ.

Мы были уже на концѣ улицы св. Якова. Онъ пожалъ мнѣ руку, и мы разстались.

— Эхъ, какъ весело имѣть средства къ образованію! думалъ я. Черезъ нѣсколько лѣтъ Эммануэль будетъ судьей, адвокатомъ, королевскимъ прокуроромъ. А ты, братъ, со всею твоею доброю волей, вѣчно останешься столярнымъ мастеровымъ; но будь доволенъ и этимъ состояніемъ и не забывай, что очень многіе желали бы стать на твое мѣсто.

XXII.

Засѣданія камеръ открылись 27 декабря 1847 года.

Изъ всѣхъ политическихъ происшествій того времени, мнѣ помнится только, что Луи-Филиппъ произнесъ вступительную рѣчь, въ которой гостей официальныхъ обѣдовъ называлъ слѣпыми врагами порядка, и что послѣ, три недѣли сряду, продолжались страшные споры о томъ, какой отвѣтъ надо дать королю; въ нихъ вмѣшались Ламартинъ, Тьеръ, Одилонъ-Барро, Дювержье, Ледрю-Ро-

лень и многіе другіе, но, какъ обыкновенно, большинство одобрило дѣйствія господина Гизо.

Въ прежнихъ газетахъ всякій можетъ прочесть эти рѣчи, гдѣ одни кричали, что все идетъ хорошо, другіе, что все идетъ пре-скверно.

Студенты въ то же время требовали возвращенія прежнихъ профессоровъ — Мицкевича, Кине и Мипле, не хотѣли слышать о новыхъ, и я хорошо помню, какъ однимъ утромъ вся улица св. Якова, отъ Сорбоннской площади до моста Нортъ-Дамъ была запружена войсками. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Бѣдные солдатики, въ своей крестообразной, тяжелой аммуниціи, съ сумками у поясовъ и ружьями на плечахъ, не имѣли на себѣ сухой нитки. Экипажи перестали ѣздить, и вездѣ слышался одинъ стукъ ружейныхъ прикладовъ о мостовую, да шлепанье человѣческихъ ногъ въ большихъ болотахъ жидкой грязи.

Все это было очень печально видѣть, въ такомъ городѣ, какъ Парижъ. Между шеренгами солдатъ, студентовъ пропускали въ ихъ заведенія, и этимъ средствомъ хотѣли заставить ихъ учиться и слушать новыхъ профессоровъ. Ну чтожъ мудренаго, если напоследокъ молодежь вышла изъ терпѣнія? Всѣ громко кричали противъ этихъ постыдныхъ распоряженій и держали сторону студентовъ.

Но это не нарушало общей тишины: ходилъ только слухъ, что скоро будетъ данъ обѣдъ въ двѣнадцатомъ округѣ.

Мы же по прежнему продолжали работать у господина Браконо, но я не мало удивлялся, что въ нашей харчевнѣ на Бумажной улицѣ смолкли споры журналистовъ и живописцевъ. По временамъ кто нибудь изъ нихъ принимался громко и медленно читать рѣчи, произносимыя въ засѣданіяхъ камеръ. Казалось, будто они боялись прибавить къ этимъ рѣчамъ хотя одно свое слово, и я, съ своей стороны, находилъ, что они были совершенно правы.

Всѣ они выходили молча, съ угрюмыми лицами. Одинъ Монгальяръ подмигивалъ иногда глазомъ Кантену, ворочая за плечомъ своей толстой тростью или лучше дубиной.

Разъ, войдя въ мастерскую, я замѣтилъ дядюшкѣ Перриньону, что все повидимому успокоивается, но тотъ отвѣчалъ мнѣ:

«Передъ бурей всегда бываетъ затишье, милый Жанъ-Пьеръ. Въ ожиданіи переворота всякому нужно собраться съ мыслями и спросить себя: «какъ далеко надобно зайти? Стоитъ ли для этого жертвовать жизнію какъ мою, такъ и моего семейства — жены и малютокъ?» Ну вотъ видишь ли, иные смиряются, иные принимаютъ твердое рѣшеніе, — оттого все и кажется спокойнымъ.

Если бы ты былъ когда нибудь на морскомъ берегу, то я могъ бы объяснить тебѣ эту тишину попятнѣе. Я наблюдалъ, мой милый, надъ моремъ изъ крѣпости св. Михаила, во время полнолунія. Вотъ передо мною совершенно спокойный берегъ; вдругъ море надувается и съ громкимъ шумомъ обрушивается на берегъ водяною горою футовъ въ двадцать, тридцать и сорокъ вверхъ: это шкваль!

«Потомъ опять на время все уходитъ назадъ и стихаетъ.

«Эта волна можетъ выбросить человѣка далеко на землю и такъ же далеко унести въ море, во время отлива. Вотъ тебѣ исторія людей, настоящая причина всѣхъ ихъ революцій, блестящихъ успѣховъ и обратныхъ движеній. Когда нарастаетъ шкваль, его ужъ не можетъ удержать никакая сила; когда онъ уходитъ назадъ, надобно бросить якорь, гдѣ стоишь, чтобы оградить себя отъ новаго нападенія моря.

«Люди, стоящіе во главѣ правленія, должны чувствовать приближеніе шквала и дать ему пройти, если только въ нихъ есть капля здраваго смысла, если они не ослѣплены гордостью и хоть немножко хотять оправдать довѣріе къ нимъ отечества. Шкваль — естественный прогрессъ, вотъ какъ теперь требованіе поощренія способностей; удерживай его, разбивай пушечными выстрѣлами—и онъ обратится въ ужасный потопъ.

«Только одна человѣческая глупость производитъ всѣ эти бѣдствія: первый нашъ шкваль былъ въ 89 году; сопротивленіе ему нѣмцевъ, англичанъ и нашихъ аристократовъ довело его до страшныхъ размѣровъ въ 93 году. Поборовши всѣ препятствія, шкваль хлынулъ до самаго центра Россіи; онъ ушелъ назадъ въ 1814 году; опять началъ образоваться въ 1830 году. Онъ идетъ... растетъ безостановочно! Онъ всегда существовалъ, только его не отгадало невѣжество людей. Они все хотѣли съ нимъ бороться, не замѣчая, что эта такая же естественная необходимость, какъ обращеніе земли и перемена временъ года. Будемъ надѣяться, что теперь дѣло объяснится лучше: пусть одни эгоисты и гордецы погибаютъ, желая бороться съ нарастающимъ шкваломъ».

Когда старый Перриньонъ былъ занятъ этими объясненіями, я замѣчалъ, что онъ сильно раздумывалъ о своемъ собственномъ положеніи; толстыя щеки его морщились, губы сжимались.

«Шкваль приближается!» повторялъ онъ, тихонько покашливая.

Каждый разъ я провожалъ его домой, но вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, идти по прямому направленію въ улицу Кюльвига, мы отирались сначала къ Одеону, улицей Расина, и проходи-

ли подѣ арками. Старикъ покупалъ выходившую тогда частями изъ печати «Исторію жирондистовъ» Ламартина и говорилъ мнѣ:

— Когда у меня соберутся всѣ выпуски, я переплету ихъ въ одну книгу и дамъ тебѣ прочесть. То, что я уже читалъ, мнѣ очень нравится; это—справедливо, прекрасно, благородно. Всякій оцѣнивается здѣсь по своему достоинству, республиканцы наравнѣ съ другими.

— Не смотря на гордость и грубость профессоровъ, воображающихъ себя гениями, у Ламартина гораздо болѣе ясности и здраваго смысла, чѣмъ у нихъ, потому что это—человѣкъ съ сердцемъ. «Онъ—поэтъ!» обыкновенно отзываются о Ламартинѣ. И дѣйствительно онъ поэтъ, потому что скорѣе подмѣчаетъ величіе человѣка, чѣмъ его низость. Но вѣдь таковъ недостатокъ всякаго, кто обладаетъ возвышеннымъ и пронизательнымъ взглядомъ, муравьи не имѣютъ этого недостатка. Человѣкъ этотъ хорошо понимаетъ свободу, и въ случаѣ опасности отъ шевала онъ могъ бы лучше другихъ управлять рулемъ и закинуть спасительный якорь. Дай-то Богъ, чтобы нашъ народъ хорошо оцѣнилъ свои собственныя выгоды!

Эти слова были для меня очень утѣшительны, впрочемъ не я одинъ, не господинъ Перриньонъ или кто нибудь самъ по себѣ, а почти всѣ ремесленники много полагались на Ламартина. Очень немногіе толковали о Луи-Бланѣ, о Кабе, о Распайлѣ; всѣ считали ихъ искренними республиканцами, но сожалѣли, что они не высказали еще вполнѣ всѣхъ своихъ взглядовъ. Одно сочиненіе Луи-Блана объ уравниніи заработной платы очень понравилось лѣнтяямъ, которые разчитывали жить привольно съ сложенными руками, на что, конечно, честные рабочіе никакъ не хотѣли соглашаться. Все это я припоминаю себѣ именно теперь, когда дописываю эти строки.

Дядюшка Перриньонъ, разумѣется, находилъ сочиненіе Луи-Блана самымъ опаснымъ вздоромъ и часто повторялъ мнѣ:

— Эта книга какъ будто хочетъ сказать трудолюбивымъ ремесленникамъ: «надрывайтесь, ребята, сколько угодно, а лѣнтяи все-таки съѣдятъ ваши заработки: вотъ ваше утѣшеніе!»

Но пора говорить и о революціи. Вездѣ я тогда не былъ, но то, что видѣлъ, передаю за вѣрное, и въ этомъ главное достоинство этого разсказа.

Уже три или четыре дня сряду между всѣми ходилъ слухъ: «скоро данъ будетъ обѣдъ!» Потомъ стали толковать: «нѣтъ, обѣда не будетъ, префектъ полиціи не позволяетъ.» Или: «нѣтъ бу-

деть: Одилонъ -Барро всѣмъ заправляетъ.» Потомъ: «Одилонъ-Барро отказывается», и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Наконецъ, двадцать перваго февраля около девяти часовъ утра, когда мы были за работой, въ нашу мастерскую вошелъ старикъ довольно почтенной наружности, блѣднолицый, долгоносый, съ сѣдою бородой и такими же бровями, въ широкополой шляпѣ, нагнутой на затылокъ, и большомъ шерстяномъ галстукѣ.

— Дома господинъ Браконо? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, но я заступаю его мѣсто, отвѣчала дядюшка Перриньонъ.

— Ну такъ, пожалуйста, предупредите его, что обѣдъ назначенъ завтра въ Елисейскихъ поляхъ, сказалъ старикъ, озвряя насъ своими сѣрыми и чрезвычайно живыми глазами. Надобно явиться въ мундирѣ національной гвардіи и безъ оружія.

— Ну а насъ, неслужащихъ въ національной гвардіи, попросить убираться? спросилъ господинъ Перриньонъ.

— Напротивъ, напротивъ: приходите всѣ! Чѣмъ больше будетъ народу, тѣмъ лучше, подхватилъ нашъ гость, улыбаясь и подмигивая глазомъ: вѣдь это будетъ протестъ, — мирный, само собою разумѣется. Оружія не нужно... но какъ можно больше мундировъ національной гвардіи... вообще побольше народу — это намъ и нужно!

Взглянувши на дядюшку Перриньона, онъ прибавилъ:

— Вѣдь вы старичокъ должны меня понимать?

— Да, да, я съ вами совершенно согласенъ.

— Ага! Ну и прекрасно. Ваша фамилія, позвольте узнать?

— Перриньонъ.

— Отлично, ну а я — Деларошъ, къ вашимъ услугамъ; прошу любить и жаловать—вѣдь мы съ вами старые воробьи.

Оба захохотали.

Старикъ потрепалъ дядюшку Перриньона по плечу, послѣ чего они похнули по доброй щепоткѣ табаку.

— Обѣдъ будетъ завтра, что ли? спросилъ Кантенъ.

— Завтра въ десять часовъ съ Богомъ—въ путь, чтобы поспѣть къ одиннадцати часамъ на мѣсто. Однако мнѣ некогда, нужно еще сходить по знакомымъ, прибавилъ старичокъ; такъ не забудьте же предупредить господина Браконо о мундирѣ — это очень важно.

— Будьте спокойны, отвѣчала дядюшка Перриньонъ, пожимая ему руку.

Онъ вышелъ; мы стояли, сложа руки, и дядюшка Перриньонъ,

вынимая изъ бокового кармана свою огромную луковицу, сказалъ намъ:

— До завтрака остается десять минутъ.

Мы опять принялись за работу, передумывая обо всемъ, нами слышанномъ.

Десять минутъ прошло; мы надѣли свои куртки, вышли, купили хлѣба, каждый для себя, и вмѣстѣ отправились въ *кабуло*.

Вѣсть о предстоящемъ протестѣ распространилась уже повсюду. Госпожа Грендорфъ, скрестивши свои претолстыя руки, хохотала какъ полоумная.

— Ну что! Дождались таки своего обѣда, кричала она намъ; слава тебѣ Господи, всѣмъ уже уши о немъ прожужжали.

Журналисты и живописцы на своей половинѣ толковали, что надобно соблюдать порядокъ на походѣ.

— Ламартинъ, Тьеръ, Барро будутъ присутствовать, говорилъ Кубе.

— Очень намъ ихъ нужно! кричалъ Монгалъяръ. И въ нашемъ *кабуло* пошла опять перепалка.

— Ну что-то скажетъ господинъ Браконо? спросилъ Вальси.

— Ужъ это мое дѣло, отвѣчалъ дядюшка Перриньонъ; оно, конечно, работа у насъ идетъ спѣшная, но мы проработаемъ всю ночь, если будетъ нужно.

Всѣ мы подхватили, что въ случаѣ надобности можно проработать и три ночи. Право, я самъ не понималъ, что тогда во мнѣ происходило; еще въ первый разъ мнѣ доводилось забывать про себя самого, оставлять работу и спѣшить на службу отечества. Разумѣется, я долженъ былъ замѣшаться во множествѣ другихъ и не смѣлъ мечтать о собственныхъ подвигахъ, но все-таки не былъ и нулемъ. Мысль о протестѣ восхищала меня, и я такъ раздумывалъ о бездушныхъ депутатахъ камеры.

— Ага! негодяи, вы не хотите позволить намъ соединиться! Да развѣ мы не такіе же французы, какъ и вы? Развѣ наши права не тѣ же, что и ваши?

При этомъ мнѣ невольно приходили на память слова Матерна о тѣхъ душегубцахъ, которые, замѣшавшись въ народъ подъ видомъ честныхъ людей, убивали своихъ товарищей.

— Тѣмъ хуже для нихъ, думалъ я; мы ихъ передумимъ.

Злость охватила меня всего, а по физиономіямъ другихъ я могъ видѣть, что и въ нихъ говорили тѣ же чувства.

Возвратившись въ мастерскую, мы застали господина Браконо дома, и дядюшка Перриньонъ сейчасъ же сказалъ ему:

— Сегодня утромъ какой-то старичекъ приходилъ звать васъ къ обѣду въ двѣнадцатомъ округѣ и непремѣнно просилъ васъ предупредить, чтобы вы явились въ мундирѣ національной гвардіи.

— Намъ не нужно напоминать о порядкѣ; сами, небось, знаемъ, замѣтилъ господинъ Браконо.

— Ну, вы тамъ дѣлайте, какъ хотите, только мы всѣ туда идемъ.

— Это что значить? спросилъ хозяинъ, поглядывая на всѣхъ насъ съ удивленіемъ.

— Да, мы всѣ пойдемъ, съ жаромъ сказалъ Кантенъ, потому что это нашъ долгъ. Эти продажные депутаты, которымъ легко вносить двѣсти франковъ контрибуціи и весело презирать насъ, уже черезъ-чуръ долго позорятъ отечество. Намъ ихъ не нужно во все; намъ нужны способные люди.

— Хорошо, хорошо, Кантенъ, сталъ унимать его господинъ Браконо, но кричать-то не изъ-чего. Вѣдь здѣсь у насъ нѣтъ, кажется, революціи. Всѣ требуютъ реформы. Только не забывайте, Перриньонъ, что у васъ есть жена и дѣти; иное дѣло, когда вы были холостымъ. Всякій безпорядокъ не ведетъ ни къ чему хорошему: мастерскія закрываются, работники умираютъ съ голоду, и хозяева дѣлаются банкротами. Нѣтъ, не люблю я безпорядковъ.

— Вы думаете, я ихъ люблю? отозвался Перриньонъ; но прежде всего я стою за правду. Если порядокъ установленъ только для того, чтобы возвышать безпутнаго интригана и держать въ униженіи рабочаго человѣка; если этотъ порядокъ даетъ бездушнымъ людямъ богатства, почести, хорошія мѣста, переходяція отъ отца къ сыну, а у трудолюбивыхъ отнимаетъ кровь, послѣднее имущество, даже самую надежду, наконецъ если такой порядокъ покупается униженіемъ отечества,—такъ чортъ съ нимъ и со всѣми нами. Вотъ то-то и есть, господинъ Браконо: если бы національная гвардія постоянно исполняла свой долгъ, если бы богатые граждане помнили, что не одни они существуютъ на бѣломъ свѣтѣ, что мастеровые, ремесленники, землепашцы также должны пользоваться своими правами, что надобно подавать руку младшему брату, учить и развивать его, тѣмъ болѣе, что, благодаря ему, наживаются старшіе, если бы эти богатые граждане захотѣли разстаться съ своимъ эгоизмомъ, въ которомъ погрязли вотъ ужъ восемнадцать лѣтъ, да не потворствовали министрамъ, поѣдая всѣ доходы нашей родины, если бы они могли понимать, что все это продолжаться вѣчно не можетъ... то теперь не было бы нивагихъ волненій, и само пра-

вѣтельство уступило бы намъ то, что мы, можетъ быть, должны будемъ отнять силою.

— Я не меньше васъ раздраженъ поступками Гизо, отвѣчалъ хозяинъ; этотъ человѣкъ уже долго меня бѣситъ. Его грубое обращеніе съ депутатами противной стороны очень низко. Но что же прикажете дѣлать! Работа спѣшная, заказовъ пропасть.

— Мы примемся за работу вечеромъ, отвѣчалъ дядюшка Перриньонъ. Вы что скажете, ребята?

Всѣ мы дружно подхватили, что если случится необходимость, то будемъ работать двѣ ночи сряду. Когда хозяинъ собирался уже выйти, дядюшка Перриньонъ обратился къ нему съ такими словами:

— Такъ вы ужь, господинъ Браконо, являетесь въ своемъ мундирѣ. Если Луи-Филиппъ узнаетъ, что многіе національные гвардейцы примѣшались къ народу, то это заставитъ его подумать, что вся нація требуетъ реформы, и мы ее немедленно получимъ: Гизо вылетитъ въ трубу, все опять успокоится. Ну, а когда соберется одинъ народъ, король будетъ полагаться на національную гвардію—понимаете! Вѣдь нашъ прямой расчетъ — дѣйствовать за одно; если же между нами будетъ разладъ, то, конечно, все пропало.

— Ну.... ну.... хорошо, ужь это наше дѣло, сказала дядюшка Браконо, можетъ быть я и въ самомъ дѣлѣ пойду. Во всякомъ случаѣ, вѣдь вы возвратитесь въ мастерскую, когда все окончится?

— Конечно, отвѣчалъ Вальси и Кантеъ.

Работа опять закипѣла; вечеромъ мы опять разошлись, куда кому вздумалось, и я поспѣшилъ къ Эммануэлю. Не заставши его дома, я пошелъ въ ресторанъ Обера—и тамъ его не было. Все было тихо въ этой части города; въ Песчаной улицѣ муниципальная стража находилась на своихъ мѣстахъ; пѣшеходы спѣшили взадъ и впередъ, какъ обыкновенно, экипажи мчались, перекрещиваясь другъ съ другомъ; въ кофейняхъ стучали бильярдные шары и раздавались голоса пgroковъ, считавшихъ удары. О политикѣ нигдѣ не было слышно ни полслова.

Я отправился поглазѣть на площадь Пантеона. Кругомъ все было пусто, и ни одна человѣческая душа не прогуливалась у рѣшотокъ. Нѣсколько старушекъ, съ опущенными на носъ капорами, выходили изъ небольшой церкви св. Стефана-Нагорнаго, которой куполь уходилъ въ блестящее звѣздное небо.

Часовъ въ одиннадцать я возвратился домой, не отыскавши своего товарища. Это было 21 февраля 1848 года. Луи-Филиппъ и его семья ни мало не подозрѣвали, что три дня спустя имъ суж-

дено было искать спасенія въ бѣгствѣ. Господинъ Гизо упорствовалъ, Одилонъ-Барро удалился отъ дѣлъ; всѣ же горожане казались совершенно спокойными.

Странная вещь—эта человѣческая жизнь!

XXIII.

Проснувшись на слѣдующій день, 22 числа, я увидѣлъ, что все обѣщало хорошую погоду. Небо было сѣро, какъ зимою; надъ моими крошечными окнами разстилались длинныя облака, но они были слишкомъ высоко, и я сталъ одѣваться съ мыслию, что дождя сегодня не будетъ.

Торопиться мнѣ было не зачѣмъ, такъ какъ утромъ насъ освободили отъ работы; только въ девять часовъ я спускался по лѣстницѣ, отправляясь завтракать.

У меня былъ тогда большой кошелекъ въ видѣ чулка; мысль о негодахъ, убивавшихъ честныхъ людей свинцовыми дубинами, заставляла меня думать о своей защитѣ, и потому я набилъ свой кошелекъ нѣсколькими тяжелыми мѣдными монетами.

Вооружившись такимъ образомъ, я вышелъ изъ дому. Улицы св. Якова, Ла-Гарпъ и Медицинской школы, были уже запружены народомъ. Дверь нашей харчевни была отперта; за столами сидѣло нѣсколько посѣтителей съ стаканами вина и легкой закуской. То были люди совсѣмъ мнѣ незнакомые, такъ какъ въ праздничные дни всякій завтракаетъ, гдѣ случится.

Подкрѣпивши себя кускомъ говядины и карафономъ вина, я отправился на площадь Пантеона, гдѣ должны были соединиться окрестные студенты и рабочіе. Вдругъ раздался громкій стукъ шаговъ и крикъ: за реформу!

— Это—первая колонна, сказали всѣ, поднимаясь.

Въ одинъ мигъ все засуетилось.

Студенты, ремесленники, граждане, словомъ всѣ честные люди большими рядами по три, четыре и шесть человѣкъ, подвигались по улицѣ Ла-Гарпъ, взявшись за руки. Между первыми я увидѣлъ Эммануэля, на которомъ была старая пуховая шляпа; онъ шель, понура голову и глубоко раздумывая, а вокругъ тысячи разъ повторялся крикъ: «за реформу, за реформу!»

— Ба! это ты, сказалъ я, подошедши къ моему товарищу, вчера вечеромъ я искалъ тебя вплоть до одиннадцати часовъ.

Онъ поднялъ голову и пожалъ мнѣ руку. Другіе, кругомъ насъ, говорили, смѣялись, кричали, распѣвали пѣсни, тогда какъ онъ шелъ, не произнося ни слова. Наконецъ у Торговаго переулка, на улицѣ Дофинэ, онъ такъ заговорилъ со мною:

— Знаешь ли ты, Жанъ-Пьеръ, что меня удивляетъ? Въ эту самую минуту, гдѣ нибудь въ тюльрійскомъ дворцѣ или въ другомъ мѣстѣ пять-шесть особъ собираются завтракать, скрипѣть перьями или гладить себя по брюху; эти особы, которыхъ называютъ консервативными министрами, философиями или какъ нибудь въ этомъ родѣ, никогда не были знакомы съ страданіями народа: знаютъ ли они, что въ холодную, зимнюю пору, свѣтъ падаетъ на большую старушку-мать, беременную жену или только что родившагося дѣтеныша бѣднаго человѣка,—или что весною бѣднякъ цѣлые дни проводитъ за своей сохой, а лѣтомъ—коситъ сѣно день и ночь, разбитый ломовою работою и опоясанный какою нибудь тряпкой? Меня удивляетъ, другъ мой, что эти почтенныя надутыя особы, плавающія посреди роскоши, добытой потомъ народа, воображаютъ, будто всѣ будутъ дрожать предъ ними, какъ только они раскроютъ свои огромные рты и закричатъ: «мы не хотимъ! мы не допускаемъ!» Этимъ удивительнымъ людямъ кажется, что тридцать два милліона душъ, изъ которыхъ каждая ничѣмъ не хуже любого изъ нихъ, раболѣпно покорятся ихъ приговору. Вотъ что мнѣ удивительно, вотъ о чемъ я думаю. Мнѣ такъ вотъ и представляется, будто я вижу этихъ министровъ: вотъ они, растянувъ ноги, поглаживаютъ себѣ подбородки и говорятъ; «да... да... народъ... чернь... и смѣетъ волноваться... смѣетъ...

— Если бы ты зналъ, Жанъ - Пьеръ, какъ мнѣ это удивительно и какъ эта гордость мнѣ противна! Ломая такъ долго комедію, эти господа, напоследокъ, весь свѣтъ считаютъ какимъ-то балаганомъ!

Посреди шумной толпы голосъ Эммануэля былъ такъ спокоенъ, какъ будто бы онъ говорилъ въ своей комнатѣ, и я съ нимъ вполне соглашался. Эти министры объявляли:

«Мы будемъ за все отвѣчать, это насъ касается!»

Но болѣе всѣхъ долженъ былъ отвѣчать Луп-Филиппъ, отдавшій себя въ неволю безчестнымъ совѣтникамъ.

Черезъ Новый Мостъ, Монетной улицей, мы вступили наконецъ въ улицу Сентъ-Оноре.

Здѣсь-то открылась восхитительная картина.

Изъ всѣхъ оконъ направо и налѣво до половины высывались женщины, размахивая своими бѣлыми платками, при чемъ крикъ «за реформу!» раздавался еще сильнѣе. Стеченіе народа отъ одно-

до конца шествія до другого становилось все плотнѣе, и сердце мое прыгало отъ радости.

Всевозможныя мысли о революціи, о правахъ народа, о правосудіи наполняли наши головы и дѣлали путь незамѣтнымъ. Многіе говорили, что если бы наше прекрасное дѣло было предпринято весною, то на насъ со всѣхъ сторонъ посыпались бы цвѣты, и я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь, потому что восторгъ народа возрасталъ съ каждымъ нашимъ шагомъ.

Дойдя до Вандомской площади, наша колонна поворотила направо и не встрѣчала войскъ по всему пути до бульваровъ; но подошедши довольно близко къ Магдалинской церкви, мы увидѣли съвозъ густыя толпы все болѣе собиравшагося народа: нѣсколько линейныхъ пѣхотныхъ полковъ съ ружьями у ноги; они были расположены по сторонамъ церкви, передъ рѣшетками, развернутымъ фронтомъ, мимо котораго мы прошли съ единодушнымъ крикомъ «за реформу!»

Глядя на насъ, солдаты хохотали совершенно искренно.

И такъ, соблюдая строгій порядокъ, мы обошли эти полки; многіе изъ насъ остались на площади, желая видѣть нѣкоторыхъ депутатовъ въ сосѣднемъ ресторанѣ, тогда какъ главныя наши силы продолжали подвигаться къ площади Согласія.

Все это я помню такъ хорошо, какъ будто это было вчера; между всѣми ходилъ тогда слухъ, будто мы желаемъ подать прошеніе ка-мерѣ, и потому толпа раздвинулась, чтобы дать намъ дорогу.

Мы дошли такимъ образомъ до фонтана.

Мнѣ останется надолго памятнымъ, что въ это время передъ нашей колонной проходилъ какой-то старичокъ, одѣтый въ генеральскій мундиръ первой имперіи; морщинистое лицо его было багрово, какъ винный осадокъ, въ глазахъ все еще искрился огонь, а на фізіономіи можно было бы подмѣтить выраженіе тонкаго лукавства. Нахлобучивъ на бекрень свою треугольную шляпу, этотъ господинъ говорилъ намъ шопотомъ:

— Кричите: вивать линія! кричите же: вивать лпнія!

При этомъ онъ моргалъ глазами, а я сейчасъ же сталъ разсуждать про себя:

— Этому старичку, въ самомъ дѣлѣ, пришла въ голову счастливая мысль. Вѣдь мы вовсе не сердимся на линейныя войска, точно такъ же, какъ и линейныя войска не думаютъ на насъ сердиться. Всѣ линейные солдаты называютъ своими отцами ремесленниковъ или поселянъ, значитъ, они одного происхожденія съ нами.

Чего мы добиваемся? Реформы, которая, какъ для насъ, такъ

и для нихъ—дѣло хорошее. Что же имъ за радость стрѣлять въ тѣхъ, которые хотятъ имъ добра?»

Вотъ какія мысли были вызваны въ моей головѣ словами стараго генерала; при этомъ я думалъ, что не худо было бы обращаться такъ же ласково и съ драгунами, и съ гусарами, и съ кирасирами, короче со всѣми французами, которые должны любить и поддерживать другъ друга, а не грызться между собою, какъ дикіе звѣри.

Раздумывая объ этихъ предметахъ, я увидѣлъ, что мы подошли къ мосту Согласія, на которомъ тогда еще никого не было видно. Но въ ту же самую минуту, отрядъ муниципальной стражи, замѣтя наше приближеніе, выскочилъ изъ гауптвахты и сталъ противъ насъ, поперекъ моста. Имъ командовалъ простой сержантъ, которого я, по красной фізіономіи и изжелта-свѣтлымъ волосамъ, принялъ за альзаскаго уроженца. Подъ командою у него было не больше пятнадцати или двадцати человѣкъ, а насъ было до тысячи, не считая толпы слѣдовавшаго за нами народа. Если бы эти господа расположились въ двухъ шагахъ одинъ отъ другого, то и тогда бы не могли заградить моста во всю его ширину; это мнѣ было видно очень хорошо, такъ какъ я находился въ числѣ тридцати или сорока человѣкъ, шедшихъ впереди колонны. Въ то время, какъ сержантъ приказывалъ своимъ подчиненнымъ, являвшимся впоныхахъ и по-одиначкѣ, привинтить штыки къ ружьямъ, Эммануэль закричалъ ему по альзаски: «эй, товарищъ, оставь эти глупыя шутки!»

Не обращая никакого вниманія на досаду сержанта, мы начали свободно проходить и справа, и слѣва; онъ долженъ былъ ретироваться съ своей командой, послѣ чего все повалило впередъ неукротимо.

Я рассказывалъ, что видѣлъ собственными глазами. Муниципальнымъ солдатамъ вовсе не хотѣлось умирать бесполезно; они сами хорошо понимали, что пятнадцать человѣкъ не въ силахъ арестовать цѣлыя толпы высыпавшаго на площадь народа; но что прикажете дѣлать: видно имъ хотѣлось прослыть шутами!

Наконецъ мы прошли чрезъ мостъ; по другую его сторону, всѣ рѣшотки палаты депутатовъ были отворены настежь, и вся наша колонна вдругъ ударила въ рассыпную: одни разбѣжались между рѣшотками, другіе давай карабкаться по большой лѣстницѣ, какъ дикое и беспорядочное стадо.

— За реформу! Долой Гизо! слышалось со всѣхъ сторонъ.

Я былъ уже на платформѣ, впереди колонны, но обернувшись,

чтобы отыскать Эммануэля, вдругъ увидѣлъ, что національные гвардейцы запирали за нами рѣшотки. Мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, что намъ приготовили западню; увидя Эммануэля, я сошелъ внизъ и сталъ кричать ему:

— Сюда скорѣе!

Въ тотъ же самой мигъ стекла камеры, между колоннами, падали съ ужаснымъ звономъ на землю; внизу Эммануэль, напавши на одного солдата національной гвардіи, не допускалъ его запретъ маленькую рѣшотку слѣва,—последнюю, которая еще оставалась отворенною; другіе подосиѣли къ намъ на помощь, тогда какъ національная гвардія поспѣшила за ближайшимъ подкрѣпленіемъ.

Нѣкоторые увѣряютъ, будто депутаты выходили усмирять насъ, но я, право, ничего подобнаго не видѣлъ.

Это была порядочная свалка. Новой командѣ національной гвардіи удалось запретъ маленькую рѣшотку и выгнать вонъ тѣхъ, которые еще находились внутри ограды. Но толпы народа валили съ площади, карабкались по рѣшоткамъ; дѣти старались взлѣзть на два пьедестала статуй, представляющихъ бородатыхъ старцевъ, въ величественномъ сидячемъ положеніи и длинныхъ одеждахъ.

— Уберемся отсюда, Жанъ-Пьеръ, говорилъ мнѣ Эммануэль, и какъ можно подальше, потому что здѣсь неминуемо должна начаться прескверная суматоха!

Мы опять перешли чрезъ мостъ; на другой сторонѣ выдавались углами окопы тюльрійскаго дворца, за которыми красиво и опрятно были расположены маленькіе садикъ; эти окопы защищались широкими каменными оградами: мы взлѣзли на нихъ, чтобы ободрѣть лежавшую за нами мѣстность.

Но какъ только мы были на своемъ мѣстѣ, то вдругъ увидѣли, что густыя толпы бѣжали на мостъ. Мы не знали, что такое случилось, но, взглянувши нечаянно въ сторону Института, увидѣли строй драгуновъ, скакавшихъ маршъ-маршемъ.

Этотъ эскадронъ былъ, однако, еще въ такомъ дальнемъ разстояніи, что двигался впередъ незамѣтно. Какъ бы то ни было, но не болѣе, какъ чрезъ двѣ минуты онъ былъ уже у моста.

— Вивать драгуны! грянули толпы народа. Драгуны въ галопѣ пронеслись по мосту, и еще нѣсколько секундъ виднѣлись блестящія ихъ каски въ густой кучѣ народа, который сторонился при ихъ приближеніи и опять смыкался плотно, когда они проносились мимо. Вся площадь была тогда набита густою массою людей; на

одна капля дождя не падала на землю, а между тѣмъ въ воздухѣ чувствовалась сырость.

Еще долго глядѣли мы на все это движеніе; потомъ, часу во второмъ, слѣзли внизъ и пошли бродить на удачу; вдругъ, со стороны Магдалинской церкви, раздались звуки марсельскаго патріотическаго гимна. Этотъ гимнъ до того времени былъ мнѣ неизвѣстенъ, и теперь онъ показался мнѣ чѣмъ-то ужаснымъ и торжественнымъ.

— Это «марсельеза», сказалъ мнѣ Эммануэль—блѣдный, какъ полотно.

Мы пошли скорѣе по направленію къ церкви, но въ противоположной улицѣ толпы народа стояли темною, сплошной стѣною, черезъ которую скоро намъ никакъ нельзя было пробиться.

Подойдя къ фонтану, за обелискомъ, я увидѣлъ, что какой-то бородатый человѣкъ, поднявши рукою въ воздухъ шляпу, распѣвалъ необыкновенно усердно, а вокругъ него толпились сотни другихъ пѣсенниковъ.

— Это, вѣрно, Перриньонъ, думаю себѣ.

Всякій пойметъ, какъ сильно хотѣлось мнѣ подойти къ нему поскорѣе; Эммануэль кричалъ мнѣ сзади: «да постой же, успѣешь!»

Но въ ту самую минуту я опустилъ свою руку на плечо Перриньона, который такъ былъ увлеченъ своимъ патріотическимъ гимномъ, что ничего не слышалъ.

— Эй, господинъ Перриньонъ! кричалъ я, трясъ его за плечо.

Тотъ взглянулъ на меня, и сказалъ:

— А, это ты, парнишка!

Потомъ онъ пожалъ руку Эммануэля и опять принялся за гнѣіе.

Наконецъ все смолкло; тогда пронесся слухъ, что войска сѣѣшли по мосту Согласія и что первая стычка съ ними уже началась въ Елисейскихъ поляхъ. Поднялся крикъ:

— Долой муниципальных!

И все это происходило въ такомъ беспорядкѣ, толкотня и давка людей была такъ велика, что въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ ровно ничего не было видно. Всѣ ждали свѣжихъ извѣстій, и никто не чувствовалъ усталости. Часы слѣдовали своимъ чередомъ, но ночь наступала какъ будто медленнѣе обыкновеннаго.

Въ пять часовъ Перриньонъ вдругъ сказалъ намъ:

— До завтра ничего не узнаешь. Зайдемъ-те лучше куда нибудь.

Онъ повелъ насъ въ улицу Риволи, гдѣ безчисленныя толпы народа начинали понемножку рѣдѣть, нигдѣ не было слышно криковъ; холодный и сырой воздухъ пронималъ насъ до костей!

Вовлѣ плавной конторки омнибусовъ, на углу Карусельской площади, мы на каждомъ шагѣ встрѣчали муниципальных всадниковъ, насъ повсюду окружили войсками, и по всѣмъ улицамъ ходили дозоры.

— Пойдемъ-ка въ Рюстбишъ, сказали мнѣ Эммануэль: я престо помираю отъ голода и усталости. Я пригласилъ дядюшку Перриньона, который отвѣчалъ мнѣ:

— По мнѣ, куда хотите!

Я замѣчалъ, что въ головѣ старика толпились самыя разнообразныя мысли.

Ресторанъ, въ который мы вошли, находился въ улицѣ Вадуа. И эта улица тоже была охраняема двумя муниципальными всадниками при сабляхъ. Протянувши руку, ихъ, я думаю, можно было бы схватить за удила лошади, но такія мысли намъ еще не приходили.

За столомъ мы ѣли молча; другіе посетители оцѣли вокругъ столовъ, плотно прижавшись другъ къ другу.

Одни замѣчали:

— Все кончено, министерство остается.

Кто говорилъ о женщинахъ, задавленной въ аттачѣ, кто о войскахъ, пришедшихъ изъ Сентъ-Жермена; иные толковали о соротахъ тысячъ гранатъ и ядеръ, собранныхъ въ Венсенѣ, гдѣ командовалъ Монпансье. Но все это говорилось какъ-то робко; никто не отвѣчалъ и предпочиталъ только слушать говорившаго. Глаза дядюшки Перриньона, прямо блестя, ему, казалось, хотѣлось заговорить, но онъ не произносилъ ни слова.

Эммануэль былъ точно въ хандрѣ, и на всѣхъ лицахъ выражалось одно безпомощство.

Наконецъ, около семи часовъ, Эммануэль всталъ, заплакалъ, и мы вышли.

— Не худо бы выпить чашку кофе, здѣсь по соседству, сказалъ мнѣ тогда дядюшка Перриньонъ!

Мы поворотили направо, за уголъ улицы, вовлѣ Палероля. На площади Шато-д'О было совершенно темно, такъ какъ газовыя фонари не горѣли; но это не мѣшало народу ходить по разнымъ направлениямъ. Старикъ Перриньонъ взялъ мою руку, тогда какъ я держалъ руку Эммануэля; нѣсколько дальше, на поворотѣ улицы Добрыхъ-Дѣтей, мы вошли въ кофейню Фувса; это было что-то похожее на нѣмецкую пивную: войдя съ улицы и не подымаясь по лѣстницѣ, вы видите направо контору, переднюю залу, далѣе еще одну боковую залу съ бильярдомъ; задній ходъ ведетъ на маленькій дворикъ.

Изъ парвофъ залы, съ той стороны, гдѣ помѣщалась контора, витая лѣстница вела въ большую комнату, занимавшую весь первый этажъ; здѣсь нѣсколько позже собирался нѣмецкій клубъ, гдѣ расшлывались меланхолическія пѣсни, и вѣдми толковали о присоединеніи Эльзаса и Лотарингіи въ Германіи посредствомъ дарованія всѣмъ тамошнимъ жителямъ избирательнаго права. Мнѣ хочется смѣяться каждый разъ, какъ я объ этомъ вспоминаю.

Г. Фуксъ, прежде швабскій портной, содержалъ это заведеніе сообща съ своей женою— блѣднолицей и голубоглазой нѣжкой.

Господинъ Фуксъ былъ хромоногій, нировощеній мужчина, съ высокими и довольно объемистымъ лбомъ, маленькими глазками, носомъ, похожимъ на сливу, и вообще простодушнымъ выраженіемъ въ лицѣ, хотя не мѣшаетъ сказать, что подъ этимъ наружнымъ простодушіемъ скрывалась очень хитренькая натура.

Въ этомъ самомъ углу улицы Добрыхъ-Дѣтей, дня два спустя, нули посыпалось градемъ со стороны площади Шато-д'О. и раненныкъ непрерывно переносили на соломенныхъ подстилкахъ.

Но кто, скажите пожалуйста, могъ бы предугадать подобныя ужасы въ то время, какъ мы тамъ были? Со времени первой республики улица Добрыхъ-Дѣтей наслаждалась совершенною тишиною, развѣ только звонъ бутылокъ и тарелокъ раздавался изъ ресторана господина Фукса.

Такъ-то все неостаточно на этомъ свѣтѣ...

Въ заведеніи большая гурьба гостей толкалась вокругъ столиковъ. Намъ сначала подали кофе, потомъ пива. Со вѣдхъ сторожъ слышалось, что Гизо одержалъ верхъ, что вомутитали будутъ въ скорости арестованы.

Внутри все шло и хохотало; на дверѣ смодкало всякое движеніе. По временамъ въ ресторанъ входило еще нѣсколько посѣтителей, но ихъ гораздо больше выходило на улицу; хозяинъ магалъ отъ столика въ стѣнку и говорилъ постямъ:

— Вамъ бы лучше, господа, идти по домамъ, потому что на улицѣ будетъ разставлена стража; сегодня вечеромъ начинаются аресты: будутъ брать всякаго, кто покажется на улицѣ послѣ одиннадцати часовъ. Мнѣ очень хочется торговать, но все-таки жалъ же добрыхъ моихъ посѣтителей.

Онъ былъ знакомъ съ дядюшкой Перриньономъ; остановившись передъ нами, Фуксъ протянулъ ему свою толстую картонную табакерку съ словами:

— Ну-ка, малую толику... а потомъ съ Богомъ!

— Чтожь это вы насъ прогоняете, что ли? спросилъ старій Перриньонъ.

— Нѣтъ!.. Да вѣдь о васъ же хлопочешь, странный человекъ.

— Пожалуйста, хлопочите только о своихъ дѣлахъ, а въ чужіе не мѣшайтесь, замѣтилъ ему Перриньонъ.

— Ну, какъ знаете, обидясь сказалъ хозяинъ; по мнѣ все равно, пусть васъ и арестуютъ.

И съ недовольною фізіономіею онъ отошелъ отъ насъ къ сосѣднему столику.

Но ресторанъ пустѣлъ съ каждой минутой.

Старій Перриньонъ помѣстился посреди насъ; лучше другихъ подробностей нашего разговора я помню, что Эммануэль, какъ и всѣ другіе, считалъ волненіе оконченнымъ и что дядя Перриньонъ на это мнѣніе отвѣчалъ ему вполголоса такими словами:

— Напротивъ, волненіе теперь только-что начинается. Ремесленники до сихъ поръ немного довѣряли національной гвардіи; но теперь они видятъ, что Луи-Филиппъ и Гизо струсили и что, слѣдовательно, все пойдетъ хорошо. Вѣдь если народъ и національная гвардія соединятся вмѣстѣ, — кто можетъ имъ сопротивляться? Да развѣ все войско набрано не изъ среды народа и буржуазіи? Развѣ солдаты пожертвуютъ отцами и матерями, чтобъ поддерживать господина Гизо? Съ одной стороны стоятъ король, министры, двѣсти или триста продажныхъ депутатовъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, три четверти — чиновники, а съ другой вся нація. Если бы вы могли сегодня ночью заглянуть въ дома сентъ-антуанскаго или сентъ-марсельскаго предмѣстья, то узнали бы, что все готовится къ протесту. Женщины, разумѣется, всегда одинаковы: имъ не хочется ничѣмъ рисковать, имъ жаль своего семейнаго гнѣздышка! Но мужа и холостежъ, повторяю вамъ, не спятъ и готовятся. Во многихъ мѣстахъ изъ-подъ кровельныхъ черепицъ вытаскивается старое, ржавое ружье 1830 года; гдѣ только вы замѣтите сверху легкій дымокъ, ручаюсь вамъ, что тамъ льютъ пули. Чѣмъ болѣе все кажется спокойнымъ, тѣмъ скорѣе надобно ожидать сильнаго взрыва. Не понимаю, какъ можетъ дремать теперь Луи-Филиппъ, котораго намъ выставляютъ такимъ тонкимъ политикомъ. Завтра, если только не сегодня ночью, пойдетъ страшная потѣха.

Было часовъ одиннадцать, когда онъ говорилъ намъ это; всѣ гости вышли изъ заведенія, и за столами, кромѣ насъ, сидѣло дватри ближнихъ посѣтителя. Мы также встали, желая идти домой,

и раздумывая о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Перриньонъ расплатился. и мы вышли. На дворѣ стояла такая темнота, какой я всю жизнь свою не видѣлъ; чтобы дойти до поворота улицы, нужно было опущью пробираться вдоль стѣнъ; нигдѣ не было видно ни одного огонька, ни одинъ газовый фонарь не освѣщаль улицъ. Въ этомъ шумномъ городѣ, гдѣ экипажи немилосердно грохочутъ день и ночь, теперь было такъ тихо, какъ будто всѣ жители вымерли.

Только въ улицѣ Сентъ-Оноре, у Палерояля, намъ послышался топотъ пяти или шести лошадей; желая прислушаться лучше, мы остановились, и въ нашихъ ухахъ зазвенѣли металлическія ножны сабель.

— Тсс!... шепнулъ намъ Перриньонъ; это ходятъ рунды, чтобы мѣшать постройкѣ баррикады... Вѣрно конные егеря или драгуны.... Бѣда, если они насъ услышатъ!

Мы продолжали идти тихонько вдоль зданій. Но почти въ то самое время, со стороны Базара (la Halle) къ намъ на встрѣчу ѣхали другіе всадники, и Перриньонъ шепнулъ намъ какъ можно явственнѣе:

— Стой! Мы попались между двумя обходами. Спрячемся скорѣе подъ воротами.

Сказано—сдѣлано.

Десять минутъ спустя, мимо насъ проѣхали пять или шесть кавалеристовъ, прислушиваясь и приглядываясь во всѣ стороны. Будь хоть одна звѣздочка на небѣ, они навѣрное отыскали бы насъ, но въ нашему счастью было темно, хоть глазъ выколи. Но мы могли завидѣть ихъ посреди улицы, въ разстояніи пятнадцати шаговъ; каски ихъ украшались маленькими прямыми султанчиками, а сабли свѣтились голубоватымъ отблескомъ. Вдругъ они остановились и принялись усердно прислушиваться... Ихъ лошади, ударя копытами о мостовую, производили громкій стукъ, отдававшійся въ дальнемъ разстояніи. То были драгуны. Они не говорили ни слова, и немного обождавши, поѣхали своей дорогою. Шаговъ на сто дальше, оба кѣраула соединились вмѣстѣ и вихремъ пронеслись по улицѣ; изъ-подъ лошадиныхъ копытъ вылетали быстрыя искры; долго мы прислушивались къ этому бѣшеному галопу, котораго стукъ звучалъ даже за Базаромъ посреди молчаливой ночи.

— Впередъ!—скомандовалъ дядюшка Перриньонъ. Мы дошли до Луврской улицы, потомъ, по Новому Мосту, возвратились въ латинскій кварталъ благополучно и безъ всякихъ приключеній.

XXIV.

Съ самымъ разсвѣтомъ въ городѣ началось обыкновенное уличное движеніе. Спускаясь съ лѣстницы, я выглянулъ въ слуховое окно пятого этажа—снаружи все оставалось по прежнему: та же грязная часть города, тѣ же безчисленныя трубы, тѣ же флюгера, Сорбонна, Ключійскій—Отель, торговцы ветошью, водовозы и оборванное челоуѣчество.

Въ самомъ дѣлѣ, что значить въ подобномъ городѣ двѣ тысячи, пять, десять тысячъ недовольныхъ людей, требующихъ реформы? Это все равно, какъ если бы противъ города Северна возмутилось трое нищихъ, и начальство послало забрать ихъ, куда слѣдуетъ; даже еще меньше, потому что здѣсь никто не говоритъ объ арестованіи Ивана, о посаженіи за рѣшотку Петра.

Словомъ, городъ представлялъ вчерашній видъ; на дворѣ шелъ дождь, и я вышелъ изъ своей комнаты, раздумывая:

«Вчера мы перебили стекла камеръ, но вѣдь это равно ничего не значить. Старый Перриньонъ все любитъ преувеличивать. И съ чего онъ взялъ, что работники сентъ-антуанскаго предмѣстья въ эту ночь выливали пули, или что они повытаскивали ружья тридцатаго года? Эти работники плевать хотятъ на реформу. Вѣдь у нихъ, нѣтъ нашего *Кабуло*, гдѣ бы кричали съ утра до ночи, что безъ реформы нельзя прожить на бѣломъ свѣтѣ. Нѣтъ, баста, революція кончилась, да и Богъ съ ней, а то, пожалуй, можетъ случиться чтонибудь и похуже.»

Посреди такихъ мыслей, я вдругъ вспомнилъ, что мы обѣщали вечеромъ явиться на работу въ мастерскую.

На свою долю я также ждалъ много упрековъ, и уже заранѣе находилъ ихъ справедливыми, потому что мы нарушили данное слово. Каково же было мое удивленіе, когда подъ навѣсомъ нашего двора я увидѣлъ одного господина Браконо съ дочерью—мамзель Клодиной!

Старый мастеръ уставлялъ доски вдоль стѣны и, казалось, очень удивился при моемъ появленіи.

— А, это вы, Жанъ-Пьеръ? обливнуль онъ меня.

— Да, господинъ Браконо. Сдѣлайте одолженіе, извините меня, что я вчера не явился на работу: мы вернулись домой очень поздно.

— Если бы одно это, бѣда была бы еще невелика, замѣтилъ честный старикъ съ грустной улыбкой!

— Гдѣ же другіе? спросилъ я.

— Другіе, другіе... Педрильонъ, Кантенъ, Вальси дерутся, вѣрно, гдѣ нибудь. Ну да Богъ съ нами! Лишь бы дали реформу... ~~лишь~~ бы скорѣй ее дали!

— Навѣдайтесь сюда дня черезъ три или четыре, м-сье Жанъ-Пьеръ, сказала мнѣ г-жа Клодина.

— Да, другъ мой, подхватилъ старый столяръ, вы попрежнему остаетесь добрымъ провинціаломъ. Но что-жь вамъ дѣлать здѣсь одному? Во всякомъ случаѣ приходите въ субботу, и я выплачу вамъ наше жалованье.

Въ то же время онъ затворилъ дверь мастерской, заперъ ее двойнымъ замкомъ и опустилъ въ карманъ ключъ. Встроемъ мы прошли черезъ дворъ; потомъ они поднялись по лѣстницѣ, а я вышелъ на улицу съ такою мыслию:

— Ну вотъ и выгнали.

Но думая, что господинъ Гизо былъ всему причиной, я озлился не на шутку и искренно желалъ найти товарищей, чтобы дѣйствовать съ ними за одно противъ министра.

Проходя дальше, мимо другой мастерской, я увидѣлъ, что и она также была заперта.

— Теперь, Жанъ-Пьеръ, говорилъ я самъ себѣ, доѣдай свои восемьдесятъ франковъ, сбереженные тобою съ такимъ трудомъ, да и помирай послѣ съ голоду.

Щеки мои дрожали; господинъ Гизо представлялся мнѣ подъ вѣдомъ Жари, разбивающаго мой столъ, и теперь я также былъ готовъ броситься въ драку, какъ полчаса передъ этимъ хотѣлъ приняться за работу. Не ясно ли отсюда, что вся вина нашихъ несчастій должна падать на голову тѣхъ упрямыхъ глупцовъ, которые толкаютъ человѣка въ безвыходной бѣдности? Но вѣдь досадно то, что эти упрямые, глупцы выходятъ почти всегда благополучно изъ несчастій, тогда какъ бѣднякамъ приходится хлебать заваренную или кашу и погибать разными способами. И гдѣ у этихъ людей совѣсть? Неужели она ихъ не упрекаетъ. И гдѣ у нихъ Богъ? Неужели имъ не страшно небесное наказаніе? Мысли мои страшно перепутывались, и я шелъ впередъ, ничего не замѣчая. Но вдругъ, дойдя до мѣста св. Михаила, я увидѣлъ большое собраніе народа въ Бочарной улицѣ.

— Вѣрно завязывается бой, подумалъ я; кровь кипѣла во мнѣ неродованіемъ. Я прибавилъ шагу, и нѣскольکو минутъ спустя вышелъ на мостъ О—Шанъжъ, на которомъ также густо толпи-

лись люди. Отъ Пальмоваго фонтана до городскаго-отеля сверкали тысячи касокъ, сабель и штыковъ; куда не обернешься, вездѣ разставлены полки и эскадроны,—страшно...

Но зачѣмъ, спрашивается, были собраны всѣ эти люди. Чтобы защищать самую подлую неправду противъ всѣхъ честныхъ гражданъ, чтобы объявить имъ съ дерзостью такія отрадныя вещи:

— Пусть вы будете сто тысячъ разъ правы, да мы-то вовсе не намѣрены васъ слушать. Съ саблями, штыками и картечью можно распорядиться и ведромъ и ненастьемъ, — правдою и кривдою по своему произволу. Плевать намъ на всевозможныя права, а если это вамъ не нравится, то мы сотнями пошлемъ васъ на галеры.

Вотъ что хотѣли сказать эти штыки и сабли! А бѣдный, безоружный народъ, глядя вдоль Часовой набережной, съ открытымъ ртомъ и заложеными въ карманы руками, думаль.

— Вѣдь эдакіе бывають подлецы на бѣломъ свѣтѣ!

Однако никто не думаль кричать и волноваться; всякій еще боялся быть пришибленнымъ свинцовой дубиною, такую же праведною, какъ и всѣ эти штыки и сабли.

Но всего печальнѣе было слышать выстрѣлы, которые раздавались въ узкихъ, темныхъ переулкахъ позади войскъ и огромныхъ сѣрыхъ зданій праваго берега, позади домовъ, окаймляющихъ набережную, съ ихъ магазинами, гдѣ сложены разные желѣзные товары, старыя ружья, каски и копья времени Генриха IV. Выстрѣлы эти слѣдовали одинъ за другимъ, потомъ раздавались залпы, шумъ, пронзительные крики, задушаемые высокими зданіями и низменнымъ положеніемъ этой части города.

О, если бы вы знали, какъ грустно было слушать все это!

Какія-то старухи толковали возлѣ меня:

— Тамъ уже дерутся!... А что, вашъ сынокъ тоже ушелъ?

— Да, матушка, чуть разсвѣло...

Потомъ, съ дрожющими подбородками, онѣ опять прислушивались. Не могу описать, какое сильное состраданіе я чувствовалъ къ этимъ несчастнымъ старухамъ.

Да, жаль было смотрѣть на этихъ горемычныхъ устаршекъ въ ихъ истертыхъ капорахъ, на сѣдыхъ стариковъ-ремесленниковъ, стоявшихъ подъ дождемъ въ холодныхъ блузахъ, на сотни женщинъ съ грудными младенцами на рукахъ, на блѣдныхъ мальчишекъ, заглядывавшихъ въ противоположную улицу, гдѣ были расположены линейныя войска въ стройномъ порядкѣ; жаль было глядѣть на этихъ несчастныхъ людей, изъ которыхъ одни думали о братьяхъ, другіе объ отцѣ, о мужѣ, терзаясь неизвѣстностью, не

зная ничего вѣрнаго и не будучи въ силахъ пособить своимъ родственникамъ, быть можетъ, погибающимъ подъ ударами сабель....

Говорятъ, что любопытные виноваты сами, если по нимъ стрѣляютъ, что имъ лучше было бы оставаться дома. Но неужели тѣ, которые говорятъ это, остались бы дома, если бы ихъ дѣти, друзья находились посреди всѣхъ этихъ опасностей смерти? Неужели они находятъ, что справедливо разстрѣлывать человѣка только за то, что онъ вышелъ изъ дома, повинувшись невольному страху? Подобныя разсужденія меня сильно обѣсятъ: такъ только могутъ говорить бездушные эгоисты—и пусть Богъ ихъ судить!

О себѣ скажу, что мнѣ было досадно, зачѣмъ я не вышелъ изъ дому раньше, и почему старшій Перриньонъ не зашелъ за мною. Но послѣ онъ объяснялъ мнѣ, что въ подобныхъ дѣлахъ всякій долженъ слѣдовать движеніямъ собственной совѣсти и что для него достаточно рисковать своею жизнію, не увлекаая къ тому же и товарищей.

Съ девяти часовъ утра до полудня все оставалось въ одномъ положеніи. Экипажи перестали ѣздить, на мостъ никого не пропускали, а въ сенъ-мартенскомъ предмѣстьи продолжались ружейныя залпы. По временамъ, въ улицѣ Сенъ-Дени, изъ маленькихъ слуховыхъ оконъ вылетали клубы дыма. Всѣ глаза обращались туда, и въ народѣ пробѣгалъ легкій шопоть: «ага, выстрѣлъ!» хотя самый выстрѣлъ не былъ слышенъ.

Въ одинадцать часовъ я отправился позавтракать. Въ нашемъ *Кабуло* не было ни Монгальера, ни Кубе, ни Перриньона и никого изъ нашихъ; поэтому я сейчасъ же оттуда вышелъ.

— Во что бы то ни стало, думаю себѣ, а ужъ перейду на ту сторону.

Но вы сейчасъ увидите, какъ обращались тогда съ людьми, нераздѣлявшими мнѣній господина Гизо, какъ уважались права народа: я разскажу вамъ о величайшей низости, какаѣ когда нибудь видана была на свѣтѣ.

Ровно ничего не подозревая, пошелъ я во второй разъ къ мосту О-Шанжъ и вдругъ увидѣлъ, что два кирасира, заграждавшіе дорогу справа, ушли съ своего мѣста; войска также стали поодаль, въ направленіи къ городскому отелю.

Всякій, очень естественно, подумалъ, что это дѣлается для пропуска арестованныхъ лицъ, которыхъ вели въ Сенъ-денисскую улицу. Но въ то же время, съ лѣвой стороны, по набережнымъ, ѣхалъ какой-то генералъ, окруженный всѣмъ своимъ штабомъ. Онъ явился изъ Тюльрійскаго дворца. По троттуарамъ моста, вмѣсто кираси-

ровъ, были разставлены мѣстами пѣхотницы. Всѣ направили вниманіе. Генераль остановился противъ насъ и нѣсколько минутъ глядѣлъ по всѣмъ направленіямъ.

Я рассказываю это въ подробности, чтобы всякій могъ оцѣнить правосудіе господина Гизо. Этому генералу стоило только подать знакъ часовымъ, чтобы тѣ очистили мостъ, и никто не оказывалъ бы сопротивленія, потому что всѣ были безоружны. Но генераль этимъ не удовольствовался.

Итакъ, онъ глядѣлъ по сторонамъ совершенно спокойно.

Мнѣ кажется, что я до сихъ поръ его вижу передъ собою: на немъ была военная кепка, обшитая широкимъ галуномъ, и эполеты; это былъ смуглолицыи, востлявыи мужчина, съ широкимъ носомъ, круглымъ подбородкомъ, черными и необыкновенно зоркими глазами. Онъ что-то говорилъ, но мы ничего не могли разобрать, потому что вокругъ него съ шумомъ гарцовали офицеры его штаба. Наконецъ онъ поднялъ раза два или три руку и понесся рысью къ городскому отелю.

Мы смотрѣли на него и на его офицеровъ, ни о чемъ не думая; я даже хотѣлъ воспользоваться свободнымъ проходомъ и отправиться въ Сень-денисскую улицу, но вдругъ раздался крикъ, указанный, надрывающій душу...

Оборачиваюсь,—и что же вижу? Вдоль по Часовой набережной мчится во весь карьеръ отрядъ муниципальныхъ всадниковъ, давить и топчетъ всѣхъ людей по своей дорогѣ.

Право не знаю, какое понятіе эти господа составили себѣ о націи. Въ военное время можно окружать, топтать и рубить враговъ, напримѣръ, австрійцевъ, испанцевъ, русскихъ; но вѣдь у нихъ есть оружіе для защиты! А тутъ мы давимъ французовъ, людей, которые на насъ работаютъ, которые платятъ намъ жалованье, даютъ намъ пищу и одежду, награждаютъ насъ пенсіями, превращаютъ недѣ старость въ инвалидномъ домѣ; людей, которые называютъ насъ своими защитниками и добрыми друзьями, людей одной крови съ нами... И захватывать свади такихъ людей, когда они ничего дурного не подоврѣваютъ и въ рукахъ имѣютъ только трости, вмѣсто всякаго оружія... Да какимъ же именемъ назвать такое поведеніе? Развѣ это—не подлость? Пусть отвѣтятъ на эти вопросы всѣ судьи моей родины, всѣ отцы семействъ, честные люди всего свѣта!

Генераль командовалъ истребить насъ, а муниципальному войску это было какъ нельзя пріятнѣе. И вотъ побѣждали женщины, дѣти, поднимая такой страшный вой, что его, конечно, можно бы-

лю слышать у ботаническаго сада. Несчастныя женщины на бѣгу зашутывались въ своихъ длинныхъ платьяхъ, какія-то двѣ старухи призывали на помощь, но все это продолжалось не болѣе минуты, потому что атака неслась съ быстротою вѣтра. Земля стонала.

Но я не хотѣлъ спастись: это было не въ моемъ характерѣ, и только одна мысль, что все для меня кончено, занимала мою голову.

Я стоялъ одинъ на тротуарѣ моста; шагалъ въ пятнадцать отъ меня старуха прислонилась къ периламъ, маленькій мальчикъ лѣтъ девяти или десяти бѣгалъ, какъ угорѣлый, направо и налево, не зная куда укрыться, другая хромотая старуха никакъ не могла взобраться по ступенькамъ тротуара.

Въ то самое время атака приближалась. Длинными строемъ неслись муниципальные солдаты, растянувшись на дальнее разстояніе и сверкая шпиками своихъ касокъ; спереди торчали острия сабель, сзади развивались султаны. Въ ухахъ моихъ раздались крики: несчастная хромотая женщина, какъ снопы, свалилась подъ копыта лошадей, и сабельные удары, какъ молніи, смѣнялись предъ моими глазами. Отъ острия до эфеса, даже вмѣстѣ съ замшевыми темлякомъ, эти сабли сильно врѣзались мнѣ въ плечо. При каждомъ ударѣ, мнѣ представлялось, что чья нибудь голова отдѣлялась отъ своего туловища. Вотъ все, что я могу разсказать объ этой атакѣ, о которой тогда говорилъ весь городъ. Она была направлена отъ Нового Моста, прошла черезъ мостъ О-Шанжъ и потомъ повернула по направленію къ городскому отелю.

Событію возлѣ меня мальчику достался сабельный ударъ по затылку; ранившій его муниципальный солдатъ долженъ былъ занести далеко впередъ руку, потому что находился въ значительномъ разстояніи отъ своей жертвы. Въ ужасѣ копелъ я далѣе медленнымъ шагомъ; въ концѣ моста какой-то бѣднолицый солдатъ встрѣтилъ меня остриемъ штыка и закричалъ:

— Сдавайся!

Только тогда мысль бѣжать пришла мнѣ въ голову. Я принялся скакать по ступенькамъ, подпрыгивая вверхъ футомъ на пятнадцать. Каждую секунду я ожидалъ, что вотъ-вотъ шальная пуля засядетъ мнѣ въ спину; страхъ увидать опять кровь невинныхъ людей, не позволялъ мнѣ даже вдохнуть въ себя немного воздуха.

Такимъ образомъ я пробѣжалъ чрезъ площадь Шатле, направо, и по узенькому Фонарному переулку благополучно добрался до первой баррикады, набустрога въ Жюверской набережной. Баррикада би-

ла возведена трехугольникомъ, и люди, ее защищавшіе, кричали мнѣ:—скорѣй, скорѣй!—Они видѣли, какъ пѣхотный отрядъ уже обходилъ уголъ площади Шатлѣ.

Разумѣется, я бѣжалъ, что было духу. Когда я перелѣзъ черезъ заваль, наброшенный изъ камня, мои товарищи принялись отвѣчать на выстрѣлы, раздававшіеся изъ улицы Плантъ-Мибрѣ. Но такіе ужасы повторяются не каждый день, и слѣдовательно заслуживаютъ быть описанными поподробнѣе.

XXV.

Въ то время, о которомъ я говорю, еще не была снесена куча домовъ между башней Сенъ-Жакъ и площадью Шатлѣ. Здѣсь пролегали старыя улицы Сенъ-Жакъ-Бушери, Торговая Площадь, Фо-нарная и другія; все это было старо, грязно, гнило и узко. Вверху надъ фронтонами домовъ поднималась башня, съ ея крылатымъ львомъ, ея быкомъ, похожимъ на коршуна и святымъ Яковомъ, которые всѣ глядѣли на васъ, точно бы вы стояли на днѣ глубокаго колодца. Эта мѣстность была еще сносна въ хорошій солнечный день, когда горланили, бѣгали и суетились водоносы, вѣтошники, уличные пѣвцы, окруженные народомъ, прачки, торопившіеся къ Сенѣ, разный людъ, толкавшійся на двухъ рынкахъ; но въ дождливую погоду все это принимало довольно кислую наружность.

Первымъ моимъ дѣломъ было выглянуть за баррикаду; каково-же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ шагахъ въ двухъ стахъ отъ насъ войска, построенныя въ колонну и совершенно готовыя къ атакѣ... Въ головѣ этой колонны стояли саперы въ большихъ мохнатыхъ биверахъ, надвинутыхъ на самыя брови, бѣлыхъ кожаныхъ передникахъ, опускавшихся отъ пояса до коленъ, съ ружьями и топорами.

Признаюсь, это удивило меня не на шутку, и я не знаю, чего-бы я въ то время не далъ, чтобы имѣть ружье. Не менѣе долженъ былъ дивиться я, взглянувши на моихъ товарищей. Эдакихъ ребятъ мнѣ право никогда не доводилось видѣть. Всѣхъ было около пятнадцати человѣкъ, и мнѣ особенно приглянулся одинъ совершенно сѣдой старикъ, съ открытой грудью, крючковатымъ носомъ и сжатыми губами; другіе были также плотные люди; между ними затерлись два мальчишка отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ отъ роду. Вся эта компанія была запачкана грязью, до костей вымочена дож-

демъ, въ дырявыхъ и истоптанныхъ башмакахъ; на однихъ были блузы, на другихъ вуртки, а на двухъ или трехъ парняхъ не было даже и рубашки.

Наша баррикада была никакъ не выше двухъ или трехъ футовъ; съ обѣихъ ея сторонъ дождь, неперестававшій лить, образовалъ огромныя лужи, въ которыхъ люди вязли по колѣно. Защитники баррикады уходили по временамъ въ узкій переулочекъ нагѣво, заряжали тамъ пять-шесть негодныхъ, кремневыхъ ружей, два огромныхъ ржавыхъ пистолета, и потомъ, хохоча, какъ сумасшедшіе, стрѣляли по саперамъ въ одиночку, чтобы дать выстрѣлившему время всыпать порохъ, сдѣлать пыхъ изъ лохмотьевъ своей собственной блузы и вогнать пулю. И каждый выстрѣлъ отдавался, какъ громъ, въ сосѣднихъ узкихъ закоулкахъ..

По временамъ также раздавались выстрѣлы изъ-за другихъ ближнихъ баррикадъ, которыми отвѣчали дружные залпы войскъ.

Что можетъ быть печальнѣе, безчеловѣчнѣе, ужаснѣе этой картины убійствъ въ узкихъ, извилистыхъ закоулкахъ подь непрерывнымъ, холоднымъ дождемъ! Съ старыхъ домовъ бѣжали внизъ ручьи размокшей извести; ставни, оторванные сверху, качались на своихъ болтахъ, вывѣски были усажены пулями. Жутко и страшно было глядѣть на эти трехугольные каменные завалы, казавшіеся какими-то гнѣздами смерти.

И зачѣмъ эти саперы стояли передъ нами, какъ мишени? Право не могу объяснить, потому что черезъ добрыхъ полчаса они ретировались, не сдѣлавши никакого вреда, но за то послѣ насъ потчивали сильнымъ перекатнымъ огнемъ.

Я стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ закоулка. Вѣтеръ нагналъ въ это узкое пространство столько дыма, что всѣ проходившіе казались мнѣ какими-то тѣнями. Мнѣ безпрестанно мерещилось, что вотъ-вотъ на насъ нападутъ и изрубятъ всѣхъ по-головно.

Это продолжалось довольно долго. Самое худшее въ нашемъ положеніи было то, что насъ могли атаковать съ тылу.

Я помню хорошо, что посреди страшнаго свиста пуль, задѣвавшихъ за стѣны и отскакивавшихъ отъ каменной ограды, мнѣ пришлось въ голову произнести обѣтъ, въ которомъ я видѣлъ тогда наше единственное спасеніе. Но припоминая себѣ, какъ хохоталъ дядя Нивуа надъ разными деревенскими ех-voto, я стыдился произнести свой обѣтъ,—и вдругъ почувствовалъ у своихъ ногъ что-то мягкое.

Одинъ изъ нашихъ стрѣльцовъ получилъ глубокую рану въ голову пулей, и не смотра на весь ужасъ подобной картины, у меня достало духу нагнуться и поднять его ружье. Тогда раздался крикъ:

— Вотъ они!

Одинъ изъ находившихся съ нами мальчишекъ также принялся насмѣшливо кричать, улепетывая: тра-та-та, тра-та-та, точно хотѣлъ бить отступленіе.

По камнямъ застучали ноги пѣхотинцевъ.

Только тогда я пустился бѣжать вѣе вѣхъ ногъ въ улицу Арон, не поворачивая головы и не теряя ни одной секунды. Не нравилось мнѣ бѣгство, но что-же я могъ сдѣлать одинъ, съ ружьемъ безъ штыка, противъ цѣлаго военного отряда? Солдатамъ вумно было не болѣе минуты, чтобы перелѣзть черезъ нашу баррикаду, послѣ чего они сейчасъ-же начали насъ преслѣдовать и осматривать пулями. А я, не встрѣтивши на всемъ пути ни одной отворенной двери, успѣлъ уже пробѣжать Ломбардову улицу; мнѣ даже хотѣлось проломать себѣ входъ гдѣнибудь силою, но вездѣ были прочныя засовы. Нули своимъ неумолимымъ свистомъ гнали насъ все дальше.

Въ улицѣ Обри-ле-Буше я повернулъ направо къ рынку Невинныхъ (*des innocents*), чтобы тамъ немного перевести духъ, но вдругъ очутился передъ цѣлымъ батальономъ пѣхоты, выстроеннымъ вдоль старыкъ зданій; линія эта тянулась въ стройномъ порядкѣ и ружья были у ногъ.

Пройди этотъ батальонъ шаговъ на сто впередъ, тогда вѣсѣмъ защитникамъ баррикады, расположенныхъ въ этой сторонѣ, было бы отрѣзано отступленіе, потому что они очутились бы между двухъ огней.

Такая оплошность до сихъ поръ сильно меня удивляетъ. Что думалъ себѣ этотъ батальонъ, стоя на своемъ мѣстѣ? Лица, къ которымъ я обращался съ этимъ вопросомъ, отвѣчали мнѣ, что командующій войсками герцога немурскій забылъ отдать приказаніе, и тѣмъ многихъ изъ насъ спасъ отъ смерти.

Ободрившись этой мыслью и собравшись съ новыми силами, я пошелъ далѣе и во второй разъ остановился въ самомъ концѣ Сень-мартенской улицы, за баррикадой, обращенной въ бульвару; мнѣ пришлось проходить черезъ шестъ или семь другихъ баррикадъ, которыя однако вѣе были оставлены.

Много было уже стычекъ въ этой части города, напримѣръ, у Сень-мартенской казармы, у Ремесленной школы и особенно въ улицѣ Бурръ л'Аббе. Все было изломано, исковеркано; носилки то и дѣло перетаскивали раненныхъ; о муниципальных солдатахъ вѣе говорили съ негодованіемъ; тамъ и сямъ раздавались крики:

— Вивать національная гвардія! Вивать армія! Долой муниципальные!

Национальные гвардейцы разгуливали въ толлѣ народа, и многіе изъ нихъ отдали даже свои ружья. Всѣ хотѣли реформы.

Полюбовавшись въ некоторое время этой картиной, я вздумалъ отправиться въ свою часть города. Все новидимому успокоилось, офицеры генеральнаго штаба, проходя по улицамъ, вездѣ кричали, что господинъ Гизо удаленъ, но рабочій народъ не хотѣлъ атому вѣрить и густыми толпами расхаживалъ вдоль бульваровъ съ немолчаемымъ крикомъ:

— Вивать армія! Долой Гизо!

Нѣтъ возможности описать всю эту суматоху! Эполеты и красные воротники, замѣшавшись въ толпу, рука объ руку разгуливали съ блузами! Наконецъ дождь я также вышелъ изъ-за баррикады, и каждую минуту мнѣ казалось, что въ этомъ омутѣ людей промелькнула знаемая фисіономія Перриньона, Камтена, Вальси; но удивившись въ своей ошибкѣ, я предполагалъ, что они засидають уже въ *Кабуло* и радостно готовятся выпить за успѣхъ реформы.

Посреди такихъ мыслей отправился я домой, накинувши себѣ на плечо ремень своего стараго, праваго ружья. Мнѣ и въ голову не приходило, что вдоль по набережнымъ бой еще продолжался, такъ какъ высоко-почтенный герцогъ немурскій забылъ призвать муниципальному войску прогнать рѣзню народа. Но, проходя площадь Шатле, я увидалъ, что храброе войско все еще готовилось къ новымъ подвигамъ; лошади дрожали отъ усталости и холода подъ своими всадниками, которые сами отъ холода не попадали зубъ на зубъ, но приходили въ остервенѣніе, слыша крики: Вивать армія! Долой муниципальных!

Въ то время всѣ линейныя войска уже отступили къ городскому отелю и тюильрійскому дворцу.

Два человека медленно тащили носилки къ мосту св. Михаила почти всѣхъ остальныхъ раненныхъ несли въ больницу Отель-Дье; на улицѣ Ла-Гарнь нѣсколько женщинъ окружали носилки. А я, чуть держась на ногахъ отъ усталости, ввалился въ нашу *Кабуло*, гдѣ принялся кушать одинъ на концѣ стола.

Мадамъ Трэндорфъ была въ отчаяніи. Она сообщила мнѣ, что ни одинъ изъ нашихъ не заходитъ въ харчевню втеченіи цѣлаго дня и что самъ господинъ Арманъ наконецъ ушелъ, говоря, что онъ не хочетъ быть подлецомъ!

Во время этого разсказа, я дрожалъ отъ холода. Все на мнѣ промокло насквозь, платье, рубашка и башмаки. Только тогда я

понялъ, что мнѣ нужно поскорѣй переодѣться: зубы мои стучали немилосердно.

На дворѣ было очень темно, когда я вышелъ и побѣжалъ домой. Дворникъ, увидя меня на лѣстницѣ, закричалъ:

— А вы — молодець, мсьё Жанъ-Пьеръ, вездѣ о васъ только и рѣчь; къ вамъ даже приходили навѣдываться о вашемъ здоровьи.

Уходя въ свою комнату, онъ замѣтилъ мое ружье и опять принялся кричать:

— Да съ вами не шути.... какой храбрый!... Только не хорошо будетъ, какъ васъ куда нибудь упрячутъ.

— Кто первый подступитъ меня взять, сказалъ я ему взвоя курокъ, пусть на меня не пѣняетъ.... Ружье, небось, не съ холостымъ зарядомъ!

Тотъ ничего не отвѣчалъ, а я началъ ошупью взбираться.

Раздѣвшись, я усѣлся на кровати, какъ вдругъ раздался медленный звонъ набата съ собора Нотръ-Дамъ. Маленькія стекла моихъ окошекъ задрожали, а у меня самого, при этомъ протяжномъ звонѣ въ ночную пору, волосы встали дыбомъ.

Книга стараго Перриньона открывалась такъ сказать передъ моими глазами. Я припоминалъ себѣ великія дѣла нашихъ предковъ и раздумывалъ, на что мы сами можемъ быть годны.

Скоро всѣ прочія церкви отвѣчали собору Нотръ-Дамъ, небо наполнилось торжественнымъ и ужаснымъ гимномъ,

Тому уже будетъ семнадцать лѣтъ; но кто жилъ въ то время и имѣлъ человѣческое сердце, тотъ никогда не забудетъ о ночномъ звонѣ въ церкви Богоматери, съ 23-го на 24-е февраля. Этотъ звонъ говорилъ людямъ о правосудіи и свободѣ!..

XXVI.

Было уже не рано, когда я проснулся; на дворѣ стояла та сѣрая, сырая погода, которая заставляетъ человѣка думать: надо быть дождю!

А тамъ, внизу, на улицѣ, уже поднялся шумъ, производились несвѣяныя рѣчи и ружейные приклады стучали о мостовую. Въ домѣ словно всѣ повымерли: не было слышно ни постукиваній сапожника, ни шипѣнья токарнаго станка, ни глухихъ ударовъ переплетной работы. Я вскочилъ съ постели и наскоро одѣлся. Выйдя на лѣстницу, я былъ озадаченъ новыми загадками: домъ былъ всѣми оставленъ, двери — настезь, ступеньки были вездѣ мокры и

скользки; отворенныя во дворѣ окна стучали о стѣны,—и ни одной души, которая могла бы растолковать мнѣ, что все это значило. Съ ружьемъ на плечѣ, я спустился внизъ изъ своей пятиэтажной конуры. Но какъ описать, что происходило въ улицѣ Сендъ Жакъ-Матюрень и другихъ смежныхъ улицахъ? Эти баррикады, возведенныя, какъ укрѣпленія, прямо съ одной стороны, отлого—съ другой, съ узкими возлѣ домовъ проходами; эти часовые въ блузахъ, съ ружьями, расхаживающіе наверху; весь этотъ людъ, гуляющій, толкующій, смѣющійся за траншеями: и старухи, и дѣти, любопытно вездѣ заглядывающіе, и мужчины, отправляющіе караульную службу съ саблями, ружьями и пиками, — нѣтъ, не передашь этого никакимъ словомъ! Всѣ эти парижскія улицы, переулки, площади, перекрестки, безчисленное множество проходовъ и закоулковъ—представляли теперь видъ какой-нибудь нашей бѣдной деревушки, гдѣ навозъ, грязь, кучи соломы, рытвины, сараи могутъ также называться баррикадами.

Это былъ уже не Парижъ, а братская община всего его населенія. Работники, зажиточные граждане сошлись вмѣстѣ. Но по временамъ всѣмъ имъ надобно было повторять:—дѣло еще не кончено; оно только-что начинается! Безъ этихъ наставленій они подумали бы, что мы уже одержали рѣшительную побѣду.

Въ прошлую ночь были возведены тысяча пятьсотъ новыхъ баррикадъ, но чтобы вѣрить подобнымъ вещамъ, нужно самому ихъ видѣть. И въ оружіи у насъ, благодареніе Богу, не было недостатка: все оно было откопано изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ лежало въ сбереженіи со временъ великой республики.

Какъ мышь, выползши изъ своей норки, поднимаетъ кверху любопытныя уши, вышелъ я изъ темнаго, узкаго корридора нашего дома, посреди всего этого столпотворенія, и съ недоумѣніемъ сталъ глядѣть на часовыхъ, торчавшихъ въ воздухѣ, на всю эту публику, которая, высунувшись изъ оконъ всѣхъ этажей, смотрѣла на улицы съ удивленіемъ и восторгомъ. Я шелъ впередъ и изумлялся.

— Можеть ли быть, думалъ я; неужели вотъ этотъ солдатъ въ шинели, фуражкѣ, съ сумою,—простоі работникъ? Неужели этотъ городъ—Парижъ?

Потомъ мысли мои перемѣшались, и только черезъ нѣсколько минутъ я могъ подумать связно:

— Ну а что, Жанъ-Пьеръ, даетъ-ли еще наша харчевня пить и ѣсть?

Я взглянулъ тогда въ сторону Клюнійскаго отеля и увидѣлъ двѣ баррикады, соединенныя между собою такимъ образомъ, что нужно

было перелѣзть чрезъ камни, такъ какъ здѣсь не было оставлено промежуточнаго прохода. Вздѣвши на ограду, я увидѣлъ еще третью баррикаду у входа въ улицу Ла-Гарпъ; она была обращена къ площади св. Михаила. Но болѣе всего меня радовало то, что торговцы не запирали своихъ лавокъ, что посѣтители входили и выходили, ѣли и пили, какъ въ самое обыкновенное время. Между этими грудями камней жизнь шла своимъ чередомъ, какъ будто уличная битва должна была продолжаться нескончаемо.

Я поглядѣлъ на нашу улицу и, размышляя о силѣ правосудія, восторгался многими мыслями въ родѣ такихъ, напримѣръ: о великая нація! о благородные парижане! Меня тѣшили эти раздумья и облегчали мое сердце. Потомъ я пустился перелѣзть съ баррикады на баррикаду до самой Бумажной улицы, слыша повсюду, что изъ Венсена ждали Монпасье... что Бюжо хотѣлъ всѣхъ проглотить сразу.

Всѣ жаловались на недостатокъ патроновъ; у меня самого былъ только одинъ, еще неразряженный ружейный выстрѣлъ. Въ улицѣ Ла-Гарпъ я спросилъ одного національнаго гвардейца, гдѣ можно было бы достать пороху, тотъ отвѣчалъ:

— Поспѣшите въ Сѣвную казарму!

Этотъ гвардеецъ командовалъ дюжиною молодцевъ и повидимому былъ въ восторгѣ, что ведетъ ихъ въ такое мѣсто, гдѣ всего можно было достать въ волюшку.

Казарма находилась немного далѣе, въ Сѣнномъ переулкѣ, позади бань. Въ этомъ узкомъ, темномъ проходѣ мы пошли ускореннымъ шагомъ въ рядъ, съ ружьями и пиками на плечахъ, и уже слышали, какъ на другомъ концѣ камни летѣли въ большія ворота при страшномъ крикѣ:

— Отворите!

Внутри заперлись мушкетеры—въ числѣ не болѣе полроты—подъ командою поручика. Толпа бросилась во дворъ, и солдаты были обезоружены въ одно мгновение ока—одинъ изъ нашихъ бралъ ружья, другой хватался за сумку. Несчастные мушкетеры не говорили ни слова,—да и что оставалось имъ дѣлать?

На моей совѣсти лежатъ также пятнадцать или двадцать патроновъ, которые я вытащилъ изъ сумы одного изъ горемычныхъ солдатиковъ, закричавши ему подъ носъ:

— Вивать линія!

— Достанется мнѣ за васъ!.. отвѣчалъ солдатикъ.

Это былъ, безъ всякаго сомнѣнія, такой-же, какъ я самъ, 'простодушнѣе, недавно поступившій въ полкъ.

Часто съ тѣхъ поръ мнѣ припоминались его простыя, грустныя слова, и я говорилъ себѣ: не слѣдовало такъ поступать, Жанъ-Шьеръ, ты неправъ! Ну да что же вы подѣлаете съ этимъ лихорадочнымъ желаніемъ добыть патроны! Мнѣ гораздо легче вспомнить о другомъ приключеніи въ казармѣ: какой-то человекъ хотѣлъ отнять у офицера его саблю, и это меня сильно раздражило. Не забуду я наружности этого офицера.

Это былъ малорослый, блѣднолицый мужчина съ сѣдыми усами; онъ казался совершенно сповойнымъ въ своемъ несчастіи, и когда старый солдатъ, у котораго уже отыгли ружье и суму, протянулъ къ нему руки, какъ бы желая защитить своего начальника, офицеръ поглядѣлъ на него съ благодарностью и сказалъ:

— Этотъ человекъ меня любитъ!

Видно, что у меня тогда была страшная жаружность, потому что нападающій отступилъ, выпустивши изъ рукъ эфесъ офицерской сабли. Въ то же самое мгновеніе я узналъ Эммануэля. Онъ уснѣлъ уже завладѣть ружьемъ и вскричалъ, протягивая мнѣ ружу:

— Жанъ-Шьеръ!

Къ намъ присоединились также и другіе студенты. Мы окружили офицера, который и вышелъ вмѣстѣ съ нами.

— Не бойтесь ничего, поручикъ, говорилъ я ему.

— Я и не боюсь ничего, отвѣчалъ онъ угрюмо: — вѣдь хуже мнѣ не будетъ!

Вся казарма, до самой крыши была нами занята. Толпа повалила въ правую сторону, на широкую сводчатую лѣстницу, безпрестанно повторяя:

— Оружія! оружія!

Всѣ думали, что въ Сѣнной казармѣ были свалены цѣлыя кучи военныхъ запасовъ; многіе поднимали даже половныя доски, желая поживиться чѣмъ нибудь; но, еще за нѣсколько дней все было отсюда вывезено.

Въ концѣ переулка офицеръ насъ оставилъ, и я никогда уже больше его не видѣлъ.

Взявшись рука объ руку, мы съ Эммануэлемъ такъ гордились своимъ оружіемъ, что несчастіе другихъ насъ вовсе не трогало. Онъ хотѣлъ вести меня къ Оберу, у монастыря Сенъ-Бенуа, но я объявилъ ему, что на этотъ разъ не худо заглянуть въ наше *Кабулю*. Мы и отправились туда черезъ баррикады.

Въ харчевнѣ собралось такое большое общество, что нужно было поставить столъ вверху, въ комнатѣ госпожи Грэндорфъ. Кто поднимался, кто сходилъ, кто допивалъ свой стаканъ, кто уходилъ

прочь; одни входили, другіе жевали хлѣбныя корки, садились. Многіе изъ товарищей моихъ толпились на половинѣ журналистовъ, которые, безъ сомнѣнія, засѣдали, перечитывая либеральныя газеты.

Вошедши, я немедленно узналъ голосъ Перриньона, и это, разумѣется, меня очень обрадовало. Не успѣлъ я еще отворить дверь комнаты, какъ всѣ сидѣвшіе вокругъ стола принялись кричать:

— Ахъ, вотъ онъ! Вотъ Клавель! Гдѣ это онъ пропадалъ дѣлныхъ два дня?

Всѣ хохотали, а мы съ Эммануэлемъ очень скромно поставили въ углу свои ружья. Перриньонъ привсталъ и закричалъ какъ одурѣлый:

— Ну что, парнишка, поймали таки на этотъ разъ любезную реформу! Небось, ужъ не вырвется!

Онъ пожималъ намъ руки, а Кантенъ, стоя сзади его, говорилъ:

— Ба, немножко опоздала ваша реформа... Теперѣ намъ нужно что нибудь получше.

Никто ему не отвѣчалъ. Друзья наши потѣснились, чтобы дать намъ мѣсто. Въ то же время госпожа Грэндорфъ явилась къ нашимъ услугамъ.

Это былъ, смѣло можно сказать, самый веселый день, и радость тилась на всѣхъ лицахъ.

Тогда какъ мы ѣли, прочіе всѣ вмѣстѣ разсказывали о своихъ приключеніяхъ. Одинъ кричалъ, что онъ находился съ самаго ранняго утра въ улицѣ Сень-Мери, другой, что онъ участвовалъ въ атакѣ сень-мартенской казармы, третій былъ при взятіи оружейнаго магазина Лепаж, четвертый—въ улицѣ Буръ-л'Аббѣ, гдѣ недовольные расчитывали найти много ружей. Но когда я разсказалъ, что дрался за баррикадой Фонарной улицы и потомъ благополучно перебѣжалъ оттуда до большой баррикады, возлѣ улицы Зеленаго-лѣса, товарищи мои разразились веселымъ хохотомъ.

— Молодецъ, Жанъ-Пьеръ, кричалъ Перриньонъ:—я знаю, что ты честно исполнишь свой долгъ; наша мастерская отличилась на славу.

И старикъ хохоталъ такъ искренно, что слезы сватывались ему на бороду.

Потомъ Эммануэль разсказалъ намъ дѣло у капуцинскаго бульвара: около девяти часовъ народъ, ничего не подозрѣвая, разгуливалъ спойно, любуясь иллюминаціей отъ магдалинской церкви до бастильской площади; но вдругъ по всѣмъ улицамъ проходить колонна работниковъ и гражданъ, съ трехцвѣтнымъ знаменемъ

впередѣ, за нею, распѣвая «марсельезу», является большая колонна сенть-антуанскаго предмѣстья, съ краснымъ знаменемъ; батальонъ 14-го линейнаго полка преграждаетъ ей дорогу, штыки скрещиваются, раздаются выстрѣлы; солдаты даютъ по толпѣ страшный залпъ въ упоръ; тамъ и сямъ, какъ провзительные свистки, раздаются взвизгиванья женщинъ, толпы народа, въ ужасѣ, тѣсня другъ друга, бросаются въ улицу Basse du Rempart. Наконецъ по всѣмъ переулкамъ враги министерства расхаживаютъ съ трупами убитыхъ, факелами и либеральными газетами; отовсюду слышатся крики мщенія, — и вдругъ все покрывается ударами набата!

Только теперь я повалъ, откуда происходила ночная суматоха и какимъ образомъ выросли на улицахъ безчеловѣчныя баррикады. Всѣ мои товарищи знали эту исторію, а Эммануэль, втершись въ толпу, былъ увлеченъ до магдалинской церкви, и потому все видѣлъ собственными глазами.

Вся наша бесѣда продолжалась не болѣе четверти часа; въ концѣ этого непродолжительнаго завтрака, старшій Перриньонъ закричалъ:

— Въ походъ!

Онъ смахивалъ на нашего полководца. Всѣ мы встали, разобрали свои ружья и вышли.

— У тебя есть патроны, спросилъ меня Перриньонъ.

— Есть.

— А у васъ? спросилъ онъ Эммануэля.

— У меня ни одного.

— Отдай ему половину своихъ, сказалъ мнѣ старикъ.

Я сейчасъ же подѣлился съ товарищемъ.

Мы пошли позади отряда, направлявшагося въ улицу Сентъ-Андре.

Въ глубокой задумчивости Перриньонъ сказалъ намъ:

— Вотъ теперь-то дѣло становится серьезнымъ; баррикады у насъ, славу Богу, есть, но нужно ихъ защищать. Въ эту ночь Бюжо замѣстилъ герцога немурскаго: онъ командуетъ войсками въ Парижѣ и смотритъ на насъ, какъ на зуавовъ. Съ пятнадцатью тысячами челоуѣкъ онъ занимаетъ Лувръ, Карусельскую площадь, Тюильрійскій дворецъ и площадь Согласія; прочія войска размѣщены на бастильской площади, у городскаго-отеля и на площади Пантеона. Мы находимся между этими отрядами, которые захотятъ соединиться вмѣстѣ по нашимъ трупамъ.

— Откуда вы все это знаете? спросилъ Эммануэль.

— Мало ли чего мы не знаем! отвѣчалъ старикъ увертливо. Въ то время, какъ насъ будутъ атаковать съ тылу, на площади св. Михаила, главнаго нападенія надобно ожидать со стороны трехъ набережныхъ—д'Орсэ, Вольтера и Кюити. Вотъ почему мы туда и собираемся. Бюжо думаетъ, что всѣ побѣгутъ къ площади св. Михаила, пусть разочаруется: всякій останется за своею баррикадой. У насъ запасовъ немного, да и у солдатъ ихъ не больше нашего. Сообщенія съ Венсеномъ прекращены; сами солдаты, такъ же, какъ и мы, хотягь реформы; имъ гораздо пріятнѣе жить дружелюбно съ народомъ, нежели драться съ нимъ. Национальной гвардіи тоже не очень весело подставлять лобъ подъ пули ради господина Гизо, котораго она хотѣла бы отправить ко всѣмъ чертямъ. И такъ, если резсудить хорошенько, противъ насъ стоитъ одинъ Бюжо съ своимъ чахоточнымъ муниципальнымъ войскомъ. Первый шагъ выигранъ: вчера у насъ не было ни оружія, ни баррикады; сегодня у насъ есть и то, и другое. Значить дѣло поведено лучше, чѣмъ я думалъ. Конечно Бюжо коварнѣе и свирѣпѣе герцога Рагузскаго, но за то французскіе солдаты далеко не то, что наемные швейцарцы: имъ нѣтъ никакой охоты убивать насъ или пропадать до послѣдняго во славу его величества короли прусскаго. И такъ, ребята, все идетъ, какъ нельзя лучше. Да вотъ и наша баррикада!

Мы подняли глаза и увидѣли высокую и прочную баррикаду тамъ, гдѣ улицы Дофинэ и Мазаренъ сходятся съ улицей Древней-Комедіи. За этой, довольно хорошо возведенной баррикадой, мы увидѣли нѣсколько оберегавшихъ ее студентовъ, которые очень обрадовались нашему приходу.

— Вотъ видите ли, дѣтки, сказалъ, не останавливаясь, Перриньонъ, отсюда мы можемъ выйти на Новый-мостъ и набережную Малакэ, можемъ, въ случаѣ надобности, броситься и вправо, и влево. Если насъ заставятъ отступить, тогда силы наши соединятся вмѣстѣ, значить тѣмъ лучше. Двѣ другія баррикады не допустятъ Бюжо подвигаться улицей Сены: ихъ стережетъ славная команда.

За баррикадой старикъ сказалъ студентамъ, что мы однихъ убьеденій съ ними и будемъ поддерживать ихъ до послѣдней капли крови.

Эти честные молодые люди закричали:

— Вивать реформа! Долгой Бюжо!

Между ними Эммануэль узналъ одного изъ своихъ товарищей, по фамилин Компаньона, сына торговца лѣсомъ. Они пожали другъ другу руки.

У нѣкоторыхъ студентовъ не было ружей, но они ждали ихъ отъ своихъ товарищей, которымъ потомъ было суждено умереть за свободу, а пока находились у поворота улицы Сены.

Перриньонъ немедленно поставилъ Кантена въ караулъ и сказалъ студентамъ, находившимся наверху ограды, чтобы тѣ сошли внизъ.

— Каждую минуту, прибавилъ старикъ, надобно ожидать перваго залпа: такъ пусть же лучше одинъ подвергается опасности, чѣмъ многіе.

Онъ говорилъ это голосомъ начальника, и всѣ ему повиновались.

XXVII.

Все, что происходило отъ восьми часовъ утра до часу пополудни, мнѣ до сихъ поръ представляется сновидѣніемъ. Время шло медленно, не принося съ собою ничего новаго.

— Давно бы пора быть атакаѣ, говорилъ Перриньонъ: чего это Бюжо такъ мѣшкаетъ? Ужь не окружаетъ ли онъ насъ съ другой стороны?

Дождь шелъ непрерывно. По временамъ студенты входили въ сосѣдній ресторанъ, потомъ опять возвращались, спрашивая:

— Что новенькаго?

А мы покуривали трубки и запасались терпѣніемъ. Наконецъ безпокойство овладѣло нами такъ сильно, что многіе пошли налѣво, подъ арку института, желая о чемъ нибудь провѣдать. Назадъ они, однако, уже не возвращались, а намъ слышался уже издали, съ другого берега, несвязный гулъ начавшейся перестрѣлки. Но непрерывный дождь, съ шумомъ струившійся по стѣнамъ, шлепанье человѣческихъ ногъ по грязи, голоса изъ глубины улицы,— не позволяли намъ узнать, точно ли то были ружейные выстрѣлы. Теперь уже извѣстно, что народъ, отъ рыночнаго квартала (*quartier des Halles*), что на правомъ берегу, подошелъ по баррикадамъ къ самому Лувру, позади Каруселя, и даже проникъ въ улицу Риволи; извѣстно также, что, не желая оставлять позади себя опаснаго пункта, онъ атаковалъ гауптвахту Шато - д'О, гдѣ находился отрядъ 14 линейнаго полка. Затѣялась довольно живая перестрѣлка, и ее-то мы безъ сомнѣнія слышали изъ-за баррикады.

Около одиннадцати часовъ пять или шесть студентовъ добрались къ намъ улицей Жакоба.

Въ рукахъ они держали печатныя объявленія и кричали:

— Пережѣна министерства! Одилонъ Барро стоитъ во главѣ кабинета!

Наши студенты присоединились къ нимъ и вмѣстѣ пошли даже въ ближній ресторанъ за клейстеромъ, чтобы налѣпить объявленія. Но это занимало насъ немного, а Перриньонъ даже разсердился.

Потомъ студенты, съ своими объявленіями подъ мышкой, отправились къ Люксамбургу, не переставая кричать:

— Новое министерство и т. д.

Нѣкоторые студенты остались между нами, хохоча отъ всего сердца, а Кантенъ, не произнося ни слова, поднялъ объявленіе на острие своего штыка.

Чась спустя явилась національная гвардія съ крикомъ:

— Король отказывается отъ престола; ему наследуетъ графъ парижскій регентомъ!

Они были въ восторгѣ.

— Отлично, сказала Перриньонъ: пусть себѣ король уѣзжаетъ съ герцогомъ немурскимъ, и пусть Ламаргина назначать первымъ министромъ. А пока это случится, будемъ твердо стоять на нашихъ мѣстахъ; такъ какъ все идетъ хорошо, то, съ божьей помощью, пойдетъ и лучше. Только не надобно торопиться; лучше заранѣе хорошенько обдумывать свои дѣйствія.

Къ намъ на помощь пришло также нѣсколько работниковъ изъ Руана. То были плотные ребята, въ новыхъ блузахъ и красныхъ шапкахъ, съ ружьями и туго набитыми патронташами. При первомъ извѣстии о реформѣ они поспѣшили къ намъ по желѣзной дорогѣ, и теперь мы могли немножко передохнуть, посидѣть и осушить стаканъ вина. Дождь пробрался даже въ наши башмаки, мы окоченѣли и дрожали всѣмъ тѣломъ, но все это было намъ легко переносить, потому что сердцу нашему было невыразимо весело при мысли о счастливомъ оборотѣ происшествій.

Съ особеннымъ удовольствіемъ я вспоминаю, какъ седьмой линейный полкъ, въ часъ пополудни, вошелъ въ улицу Дофинэ съ ружьями на плечѣ; мы сначала думали, что вотъ начинается атака, и всѣ изготовились къ храброму отпору. Перриньонъ отозвалъ внизъ часового и закричалъ:

— Смирно!

Но поровнявшись съ улицей Лоди, солдаты прошли попарно на лѣво, разряжая ружья въ воздухъ; въ нашихъ ушахъ отдавался шумъ, похожій на клокотанье рѣки, прорывающейся сквозь шлюзъ. Въ то же время офицеры подошли къ намъ по одиночкѣ; въ ма-

денежнихъ клеенчатыхъ плащахъ, придерживаемыхъ эполетами, съ саблями подъ мышкой, точно мирные буржуа, возвращающіеся на свои квартиры. Мы протянули къ нимъ руки, чтобы помочь перелѣзть чрезъ камни, и принялись кричать.

— Вивать линія!—Держитесь за меня, маіоръ!— Безъ церемоній, капитанъ!—Вивать раформа!—Вивать Франція! — Мы всѣ — братья?

Мы хотѣли всѣхъ ихъ перецѣловать и даже кричали имъ:

— Оставайтесь съ нами, господа!

Но тѣ отвѣчали холоднымъ «благодарю» и продолжали идти своею дорогой по улицѣ. Видя это, мы поняли, что народъ одержалъ побѣду и что больше биться было нечего. Напрасно Перриньонъ силился удержать насъ; его уже никто не слушалъ, и всѣ мы беспорядочной гурьбою разсѣялись изъ-за баррикады до самаго Новаго-моста.

Мы воображали, что по набережнымъ увидимъ отряды солдатъ, но всѣ они уже ретировались, и только три офицера генеральнаго штаба скакали во всю прыть по фасаду Лувра. Мы прошли чрезъ мостъ распѣвая «марсельезу» съ изступленной радостью.

Одинъ Перриньонъ не переставалъ кричать.

— Эй, берегитесь луврскихъ кошекъ! Въ 1830 году швейцарцы открыли оттуда страшный огонь.—Послушайте меня, берегитесь!

Какъ мы, однако, ни приглядывались, все-таки ничего не видали.

Нѣсколько студентовъ также соединились съ нами, и такимъ образомъ мы прошли безъ всякихъ приключеній сначала передъ Лувромъ, потомъ вдоль тюильрійскаго дворца до двѣнадцатой арки.

Весь отрядъ, расположенный у Каруселя, также, по видимому, ретировался, какъ и 7-й линейный полкъ, и именно одинъ полкъ ушелъ направо, другой—налѣво.

Найдется много господъ, которые не повѣрятъ моему разсказу, а между тѣмъ я передаю одну чистую истину. Многіе воображаютъ себѣ реформу чѣмъ-то ужаснымъ. А я скажу, что она развивается сама собою, когда ударить часъ правды!

Еще не забылъ я, что возлѣ тюильрійскаго дворца одинъ офицеръ генеральнаго штаба хотѣлъ пронестись въ галошъ; мы посадили его съ лошади, на которую подняли одну изъ студентскихъ красавицъ, пѣвшую «марсельезу» очаровательно.

Скоро вошли мы во дворъ Лувра безъ препятствій, удивляясь

сами себя и ожидая, что вотъ-вотъ изъ всѣхъ оконъ на насъ градошъ посыпятся пули.

Въ этомъ необозримошъ дворѣ насъ было всего не болѣе двадцати пяти или тридцати человекъ. Поднявшисъ на нѣскольکو ступенекъ, которые вели подъ арку, мы вступили на большую лѣстницу съ правой стороны, дивно хорошую лѣстницу, покрытую иззолотой и выпуклыми украшениями. Посрединѣ сверху висѣлъ большой круглый фонарь, сдѣланный изъ одного цѣльнаго стекла; лѣстница была устлана такими мягкими коврами, что шаги наши не были слышны, и каждый могъ воображать, будто находится здѣсь одинъ; малѣйшій стукъ ружья или чиханье отдавалось здѣсь звучнымъ эхомъ.

Вотъ мы подвиглись, глядя на все съ удивленіемъ и даже страхомъ, потому что насъ неотступно преслѣдовала мысль о ружейныхъ выстрѣлахъ.

Вверху мы вошли въ длинную и великолѣпную залу. Ужъ одинъ рядъ высокихъ оконъ, выходившихъ на дворъ Каруселя, придавалъ ей какую-то торжественность; но щедро разсыпанная вездѣ позолота, безконечныя картины просто ослѣпляли намъ зрѣніе.

Всего болѣе я удивлялся, что отсюда не слышно было ни малѣйшаго шума съ улицы. Вотъ гдѣ, думалъ я можно преспокойно обснутъ,—не то что въ неутомонной улицѣ Сентъ-Жакъ-Матюрена!

— Эхъ, какъ тутъ славно жить! продолжалъ я размышлять на шходѣ.

Выглянувши во дворъ, я увидѣлъ, что и тамъ все было одиноко; прѣкрасно настланная мостовая, широкіе троттуары, великолѣпная рѣшетка, маленькая триумфальная арка изъ розоваго мрамора,— все это, казалось, было нарочно сдѣлано для потѣхи глазу.

Съ тѣхъ поръ я нерѣдко припоминалъ себя эту роскошь и завидовалъ житью королей: не шутя, это—славное житье!

Между окнами, чрезъ каждыя три шага по всей длинѣ разрисованныхъ стѣнъ, были уставлены раззолоченные канделябры, представлявшіе видъ вѣтвей, каждый листикъ которыхъ поддерживалъ стѣариновую свѣчу, зажигаемую вечеромъ.

Тогда припомянулись мнѣ слова Эммануэля, сказанныя шесть лѣтъ тому назадъ, именно, что внутреннее убранство Лувра не въ примѣръ богаче наружнаго вида; я убѣдился въ этомъ собственными глазами.

Право не могу связать, что сталося съ моими товарищами: они раздѣлились по обѣимъ сторонамъ—направо и налѣво, точно въ церкви, и пошли впередъ по цѣлому ряду смежныхъ залъ. Оди-

какой прелести и изящества. Мы съ Эммануэлемъ шли одни, причѣмъ онъ говорилъ мнѣ.

— Все это, Жанъ-Пьеръ, нажитое добро нашими предками... Надобно уважать это... Наше, вѣдь, собственное добро!

— Разумѣется, отвѣчать я:—мы это заработали, а если и не мы, то наши отцы—дровосѣки, винодѣлы, купцы, земледѣльцы, всѣ эти горемычные труженики, потѣющіе съ утра до ночи для чести Франціи. Глухо было бы съ нашей стороны портить свое же добро; мы были бы негодями первой руки, если бы вздумали что нибудь отсюда похитить: вѣдь все это наше!

Такія мысли отраднѣ дѣйствовали на мою душу и понуждали къ свѣтлымъ и возвышеннымъ взглядамъ. Но впоследствии я убѣдился, что такими мыслями кармана не набьешь и что далеко не всѣ были съ нами согласны; какъ бы то ни было, но я хочу лучше при нихъ оставаться.

Поглядывая на всѣ эти богатства, мы прошли дагѣ во внутренніе покои и повернули въ боковую залу, въ которой нѣкогда Людовикъ XVI подписалъ хартію національнаго собранія. Она была шире, но короче первой залы, и освѣщалась съ обѣихъ сторонъ; всюду развѣтана была живопись, а по лѣвую руку была продѣлана въ стѣнѣ ниша, въ формѣ часовни, завѣшанная пологомъ съ золотою бохромою. Въ глубинѣ залы, подъ зановѣсомъ я увидѣлъ—самъ; не значъ что такое: тронъ или постель. Ни я, ни Эммануэль не хотѣли туда заглянуть, считая это неприличнымъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли за круглымъ, массивнымъ столомъ изъ розоваго мрамора, какого-то чудака, купавшаго хлѣбъ и сыръ на лоскуткѣ бумажки. Сначала мы его вовсе не замѣтили; вы можете судить, какъ же должны быть велики эти залы, если при входѣ въ нихъ нельзя было сразу замѣтить человѣка!

— Хлѣбъ да соль! сказала Эммануэль этому молодцу. На немъ была широкополая шляпа и камзолъ темнаго цвѣта, а на плечѣ висѣло ружье. Толстая фізіономія его свѣтилась радостью.

— Милости просимъ! отвѣчалъ онъ: вотъ сейчасъ мы отправимся выпить въ погребецъ.

Съ этими словами онъ захохоталъ и заморгалъ глазами.

Вдругъ снаружи раздался страшный шумъ и ружейные выстрѣлы. Мы подошли поглядѣть къ окнамъ: вдали была видна большая толпа народа, недовѣрчиво направлявшаяся къ Карусельской площади.

— Идите, господа, думаемъ мы себѣ; и ничего не бойтесь: здѣсь все никто и пальцемъ не тронетъ.

Въ то же время мы продолжали медленно разгуливать, поглядывая на все съ любопытствомъ; мы даже вошли въ какой-то театр, гдѣ на заднемъ занавѣсѣ былъ изображенъ приморскій портъ,—а оттуда вышли на балконъ часовни. Въ этой часовнѣ, помѣщавшейся внизу, были разставлены золотые сосуды, канделябры, массивныя люстры и стояли ряды креселъ; въ передней части балкона былъ сдѣланъ парапетъ, обитый малиновымъ бархатомъ. Отсюда Луи-Филиппъ слушалъ обѣдню.

Порядочно уставши, мы развалились по кресламъ и уперлись локтями въ перила. Эммануэль закурилъ свою трубку, и долго мы оглядывали эту часовню съ удовольствіемъ.

Напоследокъ онъ сказалъ:

— Если бы вчера, когда этотъ дворъ защищали пятьдесятъ тысячъ человекъ, ктонибудь вздумалъ предсказать мнѣ, что на слѣдующій день я буду курить трубку въ этомъ великолѣпномъ Луврѣ, то я назвалъ бы такого господина сумасшедшимъ.

— Да, отвѣчалъ я, это въ самомъ дѣлѣ удивительно. Кто можетъ сказать: вотъ это со мной случится, а вотъ это со мной не случится?... Все — въ рукѣ божьей. Тѣ, которые сегодня обладаютъ силою и судятъ людей, завтра становятся слабыми дѣтьми, плачутъ, просятъ пощады, забывая, что сами-то они никогда не миловали. Вотъ почему мы всегда должны слушаться голоса своей совѣсти; одинъ Богъ всѣхъ судитъ и всѣмъ обладаетъ! Вотъ что мы говорили въ часовнѣ и, думаю, говорили справедливо.

Мы еще не окончили своей бесѣды, какъ вдругъ были ошеломлены страшнымъ шумомъ: народъ ворвался въ покои Лувра. Это было ужасное, разнузданное остервенѣніе. Ружейные выстрѣлы громко раздавались, стекла падали, и стѣны дрожали.

Поблѣднѣвши, какъ смерть, мы слушали весь этотъ содомъ, и увидѣли пять или шесть человекъ, съ обнаженными шеями, включенными волосами и дикимъ выраженіемъ въ лицѣ; какъ стая волковъ рыщеть по лѣсу въ ночную пору, эти люди являлись вездѣ съ сверкающими глазами, вездѣ озирались, выходили на балконъ и съ яростью принимались все ломать и портить, не произнося ни слова. Эти несчастные только-что вышли изъ схватки; быть можетъ они видѣли смерть своихъ друзей, дѣтей, братьевъ,—и хотѣли насладиться мщеніемъ.

— Пойдемъ отсюда, Жанъ-Пьеръ, сказалъ Эммануэль, взявши меня за руку.

Опять прошли мы по огромнымъ заламъ.

Нѣсколько людей, ставши на стулья, вынимали стеариновые

свѣчи, чтобы сойти въ погребъ, какъ я узналъ впоследствіи; другіе швыряли за окна дорогія картины.

Сходя по лѣстницѣ, между валившею вверхъ толпою, мы увидѣли вдругъ, что снизу поднялось ружье со штыкомъ,—и великолѣпный фонарь, которымъ я любовался при входѣ, разлетѣлся, какъ лопнувшій мыльный пузырь.

Внизу многіе уже валялись на землѣ по угламъ, держа въ рукахъ бутылки и приставивши ружья къ стѣнамъ. Что грѣха таить: негодяи всякаго разбора, будь они изъ народа или вельможъ, составляютъ позоръ націи и всего человѣческаго рода.

XXVIII.

Мы вышли, не оборачиваясь назадъ.

Сотни другихъ народныхъ отрядовъ, въ блузахъ, лохмотьяхъ, мундирахъ національной гвардіи, съ ружьями, знаменами, топорами, штыками, насаженными на палкѣ,—безпорядочно бѣжали черезъ Карусельскую площадь, по набережнымъ, по улицѣ Риволи, со всѣхъ концовъ города.

Воспитанники Политехнической школы, молодые люди отъ девятинадцати до двадцати лѣтъ отъ роду, при шпагахъ и трехуголькахъ, надвинутыхъ на ухо, думали было укротить этихъ храбрецовъ, одѣтыхъ въ тряпье и нахлынувшихъ изъ предмѣстій, но тѣ даже и не глядѣли на нихъ и продолжали бѣжать, выкрикивая осиплымъ голосомъ:

— Долой взяточниковъ!.. долой продажныхъ мерзавцевъ!.. Вивать реформа!

И это повторялось на всемъ дальнемъ разстояніи, какое только могъ охватить глазъ; подобно буйному наводненію, весь городъ повалилъ въ нашу сторону.

— Въ общину, Жанъ-Пьеръ! закричалъ мнѣ Эммануэль.

Воспоминаніе о великой реформѣ опять сильно во мнѣ заговорило, и я весь трепеталъ отъ восторга.

Ускореннымъ шагомъ стали мы пробираться сквозь массы людей, безпрестанно повторяя:

— Въ общину, граждане, въ общину!

Многіе остановились и напоследокъ рѣшились слѣдовать за нами, дружно вторя нашему крику:

— Въ общину!

Но высокія окна тюильрійскаго дворца, выглядывавшія изъ-за рѣшетокъ, листы бумаги, летавшіе по воздуху, знамена, крики, ружейныя выстрѣлы, вся эта дикая картина скоро оторвала отъ насъ недавнихъ союзниковъ; они сожалеяли о потерянномъ времени и опять послѣдовали за бурнымъ потокомъ.

Насъ было не болѣе десяти человекъ, когда мы подходили къ городскому отелю, направляясь вдоль по набережнымъ и прыгая чрезъ баррикады. Въ эту минуту у моста Нотръ-Дамъ кто-то крикнулъ:

— Муниципальные!

Мы обернулись и увидѣли позади себя нѣсколько приближавшихся муниципальныхъ эскадроновъ. Вся кровь во мнѣ закипѣла. Ну что, голубчики, думаю я, теперь мы уже не безоружны, теперь насъ нельзя топтать какъ солому!

Но муниципальные солдаты подѣзжали шагомъ, съ саблями въ ножнахъ. Груды разметанныхъ баррикадъ, лежавшія на ихъ пути, и баррикады на Жеврской набережной, еще оставшіяся цѣлыми, мѣшали муниципальному отряду атаковать насъ, и потому онъ началъ отступать изъ Парижа.

Мысль о мщеніи, какъ молнія, прошла чрезъ мою голову: шагахъ во ста я прицѣлился въ ихъ генерала, но тотъ глядѣлъ по всѣмъ сторонамъ—вверхъ и внизъ, впередъ и назадъ. Какъ только онъ меня увидѣлъ, его фізіономія приняла кроткое выраженіе; онъ поклонился мнѣ, снявши свою огромную шляпу.

Руки мои опустылись.

— Не хорошо убивать человека, который тебѣ кланяется, рассуждалъ я про себя: ну такъ Богъ съ нимъ.

Но другіе большою толпою приближались къ намъ съ моста и изъ сосѣднихъ улицъ; они бросались впередъ и кричали:

— Возьмемъ ихъ въ плѣны!

Это показалось мнѣ лучше, и я сейчасъ же схватилъ за узду лошадь одного всадника.

— Слѣзай! кричалъ я ему.

Тотъ не отвѣчалъ. Многіе послѣдовали моему примѣру, и тогда всѣ эти солдаты, мрачно выглядывавшіе въ своихъ синихъ мундирахъ, свѣтлыхъ каскахъ, съ саблями на бедрѣ, были остановлены—кто межъ камней, кто въ грязи; наши хватались за узды лошадей, а подъ носомъ cadaго муниципального солдата торчалъ штыкъ или пика.

Не смотря на все это, они не хотѣли сдаваться; тогда изъ-за баррикадъ сбѣжались дѣти и стали вѣшаться къ ботфортамъ всадниковъ.

Словомъ, я считалъ всѣхъ этихъ господъ плѣнниками, и уже радовался, что приведу лошадей въ улицу Сень-Жакъ-Матюрень, какъ вдругъ генераль, находившійся посреди колонны, командовалъ:

— Впередь!

Вахмистръ, котораго лошадь я держалъ за узду, отвѣсилъ мнѣ такой сильный ударъ кулакомъ по физиономіи, что я ударился о баррикаду, набравши полный ротъ крови. Въ то же самое время эскадроны понеслись маршь-маршемъ; прочіе всадники такимъ же манеромъ попотчивали тѣхъ, которые держали подъ уздцы ихъ лошадей.

Тогда на этихъ бѣдныхъ кавалеристовъ посыпались безчисленные пули съ обѣихъ сторонъ моста и улицы.

Ихъ огромные ботфорты ворочались въ воздухѣ, каски валялись по мостовой, лошади падали и отбрасывали своихъ сѣдоковъ шаговъ на десять.

Огонь не прекращался. Вдали, сквозь дымъ видѣлись согнутыя спины солдатъ, развѣвавшіеся хвосты и толстыя трупы лошадей, скакавшихъ на удивленіе чрезъ каменные ограды: трудно повѣрить, чтобы лошадь могла прорваться мимо всѣхъ этихъ препятствій!

Сколько страданій милосердый Боже!

Но самое худшее оказалось, когда разбѣялся дымъ, и мы увидѣли, что двое или трое изъ насъ были смертельно ранены, и что на мосту другіе несчастные цѣлыми кучами валялись лицомъ къ землѣ, съ пулями въ брюхѣ; всѣ выстрѣлы, непопавшіе въ муниципальныхъ, залетали въ толпы народа по всѣмъ направленіямъ.

Вотъ каковы сладости гражданской войны!

Какой-то мальчишка преспокойно разгуливалъ по трупамъ, нахлобучивъ себѣ каску до самыхъ плечъ; женщины высовывались въ окна; старушки выходили наружу, и поднимая руки къ небу, говорили въ ужасѣ:

— Какое несчастіе!

Дай Богъ, чтобы такіе картины пригодились нашему молодому поколѣнію, дай Богъ, чтобы наши страданія не прошли даромъ!

Мы ушли съ этого мѣста, еще кипя негодованіемъ, и добрались до большого входа городскаго-отеля, гдѣ національные гвардейцы подали видъ, будто хотятъ насъ остановить; но когда мы зарядили ружья, они отошли прочь и очистили намъ дорогу.

Мы вошли по большой лѣстницѣ городскаго-отеля, въ которомъ совершалось столько ужасныхъ, на вѣки памятныхъ событій, въ дни первой революціи, въ которомъ раздавалось столько святыхъ

рѣчей въ защиту правосудія. Вспоминая объ этомъ ужасномъ прошломъ, мы нѣсколько успокоились, но въ то же время находили себя ничтожными сравнительно съ великими людьми общины, которые завоевали намъ почти всѣ наши права. Да, всѣ эти воспоминанія старины невольно просыпаются подъ высокими сводами зданія; такъ и кажется, что вотъ наверхъ гордо поднимаются защитники народа съ словами:

— Мы здѣсь у себя дома! Когда Франція говоритъ отсюда Европѣ, всѣ ее слушаютъ!..

Какое-то дыханіе силы и величія освѣжало мнѣ грудь.

Но особенно неотвязчиво тѣснятся къ вамъ воспоминанія о мертвыхъ на большой внутренней террасѣ, освѣщенной сводомъ и наподенной желтыми, какъ воскъ, тѣлами муниципальных солдатъ, заснувшихъ на вѣки, — въ залѣ, гдѣ первые революціонеры убивали сами себя съ отчаянья, что народъ ихъ оставилъ....

Мы пріостановились и услышали разговоръ въ концѣ корридора по лѣвую руку. Черезъ нѣсколько минутъ мы отправились туда; я шелъ впереди съ ружьемъ на плечѣ. Старый, малорослый, сѣдой генераль, съ большимъ крестомъ на груди, повстрѣчался намъ въ корридорѣ, и схвативши меня за руку, спросилъ:

— Вы куда идете?

— Слушать другихъ, отвѣчалъ я съ удивленіемъ.

— Теперь идутъ совѣщанія, замѣтилъ онъ.

— И прекрасно, отозвался Эммануэль, мы также хотимъ быть на совѣщаніяхъ.

Видя, что это не повело ни къ чему, онъ сказалъ мнѣ, продолжая удерживать меня за руку:

— Я старый солдатъ 92 года.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ я: значить мы съ вами однихъ убѣждений; поэтому-то мы и желаемъ быть допущенными къ совѣщаніямъ.

Тотъ не отвѣчалъ больше ни слова и ушелъ.

Мы вошли въ залу, изъ которой слышались голоса. Посрединѣ былъ поставленъ столъ, имѣвшій форму лошадиного копыта, а съ другой стороны сидѣли три человекъ въ черной одеждѣ, оборотившись спиною къ ряду оконъ, выходившихъ на площадь. Эти господа что-то писали. Около тридцати другихъ лицъ наполняли залу; всѣ говорили и кричали, а двое изъ нихъ произносили рѣчи на возвышенныхъ мѣстахъ въ стоячемъ положеніи.

Мы помѣстились за столомъ въ формѣ лошадиного копыта, какъ разъ насупротивъ господъ въ черномъ платьѣ. Послѣ узналъ я, что одинъ изъ нихъ назывался Гарнье-Пажесъ. У него были длин-

ные волосы, высокой лобъ, нѣсколько приплюснутый носъ и выдавшийся впередъ подбородокъ. Онъ былъ блѣденъ. Когда мы вошли съ нашими ружьями, висѣвшими за плечами, Гарнье-Пажесъ поглядѣлъ на насъ съ удивленіемъ.

Говоръ толпы слышался и сверху, и снизу, мѣшаясь съ криками производившихъ рѣчи. Трудно было разобрать что нибудь, и я напрасно прислушивался къ этимъ крикливымъ говорунамъ. Одинъ изъ нихъ, съ правой стороны, былъ высокой, сухощавый мужчина съ длиннымъ носомъ и сѣдыми волосами, спускавшимися низко, на затылкѣ. Этотъ кричалъ самымъ неистовымъ голосомъ. И при каждомъ вскрикиваньи, щеки его надувались, руки растопыривались, какъ телеграфныя проволоки, и голосъ выходилъ изъ самой груди.

Это продолжалось минутъ десять. Вокругъ насъ всѣ повторяли:

— Гарнье-Пажесъ назначенъ парижскимъ меромъ.

Опустивши приклады ружей на полъ, мы стали терпѣливо ждать, что-то будетъ. Одинъ изъ тѣхъ, которые послѣдовали за нами изъ тюльрийскаго дворца, не имѣлъ на себѣ рубашки и былъ одѣтъ въ потертую, открытую на груди блузу. На него-то особенно поглядывалъ Гарнье-Пажесъ и потомъ на меня, такъ какъ кровь не переставала течь по моему подбородку. Я видѣлъ, что это его удивляло, но онъ не говорилъ ни слова. Однако спустя нѣсколько минутъ писавшій по лѣвую руку сказалъ ему что-то вполголоса; тогда онъ поднялъ руку, а всѣ присутствующіе принялись кричать:

— Тисе!.. тисе!.. Слушайте!

Говорившіе рѣчи сошли внизъ,—и вся зала смолкла.

Гарнье-Пажесъ началъ читать бумагу, поданную его товарищемъ. Я помню, что она начиналась словами:

— Король Луи-Филиппъ отказывается отъ престола... Но не успѣлъ онъ окончить этой фразы, какъ со всѣхъ сторонъ поднялись крики:

— Нѣтъ!.. Неправда!.. Онъ не отказывается!.. Ему отказали!..

Гарнье-Пажесъ поблѣднѣлъ еще больше; онъ дѣлалъ знаки замолчать, но шумъ могъ уняться не сразу.

Наконецъ, когда сдѣлалось немного тише, Эммануэль закричалъ ему прямо въ фізіономію:

— Объявите реформу!

Это сильно его озадачило. Всѣ наострили вниманіе.

— При какихъ условіяхъ? спросилъ онъ.

— Объявите реформу! повторилъ Эммануэль.

— Но какую же реформу? допрашивалъ Гарнье-Пажесъ: съ избирательною или законодательною властью...

Я понялъ, что Гарнье-Пажесъ былъ довольно тонкій и увертливый человекъ, знавшій, что народъ еще не имѣлъ времени уяснить себѣ своихъ требованій. Эммануэль смѣшался, но кто-то другой крикнулъ за него сюда:

— Все равно! Мы подумаемъ послѣ... Все-таки объявите реформу: остальное не трудно будетъ устроить!

И за нимъ всѣ подхватили.

— Да... да... реформу!

Все это такъ сильно врѣзалось мнѣ въ память, что я будто теперь вижу и слышу это крикливое собраніе. Въ разсказѣ своемъ я ни на волосъ не отступаю отъ правды. Жаль только, что многіе говорили всѣ вмѣстѣ, произнося слова, которыя никакъ не могли дойти до слуха. Гарнье-Пажесъ притворился, будто слушаетъ весь этотъ гамъ, но я видѣлъ ясно, что онъ только обдумывалъ, какъ бы выйдти изъ своего затруднительнаго положенія. Наконецъ онъ поднялъ руку и, когда всѣ смолкли, сказалъ грустнымъ голосомъ:

— Господа, вы сами понимаете, что въ такой суматохѣ ровно ничего нельзя сдѣлать. Я пригласилъ господъ секретарей идти со мной въ смежную комнату, и когда наше рѣшеніе будетъ окончено, мы возвратимся прочесть его вамъ.

Въ то же время, не дожидая отвѣта, онъ всталъ вмѣстѣ съ двумя своими товарищами. Это произвело шумъ по всей залѣ. Возлѣ нихъ въ концѣ стола находилась дверь. Когда они направились къ ней, держа свои бумаги подъ мышкой, человекъ безъ рубашки сказалъ мнѣ на ухо:

— Онъ измѣняетъ... Не удержать ли его?

Но не смотря на мое сердитое настроеніе, мысль оскорбить такого человека-показалась мнѣ злодѣйскою, и потому я отвѣчалъ:

— Не нужно, вѣдь это Гарнье-Пажесъ.

Всѣ заговорили о Гарнье-Пажесѣ, который во время этой болтовни ушелъ въ другую комнату съ своими секретарями. Дверь за ними захлопнулась; я думаю, эти господа отъ души хохотали, что могли сыграть съ нами такую штуку, а мы стояли въ залѣ ни дать, ни взять—какъ стадо барановъ.

Всякій принялся горланить, не слушая своего товарища, такъ что было и скучно, и досадно слушать этотъ гвалтъ.

— Пойдемъ отсюда! сказалъ мнѣ Эммануэль; что намъ дѣлать

между этими шальными крикунами? Мы вышли, рассердившись не на шутку, что даромъ потеряли столько времени. Но дойдя до внутренней платформы, откуда внизъ спускается большая лѣстница, мы были ошеломлены другою суматохой, другими криками, раздававшимися съ площади. Грабители луврскаго дворца, истребивши въ концѣ стекла, столы, книги, вазы, картины, подходили къ городскому отелю, да кромѣ нихъ валили и другія толпы изъ сошедшихъ настей города и изъ предметовъ. Всѣ они кричали: вивать реформа! и при этомъ падали изъ ружей.

Мы сошли поскорѣе внизъ, чтобы какъ нибудь до самаго вечера не быть запертыми въ этомъ зданіи, посреди такой беспорядочной давки.

XXIX.

Хорошо мы сдѣдали, что ушли: не успѣли еще перебраться за рѣшетку, какъ увидѣли безчисленныя толпы народа, бѣжавшія съ набережной Шельтье, изъ улицъ Ванери, и Танери, съ Аркольскаго моста; на концахъ штыковъ эти люди несли разное платье обшитою галуномъ, женскія шляпки и тысячи другихъ тряпокъ, а изъ густоты этого люда торчали красныя и трехцвѣтныя знамена, вымоченныя дождемъ, заляпанныя грязью. Все это летѣло стремглавъ; пѣло, стрѣляло изъ ружей и, къ своему стыду, также сползавалось, потому всѣ погреба Лувра были до-суха опорожнены, и полуотбитыя бутылки швырялись народомъ въ стѣны.

Какъ ни верти, а надобно сознаться, что очень многіе вели себя дѣйствительными негодяями. Кто напивается въ подобный день до такой степени, что не можетъ держаться на ногахъ, тотъ недостойно стоять за свободу.

Но таково ужь видно челоуѣкъ. Эти несчетныя толпы высилали на площадь, какъ рой пчелъ, выбирающій дерево, гдѣ бы усѣсться! Мы успѣли еще дойти до цвѣтной набережной, по мосту Нотръ-Дамъ, и здѣсь приостановились, чтобы оглянуться назадъ. Все пространство чернѣло челоуѣческими головами; всѣ суетились, дѣйствительно въ домъ общины, и крики, эти крики народной толпы, отдававшіеся въ ухахъ, какъ завываніе моря, эти нескончаемые крики съ каждой минутой, казались становились свирѣпѣе и расходились на дальнее пространство. Тогда Эммануэль сказалъ мнѣ:

— Теперь, Жанъ-Пьеръ, дай-то богъ, чтобы войска были дѣйствительно разсыяны! Дай Богъ, чтобы Бюжо не соединилъ ихъ гдѣ нибудь подъ своимъ начальствомъ, потому что съ этой кучей пья-

ницъ, истребляющихъ нашъ порохъ, намъ можетъ быть ухъ какъ плохо!

Я съ нимъ совершенно соглашался: безуміе народа меня самого очень тревожило.

Впрочемъ я думаю, что битва еще не такъ устрашаетъ человѣка. Въ военной схваткѣ всякій дерется, защищается и почти ничего не боится: кто избѣжалъ смерти — слава Богу, кто погибъ — царство небесное, вѣчный покой! Но послѣ этой военной суматохи наступаетъ еще болѣе тревожное время. Что-то скажетъ завтра все обширное отечество! Что стануть дѣлать роялисты, коммунисты, социалисты? Кто будетъ командовать? Какое теперь у насъ время — девяносто второй или тридцатый годъ? Ужъ не пожалуютъ ли къ намъ пруссаки, англичане, русскіе. Что?.. Какъ?.. А?..

Когда все идетъ спокойно, работа отбывается своимъ чередомъ, солдаты стоятъ въ караулѣ, судьи идутъ въ присутствіе, женщины въ церковь, дѣти въ школу, тогда видишь вездѣ порядокъ и думаешь, что онъ будетъ продолжаться во вѣки вѣковъ; но когда все волнуется, валится по землѣ, — сколько новыхъ мыслей залезитъ въ вашу голову, такихъ мыслей, которыя прежде вамъ никогда и не снились!

Мы съ Эммануэлемъ прошли передъ палатой юстиціи, потомъ черезъ мостъ св. Михаила, вездѣ проталкиваясь сквозь массы разнаго люда, спѣшившаго на гревскую площадь. Мы не нуждались въ передачѣ другъ другу своихъ мыслей: они сами наполняли наши головы. Слова Гарнье-Пажеса: какую вамъ реформу? теперь представлялись мнѣ очень умными. Припоминая себѣ вычитанное изъ книги Перриньона, я разсуждалъ самъ съ собою.

— Въ самомъ дѣлѣ, какую намъ нужно реформу: учредительную? Директорію? Консуловъ? Или чтонибудь совершенно новое? Но если намъ нужно чтонибудь совершенно новое, все-таки надобно знать, что такое именно. Ну-ка, Жанъ-Пьеръ, ты чего желаешь?

Я затруднялся отвѣтомъ и думалъ:

— Если бы возлѣ меня былъ Перриньонъ, то онъ бы объяснилъ мнѣ мои желанія.

Меня беспокоила также участь добраго старика Перриньона, котораго я любилъ, какъ самого себя. Мы разстались другъ съ другомъ противъ воли. Что-то съ нимъ случилось?

Эммануэль молчалъ, поникнувши головою. Наступила ночь. Толпы народа продолжали бѣжать и кричать: вивать свобода! И

ни: одна душа не знала, что у насъ уже было временное правительство.

Въ Бумажной улицѣ мы увидѣли, что наше *Кабуло* было заперто.

— Пойдемъ дальше! сказалъ мнѣ Эммануэль.

Улицей Сень-Жакъ-Матюрень мы отправились къ монастырю Сень-Бенуа. Уже совершенно стемнѣло, а между тѣмъ ни одинъ фонарь не освѣщалъ намъ дороги. Къ счастью для насъ, ресторанъ Обера не былъ запертъ. Мы вошли. Два кенгета горѣли въ залѣ по лѣвую руку, и нѣсколько студентовъ ужинали молча. Господина Обера не было дома. Мы поставили ружья въ углу, у оконъ; слуги не замедлили къ намъ явиться.

А на улицахъ, гдѣ-то очень далеко, по временамъ раздавались крики, шумъ, выстрѣлы; звонъ набата не умолкалъ еще до сихъ поръ, но въ то время, какъ мы опорожняли наши тарелки, громового колокола Нотр-Дамъ вдругъ не стало слышно, отчего произошла какая-то затишь: уличный шумъ и шаги людей, шедшихъ къ монастырю, доносились до насъ слышнѣе.

Въ концѣ обѣда Эммануэль спросилъ меня:

— Что мы будемъ дѣлать сегодня ночью?

— Право не знаю, отвѣчалъ я: вѣдь все уже кончено.

— Я пойду переодѣнусь, сказалъ онъ: мои сапоги сильно намокли и жестоко давятъ мнѣ ноги.

— Пожалуй, пойдемъ переодѣнемся, согласился я, но эдакъ черезъ три четверти часа соединимся опять гдѣ нибудь вмѣстѣ.

— Да вотъ что, приходи въ страсбургскую пивную, на улицѣ Ла-Гарпъ.

Мы вышли. Въ эту самую минуту толпы людей уже наводнили эту часть города и кричали:—да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ временное правительство! Студенты рассказывали по монастырю, толкуя о Ламартивѣ, Ледрю-Ролленѣ, Араго. Мы слушали. У воротъ Сень-Жака, при разставаніи, Эммануэль сказалъ мнѣ:

— У насъ, кажется, уже есть временное правительство, и я совершенно доволенъ: все лучше, чѣмъ ничего.

Мы оба пошли по улицѣ Сень-Жака, но въ разныя стороны. Я принялся шагать чрезъ каменные завалы до угла улицы Мазарень, и уже готовился здѣсь повернуть, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою обходъ изъ трехъ человѣкъ подъ командою капрала въ круглой шляпѣ, длинной шинели и съ маленькимъ квадратнымъ фонаремъ въ рукѣ. Поднося его къ моей физиономіи, капралъ встрѣтилъ меня такимъ восклицаніемъ:

— Ба! Это ты, Жанъ-Пьеръ? Очень радъ тебя видѣть; парнишка!

Разумѣется, говорившій былъ Перришонъ; онъ устроилъ карауль въ улицѣ Сень-Жакъ, въ концѣ сѣннаго переулка, для покровительства всѣмъ честнымъ людямъ, и теперь ходилъ съ своимъ первымъ рундомъ.

Всякій повѣрить, что объятія, въ которыхъ я съжалъ его, были искренни. При этомъ я сейчасъ же изъявилъ желаніе принадлежать къ его караулу, но прибавилъ, что нужно предупредить объ этомъ Эммануэля. Мы были у входа въ улицу Матюрень, и до моей квартиры оставалось не болѣе ста шаговъ. Я поднялся къ себѣ наверхъ, переодѣлся и отправился въ страбургскую пивную къ Эммануэлю.

Было, я думаю, около шести часовъ. Ни одинъ газовый огонекъ не блестѣлъ по улицамъ, и только на небѣ свѣтили двѣ три тускляя звѣздочки; мелкій холодный дождикъ брызгалъ въ воздухъ; со всѣхъ сторонъ раздавались караульные крики:

— Кто идетъ! Кто идетъ!..

Въ темную ночную пору это производило особенный эффектъ. Я смекнулъ, что парижане были неглухой народъ, и внимательно сторожили себя противъ Бюжб, тогда какъ пьяницы спокойно храпѣли по своимъ постелямъ.

Все это Эммануэлю было очень пріятно отъ меня узнать; мы вышли изъ пивной ошущью.

Во многихъ мѣстахъ видѣлись разложенные огни, вокругъ которыхъ на камняхъ сидѣли люди, съ трубками въ зубахъ и ружьями за плечами, растабаривая другъ съ другомъ. Огни эти освѣщали неподвижныхъ часовыхъ, наверху баррикадъ, и дома направо и налево. Красный, точно молнія, свѣтъ поднимался до самыхъ крышъ, но внизу собирался только вокругъ востровъ, — и все становилось темнымъ.

Груды камней довольно часто насъ останавливали; не разъ ноги наши вязли въ глубокихъ грязныхъ лужахъ, но не смотря на все это мы таки дошли до нашей гауптвахты на улицѣ Сень-Жака. Эта гауптвахта была изъ лучшихъ въ нашей части города: здѣсь были устроены нары, сошки для ружей, а въ просторномъ камнѣ, помѣщавшемся направо у входа, огонь пылалъ такъ ярко, какъ въ пильныхъ заводахъ нашего края, что было очень пріятно, особенно въ подобную дождливую и туманную погоду.

Вокругъ толстого дубоваго стола сидѣло человекъ десять или пятнадцать рабочихъ и національныхъ гвардейцевъ. Они принесли

сабѣ добрую кружку вина и большой пирогъ, отъ котораго всякій отрѣзывалъ въволюшку.

— А, вотъ и подкрѣпленіе! весело вскричалъ Перриньонъ, увидя насъ и пожимая намъ руки. Ну, что, ребята, вы уже закусывали?

— Мы теперь отъ Обера, отвѣчалъ Эммануэль.

— Ну, слушайте же! Ружья въ сошки! Черезъ четверть часа вы пойдете въ карауль.

Другіе продолжали пить, хохотать и рассказывать о всѣхъ своихъ приключеніяхъ въ теченіе трехъ сутокъ. Одинъ говорилъ объ атакѣ Шато-д'О, другой о бѣгствѣ короля, третій о сожженіи трона на бастильской площади, словомъ, всякій былъ свидѣтелемъ, какого нибудь замѣчательнаго происшествія. Здѣсь же въ первый разъ я услышалъ пѣсню: *Вотъ грянула пушка тревогу* и т. д., которую пѣлъ солдатъ національной гвардіи и которая послѣ до того всѣмъ опротивѣла, что вездѣ раздавались такіа жалобы: «Господи, Царь небесный! Если бы намъ еще хоть разъ услышать стукъ телѣга и крики торгашей! Экая бѣда приключилась! Да когда же она кончится!»

Распѣвавшій солдатъ списалъ всѣ куплеты на доскутокъ бумаги и выводитъ пѣсню нѣжнымъ голоскомъ, а мы всѣ повторяли хоромъ:

За родину гибнуть намъ сладко!

Слезы выступали на нашихъ глазахъ.

Перриньонъ, усѣвшись на нарахъ, позади насъ, рассказывалъ о несчастномъ положеніи герцогини орлеанской съ своими двумя дѣтьми; она была измѣннически оставлена продажными депутатами, въ то время, когда генераль Бедо испрашивалъ у нихъ приказаній на площади Согласія и когда ни министры, ни президентъ не осмѣливались приказывать. Вдругъ ворвался народъ; но эта вдова, одѣтая въ трауръ, не потеряла присутствія духа среди бурнаго наводненія, криковъ, ярости народа, и спокойно выслушивала, какъ Мари и Курмеё требовали временнаго правительства, а Ламартино объявлялъ въ своей рѣчи, что одинъ народъ имѣлъ право рѣшить, что ему всего пригоднѣе, по силѣ правосудія.

— Она бы долго еще оставалась тамъ, продолжалъ Перриньонъ, кланаясь всѣмъ, кто говорилъ въ ея защиту; она была смертельно блѣдна, но ничто бы не могло ее принудить удалиться, если бы толпы народа не разсѣлись уже по всѣмъ скамьямъ и еслибъ Ледрю-Ролленъ отчасти не провозгласилъ республики. Тогда и она была увлечена неудержимымъ потокомъ.

Перриньонъ прибавлялъ, что мужество этой дамы его тронуло, что ни одна королева Франціи не показывала столько твердости. И что же! Среди этого отродья продажныхъ людей, которые двѣнадцать лѣтъ все одобряли и подавали голоса съ затенутыми ушами, не нашлось для нея ни одного преданнаго, отважнаго защитника!

Старикъ говорилъ также, что къ несчастію такіе бездушные люди неизбѣжны при всякомъ правительствѣ, что они протираются въ обѣденному столу, всячески отталкивая честныхъ гражданъ, и ворчатъ куда какихъ благонамѣренныхъ, лишь бы набить свои ненасытные рты и утробы. А какъ только раздастся выстрѣлъ — всѣ они исчезаютъ какъ тѣни: шкура-де ихъ слишкомъ деликатная!

— Видѣлъ я виды, дѣтки, рассказывалъ Перриньонъ. 1830-й годъ отерылъ мнѣ всю низость человѣка. Ну, а какъ вы думаете, сколько было защитниковъ свободы за баррикадами вчера и третьяго дня? Нѣсколько сотенъ. А завтра вы увидите, что побѣдители тысячами тысячъ повывѣзаютъ изъ земли, словно черви послѣ дождя; они станутъ махать саблями, горланить во весь ротъ: ей вы, стройся! Барабанщикъ, бей наступленіе! Хоть бы святое слово свобода могло превратить эту низость въ величіе, но и на это плохая надежда!

Такъ говорилъ Перриньонъ, сидя на нарахъ, а мы съ Эммануэлемъ, молча, его слушали; позади насъ Кантенъ и Вальси спали сномъ праведниковъ.

Надобно знать также, что каждую минуту рунды возвращались на гауптвахту и приводили съ собой плѣнниковъ. То были солдаты изъ Сѣнной казармы и другихъ мѣстъ, разсыпавшіеся по утру и думавшіе ночью бѣжать. Но эти несчастные ребята, родомъ—кто изъ Бретани, кто изъ Нормандіи, изъ Альзаса, не успѣвали отойти отъ своихъ переулковъ пятидесяти шаговъ, какъ уже слышали крикъ: «кто идетъ!» Я думаю, они не мало удивлялись, какъ хорошо отправляли ихъ службу часовые изъ народа; въ фуражкѣ или шляпѣ и съ оружіемъ наготовѣ, эти часовые кричали имъ:

— Какой шароль?

Бѣдные солдатики шли медленно и слышали крикъ:

— Ступай на гауптвахту!

А тамъ, у дверей гауптвахты, граждане, въ восторгѣ отъ своей побѣды, кричали имъ:

— Сюда, товарищи!.. Обогрѣйтесь!.. Садитесь!.. Не хотите ли винца?..

Кружка и ножъ переходили къ солдатамъ, которые, конечно, не

отказывались отъ угощень: проведя цѣлой день гдѣ нибудь въ сараѣ или на дровахъ, они были вовсе не прочь усѣсться за столомъ рядышкомъ съ защитниками порядка.

— Ну что же вы станете теперь дѣлать? спрашивали ихъ граждане.

— Очень просто, отвѣчали обыкновенно они, мы хотимъ разбраться по деревнямъ; правда, мы вовсе не ожидали этого отпуска, но нашимъ старымъ матерямъ нисколько не будетъ противно обнять своихъ сыновей раньше положеннаго семилѣтняго срока.

Мы всё находили это очень естественнымъ и думали, что на будущее время весь народъ составитъ національную гвардію, которая замѣнитъ постоянное войско. Этого мы хотѣли прежде всего. Чего бы могла бояться Франція, если бы всё мы были воинами? Кому отъ девятнадцати до двадцати пяти лѣтъ отъ роду — ступай на войну въ случаѣ надобности, а кому отъ двадцати пяти до пятидесяти — отправляй внутреннюю службу. О, тогда конечно нѣмцы и русскіе оставили бы насъ совершенно въ покое! Они вспомнили бы, какого мы горя натерпѣлись въ продолженіи двадцати лѣтъ за то, что имъ вздумалось вмѣшиваться въ наши дѣла!

Наконецъ нужно было смѣнять часовыхъ; насъ было всего пять или шесть человѣкъ, которыхъ Перриньонъ повелъ въ улицу Сень-Жака. Я смѣнилъ часового у первой баррикады; отданный пароль былъ: свобода и общественный порядокъ!

Другіе ушли, а я остался одинъ. Эта темная ночь также никогда не изгладится изъ моей памяти: товарищи мои, взваливши ружья на плечи, уходили на свои мѣста и шаги ихъ терялись гдѣ-то въ отдаленіи; крикъ: кто идетъ! безпрестанно слышался со всѣхъ сторонъ, повторяемый эхомъ зданій и какъ бы желавшій сказать: не спите граждане, стерегите отечество и свободу!

А тамъ со стороны гревской площади слышался шумъ, и ружейные выстрѣлы по временамъ тревожили ночную тишину, нарушаемую только журчаньемъ дождевой воды по сточнымъ трубамъ; вверху баррикады разбитый фонарь горѣлъ желтовато-краснымъ пламенемъ, которое выглядывало иногда изъ-за мокраго стекла, освѣщая привольныя лужи. Признаюсь, мнѣ какъ-то странно было глядѣть на все это?

Я сталъ прислушиваться. На улицѣ все молчало: только вдали слышались караульные пароли, хохотъ, шаги рунда, стукъ ружейныхъ прикладовъ о каменные плиты, смѣна пикета и получасовой звонъ старой Сорбонны! Сколько мыслей толпится въ головѣ послѣ такого дня, какъ вчерашній! Какъ все, чего вы насмотрѣлись, во-

возбуждается въ нашемъ воображеніи, этотъ роскошный тюльрійскій дворецъ, эта суматоха по набережнымъ, муниципальные, городской отель!

Ну, что-то будетъ теперь? спрашиваешь невольно себя. Къ счастью у насъ есть Ламартинъ: онъ работаетъ; ему помогаютъ около десятка друзей честныхъ людей. Они берегутъ Францію, успокаиваютъ народъ, несутъ на своей шеѣ всё наши заботы!

Да, то великія воспоминанія для такого простаго человѣка, какъ я! Часто я самъ себя спрашиваю:

— Неужто ты видѣлъ все это, Жандъ-Шьеръ? Будто-бы ты караулилъ на верку этой баррикады? Ужь не пригрезилась-ли тебѣ вся эта кутерьма?...

Уже около получаса я прислушивался къ ночной тишинѣ, раздумывая о невѣроятныхъ перевороткахъ, происшедшихъ въ какія-нибудь трое сутокъ, — и былъ увѣренъ, что также спокойно пройдетъ все остальное время моего караула, но вдругъ слышалъ вдали, позади себя, со стороны сорбонской площади, шумъ приближавшихся шаговъ. То не могъ быть рундъ, потому что эти господа прошли мимо нашей гауптвахты, не останавливаясь. Они говорили вполголоса, и подошли въ вышней баррикадѣ въ концѣ улицы, стали некая прохода.

Я варадилъ ружье и крикнулъ:

— Кто идетъ!

Трое остались позади, а четвертый — воспитанникъ политехнической школы — сталъ карабкаться по камнямъ и сказалъ мнѣ:

— Это господинъ Араго; онъ идетъ въ засѣданіе временнаго правительства.

Разумѣется, имя господина Араго было мнѣ не безъизвѣстно; но въ подобную ночь могло найтись много охотниковъ между нашими врагами выдавать себя за Араго, Ламартина или Ледрю-Роллена. Судовательно, повѣрить на слово было не очень благоразумно; вотъ почему я закричалъ имъ:

— Ступайте на гауптвахту за паролемъ.

Воспитанникъ слѣзъ; три другія особы подошли ко мнѣ такъ близко, что находились не болѣе какъ въ четырехъ или пяти шагахъ моего поста; тогда какъ воспитанникъ политехнической школы принялся бѣжать по улицѣ, Араго стоялъ у фонаря, задуваемого вѣтромъ.

Какъ теперь вижу этого нѣсколько сутуловатаго старика, въ длинномъ плащѣ, круглой плинѣ, со сложенными назадъ руками и поникнувшей головой.

Вовсе не глядя на меня, онъ смотрѣлъ передъ собою и не трогался съ своего мѣста: вижу его въ этой полутьмѣ, со сжатыми губами, изъ которыхъ дышящая выдавалась нѣсколько впередъ, слегка согнутымъ носомъ, густыми сѣдыми бровями. Онъ былъ задумчивъ; о чемъ только не передумывала эта умная, почтенная голова!

Товарищи его стояли молчаливо и также молчали.

Для Араго не было ни нась, ни камней, ни ночи, ни вѣтра, ни дрожащаго фонаря, ни сѣраго тумана... Свою мысль онъ обнималъ, безъ сомнѣнія, всю Францію, повсемѣстный безпорядокъ, разсѣянный войска; онъ думалъ, сколько нужно будетъ употребить мужества, чтобы всюду возстановить миръ вмѣстѣ съ свободой!...

Я не зналъ этого человѣка; я не зналъ, что это — величайшій умъ нашего времени, самый непоколебимый и справедливый. Мнѣ было неизвѣстно, что съ самой ранней молодости онъ неутомимо работалъ для славы и чести своей родины, что всѣ люди говорили объ Араго, какъ о самомъ гениальномъ человѣкѣ въ Европѣ. Нѣтъ я не зналъ ничего этого! Но уже одна наружность этого честнаго, задумчиваго старца возбуждала во мнѣ глубокое уваженіе; въ головѣ моей роемъ закружились мысли о величій, силѣ, благородствѣ души, твердой правдѣ; узнавши послѣ, какой великій человѣкъ стоялъ передо мною, въ туманную ночь, посреди удивительныхъ происшествій, о которыхъ долго будутъ говорить людьми, я уже никогда не могу забыть Араго: онъ живетъ передо мною, словно нарисованный, между камней, при тускломъ мерцаніи фонаря, задуваемого вѣтромъ...

Наконецъ воспитанникъ политехнической школы возвратился съ пародемъ, который и передалъ мнѣ на ухо:

— Свобода и общественный порядокъ!

— Проходите, отвѣчалъ я.

Къ намъ подошелъ также Перриньонъ вмѣстѣ съ двумя другими нашими товарищами. Всѣ они стояли позади. Араго и его спутники, не говоря ни слова, прошли калѣво, въ узкій переулокъ. Перриньонъ также удаллся.

Тогда было, по крайней мѣрѣ, семь часовъ. Впослѣдствіи мнѣ часто доводилось слышать, будто Араго засѣдалъ въ городскомъ отелѣ вмѣстѣ съ другими членами временнаго правительства. Повторяю, что я разсказываю только сущую правду: въ общину Араго могъ придти никакъ не раньше половины восьмого; на улицахъ было темно, хоть глазъ выколи; быть можетъ, ему приходилось перелѣзать не черезъ одну баррикаду, пока онъ добрался до нашей; очень можетъ быть, что онъ жилъ далеко, — объ этомъ я ничего не

могу сказать, но рассказываю только то, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Моя караульная очередь продолжалась до восьми часовъ, и больше я не могу припомнить ни о чемъ, особенно замѣчательномъ, до самой смѣны.

Когда я возвратился, Перриньонъ началъ толковать мнѣ о временномъ правительствѣ, о Ламартинѣ, Араго, Дюпонъ-де-л'Ерѣ и о прочемъ. Онъ говорилъ также, что зданіе общины было въ довольно плохомъ видѣ, что отъ старыхъ стѣнъ 92-го года осталось не болѣе трехъ-четырехъ обломковъ, которыя, впрочемъ, могутъ устоять противъ какого угодно пожара. Далѣе, старикъ говорилъ, что у насъ не было недостатка ни въ камняхъ, ни въ известкѣ, но если мы станемъ мѣнять архитекторовъ, если одному изъ насъ захочется выстроить казарму, другому—церковь, третьему—фааланстеръ, то изъ всего этого ровно ничего не выйдетъ.

А я просто помиралъ отъ усталости и скоро заснулъ богатырскимъ сномъ, но все еще помню, какъ сильно боялся старикъ, чтобъ къ намъ не нахлынули гости, въ родѣ коммунистовъ или кабетистовъ съ прочей подобной имъ ватагой, которая впослѣдствіи такъ удачно исправляла должность нашихъ недруговъ. Между четвертымъ и пятымъ часомъ мнѣ опять нужно было стоять въ караулѣ. Съ разсвѣтомъ опасность миновала, и мы разбрелись во-свои-си. Я поднялся съ свою комнату, гдѣ спалъ сплошь до одиннадцати часовъ безъ просыпу.

XXX.

Нужно было видѣть, что за движеніе поднялось 25 февраля на парижскихъ улицахъ между баррикадами! Толпы народа точно выросли изъ земли, крича во все горло: побѣда! Барабаны били отбой; честные люди убѣждали гражданъ соблюдать порядокъ; двери виновныхъ лавокъ были отворены настежь; всѣ пили, поздравляя другъ друга съ завоеваніемъ реформы; къ угламъ улицъ были пришилены три или четыре прокламаціи временного правительства, въ которыхъ говорилось о камерѣ депутатовъ, общинѣ, полицейской префектурѣ.

Наша компанія—Эммануэль, Перриньонъ, Вальси и я—согласились еще прежде собраться къ десяти часамъ утра въ страсбургской пивной; но проспавши такъ долго, я не надѣялся найти когонибудь изъ нихъ въ условленномъ мѣстѣ. Мимоходомъ я уже слышалъ крики:

— Эй, берегитесь! Не позволяйте разрушать вашихъ баррикадъ...

Мѣсто народа — за баррикадами... Собирайтесь на гревскую площадь... Поглядывайте на общину... Смотрите, чтобъ съ вашей революціей не сдѣлали того, что было въ 1830 году!..

Барабаны не умолкали. Какіе-то господа неизвѣстнаго роду и племени махали саблями и кричали:

— Стройся!

Нѣкоторые слушались ихъ и рассказывали съ ружьями подъ прикладъ, отрядами въ пять, шесть и десять человѣкъ, тогда какъ начальникъ ихъ кобенился впереди, поглядывая, идутъ ли въ порядкѣ его добровольные подчиненные.

Главное было имѣть барабанъ; чуть только билъ барабанъ, люди принимались маршировать съ большимъ удовольствіемъ.

Но къ несчастью не всѣ хотѣли строиться въ порядокъ: входя въ страсбургскую пивную, я увидѣлъ такой содомъ, передъ которымъ вчерашняя суматоха въ городскомъ-отелѣ была сущимъ вздоромъ. Все вертѣлось, говорило, горланило. За параднымъ столомъ три или четыре оратора — какъ ихъ величали — произносили рѣчи; направо кто-то кричалъ о клубахъ, налѣво — о Венсенѣ, впереди — о фаланстерѣ, сзади — о гарантіяхъ, о новомъ знамени, о правахъ труда, словомъ — о чемъ хотите. Все это было такъ ново, такъ странно, что если бы они говорили по-одиночкѣ, то, конечно, ихъ можно было бы послушать изъ любопытства; но бѣда-то именно была въ томъ, что они говорили всѣ сразу, не оставиваясь.

Возлѣ каждаго изъ такихъ говоруновъ сидѣло три-четыре товарища, которые внимательно слушали эту болтовню и хотѣли залучить къ себѣ всякаго новаго посѣтителя, говоря: послушайте, послушайте, это говорить такой-то! А такой-то было лицо самое темное и никому неизвѣстное.

Мнѣ и теперь еще помнится, что когда я началъ отыскивать глазами Перриньона въ глубинѣ комнаты, одинъ изъ такихъ усердныхъ слушателей, въ бѣлой блузѣ, сказалъ мнѣ:

— Это говорить Одена!.. великій Одена! Онъ одинъ умнѣе всего конвента!..

Желая поглядѣть на этого необыкновеннаго человѣка, я обернулся и былъ схваченъ за руку другимъ господиномъ, который закричалъ:

— Эй, гражданинъ, вотъ послушайте Килльо: этотъ будетъ проинципальнѣе самого Сенъ-Жюста.

Я бы, право, подумалъ, что эти господа смѣялись надо мною, сли бы фізіономіи ихъ не были очень серьезны. Нельзя было не

замѣтить, что эти люди превозносили своихъ ораторовъ совершенно искренно. Въ ихъ глазахъ Араго, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Мари, Кремье стали куда ниже самаго ничтожнаго изъ говоруновъ пивной, которые, будто бы, также имѣли право называться руководителями народа. Повторяя эту чепуху одинъ другому въ продолженіи многихъ лѣтъ, простодушные блузники вѣрили ей отъ всего сердца и безъ всякаго злого умысла желали, чтобы другіе также ей повѣрили.

Итакъ, я глядѣлъ на все съ удивленіемъ. Въ это самое время Эммануэль, Перриньонъ и Вальси, не дождавшись меня, выходили изъ пивной. Мы отправились всѣ вмѣстѣ въ *Кабуло*. Перриньонъ былъ что-то не въ духѣ и шелъ впереди, опустивши на грудь свою тяжелую голову. Наконецъ, нѣсколько очнувшись, онъ сказалъ намъ.

— Ну, дѣтки мои, уже затѣялось скверное дѣло. То, чего я такъ боялся,—сбывается. Это сень-семонисты, кабетинцы, фурьеристы, коммунисты всякаго разбора теперь ограничиваются только болтовней: они хотятъ привлечь насъ къ себѣ ласкою. Но вѣдь всѣ они не могутъ быть одинаково правы: если мы окажемъ предпочтеніе какой нибудь одной партіи, то всѣ другіе зададутъ намъ лихую трепку; если ладить со всѣми партіями, тогда у насъ будетъ до двадцати враждебныхъ правительствъ, наконецъ, попробуй нація поддерживать временное правительство, противъ нея возстанутъ тысячи враговъ, и враговъ опасныхъ, потому что всѣ они считаютъ себя правыми. Теперь все еще спокойно: они довольны уже тѣмъ, что могутъ болтать; но не дальше какъ завтра они разозлятся, и эта злость будетъ увеличиваться до самаго дня битвы. Видалъ я эти штуки. Будемъ же поддерживать и защищать временное правительство въ немъ наше единственное спасеніе!

Вотъ что говорилъ намъ старикъ. Въ этотъ день мы, по обыкновенію, обѣдали въ харчевнѣ; потомъ я возвратился домой, желая увѣдомить мою добрую, старую тетюшку Бале о завоеваніи республики.

На слѣдующій день, между вторымъ и третьимъ часомъ я увидѣлъ, что народъ валилъ къ набережнымъ; не зная, въ чемъ дѣло, я взялъ ружье и дошелъ до Аркольскаго моста. Толпа народа съ каждой минутой становилась все гуще, такъ что по площади Нотр-Дамъ уже трудно было пробираться. Впрочемъ я успѣлъ къ тремъ часамъ дойти до общины; здѣсь я вскарабкался на груды камней, чтобы узнать, откуда происходило такое необычайное движеніе. Съ удивленіемъ глядѣлъ я на это множество головъ, штывовъ, разныхъ знаменъ, женщинъ, дѣтей и престарѣлыхъ!

По временамъ какія-то физиономіи показывались въ высшихъ окнахъ городского-отеля. Страшный, оглушительный шумъ расходился отсюда на далекое разстояніе, до набережной Дюморъ, а со стороны Дувра отдавался боить вѣтъ гдѣ-то за Новымъ-мостомъ. И сколько народу собралось здѣсь — видимо-невидимо! Всѣ точно ждали чего-то необыкновеннаго, всѣ казались спокойными, развѣ иногда тамъ и сямъ слышался республиканская «марсельеза», да женщины, жалуясь на сырую погоду, упрямивали своихъ пяти-домей. Но никто не трогался съ мѣста, всѣ глаза пристально глядѣли туда, гдѣ помѣщалось управленіе мэра.

Это продолжалось уже болѣе получаса послѣ моего прихода.

Вдругъ по всей площади пробѣжалъ шумный говоръ; гдѣнѣ утихло. До этой минуты я сидѣлъ, но теперь поднялся на вышнюю поверхъ этой плотной крыши фуражекъ, шляпъ, шляпокъ, шапекъ, увидѣлъ нѣсколькихъ господъ, въ трехцвѣтныхъ шарфахъ вокругъ поясицы, съ обнаженной головою. Онѣ спускались по парадной лѣстницѣ городского-отеля. Народъ загомонилъ вполголоса: — это Ламартинъ, Дюпонъ-де-л'Ерь, Луи-Блазь и проч. Здѣсь-то въ первый разъ мнѣ удалось видѣть членовъ нашего временнаго правительства. Дюпонъ-де-л'Ерь былъ сѣдой, какъ луна, и хилый старецъ; его вели подъ руки. Видъ этого солбеннаго, престарѣлаго чловѣка, принудившаго стоять за права народа, глубоко трогалъ сердце. Другіе, сравнительно съ нимъ, казались еще очень молодыми.

Всѣ они спустились по этой мрачной лѣстницѣ до какой-то вострады, по ступенькамъ которой взошелъ Ламартинъ. Это былъ высокій, стройный мужчина; голова его уже начинала сѣдѣть, а вокругъ его тощаго туловища былъ обвязанъ трехцвѣтный шарфъ; въ рукѣ онъ держалъ какую-то бумажу, въ которую глядѣлъ, но ничего не читалъ. За то говорилъ онъ очень много, и не смотря на шумъ толпы, я слышалъ его такъ хорошо, какъ если бы стоялъ подъ самымъ его носомъ.

«Граждане, говорилъ онъ, временное правительство республики является къ вамъ съ добрыми вѣстями. Королевство не существуетъ и замѣняется республикой. Народъ будетъ пользоваться своими политическими правами. Теперь уже открыты національныя мастерскія для безмѣстныхъ рабочихъ. Армія реформируется. Национальная гвардія неразрывно соединяется съ народомъ, чтобы возстановить порядокъ той же рукой, которая завоевала свободу.

«Наконецъ, граждане, временное правительство лично хотѣло извѣстить васъ о послѣднемъ декретѣ, постановленномъ и подписан-

номъ въ настоящемъ памятномъ засѣданіи: смертная казнь за политическія преступленія—отмѣняется. Это самый благородный декретъ, господа, который когда бы то ни было могъ бытъ поставленъ народомъ послѣ его побѣды. Въ немъ видѣнь характеръ французской націи, который вырывается невольнымъ крикомъ свободы изъ души правительства. Мы сообщаемъ этотъ декретъ вамъ и думаемъ, что самая заслуженная слава народа заключается въ его собственномъ великодушіи!»

Все это Ламартинъ произнесъ прекраснымъ, сильнымъ и звучнымъ голосомъ, который расходился по площади на такое далекое разстояніе, на которомъ только можетъ быть слышенъ голосъ челоука. Когда онъ окончилъ, народъ закричалъ со всѣхъ сторонъ и изо всѣхъ силъ: вивать республика! вивать Ламартинъ! вивать временное правительство! Эти крики, поднимаясь до самаго неба, отдавались по набережнымъ, на площади, въ улицахъ, какъ глухіе перебаты грома.

Никто и не воображалъ тогда, что республика должна была рухнуть! Всѣ считали ее такою сильною и вѣчною, какъ самая правда. Но Богъ судилъ иначе! Быть можетъ, мы сами еще не были достойны свободы!

Все это происходило 25 или 26 февраля — навѣрное не помню, но увѣряю, что эти происшествія я видѣлъ собственными глазами.

Теперь нужно было бы поразсказать объ іюньской битвѣ, въ тысячу разъ болѣе ужасной, чѣмъ самый бой при Ватерло, потому что французы дрались тогда съ французами, и побѣда каждой изъ двухъ сторонъ должна была одѣть въ трауръ наше отечество.

Но страшную исторію я откладываю до другого времени, чтобъ каждому дать время хорошенько обдумать мой настоящій разсказъ; да притомъ мнѣ и самому нужно собраться съ воспоминаніями.

(Окончаніе.)

ТРИ СЕМЬИ.

(Окончаніе).

ХП.

МИКУЛИНЪ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА ПРОИГРАННОЕ ПОЛЕ БИТВЫ.

Ольга Ивановна Харитоновна скучала попрежнему. Хотя ея возвышенныя чувства глубокой преданности, благодарности и желанія посвятить всю свою молодую жизнь счастію мужа,— были чувствами искренними, однако она не знала и не могла придумать, какъ приложить эти чувства въ жизни, и въ какой дѣятельности выразить ихъ. Вокругъ молодой женщины шла жизнь до того немудрая, до того пустая, что въ виду ея оставалось только затаить въ себѣ всѣ энергическія стремленія, лечь на мягкій диванъ или сѣсть у окна, да слушать какъ кудахтаютъ на дворѣ куры, хрюкаютъ на улицѣ поросята, пыхтять чубукъ во рту капитана и вздыхаютъ сонныя собаки. Не послышится въ этой окружающей жизни ни одного живого слова, не увидится ни одного увлекающаго дѣйствія, отъ котораго затрепетала бы каждая жилва, вздрогнуло бы проснувшееся тѣло, заволновались, закипѣли мысли и подняли бы за собой замирающую энергію, жажду жизни и всѣ человѣческія свѣтлыя чувства. Изрѣдка развѣ промелькнетъ какая нибудь изуродованная вѣсть объ убійствѣ мѣщанина Зиновьева его женою, вызоветъ эта вѣсть страшныя, трагическія картины, и подымутся подъ ихъ впечатлѣніемъ мучительныя думы, состраданіе, желаніе поглубже заглянуть въ какую-то иную, невѣдомую жизнь, которая кипитъ гдѣ-то недалеко и спазывается въ убійствахъ, пожарахъ, грабежахъ—и затѣмъ все опять успокоивается.

Закатывается лѣтнее солнце, темнѣетъ небо, темнѣютъ улицы, замолкаетъ городской шумъ, и чувство одиночества охватываетъ молодую женщину. Тяжело ей, какъ будто заперта она въ душную тюрьму, удалена отъ жизни и свѣта, отъ движенія и воздуха; грустно ей, какъ будто умираетъ она, и нѣтъ у ней впереди ни надеждъ, ни радостей, ни цѣлей, ни мечтаній, а есть только мертвое молчаніе, и какая-то глупая пустота.

И дѣйствительно, нѣтъ у ней ни надеждъ, ни цѣлей, ни радостей; и дѣйствительно, пустота царитъ въ ея добродѣтельной, семейной жизни. Прошедшая зима была тяжелымъ испытаніемъ для этой добродѣтельной жизни, потому что молодая женщина, вслѣдствіе своей исторіи съ Микулинымъ, не считала возможнымъ показываться въ клубъ или въ знакомыхъ ей семействахъ и почти безвыходно жила въ унылыхъ комнатахъ своего мужа. Ухаживала она за мужемъ, распорядилась по хозяйству, усердно ходила въ монастырь къ обѣднѣ и ко всенощной, вышивала въ пальцахъ, дѣятельно сосредоточивая всѣ свои мысли на узорчивахъ, цвѣточкахъ и прочихъ изяществахъ, но не смотря на это добросовѣстное сдерживаніе своихъ мыслей, онѣ все-таки вырывались изъ предназначенной имъ колеи, горько осмѣивали всѣ эти глупыя туфельки, башмаки для часовъ, подушечки, слетни, заботы о приготовленіи обѣда — и необузданно уносились въ какую-то туманную даль, въ которой рисовалась какая-то иная жизнь, болѣе прекрасная, болѣе дѣятельная, шумная и полная романтическими героями... Въ церковь ли шла молодая женщина, спасаясь отъ гнетущей ее скуки, — и въ церкви, подъ обаяніемъ свѣта, толпы народа и стройнаго пѣнія, улетала ея мысль въ какую-то иную жизнь, звала ее, рисовала ей сцены, полныя свѣта, дѣятельности, любви, радостей, и иногда вызывала горькую слезу на прикрытыя вуалемъ глаза Ольги Ивановны.

Ранней весной, въ одну изъ этихъ горькихъ минутъ, проживаемыхъ подъ вліяніемъ церковнаго пѣнія, молодая женщина вдругъ вздрогнула и почувствовала какъ горячая кровь прилила къ ея лицу. Она увидѣла Микулина... Съ тихою дрожью отвернула она свое лицо въ другую сторону, а черезъ минуту опять взглянула на этого молодого джентльмена. Да, это былъ онъ...

Скрещенныя на груди руки, красивое блѣдное лицо, длин-

ние волнистые волосы, заброшенные назадъ, большіе съ театральнo-меланхолическимъ выраженіемъ глаза и кокетливо повязанный галстукъ... Да, это былъ онъ, господинъ Микудинъ, и театральнo-грустные глаза его покоились на вуалѣ бывшей дѣвицы Березовой... Ольга Ивановна посмотрѣла на него изъ подъ своихъ длинныхъ рѣсницъ, потомъ опустила глаза и почувствовала, что ея бѣдная голова идетъ кругомъ, а мысли путаются. Тихо повернулась она и вышла изъ церкви. Тяжело захлопнулась за нею огромная дверь, повѣяло на нее холодомъ, захрустѣлъ снѣгъ подъ ногами, а она съ горящимъ лицомъ и опущенной горячей головой машинально шла къ санямъ.

Завизжалъ снѣгъ подъ половьями, забѣлѣлось по сторонамъ поле, лежащее между монастыремъ и городомъ, — и не слыша и не видя ничего, неподвижно сидѣла молодая женщина, опустивъ свою бѣдную голову. Вспоминалось ей другое время, другой другъ, отъ одного привоенненія къ которому огонь пробѣгалъ по ея тѣлу, въ присутствіи котораго вѣрилось ей въ счастье, вѣрилось въ то, что хорошо можно прожить на свѣтѣ, что въ жизни много есть радостей. Вспоминались ей эти свѣтлыя надежды, и горе взяло ее при мысли, что этотъ самый, горячо любимый ею, джентльменъ, на котораго возлагались такія великія надежды, которому отдала она все, что могла отдать, — бросилъ ее именно въ ту минуту, когда больше всего нужна была его помощь.

— И зачѣмъ онъ опять встрѣчается мнѣ? Зачѣмъ онъ на меня смотреть? Чего ему нужно отъ меня? горько думала она, вспоминая это тяжелое оскорбленіе... Неужели онъ до сихъ поръ любить меня? Да развѣ онъ любилъ меня когда нибудь? Развѣ такъ любить? развѣ это любовь?..

Слеза снатилаь по ея щенѣ.

Сани остановились, кучеръ отстегнулъ полость, а Ольга Ивановна сидѣла, точно заснувшая подъ однообразный визгъ половьевъ. Вздогнула она, когда услышала голоса, порывисто встала, и машинально вошла въ комнаты...

Мужа не было дома.

Задумчиво раздѣлась она, сѣла на диванъ и опять понеслась ея мысль прочь отъ этихъ унылыхъ апартаментовъ, отъ этихъ тусклыхъ, подушевъ, сілетенъ, отъ этой сонной жизни и потло-

щающей скуки. Опять видѣлась ей та тѣсная комнатка съ портретомъ вдохновеннаго учителя на стѣнѣ, въ которой впервые текли ея томительныя и грустныя, и счастливыя дѣвическія слезы и, странное дѣло,—вспыхнули опять ея молодыя слезы, заблестѣли глаза, жарво зарумянились щеки и потекли слезы,—слезы не раскаянія въ своемъ прошломъ паденіи, а горькія слезы о пустотѣ настоящей жизни.

— Блѣдень, худъ,—уже съ глубокимъ сочувствіемъ думала она о Микулинѣ... Какъ онъ грустно смотритъ... Можетъ быть, ему живется не лучше моего.

И опять пробудились было нѣжныя и тревожныя мечты о жизни съ прекраснымъ Микулинымъ...

— Нѣтъ! — Между мной и имъ все кончено, рѣшаетъ она въ концѣ концовъ и намѣревается добросовѣстно ласкаться къ своему капитану.

Проходить недѣля, проходитъ другая,—Ольга Ивановна вѣриво держится своего намѣренія и не показывается въ монастырскую церковь, хотя нужно сказать, что невыносимая скука семейной жизни сильно толкаетъ ее туда. На третью недѣлю она не выдержала и поѣхала, и опять закружилась ея бѣдная голова подъ упорнымъ, меланхолическимъ взглядомъ Микулина, стоявшаго на томъ же мѣстѣ, и съ тѣмъ же безнадежно-грустнымъ выраженіемъ лица.

Любила ли еще Ольга Ивановна этого интереснаго Микулина, или она обмѣнивалась съ нимъ томительными взглядами потому только, что отъ скуки готова была броситься въ первую интересную исторію—этого я не берусь рѣшить, такъ какъ женщины милаго стараго времени, по общему выраженію ихъ писателей, руководствовались больше чувствомъ, нежели умомъ. Вслѣдствіе этого очень легко могло случиться, что Ольга Ивановна, дѣйствуя по разуму, находила своего Микулина низкимъ человѣкомъ, обманувшимъ и оскорбившимъ ее, а дѣйствуя по чувству, считала его достойнымъ всякой любви и сочувствія. Очень можетъ быть также и то, что эти милыя женщины до того привыкли ко всевозможнымъ оскорбленіямъ со стороны своихъ отцовъ, мужей и любовниковъ, что смотрятъ на эти непріятныя вещи, какъ на нѣчто весьма извѣстное.

Имѣя въ виду эту способность моей героини, презирать

человѣка и въ то же самое время любить его, я заночу на страницы моей повѣсти тотъ фактъ, что обмѣнъ взглядовъ съ интереснымъ Микулинымъ очень нравился Ольгѣ Ивановнѣ.

Одинъ разъ Микулина не было въ церкви...

Грустно вышла Ольга Ивановна, не достоявъ всеюночной, и тихо пошла по монастырскому кладбищу къ воротамъ. Былъ уже апрѣль. Снѣгъ давно стаялъ, выбивалась молодая трава, воздухъ былъ чистъ, тепелъ и свѣжъ, стояла въ немъ весенняя глубокая тишина, и подъ вліяніемъ этой весенней свѣжести неудержимо поднимались въ молодой женщинѣ томительныя и сладкія мечты и о любви, и о счастья, и о какой-то другой жизни...

— Ольга Ивановна! раздался подлѣ нея тихій и меланхолическій голосъ...

Молодая женщина вздрогнула и отшатнулась: она узнала и этотъ театрально-торжественный голосъ, и эту театрально-изящную фигуру, стоявшую передъ ней безъ фуражки, съ развѣвающимися длинными волосами.

— Чего вы хотите отъ меня? спросила Ольга Ивановна дрожащимъ голосомъ...

— Я даже не смѣю стоять передъ вами съ покрытой головой,—сказалъ вмѣсто отвѣта Микулинъ.

— Чего же вы хотите отъ меня? повторила она.

— Я хочу высказать вамъ мою душу, гордо отвѣтилъ Микулинъ.

Молодая женщина молча, съ замирающимъ сердцемъ, остановилась передъ нимъ.

— Прощайте, сказала она наконецъ, какъ будто опомнившись, и протянула ему руку.

— О, нѣтъ, нѣтъ! тихо вскричалъ Микулинъ, схватывая и цѣлуя ея руку.— Не уходите, дайте мнѣ выговорить.

— Я васъ прощаю; сказала Ольга Ивановна, и, вырвавъ у него руку, быстро пошла къ воротамъ.

И вотъ, пришло лѣто... Стоить вечеръ; уже полчаса какъ закатилось солнце, и темень быстро ложится на рѣву и холмистое поле, лежащее между тремя кладбищами — русскимъ, татарскимъ и еврейскимъ. По этому холмистому полю отъ еврейскаго кладбища и до рѣки тихо ходятъ взадъ и впередъ

три фигуры. Двѣ фигуры—женскія, а третья—мужская. Мужчина этотъ—непризнанный ни людьми ни богомъ—длинный, интересный Микулинъ, а женщины—капитанша Харитоновна, т. е. бывшая дѣвица Беревова, и дочь ея хозяйки, меланхолическое дитя природы, начитавшееся, по рекомендаціи Ольги Ивановны, переводныхъ французскихъ романовъ.

— Что же вы хотите мнѣ передать?..

Этимъ начала капитанша свое объясненіе.

Микулинъ надѣлъ фуражку, вздохнулъ, скрестивъ на груди руки и, опустивъ голову, тихо пошелъ подлѣ молодой женщины...

— Что я хотѣлъ вамъ передать! — глухо повторилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Да.

— Вотъ что я хотѣлъ вамъ передать, — заговорилъ Микулинъ. Видите ли вы эту рѣву? спросилъ онъ мрачно, не поднимая головы и указывая на гладкія воды близкой рѣки.

— Вижу...

— Да, вы ее видите, продолжалъ вдохновенный Микулинъ, она холодна, совершенно спокойна, дышитъ миромъ; а можетъ быть, на днѣ ея лежить не одинъ трупъ, можетъ быть ея волны скрыли не одно кровавое дѣло...

Микулинъ поднялъ голову и взглянулъ въ лицо Ольги Ивановны. Она опустила глаза.

— Что вы хотите этимъ сказать? тихо спросила она.

— Я, хочу этимъ сказать, что можетъ быть душа моя имѣетъ большое сходство съ этой рѣвой... Я живу, какъ всѣ живутъ: хожу, ѣмъ, бываю въ обществѣ, — однимъ словомъ, я совершенно спокоенъ, а можетъ быть, въ глубинѣ души моей, какъ на днѣ глубокой рѣки, скрыта страшная драма; можетъ быть въ глубинѣ ея каждый день, каждый часъ поднимаются ядовитыя мысли, терзающія и подтачивающія мою жизнь...

— Какія мысли васъ мучатъ? спросила Ольга Ивановна, остановившись на берегу рѣки.

— И вы спрашиваете объ этомъ? воскликнулъ Микулинъ.

Молодая женщина молча смотрѣла на рѣву и на качающіеся надъ ея поверхностью камыши.

— И вы будто не знаете? говорилъ Микулинъ. Меня му-

читать, меня грызетъ «змѣя воспоминаній» — амѣя воспоминаній о бывшемъ въ моихъ рукахъ, и потерянномъ счастьѣ...

Ольга Ивановна тихо задрожала и подняла свои рѣсницы.

— Вы говорите о нашихъ бывшихъ отношеніяхъ? спросила она дрожащимъ голосомъ.

— У меня только это счастье и было.

— И вы говорите это? спрашивала молодая женщина со слезами на глазахъ. И вы говорите, что это было ваше единственное счастье? Зачѣмъ же вы не удержали его, зачѣмъ вы не противились, когда мой отецъ и мать отнимали меня у васъ? Гдѣ вы были, когда они меня мучили, терзали, когда я плакала, звала васъ, надѣялась на васъ?..

Кипѣла кровь молодой женщины, блестѣли ея глаза, дрожала голова, и слышалось въ немъ изретенное и глубокое чувство.

— Вы меня простили, тихо замѣтилъ покорный и робкій Микулинъ.

— Но чего же вы еще хотите? спросила Ольга Ивановна, и голосъ ея разомъ упалъ.

Микулинъ опустилъ голову.

— Ольга Ивановна, заговорилъ онъ покорно. Я дѣйствительно поступилъ тогда подло...

Молодая женщина внимательно посмотрѣла на эту покорную фигуру, поникнувшую головою, и сочувственно слушала его умоляющій, робкій голосъ...

— Я поступилъ подло, тихо продолжалъ Микулинъ; — молодъ-ли, слабъ-ли еще былъ я въ то время, но я поступалъ скверно, и это составляетъ теперь мое величайшее мученіе; это отравляетъ всѣ мои мысли, потому что я никогда не переставалъ любить васъ; а теперь люблю еще больше прежнего...

Наступило молчаніе, на небѣ загорѣлись звѣзды, холоднѣе становился вѣтеръ, колебавшій рѣчные камыши.

— Пора домой, сказала Ольга Ивановна.

Покорный Микулинъ глубоко вздохнулъ и не сказалъ ни слова.

— Вы спрашиваете—чего я хочу, заговорилъ онъ опять, идя подлѣ молодой женщины. Я хочу того только, чтобы вы знали, что недалеко отъ васъ есть человекъ, горячо васъ лю-

бящій; человекъ, на котораго вы всегда можете рассчитывать, потому что онъ готовъ идти ради васъ даже на вѣрную смерть.

Ольга Ивановна молчала...

— Еще мнѣ хотѣлось бы знать, продолжалъ Микулинъ, хорошо ли вамъ живется въ вашей новой жизни? Счастливы ли вы?

Ольга Ивановна опустила голову.

— Къ чему это вамъ? спросила она чуть слышно.

— Затѣмъ, что мнѣ дорого ваше счастье.

— Вы хотите знать правду?..

— А развѣ вы можете обмануть меня?..

— Ну, такъ знайте... Я далеко не счастлива, отвѣчала Ольга Ивановна, подавляя слезы.

Микулинъ вздохнулъ.

— Могу я чѣмъ нибудь помочь вамъ?.. спросилъ онъ печально.

— Нѣтъ...

Она остановилась передъ высокими плитами еврейскаго кладбища.

— Теперь... прощайте!..

— Увидимся мы когда нибудь? спросилъ Микулинъ.

— Зачѣмъ? грустно отвѣтила Ольга Ивановна.

Микулинъ не сказалъ ни слова.

— Можетъ быть, закончила Ольга Ивановна, крѣпко пожавъ ему руку; она сама вся вспыхнула отъ этого пожатья, и торопливо пошла прочь.

А интересный джегтьльменъ сѣлъ на могилку подъ прикрытiемъ высокой плиты, закурилъ папиросу и, восхищаясь своимъ умѣньемъ вести любовныя дѣла, замечтался о плечахъ пополнѣвшей и похорошѣвшей капитанши. Веселая улыбка долго не сходила съ его лица.

XIII.

СОВѢЩАНІЕ ДОКТОРОВЪ.

Совѣщаніе докторовъ происходило по дѣлу о разслѣдованіи убійства мѣщанина Зиновьева и поджога его дома.

Совѣщались три доктора: Корчагинъ, Березовъ и уѣздный лекарь.

Корчагинъ, заложивъ за спину руки, ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, лекарь военнаго госпиталя, Березовъ, и лекарь уѣздный—сидѣли около стола, тихо разговаривая и по временамъ насмѣшливо посматривая на Корчагина.

— Къ чему же вы пришли относительно этого дѣла? спрашивалъ Березова жолтый и истасканный уѣздный лекарь.

— Держусь стараго мнѣнія, довольно громко отвѣтилъ Березовъ. Убѣжденъ, что никакого другого рѣшенія не придумаешь, прибавилъ онъ и искоса взглянулъ на Корчагина. Корчагинъ не пошевелилъ ни однимъ мускуломъ и продолжалъ ходить.

— Развратная жизнь?.. вопросительно замѣтилъ уѣздный лекарь, и лицо его подернулось какимъ-то маслянистымъ отѣнкомъ.

— Одинъ развратъ, батенька, убѣдительно повторилъ папаша Ольги Ивановны и тихонько толкнулъ локтемъ уѣзднаго лекаря, обращая его вниманіе на горькую и презрительную улыбку, мелькнувшую на лицѣ Корчагина.

Молча подошелъ онъ къ столу, облокотился на него и внимательно началъ перечитывать черновой актъ, составленный Березовымъ. Сотоварищи его тихо разговаривали между собою.

— Вы вѣроятно ошиблись, господа? прервалъ ихъ рѣзкій голосъ Корчагина.

— Что такое?

— На счетъ пульса.

— Что же на счетъ пульса ошибочнаго? спросилъ Березовъ.

— Пульсъ нормальный, число ударовъ восемьдесятъ пять въ минуту, прочиталъ Корчагинъ.

— Ну-съ.

— Развѣ пульсъ нормальный?—Развѣ восемьдесятъ пять?

— По моему мнѣнію, такъ.

— По вашему мнѣнію!... Да развѣ мы дѣти, господа? развѣ мы школьники? Вы можете думать, что причина убійства заключается въ развратности этой женщины, а я могу не соглашаться съ вами,—это понятно. Но пульсація — фактъ осязаемый, и на немъ можетъ уличить насъ даже сторожъ.

— По вашему сколько же?—сухо спросилъ Березовъ.

— По моему слово ста въ минуту.

— Такъ и запишите, — нагло отвѣтилъ Березовъ и повернулся къ своему собесѣднику.

— Такъ вы говорите..... началъ онъ.

— Я говорю, что она женщина молодая, красивая, а мужъ постоянно находился въ отлучкѣ по дѣламъ торговли, — продолжалъ лекарь.

— Ну и совершенно понятно, — замѣтилъ подсмѣиваясь Березовъ. Одиночество насвучило....

Уѣздный лекарь весело засмѣялся.

Но вотъ дверь отворилась и въ комнату въ сопровожденіи солдата вошла блѣдная и худая Катерина Зимовыха. За нею показался угрюмый судебный слѣдователь и молча поклонился лекарямъ.

— Господа, заговорилъ онъ, я нашелъ нужнымъ сказать этой женщинѣ, что казавъ Стойко только что умеръ и поэтому она можетъ давать свои объясненія обстоятельнѣе, не опасаясь повредить ему.

— Я былъ въ госпиталѣ сегодня утромъ... началъ было Березовъ въ недоумѣніи.

— А я былъ сейчасъ. Онъ умеръ, прервалъ его судебный слѣдователь.

Безстрастна и холодна была, какъ будто изнемогшая и онемѣвшая Катерина; только глаза ея дико блестящи изъ подъ задумчиво опущенныхъ рѣсницъ.

— Повторите еще разъ, какъ это случилось такое дѣло, мягко и сочувственно обратился къ ней Корчагинъ, послѣ небольшого молчанія.

— Да я ужъ все, кажись, рассказывала вамъ, отвѣтила Катерина спокойно и кротко.

— Намъ нужно-бы слышать другой разъ.....

— Не записали видно — забыли? замѣтила она спокойно, посмотрѣла на бумаги и опять опустила глаза...

Березовъ, какъ человѣкъ уже рѣшившій эту задачу, велъ себя въ качествѣ зрителя и только подсмѣивался; уѣздный лекарь зѣвалъ и почесывалъ затылокъ; но Корчагинъ и невозмутимо безстрастный судебный слѣдователь слушали подсудимую женщину съ напряженнымъ вниманіемъ, и полное сочувствіе свѣтилось въ ихъ глазахъ.

— Должно быть, что мнѣ на роду ужь было написано совершить это дѣло, говорила Катерина съ полнымъ сповоидствіемъ, какъ будто рассказывая о совершенно постороннемъ для нея человѣкѣ. Ужь съ самаго перваго начала, какъ я вышла замужъ, ничего-то хорошаго не было у насъ въ семьѣ. Мужъ былъ неласковой, злой; всю черную работу на меня наваливалъ, и докнуть мнѣ некогда было.. Мать моя сначала торговала въ лавкѣ, да и меня тоже въ этому дѣлу приучала. По правдѣ сказать, я очень ужь полюбила при лавкѣ находиться. Мужъ мой купецъ былъ, торговалъ,—тажъ я думала что лучше и не нужно ничего. Сказала я мужу разъ—молчать, сказала другой.....

— Что сказала? спросилъ Корчагинъ.

— А что я торговать привычна, отвѣтила Катерина, поднявъ на него свои блестящіе глаза.

— Сказала ему это, продолжала она, немного подумавъ, не разъ сказала... а отъ него только и отвѣту было, что обида: «гулять, говорить, ты хочешь, да ничего не дѣлать. У меня, говоритъ, ты работница». Стало мнѣ обидно, что не только своему дому не хозяйка, да и женой не считаюсь... Сильно я тосковала въ то время... Сережа, сынъ, у меня тогда родился; ну и стало на первое время полегче; а все-таки нѣтъ-нѣтъ, да и нападетъ такая лютая тоска, что точно ты не въ семьѣ живешь; а живецъ въ дѣсу какомъ или въ пустынкѣ, точно ни одной души живой около тебя нѣту. Такъ-то два года прошло. Стали до меня слухи доходить, что мужъ мой любовницъ заводитъ на сторонѣ. Еще горче мнѣ сдѣлалось, да и злоба на меня стала находить.....

Катерина остановилась и задумалась...

Судьи ждали. Она все думала.

— А они сначала большими пріятелями были... Большими были пріятелями, также сповоидно заговорила она наконецъ.

Корчагинъ невольно приподнялся и озирнулъ взглядомъ присутствующихъ, приглашая ихъ замѣтить это мѣсто. Березовъ усмѣхнулся.

— Кто? спросилъ Корчагинъ.

— А мужъ-то мой съ Стойкомъ, сповоидно отвѣтила Катерина.

— Ты развѣ сказала уже?

— А как же... сказала... Были они друзьями... По правдѣ истинной сказать, я и не сошлась бы съ нимъ, кабы да онъ не хотѣлъ на Кубань переселиться... Не хотѣлось мнѣ этого, потому что очень ужъ тяжело мнѣ было одной оставаться... Хотѣли мы съ нимъ бѣжать отсюда — хозяйствомъ завестись, торговать, да и Серезу съ собой взять, говорила Катерина, поднявъ свои блестящіе глаза, и опять замолчала.

Ясная и свѣтлая улыбка, вызванная счастливыми воспоминаніями, играла на ея лицѣ. Видно было, что проносятся въ ея воображеніи картины счастья, любви и радостей...

— Ну и сталъ онъ меня бить, заговорила она опять съ своимъ грустнымъ спокойствіемъ.

— Кто? прервалъ Корчагинъ.

— Да мужъ-то... И терпѣла-то я, и ваялась-то ему — ничего не помогло. — Не вытерпѣла я подѣ конецъ, ножъ взяла, да и говорю — «не тронь ты меня, а то я тебя убью»... Тутъ пришолъ Стойко... обрадовалась я ему... А онъ и зарѣзалъ его... Подождли мы вмѣстѣ избу, а потомъ лошадь разбила Стойко... Видимо рука божья легла на насъ...

Кончила Катерина и спокойно смотрѣла на окружающихъ.

— Да ты не сьумасшедшая? спросилъ вдругъ Березовъ.

— Что вы, богъ съ вами! отвѣтила Катерина, видимо обидѣвшись. Никогда я, слава богу, не бывала такой...

— Извините, тихо прервалъ судебный слѣдователь Березова, хотѣвшаго было продолжать разпросы. Вы указываете ей средство притвориться.

Березовъ закусилъ губу.

— Все? — коротко спросилъ слѣдователь.

— Все.

Катерину вывели.

— Я повторяю мое прежнее мнѣніе, что умъ ея разстроенъ, сказалъ Корчагинъ.

— А я убѣжденъ, что ея двигаль развратъ, возразилъ Березовъ.

— И я также думаю, подтвердилъ уѣздный леварь.

— Вы, господа, не хотите обратить вниманіе на то, что она на каждомъ шагѣ смѣшиваетъ свои мысли съ своими сло-

вами, то есть полагаетъ уже высказаннымъ то, что она только думала? спросилъ Корчагинъ.

— Это неважное обстоятельство, отвѣтилъ Березовъ.

— Неважное?

— Во всякомъ случаѣ недостаточное.

— Вы даже не считаете необыкновеннымъ ея сповойствие въ такомъ положеніи?

— Притворство.

— Притворство до такой степени глубокое, что она не старается даже оправдываться, а просто рассказываетъ свои воспоминанія, не упоминая ни слова о томъ на примѣръ, что ея спина до сихъ поръ представляетъ ободранное мясо?

— Очень ловкое притворство.

— Да въ чемъ же наконецъ она притворяется? спросилъ блѣдный Корчагинъ.

— Кажется сумасшедшей...

— И съ такой гордостью, съ такимъ обиженнымъ видомъ она отвѣтила на вашъ вопросъ! вскричалъ Корчагинъ.

Березовъ пожалъ плечами.

— Вы не считаете наконецъ убѣдительнымъ того факта, что въ ночь послѣ этого убійства, пожара и гибели казака она пришла къ своей сестрѣ и объявила, что хочетъ «сидти на богомолье». Ее спросили «когда?» — А она отвѣчала, что «какъ только отдохнетъ немного» и легла спать. — Мало вамъ этого?

— Недостаточно...

У Корчагина судорожно подергивались губы.

— Такъ въ острогъ ее? спросилъ онъ глухо.

— Ну, конечно, разомъ отвѣтили и Березовъ и уѣздный лекарь.

Корчагинъ поднялся и началъ медленно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я могу сообщить вамъ, господа, еще одинъ фактъ, замѣтилъ безстрастный судебный слѣдователь. Я говорилъ уже вамъ, что по дорогѣ сказалъ этой женщинѣ о смерти ея любовника... Это извѣстіе, конечно, должно бы опечалить ее...

— А она оставалась спокойной? прервалъ Корчагинъ.

— Она сказала только, прости его господи, перекрестилась

и, осязаясь вполне спокойной, заговорила о томъ, что теп-
лое этогъ годъ лѣто,—травы должно быть много и т. и.

— Меланхолія, какъ будто про себя сказала Корчагинъ,
продолжая ходить.

Задумчиво отворилъ онъ окно, выходящее въ садикъ, при-
слонился къ ражѣ и глубоко задумался. Березовъ и уѣздный
лекаръ, соскучившись продолжать свои пренія, благодушно
разговаривали между собою о разныхъ городскихъ новостяхъ,
подеживались и хихикали, и наконецъ стали вполголоса читать
какое-то письмо, очевидно, спорнаго содержанія, потому
что плутоватыя глазки уѣзднаго лекаря скоро приняли масля-
ное выраженіе. Корчагинъ съискоса взглянулъ на нихъ и не-
чально опустилъ голову.

— А вы, кажется, проиграете, тихо замѣтилъ подошед-
шій къ нему судебный слѣдователь...

— Кажется.

— Вы не откажетесь отъ своего мнѣнія?

— Разумѣется нѣтъ... Напишу особый актъ.

— Въ такомъ случаѣ, вѣроятно, это дѣло переслѣдуютъ.

— Можетъ быть... И, вѣроятно, меня найдутъ неправымъ.

— Почему?

— Потому что подобныя вещи гораздо легче объяснить по-
врежденіемъ нравственности, нежели поврежденіемъ мозга.

— Мой голосъ всегда на вашей сторонѣ — прошу васъ
быть со мной знакомымъ, тихо сказалъ судебный слѣдователь
и пожалъ руку Корчагина.

Корчагинъ подумалъ, подошелъ къ своимъ собратьямъ, по-
двинулъ кресло и сѣлъ противъ нихъ.

— Итакъ, господа, заговорилъ онъ спокойно, съ едва за-
мѣтнымъ отгѣнкомъ горечи, вы положительно отвергаете мое
мнѣніе?

— Что дѣлать, любезный Collega, благодушно отвѣтилъ Бе-
резовъ. Душевно были бы рады покончить это дѣло согла-
сно и дружелюбно, да душа не терпитъ.

— По совѣсти, не можемъ съ вами согласиться, пояснилъ
уѣздный лекаръ.

— То есть, вы не можете согласиться съ тѣмъ, что ум-
ственными способностями этой несчастной женщины сильно раз-

строены всѣми пытками, которыя она вынесла... А я убѣжденъ, что нравственной борьбы, которую она должна была вытерпѣть, было слишкомъ достаточно, чтобы пошатнуть ея сѣдлый, неразвитый умъ; я говорю, что убѣжденъ въ этомъ, но готовъ, пожалуй, отбросить это обстоятельство въ сторону... Попробуйте рѣшить вопросъ о виновности нашей пациентки помимо состоянія ея разсудка... Вы знаете, что если мы обвинимъ ее, то для нея предстоитъ слишкомъ горькая участь...

— По дѣломъ вору и мука, замѣтилъ Березовъ.

— Наша задача въ томъ и состоитъ, чтобы опредѣлить воръ-ли она, горячо и убѣдительно говорилъ Корчагинъ... Припомните господа, что наука, которой мы служимъ, вообще сильно сомнѣвается въ существованіи на бѣломъ свѣтѣ преступниковъ и видитъ только очень несчастныхъ людей; извращенныхъ обществомъ, среди котораго они живутъ. Припомните, господа, эту гуманную мысль и не торопитесь подписывать приговоръ. Наука очень ясно говоритъ (я увѣренъ, что вы глубоко сочувствуете этой мысли), что если человекъ воруетъ, то не потому воруетъ, чтобы онъ былъ насвободъ прожитанъ развратомъ, а большею частью потому, что ему ѣсть нечего и работы нѣтъ, и т. д.

— Мы это знаемъ, сухо прервалъ его Березовъ.

— И конечно сочувствуете этой гуманной мысли?

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ примѣните же это человѣческое ученіе къ настоящему случаю.—Имѣете вы какіе нибудь факты, порочащіе дѣвичество этой женщины?

— Нѣтъ, отвѣтили оба лекаря.

— Я имѣю свидѣтелей, которые могутъ завѣрить васъ, что она была честная и работающая дѣвушка... Затѣмъ можете ли вы сказать, что обращеніе съ нею ея мужа было очень хорошимъ обращеніемъ, достойнымъ любви женщины.

— Обращеніе, обмкновенное въ простомъ народѣ, сказалъ уѣздный лекарь.

— Можетъ быть, что и обыкновенное, возразилъ Корчагинъ, но во всякомъ случаѣ вы должны согласиться, что постоянные побои и оскорбленія не могутъ возбудить любви?

Лекаря молчали.

— Такъ или нѣтъ? спросилъ Корчагинъ.

— Не могутъ, не хотя согласился Березовъ.

— Итакъ, вы видите, что въ семейномъ раздорѣ и несогласіи виновата вовсе не эта бѣдная женщина... Пойдемте дальше. Мы нашли уже, что начало ожесточенія въ нашей пациенткѣ положилъ ея мужъ.—Теперь посмотримъ подѣ какимъ вліяніемъ это ожесточеніе разрослось до того, что сказалось наконецъ въ убійствѣ и поджогѣ. Вы согласны со мной, что если мужъ, имѣющій нѣсколько любовницъ, вздумаетъ бить свою жену за то, что она полюбила другого, то женѣ это покажется страшною несправедливостью, звѣрствомъ и легко можетъ возбудить въ ней дикую ненависть къ мужу?

— Ну, конечно, нетерпѣливо отвѣтилъ Березовъ.

— Итакъ, мужъ Зиновыхи обращеніемъ своимъ вызвалъ въ своей женѣ дивую ненависть, продолжалъ Корчагинъ... Теперь можете ли вы спорить противъ того, что звѣрскія истязанія могутъ довести человѣка до слѣпота отчаянія?

— Ну, могутъ...

Березовъ угрюмо кивнулъ головой.

— И наконецъ, вы конечно ничего не скажете противъ того, что ненависть и слѣпое отчаяніе легко могутъ перейти къ дѣлу.

Березовъ всталъ. Вся аргументація Корчагина легко отскочила отъ его звонкаго, мѣднаго лба.

— Если мы будемъ поступать по вашимъ убѣжденіямъ, сказалъ онъ громко, то насъ съ вами не сегодня завтра зарѣжутъ въ постели. Всѣмъ этимъ негодьямъ нужны строгіе примѣры, и потому я признаю эту бабу преступницей, вполне заслужившей вѣуть...

— Вы не имѣете права этого сдѣлать, насмѣшливо сказалъ Корчагинъ.

— Какъ! вскрывать отецъ семейства.

— Такъ, горько смѣясь, отвѣтилъ Корчагинъ. Вы согласились со мной, что мужъ этой женщины возбуждалъ въ ней недовольство, что онъ же довелъ ее до ненависти, до отчаянія и до убійства: значитъ вы согласились, что виновата она, а не эта женщина. Зачѣмъ же вы дѣствуете противъ своего убѣжденія?

Березовъ смотрѣлъ на него, вытаращивъ свои мутные глаза.

— Этого никогда не будет! вскричалъ онъ наконецъ.

Корчагинъ засмѣялся, надѣлъ фуражку и вышелъ вонъ.

— Вечеромъ я пришлю вамъ актъ! закричалъ ему изъ окна Березовъ.

Корчагинъ снялъ фуражку и поклонился. Онъ пошелъ домой, пообедалъ, потомъ сѣлъ было за книгу, но черезъ пять минутъ закрылъ ее и легъ спать.

Поздно вечеромъ разбудилъ его деньщикъ Березова, принесшій актъ, окончателно подписанный папашей капитанши Харитоновой и его уважаемымъ собратомъ, уѣзднымъ лекаремъ. Корчагинъ пробѣжалъ актъ, пристально посмотрѣлъ на четкія красивыя подписи и покачалъ головой.

— И пальцы даже не дрогнули! сказалъ онъ вслухъ, плюнулъ и ушелъ купаться.

Въ молчаливой, громадной степи, подъ яркими звѣздами, подъ вліяніемъ свободнаго степнаго вѣтра, между высокихъ скалъ и свѣтлыхъ водъ легче стало на душѣ лекаря. Спокоенъ и рѣшителенъ возвратился онъ въ свою тѣсную квартиру, спросилъ чаю, зажегъ двѣ свѣчи и усѣлся за работу. Горячимъ одушевленіемъ и жизнью дышало каждое слово его дѣловаго изслѣдованія. Когда актъ его былъ почти конченъ, скрипнула дверь, и на порогѣ показался Березовъ.

— Ахъ, вскрикнулъ Корчагинъ, достоуважаемый коллега! Милости просимъ.

Достоуважаемый коллега сѣлъ къ столу и искоса взглянулъ на бумагу.

— Вы кажется не подписались подъ нашимъ актомъ? спросилъ онъ, скорчивъ язвительную гримасу.

— Нѣтъ, докторъ, любезно подтвердилъ Корчагинъ.

— И пишете свой?..

— Свой, многоуважаемый докторъ.

— Могу я взглянуть?

— Сдѣлайте ваше одолженіе... Позвольте, сейчасъ напишу его...

Березовъ взялъ актъ и съ усмѣшкой началъ читать его, но мало по малу его усмѣшка перешла въ горькую гримасу, блѣдный лобъ нахмурился, а руки задрожали.

— Одобряете, вы докторъ?.. любезно спросилъ Корчагинъ.

— Знаете что, съ трудомъ дыша заговорилъ Березовъ, вы все-таки нашъ товарищъ.

Корчагинъ низко поклонился.

— Я хочу сказать, продолжалъ Березовъ, что вы пока еще не штабъ-докторъ, и могли бы не дѣлать намъ чести критикой нашего приговора... Я даже старше васъ...

Корчагинъ опять поклонился.

— Я полагаю, что долженъ выяснитъ на какомъ основаніи я не подписалъ вашего акта, сказалъ онъ попрежнему любезно,

— Это нужно было сдѣлать въ другой формѣ...

— Эту форму я нашелъ удобнѣйшей.

— Я старше васъ! вскричалъ вдругъ Березовъ и, поднялся съ краснымъ отъ злости лицомъ.

Любезное выраженіе исчезло съ лица Корчагина. Онъ скрестилъ на груди руки и стоялъ передъ уважаемымъ докторомъ гордый, холодный, съ блестящими глазами, вопросительно устремленными на его собесѣдника.

— Ну? сказалъ онъ безстрастно.

Березовъ вытеръ платкомъ мокрый лобъ.

— Я не хочу этой критики, сказалъ онъ наконецъ.

— А я не хочу, чтобы вы безвинно посадили въ острогъ полусумасшедшую женщину, безстрастно отвѣтилъ Корчагинъ.

Березовъ взялъ фуражку и пошелъ къ двери. Корчагинъ, не двигаясь съ мѣста, проводилъ его глазами и, когда наконецъ хлопнула наружная дверь, заходилъ по комнатѣ.

Часовъ въ одиннадцать сѣлъ онъ за книгу, отъ которой его оторвала вухарка Лосевой, пришедшая звать его къ своей заболѣвшей барынѣ.

XIV.

У постели Лосевой.

Итакъ, читатель, исторія семейнаго счастья мѣщанина Зиновьева кончена; семейное счастье капитана Харитонова находится въ такомъ положеніи, исходъ котораго предвидѣть нетрудно, если принять въ соображеніе всю неисчерпаемую пустоту ихъ будущей семейной жизни. Теперь я попрошу чита-

тебя взглянуть на семейное счастье Лосевыхъ, о которыхъ я не говорилъ до сихъ поръ потому... да потому, читатель, что пришлось бы вновь переписывать всѣ тѣ страницы настоящей повѣсти, въ которыхъ говорилось о семейномъ бытѣ Харитоновыхъ и о приложеніи всѣхъ силъ и способностей человѣка къ присмотру за домашними гусями, къ разсужденію о красивыхъ рукавицахъ, къ вязанью чулковъ и вышиванью туфель. Все это, пожалуй, пришлось бы переписывать съ буквальной точностью потому, что кромѣ этого въ жизни бѣдной Анны Михайловны Лосевой не было ровно ничего, если исключить чтеніе романовъ и повѣстей, страстно любимое этой маленькой, задумчивой тридцатилѣтней женщиной. Эта маленькая женщина и не могла не любить своихъ многочисленныхъ романовъ, потому что ей не оставалось болѣе никакихъ развлеченій, а семейная жизнь была слишкомъ пуста и небогата радостями. Кромѣ чтенія, она любила удлиненныя прогулки, любила тишину и необъятность окружающей городъ степи, мрачное величіе ея каменныхъ глыбъ и утесовъ, освѣщенныхъ сѣвернымъ ночнымъ небомъ и нагоняющихъ на душу торжественно-грустныя мысли, соответствующія ея обыкновенному настроенію.

Да, грустно смотрѣла Анна Михайловна на свое нерадостное, жадкое положеніе. Нелюбившая мужа, любившая другого и рѣшившаяся навѣки принадлежать законному супругу, она смотрѣла на себя, какъ на существо, которому хотѣлось бы и жить, и любить, и наслаждаться всѣми благами природы, но обреченное жрецами на жертву неумолимому божеству. И грустно ей было навѣки проститься съ великими наслажденіями жизни, и торжественно-мрачно говорило въ ней суровое чувство грознаго для нея релігіознаго долга.

Чтеніе романовъ уносило маленькую, бѣдную женщину и отъ пошлости ея обыденной жизни, и отъ тяжелой безвыходной борьбы съ своими собственными чувствами, борьбы, которая наконецъ становилась ей не подъ силу и тихо, какъ червь, подтачивала ея и безъ того некрѣпкое здоровье. Тяжело мнѣ смотрѣть на это нѣжное, докормное существо, тающее подъ гнетомъ глубокой нравственной болѣзни. Вотъ горятъ передъ нею свѣчи, освѣщая своимъ колеблющимся пла-

менемъ страницы увлекательной книги, въ которой описывается другая, заманчивая жизнь, другіе люди... Горятъ глаза моей бѣдной героини, болѣзненно яркій румянецъ вспыхиваетъ на ея исхудалыхъ щекахъ, кипитъ кровь въ ея жилахъ, роишь поднимаются мысли, и горячо вѣрится ей, что не страданье удѣлъ человѣка. Но перевернута страница, исчезло обаяніе могучей мысли и снова падаютъ ея силы.

Вотъ она въ постелѣ... лежитъ неподвижно, съ закрытыми глазами, съ вытянутыми по одѣялу исхудалыми руками, но она не спитъ...

Порывисто открыла она глаза, когда скрипнула дверь въ ея комнату; увидѣла вошедшаго Корчагина и румянецъ показался на ея щекахъ.

— Здравствуйте, тихо сказала она, протянувъ лекарю руку. Рука была горяча и немного дрожала.

— Что съ вами? спросилъ Корчагинъ.

— Больна, Егоръ Петровичъ... Къ богу захотѣла на лѣто, сказала она и повернула въ лекарю свое исхудалое и кротко улыбающееся лицо.

Корчагинъ пристально и серьезно смотрѣлъ на нее.

— У васъ опять болить грудь?

— Зачѣмъ вы говорите «опять»? Развѣ моя грудь переставала болѣть? говорила Анна Михайловна, и какая-то глубокая преданность, глубокое чувство видѣлось въ глазахъ ея и слышалось въ голосѣ.

— Вы говорили, что вамъ было лучше.

— Лучше, но болѣть все-таки не переставала.

— Кто нибудь изъ вашихъ родныхъ страдалъ чахоткой? спросилъ безстрастный Корчагинъ.

— Моя матушка умерла въ чахоткѣ.

Лекарь взглянулъ на нее своимъ спокойнымъ, яснымъ взглядомъ.

— Зачѣмъ вы не пользуетесь кумысомъ? спросилъ онъ почти строго.

Анна Михайловна опустила глаза и молчала.

— Отчего вы не пьете кумысъ? повторилъ Корчагинъ.

— Я думаю, что это не поможетъ.

— Зачѣмъ же вы меня звали?

Больная взглянула на него своимъ глубокимъ, грустнымъ взглядомъ.

— Вы меня звали лечить васъ? Не такъ ли? произнесъ лекарь спокойно.

— Да.

— Ну вотъ, я вамъ назначаю лекарство, а вы не находите нужнымъ принимать его. Что же вы прикажете мнѣ дѣлать? Въ такомъ положеніи мнѣ остается только взять фуражку и пожелать вамъ спокойной ночи.

Корчагинъ взялъ фуражку, поклонился и пошелъ къ двери.

— Подождите! испуганно крикнула больная и положила руку на свою тяжело дышавшую грудь.

Корчагинъ остановился.

— Я хочу вамъ сказать, что вы не знаете причины моей болѣзни, проговорила больная, задыхаясь и путаясь.

Корчагинъ пристально взглянулъ на нее; вспомнилъ онъ при этомъ ея нѣжный, задушевный голосъ, ея довѣрчивый, любящій взглядъ, такъ долго поковшійся на немъ, и тихо провелъ рукой по глазамъ, какъ будто сбрасывая съ нихъ повязку, мѣшавшую ему видѣть истину.

Онъ взялъ стулъ и сѣлъ около постели больной.

— Вы будете слушать мои совѣты? спросилъ онъ нѣжнымъ и немного грустнымъ голосомъ.

— Да, буду, чуть слышно отвѣтила маленькая женщина, а лицо ея краснѣло больше и больше.

— Вы будете лечиться?

Больная начала тихо вздрагивать, потомъ заплакала, горько и тяжело заплакала, порывисто вытирая платкомъ свои не-удержимыя слезы.

Корчагинъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Вы уходите?.. спросила сквозь слезы Анна Михайловна.

— Нѣтъ...

Наступило молчаніе.

— Мнѣ нужно умереть, произнесла наконецъ Анна Михайловна.

— Зачѣмъ? спокойно и грустно отозвался лекарь.

— Видите ли вы, что меня убиваетъ... любовь? отчаянно вскрикнула больная.

— Вижу.

— Развѣ изъ такихъ болѣзней бываетъ исходъ?

— Даже много исходо́въ, отозвался спокойно Корчагинъ, и въ голосъ его прозвучала ироническая нота.

— Вы смѣтаетесь? прошептала бѣдная женщина, задыхаясь, и въ темнотѣ блеснули ея глаза.

— Смѣшно мнѣ стало, что вы надъ такимъ вздоромъ мучитесь... Мало развѣ исходо́въ? спросилъ Корчагинъ оставившись передъ ея постелью.

— Какіе же?

— Исходо́въ много... Смотря по полету ума... Одни болѣе загнанные и изувѣченные выходятъ на обманъ. Другіе смѣло и прямо отдаются новому чувству.

— Это не исходъ.

— А почему?

— Потому что этимъ я убью моего жума.

— Въ противномъ же случаѣ вы убьете сами себя.

— И пускай убью... Это лучше...

— Чѣмъ лучше?

— Тѣмъ лучше, что если я убью его, то это будетъ убійство; а если я убью себя, то этимъ пожертвую своей жизнью для его счастья.

Корчагинъ тихо и ѣдко засмѣялся.

— Какъ, заговорилъ онъ желчно... Вы не можете дать этому человеку вашей любви, а можете пожертвовать для него своей жизнью! Зачѣмъ вы такъ смѣтаетесь надъ человѣческими чувствами! Я понимаю пожертвование жизнью ради любимого человека или ради хорошаго дѣла. Это я понимаю; но жертвовать жизнью для счастья человека, котораго вовсе не любите, это по моему—рабскій страхъ передъ безчеловѣчными притязаніями... Развѣ это чувство? Нѣтъ! Здѣсь одинъ только страхъ. Это рабство, а развѣ мы съ вами рабы?

Глаза лекаря горѣли; лицо было блѣдое...

Развѣ мы рабы? повторилъ онъ... Опомнитесь... Подумайте, во что хотите вы обратить вашу человѣческую натуру!

Бѣдная маленькая женщина неподвижно смотрѣла на него. Она чувствовала, что отъ рѣчей этого чудака могутъ пойти

нутъся всё ея прежнія вѣрованія, — чувствовала, что теперь упалъ яркій свѣтъ на всю ея темную, страдальческую жизнь, полную мученій, скуки, пустоты, бесплоднаго отчаянія, и страшна показалась ей эта гнетущая, убившая ее жизнь.

Она молча протянула лекарю свою худую руку. Корчагинъ взялъ ее, и сжалъ въ своихъ рукахъ.

— Вы не любите все это? спросила она, намекая на предметъ разговора.

— Не люблю, спокойно отвѣтилъ лекарь.

— И вамъ легко живется?

— Легко, сказалъ Корчагинъ, опустивъ ея руку и взглянувъ на часы... Время теперь позднее, а мнѣ хотѣлось бы сказать еще нѣсколько словъ по поводу вашего положенія, продолжалъ онъ.

— Говорите пожалуйста, тихо сказала немного оживившаяся Анна Михайловна... Я много и часто думаю надъ вашими мыслями... Я знаю васъ... Я вѣрю, что ваши мысли лучше другихъ.

— Видите ли что, заговорилъ Корчагинъ. Скажу я вамъ откровенно, что, по моему мнѣнію, всё эти старыя любовныя чувства и новыя любовныя чувства вещь отличная; но право они сами по себѣ до такой степени вздорны, что и говорить-то о нихъ не стоитъ. Не вздорны они потому только, что въ нихъ большею частью выражается недовольство настоящимъ положеніемъ. Ваше напимѣръ чувство имѣетъ для меня большую важность потому, что оно выражаетъ собою недовольство вашею жизнью.

Маленькая женщина взглянула на него.

— Да, сказалъ Корчагинъ. Будь въ этой жизни дѣло для васъ и дѣло не пустяшное, а дѣйствительное, жизненное, могущее занять ваши мысли и силы, участвуй въ подобномъ дѣлѣ и мужъ вашъ, — повѣрьте, что вы не разлюбили-бы его, потому что онъ являлся-бы вамъ вашимъ помощникомъ, являлся-бы вамъ человѣкомъ, работающимъ ради успѣха хорошаго дѣла, слѣдовательно хорошимъ человѣкомъ... Вы не разлюбили бы его потому наконецъ, что всё ваши стремленія и мысли были бы отданы этому предполагаемому дѣлу, лучшимъ дѣтелемъ въ которомъ казался бы вамъ вашъ мужъ.

— Да! звучалъ его одушевленный, тихій голосъ: вы не думали-бы тогда о любви ко мнѣ или къ другому человѣку, потому что вся ваша любовь и вся ваша жизнь была-бы на вѣки отдана вашему честному и хорошему дѣлу... А теперь... Почему теперь разлюбили вы вашего мужа? Потому, что, заставляя васъ жить подобной жизнью, онъ оскорбляетъ васъ: потому что онъ нехорошій человѣкъ.

— Нѣтъ, вскричала грустно маленькая женщина, подпирая рукою щеку. Не говорите этого: онъ хорошій человѣкъ.

— Это говорить вамъ чувство самопожертвованія, самообвиненія и тому подобныя чувства. Повѣрьте мнѣ, что если-бы онъ былъ хорошій человѣкъ, онъ не заставилъ бы васъ играть роль какого-то прозябающаго растенія, не ограничилъ бы всю вашу жизнь скучнымъ, разслабляющимъ, бездѣтельнымъ сидѣньемъ въ четырехъ стѣнахъ, не осудилъ бы на погибель ваши силы, ограничивая ихъ дѣятельность единственными заботами о вухнѣ и чистотѣ комнаты...

— Но вѣдь онъ не понималъ, что дѣлаетъ; онъ не достиг до вашихъ понятій, грустно возражала больная.

— Я не обвиняю его и не присуждаю къ наказанію. Я знаю, что можетъ быть ни одинъ еще человѣкъ не былъ виноватъ въ своихъ проступкахъ. Но скажите мнѣ, неужели съумасшедшій человѣкъ, бросающійся на встрѣчнаго и поперечнаго, виноватъ въ своемъ съумасшествіи? — Неужели человѣкъ, зараженный чумой, виноватъ въ своей болѣзни?

— Я думаю, что нѣтъ.

— Но неужели же вы потребуете, чтобы родственники этихъ больныхъ подвергали себя опасности быть убитыми, исцусанными или зараженными?

— О, нѣтъ...

— И можно ли этимъ людямъ, вторыхъ они уродуютъ и заражаютъ, чувствовать къ нимъ любовь и преданность.

— Я не могу съ вами спорить, грустно сказала маленькая женщина и опустила голову.

— Нѣтъ, продолжалъ Борчагинъ съ прежнею теплотою. Не говорите вы, что люди, заражающіе и уродующіе окружающихъ ихъ, хорошіе люди; и что съ такими людьми легко

ужиться... Я не могу спорить противъ того, что подобные люди невиноваты въ своихъ дѣйствіяхъ; я ничего не скажу противъ того, что они могутъ имѣть въ себѣ свои хорошія качества, могутъ обладать искрой человѣческой врасоты... Напротивъ я скажу даже больше, скажу, что они все-таки люди, и какъ люди имѣютъ право на участіе и сочувствіе къ ихъ заблужденіямъ... Но человѣку развившемуся, и съ хорошими потребностями, въ ихъ пошлой средѣ жить нельзя. Переимѣните вашу настоящую жизнь на другую... Попробуйте жить другой, дѣятельной жизнью... Я убѣжденъ, что васъ убиваетъ не любовь, а бездѣятельная жизнь, позволяющая небольшому чувству нераздѣляемой любви разрастаться до огромныхъ мученій, поглощающихъ все ваше существо... Вы не хотите измѣнить вашему мужу—не измѣняйте ему, но переимѣните свой образъ жизни. Вотъ лучшей исходъ.

Корчагинъ замолчалъ и прошелся по комнатѣ.

— Какъ же вы думаете? спросилъ онъ потомъ.

Анна Михайловна вздрогнула и подняла на него глаза.

— Я думаю, думаю, заговорила она нерѣшительно. Теперь мнѣ самой кажется для меня необходима переимѣна. Меня давятъ здѣсь самыя стѣны... Я хочу уѣхать...

— Куда?

— Въ Петербургъ...

— Зачѣмъ?—У васъ есть тамъ кто нибудь?

— Тетка.

Корчагинъ задумался.

— Поѣзжайте, сказалъ онъ.

— Моя тетка живетъ своей работой; она странная женщина; у ней много мыслей, одинаковыхъ съ вашими.

— Непремѣнно поѣзжайте, рѣшительно повторилъ Корчагинъ.

Маленькая женщина взглянула на него, потомъ нерѣшительно опустила глаза и затѣмъ опять подняла ихъ.

— А вы не раздумали, — вы ѣдете отсюда? робко спросила она наконецъ.

— Нѣтъ, не раздумалъ... Будущей весной, какъ только пойдутъ пароходы, вѣроятно и я уѣду, словойно отвѣтилъ Корчагинъ.

— И вы не забудете меня по приѣздѣ туда?

— Не забуду, отбѣтилъ лекарь, и горькое чувство мелькнуло въ его глазахъ при мысли объ этой поѣздкѣ и о столицѣ русскаго ума и русскаго нищеты.

Онъ взглянулъ на часы, простился и задумчиво пошелъ домой по соннымъ молчаливымъ улицамъ.

А маленькая женщина приподнялась съ постели, надѣла туфли, накинула на плечи салопъ, отворила окно въ садъ и сѣла подлѣ него, закутавшись въ свое платье. Грусть стѣснила ея слабую грудь, — грусть эта была о прошломъ, о пусто и бесплодно прошедшей молодости, о желаніи воротить свои молодые, кипучіе годы. Также жаль ей было своей отстраненной Корчагинымъ любви, но и самое сожалѣніе это утонуло въ великой и свѣтлой дружбѣ, которую предлагалъ ей чуждакъ лекарь.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ ея мужъ.

— Здоровъ-ли? — Какъ ѣздилъ? — Благополучно-ли? ласково встрѣтила его маленькая женщина и поцѣловала его.

Мужъ былъ веселъ, дышалъ тучнымъ, откормленнымъ здоровьемемъ и шутилъ.

— Знаешь что? спойвно обратилась къ нему Анна Михайловна. Я поѣду къ теткѣ.

Тучный человѣкъ чуть не захлебнулся своимъ чаемъ.

— Аня! что съ тобой? вскричалъ онъ.

— Я уѣду, другъ мой... Я чувствую, что это необходимо для меня, вротво говорила маленькая женщина.

— Ангель мой! да какъ это пришло тебѣ въ голову, заговорилъ растерявшійся чиновникъ, и влажный потъ выступилъ на его лицѣ.

— Я чувствую, что однообразіе убиваетъ меня, мягко поясняла грустная маленькая женщина...

— Это что еще за новости? Что съ тобой въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ чиновникъ.

Маленькая женщина взглянула на него и невольно вспомнила слова лекаря.

— Я не хочу умереть такъ рано... Я уѣду, сказала она звучно, и черныя глаза ея блеснули холодной рѣшимостью.

Мужъ похолодѣлъ передъ этимъ взглядомъ.

— Ты не уѣдешь, не уѣдешь; я не хочу этого! закричалъ онъ отчаянно.

— Уѣду, настойчиво повторяла Анна Михайловна.

Муж обловотился на столъ и закрылъ лицо руками. Нѣсколько минутъ оба они молчали.

— Когда ты уѣдешь? — спросилъ наконецъ мужъ глухимъ голосомъ.

— На той недѣлѣ.

— И скоро воротишься?

— Не знаю.

Лосевъ поднялъ голову; лицо его побагровѣло; глаза налились кровью и горѣли злостью. Анна Михайловна встала и твердой, ровной поступью вышла изъ комнаты.

Звѣзды померкли; на востокъ ложилась свѣтлая, бѣлая полоса; вѣяло утреннимъ холодомъ, а Лосевъ стоялъ у открытаго окна и тупо смотрѣлъ на темные вусты.

XV.

Горѣ капитана Харитоновъ.

Приближается тихая, теплая, ароматическая степная ночь а капитанъ Харитоновъ, въ десяти верстахъ отъ города, взомель на высокой, пустынный холмъ и, опершись на ружье, смотреть въ глубокомъ раздумьѣ на растилающуюся передъ нимъ равнину. Далекъ въ западу блистать въ глубинѣ равнины крестъ городской церкви; немного вправо, въ полуверстѣ отъ холма, синѣютъ деревья, окружающія пчельникъ, и капитанъ Харитоновъ не можетъ рѣшиться—въ городъ ли ему идти, или заночевать въ пчельникѣ. Вспоминается капитану по этому поводу разговоръ, происшедшій сегодня утромъ, когда онъ отъ скуки рѣшился отправиться денька на два на охоту на свои милые степныя озера.

— Прощай, Оля... Иду маршировать,—дичь пугать... Тоскуй не тоскуй, а раньше завтрашняго вечера не жди, говорилъ онъ, прощаясь съ женою.

А Ольга Ивановна быстро взглянула на него, также быстро опустила свою голову надъ вышиваньемъ, и яркій румянецъ разлился по ея щекамъ,

— На охоту?—Ты очень любишь охоту? спросила она съ какой-то веселой игривостью въ голосѣ.

— Люблю, хоть есть предметы, которые я люблю побольше охоты, замѣтилъ вскользь капитанъ, перетягивая ремнемъ длинный охотничій сапогъ.

— А гдѣ же ты будешь сегодня ночевать? нѣжно допрашивала его молодая супруга,

Капитанъ повосился на нее и что-то проворчалъ про себя на счетъ этой неожиданно появляющейся и такъ же неожиданно исчезающей нѣжности.

— Въ десяти верстахъ отсюда есть пчельникъ, отвѣтилъ онъ. Въ этомъ пчельникѣ я и буду ночевать.

— О, да, да, нѣжно говорила молодая супруга: — я увѣрена, что ты будешь ночевать на этомъ пчельникѣ, если только у тебя не явится вдругъ желаніе вернуться съ половины дороги.

— Я думаю, что не вернусь до завтрашняго вечера, рѣшительно отвѣтилъ капитанъ.

— И я тоже думаю, и я убѣждена въ этомъ, поддразнивала его молодая супруга.—Прощай, мой другъ.

Капитанъ, располагавшій еще позавтракать, пожалъ плечами, свистнулъ собаку и вышелъ вонъ изъ комнаты.

И вотъ, пробродивъ цѣлый день по камышамъ и болотамъ, стоять теперь капитанъ на высококомъ пустынномъ холмѣ, повернувшись спиной къ живописному, изрѣзанному озерами, театру его охотничьихъ подвиговъ, и улетаетъ мыслью къ блестящему вдали кресту городской церкви. Дорогъ ему этотъ крестъ, дорогъ городъ, надъ которымъ онъ блещитъ, потому что въ этомъ городѣ стоятъ его унылые апартаменты, заключающіе въ своихъ стѣнахъ неоцѣнимую для него Олю, эту дорогую женщину съ черными глазками, яркимъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ и мелодическимъ голосомъ. Съ глубокимъ чувствомъ смотритъ капитанъ на этотъ золоченый крестъ, приблизительно обозначающій мѣсто, на которомъ находится теперь его милая женщина, и тяжелой тоской сжимается его сердце. Пронесется передъ капитаномъ послѣдніе мѣсяцы его супружеской жизни и находитъ онъ въ нихъ только одно горькое разочарованіе въ своихъ великихъ надеждахъ. Находитъ онъ, что со вступленіемъ дѣвицы Березо-

вой въ его апартаменты, грустная жизнь его ничѣмъ не освѣтилась и не наполнилась, а если наполнилась, то скорбью, неблагодарными мелкими заботами и безплодными надеждами. И откуда, и за что все это? спрашиваетъ онъ. — Онъ ли не бросилъ свое незапятнанное имя на позоръ и потѣху окружающаго общества? Онъ ли не истощалъ всѣ силы своего ума на лучшее устройство своей семейной жизни? Онъ ли не отрекся ради своей дорогой подруги отъ общества, знакомыхъ и всякихъ развлеченій? Зачѣмъ же только на первые мѣсяцы вознаградилось его самоотверженіе, любовь, заботы и лишения? Зачѣмъ же въ послѣднее время его любимая жена относилась къ нему съ худо скрытымъ пренебреженіемъ, явную холодностью и даже съ обидною жалостью?.. Неужели своими попеченіями о ней, ему удалось добиться только этихъ нерадостныхъ чувствъ?

И тяжело было честному капитану отъ этихъ мучительныхъ вопросовъ.

— Неужели она обманываетъ меня? спросилъ наконецъ бѣднякъ и вытеръ выступившій на его лбу холодный потъ.

Страшно ему стало очутиться въ одиночествѣ большемъ, нежели прежде, и онъ насильственно засмѣялся.

— Честному солдату стыдно такъ думать о своей женѣ, уворизненно сказалъ онъ вслухъ. Мало ли какіе случаи омрачаютъ на время характеръ молодой супруги... Честному солдату слѣдуетъ высказаться безъ всякой утайки и объясниться, назидательно сказалъ онъ, поднявъ палець; вскинулъ за плечи ружье и форсированнымъ маршемъ отправился къ дому.

Потемнѣла степь, наступила въ ней глубокая тишина, и торжественно смотрѣли необъятно-далеко тянувшіеся холмы, овера и бѣлые утесы, стѣнной стоящіе по берегамъ рѣкъ.

Быстро шелъ капитанъ напрямкомъ къ дому.

— Слѣдуетъ высказаться, слѣдуетъ объясниться, отрывисто говорилъ онъ вслухъ и шелъ быстрѣе и быстрѣе, угрюмо смотря себѣ подъ ноги.

— Ночь, чортъ возьми... Поздно, продолжалъ онъ вслухъ. Олинька пожалуй спать легла, — а сегодня я чувствую себя въ ударѣ на счетъ объясненія... Кипить, говорилъ онъ, прикладывая руку къ груди: — кипить... Могу говорить съ чув-

ствомъ, съ сознаниемъ своей любви и правоты, какъ честный солдатъ... Да, поздно,—спить пожалуй.

Капитанъ свистнулъ собакъ и пошелъ еще быстрее,

— Не отставай, Урвай! Десять верстъ—это два часа... Нѣтъ, она не легла еще спать, разсуждалъ онъ, энергично кивая головой.—Въ два часа дойду... Но что я ей скажу?.. Скажу, что вотъ, Оля.., вотъ моя жизнь, вотъ мои мысли, вотъ мои мученія... Обсуди ты мою жизнь, обсуди мои намѣренія и уничтожь мои мученія!..

Далеко гдѣ-то мерцало среди непрогляднаго мрака степи зарево; собака, почуявшая запахъ гарн, уныло завылла.

Невесело стало капитану: суевѣрное предчувствіе горе окватило его. Попробовалъ онъ запѣть—не вышла пѣсня; засветалъ онъ маршь—и маршь тоже не вышелъ... Повѣсивъ онъ голову и пошелъ молча. Вотъ потянулся загородный роща, запѣлъ въ рощѣ соловей, медвѣчули свозъ вѣтви деревьевъ огни, показались дома слободки, и тревожно забилось капитанское сердце. Подойдя къ забору, окружающему его домашній садикъ, онъ остановился и перевелъ духъ.

Благоухаютъ цвѣты въ саду, тихо вачаются и шумятъ вѣтви, изрѣдка встрепенется между вѣтвей полусонная птица, а изъ открытыхъ и освѣщенныхъ оконъ квартиры капитана раздается мелодичное нѣжное пѣнье... Стоитъ капитанъ, подвѣсивъ голову, слушаетъ это знакомое пѣнье и знакомый, милый голосъ, и слышатся ему въ антрактахъ звуки другого, тоже нѣжнаго и тихаго голоса, Зорокъ охотничій глазъ капитана, ясно видитъ онъ черезъ розовыя занавѣски выскуртѣнь женщины, наклонившагося надъ его дорогой пѣницей, надъ его бавѣнной Олинкой, но онъ не вѣритъ своему зоркому глазу; чуетъ охотничій слухъ капитана, но не вѣритъ онъ и слуху, когда до ушей его доносится тихій звукъ поцѣлуя...

И пошелъ съ рыбакомъ

Купецъ пѣсни играть,

Молодую вдову

Обнимать, цѣловать...

снова звучитъ тихое, сладострастное дѣніе, сопровождаемое звуками фортепьяно.

Капитанъ тихо пробирается къ окну, отстраняя одной ру-

ной вѣтви, а другою сдерживая свое, трепещущее до боли, сердце...

Молодую вдову
Обнимать, цѣловать...

страстно и протяжно повторяетъ пѣвица, и въ это же время заголыхалась розовая занавѣска и блестнула черезъ нее маленькій, горящій глазъ капитана.

— Цѣловать ее, крѣпко цѣловать, нѣжно щепчетъ Микулинъ и снова жарко цѣлуетъ пѣвицу.

— Не цѣлуй меня: я никогда не кончу, тихо говоритъ безцѣнная Олинъка.

— И не кончай, отвѣтилъ Микулинъ, страстно обнимая ее.

— Лучше я стала пѣть?

— Ты вся стала лучше...

— На долго ли?

— Зачѣмъ упрекать? Зачѣмъ мучить? прошепталъ Микулинъ трагически.

— Не буду, не стану, говорила Ольга Ивановна, взявъ его руку. Ты милый мой, — я не хочу тебя мучить... Дай мнѣ только допѣть цѣсню... Что же дальше? Какія же дальше слова?..

И она нетерпѣливо ударила по клавишамъ.

— Не стерпѣлъ удалой — разгорѣлась душа! раздался за занавѣской дрожащій голосъ, и захрустѣли у окна сухія вѣтви подъ неровными, тяжелыми шагами.

Ольга Ивановна вскочила; блѣдность разлилась по лицу Микулина. Вошелъ капитанъ. Онъ былъ блѣденъ; руки его тряслись, шаги были неровны.

Микулинъ смѣрялъ его своимъ взглядомъ съ головы до ногу.

— Напрасно вы въ окно не влѣзли, сказалъ ему съ насмѣшкой Микулинъ.

Капитанъ поднялъ на него глаза.

— Что-съ? спросилъ онъ глухо.

— Если ужъ въ окно подглядывали, такъ въ него же и вскочили бы, нагло повторилъ интересный Микулинъ.

Но онъ ошибся въ своемъ взглядѣ на личность капитана.

Честный Харитоновъ былъ конфузливый, деликатный чудакъ,

но знавшіе его поближе никогда не могли считать его мокрой курицей, терпѣливо выносящей вронныя оскорбленія. Иттересный Микулинъ ошибся.

Блѣдный капитанъ подошелъ къ нему, взглянулъ ему въ лицо, раздалась звонкая, тяжелая пощечина, отъ которой Микулинъ пошатнулся къ ближней стѣнѣ, и на блѣдной до сихъ поръ щекѣ его всныхнуль ярвій багровый румянецъ.

— Вонь! глухо и тихо сказалъ капитанъ.

Микулинъ раскрылъ ротъ.

— Ступай вонь! также тихо повторилъ капитанъ.

Микулинъ двинулся къ двери:

— Вы, милостивый государь, дадите мнѣ удовлетвореніе! крикнуль онъ полурастворивъ дверь.

Забытая фуражка полетѣла ему въ лицо. Капитанъ швырнулъ ее ловко.

— Слышите? крикнуль Микулинъ, надѣвъ фуражку.

— Охъ! нетерпѣливо сказалъ честный капитанъ. При первой же встрѣчѣ я дамъ тебѣ еще двѣ оплеухи, только ступай вонъ.

— Въ такомъ случаѣ, началъ было Микулинъ.

— Вонь! крикнуль капитанъ уже громко и шагнулъ къ двери...

Дверь захлопнулась.

Капитанъ сѣлъ къ столу и закрылъ лицо руками... Кровь стучала ему въ голову, невыносимо давило его горе, терзала злоба, отчаяніе, даже слезы готовы были хлынуть изъ его глазъ.

Дверь немного отворилась.

— Вы трусь! крикнуль изъ-за нее Микулинъ.

Капитанъ всталъ, заперъ дверь на ключъ и опять сѣлъ къ столу...

На фортепьяно горѣли двѣ свѣчи и ярко освѣщали комнату. Ольга Ивановна сидѣла въ углу, повѣсивъ голову и лопмая руки. Капитанъ сидѣлъ попрежнему съ закрытымъ лицомъ, горько размышляя о предстоящей ему семейной жизни съ обманщицей женой, можетъ быть съ чужимъ ребенкомъ, съ постояннымъ горемъ и отравленными надеждами... Въ комнатѣ было до-нельзя тихо, и ярко освѣщали свѣчи эту явную драму. Да, это была тяжелая драма, въ которой перегорѣла

вся жизнь любящаго и честнаго существа, виноватаго тѣмъ только, что пошлая жизнь натолкнула его на другое опошленное, обезличенное и обезсмысленное жизнью существо.

— Все убито, глухо говорить онъ наконецъ и поднимается.

Ночной вѣтеръ врывается въ окно и вѣетъ ароматами, свѣжестью и прохладою, на душу капитана, горитъ его лицо, горитъ голова.

— Зачѣмъ ты убила меня? спрашиваетъ капитанъ свою блѣдную жену.

Ольга Ивановна молча ломаетъ руки... Стыдно ей, горько ей, безконечно грязной и пошлой кажется она сама себѣ передъ этимъ глубокимъ и страшнымъ горемъ честнаго капитана. Безконечно грязной и пошлой кажется ей ея любовь къ интересному Микулину, оказавшемуся гадкимъ и трусливымъ развратникомъ, и горько плачетъ бѣдная женщина.

— Не плачь! грустно и строго сказалъ капитанъ.

Ольга Ивановна робко взглянула на него.

— Къ чему слезы? Слезы—вода, а здѣсь кровь, говорилъ капитанъ, указывая на себя. Здѣсь жизнь моя. Я хочу слышать твои объясненія, я хочу обсудить это дѣло.

Недосыгаемо великъ казался онъ бѣдной женщинѣ.

— Что ты имѣешь противъ меня? спрашивалъ онъ горько. Билъ я тебя? ругалъ? мучилъ? заставлялъ тебя терпѣть нужду?

Ольга Ивановна плакала.

— Отвѣчай мнѣ, ради Христа, дрожащимъ голосомъ сказалъ капитанъ.

— Нѣтъ, отвѣчала ему чуть слышно жена.

— Зачто же ты обманула меня? Чѣмъ тебѣ было дурно со мною? Онъ лучше меня что ли?

Ольга Ивановна молча плакала.

— Зачѣмъ ты не сказала мнѣ этого? И ты была бы честной, и мнѣ лучше было бы. Ты должна была предупредить.

Горькія, истерическія рыданія прерывали его рѣчь...

Капитанъ замолчалъ. Какъ маленькаго ребенка снесъ онъ жену на своихъ рукахъ въ спальную, раздѣлъ ее и уложилъ въ постель. А самъ вышелъ въ садъ, сѣлъ на скамью и просидѣлъ до утра. Всю ночь раздумывалъ онъ, что тутъ дѣлать, на что рѣшиться, и въ утру все-таки не рѣшилъ ничего и ничего не выдумалъ.

XVI.

ИНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Въ тотъ же самый вечеръ, когда капитанъ Харитоновъ размыкивалъ свое горе на охотѣ и разсуждалъ о положеніи своихъ семейныхъ дѣлъ,—въ тотъ же самый вечеръ и даже недалеко отъ холма, на которомъ стоялъ злополучный Харитоновъ, проѣзжали верхомъ два человѣка..... Одинъ изъ нихъ, сухошавый и блѣдный, судя по его пальто и фуражкѣ, былъ очевидно фельдшеръ; а другой—крупнѣй и высокій, съ широкою грудью, съ глубокимъ спокойствіемъ въ словахъ и движеніяхъ—былъ нашъ старый знакомый Гребцовъ.

Среди Микулиныхъ, Харитоновыхъ, Березовыхъ, Лосевыхъ и Зиновьевыхъ, Гребцовъ былъ иной человѣкъ, и отличие его отъ этихъ бѣдныхъ, бѣдствующихъ, бѣснующихся и пустошавшихъ людей заключалось именно въ сознательности его жизни вообще и всѣхъ дѣйствій въ частности. Любилъ ли Гребцовъ когонибудь или чтонибудь, онъ всегда могъ дать ясный точный отчетъ въ томъ, за что и за какія качества любилъ онъ это; ненавидѣлъ ли онъ когонибудь — и ненависть его никогда не была безотчетною, необъяснимою; дѣло ли какое затѣвалъ онъ—и въ дѣлѣ своемъ могъ онъ выставить такъ глубоко обдуманые выводы, что человѣку разумному трудно было не сочувствовать его планамъ, намѣреніямъ и дѣйствіямъ. И многіе ему горячо сочувствовали, и эти многіе были большею частію бѣдняки, лишенные возможности работать, были труженики-работники, которымъ тяжелый трудъ не давалъ возможности выбиться изъ гнетущей ихъ бѣдности и лишеній, были наконецъ безысходно скучающіе и жаждущіе лучшей жизни, угнетаемые и опозориваемые и т. п.

Многое множество есть у насъ такихъ людей, которые томятся въ своихъ унылыхъ аппаратахъ и порываются къ какой-то иной, лучшей жизни, мечтаютъ о чемъ-то такомъ очень хорошемъ, желаютъ чего-то новаго, зѣваютъ, скучаютъ, тоскуютъ, часто даже мучатся и чахнутъ отъ этихъ мученій. Между этими тоскующими людьми и такими, какъ Гребцовъ есть огромная связь, потому что это недовольство жизнью со-

становить главную основу ихъ характера, съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто пассивнаго недовольства у нихъ является дѣятельное стремленіе въ лучшему устройству своей жизни и жизни окружающихъ ихъ собратьевъ. Вотъ, читатель, смыслъ этихъ странныхъ и тревожныхъ людей. Это дѣти нашей бѣдной жизни, это лучшіе, даровитѣйшіе дѣти ея. Не удивляйтесь же ихъ странностямъ, не смотрите съ недоувѣрчивостью на ихъ грустные лица, и на ихъ блестящіе глаза, горячіе свѣтомъ сѣблою и сильной мысли. Они много вынесли, они много выносятъ, много повола и мучительныхъ оскорбленій падаетъ часто на нихъ, даже отъ тѣхъ самыхъ людей, для блага которыхъ они готовы сложить свои головы...

Но возвратимся къ разсказу.

Путешественники мало обращали вниманія на дорогу и, какъ видно, были совершенно поглощены своимъ разговоромъ. Разговоръ былъ дѣйствительно очень интересенъ и важенъ для нихъ. Дѣло шло о любви фельдшера къ той самой дѣвушкѣ, дочери деревенскаго учителя Саввы, на которой Гребцовъ надѣялся жениться. Глубокая грусть томила молодого учителя, но безъ страха и унынія смотрѣлъ онъ въ лицо идущему на него горю.

— И она любитъ васъ? спрашивалъ онъ, смотря на фельдшера яснѣмъ, хотя и тревожнымъ взглядомъ.

— Любитъ, тихо отвѣтилъ юноша.

— И сама она сказала вамъ объ этомъ?

— Не разъ говорила...

Учитель посмотрѣлъ на молодое лицо спутника, зарумянившееся при воспоминаніи объ этихъ любовныхъ разговорахъ, и съ тайной грустью опустилъ голову.

— А отецъ? спросилъ онъ потомъ.

— На счетъ отца-то я и сомнѣваюсь, Семенъ Андреевичъ, тревожно заговорилъ фельдшеръ. Не знаетъ-ли онъ на самомъ дѣлѣ или и знать этого не хочетъ, только молчить, ни словечка мнѣ не сказалъ на счетъ этого. Боюсь я, что онъ и знать этого не хочетъ, такъ какъ я и бѣденъ, и молодъ....

— Вы думаете, что онъ въ состояніи приневоливать свою дочь? спокойно спросилъ учитель.

— Господь его знаетъ.

— Ну, ужъ нѣтъ. Это вы напрасно, — Савва неспособенъ на это...

Фельдшеръ глубоко вдохнулъ, какъ будто камень свалился съ его груди.

— Вы можете быть совершенно спокойны, добродушно говорилъ Гребцовъ. Препятствій для женитьбы не будетъ. И женитесь.... Сдѣлайте счастливой эту дѣвушку. Она стоитъ счастья, она рѣдая душа.

Спокойно говорилъ Гребцовъ; но подъ этимъ наружнымъ спокойствіемъ было много горячей любви, много грусти по несбывшимся надеждамъ. При послѣднихъ словахъ фельдшеръ быстро отвернулъ свое лицо и задергалъ поводьями.

— Вы... вы учили ее? нерѣшительно спросилъ онъ, избѣгая взгляда своего безстрастнаго спутника.

— Да, отвѣтилъ учитель, подавивъ глубокій вздохъ. — Младенецъ, младенецъ! думалъ онъ съ грустью. Въ немъ говорить ревность, ревность ко мнѣ!—Я вѣдь извѣстный учитель, продолжалъ онъ вслухъ съ горькой ироніей надъ своими собственными, небывалыми надеждами. Вы должны смотрѣть на мое ученье, какъ на страсть мою и на мое дѣло... Гдѣ я-не училъ? Когда и кого не училъ? Одного учу жить, другого — грамотѣ, третьяго — третьему, а непремѣнно учу когонибудь... Было, напимѣръ, время, когда я бродилъ себѣ по Россіи, да людей смотрѣлъ; это было лѣтъ пять назадъ. Пришелъ я какъ-то ночевать въ деревню, остановился въ какой-то шерстобитнѣ, гдѣ валенки дѣлались, войлоки и тому подобныя вещи. Шерстобить на струнѣ своей тринкаетъ, а я спать легъ. Смотрю—всѣ косяки и стѣны буквами исписаны: спрашиваю: что это, кто пишетъ? говорятъ, что одному мальчику смерть хочется учиться, да некому его выучить... Ну чтожъ?—Засѣлъ я въ этой деревнѣ, выучилъ мальчика грамотѣ, а потомъ пошелъ своей дорогой, да теперь вотъ и забылъ даже, въ какой это деревнѣ я учительствовалъ.

Гребцовъ отдался было своимъ воспоминаніямъ, отвлекавшимъ его отъ настоящаго горя.

— Книги и ученье—страсть моя и жизнь моя, продолжалъ онъ.—На дняхъ, какъ-то я зашелъ въ аптеку, увидѣлъ тамъ на прилавкѣ раскрытую книгу и даже, вѣжета, покрас-

нѣль отъ неожиданнаго удовольствія, что въ нашемъ городѣ есть люди, что нибудь читающіе. — Это должно быть вы читаете?

— Да-съ, отвѣтилъ фельдшеръ.

— И любите читать?

— Очень люблю.

— Ну и помогай вамъ Богъ. Скажите, откуда вы добываете книги.

— Егоръ Петровичъ снабжаетъ.

— Это святая душа, Корчагинъ?.. Да, пожалуй, что больше и некому. Пока еще водятся такіе люди—жить можно... Да-съ.

Учитель опустилъ голову.

— Что вы такъ невесели, Степанъ Андрейчъ? спросилъ фельдшеръ, все еще тревожимый неяснымъ чувствомъ ревности.

Гребцовъ взглянулъ на него.

— Это, знаете ли, на меня находятъ временами, а нынче въ особенности, — отвѣтилъ онъ. Нынѣшній, шестьдесятъ третій годъ тяжеловатъ для меня... Больно-съ...

Вдали завыла собака капитана Харитонова.

— Собака вонъ завоетъ — я вздрогну и скучно мнѣ; туча набѣжитъ, потемнѣетъ вдругъ — смотришь и набѣжала скверная мысль, пришла гадкая дума, и повѣсишь голову. Нервы болятъ. — А скажите мнѣ, пожалуйста, какія ваши средства? прибавилъ онъ неожиданно, какъ будто желая сбросить набѣжавшія на него тяжелыя думы.

— То есть какъ? спросилъ застигнутый врасплохъ его спутникъ.

— Я спрашиваю, на какія средства вы намѣрены устроить вашу семейную жизнь? спойкойно повторилъ Гребцовъ.

— Да какъ вамъ сказать... Егоръ Петровичъ обѣщали перевести меня на будущій годъ въ деревню, такъ я хочу засѣять пять десятинъ.

— Нужны вамъ деньги?

— То есть какъ?

— То есть, хотите вы занять у меня денегъ?

Растерявшійся фельдшеръ снялъ фуражку, машинально по-

чесаль голову и взглянул на учителя. Гребцовъ приподнялся на стременахъ и напряженно посмотрѣлъ впередъ, вдали играло легкое, розовое зарево.

— Хотите? спросилъ Гребцовъ и опустился въ сѣдло. Пожаръ,—думалъ онъ. Горить можетъ быть мое. Легкая, холодная дрожь пробѣжала по его тѣлу...

— Если вы повѣрите мнѣ, человѣку незнакому вамъ.... началъ было фельдшеръ взволнованнымъ голосомъ, но взглянул на учителя и смолкъ.—Тамъ горитъ! вскрикнулъ онъ, замѣтивъ вдали зарево пожара.

— Горитъ; подтвердилъ Гребцовъ. — Я вамъ поклянусь, продолжалъ онъ... Я желаю вамъ счастья.... Я знаю вашу невесту; вѣрьте мнѣ, что она для меня дороже нежели сестра, еслибъ только у меня была сестра. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы она была счастлива; мнѣ хотѣлось бы, чтобъ мужъ ея былъ для нея надежнымъ другомъ, и не обижалъ ее...

Голосъ учителя немного дрогнулъ.

— Вѣрьте моей чести, произнесъ фельдшеръ.

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что я взглядомъ ее не обижу, не только что дѣломъ. Душу свою положу за нее.

— Дайте мнѣ вашу руку, сказалъ Гребцовъ.

Фельдшеръ машинально протянулъ руку.

— Отъ чистаго сердца говорите вы со мной?

— Видитъ Богъ правду.

Гребцовъ сжалъ его руку.

— Будьте счастливы,—я вамъ другъ съ этой минуты, сказалъ онъ быстро и твердо... Я пушусь въ карьеръ. Моя мельница горитъ.

Прежде чѣмъ фельдшеръ опомнился и осмотрѣлся, учитель исчезъ, и только внизу холма, въ темнотѣ, раздавался быстрый топотъ лошади. Онъ былъ на вершинѣ холма. Вдалекѣ блестяли огни деревнямъ, а недалеко, въ сторонѣ отъ нея, ярко пылало большое строеніе.

Молодой человѣкъ снялъ фуражку, горячо перекрестился за Гребцова и прищипорилъ лошадь.

Гребцовъ прискакалъ на пожаръ. Народъ валилъ уже по домамъ. Все было кончено.

— Ну, Степанъ Андреевъ, ругай меня... Бей что-ли, бей!

говорилъ Гребцову Савва, компаньонъ Гребцова по мельницѣ, обнимая молодого человѣка и прижимая къ его плечу свое обожженное лицо, по которому катились еще слезы...

— Зачто ругать? Съ ума я сошелъ, что-ли? отвѣтилъ Гребцовъ.

— Бей меня, ради христа! Гдѣ у меня, окаяннаго, глаза были, чего я смотрѣлъ!

— Ну, тебя! пойдѣмъ домой, садись со мной на лошадь.

— Не сяду.

— Садись, говорятъ тебѣ.

— Не могу.

Гребцовъ взялъ его за плечо, повернулъ спиной къ пожару и пошелъ къ деревнѣ, ведя въ поводу лошадь.

— Ну чтожъ? апатично говорилъ онъ дорогой... Сгорѣло, такъ сгорѣло... Нужно съизнова строить. Съизнова и построятъ.... что дѣлать?

Пришли въ избу. Гребцовъ сѣлъ къ столу, облокотился на него и сидѣлъ молча, ни разу даже не взглянулъ на проходившую черезъ комнату дочь учителя. Онъ какъ будто замеръ на время. Наконецъ онъ всталъ.

— Мы завтра поговоримъ, глухо сказалъ онъ; а сегодня пора спать. Я усталъ.

— Не засну я, говорилъ Савва.

— Вздоръ. Какъ не заснуть... Надо спать, возразилъ учитель и, захвативъ фуражку, вышелъ изъ горницы.

Тихо прошелъ онъ подъ навѣсъ на сѣни, поправилъ сѣно, разостлалъ на немъ плащъ и улегся. Закрылъ онъ глаза, и снова яро и живо проходили передъ нимъ сцены сегодняшняго дня. Не спитъ онъ, а видитъ ясно все, что пережилъ за это время, точно воплотились его думы. Вотъ разстилается темная стѣнь, воетъ гдѣ-то собака, играетъ розовое зарево. Болѣзненно сжимается его грудь при отреченіи отъ любимой имъ дѣвушки въ пользу чужого человѣка. Вотъ пожаръ... Горить его добро, на которое онъ возлагалъ много и много надеждъ. Вотъ плачетъ Савва. Вотъ валитъ гудящая, мрачная толпа народа, въ которой нѣтъ кажется ни одного человѣка, не называвшаго его когда нибудь своимъ другомъ, пріятелемъ и отцомъ роднымъ, потому что все, что ни дѣлалъ учитель—

все дѣлать онъ для пользы этой дѣтски-вапризной толпы. Частые пожары сбили ее съ толку и она уже не различала, кто другъ, кто врагъ ея. И вотъ валить она. Вотъ появляется у ней, среди общихъ сожалѣній, неясныя, но тяжелыя подозрѣнія, вотъ сливаются они въ общій гулъ недоувѣрія; вотъ слышатся мрачныя городскія сплетни, и наконецъ среди этой массы, нѣкогда слушавшей съ глубокимъ довѣріемъ его совѣты, раздаются фанатическія восклицанія... Горькая улыбка искривляетъ его губы. Видятся ему другіе предпримчивые люди, которые на его мѣстѣ грабятъ народъ, нарочно затаптываютъ его въ самую неисходную бѣдность, и затѣмъ смѣло записываютъ его въ свои вѣчныя холопы... Не оклеветаетъ масса этихъ людей, не назоветъ ихъ врагами своими, и патриоты не распусятъ про нихъ страшныхъ сплетень...

ХVII.

ТРЕТІЙ УДАРЪ.

Утромъ на другой день послѣ описанныхъ сценъ, Гребцовъ былъ уже въ городѣ и, блѣдный отъ бессонной ночи, волненій и тревогъ, тихо рассказывалъ лекарю Корчагину объ окончаніи своей любовной исторіи, о пожарѣ мельницы и о сплетняхъ, распространившихся въ массѣ.

Бѣлый, каменный домъ, въ которомъ жилъ Гребцовъ, а въ послѣднее время также и Корчагинъ, стоялъ на берегу рѣки. Солнце свѣтило въ раскрытыя окна, вливался въ нихъ прохладный вѣтеръ, пробѣгавшій по рѣкѣ, и тихо шевелилъ волосы блѣднаго, задумчиваго Гребцова. Невеселъ казался молодому человѣку свѣтъ яснаго, жаркаго дня, не освѣжалъ его влажный рѣчной воздухъ и хоть смотрѣлъ онъ на волны рѣки, на ея зеленый, облитый солнечнымъ свѣтомъ берегъ, — но мрачны и грустны были его мысли.

Завучалъ волоколь.

— Опять набать, опять! тихо прошепталъ Гребцовъ и опустилъ голову.

— Все пожары, все пожары, тихо, какъ въ забыты, го-

ворилъ онъ. Каждый день волнуютъ они этотъ жалкій, бѣдный народъ.

— Безъ нихъ ни одно лѣто здѣсь не проходитъ, замѣтилъ Корчагинъ.

— Какое ему дѣло до того, что они всегда бываютъ... Развѣ онъ считаетъ ихъ, развѣ онъ помнить чтонибудь? горько говорилъ Гребцовъ. Развѣ онъ умѣетъ объяснять вещи естественными причинами? Дѣти, дѣти они... Вотъ они кричатъ, суетятся... Смотрите на нихъ... За что я люблю ихъ?

— Вы больны, замѣтилъ лекарь.

— Да, я боленъ; тихо отвѣтилъ Гребцовъ... У меня голова какъ въ тискахъ... и ознобъ.

— Ложитесь въ постель.

— Да, я лягу, усталъ сказалъ учитель и смялся въ креслѣ, вытянувъ руки и опустивъ голову.

Корчагинъ всталъ и закрылъ окно. Гребцовъ взглянулъ на него.

— Зачѣмъ закрываете? сказалъ онъ. Вы думаете меня беспокоитъ этотъ шумъ? Наводитъ онъ на меня дурныя мысли? Ошибаетесь. Мои дурныя мысли кричатъ во мнѣ громче этихъ колоколовъ и гораздо громче всего этого крика и стука колесъ.

— Напрасно, замѣтилъ лекарь, закрывъ окно и приготовляя постель.

— Полноте, сказалъ Гребцовъ, вставая. Я не ребенокъ больной. Я самъ приготовлю постель. Не говорите мнѣ только подобныхъ вещей... Не напрасно... Невесело убѣждаться въ томъ, что всѣ наши работы и школьныя рѣчи ни пошли впрокъ народу и не научили его быть разсудительнымъ. Вотъ тутъ и работай послѣ этого...

Гребцовъ горько улыбнулся и прилегъ на постель...

— Что еще тамъ? спросилъ онъ черезъ минуту и приподнялся.

На дворѣ раздавался глухой шумъ.

Корчагинъ началъ отворять окно, но въ ту же минуту послышался на лѣстницѣ топотъ многихъ шаговъ... Гребцовъ быстро поднялся, отворилъ дверь и отступилъ передъ толпой народа...

— Что вамъ? спросилъ больной учитель холоднымъ, звучнымъ голосомъ и окинулъ толпу горящимъ взглядомъ.

Въ толпѣ раздався смѣшанный гулъ.

— Ищи ихъ!... чего тутъ разговаривать!... Подъ постель надо глянуть! Слышались голоса.

— Чего тебѣ надо? вскричалъ блѣдный, какъ полотно, Гребцовъ и желѣзной рукой схватилъ за плечо перваго, двинувшагося впередъ.

— Давай поджигателей! выводи ихъ, кричала толпа.

— Какихъ? съ чего вы вяли? спросили въ одинъ голосъ и Гребцовъ и Корчагинъ...

— Какихъ!.. Можетъ и у тебя гдѣ спрятаны... Къ тебѣ вѣдь всякой народъ таскается! Подай!.. чего разговаривать!.. бѣсновалась толпа.

Гребцовъ и леварь стояли лицомъ къ лицу съ суетливою, дикою и разъяренною толпою. Среди ея были люди, дѣтей которыхъ бесплатно училъ Гребцовъ, были бѣдняки, у которыхъ Корчагинъ не разъ просиживалъ ночи, спасая ихъ отъ болѣзни и смерти. Оба молодые человѣка видѣли этихъ обязанныхъ имъ, называвшихъ ихъ отцами родными, людей — и видѣли ихъ грозящими, дикими, готовыми растерзать своихъ учителей и спасителей.

Гребцовъ былъ блѣднѣе полотна, глаза его горѣли, руки дрожали.

— Вы вѣдь знаете насъ! крикнулъ онъ. Чего-жь вамъ надо? Какое право вы имѣете, чтобы взволновать на насъ такія страшныя подозрѣнія?.. Идите отсюда!..

— Подай поджигателей!.. грохотала толпа.

— Ихъ не бывало въ моемъ домѣ!..

— Вреть! — Вери ихъ!..

Толпа зашевелилась!..

— Опомнитесь!.. говорилъ Корчагинъ!..

— Прочь! вскричалъ Гребцовъ. Нечего больше дѣлать имъ толковать. Мнѣ надоѣло говорить... Вонъ отсюда!..

Онъ повернулся, схватилъ со стѣны револьверъ и шагнулъ къ толпѣ... Она зашевелилась, загудѣла и затѣшилась къ двери.

Гребцовъ стоялъ неподвижный, блѣдный, какъ статуя, и револьверъ не дрожалъ въ его рукѣ. Наконецъ вышелъ изъ двора послѣдній человѣкъ... Корчагинъ захлопнулъ дверь!..

Гребцовъ бросилъ револьверъ, упалъ на постель и зарыдалъ, какъ ребенокъ...

Лекарь сидѣлъ на окнѣ и угрюмо смотрѣлъ на плачущаго учителя.

Кто-то постучался въ дверь.

— Кто тамъ? спросилъ Корчагинъ.

— Капитанъ Харитоновъ! окрѣчалъ знакомый голосъ.

Корчагинъ отперъ дверь.

— Ну что?... спросилъ запыхавшійся стрѣлковый капитанъ.

— Да ничего, отвѣчалъ лекарь, пожимая ему руку.

Капитанъ взглянулъ на рыдающаго учителя и замолкъ, — грусть, сочувствіе и уваженіе рѣзко нарисовались на его честномъ, загорѣломъ лицѣ. — Гребцовъ рыдалъ неудержимо, рыдалъ болѣзненно, могучая грудь его надрывалась отъ этихъ рыданій.

Черезъ четверть часа онъ затихъ и, казалось, пересталъ дышать. Корчагинъ взглянулъ ему въ лицо и увелъ капитана въ другую комнату.

XVIII.

Последняя глава.

Цѣлую недѣлю молодая и вѣрпкая натура Гребцова боролась съ припадками нервной горячки, но сила и вѣрность его природы восторжествовали. Гребцовъ началъ поправляться.

Былъ тихій и теплый вечеръ. Сильно похудѣвшій и поблѣднѣвшій учитель сидѣлъ въ креслахъ передъ отвореннымъ окномъ и задумчиво смотрѣлъ на рѣку и степь. Слабый румянецъ игралъ на его худыхъ щекахъ; радовался онъ, что опять вступаетъ съ прежними силами на житейское поприще, хотя передъ нимъ открывался долгій и трудный путь, который приходилось начинать съизнова.

Учитель былъ не одинъ въ комнатѣ... Передъ нимъ, положивъ морду на его колѣни, лежалъ вѣрный Урвай капитана Харитонова... Самъ капитанъ сидѣлъ на диванѣ, а подлѣ него помѣщался лекарь Корчагинъ... Оба они тоже похудѣли и тоже пошевелили съ тою лишь разницею, что капитанъ смот-

рѣлъ совершенно убитымъ, а въ глазахъ лекаря горѣла мрачная, но упорная, хотя можетъ быть и злобная, энергія.

— Что вы чувствуете? спрашивалъ лекарь...

— Разстройство, сказалъ капитанъ, положивъ руку на лобъ. Слабость, продолжалъ онъ и перенесъ руку на грудь... Все плохо, закончилъ онъ и опустилъ голову...

Корчагинъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Знаете, что я вамъ скажу? спросилъ онъ

— Скажите...

— У васъ есть тяжелое горе, тихо сказалъ лекарь.

Капитанъ печально вивнулъ головой...

— Да, горе, промолвилъ онъ и тяжело вдохнулъ...

— Нельзя ли устранить его? спросилъ Корчагинъ...

— Горе, горе! глухо, точно въ раздумьи, проговорилъ капитанъ... Что можетъ быть тяжелѣе семейнаго горя!..

— Можетъ быть, слабо и сдержанно прошепталъ Гребцовъ.

Капитанъ повернулъ голову въ постели учителя.

— Можетъ быть болѣе тяжелое горе, заговорилъ учитель слабымъ голосомъ. Семейное горе можно устранить, можно отъ него избавиться, но есть горе, отъ котораго никуда не уйдешь, потому что оно вездѣ царствуетъ, вездѣ присутствуетъ...

— Я не могу убѣжать изъ семьи своей, потому что я люблю ее...

— Зачѣмъ бѣжать; не надо только стѣснять ее... Если кто искренно любитъ другого человѣка, то не стѣснить его, а предоставить ему идти его вольной дорогой... Онъ не броситъ его, не выгонитъ его на голодъ и холодъ, а поможетъ ему добиваться его счастья...

— Но зачто я страдаю? Развѣ я виноватъ въ чемъ нибудь?...

— Ни вы, ни другой человѣкъ не виноваты, — отвѣчалъ учитель... Есть другіе враги и преступники... И первый врагъ нашъ — жизнь наша... Въ жизни нашей царитъ и голодъ, который принуждаетъ человѣка къ преступленіямъ, царитъ въ ней и деспотизмъ, который отталкиваетъ сына отъ отца, жену отъ мужа и т. д.

— Я не виноватъ въ этомъ!.. вскричалъ капитанъ...

— Царить въ ней и бездѣтельность, и скука, которые томятъ человѣка, порождаютъ въ немъ мелочныя прихоти, напризы, и часто заставляютъ человѣка броситься въ первую попавшуюся ему гадость, въ которой онъ видитъ средство для развлеченія...

Капитанъ опустилъ голову...

— Условія нашей жизни — нашъ врагъ... Ее и обвиняйте, ее и старайтесь передѣлать, но не обвиняйте и не домайте человѣка... Тѣсно какому нибудь человѣку идти съ вами рука объ руку — оставьте его... Нужна ему ваша помощь — помогите ему... Но не думайте вы, что этой помощью вы покупаете его въ свою полную собственность, — не торгуйте людьми и не покупайте ихъ...

— Значитъ все погибло? вскричалъ капитанъ поднимаясь...

— Зачѣмъ! говорилъ учитель... И я имѣлъ семью, большую семью, могучую, сильную семью... Разразилась гроза, и моя семья погибла... Мнѣ тяжело было, я плавалъ, какъ ребенокъ, я болѣлъ; но развѣ я говорю, что все погибло?... Нѣтъ... погибло нѣсколько лѣтъ жизни, но не погибла вся жизнь... Я начну съизнова, я снова соберу свою семью... Она снова признаетъ меня, потому что я ей нуженъ, потому что ее давитъ голодъ, угнетеніе, скука, и ей нужны люди, которые вели бы ее на свѣжій воздухъ... Я потерялъ все; вы потеряли одного человѣка.. Я надѣюсь опять найти еще больше чѣмъ прежде; неужели же вы не можете найти одного человѣка...

Гребцовъ всталъ и подошелъ къ капитану...

— Вы молоды, вы честны, вы добры, говорилъ учитель: неужели вы допустите этому личному горю убить васъ?..

Голова капитана клонилась ниже и ниже... Онъ хотѣлъ скрыть свои невольныя слезы...

Солнце закатилось. Быстро наступала темная, ароматическая и звѣздная ночь. Всѣ три собесѣдника сидѣли на диванѣ и разговаривали въ потьмахъ. Бесѣда ихъ была спокойна, откровенна и тепла...

— Да, — говорилъ честный капитанъ Харитоновъ, — многого я не понималъ до сихъ поръ... Потому должно быть, что учился мало... А во всякомъ случаѣ трудно было. Приходи-

лось мнѣ, напришибъ, задавать себѣ вопросы такого содержания: отчего, молъ, солдатъ пьянствуетъ?.. Отчего, молъ, не смотря ни на какія мои убѣжденія и мѣры, онъ не перестаетъ пить и развратничать, хотя и самъ даже сознаетъ, что пить и развратничать не слѣдуетъ?.. Горькое было мое положеніе... Ну и спасибо же вамъ, братцы. И я же теперь буду младшимъ членомъ вашей семьи...

И горячо жаль честной капитанъ руки левари и учителя...

. . . . .

Въ раскрытیا окна смотреть чистое звѣздное небо, заливаетъ въ нихъ сильный вѣтеръ, доносятся въ нихъ рваные лошадей въ степи и тихій плескъ рѣчныхъ волнъ. Горятъ въ комнатѣ свѣчи... Посрединѣ комнаты стоитъ Анна Михайловна Лосева, а вокругъ нея размѣщаются Гребцовъ, Корчагинъ, капитанъ и мать учителя...

— Прощайте, говоритъ маленькая женщина. Не забывайте меня... На щекахъ ея горитъ румянецъ, глаза ея блестятъ спокойствіемъ и даже веселостью...

— Не забываютъ меня, а я никогда не забуду вашу кружку. Дайте мнѣ, господа, пожать ваши руки, можетъ быть въ послѣдній разъ...

Грустная нота послышалась въ ея голосѣ...

— А вамъ, обратилась она къ Корчагину, я жму руку крѣпче всѣхъ, потому что я теперь здорова и весела, потому что вы меня вылечили...

Корчагинъ молча поклонился и тоже вѣриво пожалъ ея руку...

И. Шаминъ.

ВОСПИТАНІЕ ХАРАКТЕРА.

I.

Крымская война убѣдила насъ, что русскому обществу недостаетъ многого, чтобы стать въ уровень съ Европой. Неудачи и потери заставили насъ взглянуть попристальнѣе, чего именно у насъ недостаетъ, и оказалось, что недостаетъ знаній. Отъ этого мысль Бокля, что прогрессъ челоуѣчества зависѣлъ не отъ моральнаго развитія людей, но отъ суммы знаній, находящихся въ общемъ распоряженіи, и получила у насъ такую популярность. Съ этихъ поръ всякій и при всякомъ удобномъ случаѣ старался напомнить русскому обществу, что оно ровно ничего не знаетъ и что ему нужно учиться. Предположимъ же, что мы начали учиться сейчасъ же по окончаніи Крымской войны, и къ 1866 году научились всему, что каждый нашъ деларь равняется знаніями Фирхову; каждый учитель математики—Ньютону; каждый натуралистъ—Фохту. Выиграетъ ли русское общество отъ такой волшебной перемѣны и превращенія всѣхъ образованныхъ людей въ европейскія знаменитости? Читатели говорятъ, что выиграетъ, ибо всѣ наши больные будутъ лечиться у Фирхововъ, школьники будутъ учиться у Ньютоновъ, Гумбольдтовъ, Риттеровъ и т. д. Но будетъ ли достаточно для Россіи, если она будетъ учиться у превосходнѣйшихъ специалистовъ, какихъ только можетъ выставить образованный міръ въ настоящее время? На этотъ вопросъ отвѣтилъ въ томъ же 1856 году Пироговъ, и вся Россія согласилась съ нимъ. Тогда еще было рѣшено, что однихъ специалистовъ для благоденствія и силы страны недостаточно и что кромѣ специальныхъ знаній нужно еще нѣчто, дѣлающее

специалиста и всякаго челоѣка гражданиномъ. Какія же это знанія превращаютъ специалиста въ гражданина: географія, грамматика, исторія, математика, артиллерія, архитектура? Нѣтъ. Можно быть хорошимъ математикомъ, артиллеристомъ, архитекторомъ, превосходнымъ сапожникомъ, столяромъ и въ то же время плохимъ общественнымъ челоѣкомъ. Какъ же и гдѣ научиться быть гражданиномъ, въ какихъ школахъ учать гражданской наукѣ, и существуетъ ли гдѣ такая наука?—Чтобы быть хорошимъ гражданиномъ, нужно быть энергическимъ и честнымъ челоѣкомъ, т. е. имѣть благородно чувствующее сердце. Ни географія, ни исторія, ни математика, дѣйствующія исключительно на интеллектъ, этимъ дѣломъ не занимаются; развитіе характера и сердца досталось на долю отвлеченной морали. Отвлеченная, метафизическая нравственность до сихъ поръ имѣетъ огромное воспитательное значеніе. Но дѣйствительная жизнь шла слишкомъ въ разрѣзъ съ теоретическимъ преподаваніемъ морали, и была сильнѣе ея. Отъ этого преподаваніе братской любви, самопожертвованія и т. п. оставалось одними красивыми словами, неприводившими ни къ какому практическому результату. Моралисты изъ всѣхъ силъ старались учить людей нравственности, но никто не становился добродѣтельнѣе и школа оказывалась совершенно безсильной насадить въ юныхъ сердцахъ честность и братолюбіе. Единственнымъ нравственнымъ воспитателемъ являлась жизнь, дѣлавшая cadaго челоѣка ровно настолько добродѣтельнымъ, насколько люди не могли наносить вреда другъ другу. Это значить, что людская добродѣтель стояла на своемъ минимумѣ, и люди не вредили одинъ другому только тогда, когда имъ было это невозможно.

Но этотъ роковой законъ, которому подчинялось челоѣчество во всей своей массѣ, не имѣлъ примѣненія къ частнымъ случаямъ. Отдѣльные люди, называющіеся обыкновенно передовыми и нравственно сильными, выдѣлялись при самой дурной обстановкѣ въ энергическихъ и честныхъ людей. Значить, очевидно, что въ самой жизни и въ органическихъ условіяхъ этихъ лучшихъ людей заключались какія нибудь условія благоприятныя для подобнаго развитія. А если эти условія существовали для отдѣльныхъ людей, почему бы имъ не существовать, въ известной степени, и для всѣхъ? Если упражненіе ума можетъ развить его силы, какъ гимнастика развиваетъ тѣло, то почему бы и сердцу не придать силы воспитаніемъ?

Неуспѣшность моральнаго воспитанія происходитъ ли отъ совершенной неспособности человѣка быть честнымъ и энергическимъ или отъ неправильнаго и неловкаго приложенія моральныхъ воспитательныхъ приѣмовъ, дѣлающаго безплоднымъ всѣ усилія моралистовъ, проповѣдующихъ въ пустынѣ? Вопросъ значить въ томъ, можетъ ли школа сдѣлать что нибудь для человѣка въ развитіи его сердца и приготовить изъ него честнаго и нравственно-сильнаго человѣка и гражданина, или она должна отказаться отъ этой задачи, предоставивъ человѣка водовороту жизни? Можетъ ли она дать человѣку силу барахтаться въ болотѣ, если ему, по случаю, пришлось провалиться, или же она не можетъ дать ему никакой силы, такъ что юноша, очутившійся въ тинѣ, долженъ сложить руки и, не дѣлая ровно никакихъ усилій и попытокъ выйдти на сухое мѣсто, съ покорностью судьбѣ опуститься на самое дно? Должна ли школа быть поглощена совершенно живнію, или же она можетъ выпускать на свѣтъ божій энергическихъ и честныхъ людей, которые своею нравственною силой и нравственнымъ вліяніемъ потянутъ челоѣчество впередъ. скорѣе чѣмъ оно шло до сихъ поръ, по пути прогресса?—Все это можетъ сдѣлать школа, если только она будетъ тѣмъ, чѣмъ она должна быть. А до сихъ поръ роль ея была самая жалкая, потому что школа была какииъ-то отдѣльнымъ миромъ, неизмѣющимъ почти ничего общаго съ живнію. Школа была сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Школа была рассадникомъ какииъ-то теорій и знаній, съ которыми челоѣкъ рѣшительно не знаетъ, что ему дѣлать по вступленіи въ жизнь. Но нужно, чтобы въ школѣ, въ хорошемъ, честномъ видѣ существовали бы всѣ тѣ же общественныя отношенія, какія существуютъ и въ дѣйствительной жизни; чтобы жизнь являлась только продолженіемъ школы, отличааясь отъ нея лишь большею сложностью отношеній и большимъ масштабомъ. Если при соблюденіи этого условія школа не сдѣлаетъ каждаго, безъ исключенія, честнымъ и энергическимъ, то она все-таки создастъ несравнено большее число хорошихъ людей, чѣмъ она создавала до сихъ поръ.

II.

Только въ здоровомъ тѣлѣ здоровый духъ, говорили древніе. Конечно встрѣчаются случаи, когда повидимому слабое тѣло обнару-

живасть большую энергію; но это еще ничего не доказываетъ, потому что никто не знаетъ, какого размѣра энергію обваружилъ бы тотъ же самый организмъ при большой мускульной силѣ.

Если бы зло школы при физическомъ воспитаніи заключалось лишь въ томъ, что она не заботилась бы объ укрѣпленіи организмовъ— съ этимъ можно бы еще какъ нибудь помириться; но школа дѣйствуетъ хуже: она даже сильныхъ дѣтей дѣлаеть слабыми и посылаетъ въ нихъ начала тѣхъ нервныхъ страданій, которыя кончаться нерѣдко преждевременнымъ истощеніемъ, сумасшествіемъ, или на всю жизнь дѣлаеть человѣка тряпкой.

При общественномъ воспитаніи на соотвѣтственность пищи обыкновенно не обращается никакого вниманія. Всѣмъ воспитанникамъ, будь ихъ пятьсотъ или тысяча, дается не только совершенно одинаковая пища, но даже и порціи одного размѣра. Но соотвѣтствуетъ ли пища потребностямъ каждого отдѣльнаго организма, заключаетъ ли она въ себѣ всѣ начала, необходимыя для правльаго и всесторонняго его развитія,—это, разумѣется, неизвѣстно тѣмъ, кому это прежде всего необходимо знать.

Пища, принимаемая человѣкомъ, не заключаетъ въ себѣ всегда элементовъ того качества и количества, какія необходимы для существованія организма, а потому избытокъ углерода и водорода или жиробразователи отлагаются въ тканяхъ въ видѣ жира. Этотъ запасъ скопленнаго организмомъ матеріала расходуется имъ на дыханіе, если принятая впоследствии пища не заключаетъ въ себѣ достаточное для дыханія количество углерода и водорода. Такимъ образомъ организмъ ведетъ свое хозяйство, приберегая запасы для дыханія, когда ихъ въ принятой пищѣ больше, чѣмъ нужно, или же пускаетъ въ расходъ части сдѣланнаго запаса, если въ пищѣ мало жиробразователей. Изъ этого видно, что излишнее количество въ пищѣ углерода и водорода усваивается организмомъ легко и безъ всякаго вреда и служитъ только для уравновѣшенія потребности въ нихъ на случай недостатка.

Съ другими извѣстными веществами, пластическими, служащими для питанія, для возстановленія мяса, не то. Ни альбуминъ, ни фибринъ не могутъ скапливаться въ видѣ запасовъ, подобныхъ жиру. Введенные въ ткани или въ кровь въ излишествѣ, они производятъ жѣстныя воспаления, полнокрвіе, кровотеченіе, горячку. Организмъ старается выдѣлать изъ себя пластическія вещества, превышающія

его потребности; и выдѣленіе это совершается въ видѣ діарей или даже дизентріи, въ видѣ вередовъ и т. д. Поэтому дѣти, потребляющіе въ избыткѣ азотную пищу, легче подвергаются воспалительнымъ болѣзнямъ, каменной болѣзни и брюшнымъ страданіямъ, чѣмъ питающіеся веществами, служащими по преимуществу для дыханія. Но за то послѣдніе менѣе бойли и активны, блѣдны и страдаютъ часто опухлостями.

Такимъ образомъ, хотя избытокъ азотистой пластической пищи подвергаетъ организмъ большимъ и болѣе острымъ страданіямъ, но вредитъ также и избытокъ въ пищѣ веществъ, служащихъ матеріаломъ для дыханія. Поэтому пища должна состоять изъ соотвѣтственной смѣси тѣхъ и другихъ веществъ. Эта соотвѣтственность не имѣетъ однако постоянной, опредѣленной нормы. Мальчикъ съ развитыми легкими сжигаетъ, разумѣется, большее количество углерода для поддержанія теплоты въ своемъ тѣлѣ, чѣмъ мальчикъ съ легкими неразвитыми. Въ холодной мѣстности или въ холодную погоду нужно тоже больше матеріаловъ для дыханія, чѣмъ въ лѣтніе жары или въ теплой мѣстности. Поэтому для учебныхъ заведеній, находящихся въ разныхъ климатахъ или на различныхъ высотахъ надъ моремъ, должно быть не только различное отношеніе въ количествѣ пластическихъ и дыхательныхъ веществъ пищи, но и различное количество пищи. То же самое слѣдуетъ соблюдать относительно разныхъ воспитанниковъ одного и того же заведенія.

При приближеніи зрѣлости у мальчиковъ является обывновенно огромный аппетитъ. вмѣстѣ съ болѣе сильнымъ питаніемъ организма усиливается и его ростъ: грудь расширяется, становится толще, на рукахъ появляются значительно развитые мускулы. Если въ это время давать мальчику пищу въ недостаточномъ количествѣ, какъ это бываетъ тамъ, гдѣ порціи одного размѣра назначаются всѣмъ воспитанникамъ безразлично—и большимъ и малымъ—то ростъ тѣла задерживается, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваетъ мускульная сила и энергія духа. Но если съ другой стороны предоставить юношѣ полную свободу въ ѣдѣ, то лицо его начнетъ толстѣть безъ мѣры и получатъ грубые черты; кости становятся массивными, конечности дѣлаются тяжелыми, неуклюжими; кровь начинаетъ бить ему въ голову, и на лицѣ появляются прыщи. Все это очевидные признаки избытка питанія и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ уменьшать мясную порцію и увеличивать количество овощей.

При воспитаніи слѣдуетъ обращать строгое вниманіе на качество и количество пищи, и соотносить то и другое съ темпераментомъ. Ребенка или юношу нервного, лимфатическаго или сангвиническаго, нельзя кормить одинаковой пищей и въ одинаковомъ количествѣ; для каждаго темперамента долженъ быть свой режимъ. Климатъ и время года играютъ при этомъ тоже важную роль. Пища сангвиника должна быть менѣе возбуждательна, чѣмъ пища юноши лимфатическаго темперамента; пища нервика должна быть хотя довольно сильная, возстановительная, но не раздражительная; для людей желчныхъ хороши зелень и кушанья кислыя.

Вліяніе пищи до того важно въ періодъ наступленія зрѣлости, что излишнее питаніе однихъ органовъ на счетъ другихъ ведетъ къ порчѣ характера, къ развитію вредныхъ привычекъ, къ перевѣсу мозговой и нервной дѣятельности надъ мускульной. Есть юноши съ узкой грудью и плечами, съ слабой мускулатурой, питаніе тѣла которыхъ необходимо усилить и предписать механическія упражненія, которыя бы развили ихъ слабые органы. Есть другіе, развивающіеся слишкомъ быстро, у которыхъ мозговая дѣятельность значительно пересаливаетъ мускульную. Этимъ тоже нужно предписать подобный же режимъ и предохранить отъ преждевременной усиленной мозговой и нервной дѣятельности, ведущей къ истощенію физическому и къ моральной слабости.

Вообще слѣдуетъ заботиться больше всего о физическомъ развитіи, о крѣпости и силѣ тѣла. Это не значитъ однако, что нужно стремиться къ тому, чтобы производить атлетовъ; это значитъ только, что не зачѣмъ обращать почти исключительное вниманіе, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, на то, чтобы создавать гениевъ. Умственное воспитаніе до сихъ поръ ставилось всегда на первый планъ, и потому дѣтей заучивали до поселенія въ нихъ полнаго отвращенія ко всякому знанію. Отчего зависить тотъ фактъ, что громадное большинство, кончивъ школьное образованіе, не беретъ затѣмъ во всю свою жизнь рѣшительно ни одной книжки и откаивается отъ всякой умственной дѣятельности, требующей хотя малѣйшаго напряженія? Фактъ этотъ никогда не могъ бы явиться, если бы умственные способности молодыхъ людей не истощали усиленнымъ ученіемъ въ школѣ до того, что способности наконецъ притуплялись и мозгъ становился на всю остальную жизнь неспособнымъ къ той дѣятельности, на которую онъ былъ бы способенъ при иныхъ условіяхъ.

Воспитаніе въ этомъ случаѣ достигало какъ разъ результата противоположнаго тому, къ которому оно стремилось и, желая создавать умныхъ, знающихъ, развитыхъ людей, оно напротивъ создавало людей съ истощенными умственными силами, неспособныхъ уже къ головной дѣятельности и къ дальнѣйшему интеллектуальному развитію. Ничего подобнаго никогда бы не случилось, если бы воспитаніе тѣла стояло на первомъ планѣ и главное вниманіе обращалось бы на созданіе здоровыхъ и сильныхъ организмовъ. Здоровое тѣло создало бы здоровый духъ, и интеллектъ, неподавленный перевѣсомъ мускульнаго развитія тѣла, остался бы въ своей нормальной силѣ, не утративъ нисколько способности къ дальнѣйшему развитію. Конечно нѣтъ никакихъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія степени притупленія человѣческихъ способностей, отъ возбужденія усиленной и преждевременной мозговой дѣятельности во время воспитанія; но тѣмъ не менѣе совершенно неопровержимо, что такое систематическое притупленіе, повторяющееся изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ теченіе многихъ вѣковъ, вело неизбежно къ ослабленію умственныхъ способностей людей и служить одной изъ причинъ того людского тупоумія, которое мѣшаетъ общественному развитію Европы и задерживаетъ ея прогрессъ. Не будутъ люди притупляться съ молодости — станутъ они умнѣе; а слѣдовательно легче станутъ понимать то, что большинству такъ называемыхъ образованныхъ людей совершенно недоступно. Повсюду простой, необразованный народъ составилъ себѣ репутацію здраваго смысла. Отчего же этимъ здравымъ смысломъ и быстротой соображенія не отличаются образованные? Только потому, что ихъ заучивали изъ поколѣнія въ поколѣніе и притупили въ нихъ сообразительность. Чтобы воротить эту утраченную силу, есть только одно средство: обратить больше вниманія на физическое воспитаніе и дать истощенному людскому мозгу отдыхъ для возобновленія своихъ утраченныхъ силъ. Повторяю, что это вовсе не значить, чтобы сдѣлать изъ школы расадникъ гимнастиковъ, акробатовъ и атлетовъ; это значить только то, что не нужно заучивать дѣтей, нарушая въ нихъ равновѣсіе между мускульной и нервной дѣятельностію. Это нарушеніе вело вовсе не къ здоровому развитію ума, а только къ уродливымъ его отправлениямъ, къ раздражительной дѣятельности нервной системы, къ преждевременному возбужденію половыхъ стремленій, и къ ужаснѣйшему бичу цивилизованнаго человѣчества, — къ онанизму.

Онанизмъ является только потому, что преждевременно возбуждена нервная система. Дѣти живые и крѣпкіе рѣдко подвергаются подобной ранней половой раздражительности; тогда какъ слабые и больные бываютъ всегда большими или меньшими онанистами. Одно средство противъ этого зла заключается въ мускульномъ трудѣ, который, развивая тѣло, отвлекаетъ дѣятельность организма отъ половыхъ центровъ. Онанизмъ неизвѣстенъ простонародью, или по крайней мѣрѣ составляетъ у него совершенно рѣдкое исключительное явленіе, тогда какъ образованное сословіе, разслабленное воспитаніемъ и ранней, усиленной мозговой работой, страдаетъ имъ почти все безъ исключенія. Наставники, воспитатели и начальники общественныхъ воспитательныхъ заведеній знаютъ очень хорошо, какія вредныя вещи и въ какихъ разнообразныхъ формахъ совершаются ихъ воспитанниками, и стараются принимать противъ зла разныя мѣры, по преимуществу карательнаго свойства; но увы! ни одна изъ этихъ мѣръ не принесла ожидаемой пользы, да и принести ея не можетъ, потому что преслѣдуетъ послѣдствія, не касаясь причинъ. Сдѣлайте юношей мускулистыми и сильными, не раздражайте ихъ нервовъ, и вамъ будетъ некого и не за что наказывать, и молодые люди не станутъ расходовать воѣхъ своихъ силъ и не станутъ устремлять своего воображенія, чтобы удовлетворить потребностямъ организма, преждевременно возбужденнаго къ разрушительной для него дѣятельности. Слишкомъ раннія половыя отправления такой ужасный бичъ современнаго общественнаго воспитанія, что едва ли это не важнѣйшій вопросъ, на который слѣдуетъ обществу обратить вниманіе. Кого мы хотимъ готовить изъ своихъ дѣтей — женоподобныхъ смертныхъ, людей неспособныхъ ни къ какой энергической дѣятельности и къ умственной жизни, или же людей крѣпкихъ тѣломъ и слѣдовательно энергическѣе и умныхъ? Если послѣднихъ, то нужно кореннымъ образомъ измѣнить всю систему домашняго и общественнаго воспитанія; если же намъ нужны женоподобные мужчины, съ разстроенной нервной системой, преждевременно израсходовавшіе всѣ свои умственныя и физическія силы; то намъ не зачѣмъ обманывать другъ друга, не зачѣмъ прикидываться благодѣтелями юношества; а всѣ мы, занимающіеся общественнымъ воспитаніемъ, такъ и будемъ говорить, что мы не хотимъ измѣнить своей системы воспитанія, потому что желаемъ награждать человечество изъ поколѣ-

нія въ поколѣніи людьми слабыми, распущенными и ни на что негодными.

Нарушеніе гармоніи въ отправленияхъ разныхъ частей организма и перевѣсъ мозговой и нервной дѣятельности надъ мускульной создаютъ ту легкость нравовъ и пустоту въ общественныхъ отношеніяхъ, которая невзбѣжна, если направленіе общественной жизни зависитъ отъ людей инертныхъ, слабыхъ тѣломъ и характеромъ. Преждевременная дѣятельность неокрѣпшихъ органовъ будетъ, разумѣется, слабой, неправильной, уродливой, однимъ словомъ ненормальной; а потому конечно и форма, въ которой она станетъ проявляться, будетъ отличаться качествами подобнаго же несовершенства. Отъ этого весьма понятно, что разслабленная молодежь вмѣсто дѣятельности общественно-полезной, для которой требуется известная сила мысли и характера, отдается, по немѣнью того и другого, дѣятельности болѣе легкой и болѣе сообразной съ ея разслабленной нервной системой. Только отъ этого и возможенъ фактъ тѣхъ пустыхъ общественныхъ удовольствій, заманчивость которыхъ заключается исключительно въ томъ, что они льстятъ чувственности. Въ прошедшемъ столѣтіи парижскіе придворные обычай и ослабляющее нервы воспитаніе проникали только въ аристократическіе круги, и потому утонченный развратъ и неспособность жили только между аристократами. Теперь же то же самое зло, опустившись ниже, проникло въ слой общества, выдающій себя за представителя демократизма. Но какой же это демократизмъ, когда ни одна порядочная женщина не рѣшится идти одна по улицѣ, даже многолюдной, безъ того, чтобы не натолкнуться на предупредительную вѣжливость какого нибудь услужливаго демократа, получившаго социальное воспитаніе въ тащклассѣ Марцингевича? Какой же это демократизмъ, когда всѣ силы юношей уходятъ на пустое куртизанство и на охоту за горничными и камеліями? Но нельзя и требовать противнаго, пока воспитаніе будетъ разслаблять людей и, убивая въ нихъ здоровыя силы, станетъ заниматься спеціально возбужденіемъ половой дѣятельности, ведущей исключительно къ ценсуальности и къ разнымъ видамъ чувственныхъ удовольствій, только и удовлетворяющихъ потребностямъ разслабленнаго и односторонне развитаго организма. Слабые люди не могутъ быть способны къ здоровой дѣятельности, требующей силы, пока общество будетъ созда-

вать воспитаніемъ разслабленныхъ людей, напрасно возставать противъ легкости нравовъ, пустоты общественныхъ удовольствій и траты силъ молодежи на пріятное бездѣлье.

III.

Совершенно ошибаются тѣ, кто считаетъ существующую школу мѣстомъ одного теоретическаго образованія; школа даетъ по преимуществу воспитаніе практическое, и практика ея по своимъ недостаткамъ не отличается ничѣмъ отъ практики дѣйствительной жизни. Наставники и воспитатели вносятъ въ школу нравы и обычаи превосходно подготовляющіе молодыхъ людей къ тому, противъ чего по настоящему наставникамъ слѣдовало бы бороться изъ всѣхъ силъ. Изъ школы дѣлается мірокъ, въ которомъ почтенные воспитатели стараются насадить плевелы жизни и вмѣсто того, чтобы противоdѣйствовать дурнымъ наклонностямъ и развивать хорошія, они подавляютъ послѣднія и даютъ ходъ первымъ. Такимъ образомъ школа становится совершенно солидарной съ жизнью и, заимствуя отъ нея недостатки, воспитываетъ въ нихъ людей, которыми и комплектуется общество. Извѣстно, что человѣкъ любитъ больше всего самого себя, и личная польза служитъ основнымъ его двигателемъ. Ребенокъ любитъ только то, что доставляетъ ему пріятное; все, что ему неприятно, не пользуется его расположеніемъ. Это стремленіе къ пріятному можетъ проявляться въ удовлетвореніи хорошихъ или въ удовлетвореніи худыхъ наклонностей и побужденій. Школа содѣйствуетъ не первому, а второму; она развиваетъ эгоизмъ не того сорта, который зовется братолюбіемъ, самопожертвованіемъ, гуманностью, а эгоизмъ низкаго разбора, выражающійся любовью къ похвалѣ и стремленіемъ къ удовлетворенію суетныхъ желаній. Такимъ образомъ эгоистъ-ребенокъ, неумѣющій еще чувствовать наслажденія быть полезнымъ ближнему, превращается въ школѣ въ себялюбиваго юношу и вступаетъ наконецъ и въ жизнь себялюбивымъ молодымъ человѣкомъ. Понятно, что изъ него не можетъ выйти полезный общественный дѣятель. Люди, развивающіе въ дѣтяхъ суетность и любовь къ похвалѣ переносятъ въ этомъ случаѣ въ школу недостатки, отъ которыхъ, страдаетъ общество взрослыхъ людей и прививаютъ къ дѣтямъ свои собственныя слабости. Такое возстановленіе солидарности

между взрослыми и подрастающими начинается уже съ того момента, когда ребенокъ только что начинаетъ понимать, и заключается въ ошибочной системѣ поощренія ребенка и возбужденія въ немъ желанія исполнять волю родителей или воспитателей. Родителямъ всегда бываетъ очень пріятно, когда ихъ дѣтей находятъ умными, талантливыми, красивыми. Всѣ похвалы, расточаемыя дѣтямъ, родители принимаютъ какъ несомнѣнное и пріятное доказательство своего собственнаго ума и красоты, перешедшихъ по наслѣдству въ ихъ потомство. Иначе сказать, всякая похвала ребенка принимается родителями на свой счетъ, и маститые дубы гордятся тѣмъ, что они произвели желудь, а не простой орѣхъ со священъ. Въ этомъ стремленіи къ удовлетворенію суетнаго желанія родители учатъ своихъ четырехлѣтнихъ сыновей, неумѣющихъ еще безъ помощи няни надѣть панталоны, баснямъ Крылова, и карапузикъ-мальчуганъ, которому бы нужно кувыряться и бѣгать, долженъ заучивать, какъ попугай, совершенно непонятныя для него слова и фразы, чтобы засвидѣтельствовать предъ первымъ гостемъ, котораго занесетъ судьба, воспитательное тупоуміе своихъ родителей. Вмѣсто того, чтобы сказать папенькѣ и маменькѣ, что они дѣлаютъ пустяки, вѣжливый, а можетъ быть нехитрый умомъ гость, назвавши ребенка умнымъ мальчикомъ, поглядятъ его по головѣ, затѣмъ маменька дастъ умному мальчику конфетку и заставитъ его вызубрить новую басню. Похвала и конфеты ребенку, конечно, очень нравятся, и уже съ первыхъ шаговъ жизни онъ научается дѣйствовать изъ-за матеріальнаго вознагражденія и ради поощренія, нисколько впрочемъ не понимая, въ чемъ заключается величіе подвиговъ, опрокидывающихъ ему на голову подобныя рога изобилія. Съ дѣвочками, все будущее назначеніе которыхъ должно заключаться въ плѣненіи мужскихъ сердецъ, поступается нѣсколько иначе. Басни Крылова въ ихъ дѣтскомъ воспитаніи играютъ послѣднюю роль; но за то на первомъ планѣ стоятъ вышитыя панталончики и завиваніе въ панишотки волосъ. Ребенокъ, которому хочется смертельно спать или играть, долженъ высидѣть на мѣстѣ, по крайней мѣрѣ часъ, пока не усадитъ его голову шишками, навернутыми изъ бумаги и затѣмъ, съ этой куфюрой, долженъ отправиться спать. Вознагражденіемъ за всѣ мученія служатъ похвала и прииикъ, и ребенокъ донемногу приучается ко всѣмъ неудобствамъ туалета, лишь бы заслужить похвалу. Чтобы воспитать дѣвочку основательно въ суетности и тщеславіи, въ

ней пробуждаютъ соревнованіе, т. е. стремленіе быть одѣтой лучше другихъ. А какъ это соревнованіе больше ничего, какъ нравственное ратоборство, ведущее къ побѣдѣ или къ пораженію, то въ побѣдителя возбуждается чувство высокомерія, а въ побѣжденномъ горькое чувство безсилія, и такимъ образомъ кладется основаніе съ одной стороны гордости исключительно внѣшними достоинствами, формой; а съ другой—зависти. Дальнѣйшее воспитаніе дѣвочекъ и дѣвицъ есть больше ничего, какъ постоянное упражненіе этихъ двухъ чувствъ и погоня за формой, въ ущербъ сущности. Учится ли дѣвушка языкамъ, она дѣлаетъ это только для того, чтобы блистать въ обществѣ, а вовсе не для того, чтобы читать то, чего нѣтъ на отечественномъ языкѣ и приобрѣтать новыя знанія. Учится ли она музыкѣ, она заучиваетъ только блестящія салонныя пѣсы, не имѣя ровно никакого понятія о Моцартѣ, Бетховенѣ или Мендельсонѣ, и страдаетъ во всю свою жизнь такимъ же музыкальнымъ неразвитіемъ, каковымъ отличается въ умственномъ отношеніи. Появляется ли она въ обществѣ, она принимаетъ заученныя позы и если настолько осторожна, чтобы не рисоваться, то всегда настолько благовоелитана, что счумѣть занять самое выгодное для себя мѣсто, минуя сосѣдства съ женщинами болѣе красивыми или одѣтыми лучше. Постоянная привычка къ похвалѣ дѣлаетъ женщину совершенно неспособной выслушивать правду, даже высказанную самымъ мягкимъ образомъ. Она не оскорбляется, когда въ формѣ complimentовъ ей говорятъ самую наглую ложь, на счетъ несуществующихъ въ ней достоинствъ, и до того безобидлива къ подобнымъ оскорбленіямъ, что курносую женщину вы можете увѣрять смѣло, что у нея носъ Венеры Медичейской и доставите этимъ Венерѣ минуты самаго высокаго довольства; но спаси васъ Боже, сказать той же Венерѣ, что у нея носъ загнуть крючкомъ, хотя она удостовѣряется въ этомъ лично десятки разъ каждый день, смотря на себя въ зеркало. Суетность и тщеславіе, воспитываемыя такимъ образомъ въ женщинѣ, проявляются у нея во всѣхъ мелочахъ жизни; во всемъ она ищетъ похвалы, и все, что ни дѣлаетъ, она дѣлаетъ только для того, чтобы блистать или по крайней мѣрѣ не отстать отъ другихъ. Вотъ причина той роскоши бальныхъ костюмовъ, которая ложится такимъ тяжелымъ бременемъ на карманы почтенныхъ отцовъ семейства и такъ сокрушаетъ почтенныхъ мамонекъ. Вотъ причина, почему благоразумныя рѣшенія, принятая во многихъ провинціальныхъ горо-

дахъ, чтобы на обыкновенныя семейныя вечера прѣзжать за просто и даже съ работой, не повели ни къ чему. Такое требованіе было совершенно неразумительно и какъ неразумительное не могло конечно и осуществиться. Ну, какъ вы хотите, чтобы тщеславные и суетные люди превратились бы мгновенно въ мудрецовъ? Справедливо ли требовать отъ человѣка, воспитаннаго и школой, и жизнью въ привычкахъ пустого формализма и въ болѣе или менѣе блестящей внѣшности, лишенной всякаго здороваго содержанія, чтобы онъ оставилъ сразу свои привычки? То, что сокрушаетъ почтенныхъ мужей и родителей, больше ничего, какъ послѣдовательное логическое развитіе тѣхъ началъ, которыя они сами заложили; это плоды того древа тщеславія, суетности и погони за похвалой, которое они сами посадили своими собственными руками. Чтобы олучить другіе плоды, нужно посадить иныя сѣмена, и нашимъ семейнымъ вечерамъ не дожидаться скромныхъ и неразорительныхъ для родителей костюмовъ, пока мы не перестанемъ формировать тщеславныхъ людей, и пока наши собранія не будутъ служить для прекраснаго поля ареной для борьбы въ тщеславіе и выставкой человѣческаго легкомыслія и суетности. Повидимому противъ собраній и роскошныхъ костюмовъ не стоило бы говорить такъ много; но если читатель обратитъ свое вниманіе на экономическое зло, проистекающее отъ подобной пустой роскоши, и какая происходитъ оттого неправильность въ экономической производительности страны; то онъ согласится, что суетность, тщеславіе и зависть, проявляющіяся повидимому въ такихъ ничтожныхъ вещахъ, какъ чепчикъ съ райской птицей или безмѣрно широкій кринолинъ, имѣютъ глубокое значеніе, потому что подрываютъ экономическій и социальный бытъ народа въ самомъ корнѣ.

Въ жизни мужчинъ совершается тоже самое, но только въ иной формѣ, зависящей исключительно отъ характера мужской дѣятельности.

Четырехлѣтній мальчикъ, учившій за пріятель Крылова басни, на своемъ дальнѣйшемъ учебно-воспитательномъ поприщѣ укрѣпляется окончательно въ началахъ корыстности, безмѣрнаго самолюбія, нетерпящаго никакого возраженія, тщеславной гордости, смѣшанной съ приниженностію и заискиваніемъ, въ привычкахъ пустой внѣшности и формы, и неспособности къ существенно полезной для общества дѣятельности. Такія качества, убыточныя для гражданскаго и экономическаго благосостоянія общества, развиваются въ школѣ

исключительно двумя вещами: приѣрою старшихъ и системой поощренія и наказанія. Юноши, усвоившіе въ школѣ дурныя привычки, вступаютъ съ ними въ дѣйствительную жизнь уже совершенно приготовленными продолжать старыя дѣла и отстаивать грудью старыя общественныя недостатки. И вотъ почему школа, выпускающая на свѣтъ божій такихъ повидному свѣжихъ людей, способныхъ, какъ кажется, ко всему честному и хорошему, въ сущности формируетъ не авангардъ человѣчества, а отсталые полки и консервативный центръ. Этого бы не было, если бы практика школы была не практикой жизни, а практикой той теоріи, которая преподается въ школахъ и безъ осуществленія ея въ дѣйствительности остается только вѣтромъ, гуляющимъ въ пустынѣ. И почему школа старается мѣжъ всѣхъ силъ укрѣплять подрастающія поколѣнія въ недостаткахъ взрослыхъ людей и создавать непрямѣнно консерваторовъ? Или недостатки общества такъ плѣнительны и-выгодны, что ихъ нужно непременно сохранить, во что бы то ни стало? Консерватизмъ понятенъ тогда, когда нѣтъ отставается что-нибудь хорошее и благодѣтельное. Но что же хорошаго въ практическихъ проявленіяхъ суетности, тщеславія и зависти? Что хорошаго въ высокомѣрїи и униженїи? Что хорошаго въ томъ, что юноша, дѣлавшій все въ школѣ мѣжъ-за награды, и вступивъ на общественное поприще точно также дѣлаетъ все мѣжъ-за крестовъ, медалей, галуновъ и преимуществъ, доставляющихъ ему внѣшнія отличія? Погоня за поощреніями и наградами, льстивыми одному тщеславію и дающими пищу высокомѣрїи, создаютъ то, что повиновение замѣняется сервильзмомъ, а право власти переходитъ въ произволъ. Для того, чтобы подняться выше другихъ, люди рѣшаются на всякія низости, обманъ, и переносятъ всякаго рода оскорбленія. Имъ гораздо прїятнѣе и легче отрѣшиться отъ личнаго достоинства и увязнуть до лакейства, чѣмъ отказаться отъ какого-нибудь внѣшняго украшенія, доставляющаго возможность обнѣружить предъ другими свое тщеславіе и поломаться высокомѣрїемъ. Одно изъ непремѣнныхъ особенностей суетности заключается въ томъ, что оно живетъ на счетъ другого. Униженіе же влечетъ за собою зависть и неразлучную съ ней непримиримую ненависть. Вотъ почему нѣкоторые писатели и утверждаютъ, что во многихъ государствахъ Европы обычай и нравы имѣютъ аристократическій характеръ по чувству тщеславія, или демократическій мѣжъ зависти. Въ этомъ замѣчанїи есть огромная доля правды, и экономическій

и социальный антагонизмъ, существующій между разными сословіями и проявляющійся на Западѣ въ неоднократныхъ враждебныхъ народныхъ столкновеніяхъ, показали всю справедливость этихъ словъ.

Вопросъ о сущности и тщеславіи, рассматриваемый съ точки зрѣнія свѣтскихъ людей, представляется, разумѣется, незначительнымъ, потому что кому и какая бѣда, если моя тетенька надѣнетъ чепчикъ съ райской птицей; но если рассматривать тотъ же вопросъ во всѣхъ его послѣдствіяхъ и развѣтвленіяхъ, то онъ является вопросомъ, имѣющимъ высокую социальную и экономическую важность. Вся наша общественная и частная жизнь построена на принципахъ и началахъ, созданныхъ суетностію. Отсутствие чувства собственного достоинства, уживающееся въ одномъ и томъ же человѣкѣ съ высокомеріемъ; удовлетвореніе пустою блестящею вышностію и знаками одного наружнаго уваженія; формализмъ, затѣняющій сущность; разныхъ видовъ ложь и обманъ, и погоня за похвалой— все это развивается изъ суетности и тщеславія, которыя съ такимъ египетскимъ терпѣніемъ воспитываютъ въ своихъ дѣтяхъ тщеславные родители, учащіе своихъ Фенистогловъ баснямъ Крылова, и облачающіе своихъ дочекъ въ вышитые панталончики, и затѣмъ наставники и воспитатели, усердно раздающіе награды прилежнымъ и туманъ лѣнвымъ.

Читателю покажется, разумѣется, страннымъ, что такое огромное общественное зло происходитъ отъ того, что при воспитаніи существуетъ система наказаній, усвоенная изъ жизни, и что если прекратить наказанія и награды, то исчезнетъ и суетность со всѣми ея послѣдствіями, насколько они зависятъ отъ системы поощренія, считаемой школой единственнымъ двигателемъ юношества на пути умственнаго прогресса. А между тѣмъ это совершенно вѣрно. Я не говорю, что можно избѣгнуть совершенно наказаній, потому что это значило бы требовать отъ людей, чтобы они превратились въ ангеловъ; но я говорю, что нужно измѣнить существующую систему и измѣненіе это возможно потому, что и у насъ и вездѣ есть и разсудительные родители и разсудительные наставники, способные понимать правду и быть полезными обществу. Прежде всего слѣдуетъ избѣгать наказаній унижительныхъ, оскорбляющихъ въ ребенкѣ и въ юношѣ чувство собственного достоинства. Подобныя наказанія развиваютъ весьма сиверную особенность—тщеславіе дурнымъ. Ребенокъ, испорченный потерей стыда, впадаетъ въ молодечество и

дѣласть изъ-за него не только тысячи всякихъ глупостей, но и съ стоицизмомъ встрѣчаетъ наказаніе, лишь бы заслужить похвалу своихъ товарищей. Въ прежнія времена наши военно-учебныя заведенія формировали много такихъ молодцовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ старыхъ кадетовъ.—Многіе, наказавъ напавшаго ребенка, заставляютъ его еще извиняться. Зачѣмъ это униженіе? Оно только сламываетъ слабый характеръ, а въ ребенкѣ сильно возбуждаетъ озлобленіе. Еще большій вредъ характеру наносятъ унижающія наказанія, возбуждающія смѣхъ товарищей и вообще всякое наказаніе, сопровождаемое обидной насмѣшкой. Про наказанія, причиняющія физическую боль или наносящія раны, говорить нечего, потому что они должны быть совершенно изгнаны. Чтобы наказаніе достигало своей цѣли т. е. чтобы оно воспитывало дѣтей въ хорошихъ привычкахъ, нужно, чтобы вмѣсто дурныхъ сторонъ характера, которыя оно возбуждаетъ теперь, унижая человеческое достоинство и озлобляя, оно напротивъ дѣйствовало на хорошія стороны сердца. Наказаніе отнюдь не должно оскорблять человѣка, оно отнюдь не должно причинять физическихъ страданій; но оно должно служить только лишеніемъ возможности осуществить благородныя, великодушныя стремленія или лишеніемъ какого нибудь сильно желаемаго удовольствія. Разумѣется, примѣненіе этой системы не возможно вполнѣ, если ребенокъ былъ уже испорченъ домашнимъ воспитаніемъ; когда въ немъ уже укоренились привычки грубаго эгоизма и своекорыстія. Но когда ребенка вели съ самаго начала въ привычкахъ, доставляемыхъ удовольствіемъ дѣлать пріятное своимъ ближнимъ; то для него будетъ большимъ наказаніемъ лишеніе подобной возможности. Положимъ, что ребенокъ желаетъ сдѣлать вамъ, или кому другому, подарокъ; запретите ему это, и вы накажете его очень строго. Ребенокъ желаетъ оказать вамъ какую нибудь услугу, положимъ хотя принести спичку или папироску, не позволяйте ему этого, и то будетъ уже для него наказаніемъ. Подобное воспитаніе можетъ показаться развитіемъ въ ребенкѣ слишкомъ нѣжной чувствительности и неспособности къ перенесенію ударовъ и толчковъ жизни, но противъ этого возражаютъ факты дѣйствительной жизни. Система безчеловѣчныхъ наказаній, когда подъ розгами исчезало совершенно мясо и обнажались кости, не создала ни одного спартапца на тѣломъ, ни духомъ. Правда—старые кадеты, какъ и офицеры изъ битыхъ солдатъ былаго времени, дѣлались совершен-

но равнодушными къ человѣческимъ страданіямъ и сами повидимому могли переносить все; но не думается, чтобы этихъ спартацевъ можно было бы желать на будущее время или чтобы они могли служить доказательствами пользы лѣсоинстребленія съ педагогической цѣлью. Воспитанники слѣдующаго за тѣмъ періода, когда сѣли хотя и жестоко, но костей не обнажали, не обнаруживали въ практикѣ жизни тоже добродѣтелей и стойкости гражданъ древняго Рима, и при всей нечувствительности къ розгамъ были очень чувствительны ко всякимъ пустякамъ, болѣзненно раздражавшимъ ихъ самолюбіе. Людей этого сорта еще много теперь. Но иную особенность представляютъ люди, имѣвшіе умныхъ родителей и наставниковъ. Безъ розогъ, побоевъ и униженій они пришли къ тѣмъ нравственнымъ достоинствамъ, которыхъ въ другихъ не могли вложить никакія розги. Гуманное и умное воспитаніе не ослабило ихъ; воспитаніе сердца въ благородныхъ чувствахъ не сдѣлало ихъ слабыми. Если есть люди, способные чувствовать тонко, соединяя тонкость ощущеній съ истинной гражданской твердостью, и слѣдовательно способные переносить толчки жизни, то конечно только люди этого сорта. И причина въ томъ, что истинная сердечная мягкость неразлучна съ нравственной силой; ибо гдѣ сила, только тамъ гуманность и великодушіе; если же наказаніе будетъ ослаблять сердечную впечатлительность и мягкость станетъ замѣщать грубостью, то откуда взятся великодушіе и нравственному величію, которыхъ живутъ только въ сердцѣ неозлобленномъ, незагрубѣломъ и способномъ къ нѣжнымъ ощущеніямъ. Качество наказанія заключается вовсе не въ количествѣ, потому что въ такомъ случаѣ ипуть былъ бы самымъ высокимъ идеаломъ. Сила наказанія заключается въ его нравственномъ вліяніи, въ его исправительности, слѣдовательно лучшимъ наказаніемъ будетъ не то, которое отдѣляетъ мясо отъ костей; а то, которое заставляетъ человѣка не повторять дѣйствій, вредныхъ для себя и для другихъ. Человѣкъ, выросшій въ мягкой практикѣ или одаренный тонкой впечатлительностью, чувствуетъ укоръ взглядомъ; можетъ быть, больше, чѣмъ тотъ, кто, пройдя суровую школу, чувствуетъ угрожающіе жесты, зуботычины, подзатыльники и палки. Поэтому у умныхъ матерей — къ сожалѣнію еще очень рѣдкихъ — лишеніе пашалившаго ребенка ласки или суровый взглядъ вызываетъ въ провинившемся дитяти такія рыданія, какихъ не вызовутъ никакія рога. Физическое состояніе заставляетъ плакать только отъ

боли и озлобляетъ; тогда какъ нравственное, какъ приведенное выше, возбуждаетъ боязнь лишиться любви или уваженія, и слѣдовательно дѣйствуетъ страхомъ не портящимъ, а улучшающимъ чело-вѣка.

При существующей системѣ воспитанія, гдѣ все вниманіе обращено на такъ называемое развитіе умственныхъ способностей, — хотя въ дѣйствительности является не развитіе, а притупленіе — почти всѣ наказанія дѣлаются за лѣность. Но что такое лѣность и точно ли она существуетъ? Въ каждомъ чело-вѣкѣ лежитъ отъ природы потребность знанія; она также присуща чело-вѣческому организму, какъ потребность пить, ѣсть, пользоваться удобствами жизни и матеріальными и нравственными наслажденіями. Намъ нужно знать, потому что нужно жить, и тотъ конечно знаетъ больше и стремится къ большимъ знаніямъ, у кого больше нравственныхъ и умственныхъ потребностей. Чело-вѣкъ тупой отъ природы или затупленный воспитаніемъ въ занятіяхъ не нуждается, потому что для его слабого мозга совершенно ненужна та дѣятельность, безъ которой не можетъ жить чело-вѣкъ умственно сильный и чувствующій потребность въ умственныхъ наслажденіяхъ. Поэтому то люди тупые знаютъ всегда мало, точно такъ же, какъ малознающіе не владѣютъ широкими умственными способностями. Такъ какъ, поэтому, способность знанія зависитъ исключительно отъ потребностей и силъ организма, то очевидно, что каждый организмъ приметъ въ себя столько, сколько ему нужно и сколько онъ принять можетъ; чего онъ не принимаетъ, то значить не входитъ, и вотъ это-то *не входитъ* и называютъ обыкновенно лѣностію. Не давайте дѣтямъ того, чего они не понимаютъ или не въ состояніи принять, и лѣнивыхъ не будетъ и никого будетъ наказывать за лѣность. Вотъ одинъ фактъ въ доказательство: девятилѣтняго мальчика учили алгебрѣ, и всякій классъ учитель ставилъ ему нуль, и затѣмъ въ концѣ всякой недѣли слѣдовало какое нибудь наказаніе; мальчика обвиняли и въ лѣности, и въ упорствѣ, и богъ-знаетъ въ чемъ, тогда какъ онъ просто не могъ взять въ толкъ, чему его учили. Дѣло заключалось въ томъ, что мальчику казалось, что $a + b$ равно ab ; а на вопросъ, чему равно $a - b$, онъ не находилъ отвѣта. По другимъ предметамъ тотъ же мальчикъ отличался острыми способностями, и слѣдовательно былъ прилежанъ. Спрашивается, если онъ былъ прилеженъ въ одномъ случаѣ и лѣнивъ въ другомъ, то очевидно, что были причины того

и другого. Причина была проста: въ одномъ случаѣ онъ понималъ, что ему прощали, а въ другомъ нѣтъ. Если бы наказаніе имѣло силу забудить или создать пониманье, то оно было бы конечно полезно и необходимо; но если, не смотря на все парательное усердіе наставниковъ, мальчикъ все-таки не знаетъ, чему равно $a - b$, то очевидно, что качество его математическихъ способностей отъ наказанія не возвышалось, а потому и наказаніе было излишне. Число наказаній за такъ называемую лѣность только потому и велико, что отъ дѣтей требуютъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, и больше, чѣмъ они въ состояніи принять. Давайте по способностямъ, т. е. не закидывайте дѣтей знаніями, которыхъ они не въ состояніи еще усвоить; уменьшите на половину и число предметовъ, и число классныхъ часовъ, и эту сэкономію времени употребите на физическое воспитаніе; тогда лѣность исчезнетъ, а вмѣстѣ съ нею исчезнетъ и наказаніе.

Что же касается до поощреній, до похвальныхъ листовъ, лавровыхъ вѣнковъ, а тамъ болѣе до награды, раздаваемыхъ публично, то ихъ слѣдуетъ нагнуть безусловно, потому что они порождаютъ тщеславіе, высокомеріе и корыстность, и уже въ школѣ настолько развращаютъ дѣтей, что жизни портить въ нихъ больше уже ничего не остается.

IV.

Что такое воспитаніе? Это искусство сдѣлать людей красивыми, здоровыми, сильными, умными, честными. Но достигается ли воспитаніе этой цѣли? Если достигается, то молодые люди, вводимые школой въ жизнь, должны быть непременно всѣ здоровые, сильные, умные и т. д. Если же этого нѣтъ, то очевидно, что школа не исполняетъ своего назначенія, и воспитаніемъ человѣчества занимается кто нибудь другой, а не школа. Этимъ воспитателемъ является сама жизнь, т. е. всѣ последующія условія и обстоятельства, въ которыхъ приходится жить человѣку. Въ такомъ порядкѣ воспитанія, разумѣется, нѣтъ логики и, если школа не даетъ воспитанія, то ей не зачѣмъ существовать, потому что она приноситъ не пользу, а вредъ. Да и жизнь является въ такомъ случаѣ самозваннымъ воспитателемъ или скорѣе исцѣляющимъ врачомъ, приглашеннымъ помочь

декадентскому болвану. Если вместо красоты школы (для безобразия, каковы образцы) уничтожить его лицо? Если школа разстроила одровалье, кто и какъ возстановитъ его впоследствии? Если школа сделала человека безвольнымъ, слупымъ и безчестнымъ, откуда жизнь возьметъ возможность возвратитъ окончательно потерянное? Можно ли изменить изломанный ступъ; не склеить надломленного или сломанного человека невозможно. Поэтому школа, надламывающая человѣчество, лучше не существовать. Хочетъ она быть—пусть исполнитъ свое назначеніе; если же не исполнитъ своего назначенія она не хочетъ или не можетъ—пусть не существуетъ. Слѣдовательно вопросъ въ томъ, въ состояніи ли школа выполнить задачу, какую ей давали? Опытъ въѣговъ показалъ, что не въ состояніи, пока она существуетъ въ своемъ истощающемъ видѣ. Значитъ, чтобы достигать своей цѣли, школа должна переиспытать коренное преобразование, а въ такихъ случаяхъ она переродится и станетъ быть школой. И дѣйствительно, все недостатки и все зло школы заключается въ томъ, что она школа, т. е. нечто отдѣльное, самостоятельное и независимое отъ жизни. Пусть жизнь превратится въ школу или школа въ жизнь, и кончится тогда все зло, приносимое шкѣльщинымъ воспитаніемъ. Но жизнь невозможно превратить въ школу, потому что это значило бы обратитъ все человечество въ ученый, теоретическій, несчастный Китай; слѣдовательно нужно превратить въ жизнь школу. Возможно ли это однако, и если возможно, то какъ этого достигнуть?

При теперешней системѣ воспитанія и образованія существуетъ ли школа для крестьянина, или же она въ формѣ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, въ формѣ гимназій и университета существуетъ только для привилегированныхъ сословій. Школа существуетъ и для крестьянина, но только не въ такой искусственной и отвлеченной формѣ, какъ для образованныхъ людей, и потому-то съ словомъ школа соединяется представленіе о болѣе или менѣе замкнутыхъ заведеніяхъ, въ которыхъ, какъ въ теплицахъ, чахнутъ дѣти людей, считающихъ себя призванными идти въ главѣ человечества. А между тѣмъ учится и воспитывается и дитя простолюдина, и для него есть школа; но только его школа не составляетъ особняка, оранжерею или оторванное отъ жизни существованіе. Его школой служитъ сама жизнь, развертывающаяся и развивающаяся передъ нимъ постепенно, по мѣрѣ его роста и силъ. Въ школѣ простолюдина нѣтъ ничего лишняго, отвлеченнаго, внѣшняго, необъяснимаго

врантиной. Учаться и жить дни простолюдина одно и то же, такъ что воспримчивый манчурскій-японецъ уже подходить ковардъ своему тельгу или водить ее на водопой; и вельможитій крестьянинъ боронитъ и пашетъ съ своимъ отцомъ. Такая образомъ простолюдинъ съ сирваго дня рождениа проходить безъ перерыва свой путь жизни, не зная того рязкаго и вреднаго перелома, который создала школа образованнымъ людямъ.

Наша школа другое; это кѣто въ родѣ волшебнаго сна, составляющаго какой-то перерывъ или гигантскую науку на пути жизни, отдѣляющую дѣтство отъ возмужалости. Наша школа—это время нашего заключенія, не оставляющее ни съ кемъ пріятнаго воспоминанія. Все время, когда человекъ учител и воспитывается, онъ несчастливъ, а если школа не умѣетъ сдѣлать человека счастливымъ и довольнымъ, то уже однимъ этимъ она доказываетъ, что дѣйствуетъ противъ природы человека, и слѣдовательно вѣсто предполагаемаго совершенства ведетъ къ исчаженію ея. Простолюдинъ не забываетъ уроковъ своей школы; мы же отъ школы сохраняемъ только на вѣки испорченный характеръ, развращенное и разслабленное чувство и растроенное здоровье; знаній же какъ будто бы и не бывало. Въ чемъ же въ такомъ случаѣ польза школы? А между тѣмъ школа могла бы быть совсѣмъ другою, если бы она была жизнью; если бы человекъ въ ней не прозябалъ, какъ огурецъ въ теплицѣ, а чувствовалъ бы, мыслялъ и дѣйствовалъ. Въ этомъ случаѣ онъ не входилъ бы въ жизнь позичкомъ, и какой-то невинной оводкой; а человекотъ, уже знакомымъ съ житейскими отношеніями, сильнымъ и энергичнымъ, готовымъ на борьбу и способнымъ ее вынести. Чтобы это могло быть такъ, нужно чтобы наша школа походила больше на практическую школу простолюдина; чтобы она оставила свои претензіи воспитывать гениевъ, а развивала бы благородныя чувства, силу воли, энергію и укрѣпляла въ хорошихъ привычкахъ.

На первомъ планѣ для этого стоять физическое воспитаніе, развитіе и укрѣпленіе мускуловъ. Воспитатели новаго времени уже обратили на это свое вниманіе и полагаютъ достигнуть цѣли гимнастической. Нельзя гимнастики отвергать, разумѣется, нельзя, но нельзя и смотреть на нее, какъ на действительно безукоризненный воспитательный элементъ. Главный недостатокъ гимнастики въ томъ, что она праздное занятіе, возбуждающее безплодное тщеславіе аробатической ловкостью; для жизни совершенно ненужною. Ну какая польза

человѣку, что онъ, выгнувшись палачомъ на палкѣ, пропустить ноги между руками и затѣмъ той же дорогой, но обратно, вытаскивать ноги и опуститон съ легкостью на землю? Каждый ученикъ, дѣлающій подобныя штуки или вернувшись на палкѣ вѣтрянной мольницей, очень хорошо понимаетъ, что ему нѣтъ отъ всего этого никакой ни вещественной, ни нравственной пользы. Все, что онъ приобретаетъ, заключается въ томъ, что, въ случаѣ достиженія гимнастикой своей ловкости, онъ заслужитъ похвалу учителя гимнастики и можетъ въ гимнастическомъ классѣ тщеславиться передъ неуложими товарищами, а въ случаѣ медвѣжьей угловатости возбуждать общій смѣхъ. Выйдетъ ли ученикъ ловачомъ или останется навсегда медвѣдемъ, все отъ того, ни отъ другого онъ не приобретаетъ ровно ничего для житейской практической дѣятельности. Но если бы гимнастика даже и приносила пользу общественной, политической или учебной дѣятельности, въ томъ видѣ и размѣрѣ, какъ она предается, она все-таки не достигала бы цѣли, потому что гимнастикой занимаются не регулярно каждый день, извѣстномъ число часовъ; а только два, три раза въ недѣлю, да и то не всѣ воспитанники. Такимъ образомъ гимнастика превращается въ какой-то учебный предметъ, забываемый какъ и все другое, чему учатся въ школѣ, и не превращающійся никогда въ дѣло жизни, за исключеніемъ тѣхъ, случаевъ, когда судьба заставила человѣка сдѣлаться учителемъ гимнастики. Совсѣмъ другое, если бы гимнастикѣ можно было сообщить практическое и нравственное воспитательное значеніе, если бы съ развитіемъ мускуловъ она развивала бы въ человѣкѣ энергію, характеръ, сердце, и учило бы его чему нибудь существенно-полезному для жизни. Но этого нѣтъ и посредствомъ гимнастики достигнуть невозможно; а потому гимнастика останется навсегда для учащейся молодежи упражненіемъ въ праздной ловкости; а для людей, кончившихъ учиться и ведущихъ сидячую жизнь — гигиеническимъ средствомъ противу геморроидальнымъ средствомъ.

Между тѣмъ укрѣпленія мускуловъ и вообще развитія физическихъ силъ можно достигнуть другимъ, болѣе дѣйствительнымъ и болѣе полезнымъ путемъ, соединивъ физическое воспитаніе съ воспитаніемъ характера и съ практическимъ подготовленіемъ человѣка къ экономически-общественной дѣятельности. Лучшимъ средствомъ для этого будутъ разныя практическія-полезныя занятія на открытомъ воздухѣ, напримеръ цвѣтоводство, огородничество, возвращеніе

голландских и парниковых растений; разные ремесла, какъ пригонъ товоленъ и игрушки; клееніе партонажей и перешитная работа; столярное; слесарное ремесло; въ лѣтнее время экскурсія въшколь за городъ для осмотра заводовъ и фабрикъ; ботаническія и геологическія экскурсіи, посѣщеніе сельскихъ мѣстностей и т. д.

Недостатокъ теперешней системы воспитанія заключается въ томъ, что она не развиваетъ активности. Пусть человѣкъ узнаетъ превосходно географію, исторію, математику, пусть школа дастъ ему интеллигентскую силу, разовьетъ превосходно память и рассудокъ и отдастъ повидимому все для умственного и физическаго совершенства человѣка; но если она не научитъ его хотѣть энергично и съ упорствомъ стремиться къ достиженію предположенной цѣли, такое воспитаніе ничего не значить и ничего не стоитъ. Ни для какого народа не нужно въ такой степени развитіе активности, какъ для насъ русскихъ. Мы рѣшительно не умѣемъ желать сильно и идти къ своей цѣли съ упорствомъ, предъ которыми склоняется все. У насъ теперь принято укорять себя въ незнаніи. Правда, что мы знаемъ немного, или лучше сказать, глупа наша знанія; но въ частности у насъ есть люди съ большими познаніями, которые пожеланія не принесть имъ всей той пользы, какую они могли бы принести, потому что недостаетъ для того желанія и настойчивости. Особенность русскаго характера именно въ томъ, что мы не умѣемъ ничего желать сильно; что мы беремъ только то, что само намъ дается, но не умѣемъ идти шагъ за шагомъ къ разѣ заданной себѣ цѣли, не боуясь потерь и неудачъ. У насъ много минутнаго увлеченія и страстности, дѣйствующей на короткое разстояніе, но нѣтъ упорства, страсти, выдержки, потому что ничего этого не развивало въ насъ воспитаніе. Отъ этого мы вступаемъ въ жизнь мадофянскими дѣтьми и дѣйствуемъ во всемъ съ дѣтской торопливостью и нерасчетливостью. Торопливость и самолюбивность отличаютъ насъ во всѣхъ дѣлахъ, потому что нито не научило насъ осторожности и спокойной, медленнорѣвой расчетливости, чуждой идиотіи, порождаемыя увлеченіемъ. Школа не уничтожила въ насъ ребячества и ны; вступаая въ дѣйствительную жизнь совершенными дѣтьми, иудались на все съ дѣтскимъ увлеченіемъ и легкомысліемъ. Все наши промышленныя неудачи, все наши лоунущія, амцонерныя предпріянія, все наше либеральное и камфичное обрза мышлей

и поведения, и нравственный маскарадъ, въ который мы играли въ послѣднее время: происходили только потому, что мы подумали въ жизни учиться тому, что намъ слѣдовало узнать еще въ школѣ. Школа не выдѣлявала нашего характера, не была нашимъ пробнымъ камнемъ, и потому вмѣсто энергии и силы, она создала въ насъ нервное расстройство, мозговую раздражительность, и малодушную трусость. Мы удивляемся американцамъ, удивляемся поселяющимся у насъ ивѣцамъ, которые тяжело, идуъ ничего, создаютъ себѣ состоянія; не являю дѣйствиель въ этихъ случаяхъ, и американцы сильны не стимъ; вся сила ихъ въ энергіи, настойчивости и активности, доведенной до высшей степени развитія. Русскій и американецъ съ одинаковыми познаніями и одинаковыми средствами придуть къ разнымъ результатамъ, и при этомъ этого будетъ только то, что американецъ въ десять разъ энергичнѣе и активнѣе русскаго. Чтобы сдѣлать насъ похожими на американцевъ, нужно получить намъ активное, практичное воспитаніе. Наше воспитаніе было приравнено до сихъ поръ къ существовавшимъ у насъ имутъ отношеніямъ экономическимъ отношеніямъ. Эти отношенія наивнѣе — должно измѣниться и воспитаніе. Мы ждемъ господина, и насъ воспитывали, чтобы мы были ими; теперь же мы должны быть сами работниками, а для этого нужно умѣть ходить на своихъ ногахъ и не только желать; намъ это было прежде, когда другіе удовлетворяли нашимъ желаніямъ, ноги самими достигать желаемого; а для этого нужна энергія и активность. Экономическія отношенія наивнѣе у насъ уже давно; на условія воспитанія нѣтъ, и наша школа осталась той же, какой была прежде т. е. если она и прежде не удовлетворяла своей цѣли, то уже ничто еще удовлетворять и того не мѣтъ.

Экономическое общественное воспитаніе по предметамъ профессиональныхъ знаній спеціальныхъ ремесленныхъ занятій лучше всего удовлетворять цѣль развитія и выработки характера и создана къ другимъ социальнаго общества, безъ которыхъ невозможно нормальная гражданская жизнь въ цивилизованномъ обществѣ. Только при ремесленномъ, механическомъ трудѣ можно воспитать характеръ и энергію; потому что она создается коротко направленнымъ систематическимъ воспитаніемъ, систематическимъ упражненіемъ мускуловъ и продолжительной привычкой достигать заданныхъ цѣлей. Гимнастика хотя и укрѣпляетъ, но она не представляетъ ничего, чтобы могло

заключать и вещи человек далеко; либо всё практическое результаты, которыми она достигается, заключаются въ доквалъ учителя и въ удовлетвореніи самолюбія. Но всё это только для дочки; а кто мать? А кого педагог и независимости отодолеть отъ гнущаго насъ счастья лоянана? Да и много ли человекъ? Мелоческія занятія не то. Для каждаго воспитанника открыть широкій выборъ, и каждая способность найти (по своему) удовлетвореніе, если выбора званій будетъ предоставленъ на волю. А это главное, потому что ничего не слѣдуетъ дѣлать противъ приказанія, авторитета; такая система воспитанія будетъ удручательна, и слѣдовательно андроническія привилегіи профессора, десятилетия и самодурства.

Ремесленные занятія не хуже гимнастическихъ могутъ укрѣплять и развивать развитые органы и члены тѣла; но кроме того они выдѣляютъ еще иную разнообразію, и слѣдовательно доступности для всѣхъ способностей; самое же главное преимущество ихъ въ томъ, что энергія ребенка упражняется и воспитывается лучше всего борьбой противъ усталости мускуловъ и что только при ремесленной занятіи возможно избытокъ интеллекта для возбужденія alertness (уставнаго гѣла) т. е. управленіе въ томъ актѣ насильственности, который и долженъ составлять цѣль воспитанія. При гимнастическомъ упражненіи каждая отдѣльная штука составляетъ весьма короткое дѣйствіе, и продолжительность занятія зависитъ исключительно отъ числа повтореній одною и того же маневра; противъ того много изъ упражненій не представляютъ ровно никакого интереса, нафронтъ раздѣленіе и движеніе ногъ или отталкиваніе руля впередъ, внизъ и вверхъ. Какой интересъ, противъ боязни наказанія, можетъ заставить ребенка повторять эти случайныя однообразныя упражненія? Достиженіе ловкости или теркусовою силой? Не ловкости, такъ и намъ лѣтъ и руть въ ногъ никакой не достигнешь; а за теркусовою силой ребенокъ не гонится. То же самое можно сказать и вообще о гимнастическомъ. У воспитанника, упражняющагося, нѣтъ ровно никакой страстной цѣли, которой бы онъ хотѣлъ достигнуть, и потому онъ только у него устануть члены, онъ осваиваетъ упражненіе, не пущая въ ходъ настойчивости, потому что не достигать ничего. При занятіи ремесломъ совсѣмъ другое. Помогите, что мальчикъ началъ шкатулку съ деревяной циркуляціей, эта работа не похожа на гимнастическое короткое занятіе. Цѣль здѣсь довольно отдаленная, и

нужно употребить много настойчивости, чтобы ее достигнуть. Случаи усталости будут повторяться безпрестанно, и всякий раз потребуется внимательство интеллекта, чтобы возбуждать деятельность уставших мускулов. Такое внимательство интеллекта и достоинство въ одномъ направлении создастъ именно ту привычку въ настойчивомъ преслѣдованіи развѣсданной цѣли, какая необходимо и составляетъ сущность задачи воспитанія характера. Такииъ образомъ ремесленныя занятія по существу своему лучше всего идутъ къ дѣлу.

Но недостаточно одного выбора занятій, чтобы воспиталась настойчивость и энергія. Нужно еще приучить ребенка достигать непременно предполагаемой цѣли цѣли, какъ-бы ни была велика, продолжительна и тяжелъ трудъ, взятый ницъ на себя. Точно такъ слѣдуетъ приучать, чтобы урочъ, какаиъ ни развѣ, былъ-бы непременно всегда оконченъ. Такииъ упражненія воли, по мѣрѣ перехода отъ легкииъ къ болѣе труднымъ занятіямъ, дадутъ ребенку привычку настойчивости, а выскъ съ тѣмъ покажутъ ему, что дѣлать такого дѣла, которое при непремѣнномъ хотѣніи его исполнить превышало-бы его силы. Въ то же время слѣдуетъ приучать къ тому, чтобы никогда не останавливаться предъ исполненіемъ развѣ принятаго рѣшенія, какъ-бы ни были велики трудности и продолжительна работа; такъ чтобы ребенокъ былъ всегда господиномъ своего слова. Въ русской жизни отсутствіе этого вида активности составляетъ не только самое обыкновенное явленіе, но и одно изъ нашихъ главныхъ общественныхъ и частныхъ золъ. Мы принимаемъ безпрестанно гуманныя и превосходныя во всѣхъ отношеніяхъ рѣшенія, но къ сожалѣнію не приводимъ ихъ почти никогда въ исполненіе. Въ повседневной жизни мы оправдываемся обыкновенно тѣмъ, что это мелочь, но при этомъ вовсе не хотимъ обратить вниманія на то, что вся человѣческая жизнь состоитъ изъ мелочей. Если подерется изъ-за куса земли русскій мужикъ съ татаринемъ, то это, разумеется, мелочь, и достаточно внимательства десятицлага, чтобы возстановить между боицами миръ и согласие; но когда на Букиновомъ полѣ сражались 500,000 русскихъ мужиковъ съ 500,000 татаръ по тѣмъ-же побужденіямъ, то это не было мелочью, и никакой десятицлагій въ мѣрѣ ничего-бы тутъ не подвѣлалъ. Если не держитъ слова только одинъ человѣкъ, то это, разумеется, мелочь; но если всѣ станутъ рассуждать такииъ образомъ, и никто не станетъ держать своего слова въ томъ, что называется обыкновенно мелочами,

то видятъ уже общественное зло, потому что значить все обязанности взять другъ друга, и нѣтъ общаго доверія. У насъ самая обыкновенная вещь сказать, что я непременно приду къ вамъ въ такой-то день и въ такой-то часъ и не придти; у насъ самая обыкновенная вещь, занять деньги, сказать—я отдамъ вещь ихъ тогда-то—и отъ дать и вѣснцемъ невозже. И все мы образованные люди, поступая такъ или иначе, вовсе и не понимаятъ, что мы лжемъ и обманываемъ и считаемъ себя порядочными. Конечно все это нехоча, по сраму и по стыду стѣ убѣжденіемъ человека, и объ нихъ-бы не стоило-бы говорить если бы только отъ этого не страдалъ нашъ кредитъ, и составленная нами репутація людей, которымъ опасно вѣрить, не принесли намъ существеннаго экономического зла. И люди, поступающіе такъ или иначе, люди вовсе не безчестные или обманщики не реческу; они просто не имѣютъ привычки быть точными и аккуратными, господами своего слова. Остроумные люди въ оправданіе такой убѣжденной привычки рѣшаютъ толкованіе, что только тотъ и есть истинный господинъ своего слова, кто можетъ дать его и взять назадъ, когда вздумается. Воспитаніе въ точномъ исполненіи слова и въ непреклонномъ достиженіи разъ предложеннаго дѣла уже потому не трудно, что въ самомъ исполненіи заключается самая высокая награда, такую только можетъ получить человекъ—награда эта въ совѣдѣніи, что дѣло сдѣлано и слово сдержано. Тамъ было трудное дѣло, тамъ было трудное сдержать слово, тамъ было великое удовольствіе, а вѣдь почему самое приятное воспоминаніе оставляютъ въ насъ такія случаи бытія нашей жизни, въ которыхъ приходилось дѣйствовать самымъ напряженнымъ напоромъ энергіи тѣла, интеллекта и чувства. Люди, выдержавшіе осаду Севастополя, испытываютъ теперь въ воспоминаніи гораздо больше удовольствія чѣмъ тѣ, кто только прохаживался по берегу Финскаго залива въ ожиданіи опасности. Въ этомъ удовольствіи, слѣдующемъ за продолженіемъ трудности, и заключается причина, почему воспитаніе характера, даже и при высшемъ устройствѣ школы, можетъ быть достигнуто гораздо легче, чѣмъ умственное воспитаніе. Умственное воспитаніе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, въ большей части случаевъ ведетъ рѣдко къ дѣйствительному наслажденію. Наслажденіе возможно только тогда, когда преодолевается трудность, входящая въ сознаніе; если же знаніе усваивается одною памятью, то, какъ бы ни былъ великъ трудъ, онъ представляется не заманчивымъ,

активность, и темь большу, чымь болыше предствителю при-
двось преодолеть. Здсь сдвдствительно совершается ддуь разь обрат-
носпому, что происходит при сознательномь, добровольномь тру-
дѣ. Такь чымь умственное воспитаніе совершается у насъ дствдтельно
преждевременно, и потому учащмакъ—приходится побждать почти не-
преодолимья для нхъ жоннмакъ трудности, то понятно, что учаща
сбавонитсь нагазаномь ню въскъ его трудностяхъ сокращается та-
коже воспоминааніе, такъ сбъ обязательномь трудѣ. Вотъ почему
нхкто спочтъ не воспоминаетъ съ удовольствіемь о времни своего
ученья и если сокращаеть добрую память о какаждь нбудь событійхъ
нзъ своей учебноспой жности, такъ только о тѣхъ, которыя свя-
заны или съ шрїятными сердечными впечатлїями или относятся къ
персонспному большому значтспному труду. Изъ этого ясно, что
сердечное и оспнспное воспитаніе можетъ быть достигнуто гораздо
легче, чымь развитіе умственное, и что сдвдствительно наше воспи-
таніе должно идти въ такомь порядкѣ: жемжочательно оспнспное
воспитаніе; затѣмь воспитаніе, аналчское и чувства; наконецъ во-
спитаніе аналчское, чувства и ума. Потому, что школа не сбду-
дасть этой естествоспной дспсдствительности въ воспитаніи, и умствен-
ное образованіе идти въ ней луго. Когда ребенокъ на оспнспное
трудѣ приучитъ себя къ оспргическому преодолѣванію препятствїй и
къ упорству въ достиженїи заданной себе цѣли, онъ сокращаетъ эту
привычку и въ занятїяхъ умственныхъ. Онъ будеть стремиться и
къ разрѣшенію математическыхъ задачъ съ той же дствдтельностью,
съ такою вѣривалю и нструстанію, и двїгающей силой будеть не по-
хвалннй мнеть, не жоронїй балдъ или боязнь наказанїя, а соб-
ственный внутреннїй двигатель т. е. сила единствено надежная и
прочная.

При развитїи оспргїи и активности дужно обращать вниманіе на
то, что не всь органы оспргїи на одинаковнй расходъ силъ.
Одни работают оспрно, скоро, хорошо; другїе медленно, неловко,
дурно, и потому всегда в во всемь отстають отъ своихъ товарищѣй.
Это сбстоительство не слддуетъ приписывать нсплнчательно слабе-
сти силъ или дурному устройству органа; но чаще всего оно за-
висит отъ жнкости мозга и недостатка жнкости мысли. Подобныя
дѣла работають нногда хорошо, когда пробуждается въ нхъ жн-
вованная оспргїя мысли; но они занимаются болышею частїю хуже и
ощущаются плохо на занятїяхъ, котороелмь очень нравятся. Поэтому

при воспитании подобная детям, сабдуать умны дѣлать, амберъ занятій и нитора не истинать во томъ, что они не сподать; по-тому что неискать имъ трудъ непритный или тяжелый, употреб-лять для этого дѣла исключительно убѣжденія, значить воспитывать въ сподать моста, въ дѣлостя, въ оторотѣи амбергъ. На этотъ сортъ дѣлѣ сабдуать обращать тѣмъ большее вниманіе, что сабдъ обстоитъ на волонеры изъ людей неактивныхъ, отлагавшихся къ нѣстию мысли. Люди эти могутъ выспивать дѣлыи часами на одномъ мѣстѣ, и въ постоянно видѣ, что они о чемъ-то размышляютъ. Но въ сущности это вовсе не размышленіе, а единственно отсутствіе привычки дѣйствовать и производить что нибудь реальное. Отъ этой неподвижности многи надо свести молодость, возбужденіемъ въ ней живости отираженія моста, и пріучить направленно къ активному, производительному труду, служащему основой новаго нашего социаль-наго быта. Обложны—именно этотъ сортъ дѣлывыхъ мыслию людей, выдающихъ спичку мысли за размышленіе и проводящихъ жизнь въ бесполезной матеріальной и умственной праздности.

Но чтобы воспитаніе характера, посредствомъ ремесленныхъ заня-тій, достигало своей цѣли, нужно, чтобы оно имѣло практическое значеніе и экономическій смыслъ. Только тогда оно будетъ дѣломъ жизни и обнаружитъ действительное воспитательное вліяніе: не только на развитіе энергіи и активности, но и на созданіе привычекъ общественной жизни. Лучшимъ средствомъ для этого должно слу-жить составленіе ремесленныхъ артелей, образующихъ въ цѣломъ одну общую ассоціацію. Учебное заведеніе въ своемъ общемъ составѣ будетъ ассоціаціей, а ремесленные артели ея составными частями. Каждая артель будетъ наблюдать сама за собой, за рас-предѣленіемъ занятій и за всеми частностями своей экономической производительности. Начало самоуправленія должно быть основанномъ принципомъ подобной системы воспитанія. Я не буду говорить о томъ, какъ должны быть организованы артели и всѣ ассоціаціи и какой системы слѣдуетъ держаться при расчетахъ и распределеніи вознагражденія, потому что пишу не проеякъ, а излагаю только об-щія основанія. Прибавлю только, что школа должна работать не для шутки, а для дѣйствительнаго дѣла, за деньги, на продажу или для самого учебнаго заведенія. Только при этомъ условіи все воспитаніе получить жизненный характеръ и будетъ имѣть смыслъ и прочность.

Такъ какъ свобода выбора занятій есть непрѣзъное условіе прав-

отдельного воспитания; то очевидно, что не следует наследовать тех, кто не имеет ни охоты, ни способности къ механическимъ занятиямъ. Этой жёрой расортируются сами собой воспитанники по способностямъ, и выдѣлятся изъ толпы люди съ особенной интеллектуальной силой. Такихъ бываетъ мало. Люди интеллекта пойдутъ конечно иной дорогой. Следовательно, нѣтъ никакихъ оснований бояться того, что ремесленное воспитаніе превратитъ все челоѣчество въ синожниковъ, плетниковъ и слесарей. Для всякой способности найдется свое дѣло, и всякій будетъ дѣлать только то, въ чемъ онъ можетъ больше всего успѣть и принести себѣ пользы. Бояться этого еще тѣмъ болѣе неосновательно, что при нынѣшней системѣ воспитанія существуютъ рекреации или проще совершенная потеря въ день нѣсколькихъ часовъ на праздное гуляніе по корридерамъ и по двору. При строгой внутренней дисциплинѣ заведения и при усиленномъ умственномъ трудѣ и продолжительномъ сидѣніи, рекреации конечно вещь необходимая; но когда воспитаніе получаетъ экономическа-соціальныи характеръ, то рекреации существовать не захѣтъ. Весь день можетъ быть распределенъ въ занятияхъ то умственныхъ, то физическихъ, и отдыхомъ будетъ служить только переходъ отъ одного дѣла къ другому. При этомъ услови люди не только воспитываются въ привычку къ постояннаго полезнаго занятія и будутъ считать бездѣятельность и лѣность величайшею неприятносно и наказаніемъ; но постоянный полезный трудъ, равномерно дѣйствующій на все органы организма, дастъ ему ту нервную яркость, которая не допуститъ ни преждевременнаго полового раздраженія, ни сладострастныхъ мыслей. Сонъ будетъ спокойный, крѣпкій, восстановительный, и множество спасется отъ онанизма и всѣхъ его вредныхъ послѣдствій. Всякабы предлагаемая система воспитанія не представляла другихъ выгодъ, кромѣ сейчасъ указанной, то и этой одной довольно, чтобы предпочесть ее системѣ существующей. Преждевременное половое развитіе и истощеніе молодыхъ силъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ нервнаго ослабленія, а следовательно нравственной вялости и недостатка въ людяхъ активныхъ и энергическихъ. Значитъ только то воспитаніе будетъ действительно полезнымъ, которое предупредитъ это зло, а предупредить его можетъ только предлагаемая система.

V.

Въ правильномъ физическомъ воспитаніи лежитъ начало гармоніи нравственныхъ качествъ, дѣлающей человѣка возможно совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Только сильный и крѣпкій человѣкъ можетъ быть великодушнѣе, потому что это чувство вытекаетъ изъ сознанія своей силы. Только сильный и добрый человѣкъ можетъ быть энергичнѣе, потому что энергія духа зависитъ отъ энергіи мускуловъ и нервовъ. Наконецъ только сильный и крѣпкій человѣкъ можетъ быть истинно свободнымъ, потому что чувство свободы зависитъ отъ мускульной системы или системы движенія. Чѣмъ сильнѣе развиты мускулы, тѣмъ настоятельнѣе потребность свободы т. е. необходимости перемѣщенія, перемѣны, дѣйствія. Тѣсная связь мускуловъ съ чувствомъ свободы легче всего замѣтить на животныхъ. Приведу въ примѣръ хищныхъ птицъ. Ни одна порода не имѣетъ такихъ сильно развитыхъ мускуловъ и такой силы полета, какъ хищники, и потому ни одна порода не нуждается въ такой свободѣ и не переноситъ съ такимъ трудомъ неволи, какъ она. Въ этой же силѣ мускуловъ причина наиболѣе развитой способности добыть себѣ существованіе. Домашняя же птица, особенно хорошо кормленная, отличается нѣжными, расслабленными мускулами, и потому не имѣетъ ни одного изъ качествъ, доставляющихъ такой перевѣсъ хищникамъ надъ всеми прочими птицами. То же самое происходитъ и въ людяхъ. Наибольшимъ развитіемъ мускуловъ и физической крѣпостью отличаются горцы и наименьшей жители низменныхъ, сырыхъ равнинъ, отдѣляющихъ вредныя испаренія. Поэтому во все времена горные жители отличались стремленіемъ къ свободѣ и независимости и отставали отъ нихъ съ энергіей и мужествомъ. Въ европейскихъ завоевательныхъ войнахъ наибольшую силу духа показывали постоянно горцы: швейцарцы, баски, каталонцы и на нашихъ глазахъ еще черкесы и черногорцы. Однимъ изъ нихъ удалось отстоять свою свободу, и они устроили у себя республиканскій порядокъ, какъ напримѣръ швейцарцы, черногорцы; другіе же подчинились своимъ сильнымъ соседямъ только послѣ упорнаго, отчаяннаго сопротивленія. Такимъ образомъ въ исторіи человѣчества гористыя мѣстности имѣютъ чрезвычайно важное значеніе. Съ нихъ свобода сходила въ долины, и

горцы были первыми наставниками должных жителей въ чувствѣ независимости. Въ людяхъ разслабленныхъ, или имѣющихъ недостаточно развитую мускульную систему, истинное чувство независимости совершенно невозможно. Люди эти могутъ прекрасно разсуждать о свободѣ и по поводу ея разсказывать разныя красивыя вещи или щеголять либеральными фразами; но когда имъ придется практикой жизни подтвердить красивыя слова, то окажется, что они никогда не чувствовали того, о чемъ говорили. Въ томъ и вся сущность воспитанія и въ томъ истинное достоинство человѣка, чтобы его слова были дѣломъ и результатомъ потребностей организма. Свобода есть потребность независимости; но ее можетъ чувствовать не всякій, хотя всякій можетъ о ней разсуждать. Громадный историческій фактъ либеральной болтовни представляла нѣсколько разъ Франція, гдѣ много шумѣли о равенствѣ и братствѣ, но истинно свободныхъ и независимыхъ людей было мало. Оттого-то Франція и переходила такъ легко къ Наполеонамъ, и оттого же Наполеонъ и былъ такъ непрочень.

Недостатокъ чувства независимости и отсутствіе въ обществѣ уваженія къ свободѣ ближняго, кромѣ порождаемыхъ ими общихъ социальныхъ золъ, которыхъ я перечислять не буду, портить нашу жизнь множествомъ разныхъ несносныхъ житейскихъ мелочей. Новые люди уже поняли это и въ своихъ свѣтскихъ отношеніяхъ откинули уже разныя глупости стараго времени, вытекавшія изъ худо понятаго гостепримства и обратившіяся наконецъ въ тягостный и глупый формализмъ, одинаково тяжелый и для тѣхъ, кто стѣсняеть, и для тѣхъ, кого стѣсняють. Если развитіе чувства свободы и независимости приведетъ только къ тому, что уничтожатся пока хотя эти мелочныя житейскія досадности и, научившись чувствовать потребность независимости, мы будемъ уважать ее и въ другихъ, — будетъ довольно и того.

Существующая система воспитанія менѣе всего способна поселить въ человѣкѣ чувство свободы, потому что какъ разъ дѣйствуетъ наперекоръ личнымъ, индивидуальнымъ особенностямъ воспитывающихся. Она хочетъ быть однообразной и, подводя всѣхъ подъ одну ирку, прописываетъ всѣмъ одинаковыя порціи ѣды, сна, ученія, рекреации и т. д. Дѣйствовать такимъ образомъ значитъ рѣшительно подавлять личности и воспитывать человѣческій организмъ, не сообразясь съ его требованіями. Такъ какъ при физическомъ воспи-

таким образом основной вопрос заключается въ томъ, насколько съответственной требованіямъ организма, то ее необходимо сообразовать съ темпераментомъ воспитанниковъ, потому что лимфатическаго мальчика нельзя кормить тѣмъ, что полезно всего для нервного, а нервнаго тѣмъ, что хорошо сангвинику. Поэтому совершенно необходимо раздѣлять воспитанниковъ по отдѣленіямъ, не темпераментамъ, и затѣмъ каждому отдѣленію давать наиболее соответствующій ему стокъ, т. е. однимъ болѣе легкую растительную пищу, другимъ пищу болѣе восстановительную мясную. Раздѣленіе кушанья на порціи необходимо тоже уничтожить, во-первыхъ потому, что нельзя же 20-ти лѣтнему молодому человѣку и десятилѣтнему мальчику предписать есть желудка одинаковаго размѣра и быть сытыми одинаковымъ количествомъ пищи; а во-вторыхъ, подаваніе кушанья блиндами будетъ способствовать развитію чувства солидарности и заботливости о своемъ сосѣдѣ.

Во всемъ остальномъ слѣдуетъ держаться той же системы уваженія личнымъ требованіямъ и устранять всякую однородность, которая до сихъ поръ вводилась нѣсколькими нѣтъ элементъ воспитательный, сколько для тѣхъ называемаго порядка и для удобства наставниковъ и служителей. Роль наставниковъ вовсе не въ томъ, чтобы вводить въ школу свои личныя убѣжденія, а чтобы сдѣлать школу мѣстомъ самостоятельнаго органическаго развитія каждымъ воспитывающагося лица. Если предоставить учениковъ слѣдовать своимъ наклонностямъ въ выборѣ занятій, вмѣсто того, чтобы навязывать имъ дѣло, въ которомъ они чувствуютъ антипатію; то результатомъ этого будетъ только то, что ученикъ будетъ охотно учиться и заниматься, и разовьется въ направленіи наиболее для него выгодномъ, т. е. школа приготовитъ наиболее способныхъ людей. Не личная воля наставника должна слушать руководящимъ началомъ и закономъ для внутренней жизни школы, а личныя склонности учениковъ и общинное начало въ формѣ самоуправленія, которому и должны подчиняться каждый членъ артели. Въ случаѣ неудовольствія обиженный можетъ обратиться къ суду ассоціаціи или ея представителей. При такихъ внутреннихъ распорядкахъ наставникамъ вмешиваться никогда не придется; ничто не будетъ чувствоваться надъ собой воли отдѣльнаго лица, представляющей почти всегда тѣмъ-то похожимъ на производимъ; а будетъ руководить внутренней жизнью, волею всѣхъ. Эта же воля всѣхъ должна выра-

жаться и во всѣхъ экономическихъ вопросахъ, въ вопросахъ о работѣ, о приходѣ и расходѣ денегъ. Последний пунктъ особенно важенъ, потому что споры и толки о бюджетѣ научать молодыхъ людей умному и разсчитываему обращенію съ деньгами, чего рѣшительно не даетъ нынѣшнее воспитаніе, приучающее только къ мотовству. Есть еще вопросъ чрезвычайно важный, но оставаемый существующей школой безъ всякаго вниманія—честность. Честности у насъ дадутъ вообще тѣсный смыслъ, подразумевая подъ нею исполненіе извѣстныхъ условій въ денежныхъ дѣлахъ. Оттого встрѣчаются очень часто люди, съ великимъ самоудовольствіемъ сообщающіе акты своей безребренности, но въ то же время неисполняющіе ни одного изъ обязательствъ, кація должны существовать въ отношеніяхъ людей, составляющихъ цивилизованное общество. Честный чиновникъ бываетъ за частую безчестнымъ мужемъ и отцомъ и никуда негоднымъ гражданиномъ, потому что можно не брать денегъ изъ блага ни лишиться мѣста и, чего даже и безъ блага не трудно дѣлать, по одному расчету; но что бы быть дѣйствительно честнымъ, надобно прежде всего быть нравственно независимымъ и уважать самого себя, и только такой человекъ сумѣетъ уважать свободу и чловѣческое достоинство другого. Изъ этого видно, что дѣйствительная честность предполагаетъ высокое умственное развитіе и высшее развитіе сердца.

Развитіе и воспитаніе чистаго чувства, нераздѣльнаго съ справедливостію, будетъ составлять самую трудную задачу, потому что молодые люди увлекаются легко страстностію и по недостатку развитія отличаются эгоизмомъ, художническимъ граничу между твоимъ и моимъ. Поэтому-то въ дѣтахъ и въ молодыхъ людяхъ такъ обыкновенна несправедливость, хотя въ то же время они отдаются легко и гуманному чувству. Дѣти съ неумолительною, нещающей никакаго состраданія, преслѣдуютъ иногда своего товарища и доводятъ его до отчаянія; несчастіе возбуждаетъ противъ себя товарищей, какою нибудь матерпимой или слабостію или какою нибудь позорнымъ поступкомъ. А между тѣмъ всякая стойкость и нравственная сила пользуется ихъ уваженіемъ. Задача воспитанія въ томъ, чтобы не преслѣдовалась и нравственная слабость; чтобы поселить уваженіе даже къ тѣмъ, кто не отличается ни талантами, ни высокими нравственными достоинствами и приучить молодыхъ людей уважать чловѣческое и даже въ людяхъ слабыхъ. При теперешнихъ отноше-

нѣхъ воспитанниковъ къ наставникамъ достигнуть этого не только невозможно, но напротивъ въ этихъ отношеніяхъ лежитъ начало безчестности и несправедливости. Если наставникъ или воспитатель на сумѣетъ приобрести расположенія воспитанниковъ, то они находятъ особенное удовольствіе мучить и преслѣдовать его съ безпощадностію и безжалостностію инквизиторской. И такимъ путемъ развивается безчестность и несправедливость не простая, а коллективная. Измѣнить подобный порядокъ совершенно невозможно, пока не измѣнятся отношенія воспитателей къ воспитываемымъ, пока первые не перестанутъ изображать изъ себя единичную, руководящую волю. Слѣдовательно одной изъ причинъ развитія безчестности служитъ самъ воспитательный принципъ, подавляющій личность и потому неспособный создать ни уваженія къ самому себѣ, ни уваженія къ другимъ. Когда человѣкъ привыкаетъ приносить въ жертву свое личное я, онъ въ то же время приучается не щадить и чужой личности. Одно средство уничтожить это зло заключается въ свободномъ воспитаніи и въ устройствѣ школы на началахъ самоуправленія съ своей собственной юрисдикціей. Всѣ неудовольствія, недоразумѣнія, неправильности или сомнительность отношеній между воспитанниками должны быть разрешаемы ихъ собственнымъ судомъ. Даже несправедливости, причиненныя имъ нибудь изъ воспитанниковъ наставникамъ, должны быть разбраены тѣмъ же судомъ. Въ правѣ судьи и въ его верховномъ положеніи, когда все идетъ отъ него безпристрастной, спокойной оцѣнки даннаго случая, лежитъ облагораживающая и возвышающая сила; возбуждающая въ человѣкѣ спокойныя разсудочныя отношенія къ обстоятельствамъ, подлежащему обсужденію. Частое возбужденіе подобнаго чувства дастъ, наконецъ не только навыкъ въ обсужденіи и соглашеніи и много сложныхъ и иногда претворѣчавшихъ, трудныхъ и запутанныхъ данныхъ; но и познакомитъ воспитанника съ пріятнымъ ощущеніемъ, производимымъ сознаніемъ собственной честности и справедливости. Нужно однако, чтобы судейская и присяжная должность доставалась по-очереду всѣмъ, чтобы каждый испытывалъ удовольствіе быть честнымъ и безпристрастнымъ.

Чтобы оцѣнить общественную важность этого воспитательнаго приема, нужно обратить вниманіе на то, что только тѣ народы способны къ развитой гражданской жизни, въ которыхъ воспитано чувство общественной справедливости, которое дается только навыкомъ и упражненіемъ.

Воспитаніе въ справедливости и честности должно начинаться съ честности общественной т. е. съ развитія привычки къ правильнымъ безобиднымъ и справедливымъ общественнымъ отношеніямъ. Наставникомъ въ этомъ будетъ, какъ сказано, общественный и публичный школьный судъ. Но вмѣстѣ съ этой честностію должна быть воспитана и честность частная, денежная. Такъ какъ воспитаніе есть больше ничего, какъ водвореніе хорошихъ привычекъ, возможное исключительно практическимъ путемъ, то понятно, что нельзя научить денежной честности того, у кого никогда не было и нѣтъ денегъ. Ремесленное воспитаніе даетъ ученикамъ возможность имѣть деньги. За отчисленіемъ извѣстной суммы на общіе ремесленные расходы, остальное, или какъ тамъ придется, слѣдуетъ раздавать на руки. Деньги, добытыя своими трудами, будутъ уже, разумѣется, имѣть другую дѣйность, чѣмъ, какъ нынче, получаемыя им за что отъ родителей и потому расходуемыя на мотовство. Однако, не смотря на то, нужно все-таки заботиться, чтобы воспитанники не тратили денегъ на предметы несущественно важные, а болѣе всего, чтобы не дѣлали расходовъ на удовлетвореніе чувству тщеславія.

При различныхъ потребностяхъ у каждаго явится свой размѣръ расходовъ, а слѣдовательно и долженъ сложиться взаимный обменъ денежныхъ услугъ. А какъ кредитъ и правильность денежныхъ отношеній возможны только при честности, то понятно, что между учениками должны водворяться честныя привычки. Важнымъ пособіемъ для развитія этого чувства будутъ служить частныя кассы артелей и общія ассоціаціи и выборы чередныхъ казначеевъ.

Полагаю, что въ этомъ планѣ воспитанія нѣтъ ничего утопическаго и что существующую систему воспитанія было устроить труднѣе. Существующая держится только — въ учрежденіяхъ, на старинныхъ и вообще въ обществѣ силою привычки, а въ ученикахъ — авторитетомъ власти и силою наказанія. Если одна система держится только страхомъ, а другая будетъ обходиться безъ наказанія, то нечего и говорить, которая изъ нихъ ближе къ чловѣческой природѣ, уже не говоря про то, что одна создастъ чистыхъ теоретиковъ, которые для прогрессивной жизни должны учиться вновь; тогда какъ другая будетъ вводить въ свѣтъ уже готовыхъ хорошихъ людей.

И. Исагуевъ.

ФИЛИППЪ.

АКТЪ IV (*).

СЦЕНА I.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ (*однѣн*).

И ночь, и тѣма... О, какъ вы встаете въ этомъ
Безумномъ царствѣ ужаса и мрака,
Здѣсь свѣтъ дневной—нелѣпость, только сумракъ
Приноситъ отдыхъ для души печальной!

(*) Печатаю два послѣднiя акта драмы Альеора, мы считаемъ не лишнимъ передать въ нѣсколькихъ словахъ содержанiе ея первымъ трѣхъ актовъ. Коварный, лицемерный король Испанiи, Филиппъ II, женившись на Изабеллѣ, невѣстѣ своего сына Донъ-Карлоса, подозреваетъ, что между нею и инеантомъ существуетъ взаимная любовь. Онъ обвиняетъ передъ женою своего сына въ немалыхъ преступленiяхъ, чтобы убѣдиться въ ея чувствахъ къ честному юношѣ и при помощи своего придворнаго холопа Гомеза вполнѣ достигаетъ цѣли. Изабелла, не наученная лгать, высказываетъ свое сочувствiе къ гонимому пасынку и думаетъ примирить его съ отцемъ, не зная, какъ гревны помыслы и страшны стремленiя послѣдняго. Филиппъ, скрывая ярость, благодаритъ жену за участiе къ инеанту, сочувствуетъ ей быть руководительницей Донъ-Карлоса, а самъ самъваетъ совѣтъ, передъ которымъ обвиняетъ сына въ покушенiи на отцеубiйство. Совѣтъ состоитъ изъ покорныхъ слугъ, выработавшихся въ школѣ лживающи и рабства; они подъ маской лицемерной грусти, надѣтой королемою, узнаютъ тайное желанiе его, и не соглашаясь на его просьбу простить инеанта, говорятъ, что онъ долженъ быть казненъ. Только одинъ вѣрный другъ подсудимаго Перезъ возвышаетъ голосъ противъ приговора убiйцы, требуя оправданiя инеанта, и этотъ голосъ принимается Филиппомъ, коварному, съ радостью, но, оставшись одинъ, онъ говоритъ: „Какъ могъ Перезъ родиться съ подобною душою во владѣнiяхъ короля Филиппа и оставаться въ живыхъ до сихъ поръ?“ Этими зловѣщими словами кончается третiй актъ. *Ред.*

Я ночи радъ, не потому, чтобъ горе
 Съ отходомъ дня во мнѣ ослабѣвало,
 Но потому, что я покрайней мѣрѣ,
 Всѣхъ этихъ лицъ, всѣхъ этихъ гадовъ,
 Мнѣ душу возмущающихъ, не вижу!
 Придти сюда—велѣла мнѣ Эльвира,
 Она одна желаетъ королевѣ
 Добра и счастья—что-то передать
 Она хотѣла мнѣ отъ королевы?—
 Что за безмолвье, что за тишина,
 Какъ крѣпокъ сонъ предателей, тирановъ!
 И преступленье видно, слезъ умѣетъ
 Невиннымъ сномъ младенца... Я одинъ
 Способность сна порочнаго утратилъ
 За то, что не преступилъ, а несчастливъ...
 Но для чего ропщу я?.. мнѣ-ль отрады
 Бессонница душевной не приноситъ?..
 Припоминать прекрасныя черты,
 Ласкать въ мечтахъ знакомый сердцу образъ
 Въ сияньи красоты невыразимой...
 О сколько въ этомъ обаянья.. Я-ль
 Еще несчастливъ здѣсь! на этомъ мѣстѣ,
 Гдѣ такъ недавно видѣлся я съ нею,
 Тѣмъ слухъ мой нѣжилъ звукъ ея рѣчей,
 И каждое гдѣ слово Изабеллы
 И жизнь и смерть мнѣ было
 Да, съ этихъ поръ, какъ видѣлся я съ ней,
 Я сталъ, какъ будто, менѣ несчастливъ,
 Хотя быть можетъ болѣе виновень..
 Зачѣмъ въ груди моей родился страхъ
 И вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то ужасъ тайный?..
 Неужели такъ скоро наказанье
 Идетъ всегда за увлеченьемъ.. если
 Я сдѣлался преступнымъ, ей открывъ
 Свою всю душу.. но не могъ молчать я.
 Слова мои дались, непроизвольно,
 Любовь моя душила..
 Что за шумъ
 Поднялся?.. не Эльвира ли?.. нѣтъ люди
 Идутъ сюда толпой вооруженной.

Огни и говоръ! Что все это значить?
Предатели! Убійцы!..

Боже мой!
Отецъ! Филиппъ въ главѣ людей идущихъ!..

СЦЕНА II.

ДОНЪ КАРЛОСЪ, ФИЛИППЪ И ИГО СВИТА.

Филиппъ.

Одинъ, въ потьмахъ, съ оружіемъ, въ часъ ночи
Что дѣлаешь ты, дерзкій, въ этомъ мѣстѣ?
Куда идешь неровною походкой?
Скажи?.. отвѣтъ...

Донъ Карлосъ.

Что отвѣчать могу?

Схватился я за шпагу инстинктивно,
Когда толпу идущую увидѣлъ.
Но падаетъ она изъ рукъ моихъ
При видѣ васъ... Король, не на меня ли
Идете вы?—но для чего такъ много
Вы взяли слугъ съ собой—и безъ того
Я въ вашей власти полной... Что могло
Служить предлогомъ для такого дѣла?
Въ чемъ заподозрить вы меня могли,
Какихъ вы недостойныхъ оправданій
На подозрѣнья жалкія хотите?

Филиппъ.

Отвѣтъ прямой ты дерзостью отважной
Безумно отклоняешь;—въ преступленьи
Пріемъ не новый!—но зачѣмъ притомъ
Лукаво прикрываешь ты почтеньемъ
Души своей коварную жестокость?
Къ чему тебѣ послужать извиненья?
Дай бѣшенству потокомъ словъ свободныхъ
Исходъ скорѣй, излей душевный ядъ
Со всѣмъ безстыдствомъ и открой намъ прямо
Весь дерзкій планъ, какъ чистый и святой.

Одинъ таковой языкъ тебя достоинъ,
Мы знаемъ маску гордости твоей!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Что я открытъ, въ чемъ признаваться долженъ,
Не знаю я; — могу сказать одно:
Обиды—истязаній мнѣ страшнѣе;
Казни меня, преступникомъ считая...
Ты знаешь, справедливымъ всё сочтутъ
Все, что Филиппъ захочетъ...

ФИЛИППЪ.

О позоръ!
Какъ наглости въ немъ много въ эти дѣта!
Какъ изучилъ искусство онъ притворства!
Застигнутый на дѣлѣ королемъ,
На преступленьи пойманный—онъ даже
Въ лицѣ не измѣняется.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Въ твоемъ
Родился королевствѣ я, въ дворцѣ
Твоемъ воспитанъ,—кто же удивляться,
Безстыдство или наглость видя, станеть!

ФИЛИППЪ.

На стыдъ, на срамъ ты здѣсь рожденъ, злодѣй!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Кто жь этотъ стыдъ загладитъ вамъ мѣшаетъ.
Меня убить не трудно... если вамъ
Зачѣмъ-то надо крови... крови сына...

ФИЛИППЪ.

Не сынъ ты мнѣ... не смѣй произносить
Ты имени священнаго такого!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

За что?

Филиппъ.

За что?.. И спрашиваетъ онъ!..
 Въ немъ совѣсть спитъ! онъ даже угрызений
 Ея не знаетъ... Покушенье онъ
 На жизнь отца злодѣйствомъ не считаетъ,
 Отцеубійцъ...

донъ-карлосъ.

Отцеубійца? я!
 Что слышу? Нѣтъ!.. ты самъ тому не вѣришь,
 Что говоришь... Нѣтъ, нѣтъ!.. не можетъ быть,
 Ошибся я... ослышался навѣрно...
 Отцеубійца! Боже! гдѣ жь улики?
 И поводъ чѣмъ я подалъ, чтобъ меня
 Могли винить въ такомъ ужасномъ дѣлѣ?..

Филиппъ.

Какихъ уликъ еще не достаетъ,
 Ты поблѣднѣлъ смертельно—вотъ улика!

донъ-карлосъ.

Довольно! Нѣтъ, не мучайте меня,
 Остановите пытку... Я не въ силахъ!
 Не заставляйте преступить меня
 Границы тѣ, которыя природа
 Законы, небо, люди — положили
 Между отцомъ и сыномъ, королемъ
 И подданнымъ... Я весь дрожу отъ гнѣва!

Филиппъ.

Границы тѣ, давно ногой преступной
 Перешагнулъ ты, хоть умѣлъ всегда,
 Благодаря искусному притворству,
 Обманывать всѣхъ, вѣрившихъ тебѣ.
 Теперь довольно! брось притворства маску,
 Явись такимъ, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ
 И прямо, откровенно исповѣдуй
 Всю черноту души своей презрѣнной!
 Открой весь рядъ измѣнъ своихъ позорныхъ,
 Всѣхъ замысловъ своихъ безчеловѣчныхъ.

Бояться насъ не надо... Мы умѣли
 Всегда души величье сохранять, хотя бь
 Имѣли дѣло съ самымъ недостойнымъ
 И низкимъ изъ людей... Открой же намъ
 Всю правду и надѣяться дерзай
 На нашу милость... Если же обманъ
 И ложь мы снова встрѣтимъ — трепещите!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Всю правду я скажу, когда на то
 Я вынужденъ.—Король, себя я знаю —
 Ни передъ кѣмъ не трепеталъ донъ Карлосъ!
 И васъ, Филиппъ, я знаю хорошо,
 Такъ хорошо, что въ сердцѣ даже тѣни
 Себѣ имѣть надежды не позволю
 На то, чтобъ васъ хоть чѣмъ нибудь смягчить..
 Вамъ жизнь моя нужна, — ее отъ васъ
 Я получилъ ненужнымъ даромъ—смѣло
 Ее берите; но за честь мою
 Я постую, чтобы со мной во гробъ
 Нетронутой она при мнѣ осталась!
 И самъ себя я сталъ бы презирать,
 Когда бы въ угождение вашей воли,
 Иль для спасенья жизни оправданьемъ
 Я низкимъ запятналъ себя на вѣки!
 Мой вздохъ послѣдній испустить готовъ
 Я хоть сейчасъ, судьбѣ своей покорный
 Я вынесу неслыханную казнь,
 Но потому, что смерть меня лишитъ
 Не можетъ чести... Опозорить можетъ
 Меня одно, что мой отецъ—Филиппъ!

ФИЛИППЪ.

Мятежникъ буйный смѣетъ королю онъ
 Такъ отвѣчать преступно!..

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Преступленье

Мое въ одномъ: меня ты ненавидишь,
 Ты кровожаденъ—вотъ моя вина,
 Власть безъ границъ—вотъ все Филиппа право!

Филиппъ.

Арестовать безумца!

Донъ Карлосъ.

Какъ отвѣтъ

Достойнъ жалкаго тирана!... Гдѣ оковы?
 Я руки приготовилъ къ нимъ давно;
 Вотъ грудь моя—скорѣй ее разите!
 Что медлите! вѣдь жестокихъ не сеятъ
 Ты сдѣлался... Весь рядъ годовъ тяжелыхъ
 Правленія Филиппа представляетъ
 Безумства ночь и оргію злодѣйства!

Филиппъ.

Прочь, увести его отъ глазъ моихъ!..
 Его сейчасъ же въ башню заключите,
 Въ той башнѣ мрачной выбрать для него
 Чернѣй тюрьму, безъ воздуха и свѣта!..
 И если состраданіе ему
 Дерзнетъ изъ васъ, хоть словомъ или взглядомъ,
 Кто показать, — то берегись, ослушный!..

Донъ Карлосъ.

Напрасенъ страхъ!.. Въ нихъ нѣтъ великодушья,
 Рабы твои съ тобой поспорить могутъ
 Въ жестокости безумной!..

Филиппъ.

Взять его! (*Донъ Карлоса уводятъ.*)

СЦЕНА III.

Изабелла и Филиппъ.

Изабелла.

Что слышу я, о Боже мой!...

Филиппъ.

Что съ вами?..

ИЗАВЕЛЛА.

Я... я—король, была въ своихъ покояхъ,
Но раздалися крики по дворцу,
И стонъ до слуха моего воснулся...

●ФИЛИППЪ.

Да, я погорячился здѣсь немного.

ИЗАВЕЛЛА.

Я принца голосъ слышала... и шумъ...
Донъ-Карлоса вы отдали подъ стражу?..

ФИЛИППЪ.

Увы! нашъ долгъ...

ИЗАВЕЛЛА.

Онъ сынъ вашъ!

●ФИЛИППЪ.

Вы блѣдны,

Дрожите вся, что съ вами, королева?

ИЗАВЕЛЛА.

Мнѣ страшно...

●ФИЛИППЪ.

О, я понимаю васъ,

Вы отъ любви дрожите... къ намъ, конечно...
Но успокойтесь, вѣжная супруга,
Прошла опасность злая

ИЗАВЕЛЛА.

Что я слышу?

●ФИЛИППЪ.

Да! сохранилъ Господь намъ наши дни,
Не удалось злое покушенье!

ИЗАВЕЛЛА.

На вашу жизнь?

Филиппъ.

Для васъ она нужна
И дорога: намъ Богъ ее оставилъ.

Изабелла.

Вамъ измѣнили?

Филиппъ.

Да, измѣнникъ нашъ
За умиселъ заплатитъ по заслугамъ.
Не опасайтесь больше, чтобы я
Поддался глупой шалости... Отнынѣ
Лишь справедливости суровой голосъ
Понятенъ намъ...

Изабелла.

Какъ, новый заговоръ!

Филиппъ.

О, еслибъ противъ насъ однихъ былъ только
Замышленъ онъ, но тотъ, кто на отца
Готовъ поднять предательскую руку,
И мачиху свою убить рѣшится,
Ее, какъ насъ, быть можетъ, ненавижда....

Изабелла.

Своимъ ушамъ, король, не вѣрю я...
Донъ-Карлосъ... Принцъ...

Филиппъ.

Благодѣянья наши
Не оцѣнилъ и заплатилъ измѣной...
Онъ позабылъ кто я—ему, кто—вы...
Но успокойтесь, королева,—эту
Суровую заботу предоставьте
Вы намъ однимъ... Повѣрьте, я сьумѣю
Обоимъ намъ спокойствіе упрочить! — (Уходитъ.)

СЦЕНА IV.

ИЗАВЕЛЛА (одна).

О Боже мой! нѣтъ силъ въ моей груди,
 Отъ ужаса теряю я разсудокъ...
 Тонъ короля загадочный, намеки...
 Ужели о любви узналъ онъ нашей?
 Нѣтъ! глубоко она, въ душѣ моей,
 Ее никто живущій не узнастъ;
 Но эти рѣчи, этотъ проаный взглядъ,
 Свинцовый взглядъ и холодно злобщій,
 Все время обращенный на меня...
 Что говорилъ онъ о покоѣ нашемъ?
 Что я ему на это отвѣчала?
 Не выдала ль я тайны, имя принца
 Произнеси неосторожнымъ звукомъ?
 Отъ ужаса во мнѣ хладѣетъ кровь.
 Куда онъ такъ поспѣшно удалился?
 Зачѣмъ я не пошла съ нимъ вмѣстѣ?.. Надо
 Его догнать, узнать, спросить вѣрнѣй...
 Иду... но нѣтъ, не слушаются ноги...
 Мнѣ дурно... бьется сердце... что со мною?

СЦЕНА V.

ГОМЕЗЪ, ИЗАВЕЛЛА.

ГОМЕЗЪ.

Простите, королева, что дерзаю
 Въ сей поздній часъ я вашъ покой нарушить,
 Я короля ищу...

ИЗАВЕЛЛА.

Сейчасъ ушелъ

Отсюда онъ...

ГОМЕЗЪ,

Его сыскать мнѣ надо,
Онъ вѣрно съ нетерпѣньемъ ожидаетъ
Суда рѣшенья...

ИЗАВЕЛЛА.

Что сказали вы?
Остановитесь, мнѣ вы передайте,
Въ чемъ дѣло?.. что такое?.. что за судъ?..

ГОМЕЗЪ.

Король вамъ вѣроятно въ разговорѣ
Ужъ сообщилъ, что приговора онъ
Ждетъ отъ суда верховнаго, который
Былъ созванъ имъ по экстремному дѣлу...

ИЗАВЕЛЛА.

Онъ въ общихъ говорилъ мнѣ выраженьяхъ,
Что имъ открытъ былъ заговоръ какой-то...

ГОМЕЗЪ.

Но имени онъ вамъ не называлъ
Преступника?

ИЗАВЕЛЛА.

Онъ говорилъ... о принцѣ...
Но возможно-ль?!

ГОМЕЗЪ.

Извѣстно, значитъ, вамъ
Все дѣло, и могу я безъ боязни
За ваше сердце нѣжное открыто
Сказать, что произнесъ совѣтъ рѣшенья..

ИЗАВЕЛЛА.

О говорите, Бога ради, все...

ГОМЕЗЪ.

Онъ долго разсуждалъ объ этомъ дѣлѣ,
Обдумывалъ глубоко, всесторонне,
И наконецъ рѣшилъ единогласно...

ИЗАВЕЛЛА.

Что?..

ГОМЕЗЪ.

Мнѣніе, сентенція его
И приговоръ въ бумагѣ этой,—только
Лишь королю осталось утвердить...

ИЗАВЕЛЛА.

И присужденъ донъ-Карлосъ?...

ГОМЕЗЪ.

Еъ смертной казни...

ИЗАВЕЛЛА.

Что слышу я! о изверги! за что же?..

ГОМЕЗЪ.

Такъ вамъ король не сообщилъ?

ИЗАВЕЛЛА.

Ни слова

Онъ о винѣ мнѣ принца не сказалъ...

ГОМЕЗЪ.

Принцъ обвиненъ въ преступномъ покушеньи
На жизнь отца...

ИЗАВЕЛЛА.

Донъ-Карлосъ?.. Боже мой!..

ГОМЕЗЪ.

Намъ не было причины для сомнѣнья,
Былъ сильный обвинитель самъ король,
Всѣ данные...

ИЗАВЕЛЛА.

Поддѣльны, ложны,

Убийцею донъ-Карлосъ быть не можетъ!
Вы отъ меня скрываете, конечно,
Проступокъ принца и его вину...

ГОМЕЗЪ.

Его вину!.. О Боже, королева,
Угодно ль вамъ, чтобы ее я назвалъ
И чтобъ за это заплатилъ я жизнью?

ИЗАБЕЛЛА.

О, говорите смѣло, Бога ради!..
Неужли вы предательства боитесь?
Я, королева...

ГОМЕЗЪ.

Не боюсь я...
Но стану самъ предателемъ я, если
Предамъ своимъ неосторожнымъ словомъ
Я своего монарха... И зачѣмъ
Вамъ правду знать?.. Увы! она горька!..

ИЗАБЕЛЛА.

Я женщина, Гомезъ, я любопытна...

ГОМЕЗЪ.

И что вамъ принцъ?.. Вы мачиха ему,
Погибнетъ онъ, погибнетъ неизбежно,
Но смерть его во благо вамъ послужить...
Вы будете имѣть дѣтей, имъ путь къ престолу
Откроется... Да, въ участи инфанта
Немалую играетъ роль—любовь.

ИЗАБЕЛЛА

Любовь? къ кому?

ГОМЕЗЪ.

Къ вамъ короля Филиппа,
Наслѣдника желаетъ онъ отъ васъ,
Не Карлоса...

ИЗАБЕЛЛА.

Безчестны мысли эти!

Вы и меня подозрѣвать, пожалуй,
Осмѣлитесь въ подобномъ?

ГОМЕЗЪ.

Короля

Я только взгляды высказывать дерзаю,
 Но самъ его я тоже не дѣлю...
 О низкій взгляды!.. Я начинаю вѣрить
 Тому, чему я вѣрить не желаю бы:
 Родной отецъ и—ненавидитъ сына!
 Мнѣ жаль, что вы такъ мало короля
 Проникли, королева...

ИЗАВЕЛЛА.

Но кому же

Должна я вѣрить, если не ему?..

ГОМЕЗЪ.

Довѣрьтесь мнѣ, вы вѣрнаго найдете
 Во мнѣ слугу, который, состраданье
 Въ васъ вида къ принцу, далѣе не станетъ
 Отъ васъ скрывать тяжелой, горькой правды...
 Да, королева, бѣдный принцъ несчастливъ;
 И вся вина его и преступленья —
 Быть сыномъ кровожаднаго Филиппа...

ИЗАВЕЛЛА.

Вы въ ужасъ повергаете меня...

ГОМЕЗЪ.

Увы! вы сами знать хотѣли правду!
 Сказать ли? Я за васъ самихъ боюсь.
 Вы знаете ль источникъ чувствъ Филиппа
 Безчеловѣчныхъ?.. Зависть, злая зависть
 Къ достоинствамъ донъ-Карлоса... Не можетъ
 Ни въ комъ терпѣть онъ даже чувствъ высокихъ,
 Онъ чувствуетъ, что для его притворства
 Чужая добродѣтель—наказанье...

ИЗАВЕЛЛА.

И онъ отецъ!.. Но что же вашъ совѣтъ,
 Онъ королю въ жестокосердью равенъ,
 Какъ могъ онъ, зная всю невинность принца,
 Его приговорить къ тяжелой казни?..

ГОМЕЗЪ.

Но кто дерзнетъ противостать Филиппу?
 Онъ лично обвинилъ въ софѣтѣ принца,
 Всѣ знаютъ, какъ то обвиненье живо,
 Но, дорожа своею жизнью, каждый
 Слѣпить съ тирана волей согласиться!
 Мы жалкіе рабы—мы не министры,
 Мы всѣ его трепещемъ... Жертвъ не мало
 Мы видѣли, и всѣ мы близко знаемъ,
 Что стоять только съ нимъ не согласиться,
 Чтобъ тотчасъ заплатить за это жизнью...

ИЗАБЕЛЛА.

О горе мнѣ, сковаль мнѣ сердце ужась!..
 Скажите-жъ мнѣ, неужели надежды
 Нѣтъ никакой для принца?..

ГОМЕЗЪ.

Очень мало!

Что разъ Филиппъ задумалъ, то исполнить
 Навѣрное, хотя и въ этотъ разъ,
 Какъ и всегда, онъ будетъ притворяться,
 (Въ притворствѣ онъ силенъ необычайно);
 Сначала нерѣшительность покажетъ,
 Потомъ скорбѣтъ, для виду, долго станетъ,
 Заявить милосердые—и на время,
 Пожалуй, даже приговоръ отсрочить,
 Но горе тѣмъ, кто королю повѣрять,
 Отсрочка жертву не спасетъ—и казни
 Донъ-Карлосу не миновать...

ИЗАБЕЛЛА.

О Боже!..

Нѣтъ, если сердце въ васъ не загрубѣло
 Въ жестокостяхъ подобныхъ,—пощадите,
 Спасите принца...

ГОМЕЗЪ.

Что же я могу?

ИЗАБЕЛЛА.

Вы можете...

отд. 1.

15

ГОМЕЗЪ.

Могу я только плакать,
И то тайкомъ, объ этой новой жертвѣ
И память чтить его въ душѣ своей...

ИЗАБЕЛЛА.

Но это невозможно!.. Содрогнуться
Отъ ужасовъ подобныхъ долженъ миръ!

ГОМЕЗЪ.

Готовъ бы былъ не пощадить я жизни,
Когда бы могъ я быть полезенъ принцу,
Свидѣтель Небо... Но спасти его
Никто не можетъ... Знайте, королева,
Во мнѣ проснулась совѣсть, и покоя
Мнѣ не даетъ за то, что я Филиппу
Былъ другомъ и совѣтникомъ, всю душу
Изгрызло мнѣ раскаянье...

ИЗАБЕЛЛА.

Я вѣрю...

Чтожъ? многое еще загладить можно!..
Жизнь новую вы хоть теперь начните,
Спасите принца для начала... Даже
Опасности себя не подвергая,
Его спасти вамъ можно. Я скажу вамъ,
Что надобно для этого вамъ сдѣлать.
Послушайте: Филиппъ въ васъ вѣритъ твердо,
Онъ къ вамъ имѣть не можетъ подозрѣній,
Доставьте принцу способы къ побѣгу.
Вы подвигъ совершите благородный,
И можетъ быть, когда Филиппа сердце
Со временемъ смягчится, самъ онъ будетъ,
Конечно, вамъ за это благодаренъ:
Вы честь ему спасете вмѣстѣ съ сыномъ.

ГОМЕЗЪ.

Отъ подвига такого, королева,
Повѣрьте мнѣ, я убѣгать не стану бы,
Когда бъ не зналъ, какъ гордо благороденъ

Донъ Карлосъ—и что въ немъ негодованье
 Такое предложеніе возбудить...
 Тревоженъ пылъ души неукротимой,
 Принцъ презираетъ смерть, ее готовъ онъ
 Героемъ встрѣтить, только поддѣржнѣ
 И недоувѣріе къ себѣ я встрѣчу
 Въ отвѣтъ на предложеніе; я знаю,
 Онъ и во мнѣ готовъ Филиппа видѣть...

Изабелла,

О ежели препятствіе лишь въ этомъ,
 То дайте способъ мнѣ увидѣть принца,
 Доставьте мнѣ въ его темницу доступъ,
 Я за успѣхъ ручаюсь; упрошу я,
 Уговорю его къ побѣгу, мнѣ онъ,
 Какъ въ милости, въ согласіи не откажетъ!
 Ночь на исходѣ—средства приготовьте
 Скорѣй къ побѣгу, смертный приговоръ
 Хоть не надолго задержите... Вѣрно
 Король не ждетъ такъ скоро приговора...
 Я жду отъ васъ поддержки и участія,
 Я ихъ прошу отъ васъ какъ подаянья!
 Ночь будетъ намъ помощникомъ, скорѣе,
 Не медлите, рѣшайтесь и—идемте...

Гомель.

Кто въ состоянн былъ бы отказать
 Въ своемъ участіи, въ подвигѣ подобномъ?
 Испробуемте все, что только можно,
 Идемте... Богъ намъ въ помощь, допустить
 Онъ не захочетъ правому погибнуть!

АКТЪ V.

СПЕЧА I.

ДОНЪ КАРЛОСЪ (одна):

Все кончено!... погнбло все на вѣки!
 Ждетъ смерть меня... О если бы ее
 Я встрѣтить могъ скорѣе!.. Но позоръ
 Меня и съ смертью самой ожидаетъ...
 Жестоваго, безумнаго, Филиппа
 Одною кровію насытить трудно.
 Ему страданья, жертвы, униженіе,
 Позоръ и оскорбленія—нужны!
 На все готовъ я: лишь *одно сомнѣнье*
 Кровавое мнѣ раздираетъ душу:
 Что, если нашу знаетъ онъ любовь?..
 Не даромъ я въ очахъ его замѣтилъ
 Какой-то новый и зловѣщій блескъ,
 Не даромъ говорилъ онъ съ королевой,
 Онъ выпытать, изъ словъ ея, быть можетъ,
 Увѣренность въ любви ея хотѣлъ!
 Что будетъ съ нею, если въ недостойномъ
 Онъ сердцѣ, къ ней питаетъ подозрѣнье?..
 Какихъ обидъ не вынесетъ она,
 Какихъ не испытаетъ оскорбленій,
 Пова своей онъ мести не насытитъ!..
 Но какъ узнать о тайномъ чувствѣ нашемъ,
 Когда мы сами въ немъ себѣ признаться
 Почти не смѣемъ!.. Можетъ быть, жени
 Моя печаль и вздохи *предал*, и влобой
 Онъ понялъ ихъ, подслушалъ, отгадалъ!..
 Подумать страшно!.. Но едва ль понятенъ
 Языкъ любви святой—бездушнымъ людямъ...
 Когда-бъ онъ догадался, онъ навѣрно
 Со мной бы былъ еще жесточе, если
 Для человѣка можно быть жесточе,
 Чѣмъ онъ со мною. Наступаетъ день,
 Печальный день его тяжелой мести...

Гдѣ вы друзья, съ которыми дѣлили,
 Порой, безпечной радости часы я...
 Зачѣмъ никто изъ васъ меня не вспомнить,
 Не передастъ эмисала мнѣ въ темницу,
 Чтобъ прекратить страдальческіе дни
 И жертву вырвать изъ когтей Филиппа!

СЦЕНА II.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ И ИЗABELЛА.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ

Кого я вижу!.. Вы здѣсь, королева?
 Какъ вы могли сюда проникнуть?.. Что васъ
 Заставило придти сюда... Какое
 Васъ чувство привело ко мнѣ въ темницу:
 Долгъ, жалость, состраданье или любовь?..

ИЗABELЛА.

О, тяжкое, ужасное извѣстье
 Я принесла къ вамъ... Приготовьтесь, принцъ.
 Не знаете вы всѣхъ своихъ несчастій;
 Король васъ обвинилъ въ отцеубійствѣ,
 Совѣтъ верховный васъ приговорилъ
 На смерть... и только подписи Филиппа
 Ждутъ этотъ приговоръ невѣроятный...

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Онъ, Изабелла, не заставитъ ждать!..

ИЗABELЛА.

И вы спокойны?

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я давно рѣшился
 Своей судьбѣ тяжелой покоряться!
 Вы помните, что въ разговорѣ намъ,
 Когда я вамъ открылъ свою любовь...

Отъ васъ себѣ одной отрады только,
 Одной просилъ я милости—позволить
 Мнѣ умереть.... но здѣсь... вблизи отъ васъ!...
 Я не скажу, чтобъ вѣсть о смерти горько
 Въ моей душѣ не отзывалась, но
 Я ждалъ ее и радъ я, что услышалъ
 О ней отъ васъ, не отъ другихъ...

ИЗВЕЛА.

О! принцъ,
 Не говорите мнѣ о смерти!.. Горько,
 Невыразимо-горько слушать это!
 Вы жить должны... Вы любите меня?
 Не правда ль, вѣдь вы любите?... Цѣною
 Моей любви, я умоляю васъ,
 Чтобъ вы хотя немного уступили.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Кому? чему? О, страшно мнѣ отъ васъ
 Слова такіа слушать, королева!..
 Зачѣмъ вы искушать меня пришли?
 Неужто вы подсланы Филиппомъ?..

ИЗВЕЛА.

Вы можете... меня... подозрѣвать?..

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я знаю, что не долженъ, но играетъ
 Филиппъ людьми, и могъ онъ ваской, лестью,
 Притворными слезами обмануть васъ
 Или понудить силой... Зная это,
 Я отогнать не въ силахъ подозрѣній,
 Какъ могъ онъ вамъ придти сюда позволить,
 Непостижимо!...

ИЗВЕЛА.

Кто же вамъ сказалъ,
 Что о моемъ онъ знаетъ посвѣщенъ?
 Когда-бъ онъ зналъ....

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Филиппъ нагѣрно знаетъ!

Ничто не можетъ отъ него укрыться...
 О горе мнѣ! вы губите себя...
 Я новое несчастіе предвижу...
 Кто вамъ помогъ исполнить вашу мысль?
 Кто доступъ вамъ въ тюрьму мою доставилъ?
 Кто, не бояся мести королевской,
 Ослушаться дерзнулъ его велѣній?...

ИЗАБЕЛЛА.

Меня Гомезъ...

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Гомезъ; о силы неба,
 Какое имя вы произнесли
 Безчестное и роковое вмѣстѣ!

ИЗАБЕЛЛА.

Вы въ заблужденіи, вамъ Гомезъ не врагъ...

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Когда-бъ его хоть на мгновеніе другомъ
 Я могъ почестъ,—отъ горя и стыда
 Я умеръ бы...

ИЗАБЕЛЛА.

А онъ въ душѣ питаетъ
 Къ вамъ дружбу, состраданіе и жалость...
 Онъ мнѣ отерлъ всѣ замыслы Филиппа.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

И, чистая, вы ввѣрились ему! -
 О! бѣдный другъ, какъ вы неосторожно
 Въ разставленныя сѣти вамъ попались!
 За васъ, невольно, горько мнѣ и страшно.
 Гомезъ—слуга презрѣнный и безчестный,
 Въ безстыдствѣ одному Филиппу равный...
 Онъ, правду вамъ сказалъ... Порой и правду
 Они сказать бываютъ оба рады,

Но только если правда эта может
Когонибудь предать, сгубить, вѣрнѣе!

ИЗАВЕЛЛА.

Счастливой я себя считаю, принцъ,
Что дѣломъ отклонить могу я ваши
Сомнѣнія... Гомезъ—вамъ вѣрный другъ,
Онъ средства всѣ къ побѣгу приготовилъ,
Онъ сдѣлалъ все и если только мнѣ
Уговорить на это васъ удастся,
Всей силою моею къ вамъ любви, —
Вы будете и живы, и свободны!
О! согласитесь, добрый другъ, на это,
И, не теряя времени, бѣгите
Отъ казни, отъ Филиппа... отъ меня!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Напрасно о моемъ спасеньи думать!
Себя спасать вамъ надо, королева,
Пока есть время... Боже, Боже мой!
Какъ ловко онъ вамъ западню разставилъ...
Повѣрьте мнѣ, что жалости Гомезъ
Не выкажетъ безъ цѣли затаенной!
Скорѣй, скорѣй отсюда удалитесь,
Минута промедленья васъ погубитъ!
Кровавое предчувствіе сбылось,
Филиппъ узналъ о нашемъ чувствѣ тайномъ
И разгадалъ. исполнивъ онъ души наши!

ИЗАВЕЛЛА.

Нѣтъ! нѣтъ! его я видѣла недавно,
Едва васъ стража увела въ темницу.
Обуреваемъ бѣшенствомъ, онъ долго
Со мною говорилъ, и я дрожала,
Какъ вамъ, и мнѣ казалось вѣроятнымъ,
И чуть не вѣрнымъ, это подозрѣнье...
Но послѣ я пришла въ себя и долго
Вникала въ смыслъ его рѣчей, и ясно
Мнѣ стало,—онъ далекъ отъ подозрѣній,

Что вы меня.... Онъ думаетъ напротивъ
И даже мнѣ то высказать... что ждалъ онъ,
Что покуситесь вы на жизнь мою...

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Въ подобной лжи я узнаю Филиппа.
Но для чего онъ вамъ такую мысль
Передавать почелъ необходимымъ,
Мнѣ трудно догадаться... Проникать
Мыслей коварныхъ тайныя пружины
И трудно, и безчестно... Ясно мнѣ
Одно—онъ подозрѣнъ въ чувствѣ нашемъ
Увѣренностью хочетъ подтвердить!
Что бъ ни было—одно лишь остается,
Скорѣ изъ тюрьмы вы удалитесь...
Мнѣ горько, что вы ввѣрились Гомезу,
И горько мнѣ, что вы могли подумать,
Что я могу принять его услугу...

ИЗАБЕЛЛА.

О Боже! неужель все это правда,
И я живу среди такихъ людей!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Къ несчастію святая это правда!
Но не теряйте времени... Скорѣ
Меня оставьте... Жалость въ васъ ко мнѣ
Обидна мнѣ, когда къ себѣ самой вы
Ее имѣть укорно не хотите.
Уйдите, если только дорожите
Вы вашей жизнью.

ИЗАБЕЛЛА.

Жизнью дорожить

Мнѣ не для чего, Карлосъ...

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Ваше имя...

И честь мою спасете вы уходомъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Но васъ однихъ въ опасности оставить
Не въ силахъ я...

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я знаю только то,

Что вы меня спасти не въ состояньи
И понапрасну губите себя.
Вы женщина, не позабудьте это,
И знайте, что для женщины довольно,
Чтобъ до нея коснулось подозрѣнье,
Гнилое подозрѣнье душъ презрѣнныхъ,—
И гибнетъ имя честное ея!
Не знаете вы, сколько наслажденья
Людямъ доставить, если имъ удастся
Хоть только тѣнь на вашу чистоту
Съ лгуавствомъ подозрительнымъ набросить!
Уйдите, Изабелла, дорогое
Спасите ваше имя отъ пятна!
Глаза отъ слезъ напрасныхъ осушите,
Печаль заройте глубоко въ груди,
И вѣсть о смерти Карлоса съ холоднымъ
Достоинствомъ прослушать, вы съумѣйте!
Добру себя всецѣло посвятите,
Въ немъ память сохраните обо мнѣ...
Когда жъ печаль заставитъ васъ невольно
Объ участи моей припомнить, съ другомъ
Моиъ поговорите обо мнѣ, —
Тотъ другъ—Перезъ, его въ толпѣ придворной
Сыщите вы; онъ искрення любилъ,
Онъ будетъ вспоминать о мнѣ; украдкой
Поплачьте съ нимъ... Но, другъ мой, уходите,
Уйдите, королева, слезы дунать
Меня... Не заставляйте вы заплакать
Того, кто смерть безстрашно встрѣтить долженъ;
Не разрывайте сердца мнѣ на части,
Примите твердо вы мое прощанье
Послѣднее... Прощайте, другъ мой бѣдный,
Прощайте, ангель чистый, навсегда!
Я снова твердъ, и встрѣчу я достойно
Часъ смерти грозной...

СЦЕНА III.

ДОНЪ КАРЛОСЪ, ИЗABELЛА И ФИЛИППЪ.

ФИЛИППЪ.

Пробилъ этотъ часъ
Возмездія предательству!

ИЗАВЕЛЛА.

О небо!

Король!.. измѣна!..

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Встрѣтить я готовъ
Желанную мнѣ гостью...

ФИЛИППЪ.

Не заставитъ

Она злодѣя долго дожидаться,
Но прежде оба вы меня узнайте,
Презрѣнная и жалкая чета!
Блѣднѣйте же отъ ужаса,—давно я
Все знаю, и слѣдилъ я каждый вздохъ
И каждый шагъ преступной вашей связи,
Я видѣлъ, какъ въ васъ пламя загоралось,
И подмѣчалъ я, какъ оно росло;
Порой я нылъ отъ бѣшенства и злобы,
Но твердо заставлялъ себя молчать.
Пора прервать тяжелое молчанье!
Въ рукахъ моихъ вы оба; ощущаю
Въ своемъ я сердцѣ трепетную радость,
Мнѣ надо насладиться вашимъ страхомъ,
И ужасомъ, и муками унитесь...
И послѣ разразится мечь моя
Вполнѣ и грозно... такъ что содрогнутся
Отъ ужаса и люди, и природа!
О, какъ меня живить и утѣшаетъ
Вашъ стыдъ и униженье... Знай теперь,
Безчестная блудница, что напрасно
Ты думала, что сердцу моему

Могла ты быть когда нибудь пріятна;
 Привязанностей онъ не помѣщаетъ
 Въ такихъ нечистыхъ ямахъ, и развратъ
 Гнилой развратъ не признаетъ измѣной!
 Въ тебѣ любви не ждалъ я даже встрѣтити
 И не желалъ ея я никогда,
 Но требовалъ и требовать былъ вправѣ,
 Чтобы ко мнѣ ты въ сердцѣ страхъ несила,
 Чтобы мысль одна въ тебѣ любви къ другому
 Тебя въ невольный трепетъ повергала!
 Съ тобой, предатель, много говорить
 Я не хочу... Я былъ всегда увѣренъ,
 Что все въ тебѣ презрѣнное я встрѣчу,
 И низости нѣтъ трудной для тебя...
 Я видѣлъ ваши грязныя стремленья,
 Блудливыхъ вздоховъ смыслъ я понималъ,
 Отгадывалъ безстыдныя движенья
 И помыслы развратныя ловилъ...
 Исполнилось мое долготерпѣнье!
 Слова безсильны передъ гнуснымъ дѣломъ,
 И растопчу я карой одинакой
 Обоихъ одинаково преступныхъ...

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Ложь наглая, безстыдныя слова,
 Незаслуженныя!.. Невинна королева, —
 Что говорю! — невинна, призракъ самый
 Виновности ей чуждъ... Она чиста,
 Въ ней сердце голубицы... Страсти тайной
 Она моей не раздѣляетъ... Гнѣву
 Подвергнулся ея, негодованью
 Я въ мигъ, когда себѣ открытъ позволилъ
 Предъ ней свою несчастную любовь!..

ФИЛИППЪ.

Извѣстны намъ границы преступленья
 И знаемъ мы, что чисто наше ложе;
 Когда бъ вы осквернить его дерзнули,
 Давно бы васъ ужъ не было на свѣтѣ!
 Но выслушать изъ устъ твоихъ лукавныя

Безумныя слова себѣ позволялъ,
 Съ тѣхъ поръ блудницею стала королева,
 Преступницею стала любострастной.

Донъ-Карлосъ.

Я, я одинъ виновенъ предъ тобой...
 Я защищать себя не стану. Дерамо —
 Дурной поступокъ я себѣ позволялъ,
 Осмѣлился открыться королеви
 Въ своей любви; но, въ своему стыду,
 Я услышалъ отъ ней одни укоры.
 И чистое желанье заглушить
 Во мнѣ огонь моей любви несчастной...
 Да, страсть моя несчастна, хоть однажды
 Она была законна, и Филиппу
 Извѣстно, что была его супруга
 Моей невѣстой; нѣкогда онъ самъ
 Ее подругой жизни мнѣ назначилъ,
 Хотя потомъ безжалостно отнялъ!
 Да я виновенъ: я люблю какъ прежде...
 Отнявъ ее, ты все отъ сына отнял,
 Жизнь ненужна мнѣ, кровю моей
 Насыть своей ты ненависти жажду;
 Но пустьъ съ моею смертію замретъ
 Глухая ревность; пощади супругу:
 Она чиста, прекрасна и невинна...

Филиппъ.

Она виновна, раздѣливъ съ тобой
 Твоихъ желаній дерзкихъ пылъ преступный...
 Порою и молчаніе виновно,
 А королева даже не молчала!
 Ея любовь сказала довольно.
 Мы помнимъ, какъ она разъ защищала
 Донъ-Карлоса, когда въ притворномъ гнѣвѣ
 Его мы передъ нею обвинили!
 Напомнили тогда вы, королева,
 Что принцъ мой сынъ — и вы сказали вмѣстѣ,
 Что въ мысли онъ любовникъ милый вашъ...
 Чтожъ вы молчите, или въ сердцѣ вашемъ
 Совсѣмъ заглохла совѣсть и законъ?

ИЗАБЕЛЛА.

Молчу я не изъ страха, не «инно»
 Мнѣ тяготить встревоженную душу,
 Мнѣ страшно, что узнала ваше сердце
 Я злымъ такимъ, коварнымъ и жестокимъ!
 Преступной я себѣ кажуся невольно
 Тѣмъ, что могла я быть женою вашей..
 Другого преступленья я не знаю.
 Беру себѣ въ свидѣтели я небо
 Въ томъ, что предъ долгомъ вѣрности супругу,
 Тяжелымъ долгомъ для жены Филиппа,
 Могла бы я сломиться, но его я
 Нарушить никогда бы не рѣшилась..
 Въ душѣ могла я слабой быть вонечно..

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Не слушайте! Ко мнѣ изъ сожалѣнья
 Себя винить готова королева...

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ, принцъ, оставьте, нѣтъ спасенья мнѣ!..
 Огнемъ вы жжете словомъ вашимъ каждымъ
 Надмѣнную Филиппа душу. Дайте
 Ему сказать всю правду, наконецъ
 Пусть онъ узнаетъ, какъ другіе любятъ!
 Король, скажу я прямо, вы любяи
 Причина нашей: съ самыхъ раннихъ лѣтъ
 Я свылалась съ мыслью быть его женою,
 И раздѣлять съ нимъ дней счастливыхъ долю.
 Вы знали это, знали вы и то,
 Что, расторгая нашъ союзъ насильно,
 Вы не могли любви въ насъ заглушить!
 Вы пожелали быть моимъ супругомъ,
 Склонилась я предъ силой вашей воли,
 И даже больше, заглушить въ душѣ
 Къ нему любовь я захотѣла твердо,
 Я думала, что время мнѣ поможетъ
 И сами вы въ томъ подвигѣ тяжеломъ.

Филиппъ.

Но ежели ни годы, ни старанья
Мои не помогли, другое средство
У насъ осталось—потушить въ крови
Попробуемъ твоей мнѣ это чувство,
Какъ знать? быть можетъ, это намъ удастся...

Изабелла.

Крови! крови! всегда, вездѣ и всюду крови!
Вотъ вся отрада короля Филиппа,
И я для васъ старалась заглушить
Въ своей душѣ другой прекрасный образъ,
Отъ васъ, король, на столько же отличный,
Какъ добродѣтель отъ порока, день
Отъ ночи,—горе! Вы меня привыкли
Всегда дрожащей передъ вами видѣть,
Но не хочу я васъ бояться больше,
И смѣло называю передъ вами
Свою любовь я къ принцу—не преступной,
А чистой, высокой и святою...

Филиппъ.

Довольно!.. Вижу я, что вы достойны
Однѣ другого... Надо убѣдиться
Теперь въ другомъ намъ—такъ ли умереть,
Какъ говорить, сумѣете вы бойко...
(Къ входящему Гомезу)
Исполнено ли наше повелѣнье,
Что сообщить имѣете вы намъ?

СЦЕНА IV.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ ИЗАБЕЛЛА, ФИЛИППЪ И ГОМЕЗЪ.

Гомезъ.

Перезъ наказанъ смертью—вотъ кинжалъ,
Онъ кровію его еще дымится...

ИЗАБЕЛЛА.

О, ужасъ!

ФИЛИППЪ.

Смерть позорная его
 Началомъ будетъ для правдивой мести
 Отъ насъ всей шайкѣ. Карлосъ, вотъ удѣлъ
 Всѣхъ тѣхъ, кто былъ вамъ дорогъ или вѣренъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Не пощадить отъ зрѣнща такого
 И передъ смертью самой! Бѣдный другъ,
 Перезъ,—погибъ ты... Вѣшенство! —за что же
 Они меня еще не убиваютъ!
 Гдѣ жъ тотъ кинжалъ, что ждетъ меня, скорѣй
 Меня разите... Тигръ мою кровью
 Насытится, быть можетъ, и ея
 Онъ не погубитъ!

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ, и я нужна

Его ненасыщаемому звѣрству...

ФИЛИППЪ.

Довольно вамъ комедію играть,
 Мы живо кончимъ дѣло, выбирайте
 Кинжалъ или ядъ,—ты первый порѣши,
 Смѣльчакъ отважный...

ДОНЪ-КАРЛОСЪ:

Выбираю я

Кинжалъ, онъ не остылъ отъ крови друга.
 Вы, королева, высказали столько,
 Что и для васъ надежды нѣтъ, и смертью
 И вамъ придется вѣрно заплатить...
 Но... выбирайте ядъ вы ради Бога,
 Быть можетъ, легче умирать отъ ада,
 Сталь съ болью проникаетъ въ сердце, горькій
 Совѣтъ любви примите: онъ послѣдній!
 Всю твердость духа соберите... смѣло
 За мной послѣдуй... ангель мой... за мною...

Ядъ, ядъ—не сталь... прости, я умираю
Не медли... я... (*Умираетъ*).

ИЗАБЕЛЛА.

Я за тобой иду...
О, какъ мнѣ сладко умирать съ тобою...

Филиппъ.

Вамъ смерть сладка! такъ будете вы жить
На перекорь преступному желанью...

ИЗАБЕЛЛА.

О, Боже мой... Онъ умеръ, что же я...
Гдѣ ядъ, скорѣй...

Филиппъ.

Я жизнь тебѣ дарю;
Пока она тебѣ несносной будетъ,
Влачи ее въ слезахъ и сокрушенья.
Когда же, послѣ долгихъ лѣтъ и мукъ,
Забудется прошедшее и снова
Почувствуешь ты жажду къ жизни,—смертью
Тогда блудницѣ мы заплатимъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Небо!

Жить мнѣ? съ тобою? выносить злодѣя?
Нѣтъ... никогда... ты спряталъ ядъ коварно,—
Кинжалъ остался...

Филиппъ.

Гдѣ онъ?

ИЗАБЕЛЛА.

Онъ въ груди!

Филиппъ.

Что вижу?

ИЗАБЕЛЛА.

Смерть жены своей и сына,
Погубленныхъ твоей безумной волей...
А мы невинны были... Умираю!
Мой Карлосъ... я съ тобой—моя любовь! (*умираетъ*).

ОТД. 1.

16

Филиппъ.

Исполнилось! отщизень я!., кровь обихъ
(Какая кровь!) мной пролета... Но я
Не ощущаю радости... молчанье,
Могильное молчанье ты обязанъ,
Гомезъ, хранить о всемъ, что здѣсь ты видѣлъ.
Пойми, что жизнь оставилъ я тебѣ,
А славой я свою не рискую!...

■ . ■.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ ЕВРОПЫ.

“Окружающая насъ роскошь и горячка наслажденій не должны вводить насъ въ заблужденіе; паувершамъ свирѣпствуетъ въ средѣ образованныхъ народовъ не менѣе, какъ и въ средѣ варварскихъ ордъ, а часто даже и больше.”
(*Прудонъ. Война и миръ. Часть 2 стр. 55*).

Если посмотрѣть на цивилизацію Европы сверху, сквозь розовыя очки тѣхъ либеральныхъ писателей, которые восхваляютъ въ честь ея хвалебные дифирамбы, то эта цивилизація удовлетворяетъ самаго жолчнаго пессимиста. Благоденствіе и роскошь того счастливаго меньшинства, которое вкушаетъ плоды европейской цивилизаціи, поражаютъ своимъ величіемъ. Нѣтъ, кажется, ни одного человѣческаго желанія, ни одного каприза, которому не угождала бы современная жизнь привилегированныхъ классовъ. Самое взыскательное чувство комфорта и пріятнаго ничего недѣланія предупреждается на каждомъ шагу. Все къ услугамъ самодовольнаго буржуа, все предназначено служить его плотояднымъ прихотямъ и жаднѣ наслажденій. Монументальныя зданія, желѣзныя дороги, пароходы и телеграфы, роскошныя всемірныя выставки и изящная домашняя обстановка—все это создано руками бѣднаго работника для услажденія цивилизованнаго человѣка. Но это великолѣпное Эльдорадо принимаетъ совершенно другой, суровый и будничныи видъ, если мы станемъ разсматривать его снизу; мы увидимъ, что за красивыми декораціями скрывается другая жизнь, которая не знаетъ никакой цивилизаціи и цѣлыя сотни лѣтъ прозябаетъ въ нищетѣ, со всѣми ея непривлекательными послѣдствіями. Статистическія цифры въ этомъ отношеніи такъ убѣдительны, что всякіе либеральные дифирамбы разлетаются отъ нихъ въ прахъ, и самодовольный

буржуа, нежелающій игнорировать эти цифры, приходится въ нѣкоторое смущеніе отъ ихъ голой правды. Въ настоящей статьѣ, руководствуясь книгой Гауснера, я намѣренъ взглянуть на эту обратную сторону европейской цивилизаціи и показать, въ какой степени она удовлетворяетъ большинство европейскаго населенія, трудами и на счетъ котораго она создается и поддерживается.

Книга Гауснера: *Сравнительная статистика Европы* (Vergleichende Statistik von Europa, von Otto Gausner. Lemberg. 1865 2 z.) безспорно принадлежитъ къ числу лучшихъ сочиненій, вышедшихъ въ послѣднее время въ области сравнительной статистики. Съ «Руководствомъ къ сравнительной статистикѣ» Кольба ее даже и сравнивать нельзя: она стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ выше его. Во-первыхъ ея методъ несравненно разумнѣе и цѣлесообразнѣе кольбовскаго. Кольбъ, какъ извѣстно, держится метода *географическаго*: т. е. онъ группируетъ статистическія цифры, руководствуясь чисто географическими соображеніями; цифры, относящіяся къ одному и тому же вопросу, или финансовому, или торговому, онъ насильственно раздѣляетъ на разныя группы, если онѣ только относятся къ различнымъ государствамъ. Отсюда статистическія данныя каждаго государства у него являются чѣмъ-то совершенно отдѣльнымъ, изолированнымъ, и сравненіе ихъ между различными государствами становится для читателя дѣломъ весьма труднымъ и неудобнымъ. А между тѣмъ статистическій фактъ, взятый отдѣльно отъ другихъ однородныхъ съ нимъ фактовъ, безъ сравненія съ ними, даетъ читателю самое невѣрное понятіе объ истинномъ положеніи вещей. Гауснеръ приводитъ такой примѣръ: Кольбъ въ 3 изданіи своей книги, на стр. 56 (русскій переводъ сдѣланъ со 2-го изданія), показавъ, что во Франціи въ послѣдніе 40 лѣтъ отношеніе *незаконорожденныхъ* къ *законорожденнымъ* возрасло на 6%, прямо заключаетъ изъ этого факта, что нравственныя семейныя отношенія во Франціи ухудшились. Но *какъ* ухудшились, *насколько* ухудшились, этого у него нигдѣ не видно. Между тѣмъ, если мы сравнимъ это увеличеніе числа незаконныхъ рожденій во Франціи съ увеличеніемъ его во всей Европѣ вообще, то увидимъ, что напротивъ нравственность Франціи за послѣдніе годы *сравнительно* не ухудшилась, а скорѣе улучшилась.

Гауснеръ является противникомъ этого безцѣльнаго метода и вводитъ въ свои изслѣдованія методъ строго сравнительный, гдѣ цифры расположены не по государствамъ, а по тѣмъ вопросамъ, къ которымъ онѣ относятся. Однако методъ не единственное достоинство названнаго сочиненія. Этого же метода держится, какъ извѣст-

но, и *Блокъ* и *Ваппеусъ*. Тѣмъ не менѣе сочиненіе Гауснера далеко оставляетъ за собою труды и этихъ почтенныхъ статистиковъ. Гауснеръ пытается (и, замѣтимъ, съ большимъ искусствомъ) охватить своими изслѣдованіями по возможности *всю* стороны общественнаго быта, не останавливая своего вниманія на одной какой-нибудь, напр. военной, финансовой или другой отрасли (какъ это дѣлаетъ Кольбъ и Блокъ въ своемъ «Сравнительномъ описаніи силъ и богатства европейскихъ государствъ»). Кромѣ того, онъ распространяетъ свои изслѣдованія почти въ одинаковой степени на *всю* государства Европы (не исключая, разумѣется, и Россіи, о которой мы находимъ въ его книгѣ много интересныхъ данныхъ); наконецъ онъ представляетъ много въ высшей степени назидательныхъ цифръ и общихъ выводовъ (какъ напримѣръ о раздѣленіи жителей Европы по сословіямъ, о распредѣленіи собственности, о стоимости годового производства и т. д.), которыхъ мы напрасно стали бы искать у Ваппеуса.

И такъ Сравнительная статистика Гауснера, которую я считаю *единственнымъ* и *лучшимъ* сочиненіемъ въ своемъ родѣ, содержитъ въ себѣ такъ много матерьяловъ для изученія соціальнаго быта современной Европы, что знакомство съ этою книгою, по моему мнѣнію, существенно необходимо для всякаго, интересующагося общественными вопросами и общественною жизнью 280-милліонаго населенія европейскаго материка. Факты, сгруппированные въ книгѣ Гауснера, имѣютъ то неотъемлемое достоинство, что прямо приводятъ къ тому выводу, который необходимо изъ нихъ сдѣлать: они ясно и въ настоящемъ свѣтѣ выставляютъ картину экономическаго быта европейскихъ народовъ, опредѣляютъ степень производительности почвы и количество цѣнностей, выдѣлываемыхъ на ея фабрикахъ и въ ея мастерскихъ, распредѣленіе этихъ цѣнностей между различными слоями ея населенія и т. д.

Почти третья часть милліонное (283,950,586) населеніе Европы занимаетъ пространство въ 974,370,000 гектаровъ.

Таковъ основной фондъ, *естественный капиталъ*, изъ котораго черпаютъ Европа свои богатства, на *проценты* котораго она содержитъ и питаетъ свое громадное населеніе. Какимъ же образомъ пользуемся мы этимъ капиталомъ, насколько сумѣли мы сдѣлать его производительнымъ, и какъ великъ даваемый имъ ежегодный доходъ?

Вотъ цифры, служація отвѣтомъ на эти вопросы:

Изъ 974,370,000 гек. общей поверхности Европы почвы производительной, т. е. приносящей хотя какой нибудь доходъ, считается

только 679,493,000 гек., что составляет 69,5% общей поверхности, или, приблизительно $\frac{2}{3}$; слѣд. еще цѣлая треть, почти 300,000,000 гек. почвы находится, какъ говорится, въ дѣйстви- номъ состояніи, т. е. представляетъ еще мертвый капиталъ. Фактъ весьма значительный: мы оставляемъ лежать пустыней нѣсколько десятковъ миллионѣвъ гект. земли, а между тѣмъ народъ умираетъ отъ недостатка хлѣба; у насъ видите жѣтъ ни рукъ, ни средствъ для обработки наникъ производительныхъ богатствъ, а между тѣмъ мы тратимъ миллионы на удовлетвореніе безсмысленныхъ прихотей, мы фабрикуемъ въ несмѣтномъ количествѣ всевозможные предметы роскоши для удовлетворенія нашему пустому тщеславію, мы занимаемъ миллионы рукъ изящными бездѣлушками, въ родѣ постройки црковъ, гипшдромовъ, театровъ и т. п. гверскихъ зданій.

Изъ 51 европейскаго государства нѣтъ ни одного, въ которомъ бы вся почва была обращена въ производительную, т. е. подвергнута какой бы то ни было обработкѣ. Наибольше утѣшительныя данныя представляетъ въ этомъ отношеніи статистива мелкихъ германскихъ владѣній *) и нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ. Напримѣръ, въ кантонѣ Ааргау производительная почва составляетъ 98% всей поверхности кантона вообще; въ Базелѣ 97,2%, въ Швагаузенѣ 97,1% и т. п. Но есть государства, въ которыхъ процентъ производительной почвы даже ниже средняго процента для всей Европы вообще. Къ этой категоріи относятся между прочимъ: Россія, большая часть Швейцаріи, Напская область и т. п. Въ Швеціи и Норвегіи количество почвы необработанной къ обработанной относится почти какъ 1: 2.

Успокойтесь же мизантропическіе мальтузианцы; еще у насъ имѣется въ запасѣ весьма много нетронутыхъ капиталовъ, особенно если мы еще замѣтимъ при этомъ, что процентъ возрастанія населенія въ послѣднее двѣнадцатилѣтіе значительно понижился; такъ съ 1801—49 онъ равнялся 0,96%, а съ 1849 — 61 — 0,63%, что составляетъ почти $\frac{2}{3}$ %.

Но что же заставляетъ насъ такъ пренебрегать своимъ естественнымъ капиталомъ? Не доказываетъ ли это, быть можетъ, что

*) Для любознательнаго читателя помещаемъ списокъ этихъ благороднѣйшихъ государствъ, умѣвшихъ воспользоваться своимъ естественнымъ капиталомъ: Саксенъ-Веймаръ (производ. почти на 95,5%) Гессенъ-Дармштатъ (94,3%); Саксенъ-Альтенбургъ (94,3%), Нассау (94,1%), Ангальтъ (93,8%), Саксонія (93,8%), Саксенъ-Мейнингенъ (92,5%), Вюртембергъ (92,2%), Шварцбургъ (92%), Баварія и Саксенъ-Кобургъ-Готта (90,8%).

мы совсѣмъ не такъ бѣдны, какъ хотѣтъ увѣрить насъ наши суровые ригористы? О конечно. Вотъ смотрите, какъ мы богаты:

Производительная почва Европы частью обращена подъ хлѣбпашество (именно 31,9% всей производительной почвы), частью подъ винодѣліе (0,97%) и разведеніе нѣкоторыхъ особенныхъ растений какъ напр. оливковыхъ, миндальныхъ, каштановыхъ и т. п. (0,53%); луга и сады занимаютъ 9,23%, а пастбища и лѣса 57,4% т. е., болѣе половины, почти $\frac{2}{3}$ всей воздѣлываемой почвы. Прекрасно, какой же доходъ даютъ намъ всѣ эти статьи?

Обратимся прежде всего къ одному изъ первыхъ, существеннѣйшихъ источниковъ европейскаго благосостоянія—къ земледѣлію.

Количество почвы, обращенной подъ земледѣліе, равняется 216,086,000 гект., что составляетъ немного болѣе $\frac{1}{6}$ всей европейской поверхности. Эта масса обрабатываемой почвы распределена весьма неравномѣрно между различными государствами. Въ мелкихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ, во Франціи, Бельгіи и Пруссіи она составляетъ свыше 40% общей поверхности; въ Швеціи только 6%, въ Норвегіи 2%, а въ Россіи, которая обыкновенно слыветъ за страну по преимуществу земледѣльческую, процентъ хлѣбпашныхъ земель представляетъ скромную цифру 16: Общій валовой доходъ производительной почвы въ 15 европейскихъ государствахъ *) оцѣненъ въ сорокъ миллиардовъ франковъ (10,000,000,000 руб.), что составляетъ нѣсколько болѣе 16% общей стоимости земли. Но, разумѣется, валовой доходъ не слѣдуетъ брать въ расчетъ: безъ труда и затратъ самыя плодородныя земли не произведутъ ни одного тощаго колоса, самыя величественныя виноградники ни одного грана вина. Поэтому изъ общаго продукта земли слѣдуетъ вычесть стоимость труда, потраченнаго на обработку, и мы получимъ тогда *чистый доходъ*. Количество такого чистаго дохода нѣсколько превышаетъ 11,000,000,000 франковъ, что составляетъ 4,5% валовой стоимости земель. Иными словами, естественный земельный капиталъ Европы приноситъ ей ежегодно $4\frac{1}{2}\%$. Процентъ, какъ видите, весьма умѣренный, едва ли существуетъ другая кака-либо отрасль промышленности, которая бы давала болѣе низкій про-

*) Именно: Франція, Англія, Італія, Пруссія, Баварія, Нидерландовъ, Бельгія, Швейцарія, Саксонія, Виртембергъ, Бадена, Гессенъ-Дармштадъ, Нассау и Норвегія. Для опредѣленія дохода производительной почвы остальныхъ государствъ Гауснеръ не представляетъ, къ сожалѣнію, никакихъ достаточныхъ матеріаловъ, впрочемъ и эти данныя поставятъ насъ въ возможность сдѣлать кое-какіе общіе выводы, могущіе быть съ приближеніемъ достовѣрностью пригнаны и ко всей Европѣ.

центъ. Надо замѣтить при этомъ, что этотъ низкій процентъ обуславливается не столько самымъ качествомъ почвы, сколько недостаточностью средствъ землевладѣльческаго населенія. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ землевладѣльческое населеніе пользуется извѣстной степенью довольства и благосостоянія, какъ напр. въ Англіи, и гдѣ слѣдовательно могутъ быть примѣняемы различные усовершенствованные способы обработки, тамъ % выше, впрочемъ нигдѣ онъ не превышаетъ 5%. Во Франціи же и въ нѣкоторыхъ частяхъ Швейцаріи, гдѣ большинство землевладѣльцевъ находится въ крайней бѣдности, земля приноситъ въ годъ доходу не болѣе 3%.

На величину земельного дохода оказываетъ огромное вліяніе величина налоговъ, обременяющихъ землю. Во Франціи, напр., гдѣ на каждый гектаръ приходится налогу болѣе 18 франковъ, доходъ, какъ мы видѣли, не превышаетъ 3%. Напротивъ въ Австріи, гдѣ налогъ 3½ фр. съ гектара, доходъ простирается до 5%.

Если теперь мы возьмемъ и раздѣлимъ всю сумму чистаго дохода, приносимаго землею, между всѣми лицами, принадлежащими къ земледѣльческому сословію безъ различія собственниковъ отъ несобственниковъ, то на каждого человѣка пришлось бы въ годъ 112 фр., или 30 р., т. е. съ небольшимъ 8 копѣекъ въ день.

Поэты, публицисты и всѣ вы барды современной буржуазіи, вмѣсто того, чтобы воспѣвать намъ прогрессъ, пойте намъ лучше идиллію 8-ми копѣчнаго существованія.

Но несообразительный читатель можетъ сказать: если равномерное распредѣленіе земли обѣщаетъ намъ въ перспективѣ 8 коп. ежедневнаго дохода, то лучше ужъ останемся при настоящемъ положеніи вещей, при чемъ по крайней мѣрѣ мы-то хоть сыты. Да мы, мы сыты, но мы вѣдь меньшинство, и если мы упорно будемъ держаться за данное *statu quo* экономической жизни, то мы никогда не выбьемся изъ положенія полуголодныхъ зрителей *семикольпной* современной цивилизаціи. Въ верхнемъ этажѣ общественнаго зданія, правда, по прежнему будетъ и весело, и тепло, и хорошо, за то въ нижнихъ этажахъ народъ по прежнему будетъ прозябать на 8-ми копѣчномъ дневномъ содержаніи.

Такимъ образомъ, приведенные выше факты скудной производительности нашей почвы служатъ наилучшимъ свидѣтельствомъ несостоятельности экономической системы, наилучшимъ протестомъ противъ неправды нашей социальной жизни. *Если бы каждый земледѣлецъ былъ въ то же время и землевладѣлецъ*, то земля обрабатывалась бы въ 10 разъ лучше, чѣмъ она обрабатывается теперь, т. е. приносила бы въ 10 разъ больше дохода, чѣмъ она приноситъ теперь,

если бы большая часть земельного дохода не растрачивалась на безпутную роскошь буржуазнаго комфорта, на содержаніе цѣлой своры непроизводительныхъ, паразитствующихъ тунеядцевъ, начиная отъ сикофанствующихъ публицистовъ до слезливыхъ поэтовъ, пѣвцовъ и балетницъ; *если бы* праздныя руки обращены были къ земледѣлю, *если бы* государство не облагало земли тяжелыми налогами (цифра одного прямого поземельнаго налога превышаетъ 1,000 милліоновъ франк.) въ пользу своихъ непроизводительныхъ (какъ это мы покажемъ ниже) затратъ, тогда бы доходъ каждаго изъ нынѣшнихъ земледѣльцевъ былъ по крайней мѣрѣ вдвое больше средняго дохода каждаго изъ теперешнихъ собственниковъ.

Восемь копѣекъ въ день — вотъ вамъ цѣна вашего засушнаго хлѣба, вотъ вашъ доходъ съ вашихъ богатыхъ нивъ, воздѣланныхъ и политыхъ потоками человѣческаго пота! Это не можетъ быть, скажетъ читатель, я никогда не сижу на 8-ми копѣчной діетѣ, и при самомъ плохомъ урожаѣ я получаю съ своихъ земель несравненно больше дохода. Иначе какъ бы я могъ удовлетворять всѣмъ тѣмъ потребностямъ, которыя составляютъ неизбѣжный комфортъ моей жизни, какъ бы могъ я содержать на свой счетъ своихъ ничего непроизводящихъ жену и дочерей, своихъ слугъ и всѣхъ васъ литераторовъ и артистовъ? Кто васъ кормитъ, кто васъ одѣваетъ, какъ не я? Но какъ же бы я могъ справиться на 8 копѣекъ? — Справедливо. Но не забудьте, что мы взяли идеальное предположеніе. Мы вообразили, будто земельный доходъ раздѣленъ поровну между всѣмъ земледѣльческимъ населеніемъ Европы безъ различія собственниковъ, отъ несобственниковъ, но вѣдь на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, вѣдь землю пользуются не всѣ, а только очень немногіе. А слѣдовательно и доходъ съ земли раздѣляется не между всѣми, а только между владѣльцами ея. Значитъ, остальная масса пролетаріевъ получаетъ поземельнаго дохода менѣе 8 копѣекъ. И чѣмъ больше, чѣмъ насыщеннѣе твои притязанія, буржуа, тѣмъ чаще долженъ голодать крестьянинъ, тѣмъ больше коры, глины и мякины долженъ онъ подмѣшивать въ свой неудобоваримый хлѣбъ. Объ этомъ не мѣшаетъ помнить и такому газетному блюдолизу, какъ г. «Выборгскій пустынный», сочиняющій воскресные фельетоны въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и такому глубокомысленному защитнику искусства, какъ г. Антоновичъ. Помните, господа, что каждая страница вашего журнальнаго гаерства въ концѣ концовъ оплачивается мякиной тѣхъ, которые даже не читаютъ васъ.

• Стоимость всѣхъ воздѣлываемыхъ земель въ 15 важнѣйшихъ го-

сударствахъ Европы, представляетъ, какъ мы видѣли, солидную цифру 10,000,000,000 руб. Вся эта огромная масса земель раздѣлена только между 20,677,000 собственниковъ. Раздѣливъ чистый доходъ земли на число собственниковъ, мы найдемъ, что каждый изъ нихъ можетъ имѣть въ годъ чистаго дохода 550 фр. т. е. съ небольшимъ 137 руб. въ годъ. Слѣдовательно если бы доходъ съ земли былъ поровну раздѣленъ между всѣми теперь существующими собственниками, или, что одно и то же, если бы вся земельная собственность была между ними поровну распределена, то каждый землевладѣлецъ получалъ бы въ годъ менѣе 140 руб. доходу, т. е. 37 коп. въ день. Число же сельскихъ рабочихъ, за исключеніемъ собственниковъ, простирается приблизительно за 72,000,000. Средняя плата рабочаго дня = 1 фр. Помножая плату рабочаго дня на число рабочихъ, мы находимъ, что земледѣльческое населеніе получаетъ ежедневно 72,000,000 фр. Полагая въ году 180 рабочихъ дней, мы видимъ, что общій денежный доходъ земледѣльческаго населенія = 13,000,000,000 т. е. менѣе $\frac{1}{3}$ валоваго дохода почвы. Раздѣляя этотъ общій доходъ земледѣльцевъ на число ихъ, мы получимъ на каждого земледѣльца около 180 фр. т. е. 45 руб. ежегоднаго дохода, почти втрое меньше противъ того, что получаетъ землевладѣлецъ. Иными словами, землевладѣлецъ беретъ отъ земледѣльца болѣе 66% со 100 за право обрабатывать его землю, тогда какъ самая эта земля даетъ чистаго дохода только $4\frac{1}{2}\%$. Итакъ, вотъ подъ условіемъ какого экономическаго порядка имѣемъ мы возможность пользоваться сытными и роскошными обѣдами, комфортабельнымъ помѣщеніемъ, оперою, театрами и разными другими эстетическими наслажденіями.

Доходъ землевладѣльца мы оцѣнили около 140 р. въ годъ. Но конечно доходъ его не ограничивается только этимъ, чисто земельнымъ доходомъ. Скотоводство и птицеводство находятся въ такой тѣсной связи съ земледѣліемъ, что мы не имѣемъ права насильственно разъединять эти два вида промышленности. У каждого землевладѣльца непременно есть скотъ, безъ котораго во многихъ мѣстахъ даже немисливо земледѣльство. Каждый землевладѣлецъ непременно разводитъ курицъ, утокъ и другихъ домашнихъ птицъ, но крайней мѣрѣ для своего хозяйственнаго обихода. Такимъ образомъ, каждый землевладѣлецъ, помимо чистаго дохода съ полей, получаетъ еще извѣстный доходъ со скота и птицъ. Во многихъ мѣстахъ именно этотъ послѣдній источникъ дохода и составляетъ единственное или почти единственное средство существованія землевладѣльца. Въ Нидерландахъ, напримѣръ, одного

сыру ежегодно производится 35,500,000 килогр. на сумму 49,000,000 фр. Въ Швейцаріи сырное производство приноситъ ежегоднаго дохода 33,000,000 фр. Слѣдовательно къ земельному доходу землевладѣльца нужно еще присоединить: 1) доходъ со скота: молоко-масло, сыръ и т. д.; 2) доходъ съ птицъ: яйца, перья и т. д. 3) доходъ отъ ежегодной продажи скота и птицъ на убой. Общая цифра этого дохода оцѣнена Гауснеромъ приблизительно въ тринадцать милліардовъ фр. Однако эта цифра относится ко всей Европѣ, тогда какъ мы, при настоящихъ вычисленіяхъ, принуждены ограничиваться только 15 европейскими государствами. Для опредѣленія величины дохода со скота и птицъ въ этихъ 15 государствахъ, мы не имѣемъ къ несчастію никакихъ вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній. Предположимъ однако, что этотъ доходъ относится къ общему доходу также, какъ число земельныхъ участковъ, или число землевладѣльцевъ въ упомянутыхъ 15 государствахъ относится къ общему числу землевладѣльцевъ въ Европѣ. Число землевладѣльцевъ въ 15 государствахъ составляетъ 70% общаго числа землевладѣльцевъ. Полагая, что и доходъ со скота и птицъ въ этихъ государствахъ составляетъ 70% общаго дохода для всей Европы, мы найдемъ, что землевладѣльцы 15 государствъ получаютъ со скота и домашнихъ птицъ ежегодно около 9,000,000,000 фр. доходу. Впрочемъ эта цифра нѣсколько превышаетъ дѣйствительную. Есть очень много собственниковъ, т. е. не землевладѣльцевъ, которые владѣютъ обширными стадами скота, такъ что не всѣ эти 9,000,000,000 падаютъ на долю собственниковъ-землевладѣльцевъ; ну, положимъ, на ихъ долю приходится 8,500,000,000. Прикладывая эту цифру къ чистому доходу, получаемому землевладѣльцами съ ихъ земель, будемъ имѣть 19,500,000,000 фр. или 4,875,000,000 р. въ годъ, т. е. каждому помѣщику приходится годового дохода нѣсколько болѣе 235 р., въ день около 65 коп. Но вы и тутъ сомнѣваетесь, читатель? Конечно, 65 коп. въ день это весьма порядочный доходъ, но если сравнить его съ тѣмъ, что вы ежедневно тратите, то онъ покажется чуть ли не нищенскимъ. Помилуйте, да на 65 коп. можно развѣ только порядочно пообѣдать, а ужъ объ удовольствіяхъ и не подумай. Театры, опера, лошади, роскошная мебель, роскошныя платья, роскошная квартира,—справьтесь-ка со всѣмъ этимъ на 65 коп. А вѣдь между тѣмъ безспорно и несомнѣнно, что я, говоритъ читатель, хожу въ театръ, держу своихъ лошадей, имѣю прекрасную квартиру, прекрасную мебель и т. д., значитъ, я имѣю въ день болѣе 65 коп., значитъ, расчеты ваши невѣрны. Да, это правда, ты читатель тратишь ежедневно несрав-

ненно болѣе несчастныхъ 65 коп. Но что же это доказываетъ? Это доказываетъ только, что даже и ничтожное (сравнительно съ земледѣльческимъ населеніемъ вообще) число собственниковъ не могло полюбовно раздѣлить между собою свою поземельную добычу. Одни захватили чрезмѣрно много, другимъ осталось чрезмѣрно мало. Къ несчастію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о распредѣленіи земли между землевладѣльцами. Гауснеръ сообщаетъ на этотъ счетъ весьма неудовлетворительныя данныя, а другіе статистики и совсѣмъ молчатъ. По изслѣдованію Гауснера выходитъ, что въ Англіи одинъ крупный землевладѣлецъ приходится на 7 мелкопомѣстныхъ; въ Мекленбургѣ одинъ на 29, а въ Австріи 1 на 82; въ Россіи на 100,000 слишкомъ помѣщиковъ приходится мелкопомѣстныхъ, т. е. такихъ, которые имѣли среднимъ числомъ не болѣе 7 душъ, 42,978. (Кольбъ. Руководство къ сравнительной статистикѣ т. I, стр. 244).

Изъ всего этого слѣдуетъ, во-первыхъ, что экономическимъ благосостояніемъ пользуется только меньшинство землевладѣльцевъ; за то большинство принуждено довольствоваться доходомъ меньшимъ, чѣмъ та средняя норма, которая вычислена нами для всего земледѣльческаго класса вообще, т. е. оно должно терпѣть тѣмъ большую нужду, чѣмъ большимъ комфортомъ наслаждается меньшинство. Во-вторыхъ, землевладѣльцамъ не хватаетъ ихъ доходовъ на удовлетвореніе всѣхъ ихъ эстетически-возвышенныхъ потребностей. Заѣдая хлѣбъ рабочаго, они должны еще раззорять себя, впускаясь въ неоплатные долги. Во Франціи напр., общая сумма ипотечнаго долга превышаетъ 12,000 милліоновъ франковъ. Въ Австріи она равняется почти 4,000 мил. Въ Пруссіи она превышаетъ 3½ тысячи милліоновъ, въ Италіи 4½ тысячи милліон. Въ Россіи изъ 103,158 имѣній съ 10,682,400 крестьянъ въ 1859 г. состояло въ залогѣ 44,166 имѣній съ 7,107,184 крестьянскими душами на общую сумму 425,503,061 руб. сер. Слѣдовательно, въ залогѣ было болѣе 2/5 всѣхъ помѣщичьихъ имѣній и 2/3 всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ. (Кольбъ Рук. къ сравн. стат. т. I стр. 246).

Итакъ мы опредѣлили доходность одного изъ самыхъ крупныхъ и обильнѣйшихъ источниковъ нашихъ богатствъ. Землевладѣлецъ, какъ мы видѣли, имѣетъ среднимъ числомъ болѣе 230 руб. ежегоднаго дохода, земледѣлецъ въ пять разъ менѣе—около 45 руб. Доходъ собственника этимъ, разумѣется, не ограничивается: онъ получаетъ доходы и изъ другихъ источниковъ, о которыхъ мы будемъ сейчасъ говорить, кромѣ того онъ получаетъ еще отъ государства разныя пенсіи, жалованье и т. п., и все это конечно оплачивается

трудомъ рабочаго и производительнаго класса. Среднимъ числомъ каждый европейскій житель платитъ государству подъ видомъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ ежегодно 26 франк. или 6,5 руб. Слѣдовательно земледѣлецъ изъ своего скуднаго заработка долженъ еще удѣлять въ казну 14,4%, т. е. на удовлетвореніе его необходимѣйшихъ потребностей ему остается въ годъ всего какихъ-нибудь 39 р. или 10 в. въ день съ небольшимъ. Но вѣдь и это средняя цифра дохода рабочаго, а есть такія мѣста, гдѣ рабочій получаетъ въ день всего 15 сантимовъ (какъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ частяхъ Швеціи и Норвегіи); бретанскіе крестьяне издерживаютъ въ день на свое содержаніе не болѣе 8 коп. А что сказать о русскихъ?

До сихъ поръ мы говорили только о продуктахъ земледѣльческой дѣятельности. Мы вычисляли богатства такъ сказать растущія на землѣ, но мы ничего еще не говорили о богатствѣ, заключающемся въ ея нѣдрахъ и живущемъ на ея поверхности, т. е. богатствѣ минеральнаго и животнаго царства. Между тѣмъ, общая сумма этихъ богатствъ составляетъ болѣе $\frac{1}{3}$ всей совокупности естественнаго богатства Европы; потому, чтобы составить себѣ понятіе о послѣднихъ, мы должны опредѣлить степень производительности животнаго и минеральнаго царства. Производительная сила царства животнаго, т. е. общая стоимость дохода, который даютъ намъ овцы, шелковичный червь, домашній скотъ, рыболовство, звѣроловство и т. д. простирается среднимъ числомъ до 16,240,900,000 фр. Производительныя силы царства минеральнаго Гауснеръ оцѣниваетъ приблизительно въ 3,687,900,000 фр. Наконецъ, царство растительное, самое богатое и производительное, доставляетъ европейскимъ народамъ ежегодно цѣнностей на сумму равную 36,102,700,000 фр. Сложимъ общіе итоги цѣнностей, доставляемыхъ каждымъ изъ трехъ царствъ, и мы получимъ цифру въ 56,031,500,000 франк. или 14,007,875,000 руб. сер. Вотъ вамъ указатель естественныхъ богатствъ Европы, при данномъ экономическомъ производствѣ. Изъ всего, что находится на землѣ и подъ землею, Европа ежегодно добываетъ сырыхъ продуктовъ на четырнадцать миллиардовъ руб. сер. Раздѣлите эту цифру на общее число европейскихъ жителей, и вы получите на каждого человѣка 198 фр. или $49\frac{1}{2}$ р. сер. сырыхъ продуктовъ. Слѣдовательно, при господствующей системѣ, европейскій житель можетъ ежегодно потреблять сырыхъ продуктовъ мнѣе, чѣмъ на 50 руб.

Вотъ новый фактъ нашей экономической нищеты. Фактъ невѣроятный, а между тѣмъ неоспоримый. Мы не замѣчаемъ его, мы не чувствуемъ на себѣ всѣхъ его тяжелыхъ послѣдствій, — за то,

тѣмъ тяжелѣе и невыносимѣе давить онъ массу бѣднаго и работающаго народа. Ослѣпленные роскошью, мы не видимъ изъ-за нея страданій рабочаго населенія; оглушенные пѣснопѣніями бардовъ прогресса, мы не слышимъ изъ-за нихъ уворовъ и стоновъ голодающихъ бѣдняковъ. Мы расточаемъ свои богатства самымъ безсмысленнымъ образомъ, забывая, что каждая копейка, идущая на удовлетвореніе нашихъ *мнимо-возвышенныхъ*, въ сущности же глубоко-извращенныхъ, потребностей, стоитъ нѣсколькихъ дней, даже лѣтъ жизни рабочему бѣдняку. Намъ кажется, что богатство наше неистощимо, а между тѣмъ его едва хватило бы даже на содержаніе однихъ только собственниковъ, если бы собственники вздумали подѣлить его въ равномерной пропорціи (*).

На каждого человѣка, сказали мы, приходится въ годъ сырыхъ продуктовъ на сумму въ 50 р. сер. Но, вѣдь, сырые продукты, какъ извѣстно, неспособны (за нѣкоторыми исключеніями) къ непосредственному потребленію; ихъ нужно еще переработать въ мастерскихъ и на фабрикахъ. Шерсть нужно превратить въ ткани; шкуры коровъ, быковъ и т. п.—въ кожи; льняныя волокна—въ нитки; пшеницу въ муку и т. д. Каждая такая операція увеличиваетъ цѣнность сырья: шерстяныя и льняныя ткани стоятъ дороже потребленныхъ на нихъ льна и шерсти; мука стоитъ дороже пшеницы и т. п. Пусть читатель не забываетъ этого факта, при нашихъ послѣдующихъ вычисленіяхъ онъ увидитъ, что общая стоимость продуктовъ индустриальной промышленности превышаетъ почти на 10,000 милліоновъ стоимость предметовъ сырья, подвергнувшихся фабричной обработкѣ.

Итакъ, положимъ, въ 1865 г. естественныя богатства Европы, подлежащія мѣнновой цѣнности, опредѣлены въ 14,000,000,000 р. Положимъ, что вся эта масса поровну раздѣлена между всѣми европейскими жителями. Каждому досталось, какъ мы видѣли, сырыхъ продуктовъ на 50 р.; а такъ какъ на сырые продукты сытъ и одѣтъ не будешь, то вотъ каждый житель, отдѣливъ изъ полученнаго количества все, что можетъ подлежать непосредственному потребленію, остальное сноситъ на фабрики и въ мастерскія. На фабрикахъ и въ

(*). Если мы раздѣлимъ общую стоимость дохода естественныхъ богатствъ Европы, не на число всѣхъ жителей, а на число всѣхъ собственниковъ, которымъ *de jure* и принадлежать эти богатства, то на каждого собственника придется въ годъ на 466 руб. сер. сырья, т. е. количество сырыхъ продуктовъ, которые собственникъ можетъ ежедневно потреблять, простирается до 1 р. 28 к. Размѣръ потребленія, хотя и умѣренный, однако вполне достаточный для безбѣднаго существованія.

мастерскихъ принесенные продукты перерабатываются и выпускаются отсюда видоизмѣненными. Общая стоимость этихъ видоизмѣненныхъ продуктовъ индустриальной промышленности оцѣнена для всей Европы приблизительно въ сорокъ одинъ миллиардъ семь сотъ миллионъ фран. или въ 10,450,000,000 р. с. Раздѣлимъ эту массу индустриальныхъ цѣнностей на общее число жителей, какъ мы это дѣлали съ сырьемъ, и мы получимъ на каждого жителя сумму индустриальныхъ цѣнностей на 154 фр. или $38\frac{1}{2}$ р. с. Къ этой скромной цифрѣ слѣдуетъ прибавить всю ту массу сырыхъ продуктовъ, которая не поступаетъ на фабрики, а потребляется непосредственно. Сдѣлавъ это послѣднее вычисленіе, мы получимъ *среднюю норму богатства*, приходящагося на долю каждого европейскаго жителя, предполагая, что всѣ эти богатства раздѣлены поровну.

Къ предметамъ, непосредственно потребляемымъ, мы относимъ: продукты домашняго скота и птицъ, продукты охоты и рыболовства, топливо, картофель, рѣпу, и др. овощи, сѣно, солому и т. д. Общая цѣнность всѣхъ этихъ продуктовъ равняется 25,000,000,000 фр. или 6,250,000,000 р. с., т. е. на каждого жителя приходится такихъ продуктовъ приблизительно въ годъ по 22 р. Прикладывая эту цифру къ вышенайденнымъ 38 руб.,—мы получимъ 60 рублей. *60 руб. ежегоднаго дохода,—вотъ вамъ норма богатства европейскаго жителя, или, каждый человекъ можетъ по справедливости издерживать въ день только 16 $\frac{1}{2}$ коп. (*).*

(*) Для читателей болѣе любознательныхъ, мы опредѣлимъ гдѣсь даже и самое количество предметовъ, которые европейскій житель можетъ потреблять, не обижая своихъ ближнихъ. Сравните, любознательный читатель, эти цифры съ цѣною вашихъ ежедневныхъ расходовъ, вашего ежедневнаго потребленія.

Предметы, употребляемые въ пищу и питье. Среднее число хлѣбныхъ зернъ (пшеницы, ржи и т. д.), приходящееся на каждого жителя—6,17 гектолитровъ. Въ томъ же числѣ: *тшеницы*—1,55 гектол.; *ржи*—1 гектол. 32 лит.; *жита*—76 антровъ; *ячменя*—около 1 гектолит. Все, употребляемое свыше этой порціи, есть не болѣе не менѣ какъ *задание чужого хлѣба*. Если мы переведемъ на деньги количество ежегодно производимаго хлѣба (руководствуясь цѣнами, установившимися въ 1850—62 г.), и раздѣлимъ полученную сумму на число жителей, то найдемъ, что каждый человекъ можетъ тратить на хлѣбъ менѣе 14 р. сер. въ годъ, т. е. въ день менѣе 3 коп. *Сахару* (колоніальнаго и туземнаго) каждый житель имѣетъ право ежегодно потреблять 4,15 килограммовъ (колоніальнаго — 2,45 к., туземнаго — 1,70 к.). *Чая* — около 180 граммовъ; *кофе* — 1,06 килограм. *пива* и *водки* — 89 метръ (пива каждый житель ежегодно можетъ потреблять только на 5 фр.); *вина* — 48 литръ (на сумму 4 ф. 25 сант). *табаку*—730 граммовъ; *мяса* — 22,7 килограм; *муки* — около 250 килограмовъ.

Предметы, служащіе для одежды. На европейскихъ фабрикахъ ежегодно

Теперь мы подвели итоги всѣмъ нашимъ богатствамъ. И что же?—въ концѣ-концовъ мы оказались чуть не нищими. Послѣ тысячелѣтнихъ трудовъ и усилій, намъ удалось довести нашу земледѣльческую и индустриальную промышленность до такого совершенства, что мы можемъ теперь, на удовлетвореніе всѣхъ нашихъ потребностей, ежедневно тратить 16 к.! Выражая этой цифрой степень воспѣваемаго нами прогресса, мы должны согласиться, что 16-ти копѣчная цивилизація Европы не далеко ушла отъ цивилизаціи Готтентотовъ и Папуасовъ.

Конечно не всѣ европейскія государства представляютъ одинаковую цифру производства и потребления. Нѣкоторые уклоняются отъ этой 16-ти копѣчной нормы. Безспорно, напримѣръ, что, въ такихъ бѣдныхъ и мало-производящихъ странахъ, какова Россія, Швеція, Норвегія и т. п., средній, ежедневный доходъ каждаго жителя долженъ быть меньше 16 коп. Въ Англии и во Франціи, конечно,—больше. Для Франціи экономистъ Мишель Шевалье опредѣлилъ средній доходъ каждаго жителя въ 98 сан. въ день. Однако Прудонъ (см. его Война и миръ т. II) считаетъ эту цифру нѣсколько преувеличенною. По его вычисленіямъ, доля каждаго француза, въ общемъ потребленіи страны, равняется 87½ сант. или 22 коп. въ день.

Сравните же теперь эти скромныя цифры, эти скромныя 16 —

производится: хлопчато-бумажныхъ тканей на сумму въ 4,000 мил. фр., шерстяныхъ—на 3,278 мил. фр; полотняныхъ—на 2,000 мил. фр; шелковыхъ на 2,403 мил. фр., всего, на всѣхъ фабрикахъ—на 11,680 мил. фр. или 2,920 мил. руб., такъ что на каждаго жителя приходится этихъ продуктовъ на сумму 43 ф. 70 сан. въ годъ, или около 11 руб. Не дѣлая никакихъ комментариевъ на эту цифру, во избѣженіе повтореній, обращаемъ только ваше вниманіе, читатель, на отношеніе шелкового производства къ производству вообще: это отношеніе почти равно 1:5, т. е. составляетъ 1/5 часть всего производства вообще. Такимъ образомъ, въ то время, какъ наши рабочіе ходятъ „босы и наги“, въ то время, какъ наша промышленность можетъ дать каждому изъ насъ не болѣе, какъ на 8 руб. въ годъ сукошныхъ, шерстяныхъ и полотняныхъ тканей,—мы тратимъ болѣе 2,000 мил. фр. на производство такихъ предметовъ, которые только и могутъ идти на потребление барствущаго меньшинства, и которые лежатъ совершенно внѣ круга потребления работающаго большинства. Вотъ вамъ новый видъ грабительства, вотъ вамъ еще одна изъ причинъ нашего мнимаго богатства. Изъ общей суммы производства меньшинство выдѣляетъ одну часть, видоизмѣняетъ ее сообразно своимъ буржуазнымъ наклонностямъ, — и дѣлаетъ ее, такимъ образомъ, совершенно негодною для потребления большинства.

Это называется—*изощреніемъ* и *усовершенствованіемъ* промышленнаго производства.

20 коп., съ тѣмъ, что вы, почтенный буржуа ежедневно издерживаете. Подумайте, что *домъ всѣхъ въ обществѣ потребленіи* строго опредѣлены размѣромъ годового производства, и что вы, захватывая себѣ лишнюю часть, *сѣдаете* хлѣбъ у нѣсколькихъ рабочихъ. Каждое удовлетвореніе вашихъ, такъ называемыхъ, эстетическихъ прихотей стоитъ жизни многимъ изъ вашихъ ближнихъ. При сложномъ и запутанномъ механизмѣ нашихъ общественныхъ отношеній, вы, конечно этого не чувствуете и не осязаете, но факты говорятъ сами за себя. Вообще, мы не привыкли анализировать свои поступки и не желаемъ взвѣшивать ихъ съ точки зрѣнія экономической справедливости, а довольствуемся тѣми рутинными понятіями, которыя не беспокоятъ ни нашей головы, ни нашей совѣсти. Поэтому множество соціальныхъ нелѣпостей представляется намъ въ такомъ розовомъ свѣтѣ, что, кажется лучшаго и желать нельзя. А между тѣмъ неумолимыя цифры статистики ясно показываютъ, что современная роскошь есть только наружная позолота глубоко развѣдающаго насъ пауперизма.

Вотъ что говоритъ объ этомъ Прудонъ въ своемъ сочиненіи «Война и миръ». «Для бѣдняка, говоритъ онъ, пауперизмъ есть медленный голодъ, о которомъ говорилъ Фурье, голодъ ежеминутный, постоянный, продолжающійся цѣлыя годы, всю жизнь,—этотъ голодъ не убиваетъ въ одинъ день, но, постоянными лишениями и заботами, изнуряетъ тѣло, ослабляетъ умъ, деморализируетъ совѣсть, перерождаетъ расы, развиваетъ безчисленныя болѣзни и пороки,—лѣнь, нищенство, пьянство, развратъ, воровство и т. д., и т. д.» «Для синекюриста пауперизмъ не то: для него пауперизмъ не голодъ, а *ненасытная жадность*. Дознано опытомъ, что чѣмъ больше человекъ потребляетъ, ничего не производя, тѣмъ болѣе онъ требуетъ для своего потребленія, вслѣдствіе раздраженія своего аппетита, а равно вслѣдствіе бездѣйствія своихъ членовъ и своего мозга. Басня *Эризиктона въ Метаморфозахъ* есть эмблема этой истины. Овидій могъ бы, вмѣсто мнѣологическаго Эризиктона, привести въ примѣръ римскихъ аристократовъ своего времени, которые проѣдали въ одинъ обѣдъ доходъ цѣлой провинціи. По мѣрѣ того, какъ богатый втягивается въ эту пожирающую его страсть къ наслажденіямъ,—пауперизмъ обхватываетъ его все сильнѣе и сильнѣе, и онъ становится, въ одно и то же время, и расточительнымъ, и барышникомъ, и скупымъ». Но это только крайнія грани пауперизма. Ошибочно думать, что между этими гранями, что въ такъ называемомъ *среднемъ состояніи*, человекъ не подверженъ тому же бичу. «Богатый

классъ задаетъ тонъ, и всѣкій старается подражать ему. Иллюзія богатства волнуетъ душу. Отецъ семейства тревожится нпнмыми нуждами; онъ мечтаетъ *улучшить свое положеніе*, разумѣя обыкновенно подъ улучшеніемъ своего положенія — увеличеніе роскоши и расходовъ. Мнимыя нужды доводятъ обыкновенно до того, что начинаютъ жить на счетъ будущаго; тогда трудъ слабѣетъ, бережливость уменьшается, цѣны произведеній и услугъ увеличиваются, примѣръ богатыхъ втягиваетъ въ излишніе расходы и наиболѣе расчетливыхъ, незамѣтнымъ для нихъ образомъ, и вотъ, повсюду оказывается дефицитъ, что обнаруживается впоследствии замѣпательствомъ въ дѣлахъ, финансовыми и торговыми кризисами, банкротствами, увеличеніемъ податей и налоговъ». («Война и миръ», ч. II стр. 121, 122).

Такимъ образомъ 16-ти-копѣчная цивилизація Европы еще не даетъ практическаго разрѣшенія тѣхъ соціальныхъ вопросовъ, которые возбуждаются такимъ общественнымъ зломъ, какъ пауперизмъ. Въ общей сложности 1 нищій приходится на 12 человекъ европейскаго населенія, и эта роковая цифра нисколько не уменьшается съ развитіемъ прогресса современныхъ обществъ. Напротивъ, всякое новое изобрѣтеніе въ промышленномъ мірѣ, всякое новое завоеваніе человѣческаго гения въ области мысли и матеріальнаго улучшенія цивилизаціи падаетъ новымъ, еще болѣе ощутительнымъ бременемъ на самыя бѣдныя классы. Такой экономической порядокъ породилъ съ одной стороны близорукихъ ненавистниковъ вообще цивилизаціи, которую они принимаютъ за источникъ и главную причину пауперизма; разсуждая такимъ образомъ эти наивные мизантропы предпочитаютъ варварство образованію и дикое состояніе человѣка цивилизованному, такъ что, по ихъ мнѣнію, человѣчеству было бы лучше воротиться къ тѣмъ временамъ, когда люди не знали другой одежды, кромѣ звѣриныхъ шкуръ и другой пищи, кромѣ сыраго мяса убитаго на охотѣ животнаго. Но подобныя разсужденія страдаютъ крайней непослѣдовательностію въ объясненіи причинъ и послѣдствій ихъ. Цивилизація сама по себѣ тутъ ни въ чемъ невиновата, такъ точно, какъ невиноватъ солнечный свѣтъ въ томъ, что, падая на разлагающійся трутъ, производитъ своей теплотой усиленное гніеніе. Съ этой точки зрѣнія философія пауперизма пришла къ тому выводу, что бѣдность есть роковой законъ человѣческой жизни. «Бѣдность неизбѣжна, говоритъ Прудонъ (16., г. II, стр. 108), довольство же для работника хуже чѣмъ развратъ, *рабство*». «Всѣ мы, сколько насъ ни есть, индивидуумы, расы, народы, семьи и корпораціи, ученые, артисты, промышленники, собственники, чи-

новники и т. д. всё мы осуждены на бѣдность» (стр. 123). Приведенные выше факты вполне, какъ мы видѣли, подтверждаютъ эти выводы Прудона. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что наша теперешняя экономическая нищета, обуславливаемая множествомъ общественныхъ аномалій есть иѣчто неизбѣжное, роковое, какой-то абсолютный законъ чловѣческаго существованія? Замѣненіе данной, неудовлетворительной системы, новою системою, которая соединяла бы въ себѣ всѣ условія для наиболѣе выгоднаго производства и привлекала бы къ производительному труду всѣ, теперь празныя, руки, развѣ подобное замѣненіе можетъ остаться безъ вліянія на производительность источниковъ нашихъ богатствъ? Прудонъ правъ, когда онъ утверждаетъ, что всё мы обречены теперь на бѣдность; но онъ неправъ, когда изъ этого несомнѣннаго факта, вытекающаго изъ нашихъ *теперешнихъ* отношеній, онъ дѣлаетъ заключеніе, будто «бѣдность есть законъ нашей природы, нашего общества», будто «ничего и думать избавитъ отъ нея.» (ч. II, стр. 108):

Его философія нищеты, его суровая проповѣдь противъ безумной роскоши, въ настоящее время весьма цѣлесообразна и полезна, какъ реакція господствующему направленію буржуазнаго сенсуализма; но только *въ настоящее время, при данномъ* экономическомъ statu quo. Измѣните это statu quo, постройте экономическія отношенія на болѣе рациональныхъ началахъ общественной солидарности и наша теперешняя нищета исчезнетъ сама собою.

Въ самомъ дѣлѣ, при теперешней системѣ, естественный капиталъ, заключающійся въ землѣ, приноситъ въ годъ только $4\frac{1}{2}\%$; процентъ, приносимый индустриальною промышленностью, нѣсколько выше, хотя его нельзя опредѣлить теперь даже съ приблизительною точностью, но во всякомъ случаѣ и тотъ и другой процентъ непременно должны возвыситься на нѣсколько единицъ, если промышленное и земледѣльческое производство будетъ вестись самими *собственниками* этого производства, а не наемными поденщиками. Кромѣ того, при теперешней системѣ, $\frac{1}{3}$ всей европейской поверхности остается невоздѣланною, и нѣкоторая (съ точностью, правда, неопредѣленная) часть сырыхъ продуктовъ остается нетронутою фабричною промышленностью, по недостатку рабочихъ силъ и вслѣдствіе дороговизны путей сообщенія, иными словами, вслѣдствіе разъединенности центровъ потребленія и центровъ производства. Такое разъединеніе, порожденное чисто историческими причинами, легко можетъ быть устранено при разумной системѣ

экономического производства. Недостаток же рабочих сил бесспорно обуславливается нынѣшнимъ, нераціональнымъ распределеніемъ труда и собственности.

При существующей системѣ, какъ извѣстно, производительною работою занимается не все, а только одна часть народонаселенія; другая же часть ничего не производитъ, а только потребляетъ. Обратите всѣхъ въ производительныхъ рабочихъ, и вы усилите производство, увеличите народное богатство, хотя о *точныхъ* размѣрахъ этого производства мы можемъ судить, разумѣется, только приблизительно. Но вотъ интересныя данныя, могущія служить превосходнымъ матеріаломъ для всѣхъ подобныхъ расчетовъ, могущія дать намъ кое-какое понятіе о величинѣ этихъ размѣровъ.

Народонаселеніе Европы простирается, какъ мы сказали, до 284,000,000 жит. Изъ этого числа нужно вычесть число дѣтей, моложе 5 *тысячъ* возраста, (оно составляетъ около 10% общаго числа народонаселенія) и число дѣтей отъ 5—14 *тысячъ* возраста (46,347,800 чел.); сумма этихъ чиселъ=74,747,800; вычитая эту цифру изъ 284,000,000, получимъ 209,252,200 чел. способныхъ къ работѣ; въ томъ числѣ мужчинъ около 100,000,000. Посмотримъ же теперь, какъ велико число совершеннолѣтнихъ мужчинъ, незанятыхъ производительною работою, или по крайней мѣрѣ, о которыхъ можно предполагать, что они ею незаняты.

Число дворянства и чиновничества почти равняется 4,000,000 (3,807,600 чел.); число духовенства = 742,000 (т. е. 1 духовный на 386 чел. жителей); число военныхъ простирается до 4,892,000 человекъ; слѣдовательно на каждые 50 чел. жителей приходится по одному военному. Число лицъ, живущихъ на счетъ общественной благотворительности, равняется 13,819,000 (1) мужчинъ и женщинъ; положимъ, что мужчины составляютъ только половину (на самомъ дѣлѣ больше) этого паразитнаго класса бѣдняковъ, т. е. около 7,000,000 (6,909,500). Число преступниковъ, глухо-нѣмыхъ, слѣпыхъ, сумасшедшихъ, кретиновъ и т. п. можно опредѣлить почти въ 1,000,000 (собственно только 921,723).

(1) По вычисленіямъ Гауснера, число лицъ, живущихъ на счетъ общественной благотворительности, равняется 9.182,900 чел. Тогда какъ, по своимъ собственнымъ вычисленіямъ, число это простирается до 13,819,000 (см. моя «Статист. Этюды,» выдѣлъ 3, стр. 16). Я отдаю предпочтеніе своей цифрѣ, такъ какъ она основана на болѣе или менѣе достовѣрныхъ данныхъ. А Гауснеръ не приводитъ между тѣмъ своихъ источниковъ, такъ что проверить его нѣтъ возможности.

Прибавьте теперь сюда же число банкировъ, купцовъ, негодантовъ, лавочниковъ и т. д. (около 13,000,000), сложите всѣ эти цифры, и вы получите 30,000,00 непроизводительныхъ силъ. 30,000,000 ничего непроизводящихъ, совершеннолѣтнихъ мужчинъ, на 100,000,000 мужскаго народонаселенія, способнаго къ работѣ, иными словами, число ничего непроизводящихъ мужчинъ къ числу производящихъ относится какъ 3 : 7 или какъ 1 : 2,33... Слѣдовательно изъ числа лицъ мужскаго пола, способныхъ къ работѣ, производительною (т. е. производящею какія нибудь матеріальныя цѣнности) работою занимается не болѣе половины. Теперь не трудно догадаться о причинѣ нашей бѣдности и нищеты.

Факты, подобныя вышеприведеннымъ, разумѣется, не нуждаются въ комментаріяхъ,

Перейдемъ теперь къ другому, или правильнѣе третьему источнику нашей экономической нищеты. Онъ тоже *долженъ* быть, и *можетъ быть*, устраненъ съ устраненіемъ двухъ первыхъ: съ устраненіемъ всякаго различія между *производителемъ и собственникомъ производства* и съ привлеченіемъ лицъ, теперь ничего не производящихъ, къ производительному труду. Этотъ третій источникъ нашей бѣдности—нерасчетливое и въ высшей степени дорогое управленіе общественными или государственными финансами. Народъ отягощенъ податями, земля обременена долгомъ; при каждой продажѣ, при каждой покупкѣ, при каждомъ гражданскомъ актѣ, съ рабочаго берутъ часть его скуднаго заработка. А зачѣмъ, а для чего?

Вотъ цифры, служація отвѣтомъ на этотъ вопросъ, цифры, до того поучительныя и интересныя, что мы не можемъ удержаться, чтобы не привести ихъ здѣсь, не смотря на все отвращеніе читателя къ статистическимъ цифрамъ.

Государства Европы взимаютъ съ своихъ подданныхъ, въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, 7,367,650,000 фр.; такъ что въ годъ на каждого жителя приходится 26 фр. или 6¹/₂ руб. с., т. е. болѣе 10% съ ежегоднаго средняго дохода (который, какъ выше было показано, равняется 60 р. с.), взимается въ пользу управленія. Кромѣ того, почтовая регалія, государственные домены и другіе, болѣе мелкіе источники, даютъ государству 1,750,220,000 фр. доходу, такъ что общій итогъ государственныхъ *доходовъ* равняется 9,117,870,000 фр. А общій итогъ государственныхъ *расходовъ* 10,034,950,000 фр. *) Слѣдовательно, ежегодный дефицитъ

*) Цифры эти составлены по бюджетамъ 1860—64 годовъ

равняется 923,230,000 фр.. Такимъ образомъ Европа ежегодно должна входить въ 900.000,000 займовъ. Благодаря такой примѣрной бережливости и расчетливости, на европейскихъ государствахъ лежитъ почти невѣроятная масса долга, и многія изъ нихъ близки къ окончательному банкротству. Общую сумму европейскаго долга оцѣниваютъ въ 62,980,820,000 фр. или почти въ 63,000,000,000 фр. т. е. 15,720,000,000 р. с., такъ что однихъ процентовъ Европа ежегодно должна выплачивать 2,378,190,000 фр. (что составляетъ 23,3% общихъ государственныхъ расходовъ). Во всей Европѣ есть только *четыре* маленькихъ государства, на плечахъ которыхъ не тяготитъ *ни копѣйки* государственнаго долга. Эти атиподы заслуживаютъ быть здѣсь упомянутыми: вотъ онѣ: Швейцарія, Сербія, Черногорія и республика Санъ-Марино.

За то другія, особенно такъ называемыя *великія державы*, на перерывъ стараются превзойдти другъ друга въ искусствѣ обременять народъ несмѣтными долгами, постоянно увеличивающагося государственнаго долга. Такъ, на примѣръ, въ Англій суммарна государственнаго долга превышаетъ 20,000 милліоновъ франковъ; во Франціи 11,000 мил. фр.; въ Австріи и Россіи она достигла до 8,000 мил. фр. или 2,000 мил. руб. сер.

Не смотря однако на эти невѣроятные долги и займы, европейскія правительства все-таки не могутъ свести концевъ съ концами. Почти нѣтъ бюджета безъ дефицита. Въ Австріи ежегодный дефицитъ равенъ $\frac{1}{5}$ всѣхъ государственныхъ доходовъ, въ Италіи онъ составляетъ 52,1% общаго дохода. Во Франціи дефицитъ равняется 145,670,000 ф. или 36,500,000 руб. сер., въ Англій почти 21,000,000 ф. т. е. 5,250,000 руб. сер.

Изъ этихъ цифръ становится вполне очевиднымъ, что европейскія государства идутъ быстрыми и вѣрными шагами къ банкротству; ежегодные расходы постоянно превышаютъ ежегодные доходы; дефицитъ съ каждымъ годомъ растетъ; покрывать его стараются не изысканіемъ какихъ нибудь новыхъ производительныхъ источниковъ дохода, а займами подъ обременительные проценты (Турція, на примѣръ, по нѣкоторымъ займамъ платитъ до 12%). Проценты еще болѣе увеличиваютъ государственные расходы, а государственные расходы порождаютъ все новые займы, которые, въ свою очередь, увеличиваютъ сумму процентовъ. Такимъ-то образомъ европейскіе финансисты попали въ заколдованный кругъ, изъ котораго имъ не выбиться никакою *финансовою* операціею.

На что же однако тратятся всѣ эти огромныя суммы, до того огромныя, что онѣ превышаютъ почти на 1,000 милліоновъ налич-

ныя средства народовъ? Для кого заключаются всё эти разорительныя займы; для кого и для чего фабрикантъ, рабочій, земледѣлецъ и т. д. жертвуютъ ежегодно $\frac{1}{10}$ своихъ доходовъ? Иными словами, на удовлетвореніе какихъ именно, народныхъ нуждъ, издерживается ежегодно 10 миллиардовъ фр.?

Разсматривая бюджеты по статьямъ, требующимъ государственныхъ расходовъ, мы находимъ, что производительно затрачивается только $\frac{1}{12}$ доля общей суммы расходовъ: сюда относятся издержки по народному образованію, расходы на развитіе, вспомошествованіе и усовершенствованіе индустріальной и земледѣльской промышленности. Общая стоимость этихъ производительныхъ расходовъ немногимъ превышаетъ 800.000,000 ф. т. е. составляетъ $\frac{1}{12}$ часть общаго бюджета, а семь миллиардовъ фр. идутъ на удовлетвореніе такихъ потребностей, которыя, при другомъ экономическомъ порядкѣ, могли бы ничего не стоить. Къ сбереженію этихъ семи миллиардовъ и направлена вся дѣятельность мыслящихъ людей, глубоко убѣжденныхъ въ томъ, что всякая копѣйка, затраченная на полезные предметы, необходимые для народнаго благосостоянія, остается въ карманѣ рабочихъ классовъ, и увеличиваетъ собою сумму общаго производства и энергіи производительныхъ силъ. Но пока это не осуществится на дѣлѣ, 16-ти копѣчная цивилизація Европы, съ ея пауперизмомъ и голоднымъ пролетаріатомъ, не оособенно осчастливитъ насъ своими мнимыми благодѣяніями.

И. Ткачевъ.

ЭПИЗОДЫ

ИЗЪ ИСТОРИИ ФРАНЦІИ 1830—40 г.

II.

Покушеніе Фіески на жизнь Людовика-Филиппа. — Адская машина. — Впечатлѣніе, произведенное этимъ преступленіемъ. — Похороны жертвъ преступленія. — Процессъ Фіески.

Въ іюлѣ 1835 г., за нѣсколько дней до обычнаго празднества годовщины іюльскаго переворота, странные и зловѣщіе слухи начали ходить по Франціи и повторялись даже за границею. Говорили о предстоящемъ покушеніи на жизнь Людовика-Филиппа. Въ одномъ письмѣ изъ Берлина отъ 26 іюля было сказано: «Здѣсь все говорятъ, что празднованіе годовщины іюльскихъ дней ознаменуется катастрофой.» Это же извѣстіе повторила газета «Гамбургскій корреспондентъ.» Въ Кобленцѣ, Туринѣ, Ахенѣ, Шамбери, публики открыто говорила *объ адской машинѣ*. Наконецъ, рассказываютъ, что два путешественника, проѣзжавшіе черезъ одно швейцарское селеніе, увидѣвъ въ записной книгѣ гостинницы имена Людовика-Филиппа и его сыновей, приписали подъ ними слова: «миръ ихъ праху!»

Наканунѣ 28 іюля, дня, назначеннаго для обычной въ этотъ день торжественной прогулки Людовика-Филиппа по Парижу, одного молодого ремесленника Буаро посѣтили два богато одѣтыхъ человека. А черезъ нѣсколько часовъ, одинъ изъ товарищей Буаро, которому этотъ послѣдній сообщилъ объ этомъ посѣщеніи, разговаривая съ своимъ отцемъ о парадѣ, долженствовавшемъ происходить

на слѣдующій день, сказалъ ему: «Я не совѣтовалъ бы вамъ идти туда.» Эти слова дошли до свѣдѣнія Діонне, одного изъ полицейскихъ комиссаровъ; но съ одной стороны, въ нихъ не заключалось ничего опредѣлительнаго, а съ другой — роковое совпаденіе обстоятельствъ не дозволило арестовать челоуѣка, который одинъ могъ разъяснить эту страшную загадку.

Солнце 28 іюля взшло надъ городомъ, уже уstraшеннымъ злоуѣщими слухами. Барабанъ напрасно призывалъ съ утра національную гвардію подъ ружье. Всюду обнаруживалась какая-то апатія, смѣшанная съ недоуверіемъ. Около десяти часовъ, длинная линия отрядовъ національной гвардіи выстроилась вдоль бульваровъ; противъ нея стояло 40 т. солдатъ пѣхоты и конницы. Такъ какъ, по слухамъ, преступленіе должно было совершиться на Тампльскомъ бульварѣ, то полицейскимъ было приказано ходить вдоль домовъ и наблюдать за окнами. Говорятъ даже, что напаяунѣ, по приказанію Тьера, былъ сдѣланъ обыскъ во многихъ домахъ этого квартала; но обитатели его такъ сильно возстали противъ этой мѣры, что пришлось отъ нея отказаться.

Было десять часовъ, когда король выѣхалъ верхомъ изъ Тюильери. За нимъ слѣдовали его сыновья — герцоги Орлеанскій, Немурскій и Жуанвильскій, маршалы Мортъе и Лобо, министры и множество генераловъ, штабъ-офицеровъ и множество чиновниковъ. Мертвая тишина встрѣчала королевскій кортежъ... Въ началѣ перваго часа онъ подѣхалъ къ 8-му легіону, стоявшему на Тампльскомъ бульварѣ, около Турецкаго Сада. Тутъ одинъ изъ національныхъ гвардейцевъ протянулъ къ королю руку съ прошеніемъ; Людовикъ-Филиппъ наклонился, чтобы принять просьбу, но въ эту минуту раздался страшный залпъ. Въ одно мгновеніе земля покрылась умирающими и трупами. Маршалъ Мортъе и генералъ Лашассъ-де-Вервильи упали окровавленные съ лошадей. Король не получилъ раны, но лошадь его испугавшись встала на дыбы, толкнула о другихъ, и Людовикъ-Филиппъ сильно зашибъ лѣвую руку. Герцогъ Орлеанскій получилъ легкую контузію въ ящукъ. Въ лошадь принца Жуанвильскаго попала пуля. Такимъ образомъ, страшная попытка не достигла цѣли: королевское семейство осталось невредимымъ. Нѣтъ словъ для изображенія страшнаго впечатлѣнія, произведеннаго этимъ ужаснымъ и гнуснымъ преступленіемъ. Немедленно послали успокоить королеву, и король поѣхалъ дальше, сопровождаемый самими

горячий вырженіями сочувствія и энтузіазма. Такимъ образомъ совершилась реакція, совершенно естественная, и въ сотый разъ доказавшая, что теорія убійства столько же негѣпа, сколько и гнусна.

Въ самую минуту взрыва, многіе успѣли захѣтить, что клубы дыма вырвались изъ окна третьяго этажа въ домъ № 50. Кто-то выскочилъ изъ этого окна, схватился за веревку, привязанную къ нему и спустился до маленькой крыши надворнаго строенія. Онъ былъ полуодѣтъ и съ окровавленнымъ лицомъ. Когда онъ вынулъ изъ рукъ веревку, по которой спускался, она нечаянно задѣла цвѣточный горшокъ, стоявшій на окнѣ, и сбросила его; горшокъ, разбившись о камни двора, заставилъ одного изъ полицейскихъ, стоявшихъ тутъ же на сторожѣ, поднять глаза. «Вотъ убійца! вскричалъ полицейскій—онъ уходитъ по крышѣ»; тогда однимъ изъ національныхъ гвардейцевъ потребовалъ, чтобы бѣглець сдался, угрожая въ противномъ случаѣ выстрѣлить въ него. Но незнакомецъ продолжалъ идти дальше и черезъ открытое окно сосѣднаго дома вскочилъ туда. Въ одно мгновеніе онъ опрокинулъ женщину, попавшую къ нему на встрѣчу, добѣжалъ до лѣстницы и спустился съ нея; но кровавый слѣдъ указывалъ дорогу, по которой онъ проходилъ, точно его собственное преступленіе преслѣдовало его.

Въ комнатѣ, изъ которой онъ бѣжалъ, нашли дымящіеся обломки машины, послужившей орудіемъ преступленія. Она была устроена на подмосткахъ, поддерживавшихся четырьмя столбиками, которые были соединены между собою плотными перекладинами изъ дубоваго дерева. Двадцать пять ружейныхъ стволовъ упирались казенками въ заднюю перекладину, превышавшую переднюю на восемь дюймовъ. Фитили были помѣщены на верху и расположены въ одинъ рядъ, такъ что они могли всѣ воспламениться разомъ. Ружья были поставлены такимъ образомъ, что пули, положенныя въ нихъ, должны были охватить широкое пространство, поднимавшись отъ концы лошадей кортежа до головъ всадниковъ. Въ каждомъ стволѣ былъ четверной зарядъ. Къ счастью, расчетъ убійцы оказался невѣрнымъ. Два ствола осѣклись, четыре разорвало, и конечно только этой случайности король былъ обязанъ своимъ спасеніемъ.

Въ альковѣ комнаты лежалъ тюфякъ, на одномъ изъ угловъ котораго было вышито слово *Жираръ* — имя жильца этой комнаты. По справкѣ оказалось, что Жираръ жилъ въ этомъ домѣ уже нѣсколько лѣтъ. Онъ выдавалъ себя за механика. Привратница

дома ни разу не входила къ нему; въ гостяхъ у него бывалъ только одинъ человекъ, котораго онъ называлъ своимъ дядей, и три женщины, бывшія, по его словамъ, его любовницами. По показаніямъ свидѣтелей, 28 іюля онъ постоянно выходилъ изъ дому и снова возвращался, былъ въ явномъ волненіи и разъ даже зашелъ въ кофейню, гдѣ вышилъ, противъ своего обыкновенія, рюмку водки. Когда его привели на гауптвахту, одинъ изъ національныхъ гвардейцевъ спросилъ его: «кто вы такой!» — «Это не ваше дѣло; — сказалъ онъ — я буду отвѣчать на допросъ». На немъ нашай прохъ; на вопросъ, для какого употребленія онъ носилъ его, онъ отвѣчалъ: «для славы.» — Настоящее имя этого полупомѣшаннаго — Фіески какъ мы увидимъ изъ подробностей его процесса.

Вѣсть о страшной катастрофѣ быстро распространилась по всему Парижу, и впечатлѣніе, произведенное ею, легче понять, чѣмъ описать. Всѣ были поражены глубокою скорбью, въ которой у многихъ примѣшивалось чувство страха. На площадяхъ, на улицахъ, только и толковали, что объ этомъ происшествіи. Парижане спрашивали другъ друга: что значить эта слѣпая ярость? какъ могло такое гнусное преступленіе совершиться въ странѣ, которая называлась Франціею?.. Къ разговорамъ о происшедшемъ несчастіи, о жертвахъ, павшихъ въ этотъ день, присоединялись толки о несчастіяхъ, которыя могли случиться. Говорили о принцѣ Жуанвильскомъ, который былъ на волосъ отъ смерти; о герцогѣ Орлеанскомъ, получившемъ контузію, о г. Брولي, который не былъ убитъ только потому, что пуля, попавшая въ него, скользнула по кресту Почетнаго Легіона, висѣвшему на его груди. Многие приходили въ ужасъ при мысли о смутахъ, въ которыя внезапная смерть короля могла вовлечь Францію...

Что касается до отвѣтственности за покушеніе, то партія, слѣдующая весьма обыкновенной и тѣмъ не менѣе позорной тактикѣ, казалась одно время готовыми свалить ее другъ на друга. Республиканцы обвиняли легитимистовъ на томъ основаніи, что въ комнатѣ убійцы былъ найденъ литографированный портретъ герцога Бордоскаго. Съ своей стороны, нѣкоторыя легитимистскія газеты пускали въ республиканцевъ недобросовѣстными намеками. Поспѣшимъ сказать къ чести французской націи, что эти взаимныя обвиненія длились не долго, и скоро, благодаря благородному чувству обществен-

ной стыдливости, восторжествовало мнѣніе, что это преступленіе было частнымъ дѣломъ одного фанатика...

5 августа происходили похороны жертвъ покушенія 28 іюля. Невыразимою скорбью и необыкновеннымъ величіемъ запечатлѣлось это печальное торжество. Отъ церкви св. Павла, гдѣ временно были выставлены трупы, до отеля инвалидовъ, этого послѣдняго пріюта, шла густая толпа, погруженная въ мертвое молчаніе. Четырнадцать погребальныхъ колесницъ ѣхали одна вслѣдъ за другою вдоль бульваровъ. На первой стоялъ гробъ четырнадцатилѣтней дѣвушки, увесенной въ могилу страшною случайностью; на послѣдней — стараго воина имперіи, котораго смерть застигнула на празднествѣ, пощадивъ въ стольныхъ кровопролитныхъ сраженіяхъ. За этимъ гробомъ, вся покрытая чернымъ сукномъ, шла лошадь умершаго. Церковь отеля инвалидовъ приняла подъ свои своды, обтянутые чернымъ сукномъ и залитые огнемъ погребальныхъ свѣчей, смертные останки несчастныхъ. Затѣмъ король, въ сопровожденіи своихъ дѣтей, окропилъ святою водою трупы. И толпа, молчаливая и печальная, мало по малу разошлась...

Черезъ полгода послѣ этого, именно 30 января 1836 г., открылись двери Люксамбургскаго дворца: судъ перовъ приступалъ къ процессу убійцы 28 іюля и его соучастниковъ. Передъ конторою секретарей, въ числѣ другихъ уликъ, были разложены машина съ наклоненными ружьями, головешка, кинжалъ, желѣзная перчатка и обрванная веревка. Зала была полна народа, въ душѣ котораго чувство дикаго любопытства смѣшивалось съ чувствомъ глубокаго ужаса.

Ввели обвиненныхъ. Ихъ было пять; но трое изъ нихъ привлекли на себя особенное вниманіе зрителей.

Первый изъ этихъ троихъ былъ маленькій человекъ съ порывистыми движеніями. Лицо его, обезображенное недавними ранами, выражало хитрость и смѣлость. Лобъ его былъ узкій, волосы короткіе, лѣвый уголокъ рта приподнять вслѣдствіе шрама, улыбка нахальная и фальшивая. Онъ очень суетился, стараясь, чтобы публика обращала вниманіе на него одного, оскорблялъ своихъ знакомыхъ, бывшихъ въ залѣ, фамильярными жестами, съ которыми обращался къ нимъ и видимо наслаждался своимъ гнуснымъ значеніемъ.

Второй былъ больной и блѣдный старикъ. Но по суровости его лица, по мрачному огню, сверкавшему въ его глазахъ, по неумоли-

ной неподвижности его римской фнзіономіи, можно было угадать его душу. Онъ медленно подошелъ къ своему мѣсту и сѣлъ на него безъ малѣйшаго признака волненія, затѣмъ, склонивъ голову на исхудалую руку, онъ остался неподвижнымъ, равнодушнымъ ко всему окружающему и какъ бы погруженнымъ въ созерцаніе внутренняго міра.

Третій отличался отъ своихъ товарищей только крайнею степенью унынія.

Начался допросъ. Но прежде чѣмъ сообщать подробности его, мы должны еще разъ вернуться къ самой катастрофѣ 28 іюля.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ взрыва, какая-то молодая дѣвушка, вышедши изъ госпиталя Salpêtrière, перебѣгала бульваръ около Турецкаго Сада. Смертельная блѣдность покрывала ея лице, а испуганные глаза, казалось, обращались съ тревожнымъ вопросомъ къ проходящимъ. Прийдя къ дому № 50 и узнавъ, что выстрѣлы вылетѣли оттуда, она быстро пошла назадъ, въ Salpêtrière, и пробыла тамъ только то время, которое понадобилось ей для перемѣны платья. Она плакала, дрожала и не переставала повторять глухимъ голосомъ: «я погубила!» Это была Нина Лассавъ, любовница убійцы.

Въ страшномъ испугѣ, она поспѣшила скрыться у стараго ремесленника Морей, съ которымъ ея любовникъ былъ въ частыхъ сношеніяхъ. Морей принялъ ее ласково, успокоилъ, отвелъ въ убѣжище, которое считалъ надежнымъ и затѣмъ ушелъ, обѣщавъ непременно прійти на слѣдующій день. Онъ дѣйствительно вернулся въ сопровожденіи комиссіонера, который принесъ какой-то таинственный чемоданъ; этотъ-то чемоданъ и послужилъ къ открытію всего заговора. Онъ принадлежалъ убійцѣ и, за нѣсколько часовъ до преступленія, былъ отнесенъ къ одному мраморщику съ приказаніемъ—не передавать его никому, кромѣ Морей. Черезъ посредство комиссіонеровъ, носившихъ его изъ одного дома въ другой, полиція легко узнала послѣдній пріютъ чемодана, и 3 августа 1835 г. убѣжище Нины Лассавъ наполнилось полицейскими чиновниками. Увидѣвъ ихъ, Нина хотѣла было лишить себя жизни, но ей сквали руки. Тогда она вынула изъ корсета записку, въ которой полицейскіе прочли: «Не приходите больше къ Нинѣ; сегодня вечеромъ ея уже не будетъ на свѣтѣ. Она оставляетъ въ комнатѣ *вещь* отданную ей на сохраненіе. Вотъ что вы сдѣлали тѣмъ, что оставили ее. Прощайте!» Нѣкоторое время Нина отказывалась объяснить

значеніе этихъ словъ. Наконецъ она узнала, что чемоданъ былъ перенесенъ къ ней Моремъ, и что записка была адресована къ нему.

Морей былъ зачатый республиканецъ, съ сильною душою въ истощенномъ годами тѣлѣ. Онъ говорилъ мало и обладалъ тою зловѣщею сидорю, которую придаютъ человѣку одна, исключительная страсть и презрѣніе къ смерти. Когда его арестовали и привели къ слѣдственному судѣ, онъ выказалъ себя до такой степени безстрастнымъ, до такой степени хованномъ своихъ мыслей, онъ съ такимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ на всѣ разспросы, что его освободили изъ подъ ареста. Но слѣдователи скоро одумались, и когда правосудіе снова постучалось въ двери Морей, онъ спокойно вышелъ къ нему и отдалъ себя въ его руки съ неистовимомъ безмятежностью.

Важнѣйшимъ послѣ ареста Морей былъ арестъ овощеннаго торговца Пепена, человѣка крайне робкаго и слабого, но который былъ замѣшанъ въ іюньскихъ смутахъ и съ тѣхъ поръ, не смотря на то, что судъ призналъ его вполне невиннымъ, постоянно находился подъ надзоромъ полиціи. Во время обыска, произведеннаго тремя полицейскими, въ его квартирѣ и въ его присутствіи, онъ нашелъ случай бѣжать и воспользовался имъ. Долго не знали, гдѣ онъ скрывался, и на основаніи ложнаго слуха, быстро распространеннаго газетами, считали уже его пребывающимъ внѣ Франціи, какъ вдругъ получилось извѣстіе, что полиція напала на слѣды бѣглеца, что онъ скрывался въ лѣсу Креси, между Мо и Куломберъ. И дѣйствительно, его арестовали въ Маньи, гдѣ онъ былъ найденъ спрятаннымъ въ потайномъ щкапу, безъ всякой одежды кромѣ рубашки и въ волненія, близкомъ къ помѣшательству.

Независимо отъ ремесленниковъ Буаро и Беще (Bescher), снугрировавшихъ въ процессѣ, полиція арестовала еще многихъ, о которыхъ потомъ не было и рѣчи. Такъ наприимѣръ рассказываютъ, что въ Пероннѣ, въ ночь съ 30 на 31 іюля (1835), какой-то человѣкъ, воспользовавшись минутой, въ которую городскія ворота открылись для пропуска дилижанса, украдкой пробрался въ городъ. Онъ былъ безъ шляпы и безъ всякаго письменнаго вида; его повели къ начальнику жандармовъ и скоро замѣтили, что на одной изъ его рукъ, которую онъ старался прятать, былъ шрамъ, какъ будто сдѣланный веревкой, по которой онъ спускался. Его отправили въ Парижъ; но ни одна улика не подтвердила предположенія о его соучастствѣ въ преступленіи.

Между тѣмъ, кракъ, обнаружившій убійку, начиналъ мало по малу раскрѣваться. Сначала онъ называлъ себя Жираромъ и уроженцомъ города Лодовъ; по указанію Оливье-Дюферона, инспектора тюремъ, къ убійцѣ призвали г. Лавона, который сейчасъ же узналъ его. Настоящее имя преступника было Фіески.

Одаренный энергіею, соединенною съ самою утонченною низостью души, тщеславный до безумія, этотъ человѣкъ запыталъ себя всевозможными гнусостями. Сначала онъ былъ храбрымъ солдатомъ, потомъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за воровство и дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій; выйдя оттуда, онъ сдѣлался любовникомъ одной женщины и потому обольстилъ ея дочь. Все въ этомъ человѣкѣ являлось чудовищнымъ, — даже его происхожденіе: онъ родился въ Корсикѣ, землѣ, населенной героическимъ народомъ, и никогда еще столь благородная страна не выводила на свѣтъ такого мерзавца. Долго онъ переносилъ изъ города въ городъ свой безпокойный духъ, свою бѣдность, свои интриги и пороки. Съ 1830 г. онъ поселился въ Парижѣ и съ тѣхъ поръ довольно ловко занимался тамъ различными ремеслами, удваивая прибыли отъ нихъ мошенничествомъ. Продавъ чюлиціи свою душу и руку, онъ сдѣлался приверженцемъ противоположныхъ партій, то разжигалъ возмущеніе, то шелъ съ кинжаломъ противъ возмутьившихся, и жилъ уличнымъ искателемъ приключеній до той минуты, когда разоблаченіе его подлыхъ обмановъ окружило его опасностями, позоромъ и нищетой. Принужденный бѣжать отъ постыднаго наказанія, оставленный одною изъ двухъ женщинъ, которую онъ запыталъ кровосмѣшеніемъ, доведенный до отчаянія, до бѣшенства, не имѣя силы совершить ничего, кромѣ преступленія, онъ задумалъ отличиться какимъ нибудь страшнымъ дѣломъ... Какъ онъ совершилъ его и какъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ—это уже извѣстно читателямъ.

На свѣтѣ нѣтъ, можетъ быть, злодѣевъ, лишенныхъ всякаго добраго побужденія; у Фіески была одна добродѣтель — благодарность. Лавона, директоръ Гобленовской мануфактуры, бывшій съ нимъ въ сношеніяхъ еще до преступленія 28 іюля, успѣлъ привлечь его на свою сторону ласковымъ и благосклоннымъ обхожденіемъ. По нѣкоторымъ разсужденіямъ Фіески, слѣдователи заключали, что вѣрнѣйшимъ средствомъ къ тому, чтобъ добиться отъ него признанія, было—подвергнуть его вліанію человѣка, котораго

онъ называлъ своимъ благодѣтелемъ. Вслѣдствіе этого г. Лавока пригласили къ обвиненному.

Въ его присутствіи Фіески началъ играть роль, лицемеріе которой обнаружилось впоследствии. Онъ весьма странно преувеличилъ выраженіе своей признательности къ г. Лавока; онъ горделиво выставилъ эту признательность напоказъ и пришелъ въ мысли, что она послужитъ ему защитою. Въ этомъ убѣжденіи, желая придать большую силу и большій кредитъ челоуѣку, на покровительство котораго онъ рассчитывалъ, онъ сдѣлалъ изъ него спасителя короля. «Въ самый моментъ исполненія моего рокового намѣренія—сказалъ онъ — я замѣтилъ въ толпѣ моего благодѣтеля, и смутился; шапка опустилась на два или три дюйма и не попала въ цѣль.»

Что касается до показаній, которыхъ требовали отъ него, то сначала онъ вовсе отказывался давать ихъ. Потомъ перешелъ къ полупризнаніямъ и началъ спутывать своихъ слѣдователей противорѣчіями, уловками, отнѣживаніями, ложью. Слѣдователи подумали, что онъ косвеннымъ образомъ высказываетъ желаніе получить плату за свои признанія, и забылись до того, что наемнули ему на помилованіе, хотя твердо рѣшились казнить его. Поддерживалъ ли его и Лавока въ подлой надеждѣ выкупить свою жизнь выдачею своихъ соотечественниковъ? Мы имѣемъ нѣкоторое основаніе утверждать противное. Какъ бы то ни было, но достоверно (доказательство этому будетъ приведено ниже), что Фіески до послѣдней минуты былъ убѣжденъ въ томъ, что голова его избѣгнетъ руки палача. Достоверно также и то, что представители правосудія спекулировали тщеславіемъ этого несчастнаго, его окружали всевозможными попеченіями, ему давали денегъ для того, чтобы онъ могъ посылать ихъ своей любовницѣ, давать подарки своимъ сторожамъ и смягчать нѣкоторымъ комфортомъ суровость тюремнаго заключенія; къ нему обращались съ словами «monsieur» и «mon cher»; о его здоровьѣ освѣдомлялись съ участіемъ, приводившимъ его въ восторгъ, ему явно выказывали уваженіе, которое будто бы питали къ его уму. А онъ принималъ всѣ эти заявленія какъ почетную дань, которую общество приносило его гению, остававшемуся столь долгое время непризнаннымъ! Изъ тюрьмы онъ постоянно преслѣдовалъ высшихъ сановниковъ крайне безграмотными письмами, въ которыхъ къ самой смѣшной лести были приклеены доскутки самой комической учености. Однажды онъ провелъ параллель между своимъ

соучастникомъ, ошеченнымъ торговцемъ Пепеномъ и Пепеномъ Каронкомъ; въ другой разъ написалъ длинную статью, въ которой сравнивалъ себя съ Сальваторомъ Розою. «Когда Талебранъ — сказавъ онъ однажды — увидѣлъ меня, то смутился, узнавъ, что я соотечественникъ Наполеона, которому онъ измѣнилъ». Такимъ образомъ, гнуснѣйшій негодяй мало по малу дошелъ до самообожанія!

Чтобы воспользоваться этимъ безпримѣрнымъ упоеніемъ, слѣдователямъ оставалось только сдѣлать въ глазахъ Фьески ненавистными людей, которыхъ правительство считало его сообщниками. Такъ они и поступили. Принявъ въ соображеніе заявленіе Нины Лассавъ, что самъ Морей сознался ей, что въ ночь съ 27 на 28-е іюля онъ заряжалъ ружья машины, слѣдователи ловко поставили на видъ Фьески, что онъ самъ чуть не погибъ жертвою взрыва, что Морей нарочно зарядилъ ружья такъ, чтобы нѣкоторые изъ нихъ разорвало и что это онъ сдѣлалъ съ цѣлью погубить своего сообщника, измѣны котораго страшился. Эти убѣжденія увѣнчались желаннымъ успѣхомъ: 11 сентября 1835 г. убійца сознался во всемъ.

Изъ этого омончательнаго сознанія оказывалось: что Фьески изобрѣлъ машину съ цѣлью чисто-стратегическою, что мысль употребить ее для убійства короля принадлежало Морей, что Пепенъ далъ денегъ для найма квартиры и покупки дерева для машины. Сообщество Виктора Буаро, такъ сильно компрометированнаго съ самаго начала, было отвергнуто убійцею; что касается до Беше, то его обвиняли только въ томъ, что по просьбѣ Морей онъ ссудилъ Фьески свою записную книжку и своимъ паспортомъ.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда 30 января 1836 г. начался судъ.

Морей до конца процесса держалъ себя точно такъ же, какъ съ начала своего ареста. Въ манерѣ этого старика было что-то страшное и странное. Среди столькихъ людей, волновавшихся столь различными чувствами и ощущеніями, онъ одинъ не выказывалъ ни ненависти, ни безпокойства, ни удивленія, ни гнѣва, ни состраданія. Всегда безмолвный, всегда неподвижный, онъ былъ дѣйствующимъ лицомъ въ собраніи только тогда, когда его спрашивали. И въ это время онъ раскрывалъ ротъ только для того, чтобы опровергать взводившіяся на него обвиненія; но и это онъ дѣлалъ холодно, лавонически, безъ смущенія, не торопясь. Открыто обвинен-

ный своимъ товарищемъ Фьески, онъ и тутъ ни на минуту не вышелъ изъ положенія этого необыкновеннаго безстрастія. Лице его осталось ледянымъ, и даже улыбки презрѣнія никто не замѣтилъ на его губахъ.

За то Пепенъ безпрестанно переходилъ отъ лихорадочнаго волненія къ полнѣйшему унынію. При самомъ ничтожномъ вопросѣ онъ смущался, обводилъ собраніе умоляющими и полными слезъ глазами, говорилъ о своей женѣ, о четырехъ дѣтяхъ и бормоталъ странныя слова, очевидно внушенныя безумнымъ страхомъ. «Я невиненъ», безпрестанно повторялъ онъ и прибавлялъ, что онъ жертва адскаго заговора, что за все люди поклялись его погубить. И затѣмъ снова падалъ на свою скамейку въ страшномъ изнеможеніи.

Что касается до Фьески, то какъ описать его поведеніе въ этомъ процессѣ. Съ высоко поднятою головою, гордымъ взглядомъ, торжествующею улыбкой, онъ указывалъ театральными жестами на своихъ жертвъ, потѣшалъ судей гнуснымъ шутовствомъ, ораторствовалъ, выказывалъ претензію на ученость, очевидно билъ на эффектъ, ждалъ аплодисментовъ, точно комедьянтъ на балаганныхъ подмосткахъ. И между судьями находились люди, аплодировавшіе ему! Каждый изъ его мерзкихъ фарсовъ вызывалъ на скамьяхъ почтенныхъ перовъ смѣхъ,—тотъ благосклонный смѣхъ, который по видимому ободряетъ. Каждый разъ, какъ убійца подымался съ своего мѣста, всѣ лорнетки направлялись на него, точно дѣло происходило на сценѣ. Каждый разъ, какъ онъ дѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить, подымались нетерпѣливые голоса: «Фьески требуетъ слова; г. президентъ, очередь за Фьески.» Публика не хотѣла проронить ни одного слова, выходявшаго изъ устъ этого великаго человѣка. А онъ не помнилъ себя отъ гордости и радости. Его окровавленная рука искала между присутствующими другихъ рукъ для публичнаго пожатія... и находила ихъ. Онъ общивался съ своею любовницею взглядами и знаками. Онъ былъ героемъ собранія. Что сказать еще? Онъ направлялъ пренія, подстрекалъ или бранилъ свидѣтелей, исполнялъ должность публичнаго обвинителя, управлялъ собраніемъ. Ничто не запрещалось ему. Такъ, чтобы дать понятіе о томъ, какъ должно цѣлять изъ ружья, онъ прикладывалъ къ щекѣ пальцы въ видѣ ствола, цѣлялъ ими въ г. Паскье и кричалъ ему: «положимъ, г. президентъ, что вы утка...» Въ другой разъ, издѣваясь надъ несчастнымъ Пепеномъ, который,

казалось, начиналъ сознаваться, онъ сказалъ судьямъ: «Не теряйте надежды; однѣ женщины рожаютъ черезъ девять мѣсяцевъ, другія — черезъ семь... Семь мѣсяцевъ прошло... Пепенъ начинаетъ разрѣшаться отъ бремени.» Не смотря на все свое нахальство, Фьески не рѣшался однако издѣваться надъ Мореемъ; но видя робость Пепена, онъ съ какимъ-то лютымъ наслажденіемъ осыпалъ его насмѣшками. Себя онъ обвинялъ прямо, называлъ величайшимъ преступникомъ и говорилъ, что считаетъ большимъ счастіемъ обязанность заплатить собственною кровью за жизнь несчастныхъ, павшихъ подъ его ударами. Но чѣмъ настоятельнѣе онъ говорилъ о предстоявшей ему участи, объ ожидавшемъ его эшафотѣ, тѣмъ очевиднѣе становилось, что въ душѣ онъ былъ убѣжденъ въ помилованіи. Это было видно изъ того, что онъ безмѣрно льстилъ тѣмъ, отъ которыхъ это помилованіе повидимому зависѣло.

Къ счастію, во время этого процесса произошло нѣсколько сценъ, вознаграждающихъ за скандалъ такого торжества. Такъ между свидѣтелями, опровергавшими показанія Фьески, былъ одинъ, у котораго часть лба, вслѣдствіе раны, была закрыта серебряною бляхою. Выслушавъ его показаніе, Фьески закричалъ: «Могу ли я отвѣчать человѣку, у котораго только полголова?» — Да, возразилъ свидѣтель, грозно взглянувъ на убійцу, у меня разбита голова, но это случилось на полѣ сраженія, а не во время убійства.

Пренія длились уже двѣнадцать засѣданій, не прибавляя особенно важныхъ свѣдѣній къ тѣмъ, которыя были обнаружены слѣдствіемъ, — какъ вдругъ неожиданное обстоятельство ухудшило положеніе одного изъ обвиняемыхъ. Буаро, разсерженный однимъ показаніемъ Пепена, направленнымъ противъ него, и при этомъ побѣжденный слезами своей матери, которая умоляла его сознаться во всемъ, — показалъ (11 февраля 1836), что если наканунѣ покушенія онъ сдѣлалъ прогулку верхомъ для того, чтобы Фьески могъ поставить, какъ слѣдуетъ, свои ружейные стволы, то исполнилъ это по просьбѣ Пепена, который долженъ былъ самъ совершить эту поѣздку.

Это показаніе было громовымъ ударомъ для Пепена. И однакожь оно послужило сигналомъ къ преобразованію, которое внезапно совершилось въ немъ, — преобразованію полному и въ высшей степени изумительному. Послѣ этой аудіенціи, Мари, одинъ изъ двухъ адвокатовъ Пепена, послѣдилъ въ его тюрьму. Онъ нашелъ его

исполненнымъ спокойствіа, рѣшимости и достоинства. «Буаро не-
сылаетъ меня на смерть—скавалъ онъ своему адвокату, и я могъ бы
очень легко отомстить за себя... Но нѣтъ... я не хочу подстре-
кать его къ тому, чтобы онъ обвинялъ и Морея.» Съ этой мину-
ты, Пепень сталъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Его лице приняло
выраженіе простой и трогательной твердости; рѣчь его сдѣлалась
ясна и несбивчива; казалось, этотъ ограниченный умъ вступалъ
въ кругъ новой гораздо болѣе широкой дѣятельности.

Это обстоятельство еще усилило состраданіе, которое всѣ цѣтали
къ этому человѣку. Дѣйствительно, каждый приходилъ къ заключе-
нію, что если такой слабодушный человѣкъ, какъ Пепень, принималъ
участіе въ такомъ заговорѣ, то это могло произойти не иначе,
какъ вслѣдствіе увлеченія, страха или слабости. Его обвиняли
въ томъ, что онъ содѣйствовалъ преступленію. Но по собствен-
ному ли побужденію онъ далъ преступнику деньги, или повиновал-
ся въ этомъ случаѣ страшному вліянію, котораго не могъ ни по-
бѣдить, ни прогнать отъ себя по своему малодушію? Изъ допроса,
предварительно сдѣланнаго обвиненнымъ, оказалось, что Пепень,
для отклоненія Фьески отъ задуманнаго преступленія, употреблялъ
всѣ усилія, возможные при робости его характера; что, не имѣя
возможности разрушить адскую машину, которой онъ притомъ на-
разу не видѣлъ, онъ по крайней мѣрѣ разрушилъ модель ея; что
онъ старался остановить Фьески, выставляя ему на видъ число
жертвъ, которыхъ долженствовало погубить это преступленіе. Въ
то, что оказывалось даже изъ обвиненій Фьески, поставленнаго на оч-
ную ставку съ Пепенемъ. Развѣ все это не были смягчающія об-
стоятельства? Такъ думали многіе умѣренные люди, не смотря на
то, что покушеніе 28 іюля вызывало въ ихъ душѣ чувство ужаса.

Между тѣмъ, генеральный прокуроръ Мартенъ проицалъ обви-
нительную рѣчь. Онъ сильно настаивалъ на винѣ Фьески, Пепена
и Морея, совершенно оправдалъ Беше и довольно снисходительно
отозвался о Буаро. Вслѣдъ за этимъ немедленно начались защита-
тельные рѣчи адвокатовъ.

Защита Фьески была поручена адвокату Патрони. Ясно понимая
совершенною невозможность оправдать убійцу, Патрони могъ только
сказать, что способности Фьески могли бы найти себѣ лучшее при-
мѣненіе въ обществѣ, управляемомъ болѣе разумнымъ образомъ.
Но когда, выйдя съ этой точки отправленія, онъ началъ упрекать

правительство въ томъ, что оно доведо Фьески до отчаянія, слова неодобренія послышались на стамьяхъ перовъ. Тогда Фьески, вѣрный своей роли, имѣлъ безстыдство остановить своего собственнаго адвоката, чтобы этимъ высказать косвенную лѣсть своимъ судьямъ!

Послѣ Патрони говорилъ Дюпонъ, адвокатъ Морея. Заключивъ Фьески словами презрѣнія и негодованія и противчоставляя нахальству и гнусности этого доносчика спокойную твердость своего кліента, Дюпонъ указалъ на безчисленныя противорѣчія какъ въ показаніяхъ свидѣтелей, такъ и въ заявленіяхъ главнаго обвинителя. Затѣмъ онъ началъ доказывать, что Фьески имѣлъ сообщника, для котораго онъ скрывалъ и къ которому относился обиденія, направленныя противъ Морея; что Морей былъ выбранъ только для того, чтобы заступитъ мѣсто неизвѣстнаго сообщника, которому Фьески покровительствовалъ; что, однимъ словомъ, Фьески и Нина Лассавъ условились между собою, чтобы погубить Морея. Эта система, которую адвокатъ развивалъ съ удивительною убѣдительною, произвела на слушателей глубокое впечатлѣніе; оно дошло до крайней степени, когда Дюпонъ въпрямь потрясающимъ голосомъ: «Неужели вы думаете, что обязанность адвоката кончена послѣ того, какъ онъ защититъ своего кліента? Да, она кончена, если этого кліента оправдаютъ; но если его осудятъ, у адвоката остается еще одна обязанность. Что касается до меня, то если Морей падетъ жертвою обвиненія, я каждый день моей жизни буду разыскивать дѣйствительнаго сообщника Фьески. А вы, господа, развѣ не будете бояться, что мои розыски увѣнчаются успѣхомъ и что когда нибудь я произнесу передъ вами имя преступника... произнесу, когда Морея уже не будетъ на свѣтѣ.»

Не менѣе глубокое волненіе овладѣло публикою, когда Марри началъ защищать Пепена. Затѣмъ еще говорили: въ защиту Фьески—Паркенъ и Шексъ-Эсть-де-Анжъ; Пепена—Дюпенъ младшій; Буаро—Палъ; Беше — Поль-Фабръ. Послѣ всего этого Фьески всталъ и произнесъ цѣло въ родѣ рѣчи, въ которой онъ напыщенными выраженіями говорилъ о гром адиста своего преступленія, о безпродѣльности своего раскаянія, о мужествѣ, съ которымъ онъ готовился умереть... Но въ то же время, помня, отъ кого зависѣло его помилованіе, онъ не преминулъ сказать въ концѣ второй рѣчи, что почиталъ Людовика-Филиппа не меньше чѣмъ Наполеона.

На слѣдующій день, 15 го февраля 1836 г., судъ произнесъ

приговоръ, совершенно оправдавшій Беше и присудившій Фьески— къ смертной казни, какъ за отцеубійство, Пепена и Морей тоже къ смертной казни, а Буаро къ двадцатилѣтнему тюремному заточенію.

Послѣ произнесенія приговора, адвокаты Филиппъ Дюпенъ и Мари отправились въ тюрьму Пепена. Они нашли его спокойнымъ и полнымъ присутствія духа, какъ будто онъ былъ на свободѣ и сидѣлъ въ кругу своего семейства. Онъ долго разговаривалъ съ адвокатами о своихъ частныхъ дѣлахъ и не выказалъ ни малѣйшаго смущенія или унынія.

Морей остался такимъ же, какимъ былъ до тѣхъ поръ. Ему хотѣли тайно дать ядъ; онъ возразилъ: «я лучше хочу взойти на эшафотъ; я хочу, чтобъ моя кровь потекла на ихъ головы».

Что касается Фьески, онъ все еще надѣялся спастись отъ смерти. Да и какъ ему было не надѣяться? Его окружали попеченіями, предупредительностью. У него выпрашивали его портреты, старательно записывали его фарсы, ожидали его мемуаровъ, расхватывали его автографы, изъ которыхъ его любовница сдѣлала предметъ выгодной торговли. Даже между судьями находились люди, жаждавшіе имѣть его почеркъ, обладать его безграмоными записками. Мало того: ему позволяли даже принимать дочь его прежней любовницы, проводить съ нею цѣлые часы, угощать ее своимъ обѣдомъ!

Какое же было удивленіе Фьески, когда его духовникъ объявилъ ему, что должно готовиться къ смерти. «Это невозможно!» вскричалъ онъ, и искренность этого крика обнаружилась впоследствии. Наканунѣ казни, онъ говорилъ своему адвокату Патрони, что его отправятъ въ Америку. Когда же Патрони началъ доказывать ему всю неосновательность такой надежды, онъ впалъ въ раздумье и, взглянувъ на Нину Лассавъ, сидѣвшую подлѣ него, сказалъ: «Во всякомъ случаѣ, Нина бросится къ ногамъ г-жи де-Тревизъ, которая не откажется поговорить обо мнѣ съ королемъ.» При этомъ онъ увѣрялъ, что ему было многое обѣщано и сказалъ своему адвокату: «я напишу все, что мнѣ обѣщали, и положу эту записку въ одну изъ книгъ, которыми вы меня ссудили; если я умру, вы найдете ее, когда книги будутъ вамъ отданы». Книги были возвращены адвокату, но записки въ нихъ не оказалось.

Между тѣмъ, послѣдній часъ приближался. На площади Baggière-

Saint-Jacques вoadвигнуть эшафотъ; все готово; ждутъ только обвиненныхъ. Фьески просить аббата Гривеля передать Морей, въ знакъ примиренія, сигару. Морей отказывается отъ сигары, Пепень принимаетъ ее.

Комната, назначенная для предсмертныхъ приготовленій, открылась и приняла трехъ осужденныхъ. Фьески былъ ваволнованъ и суевѣливъ, Пепень — безропотно покорень судьбѣ, Морей — равнодушень и суровъ. Между тѣмъ, какъ на приговоренныхъ надѣвали обычное платье, Фьески не переставалъ смотрѣть на дверь комнаты; наконецъ онъ вскричалъ: «но гдѣ же г. Лавока? развѣ онъ не прійдетъ?» Ему отвѣчаютъ, что нѣтъ. Тогда, съ огнемъ въ глазахъ, съ искривленнымъ лицомъ, съ конвульсивнымъ со расеніемъ въ тѣлѣ, бѣшенннй, страшннй, онъ восклицаетъ: «О, если г. Лавока не прійдетъ, я умру какъ проклятый!»

Три экипажа, которые должны были перевезти къ мѣсту казни осужденныхъ и ихъ духовниковъ, ждали въ дворѣ. Въ ту минуту, когда Фьески входилъ въ назначенную для него карету, полковникъ Позакъ крикнулъ ему: «Фьески, думай о Богѣ и вспомни о газтскомъ солдатѣ». Фьески тотчасъ же объяснилъ своему духовнику, что Позакъ говорилъ объ одномъ корсиканскомъ солдатѣ, который, во время осады Гаэты, выказалъ необыкновенную храбрость. Впрочемъ и самъ онъ обнаружилъ при этомъ переѣздѣ огромное присутствіе духа. Онъ дорожилъ жизнью, пока надѣялся сохранить ее; теперь, лишеньный всякой надежды, онъ смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти. «Мнѣ слѣдовало бы сдѣлаться суевѣрнымъ — сказалъ онъ аббату Гривелю во время этого переѣзда;—когда я еще былъ въ Калабріи, цыганка предсказала мнѣ, что я умру на эшафотѣ и съ спокойною душою; она не обманула меня».

Въ восемь часовъ, кареты пріѣхали на мѣсто казни. Пепень, Морей и Фьески вышли изъ нихъ. Морей, удрученннй физическими страданіями, едва переступалъ, опираясь на двухъ сторожей; онъ сказалъ имъ: «поддерживайте меня; сердце идетъ впередъ, но ноги не двигаются.» Трое осужденныхъ остановились около гильотины, съ связанными назади руками, и нѣсколько разъ поцѣловали крестъ, который священники подносили къ ихъ губамъ. Въ эту торжественную минуту, одинъ полицейскій комиссаръ подошелъ къ Пепену и сказалъ ему, хотъ если онъ имѣеть сдѣлать еще какія нибудь пока-

заявляя, то казнь его будетъ отсрочена: Пепель съ твердостью отвѣчалъ, что не имѣетъ сказать ничего больше.

Прошла минута невыразимаго волненія: Ватъкъ по ступенямъ эшафота вошелъ твердыми шагами человекъ съ блѣднымъ лицомъ, одѣтый въ длинный желтый плащъ. Это былъ Пепель. Взойдя на площадку, онъ крикнулъ: «я умираю невиннымъ, я умираю какъ жертва, прощайте!» поднявъ глаза къ небу и отдалъ себя въ руки палачей.

За нимъ послѣдовалъ Морей. На лицѣ его не было замѣтно ни малѣйшаго волненія и онъ хранилъ глубокое молчаніе. Только когда палачъ началъ грубо срывать съ него платье, онъ тихо и кротко сказалъ: «для чего вы портите этотъ камзолъ? онъ можетъ пригодиться какому нибудь бѣднику.» Когда съ старика сняли его шелковый колпакъ, вѣтеръ поднялъ его сѣдые волосы... Въ толпѣ послышался глухой шумъ...

Очередь дошла до Фьески. Сопровождаемый почтеннымъ аббатомъ Гривелемъ, онъ гордо вошелъ на площадку, сталъ въ позу оратора, произнесъ нѣсколько словъ прощанія и раскаянія и потомъ, наклонившись къ своему духовнику, сказалъ ему: «Мнѣ очень бы хотѣлось имѣть возможность, черезъ пять минутъ, сообщить вамъ вѣстія о себѣ». Послѣ этого онъ быстро повернулся, самъ сталъ на роковую доску... и топоръ гильотины опустился въ третій разъ.

Два дня спустя, толпа народа тѣснилась у дверей одной кофейни, на площади Баржи. За конторкой, украшенной драгоцѣнными изваяніями и завѣшанной богатыми драпировками, важно воссѣдала женщина съ весьма обыкновеннымъ лицомъ, кривая на одинъ глазъ. И все вышнее достоинство которой заключалось въ цвѣтущей молодости. Это была Инна Лассавъ. Она сидѣла тутъ съ сияющимъ лицомъ, съ улыбкою на губахъ, радуясь и гордясь вниманіемъ, которое вызывала ея знаменитость. Но одному изъ тѣхъ побужденій, которые могутъ служить характеристичною эпохой, одинъ спекуляторъ въ видахъ своего обогащенія, выставилъ на показъ женщину, обезсмертившую себя доносомъ, и бывшую въ кровосмѣшительной связи съ убійцей. Многие нашли эту спекуляцію весьма натуральною.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СЕЛЬСКІЯ КАРТИНЫ.

I.

Последнее десятилітіе нашей литературы было посвящено антиматеризованію европейскаго либерализма на обширныхъ и хосодныхъ равнинахъ Россіи, или, другими словами, прививанію гражданскихъ доблестей и гуманнхъ идей къ дѣвственнымъ умамъ и сердцамъ нашихъ возлюбленныхъ соотечественниковъ. Успѣхъ гуманитарующихъ операций превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Во всѣхъ нашихъ городахъ, и почти во всѣхъ нашихъ селахъ уже томится, изнываютъ, лепечуть, граціозничаютъ и шндальничаютъ тысячи тщедушныхъ субъектовъ, въ которыхъ всѣ почтенные европейскіе либералы, отъ графа Росселя до Юліана Шмидта, будутъ принуждены узнать своихъ младшихъ братцевъ, еще робкихъ и неопытныхъ, но уже способныхъ выводить тоненькимъ дескантикомъ нѣкоторыя модуляціи общелиберальнаго мяуканья. Теперешняя робость и неопытность нашихъ подрастающихъ либералковъ не должна внушать ни малѣйшихъ опасеній за будущее процвѣтаніе російскаго либерализма. Роль либерала такъ многосложна, трудъ его такъ утомителенъ, путь его усѣянъ сплошь такими крупными и острыми терніями, что въ одно десятилітіе нѣтъ никакой возможности усвоить себѣ ту невозмутимую ясность взоровъ и ту безукоризненную солидность поведения, которыми непремѣнно долженъ отличатся опытный либераль, созрѣвшій въ великой школѣ балансированія, мистификаторства и самоувѣреннаго переливанія изъ пустого въ порожнее. — Главная

обязанность либерала состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы всѣмъ выраженіемъ своей фізіономіи, всѣми своими словами и всѣмъ внѣшнимъ видомъ своихъ поступковъ заявлять постоянно и ежеминутно свою пламенную и безграничную преданность великимъ идеямъ и интересамъ, которыя возбуждаютъ въ немъ почти такія же чувства, какія персидская ромашка возбуждаетъ въ клопъ. Всѣ усилія либерала должны постоянно направляться къ тому, чтобы всѣ его поступки противорѣчали всѣмъ его словамъ, и чтобы это противурѣчіе оставалось постоянно совершенно незаметнымъ для той безхитростной сарказной публики, которую слѣдуетъ ублажать и растрогивать либеральными представленіями. Если же противурѣчіе сдѣлается чрезчуръ очевиднымъ, то либераль долженъ тотчасъ объяснить, съ надлежащею торжественностью, что уваженіе его къ великимъ принципамъ остается неизмѣннымъ, но что обстоятельства мѣста и времени, къ сожалѣнію, требуютъ себѣ довольно значительныхъ уступокъ, изъ которыхъ, однакоже, для всей почтенной публики не произойдетъ ничего, кромѣ существенной пользы и великаго удовольствія. Либераль долженъ постоянно стремиться и покрываться впередъ, не двигаясь съ мѣста, и тщательно удерживая другихъ людей отъ всего того, что становится похожимъ на дѣйствительное движеніе. Кто изъ либераловъ поумнѣе, тотъ предъзнаваетъ всѣ эти артикулы совершенно сознательно, зная очень хорошо, когдѣ онъ надуваетъ и зачѣмъ надуваетъ. Кто попроче, — и такихъ несравненно больше — тотъ либеральничаетъ чистосердечно, не замѣчая въ своей особѣ и въ своей доктринѣ никакихъ внутреннихъ противурѣчій, рассуждая по наслышкѣ, поступая по привычкѣ, и съ дѣтскою безпечностью глядя на то, что слова и поступки взаимно уничтожаютъ другъ друга, и что знамя великихъ идей водружается надъ кучей сора.

Можете ли вы себѣ вообразить смиренную корову, украшенную хорошими кавалерійскими сѣдломъ? — Я полагаю, что эта корова представила бы намъ зрѣлище довольно комическое, но въ то же время и печальное; затянута подруга сильно угнетала бы ее коровью натуру и приводила бы ее въ такое крайнее смущеніе, которое, конечно, выражалось бы во всей ея огорченной наружности; глядя на такую обиженную корову, каждый добродушный человѣкъ долженъ былъ бы сжалиться надъ ея несчастіемъ и снять съ ея спины совершенно несвойственное ей украшеніе. Но представьте

себѣ, для усладенія комирика и для уничтоженія властолюбости, что въ режданную верову вселенная бѣсъ гордости и самодовольства; представьте себѣ, что она, шестою перестянутая подпругою, жельеть коумать и очаровать ваеъ тонкостью своей королевой тамъ и легкостью своей королевой походки; представьте себѣ, что она подражает манерамъ кроваго англійскаго славуна, старается принять молодцоватый видъ и бравурную осанку, раздуваетъ ноздри, поднимаетъ хвостъ молодъ, и пробуетъ нуеститься съ правой ноги голодомъ. Представьте себѣ такую картину, и вы получите нѣкоторое слабое понятіе о томъ неветощимомъ комирикѣ, которымъ несполнены всѣ слова, движенія и поступки добродѣтельнаго либерала, самодовольно навѣсившаго на себя то, что давить и гнететь его, и что на каждомъ шагу произносятъ страшайшій прѣговоръ надъ самыми нестрѣбимыми поповновеніями его мелкой душички. Этотъ уморительный типъ добродѣтельнаго либерала или осѣдланной королевы разобранъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ въ повѣсти г. Слѣдова: «Трудное время», въ которой мученикомъ либерализма является юный и просвѣщенный помѣщикъ, Александръ Васильевичъ Щетининъ. Объ этомъ господинѣ Щетининѣ, изывающемъ подъ тяжестью собственной гуманности, я и поведу теперь разговоръ съ читателями.

II.

Щетининъ живетъ въ своемъ имѣніи и старается увѣрить себя и другихъ въ томъ, что онъ занимается хозяйствомъ, гуманизируетъ сельскихъ обывателей, интересуется европейскою политикою и слѣдитъ очень внимательно за развитіемъ научной агрономіи. Занятія хозяйствомъ заключаются въ томъ, что Щетининъ по вечерамъ бесѣдуетъ съ своимъ приказчикомъ, который изъ этихъ конференцій выноситъ, по всей вѣроятности, то утѣшительное убѣжденіе, что падувать и обирать молодыхъ агрономовъ очень сподручно и совершенно безопасно. Гуманизированіе земледѣльцевъ производится посредствомъ тщательнаго взиманія установленныхъ штрафовъ за поправы; это взыманіе четвертаковъ и полтинниковъ клонится вовсе не къ тому, чтобы вознаградить помѣщика, а собственно и единственно къ тому, чтобы воспитать въ земледѣльцахъ уваженіе къ

принципу собственности, чтобы развить въ нихъ чувство законности, чтобы вложить въ ихъ грубые умы пониманіе человѣческихъ правъ и обязанностей, и чтобы, наконецъ, сдѣлать человѣка царемъ окружающей его зоологической природы, то есть, чтобы вооружить земледѣльца хворостиною, при содѣйствіи которой онъ развивалъ бы чувства законности и подавлялъ бы коммунистическіе инстинкты во всѣхъ деревенскихъ коровахъ, телятахъ, баранахъ и свиньяхъ. Поглощенный великимъ житейскимъ дѣломъ народнаго воспитанія, Щетининъ конечно не можетъ уже посвящать много времени политикѣ и теоретической агрономіи; поэтому и не мудрено, что книжки ученыхъ журналовъ лежатъ неразрѣзанныя, и что пачки русскихъ и иностранныхъ газетъ остаются нераспечатанными. Орошая потокомъ лица своего обширную и еще нетронутую низу русскихъ народныхъ силъ, Щетининъ принужденъ отказывать себѣ даже въ тѣхъ скромныхъ умственныхъ наслажденіяхъ, которыя для образованнаго человѣка составляютъ насущную потребность. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, неразрѣзанность журналовъ и нераспечатанность газетъ должны быть вѣнчаны Щетинину въ особенно высокую патриотическую заслугу.

У нашего гуманизатора есть жена, Марья Николаевна, женщина молодая, честная, горячая и энергическая, принявшая за чистую монету либеральные разговоры доблестнаго супруга, и постоянно ожидающая, во все время своего трехлѣтняго замужества, что вотъ-вотъ начнется какая-то, несовсѣмъ извѣстная ей, но великая и святая работа, которой всѣ честные люди съ наслажденіемъ отдадутъ весь свой умъ, всю свою волю, всю свою жизнь. Но время идетъ, Щетининъ занимается поправками, и Марья Николаевна начинаетъ недоумѣвать. Ей представляется, что благосостояніе всѣхъ русскихъ людей вообще, и сельскихъ обывателей въ особенности, еще не Богъ знаетъ какъ далеко подвинется впередъ, если даже труды Щетинина утверждаютъ господство мужицкихъ хворостинъ надъ всѣми деревенскими телятами. Ей кажется, что въ этой работѣ очень мало великаго и святаго, и что не такими подвигами наполняется жизнь тѣхъ людей, которые дѣйствительно умѣли понять всю тяжесть долга, лежащаго на нихъ въ отношеніи къ ихъ бѣдному и невѣжественному народу. Въ то время, когда Марья Николаевна недоумѣваетъ и тревожится, къ

Щетинину прѣзжаетъ на лѣто его товарищъ по университету, Рязановъ, одинъ изъ блестящихъ представителей моего возлюбленнаго фазаровскаго типа. Появленіе этого новаго лица ускоряетъ неизбежную развязку. Прислушиваясь къ разговорамъ Рязанова съ Щетиннымъ, Марья Николаевна начинаетъ смотрѣть на своего мужа совершенно трезвыми глазами и отдавать должную дань презрѣнію его игрушечному либерализму. Добродѣтельное собраніе четвертиковъ и полтинниковъ становится для нея невыносимымъ, и она рѣшается уѣхать отъ мужа, чтобы устроить себѣ полезную и разумную жизнь. Для тѣхъ проникательныхъ читателей, которые пустятся въ лукавыя соображенія, я замѣчу тотчасъ же, что она уѣзжаетъ не съ Рязановымъ, а одна, и уѣзжаетъ вовсе не за тѣмъ, чтобы предаваться удовольствіямъ взаимной любви. Повѣсть г. Слѣпцова оканчивается тѣмъ, что Рязановъ и Марья Николаевна холодно прощаются между собою въ домъ Щетинина, который, внезапно очутившись на развалинахъ своего семейнаго счастья, начинаетъ мечтать о наживаніи капитала и о расходованіи его на пользу челоуѣчества, словомъ, перекладываетъ маниловскія фантазіи на языкъ современнаго образованнаго общества.—Какъ видите, между тремя главными дѣйствующими лицами повѣсти разыгралась простая, но мучительная драма, тѣмъ болѣе интересная и замѣчательная, что ея составные элементы—грошовый либерализмъ, беспощадный анализъ и неподкупная честность,—находятся уже теперь во многихъ русскихъ семействахъ. Не вдаваясь въ подробный разборъ замѣчательной повѣсти г. Слѣпцова, я постараюсь бросить бѣглый взглядъ на основную причину разыгравшейся драмы.

При первомъ же свиданіи Щетинина съ Рязановымъ, читателю становится замѣтно, что Щетининъ боится Рязанова и совершенно безуспѣшно старается держать себя съ нимъ развязно и самостоятельно. Читатель тотчасъ усматриваетъ также и причины щетининской трусливости. Щетининъ во всѣхъ отношеніяхъ чистѣйшій нуль, существо безличное, безцвѣтное, безформенное, неспособное ни любить, ни вѣрить, ни сомнѣваться, ни знать, ни мыслить, ни дѣйствовать, а способное только вяло и безстрастно повиноваться, по силѣ инерціи, данному толчку. Щетинину, какъ и всякому другому нулю, вовсе не хочется признать себя нулемъ; онъ старается заглушить въ себѣ мучительное ощущеніе собственнаго ничтожества; онъ сливается втянуть себя въ мысли, въ чувства и въ стрем-

жизни; но и сама же из чужих опредѣлений вълечена, онъ видится на все, что его окружаетъ и обнаруживаетъ очень много внешней подвижности и суеживости, именно потому, что все идеи и все отрасли дѣятельности для него совершенно одинаковы; подвижность и суеживость его находится въ тѣсной связи съ его властью и безстрастностью; онъ суеживается потому, что ему надо себя обманывать; а потребность обманывать себя происходитъ отъ того, что во всемъ его существѣ господствуютъ пустота и холодъ, который его самого привлекъ бы въ ужасъ, если бы онъ осмѣлился заглянуть въ самого себя спокойнымъ и внимательнымъ взглядомъ. Будь у него какія нибудь страсти, онъ полюбилъ бы тотъ или другой строй понятій, и тогда онъ потерялъ бы возможность суеживаться и разыгрывать роль услужливого кавалера передъ каждою новою пріятелью жизни или мысли. Щетининъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые никогда не могутъ быть искренни, потому что у нихъ нѣтъ ничего такого, что они могли бы назвать своею умственною или нравственною собственностью; ихъ мысли, ихъ чувства, ихъ желанія, — все это прищиплено, припито и приклеено къ нимъ; прищипавъ, старый слой этой драпировки поврывается новымъ слоемъ, и это наклеиваніе и нашиваніе производится ими такъ давно, съ такой ранней юности, что они уже и сами не знаютъ и не спрашиваютъ, есть ли у нихъ что нибудь свое, подъ грудю истлякшкѣ ложмотьевъ. Но что верхній слой драпировки, тотъ слой, которымъ они пародируютъ, составляетъ для нихъ постороннюю массу; вовсе некриспшную къ ихъ тѣлу, это они сами чувствуютъ, и это ощущеніе отравляетъ все ихъ существованіе. Представьте же себѣ теперь, какое множество кошенъ скребутъ ихъ сердце, когда они встрѣчаются съ такими людьми, которые сами, со всеми своими чувствами и убѣжденіями, вылиты какъ будто изъ одного куска металла, и которые, вслѣдствіе этого, съ перваго взгляда замѣчаютъ въ другихъ людяхъ каждую малѣйшую искусственность или придуманность. — Рязановъ видитъ насввозъ Щетинина, и понимаетъ его такъ, какъ самъ Щетининъ себя понять не можетъ. Щетининъ объ этомъ догадывается, хотя впрочемъ и не можетъ себя представить, до какихъ размѣровъ простирается пониманіе его товарища, и хотя врядъ ли даже считаетъ возможнымъ, чтобы его, Щетинина, кто нибудь умѣлъ совершать въ томъ совершенно извѣрномъ и голенькомъ видѣ, въ какомъ онъ представляется Рязанову.

ну. Но умъ и непосредственныхъ догадокъ Щетинина достаточно для того, чтобы вогнать его въ изкорядочное сеслованіе, при которомъ онъ и говорить, и ходить, и смѣется совершенно неестественнымъ образомъ, такъ будто бы все это дѣлается у него совсѣмъ не по собственному желанію, а по какому-то постороннему заказу. Рязановъ все это видитъ, и съ неумолимостью искренняго и дѣльнаго чело- вѣка, разными хладнокровными репликами и замѣчаніями, на каждо- му шагу даетъ чувствовать своему собесѣднику, что всѣ его слова и движенія не клонятся ни къ чему и появляются на свѣтъ невѣроятно зачѣмъ. Такъ, напримѣръ, Щетининъ, послѣ первыхъ объяній, начинаетъ упрекать Рязанова въ томъ, что тотъ не пи- сать къ нему. Рязановъ очень хорошо понимаетъ, что эти упреки дѣлаются для разговорца, и что Щетинину на самомъ дѣлѣ вовсе даже и не хотѣлось получить отъ него писемъ. Поэтому, на кисло- сладко-любезный вопросъ: «и не стыдно?» Рязановъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, братъ, не стыдно. Да что толку писать? Нынче эту мане- ру бросаютъ совсѣмъ». Щетининъ пробуетъ изъ дружески-сантимен- тальнаго тона перейти въ дружески-шутливый, и снова беретъ такую ноту, въ которой звучитъ фальшь и пустота. «Эхъ ты! го- ворить онъ, а еще сочинитель называешься.»—Шутка натянута и поэтому никуда не годится. Рязановъ тотчасъ и обнаруживаетъ эту натянутость. «Такъ что жъ, что сочинитель? Что жъ мнѣ для тебя письма что-ли сочинять.» Щетининъ желаетъ понравиться, и про- должаетъ говорить ненужныя слова, которыхъ ненужность немед- ленно разоблачается. Наконецъ, въ крайнемъ смущеніи, онъ объ- являетъ, что путается въ словахъ отъ радости, причиняной ему свиданіемъ. И разумѣется врать, потому что, на самомъ дѣлѣ, онъ почти совсѣмъ не радъ, и во всемъ его поведеніи нѣтъ ниче- го, кромѣ условныхъ знаменъ радости, изображаемой невѣстно для чего. Если бы на мѣстѣ Рязанова былъ другой Щетининъ, то, услышавъ извѣстіе о прачинѣ путаницы, и зная навѣрное ложность этого покаянія, этотъ другой Щетининъ все таки смѣлъ бы своею обязанностью прижать чувствительнаго друга къ груди своей, или, по крайней мѣрѣ, вѣрнѣе стиснуть его руку и взглянуть на него сладостными глазами. Но Рязановъ, какъ безчувственный слотъ, только ворочается на диванѣ, и на просьбу друга извинить его радостное замѣшательство, отвѣчаетъ споймаю: «ничего. Это даже хорошо, что ты путаешься.»—То есть: галопируй, корова, на

тебя смотрѣть забавно. — Можно сказать наизусть, что въ эту минуту въ душѣ радующагося Щетинина произошло что-то похожее на ненависть къ тому другу, который посмотрѣлъ съ такимъ убійственнымъ спокойствіемъ на разсыпанные перлы его поддѣльных чувствъ. Отъ задумался, потожь, сказавши нѣсколько загадочныхъ плоскостей, началъ ходить по комнатѣ, и наконецъ пустилъ новую демонстрацію нѣжности «нѣтъ, вѣдь я тебѣ радъ, очень радъ!» точно будто бы ему приходилось отвѣчать внутреннему голосу, который говорилъ ему: ты совѣшь не радъ. Но, чтобы перлы дружескія не остались не подобранными и на этотъ разъ, Щетининъ торопится насильно всунуть ихъ въ руки Рязанова. Превозводится крѣпкое пожатіе рязановской руки, и Щетининъ становится спокойнѣе, потому что, такимъ образомъ, нѣжная демонстрація получаетъ, не крайней мѣрѣ, внѣшній видъ приличной обожности.

III.

Если Щетининъ очень милъ, когда разсуждаетъ о пріятностяхъ погоды и дружелюбія, то, безъ сомнѣнія, онъ становится въдесятеро милѣе, когда заводитъ рѣчь о предметахъ возвышенныхъ и мудреныхъ. Рязановъ спрашиваетъ у него мимоходомъ: «а дѣти есть у тебя?» Вопросъ, кажется, очень невинный, но Щетининъ находитъ удобнымъ распространиться по этому поводу насчетъ родительскихъ обязанностей. Оказывается, что обзаводиться дѣтьми позволительно только тогда, когда для нихъ уже кое-что заготовлено. Рязановъ этого мнѣнія нисколько не оспариваетъ, и спрашиваетъ очень добродушно: «успѣшно-ли идетъ заготовка?» Щетининъ, чувствуя въ присутствіи Рязанова хроническое смущеніе, сначала замѣчаетъ, что нельзя не копить, а вслѣдъ затѣмъ начинаетъ въ чемъ-то оправдываться, «понимаю, понимаю, говоритъ онъ; да только вовсе я не такой человѣкъ, какъ ты думаешь». — Хотя Рязановъ ни однимъ своимъ словомъ не выразилъ того, что считаетъ Щетинина за какого-то особеннаго человѣка, однако онъ ему не противорѣчитъ, и даже изъявляетъ полное согласіе выслушать отъ

самого Щетинина, каждой же онъ именно человѣкъ. Щетининъ приступаетъ къ дѣлу очень храбро. «А вотъ я какой человѣкъ... Я человѣкъ...» Но тѣмъ все объясненіе и кончается. «Да нѣтъ,—продолжаетъ Щетининъ гораздо скромнѣе, я не могу о себѣ говорить. Чортъ знаетъ, я какъ-то не умѣю.» Рязановъ молчитъ. Тогда Щетининъ вынуждается разсказать ему, что онъ дѣлалъ въ деревнѣ. Рязановъ на все согласенъ. Разсказъ оказывается очень несложнымъ. Все дѣло въ томъ, что Щетининъ подарилъ крестьянамъ землю, которою они владѣли, а крестьяне, подозрѣвая въ этомъ подвигѣ братолюбія какую нибудь военную хитрость, не хотѣли брать подарокъ, но потомъ, склонившись на увѣщанія посредника, взяли землю и подписали уставную грамоту. Слушая этотъ трогательный разсказъ, Рязановъ, по настоящему, долженъ былъ-бы умиляться надъ безкорыстіемъ и великодушіемъ своего либерального друга. Но Рязановъ, къ удивленію чувствительнаго читателя, выслушалъ все новѣствованіе съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, и потомъ произнесъ слѣдующія убійственные слова. «Ну, такимъ манеромъ, стало быть, ты совершилъ въ предѣлѣ земномъ все земное?» — Я называю эти слова убійственными, потому что въ нихъ заключается для Щетинина и для всѣхъ подобныхъ ему, осѣдланныхъ коровъ вообще, страшная правда. Самое лучшее, что могутъ сдѣлать эти люди, нѣбось чисто отрицательное значеніе, и состоитъ въ томъ, что они отказываются отъ права парализовать чужую дѣятельность и отравлять лишними заботами чужое существованіе. Отнявши у себя возможность вредить другимъ, или, покрайней мѣрѣ, ослабивъ эту возможность, эти люди дѣйствительно могутъ умереть совершенно спокойно, не огорчая и не волнуя себя тою мучительною мыслью, что они оставляютъ на землѣ какое нибудь недовершенное дѣло, что жизнь ихъ еще нужна ихъ согражданамъ, и что смерть ихъ причинитъ обществу какой нибудь, хотя-бы даже микроскопическій убытокъ. Обезпечивъ за своими крестьянами средства питаться, при самомъ напряженномъ трудѣ, чернымъ хлѣбомъ, лукомъ и квасомъ, Щетининъ дѣйствительно совершилъ въ предѣлѣ земномъ все земное. Но, въ счастью для самого себя, Щетининъ неспособенъ понять, какое глубокое значеніе заключается въ словахъ Рязанова; вслѣдствіе этого, Щетининъ принимаетъ эти слова за одну изъ обыкновенныхъ шуточныхъ выходовъ Рязанова, и отвѣчаетъ очень весело: «Какое? Нѣтъ, братъ, это еще только начало». — Рязановъ

съ очень естественною неподвижностью спрашивается: «а еще-то что-же?»—потому что, дѣйствительно, что-же еще можетъ сдѣлать Щетининъ, когда земли уже подарена?—Оказывается, что *тутъ-то вотъ и начинается настоящее дѣло*,—и притомъ, какое дѣло!—*«Соціальное, любовный другъ, социальное»*.—Услышавъ отъ своего либеральнаго друга такое мудреное слово, Рязановъ уже прямо начинаетъ надъ нимъ смѣяться, такъ точно, какъ засмѣялся-бы надъ Хлестаковымъ обитатель Петербурга, которому случилось-бы присутствовать при разсказѣ о балахъ и обѣдахъ испанскаго посланника.—«Ничего я противузаконнаго не затѣваю, продолжаетъ Щетининъ, никакихъ я теорій не провожу, я дѣлаю только то, что всякій изъ насъ обязанъ дѣлать».—Приступъ очень недурень. Во-первыхъ, выражено полное уваженіе къ закону; во-вторыхъ, заявлено столь-же полное недовѣріе къ неосновательнымъ теоріямъ; въ-третьихъ, обнаружено сознаніе гражданскихъ обязанностей, лежащихъ на каждомъ изъ насъ. Словомъ, все было-бы превосходно, если-бы только Щетининъ сумѣлъ повести эту рѣчь дальше, приставивъ одинъ округленный періодъ къ другому, и тщательно наблюдая за тѣмъ, чтобы во всѣхъ этихъ періодахъ не выразилось ни одной, сколько нибудь опредѣленной, идеи. Но я уже замѣтилъ въ самомъ началѣ этой статьи, что въ одно десятилѣтіе невозможно сформировать такихъ либераловъ, которые были бы посвящены во всѣ тайны европейскаго шарлатанства. Кромѣ того, надо принять въ соображеніе, что Рязановъ не такая публика, передъ которою было бы особенно удобно изливаться чувствительныя фразы, не заключающія въ себѣ осязательнаго смысла. Сознывая свое печальное положеніе, Щетининъ умолкаетъ и съ горя начинаетъ царапать клеенку на диванѣ,—чего никогда не дѣлалъ повойникъ Пальмерстонъ, и чего не дѣлаютъ въ настоящее время ни Россель, ни Гладстонъ, когда имъ приходится говорить публично о красотахъ англійской конституціи и о непомѣрномъ благосостояніи англійскаго пролетарія. — Хотя Щетинину еще далеко до великихъ западныхъ образцовъ, однако же и онъ не съ разу признаетъ себя побѣжденнымъ, и дѣлаетъ еще нѣсколько попытокъ озадачить Рязанова балами и обѣдами испанскаго посланника. «Прежде всего, говоритъ онъ, ты долженъ согласиться съ тѣмъ, что всякое общественное дѣло тогда только можетъ быть прочно, когда оно основано на чисто-народныхъ началахъ».—Рязановъ, по добротѣ души своей, соглашается безпрекословно. «Пока

городъ не подать своего голоса, предлагаетъ Щетининъ, пока онъ молчитъ и только слушаетъ, — всякая пропаганда не поведетъ ни къ чему.» — Такъ какъ Рязановъ никогда не предлагаетъ Щетинину сдѣлаться миссіонеромъ какой-бы то ни было, умной или глупой, идеи, то, сохраняя строго-выжидательное положеніе, Рязановъ спрашиваетъ только: «ну такъ что-жь?» — Эта сдержанность Рязанова окончательно губитъ его либеральнаго собесѣдника. Важдмай Рязановъ возражать, Щетининъ тотчасъ воспрянулъ бы, и безконечная трескотня словъ благополучно устранила бы вопросъ о томъ, чѣмъ занимался юный землевладелецъ въ деревнѣ, и можетъ-ли онъ вообще совершить въ предѣлѣ земномъ еще хоть что-нибудь путное. Но Рязановъ только соглашается и ждетъ; поэтому Щетининъ принужденъ приступить къ дѣлу, котораго, къ сожалѣнію, не ощущивается въ наличности. «А то, говоритъ онъ, что слѣдовательно мы должны всё наши силы направить на то»... Но на что именно господъ Щетинины должны направить всё свои силы, и какія такіе силы у нихъ имѣются—этого мы конечно не узнаемъ никогда, потому что этого не знаетъ и самъ ораторъ, который, въ своемъ отчаяніи, прерываетъ свою возвышенную рѣчь самою неуязвимою диверсією; совершенно равносильною смиренной мольбѣ о пощаду: «Да ты, можетъ быть, спать хочешь?» спрашиваетъ Щетининъ, рѣшительно не зная, на какое *то* должны быть направлены всё силы господъ Щетининыхъ. Рязановъ, конечно, достаточно насмотрѣлся въ Петербургѣ на мелкихъ людей, царапающихъ клеенку и направляющихъ на какое нибудь непонятное и неизвѣстное имъ *то* всё свои несуществующія силы. Поэтому онъ отпускаетъ щетининскую душу на покаяніе, и промываетъ великодушно: «да, братъ, хочу.»—Щетининъ оправляется, и придаетъ своему отступленію приличный видъ, выражая надежду, что они еще успѣютъ обо всемъ переговорить.— Рязанову въ скоромъ времени удалось познакомиться довольно близко съ щетининскимъ *мы*, и съ *нашими силами*, которыя всё должны быть направлены на *то*.

Дѣйствіе происходитъ въ городѣ, въ бывшемъ дворянскомъ, а нынѣ *соединенномъ клубѣ* всѣхъ сословій, во время мирового съѣзда, засѣдающаго въ одной изъ комнатъ того же клуба.

Картина первая: *Наши силы* направляются.

— Какъ поживаете, говоритъ Щетининъ, раскланиваясь съ другомъ, только-что вышедшимъ изъ буфета, помѣщикомъ.

— Вотъ какъ видите, отвѣчалъ тотъ. — Закусываемъ. Какъ же намъ еще поживать? Ха, ха, ха! Вотъ съ Иванъ Навлыченъ ужъ по третьей прошансь. Да, чертъ, ихъ не дожدهшься, говорилъ онъ, увязывая на посредниковъ. — Господа, что же это такое, наконецъ? Скоро-ли вы опростаетесь? Въ буфетъ всю водку вынули, ужъ за хересь принялись.

— Да велите накрывать, заговорили другіе.

— Столъ нуженъ.

— Господа, тащите ихъ отъ стола!

— Эй, человѣкъ, подай, братецъ, ведро воды, мы ихъ водой разольемъ. Одно средство.

— Ха, ха, ха!

— Нѣтъ, серьезно, господа. Ну, что это за гадость! Всѣ ѣсть хотять. Кого вы хотате удивить.

— Что тутъ еще разговаривать съ ними! Господа, вставайте! Засѣданіе кончилось. Дѣла къ чорту. Гоните мужиковъ! Эй, вы, пошли вонъ!

Такимъ образомъ кончилось засѣданіе. Посредники, съ озабоченными и утомленными лицами, складывали дѣла, снимали цѣпи, потягивались и уходили въ буфетъ.»

И послѣ этого есть еще люди, осмѣливающіеся говорить, что у насъ нѣтъ инициативы!

Картина вторая: Наши силы направлены.

«Черезъ часъ послѣ обѣда дворяне ходили по комнатамъ, какъ во снѣ: всѣ что-то говорили другъ другу, кричали, пѣли и требовали все шампанскаго и шампанскаго. Въ одной комнатѣ хоромъ пѣли какую-то пѣсню, но потомъ образовалось два хора, такъ что ужъ никто ничего не могъ разобрать, никто никого не слушалъ....

— Кубокъ янтарный...

— Чтобы солнцемъ не пекло...

— Полонъ давно...

— Чтобы сало не текло...

— Господа, это подлость!.. Ура-а! шампанскаго!.. Пей, пей, пей!.. Позвольте вамъ сказать... Чтобы солнцемъ... Поди къ чорту... Ура! Шампанскаго!..

— Во-о-дня! вдругъ заоралъ кто-то отчаяннымъ голосомъ.

Въ другой комнатѣ сидѣлъ судья на креслѣ, а прочіе стояли.

Судья произносилъ какія-то слова, а хоръ повторялъ ихъ. Два посредника держали подъ руки купца Стратонова и заставляли его кланяться судьѣ. Купецъ кланялся въ ноги и просилъ ручку. Судья накрывалъ его полою своего сюртука и произносилъ какія-то слова; хоръ подхватывалъ; третій посредникъ махалъ цѣпью.

Щетининъ съ Рязановымъ вышли на крыльцо. Смеркалось. У воротъ клуба ихъ уже дожидался запряженный тарантасъ. На дворѣ видно было, какъ одинъ помѣщикъ стоялъ, упершись въ стѣну лбомъ, и мучительно расплачивался за обѣдъ.»

Тотчасъ послѣ этой панорамы *нашихъ силъ*, Рязановъ имѣлъ неслыханную жестокость напечатать либеральному другу, въ самомъ безобидномъ тонѣ, о томъ разговорѣ, который остался недожонченнымъ по случаю отхода собесѣдниковъ ко сну.

— «Что ты такое началъ рассказывать, когда я пріѣхалъ, помнишь?—про какое-то социальное дѣло, спросилъ Рязановъ своего товарища, когда они выѣхали въ поле.»

Щетининъ могъ бы очень резонно отвѣтить своему другу, что Римъ не въ одинъ день построился: что необходимо мѣшать пріятное съ полезнымъ; что пѣсни, пропѣтыя хоромъ, принадлежать къ области чистаго искусства, которое, какъ доказалъ г. Антоновичъ, разгоняетъ мрачныя мысли, ослабляетъ своекорыстные инстинкты и обуздываетъ неестественные порывы; что, впрочемъ, мы вообще не созрѣли, что наши молодыя силы бродятъ и кипятъ; что свѣтлое вино творится изъ мутнаго броженія; и что, вслѣдствіе этого, даже тотъ господинъ, который *мучительно расплачивался за обѣдъ*, можетъ еще современемъ сдѣлаться всякихъ социальныхъ дѣлъ мастеромъ. Словомъ, Щетинину представлялся отличный случай наговорить три короба разныхъ либеральныхъ бессмыслицъ; но неопытность Щетинина была слишкомъ велика, и блестящая панорама *нашихъ силъ* подѣйствовала на него слишкомъ подавляющимъ образомъ. Онъ даже не попробовалъ барахтаться, и на ядовитый запросъ товарища отвѣтилъ самымъ покорнымъ и болѣзненнымъ стономъ, въ которомъ слышалось и *пардонъ* и *караулъ*. — «Нѣтъ, оставь это, — прошу я тебя: сдѣлай милость, оставь, отвѣтилъ Щетининъ.» Корова начинаетъ признаваться, что сѣдло сильно намозолило ей спину.

IV.

На другой день послѣ прѣзда Рязанова къ Щетинину, разыгрывается одна изъ самыхъ обыкновенныхъ деревенскихъ сценъ. Мужичья телушка забрела въ барскій хлѣбъ; ее поймали и заманили на барскій дворъ; мужикъ приходитъ къ Щетинину, просить объ ея освобожденіи; Щетининъ требуетъ установленнаго штрафа. Разговоръ между мужикомъ и Щетининымъ происходитъ въ присутствіи Рязанова и Марьи Николаевны. За нѣсколько секундъ до начала этого разговора Щетининъ усердно рисовался передъ Рязановымъ трудностями своей общественной дѣятельности.

«Поживи-ка, братъ, здѣсь, говорилъ онъ, да погляди на насъ, чернорабочихъ, какъ мы тутъ съ сырымъ матеріаломъ управляемся. — «Вотъ ты тогда и увидишь, говорилъ онъ даже, что мы должны, мало того, что помогать имъ; но еще убѣждать и упрашивать, чтобы они намъ позволили имъ же быть полезными.» — Слова Щетинина тотчасъ находятъ себѣ блистательное оправданіе. Кусокъ сырого матеріала вваливается къ нему въ переднюю и становится вредъ нимъ на колѣни. Чернорабочій Щетининъ приходитъ въ негодованіе и настоятельно требуетъ отъ мужика, чтобы тотъ уважалъ въ себѣ свое человѣческое достоинство. Мужикъ согласенъ уважать, лишь бы только ему отдали его телушку, не взыскивая съ него штрафа. Щетининъ начинаетъ убѣждать и упрашивать мужика, чтобы онъ ему позволилъ быть полезнымъ сырому матеріалу. — «Ну слушай! говоритъ Щетининъ. Пойми, что мнѣ твоихъ денегъ не нужно; я отъ этого не разбогачю! Я беру съ тебя штрафъ для твоей же пользы, для того, чтобы ты былъ впередъ осмотрительнѣе, зря не распускалъ бы скотины. Сами же вы благодарить будете, что васъ уму-раазуму учать.» Возмущаясь мужицкими колѣбно-преклоненіями, какъ поруганіемъ человѣческаго достоинства, Щетининъ, въ то же время, самъ требуетъ отъ мужика умственаго раболѣпства, гораздо болѣе вреднаго, опаснаго и унижительнаго, чѣмъ всевозможныя колѣбнопреклоненія. Въ старину бывали такіе воспитатели, которые заставляли ребенка нюхать розгу, и спрашивали у него, чѣмъ пахнетъ? Ребенокъ долженъ былъ отвѣчать: «умомъ.»

И, разумеется, ребенок отъчалъ именно таинкъ образомъ, потому что зналъ заранѣе, чего отъ него требуютъ, и чему онъ можетъ подвергнуться въ случаѣ своего нежеланія дать формальный отвѣтъ, намекающій на спасительныя свойства тѣлеснаго наказанія. Щетининъ поступаетъ съ мужикомъ точь въ точь такъ, какъ поступали съ ребенкомъ старинные воспитатели, которые, по крайней мѣрѣ, были совершенно послѣдовательны, то есть, ни мало не заботились о человѣческомъ достоинствѣ, и очень благосклонно смотрѣли на колѣнопреклоненія ребенка, желающаго, изъясненіями покорности, избавить себя отъ приближающейся розги. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, нѣтъ никакой возможности преподавать, что мужикъ убѣдится аргументаціею Щетинина; а съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что мужикъ во всемъ будетъ поддакивать Щетинину, чтобы обезоружить его своимъ смиреніемъ. Всѣ слова Щетинина мужикъ только и можетъ понимать въ томъ смыслѣ, что барину желательнo видѣть мужицкую покорность, которая должна проявляться не въ цѣлованіи барскихъ ручекъ, а въ скромномъ и почтительномъ выслушиваніи безтолковыхъ барскихъ рѣчей. Мужикъ, конечно, готовъ принять на себя и эту эпитимію, такъ точно, какъ онъ готовъ былъ валаться въ ноги и обливаться слезами. Но мужикъ, очевидно, долженъ считать себя обманутымъ и обиженнымъ, когда онъ видитъ, что перенесенная эпитимія не виѣняется ему ни во что, и что вся его покорность не уменьшаетъ требуемаго штрафа ни на одну полушву. Какъ было два рубля десять копѣекъ, такъ и осталось два рубля десять копѣекъ. А что баринъ заставлялъ его нюхать розги и хватить ихъ превосходный запахъ—это все составляетъ вторую шкуру, содранную съ вола вопреки здравому смыслу и буквѣ закона. Чего хотѣлъ Щетининъ отъ мужика? Могъ ли онъ надѣяться на то, что мужикъ пойметъ и прочувствуетъ его разсужденія?

Конечно, человѣческимъ надеждамъ законъ не писанъ, но если бы Щетининъ потрудился самъ обдумать смыслъ своихъ словъ, то онъ увидѣлъ бы немедленно, что, обращаясь съ ними къ мужику, онъ предполагаетъ въ своемъ собесѣдникѣ знаніе такихъ вещей, о которыхъ тотъ не можетъ имѣть никакого понятія. Щетининъ говоритъ мужику: «мнѣ твоихъ денегъ не нужно». — Чудесно, думаетъ мужикъ. А мнѣ мои деньги нужны. Значитъ, онъ при мнѣ и останется. — Но тутъ Щетининъ объясняетъ даждѣ: «я беру съ

тебя штрафъ для твоей же пользы». — Вотъ тебѣ разъ! думаетъ мужикъ. Да какое тебѣ дѣло до моей пользы? И съ какихъ это поръ тебѣ припала охота думать о моей пользѣ? Такъ я тебѣ сейчасъ взялъ да и повѣрилъ! Эти вопросы, въ той или другой формѣ, непременно должны промелькнуть въ умѣ мужаика, въ то самое время, когда онъ отвѣчаетъ Щетинину умиленнымъ голосомъ. — «И такъ много довольны, батюшка, Ликсанъ Васильчъ. Благодаримъ покорно!» — И на эти вопросы, очень невыгодные для Щетинина, мужикъ не можетъ найти въ своей головѣ такіе отвѣты, которые могли бы доказать ему, что Щетинину дѣйствительно есть дѣло до его пользы. Чтобы рѣшить вопросы въ этомъ смыслѣ, мужику надо знать, что въ западной Европѣ происходили обширныя народныя движенія, что надъ этими движеніями принуждены были задуматься высшіе классы общества, что это раздумье породило цѣлыя отрасли литературы, что новыя идеи залетѣли наконецъ въ Петербургъ, что къ этимъ новымъ идеямъ прислушался Ликсанъ Васильчъ, и, что, вслѣдствіе этого, у Ликсана Васильча явилось стремленіе заботиться о мужицкой пользѣ. Ничего этого мужикъ не можетъ знать, и, поэтому, въ словахъ Щетинина онъ не можетъ видѣть ровно ничего, кромѣ самаго бесовѣстнаго и топорнаго лицемерія, которое, онъ, мужикъ, по зависимости своего положенія, обязанъ принимать за чистѣйшее великодушіе. Можно сказать навѣрное, что, выслушавъ медовыя рѣчи Щетинина съ горькимъ заключеніемъ: «подавай 2 р. 10 к.», мужикъ унесетъ съ собою болѣе непріязненное чувство, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда Щетининъ прямо и рѣзко отвѣтилъ бы ему на первую его просьбу: пошелъ вонъ! неси деньги! — Тутъ дѣло шло бы на чистоту, и мужикъ не видѣлъ бы того, что онъ принимаетъ за обманъ, и что, дѣйствительно, должно казаться шарлатанствомъ даже и всякому другому, болѣе развитому и знающему человѣку. Щетининъ говоритъ, что онъ не разбогатѣетъ отъ 2 р. 10 к. Это вѣрно. Онъ дѣйствительно беретъ штрафъ не за тѣмъ, чтобы обогатиться. Штрафы совсѣмъ не для того и установлены, чтобы обогащать людей, потерпѣвшихъ убытокъ отъ поправки. Но и не для того также они установлены и взыскиваются, чтобы приносить пользу мужикамъ, распускающимъ скотину. Штрафы не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого педагогическаго значенія. Взыскивая съ мужика деньги, Щетининъ, конечно, думаетъ про себя: нѣтъ, братъ, шалишь! Попробуй-ка я дать тебѣ поблажку, такъ

вы у меня всё поля до-чѣста вытравите.—Размышляя таинствъ образомъ, Щетининъ опредѣляетъ очень вѣрно дѣлъ и смыслъ штрафовъ, которые, вмѣстѣ со многими другими видами взысканія, существуютъ единственно для того, чтобы оградить собственность отъ разныхъ умысленныхъ и неумысленныхъ поврежденій. Люди смѣлые и пензуродованные прививными идеями выражаютъ прямо и откровенно тѣ размышленія, которыя Щетининъ, какъ робкая и безотвѣтная жертва либерализма, старается утаить даже отъ самого себя, не смотря на то, что всё его дѣйствіа обуславливаются именно одними этими размышленіями. Тѣ жалкія плоскости, которыя Щетининъ говоритъ о мужицкой пользѣ и объ ученіи уму-разуму, конечно, никого не обморочатъ, и всего менѣе способны обмануть мужика, который, какъ я объяснилъ выше, застрахованъ отъ этого обмана именно своимъ круглымъ невѣжествомъ. Мужикъ своимъ простымъ отвѣтомъ: *«и такъ много довольны»* опровергиваетъ всю щетининскую галиматью. Дѣйствительно, мужики имѣютъ полное право сказать, что ихъ и такъ ужъ чересчуръ много учили со всѣхъ сторонъ уму-разуму; если это ученіе принесло мало пользы, то это доказываетъ ясно, что всякая дидактическая система не состоятельна, и что, по этой системѣ, сколько ни учи, все ничѣму не выучишь. Если бы существовала какая нибудь возможность развить въ безправномъ человѣкѣ чувство законности посредствомъ взысканій, то мужики наши давнымъ давно сравнялись бы въ этомъ отношеніи съ самыми просвѣщенными націями земного шара. Неужто, въ самомъ дѣлѣ, съ нашихъ мужиковъ до сихъ поръ мало взыскивали? Неужели до сихъ поръ позволяли безнаказанно нарушать ихъ обязанности? Неужели до сихъ поръ всё жалающіе могли свободно уклоняться отъ платежа водушныхъ податей, отъ несенія рекрутской повинности, отъ барщины, отъ оброка и отъ всякихъ другихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей? Ничего подобнаго, разумѣется, никогда не было и не могло быть. Если же взысканія всегда были очень строги, если послабленій никакихъ не давалось, то, очевидно, слабое развитіе чувства законности обуславливается у нашихъ мужиковъ не недостаточностью взысканій, а именно, тѣмъ низкимъ уровнемъ нравственнаго развитія, которое составляло общій удѣлъ всѣхъ немущихъ классовъ нашего общества. Значить, какія штрафы ни берите съ мужика, ничего вы въ немъ не разовьете, кромѣ бѣдности и ожесточенія. Въ какомъ направ-

люди должны действовать на умъ и чувства мужика денежное вымыслие, это мы видимъ изъ разговора между тѣмъ же самымъ обладателемъ тонкини и щетининскимъ конторщикомъ, Иваномъ Степанычемъ. — «Ну, теперь, позвольте, говорить мужикъ, такъ будемъ говорить: ваша скотина санила по мнѣ въ огородъ. — Ну и загоняй ее! отвѣчаетъ Иванъ Степанычъ. — Загнать недолго, да на что-жъ какъ-то? — Какъ на что? Баринъ штрафъ заплатитъ. — Ну, это утайся тамъ съ вами еще! А незнай же, я ей ноги переломлю, она лучше ходить не станетъ. — Вотъ ты поговори еще! — Право слово, переломлю. Чтѣ въ самомъ дѣлѣ?

Видите, куда дѣло-то пошло? Въ мужикѣ начинаютъ шевелиться самыя противоположныя и воинственныя стремленія, пробужденныя тою самою мѣрою, которая, по доктринѣ Щетинина, должна была образумить и гуманизировать грубаго земледѣльца. Переломляетъ онъ ноги барской скотинѣ, изъ этого, разумѣется, завяжется дѣло, гораздо болѣе важное, чѣмъ дѣло о поправѣ, и мужика выкажутъ строго, какъ буйнаго и дерзкаго человѣка. И либералы, подобные Щетинину, опять, по своей глупости или по своей подлости, будутъ возлагать на это наказаніе разныя розовыя надежды, и будутъ говорить разворенному или отодранному мужику, что его разворили или отодрали для его пользы, единственно и исключительно для его собственной пользы. Но добродушный Иванъ Степанычъ смотритъ на дѣло гораздо проще, и высказываетъ свои мысли безъ малѣйшей утайки. «То есть, я вамъ скажу, — говоритъ онъ, тутъ же, при мужикѣ, обращаясь къ Рязанову, — тутъ какую нужно дубину!» — Вотъ оно, великое-то слово, рѣшающее задачу! — Такъ или иначе, прямыми или косвенными путями, съ тонкими деликатностями или безъ оныхъ, всѣ сантиментально живые либералы, подобные Щетинину, приходятъ все-таки, въ концѣ концовъ, къ воздыханію о дубинѣ, которая, впрочемъ, составляетъ по прежнему послѣднюю и высшую санкцію щетининскаго авторитета. Мужикъ говоритъ: *тайся тамъ съ вами еще!* Мужикъ плохо вѣритъ въ возможность отстоять свое право въ судѣ. Ошибается ли онъ въ этомъ случаѣ? Уже самый фактъ его недовѣрчивости свидѣтельствуется достаточно о тѣхъ урокахъ, которые давало прошедшее ему, его родственникамъ и всѣмъ его предкамъ. Недовѣрчивость выработалась изъ традиціи, а традиція составлялась изъ опытовъ жизни. Прекратилось ли, по крайней мѣрѣ, теперь существованіе тѣхъ при-

чины, которые породили эту недовѣрчивость? Въ каждомъ почти номерѣ газетъ можно найти такіе эпизоды, въ которыхъ эти причины продолжаютъ дѣйствовать. Въ той же повѣсти г. Олѣпова рассказывается одинъ прощечный случай, который, по своей ничтожности, не могъ бы попасть ни въ какія газеты, который, однако, совершенно оправдываетъ мужицкую недовѣрчивость. Волоетной старшина говорить съ посредникомъ.

— А вотъ, повѣствуетъ старшина, я забылъ вашей милости доложить: батюшка тутъ приходилъ съ садовникомъ. У нихъ опять эти пустяки вышли.

— Какіе пустяки?

— Изъ телятъ. Зашли батюшкины телята къ садовнику въ огородъ, садовникъ ихъ засталъ, стало быть это, на дворъ заперъ. Батюшка, значитъ, сейчасъ приходитъ, такъ и такъ, какъ ты могъ полковничьихъ телятъ загонять?

— Какихъ полковничьихъ телятъ?

— Да то есть это батюшкиныхъ-то. Онъ такъ считаетъ, что, молъ, полковникъ я.

— Да.

— Ну теперь это теща его выскочила, телятъ обыкновенно угнала...

— Ну, что же?

— Кто ихъ разберетъ? Садовникъ жалится: онъ, говорить, у меня на шесть цѣлковыхъ овощей помялъ, а батюшка теперь за безчестіе съ него то есть требуетъ пятнадцать что-ли-то.

— Пятнадцать цѣлковыхъ, подтверждаетъ писарь.

— За какое же безчестіе?

— Ну, тому его, слышь, обидѣлъ.

— Какъ же онъ ее обидѣлъ?

— Слюнявой что-ли назвалъ. Ужъ богъ его знаетъ. Слюнявая, говорить, ты, смѣясь объясняетъ старшина. Ну, а батюшка говорить: мнѣ, говорить, это очень обидно. Пятнадцать цѣлковыхъ теперь и требуетъ.

Посредникъ тоже засмѣялся; даже писарь хихикнулъ себѣ въ горсть.

— Ну, это я послѣ разбору, вставая говорить посредникъ. А теперь, братъ, вотъ что: вели-ка ты мнѣ лошадокъ привести.

— Готовы-съ.

Весь этот веселый разговор очень замѣчателенъ. Происшествіе кажется старшинѣ до такой степени мелкимъ, что онъ даже едва не забылъ доложить о немъ посреднику; далѣе онъ называетъ этотъ случай *пустяками*, потомъ говоритъ, что телать *обыкновенно* угнали, и посредникъ услышавъ объ этомъ совершенно противузаконномъ поступкѣ, спрашиваетъ: *ну что же?* Значить и посредникъ считаетъ это дѣло совершенно *обыкновеннымъ* и незаслуживающимъ дальнѣйшаго вниманія. Наконецъ, вся исторія разрѣшается общимъ сѣхомъ, и посредникъ уѣзжаетъ, откладывая разбирательство дѣла до другого раза, вѣроятно, потому, что и за такихъ пустяковъ не стоитъ себя задерживать. Теперь потрудитесь только себѣ вообразить, что вся эта исторія разыгралась въ обратномъ порядкѣ. Не *полковничіе* телата зашли къ садовнику, а наоборотъ, садовничіе телата зашли къ *полковнику*. *Полковникъ* загоняетъ ихъ. Садовникъ съ своею тещею идетъ на приступъ отбивать своихъ плѣнныхъ телать. Что же изъ этого выходитъ? Прежде всего садовнику и его тещѣ накладываютъ въ шее домашними средствами. Потомъ ихъ обоихъ, какъ разбойниковъ, связываютъ, представляютъ въ волостной судъ. Старшина немедленно даетъ знать посреднику о томъ, что въ волости произошло необыкновенное буйство. Посредникъ пріѣзжаетъ и тотчасъ разсматриваетъ дѣло. Въ лучшемъ случаѣ, садовникъ и его теща получаютъ достаточную порцію розогъ, и выплачиваютъ *полковнику* значительное денежное вознагражденіе. Въ худшемъ случаѣ, дѣло доходитъ до уголовного суда, садовникъ и его теща отправляются въ острогъ, а впоследствии, быть можетъ, и на поселеніе. Теперь возьмите опять исторію въ томъ видѣ, въ какомъ она рассказана у г. Сяѣпцова, и представьте себѣ, что садовникъ вздумалъ сопротивляться, когда полковникъ съ тещею пришелъ отбивать у него телать. Происходитъ драка, въ которой садовникъ играетъ оборонительную роль. При всемъ томъ, садовникъ оказывается виноватымъ, и подвергается строгому наказанію за непочтительное обращеніе съ чиновными особами. Послѣ этого, спрашиваю я васъ, что же остается дѣлать мужику и всякому другому чиновнику 15-го класса? Имѣютъ ли люди дѣйствительное основаніе относиться недовѣрчиво къ судебнымъ разбирательствамъ? Объясняется ли наклонность этихъ людей къ самоуправству ихъ собственной порочностію, или же она находится въ зависимости отъ какихъ нибудь другихъ

ищущихъ, т. е., общественныхъ условій? Предложивши читателю предугадаться надъ этими вопросами, я возвращаюсь теперь къ разговору Щетинина съ хозяиномъ арестованной телушки. Въ этомъ разговорѣ Щетининъ унижается, наконецъ, до явной и наглой лжи. Такъ какъ мужикъ продолжаетъ упрашивать пропріетера, и никакъ не хочетъ понять, что наказаніе составляетъ неотъемлемое право преступника, право, которое преступникъ никому не долженъ уступать ни за какія блага, то Щетининъ говоритъ наконецъ мужику:

— Законъ, понимаешь? законъ. — Мужикъ, разумѣется, отвѣчаетъ: *слушаю-сь*, что онъ отвѣтилъ бы и въ томъ случаѣ, когда бы его назвали осломъ или дуракомъ. — *Такъ что же я могу сдѣлать, а?* Ну? спрашиваетъ Щетининъ. Видите, какъ это мило! Щетининъ представляетъ мужику дѣло въ такомъ видѣ, что законъ обязываетъ его, Щетинина, брать установленный штрафъ, и строго запрещаетъ ему подарить мужику 2 р. 10 к. с. Онъ бы, изволите видѣть, и радъ былъ не взять ничего, и оказать благодѣяніе, но тогда онъ самъ сдѣлается преступникомъ и подвергнетъ себя законному наказанію. Изъ своего разговора съ Щетининымъ, мужикъ долженъ, стало быть, вывести то заключеніе, что въ Россіи существуютъ такіе законы, которые запрещаютъ одному человѣку дарить свои собственные деньги другому человѣку. И вотъ какимъ образомъ Щетининъ воспитываетъ въ грубыхъ поселянахъ чувство законности. Вотъ какимъ образомъ мы, *чернорабочіе, управляемся съ сырыми матеріалами* Вотъ какимъ образомъ мы, *мало того, что помогаемъ имъ, но еще убѣждаемъ и упрашиваемъ, чтобы они намъ позволили имъ же быть полезными*, то есть нагать имъ въ глаза, и вытащить изъ кармана два рубля десять копѣекъ.

V.

Въ тотъ же день, за обѣдомъ, Щетининъ горько жалуется Марья Николаевнѣ и Рязанову на неблагодарныхъ плотниковъ, которые, за всю его щедрость и доброту, заплатили ему тѣмъ, что, по своей лѣности и небрежности, испакостили ему лѣсу на пятьдесятъ рублей. Марья Николаевна выслушиваетъ молча изліяніе огорченного хозяина. Рязановъ, съ своей стороны, не обнаруживаетъ никакого сочувствія, и совершенно хладнокровно напоминаетъ Щетинину о

тѣхъ законныхъ средствахъ, которыя онъ можетъ употребить противъ провинившихся работниковъ; онъ можетъ отравить ихъ, для надлежащаго вразумленія, къ становому; или же онъ можетъ, черезъ посредника, взыскать съ нихъ деньги за испорченный материалъ; имѣя въ рукахъ такія действительныя средства, Щетининъ, очевидно, не долженъ унывать и оплакивать свою горькую долю. Марья Николаевна, едва знакомая съ Рязановымъ, не понимаетъ того, къ чему направляется его тактика и съ безакудинымъ негодованіемъ честной женщины вступаетъ за работниковъ.

— Но вѣдь они бѣдные, говоритъ она: вы забываете... откуда же они возьмутъ пятьдесятъ рублей.

Рязановъ нисколько не смущается ея негодованіемъ, и ведетъ свою атаку дальше, съ несокрушимымъ кладочровіемъ.

— Ежели, говоритъ онъ, наличныхъ денегъ не имѣютъ, то, можетъ быть, окажется движимость, скотъ.

Негодваніе Марья Николаевны, конечно, увеличивается. — «Ну, и.» спрашиваетъ она.

— Продадутъ-съ, продолжаетъ Рязановъ добродушно и весело. Что-жь имъ въ зубы-то смотрѣть.

— Да вѣдь это я не знаю, что такое... Это варварство! Впослѣдствіи Марья Николаевна объявляетъ, что она въ эту минуту просто готова была убить Рязанова.

Противъ слова *варварство* Рязановъ равно ничего не имѣетъ. Онъ отвѣчаетъ: очень можетъ быть-съ.

— Такъ какъ же вы предлагаете такія средства?

— Я никакихъ средствъ не предлагаю, я только напоминаю.

— Что-же вы напоминаете?

— Я ему напоминаю его обязанности. Всякое право налагаетъ на человѣка извѣстныя обязанности. Пользуешься правомъ, — исполняй и обязанности.

— Какія обязанности? Вы ему напоминаете, что онъ можетъ, если захочетъ, злоупотреблять своимъ правомъ.

— Нисколько-съ. Напротивъ, я ему напоминаю только о томъ, какъ слѣдуетъ благопріобрѣтать, а злоупотреблять уже это онъ самъ.

— Развѣ это злоупотребленіе, если онъ прощаетъ этихъ плотниковъ?

— А вы какъ же думаете? Конечно злоупотребленіе (тутъ Рязановъ)

новъ могъ бы даже сослаться на самого Щетинина, который, за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, тянулъ съ мужика штрафъ для того, чтобы не сдѣлать злоупотребленія и не погрѣшить предъ закономъ). Если бы онъ одинъ только пользовался правомъ варать и миловать, тогда богъ съ нимъ, пусть бы его дѣлалъ, что хотѣлъ. Если же Богъ далъ такую добрую душу, такъ что-жъ тутъ разговаривать. Хочешь идти по міру, ну и ступай. Но вы не забывайте, что насъ много, что онъ, оставляя безнаказанными разныхъ мошенниковъ, поощряетъ ихъ на новыя мошенничества и подаетъ гибельный примѣръ. А отъ этого мы всё страдаемъ: онъ портитъ у насъ рабочія руки. Ну, хорошо еще, что я вотъ могу жить такъ, ничего не дѣлая; но если бы я былъ рабочая рука, да я бы... я бы непременно испортился. Я бы сказалъ: а! такъ вотъ что! Стало быть, можно дѣлать все, что хочешь. Пошелъ бы въ кабакъ, эй! братцы, рабочія руки, пойдемте заниматься въ работу! Сейчас пошли бы мы, нанялись къ кому нибудь садъ сажать, набрали бы денегъ впередъ, потомъ взяли бы насажали деревья корнями вверхъ, а дорожки всё изрыли бы и ушли. Ищи насъ! Что-жъ, развѣ это хорошо?

Щетинину очень не нравятся рязановскіе монологи. Онъ чувствуетъ, что все это клонится къ какому то неудобному для него заключенію, хотя, по слабоумію своему, и не понимаетъ, къ какому именно.

— Богъ тебя знаетъ, наконецъ сказалъ Щетининъ, для чего ты все это говоришь.

Но Рязанова нельзя ни запугать негодованіемъ, ни обезоружить смиренною мольбою. Онъ продолжаетъ разворачивать зондомъ глубокую рану своего истерзаннаго товарища.

— А для того и говорю, поясняетъ онъ, что не хочу тебя лишить дружескихъ совѣтовъ. Вижу я, что другъ мой колеблется, что ему угрожаетъ опасность, что онъ можетъ сдѣлаться жертвою собственной слабости, да и намъ всѣмъ нананастить; ну, вотъ я и не могу воздержаться, чтобы не напомнить ему, я говорю: другъ, остерегись! не поддавайся искушенію, не поглажай беззаконію, ибо оно наглѣмъ образомъ посягаетъ на нашу собственность. Священное право поругано, отечество въ опасности... Другъ, мужайся, говорю я, и спѣши препроводить обманувшія тебя рабочія руки въ руки правосудія.

— Вот ты говоришь, препроводить, началъ Щетининъ: — ну, хорошо; а что бы ты сказалъ, если бы я въ самомъ дѣлѣ такъ поступилъ? — Въ этихъ словахъ Щетинина скрывается слѣдующій смыслъ: развѣ ты не видишь, что я человѣколюбивъ и великодушенъ? Похвали же ты меня хоть сколько нибудь за мою гуманность! Похвали хоть косвеннымъ образомъ, ругая тотъ поступокъ, котораго я, по гуманности моей, не сдѣлалъ! — Но Рязановъ отъказывается на отрѣзъ даже и въ косвенныхъ похвалахъ.

— Что бы я сказалъ? говоритъ онъ, я сказалъ бы: вотъ примѣрный ховяинъ! и гордился бы твоею дружбою. И еще бы сказалъ: это человѣкъ послѣдовательный; а лучшей кто бы могъ хвалы тебѣ сказать? — Рязановъ отвѣчаетъ такимъ образомъ Щетинину, что вся его гуманность сводится къ чистѣйшей безхарактерности, которая не позволяетъ ему, ни вывести изъ даннаго принципа его логическія послѣдствія, ни отбросить основной принципъ, если эти неизбѣжныя послѣдствія кажутся ему отвратительными. Щетининъ принужденъ склонить голову предъ этимъ разговоромъ.

— Такъ-то оно такъ, со вздохомъ сказалъ Щетининъ: — да... да нѣтъ, братъ, я нахожу, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ надо поступать непослѣдовательно. — Далѣе у Щетинина оказывается, что въ практическомъ дѣлѣ строгая послѣдовательность невозможна, и что этого нельзя и требовать. Уловка эта стара, какъ міръ; ею всегда пользовались слабоумные или недобросовѣстные люди, когда люди послѣдовательные или честные доводили ихъ до капитуляціи посредствомъ того извѣстнаго діалектическаго маневра, который называется *reductio ad absurdum*, и состоитъ въ томъ, что основной принципъ проводится до самаго конца и превращается въ очевидную нелѣпость или въ возмутительную гнусность. Люди слабоумные, благодаря своей многочисленности, счумѣли дать обширный ходъ той жалкой и ложной мысли, будто бы въ жизни невозможна строгая послѣдовательность. Дѣйствительно, послѣдовательность очень неудобна для тѣхъ людей, которые въ основаніе своей дѣятельности кладутъ ложный принципъ, то есть, такую идею, въ которой заатаено что-нибудь нелѣпое или вредное для общества. Послѣдовательность ведетъ въ этомъ случаѣ именно къ тому, что затаенная нелѣпость, развернувшись во всей своей красотѣ, покрываетъ позоромъ самого адепта невѣрной идеи. Поэтому, имѣя въ виду такую непріятную перспективу, слабоумные люди стараются замузить

глаза и утѣшаютъ себя тѣмъ плоскимъ рассужденіемъ, что они всегда сумѣютъ измѣнить своему принципу, какъ только этотъ принципъ потащитъ ихъ въ вопиющую нелѣпность. На словахъ можно предаваться этимъ сладкимъ надеждамъ, сколько угодно, но жизнь постоянно разрушаетъ эти ребяческія фантазіи, и, выводя изъ каждаго принципа всѣ его послѣдствія, даже самыя нелѣпыя и самыя безобразныя, насильно навязываетъ ихъ каждой отдѣльной личности, основавшей на данномъ принципѣ всю свою дѣятельность. На словахъ вы можете браковать все, что вамъ угодно, но у жизни есть своя собственная логика, которая переломитъ вашу непослѣдовательную брезгливость и непремѣнно вымажетъ васъ съ ногъ до головы общеобязательною красною или грязною, соответствующею основнымъ требованіямъ вашего принципа. Отъ этого окрашиванія или загрязненія вы не отвертитесь никакими хитростями, если только у васъ не достанетъ характера рѣшительно оттолкнуть прочь основной принципъ. Итакъ Щетининъ признается, что онъ не въ силахъ быть послѣдовательнымъ, или, другими словами, что онъ не хочетъ и не можетъ исполнять, во всемъ ихъ объемѣ, тѣ обязанности, которыя налагаютъ на него принципъ собственности. Тогда Рязановъ даетъ ему почувствовать, что, по всей вѣроятности, и плотники не хотятъ и не могутъ быть послѣдовательными, то есть, исполнять, во всемъ ихъ объемѣ, тѣ обязанности, которыя налагаются на нихъ принципъ вольнонаемнаго труда. Щетининъ находитъ это сравненіе совершенно неосновательнымъ, потому что у плотниковъ *нѣтъ никакой определенной цѣли, къ которой бы они стремились*. Произносятся послѣднія слова, Щетининъ, по видимому, намекаетъ на то, что у него есть великая и опредѣленная цѣль, и что онъ измѣняетъ принципу собственности именно изъ любви къ этой цѣли, о которой плотники не имѣютъ понятія. Но Рязановъ сейчасъ же выводитъ все дѣло на чистоту; онъ выражаетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы у плотниковъ не было опредѣленной цѣли. — Они, отвѣчаетъ Щетининъ, только о томъ и стараются, чтобы какъ можно меньше работать и въ то же время какъ можно больше получать. — Рязановъ находитъ, что это — цѣль очень опредѣленная, и, вслѣдъ затѣмъ спрашиваетъ у Щетинина, къ чему же онъ самъ-то стремится: «Къ тому, чтобы какъ можно больше работать и какъ можно меньше получать? Такъ что ли?» — Щетининъ совершенно становится въ тупикъ и произноситъ коснѣющимъ язы-

комъ: «и-нѣ...» — Ну, добываетъ его Рязановъ, такъ что-жь тутъ разговаривать еще! Стало быть, стремленія-то у насъ съ ними одни и тѣ же; разница только въ томъ, что мы сознательно желали бы ихъ приспособить къ нашему хозяйству, они же, какъ всѣ глухорожденные, бессознательно упираются и вслѣдствіи стараются схитрить. Ну, а на этотъ случай у насъ средства такія нѣтъ для понужденія ихъ, средства, къ народнымъ обычаямъ принаровлеваемы. Вотъ въ древніе вѣка нравы были грубые, — тогда и орудія, которыми понуждались глухорожденные къ труду, тоже были: неусовершенствованныя, какъ-то: исправники, станковыя и проч., теперь же, когда нравы значительно смягчены и сельскіе жители вполне сознали пользу просвѣщенія, и понудительныя мѣры употребляются болѣе деликатныя, духовныя такъ сказать, а именно: увѣщанія штрафы, уединенныя амбары и такъ даждѣ. Вотъ и хороводимся мы такимъ манеромъ и долго еще будемъ хороводиться, доколь мѣра беззаконій нашихъ не исполнится. Только зачѣмъ же тутъ церемониться-то ужъ очень, нюни-то разводить зачѣмъ, я не понимаю. Штука эта самая простая и весь вопросъ въ томъ, кто кого; стало быть, главная вещь, не конфузся...

Щетининъ раздавленъ и уничтоженъ этими правдивыми словами, такъ точно, какъ въ древности оказался уничтоженнымъ и раздавленнымъ благонравный юноша, которому, вмѣсто ожидаемой похвалы, былъ данъ весьма непріятный совѣтъ продать богатое наследство и раздать деньги нищимъ. Щетининъ не находитъ больше никакого возраженія, и разговоръ прекращается.

Въ мысляхъ Марьи Николаевны этотъ разговоръ производитъ рѣшительный переворотъ.

VI.

Въ головѣ Марьи Николаевны начинается усиленная работа мысли; то, о чемъ она только-что начинала догадываться, обрисовывается передъ нею совершенно ясно и пугаетъ ее слишкомъ знакомою и понятною рельефностью своихъ очертаній; смыслъ той жизни, которую она ведетъ съ своимъ супругомъ, постигнуть; соотвѣ-

ствующее или или влѣтно выдано и приложено къ этой развѣсочной и высокопочтенной жизни такъ вѣрно, что его не вытравить никакими тонкими ушествованиями и не отмосить никакими горькими словами. Марья Николаевна становится исхома на лѣди Матбеть; она чувствуетъ на всей своей особѣ какое-то пятно, и, не имѣя силы съ нимъ помириться, въ то же время не знаетъ, какимъ образомъ отъ него отдѣлаться. Можно себя представить, какія нѣжныя чувства питаетъ она къ тому малому либералу, который, пользуясь ея неопытностью, замаралъ ея чистую личность и обесмыслилъ ея молодую жизнь. Она приходитъ къ своему мужу, какъ воплощеніе его совѣты, и требуетъ отъ него строжайшаго отчета во всей его прошедшей дѣятельности, въ которой онъ судилъ ей чудеса либерализма и подвиги человеколюбія. «Когда ты хотѣлъ на мнѣ жениться, говорить она ему, ты что мнѣ сказалъ тогда? Вспомни? Ты мнѣ сказалъ: мы будемъ вмѣстѣ работать, мы будемъ дѣлать великое дѣло, которое можетъ быть погубить насъ, и не только насъ, но и всѣхъ нашихъ; но я не боюсь этого. Если вы чувствуете въ себя силы, пойдемте вмѣстѣ. И я пошла. Конечно, я тогда еще была глупа, я не совсѣмъ понимала, что ты тамъ мнѣ рассказывалъ. Я только чувствовала, я догадывалась. И я бы пошла, куда угодно. Вѣдь ты видѣлъ, я очень любила мою мать, и я ее бросила. Она чуть не умерла съ горя, а я все-таки ее бросила, потому что я думала, я вѣрила, что мы будемъ дѣлать настоящее дѣло. И чѣмъ же все это кончилось? Тѣмъ, что ты ругаешься съ мужиками изъ-за каждой копѣйки, а я огурцы солю, да слушаю, какъ мужики бьютъ своихъ женъ—и хлопаю на нихъ глазами. Послушаю, послушаю, потомъ опять примусь огурцы солить. Да если бы я желала быть такою, какою ты меня сдѣлалъ,—такъ я бы вышла за какогонибудь Шишкина, теперь у меня можетъ быть ужъ трое дѣтей было-бы. (Это послѣднее мѣсто въ монологѣ Марьи Николаевны не совсѣмъ понятно. Почему же Шишкинъ можетъ сдѣлать то, чего до сихъ поръ не сдѣлалъ Щетининъ? Неужели же Щетининъ такъ глупо прѣвзнулъся ученикъ мальтузианцевъ, что соблюдаетъ moral restraint въ своей собственной супружеской жизни? Или неужели онъ такъ высоко понимаетъ обязанности отца, что наложилъ на себя обязаніе вѣломудрія до тѣхъ поръ, пока для будущихъ дѣтей не будетъ подготовлено достаточное обезпеченіе? Все это очень неясно.) Тогда я по крайней мѣрѣ знала бы, что я мать, знала бы, что я

себя гублю для дѣтей, а теперь... Пойми, что я съ радостью пошла бы землю копать, если бы видѣла, что отъ этого польза не для насъ однихъ; что я не просто ключница, которая выгадываетъ каждый грошъ и только и думаетъ о томъ: ахъ, какъ бы кто не съѣлъ лишняго фунта хлѣба! ахъ, какъ бы... Какая гадость!»

Передъ этими строгими требованіями, Щетининъ оказывается чистѣйшимъ банкротомъ. Онъ остается безгласнымъ. Онъ даже не пробуетъ защищаться. О работѣ надъ сырымъ матеріаломъ нѣтъ и помину. Впрочемъ, Щетининъ до такой степени мелокъ и ничтоженъ, что онъ даже и теперь не понимаетъ ни характера своей сунруги, ни глубины того отчаянія, которое слышится въ ея кровавыхъ упрекахъ. Она говоритъ ему о своей науродованной жизни, о своихъ загубленныхъ надеждахъ, о своихъ профанированныхъ стремленіяхъ къ добру и къ истинѣ, она называетъ его жалкимъ обманщикомъ, укравшимъ и завѣвшимъ чужой вѣкъ, — а онъ въ это время все наровитъ пожать ея ручку или ухватить ее за талию, онъ думаетъ, что ее можно успокоить и ублаготворить супружескими нѣжностями. — Нѣтъ, говоритъ она ему даѣе, вѣдь я это все ужъ давно, давно поняла, и все это у меня вертѣлось въ головѣ; только я какъ-то не могла хорошенько всего сообразить; ну, а теперь вотъ эти разговоры мнѣ помогли. Я тутъ очень разстроилась, взволновалась. Это совсѣмъ лишнее. И случилось потому, что я всѣ эти мысли долго очень скрывала: все хотѣла себя разувѣрить; а вѣдь, по настоящему, знаешь, надо бы что сдѣлать? Надо бы мнѣ, ничего не говоря, просто взять да уѣхать...» Именно. Такъ и слѣдуетъ поступать съ тѣми прощальными, которые сулятъ вамъ золотыя горы и потомъ оставляютъ васъ на бобахъ. Марья Николаевна имѣетъ полное право поступить съ Щетининнымъ гораздо строже, чѣмъ поступаютъ кредиторы съ злостнымъ банкротомъ. Банкротъ крадетъ только деньги, а Щетининъ, своимъ либеральнымъ оразерствомъ, укралъ у нея жизнь, ту жизнь, которую она могла бы отдать смѣлому, честному и полезному дѣятелю, и которую она, теперь, быть можетъ, уже не сумѣетъ устроить разумнымъ образомъ. Любимая женщина говоритъ нашему либеральному буржуа, что отъ него слѣдуетъ ей бѣжать безъ оглядки, не говоря ему ни слова, какъ бѣгутъ здоровые люди отъ зачумленнаго больного, который уже находится при послѣднемъ надыханіи, и который уже неспособенъ ни принимать лекарства, ни выслушивать слова любви и утѣшенія,

ни даже узнавать своихъ ближайшихъ родственниковъ и друзей! Чѣмъ же отвѣчаетъ онъ ей на это жестокое оскорбленіе? Пробуждается ли въ его телячьей душѣ хоть искра мужественной гордости, хоть слабое воспоминаніе, далекий и блѣдный отблескъ тѣхъ титаническихъ стремленій, которыми онъ такъ бесовѣстно рисовался въ былые годы передъ этою же самою женщиною? Провноситъ ли онъ хоть одно слово о трудѣ, объ общемъ благѣ, о борьбѣ; словомъ, о тѣхъ высшихъ идеяхъ, которыя должны господствовать надъ всею жизнью энергическаго мужчины, осмѣливающагося домогаться любви и уваженія честной и умной женщины? Старается ли онъ убѣдить ее въ томъ, что онъ не обманулъ ее, что его жизнь полна, широка и разумна, и что, уѣзжая отъ него, она уѣдетъ именно отъ той дѣятельности, которую она сама же ищетъ? Наконецъ, если онъ чувствуетъ невозможность защищаться, то способенъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, съ ужасомъ оглянуться на самого себя; оцѣнить всю свою неудовлетворительность, и потомъ, осудивши прошедшее, рвануться впередъ къ новой, чистой, высокой и плодотворной дѣятельности? Нѣтъ, ничего подобнаго не находимъ мы въ его отвѣтѣ. Титаническія стремленія были взяты на прокатъ и выражались въ былое время довольно удачно и увлекательно только потому, что у молодого человѣка обыкновенно горятъ глаза и звучитъ въ голосъ искреннее чувство, когда ему приходится строить воздушные замки о жизни и работѣ вдвоемъ, въ присутствіи той молодой дѣвушки, которая ему нравится. Теперь цѣль жизни достигнута, молодая дѣвушка превратилась въ молодую даму, и поэтому титаническія стремленія отправлены обратно въ тотъ магазинъ, изъ котораго они были взяты на подержаніе; дорога къ этому магазину уже забыта и заросла травой, такъ что въ попыткахъ невозможно уже найти ничего такого, что хоть издали напоминало бы прежній пылъ великодушнаго энтузіазма. Щетининъ застигнутъ врасплохъ и не находитъ у себя подъ руками ничего, кромѣ своей супружеской нѣжности, искренней и теплой, но рѣшительно неспособной превратить жалкую тряпницу въ порядочнаго человѣка. «Маша, лепечетъ онъ, Маша! что ты говоришь! Да вѣдь... ну, да... да вѣдь я люблю тебя. Ты понимаешь это?»

Пульхерію Ивановну дѣйствительно можно было бы удержать словомъ *люблю*, если бы она, на старости лѣтъ, вздумала уѣхать отъ Афанасія Ивановича, для принсканія себѣ разумной и честной дѣятельности. Марья Николаевна уходитъ въ свою комнату, повто-

ривши Щетинину еще разъ, что она не можетъ огорчить болѣе. Щетининъ, послѣ ея ухода, погружается на нѣсколько минутъ въ краткое недоумѣніе, потомъ отправляется вслѣдъ за своимъ супругомъ, но дверь оказывается запертою, и на его вопросъ: «можно войти?» Марья Николаевна, съ своей стороны, отвѣчаетъ вопросомъ: «зачѣмъ?» Щетининъ видитъ, что входитъ действительно на зачѣмъ, и удаляется во-звояси. Черезъ нѣсколько времени, онъ приходитъ въ спальню, надеясь увидѣться съ своею супругою; но надежда его не осуществляется; Марья Николаевна проводитъ ночь у себя въ комнатѣ. На другой день Щетининъ съ Рязановымъ ѣдутъ въ городъ, и садятся тамъ всю красоту *нашихъ* смѣхъ, направленныхъ на истребленіе шампанскаго и водки. Вечеромъ они возвращаются домой, и Марья Николаевна сама приходитъ мириться съ своимъ разгоряченнымъ супругомъ. Она даже проситъ у него прощенія; онъ, румянится, отрываясь ей свои объятія. Но эта трогательная сцена примиренія показываетъ совершенно ясно, что окончательный разрывъ неизбеженъ. Въ этой сценѣ полное и незначительное мучительство Щетинина становится еще болѣе очевиднымъ. Марья Николаевна находится въ примирительномъ настроеніи собственно потому, что она, — какъ ей кажется, — отыскала возможность приспособить себя къ полезному дѣлу, не выѣзжая изъ деревни. Когда она враждовала, то враждовала она не съ личностью своего мужа, а съ тѣмъ образомъ жизни, на который онъ обрекъ самого себя, и въ который заткнулъ и ее. Когда она мирится, то мирится также только съ образомъ жизни, потому что находитъ возможность произвести въ немъ необходимыя усовершенствованія. Но Щетининъ ничего этого не понимаетъ. Ему все это дѣло представляется въ томъ видѣ, что вотъ-моль барыня изволили шибко прогнѣваться, а потомъ положили гнѣвъ на милость, такъ какъ все это происходитъ отъ живости ихъ характера и совершенно извиняется молодостью ихъ дѣтъ, особенно если еще принять въ соображеніе красоту ихъ наружности, предоставляющей имъ полную свободу капризовъ. Поэтому онъ выѣзжаетъ исключительно на нѣжностяхъ и на любезностяхъ, усердно выражаетъ ей теплоту своихъ чувствъ, и не высказываетъ ни одной дѣльной мысли по поводу того плана, въ которомъ, для Марьи Николаевны, заключается настоящій узелъ всего поднятаго вопроса. Мѣж жается, умная женщина непременно должна почувствовать глубокое отвращеніе къ тому мужчине, который, въ разговорахъ съ нею,

никогда не может или не хочет забыть ея поцѣлъ, то есть, всегда говорить съ нею, какъ съ женщиною, и никогда не говорить съ нею, какъ умный человѣкъ съ умнымъ человѣкомъ. Если онъ не хочетъ говорить съ нею такимъ образомъ, — это значить, что онъ ставитъ ее ниже себя и считаетъ ее неспособною увлекаться тѣми интересами, которые составляютъ общее достоинствѣ всего мыслящаго човѣчества. Если не можетъ, — это значить, для него не существуетъ ни одной страсти выше и сильнѣе полового влеченія; это значить, что нѣтъ для него во всемъ мірѣ никакой великой идеи, которую онъ любилъ бы на столько, чтобы, взглядываясь и вдумываясь въ нее, забыть, хоть на нѣсколько минутъ, о пріятной наружности своей собесѣдницы и о священныхъ обязанностяхъ любезнаго кавалера. Въ первомъ случаѣ, умная женщина должна чувствовать себя глубоко оскорбленною, и, если она дѣйствительно умна, то она непремѣнно сумѣетъ показать мужчинѣ, третирующему ее съ высоты своего величія, что онъ ошибается въ ней очень сильно. Во второмъ случаѣ, со стороны женщины обнаружится скорее полное презрѣніе къ вѣчно-любезному, и, слѣдовательно, безнадежно-пошлому кавалеру. Именно эта участь и должна постигнуть Щетинина. Ему приходится узнать на самомъ себѣ, что женщина любить не любовь мужичины, а его личность, и что, слѣдовательно, самая безукоризненная пламенность любви неспособна реабилитировать того субъекта, который самъ по себѣ безцвѣтенъ и ничтоженъ.

— «Да, говоритъ Щетининъ Марьѣ Николаевнѣ, заглядывая ей въ лицо, ну такъ стало быть, стало быть ты не сердилась. Это главное.» Эти слова исчерпываютъ до дна всю пошлость этого човѣка. — Нѣтъ, отвѣчаетъ, Марья Николаевна; да вѣдь я тогда не сердилась. Вѣдь это совсѣмъ не то. И затѣмъ она, чтобы пережѣлать разговоръ, спрашиваетъ: «пу что же тамъ въ городѣ?» Вы видите, что она уже начинаетъ уклоняться отъ объясненій съ нимъ. Она говоритъ: «вѣдь это совсѣмъ не то», и даже не пробуетъ ввести въ міръ своихъ мыслей; она чувствуетъ, что онъ ея не пойметъ, и это чувство становится для нея самой особенно замѣтнымъ и яснымъ въ ту минуту, когда онъ заглядываетъ ей въ лицо, и произносятъ свои глупѣйшія слова: «стало быть ты не сердилась, это главное.» Какъ вы, въ самомъ дѣлѣ, начнете толковать этому воплощенію буржуазной мелкости и ограниченности, что *это* совсѣмъ

не *матюге*? Ему былъ поставленъ вопросъ обо всей его жизни; ему были высказаны сомнѣнія въ его личной чести; все его тунисское прозвѣніе было подвергнуто строжайшему осужденію; а онъ, во всей этой серьезной и глубоко-торжественной сценѣ, замѣтилъ только то неудобное для себя обстоятельство, что его супруга изволила на него сердиться. Теперь ему позволили поцѣловать руку, и весь разговоръ оказывается забытымъ, тотъ разговоръ, въ которомъ были затронуты самыя глубокія основы его человѣческаго достоинства. Одно изъ двухъ: или обвиненія Марьи Николаевны показались ему справедливыми, или же онъ считаетъ ихъ незаслуженными. Въ первомъ случаѣ, ея слова должны были потрясти его до глубины души, потому что эти слова отнимаютъ у него возможность уважать самого себя, а для всякаго, мало-мальски порядочнаго чловѣка, самоуваженіе составляетъ необходимое условіе существованія. Во второмъ случаѣ, онъ долженъ былъ заботиться не о томъ, чтобы помириться съ нею и поцѣловать ее въ губки, а о томъ, чтобы оправдаться въ ея глазахъ, и снова завоевать себѣ уваженіе любимой женщины, которое, для всякаго порядочнаго чловѣка, несравненно дороже ея любви, если бы даже позволительно было предположить, что прочная любовь возможна безъ уваженія. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, нѣжное примиреніе, для самого Щетинина, не заключается въ себѣ никакого смысла и не должно имѣть никакой цѣны. Если бы онъ былъ способенъ понимать тяжесть направленныхъ противъ него обвиненій, то ему надо было или начать совершенно новую жизнь или представить на судъ Марьѣ Николаевнѣ такія фактическія доказательства, которыя опровергали бы всѣ ея обвиненія. Но онъ даже не знаетъ, чего отъ него требуютъ, и за что на него такъ взѣлись; онъ по-неволѣ долженъ приписывать всю эту исторію раздражительности дамскаго темперамента и рѣзкой необузданности рязановскихъ разсужденій. Само собою разумѣется, что передъ грандіозностью этого тупоумія у Марьи Николаевны опускаются руки и обрывается голосъ. Если Щетининъ такъ удачно понимаетъ общій смыслъ всей коллизіи, то понятно, что Марьѣ Николаевнѣ нечего ждать отъ него совѣтовъ и помощи въ томъ дѣлѣ, въ которомъ она надѣется найти примиреніе съ окружающею жизнью. Марья Николаевна додумалась до того убѣжденія, что грамотность составляетъ первую потребность крестьянъ; поэтому, она хочетъ завести

сельскую школу, и полагаетъ, что полезныя труды преподаванія помирять ее съ веселою и сытою жизнью деревенской барыни. Она рассказываетъ свой планъ Щетинину, но не возлагаетъ собственно на него самого никакихъ надеждъ; она прямо говоритъ ему, что посоветуется съ Рязановымъ, который навѣрное не откажется ей помогать. Щетинину не хотѣлось бы, чтобы его супруга обращалась къ Рязанову, но въ то же время, онъ, Щетининъ, не умѣетъ даже заинтересоваться ея предпріятіемъ, не умѣетъ обсудить его удобоисполнимости, не умѣетъ произнести ни одного такого слова, въ которомъ видѣнъ былъ бы проблескъ самостоятельнаго ума, или искренняго сочувствія, или даже самой простой житейской опытности. Ничего, ровно ничего такого, что могло бы обратить на себя вниманіе Марьи Николаевны, и вызвать между обоими супругами хоть какой нибудь обмѣнъ мыслей. Марья Николаевна уходитъ отъ него съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришла. Въ первый разъ, когда ей понадобился дѣльный совѣтъ, она принуждена обращаться за нимъ къ постороннему человѣку. Очень понятно, что этотъ человѣкъ пріобрѣтаетъ себѣ то уваженіе и довѣріе, котораго не могъ удержать за собою ея мужъ. Щетининъ становится для нея нулемъ. Она понимаетъ, что онъ стоитъ гораздо ниже тѣхъ горячихъ упрековъ, съ которыми она обращалась къ нему во время перваго объясненія.

VII.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что очень многіе читатели, — на примѣръ, всѣ любители и кліенты «Московскихъ Вѣдомостей» — назовутъ Рязанова отъявленнымъ негодяемъ, разрушающимъ семейное счастье достойнѣйшаго человѣка, а Марью Николаевну — взбалмошною бабою, неспособною оцѣнить мягкость и великодушіе нѣжнѣйшаго изъ супруговъ и щедрѣйшаго изъ землевладельцевъ. Все это въ порядкѣ вещей. Если бы эти господа читатели осмѣлились осудить Щетинина, то имъ пришлось бы произнести строжайшій приговоръ надъ своими собственными особами. На это не рѣшится почти никто. Рыбакъ рыбака видитъ издаലെка, и воронъ ворону глаза не выклюетъ, и тунеядецъ никогда не броситъ камня въ своего возлюбленнаго брата, не тунеядству, такъ какъ число этихъ читателей, загулченныхъ своимъ положеніемъ,

очень значительно, и такъ какъ понятія, господствующія въ нашемъ обществѣ, составляются почти исключительно изъ ихъ пристрастныхъ сужденій, то я поставленъ въ необходимость говорить довольно подробно о такихъ простыхъ истинахъ, на которыя, при другихъ условіяхъ, достаточно было бы указать мимоходомъ. Мнѣ теперь приходится доказывать то, что для мыслящихъ людей не требуется никакихъ доказательствъ, — именно то, что Шетининъ — совершенная дрянь, и что онъ, попавши въ фальшивое положеніе, неизбежно долженъ былъ сдѣлаться дрянью, даже въ томъ случаѣ, если бы природа одарила его не совсѣмъ дюжинными способностями. По правдѣ сказать, вся судьба человѣка зависитъ отъ того, какими средствами онъ поддерживаетъ свое собственное существованіе. Всякому извѣстно, что есть люди, которые добываютъ себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ, и есть люди, которые кушаютъ хлѣбъ, добытый другими и могутъ жить не трудясь. Права этихъ послѣднихъ признаны всѣми почтенными юристами и моралистами, и никто не можетъ ихъ притянуть за это къ суду и къ отвѣту. Точно также, если бы имъ угодно было кушать каждый день по пяти фунтовъ конфетъ, или выпивать по три стакана крѣпчайшаго уксуса, или сидѣть круглый годъ въ закупоренной комнатѣ, или никогда въ жизни не умываться — кто бы, спрашиваю я васъ, имѣлъ законное право насиловать ихъ наклонности? Опять-таки рѣшительно никто. Каждый взрослый человѣкъ воленъ наполнять свой собственный желудокъ какими угодно кушаньями, — продовольствоваться собственными легкія какими угодно воздухомъ, и покрывать свою собственную кожу какими угодно слоемъ пыли и грязи. Все это такъ, не существуетъ однакоже такая наука — гигиена, которая изучаетъ тѣ условія, при которыхъ человѣческій желудокъ, человѣческія легкія и человѣческая кожа находятся въ нормальномъ или здоровомъ состояніи. Эта наука можетъ предсказать заранѣе тѣ послѣдствія, которыя повлечетъ за собою то или другое уклоненіе отъ правильнаго образа жизни, соответствующаго ея разумнымъ предписаніямъ. Гигиена говоритъ одному: вы испортите себѣ желудокъ; другому: вы наживете чахотку; третьему: вы совсѣмъ опаршивѣете. Говоря, такимъ образомъ, она никого не оскорбляетъ, не посягаетъ ни на чьи права, не нарушаетъ ничьей свободы; она только показываетъ, что изъ чего выходитъ; она только разъясняетъ причинную связь между извѣстнымъ образомъ жизни и извѣстными разстройствами орга-

низа. Раскрывая эту причинную связь, гигиена произносит свой строгій приговоръ, не только надъ какими нибудь эксцентрическими или болѣзненными привычками, составляющими достояніе отдѣльныхъ личностей, но даже надъ цѣлыми организованными профессіями, которыя считаются необходимыми для благосостоянія или комфорта всего общества. Такъ, напримѣръ, она говоритъ прямо, что у портныхъ искривляются ноги, у часовщиковъ портится зрѣніе, у наборщиковъ образуются расширенія венъ въ ногахъ, у зеркалащиковъ развивается отъ ртути дрожаніе всѣхъ членовъ. И однако же никто не жауется на гигиену, что она excite à la haine et au mépris — возбуждаетъ ненависть и презрѣніе къ портнымъ, къ часовщикамъ, къ наборщикамъ, и такъ далѣе.

Если образъ жизни, занятія и привычки владутъ свою печать на кости, мускулы, кровеносную систему и нервы даннаго субъекта, то само собою разумѣется, что вліяніе тѣхъ же условій должно распространяться также и на всю совокупность его умственныхъ отправленій. Каждая человѣческая способность и каждая человѣческая страсть, подобно каждому отдѣльному мускулу, развиваются отъ частаго упражненія, и слабѣютъ или атрофируются отъ бездѣйствія. Поэтому, если можно опредѣлить заранѣе тѣ видоизмѣненія, которыя данная профессія произведетъ въ вашемъ тѣлосложеніи, то можно также обрисовать въ общихъ чертахъ тѣ пережѣны, которыя, подъ вліяніемъ этой профессіи, обнаружатся въ складѣ вашихъ понятій и стремленій. Если можно сказать навѣрное, что постоянное переписываніе бумагъ наградитъ васъ геморроемъ и сутуловатостью, то можно также выразить то печальное предположеніе, что это машинальное замѣтаніе притупитъ ваши умственные способности. Если можно сказать, что занятія разсмыслнаго развиваютъ въ немъ силу ножныхъ мускуловъ, то почему же не сказать, что занятія ростовщика развиваютъ въ немъ способность и привычку относиться равнодушно къ человѣческому горю, точно такъ же, какъ, напримѣръ, занятія хирурга развиваютъ въ немъ способность и привычку смотрѣть спокойно на текущую кровь и на отрѣзанныя руки и ноги. Словомъ, если возможна гигиена тѣла, то возможна также гигиена ума и характера. Само собою разумѣется, что обѣ эти науки должны постоянно стремиться къ соединенію между собою; обѣ онѣ достигнуть своего совершенства и обнаружатъ все свое

плодотворное вліяніе только тогда, когда соединеніе это, о которомъ теперь невозможно и мечтать, сдѣляется дѣйствительнымъ и общепризнаннымъ фактомъ. До сихъ поръ, гигиена ума и характера находится въ совершенномъ младенчествѣ; ею занимаются только такіе люди, которыхъ никто не считаетъ за ученыхъ; для нея собирають матеріалы беллетристика и литературная критика; поэты и рецензенты задумываются надъ тѣми типами, въ которыхъ выражаются особенности общественной жизни, и надъ тѣми ингредиентами, изъ которыхъ эти типы слагаются. Практическіе же люди, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, бредутъ на-авось, увлекаются обстоятельствами въ ту или въ другую сторону, и не отдають себѣ никакого отчета въ тѣхъ путяхъ, которые приводятъ ихъ къ неизвѣстнымъ, неожиданнымъ и нежеланнымъ результатамъ; эти практическіе люди, въ большей части случаевъ, приобрѣтають себѣ, къ лѣтамъ мужественной зрѣлости, такіа умышленныя и нравственныя фізіономіи, которыя внушили бы имъ самымъ отвращеніе и ужасъ, если бы они сохранили до зрѣлыхъ лѣтъ свою юношескую впечатлительность и требовательность. Какимъ образомъ приобрѣлись эти искаженныя фізіономіи, этого они не знаютъ; такихъ учебниковъ, въ которыхъ можно было бы справиться о причинахъ умышленныхъ и нравственныхъ убогостей, до сихъ поръ еще никто не составлялъ. Если же вы, не будучи патентованнымъ составителемъ учебниковъ, попытаете изучить и описать важнѣйшія изъ этихъ причинъ, то легко можетъ случиться, что, въ награду за ваше безпристрастное изслѣдованіе, вы прослывете вреднымъ памфлетистомъ, желающимъ кого-то exciter à la haine et au mépris ко всѣмъ практическимъ людямъ. Впрочемъ, уже давно извѣстно, что всякое новое изслѣдованіе всегда кажется сначала почтенной публикѣ неслыханно-дерзкимъ посягательствомъ на какое нибудь общественное сокровище. Чѣмъ новѣе изслѣдованіе, и чѣмъ почтеннѣе публика, тѣмъ громче оказываются вопли ужаса.

Если бы порядочные люди робѣли и отступали передъ этими воплями, то никакихъ изслѣдованій не производилось бы, и всѣ старыя заблужденія наслаждались бы полною неприкосновенностью. Этого нѣтъ и не должно быть. Поэтому я начинаю теперь анализъ двухъ вышеупомянутыхъ категорій съ гигиенической точки зрѣнія. Для большей наглядности и безобидности, я придамъ этому анализу форму дружескаго разговора между мною и господиномъ Ще-

тиннымъ, котораго я беру въ періодъ его студенческихъ стремлений и юношескихъ иллюзій.

— Чѣмъ вы занимаетесь въ университетѣ? спрашиваю я у него. Вѣдь вы, кажется, юристъ?

— Да, говоритъ онъ. По правдѣ сказать, почти ничѣмъ. Я въ восхищеніи отъ нашего университетскаго товарищества, но факультетъ мой инѣ рѣшительно не нравится.

— Отчего-жъ вы не перейдете на другой факультетъ, на такой, который вамъ нравится?

— Да куда-жъ я перейду? Въ филологи—греческаго языка не знаю; въ математики—сохрани меня Богъ. Въ натуралисты—слуга покорный! Побывалъ я у нихъ разъ въ химической лабораторіи—и закаялся. Такого напустили сѣрнистаго водорода, что меня три дня тошнило. А тамъ вѣдь у нихъ еще анатомія есть. Они у себя на квартирѣ крысъ потрашатъ изъ любви къ наукѣ. Посудите сами, какія же это занятія. Оно пожалуй и любопытно, да ужъ черезчуръ неприятно. Ну, въ камералисты и переходить не стоитъ. Почти тоже самое, что у насъ, только предметовъ еще больше, и въ лабораторію ходить надо. Развѣ для шутики подняться въ третій этажъ и засѣсть за белуджистанскую литературу? Такъ вѣдь это именно только для шутики можно.

— Да, разумѣется. Переходить вамъ дѣйствительно некуда.

— И, главное дѣло, не зачѣмъ. Память у меня блестящая. Экзамены я сдамъ великолѣпно. Значить, я свою юриспруденцію дотяну до конца, какъ слѣдуетъ, а потомъ, какъ получу дипломъ, такъ сейчасъ ее и по боку.

— Совсѣмъ по боку нельзя. А служить-то какъ-же безъ юриспруденціи?

— Я служить не буду.

— Либерализмъ одолеваетъ?

— Какой либерализмъ? Либерализъ этому нисколько не мѣшаетъ. Не только не мѣшаетъ, а даже побуждаетъ служить. Тутъ, стало быть, дѣло совсѣмъ не въ либерализмѣ. Я не буду служить потому, что намѣренъ поселиться въ деревнѣ.

— Что жъ вы тамъ намѣрены дѣлать?

— Тамъ-то?! Да тамъ теперь самая настоящая работа и начинается. Во-первыхъ, я хочу упрочить положеніе бывшихъ моихъ

крѣпостныхъ. А во-вторыхъ, буду жить тихо, скромно, спокойно, обложу себя книгами, буду понемногу улучшать хозяйство, женюсь, будемъ съ женой заниматься хозяйствомъ, музыкой, будемъ кататься на лодкѣ, будемъ много, много читать, будемъ вѣсть учить крестьянскихъ дѣтей.... Да, помилуйте, теперь трудно и высказать, какъ много добра можно тамъ сдѣлать, какъ сильно можно подѣйствовать на все окружающее общество; вѣдь не звѣри-же тамъ живутъ, а люди; вѣдь теперь и тамъ уже много молодыхъ дѣятелей, получившихъ высшее образованіе; вѣдь стоитъ только дать первый толчокъ, все это проснется и двинется... Лишь бы обстоятельства не помѣшали, — а то можно цѣлый край пересоздать. Была-бы только любовь къ дѣлу, а ея, какъ видите, достаточно.

— А вы теперь сколько получаете дохода?

— Въ хорошіе годы тысячи четыре, да только теперь эти хорошіе годы что-то рѣдки становятся. Въ прошломъ году на 2500 пришлось съѣхать.

— Ну а съ крестьянами то вы какъ-же раздѣляетесь! На выкупъ пойдутъ, или какъ?

— Что вы? Помилуйте! Какой выкупъ! Мои убѣжденія не позволяютъ мнѣ брать съ нихъ деньги за ту землю, которою они владѣютъ. Вѣдь если бъ вы знали, какъ меня любятъ эти люди; вѣдь я, когда маленький былъ, каждого мужика въ лицо зналъ и по имени. Какъ я иду, бывало, по деревнѣ, мужикъ встрѣчается, и сейчасъ къ рукѣ подходитъ; я, разумѣется, не даю ни подъ какими видами, и начинаются цѣлованія въ губы. Славное это было время!

— Стало быть землю даромъ даете?

— О, разумѣется!

— Тогда вѣдь, пожалуй, на 1500 придется съѣхать.

— Не думаю. Во-первыхъ, вамъ должно быть извѣстно, что вольно-наемный трудъ производительнѣе обязательнаго. Это — экономическая аксіома. Второе дѣло — хозяйскій глазъ. Теперь прикиньте валить черезъ пень колоду, а ужъ тогда — извините. Ну потомъ — машины можно завести. Въмѣсто трехпольнаго хозяйства — плодоперемѣнную систему. Какъ-какія свободныя деньги у меня есть: заведу тирольскихъ коровъ. Однимъ словомъ извернуться можно. Я надѣюсь даже такъ устроить, что у меня еще больше будетъ дохода, чѣмъ прежде. Главное дѣло — энергія и любовь къ дѣлу.

— Это-то все хорошо; да только вѣдь вы сейчасъ говорили, что вы этихъ людей очень любите.

— Такъ что-же? Разумѣется люблю. Еще бы я ихъ не любилъ! Да, если бы я не любилъ ихъ лично, по воспоминаніямъ дѣтства, такъ я все-таки долженъ въ нихъ любить мое отечество. Вѣдь эта сермяга именно можетъ ударить себя въ грудь и сказать: «la patrie c'est moi. Если сермягѣ хорошо жить на свѣтѣ, значитъ, все отечество благоденствуетъ.

— Что вы яростный демократъ—это я давно вижу. А вы мнѣ вотъ что объясните—вы въ деревнѣ о чемъ будете заботиться: о сермягѣ или о доходѣ?

— Одно другому нисколько не мѣшаетъ. Сермяга получить землю; пронайдутъ великія цѣлованія; батюшка, отецъ родной, озолотилъ, и такъ далѣе. Ну, когда все это кончится, задамъ я имъ паръ горой, а потомъ и начну доходы свои совершенствовать.

— Кто же вашу землю пахать будетъ? Все-таки та же сермяга?

— Ну, разумѣется. Не могу же я самъ тысячу десятинъ вспахать, засеять и убрать.

— А одну можете?

— Не пробовалъ, да, я думаю, и пробовать не зачѣмъ. Буду я, вѣроятно, нанимать своихъ же бывшихъ крестьянъ и они, разумѣется, будутъ у меня работать съ превеликимъ удовольствіемъ.

— Какую жъ вы имъ цѣну будете давать? Что запросить—такъ сейчасъ вы и согласитесь?

— А вы думаете, они будутъ запрашивать?

— Я думаю, ихъ прямой интересъ состоитъ въ томъ, чтобы брать за свой трудъ какъ можно дороже, а въ чемъ будетъ состоять вашъ прямой интересъ,—это вы мнѣ потрудитесь теперь объяснить. У васъ тутъ произойдетъ столкновение между любовью къ сермягамъ и любовью къ доходу. Которое же изъ этихъ двухъ чувствъ одержитъ перевѣсъ? А если они должны оставаться въ равновѣсіи, то какииъ образомъ вы ухитритесь устроить между ними примиреніе.

— Да что жъ тутъ мудренаго? Какъ другіе хозяева дѣлаютъ, такъ и я буду дѣлать.

— Другіе хозяева не дарятъ земли, другіе хозяева не чувствуютъ никакой особенной вѣжности къ сермягѣ, другіе не говорятъ о

благоденствіи отечества, другіе не собираются пересоздавать цѣлый край, и поэтому другіе могут торговаться съ *этими бестіями*, и дѣйствительно торгуются изъ-за каждой копѣйки, и никто имъ за это не скажетъ худого слова, потому что ихъ дѣло хозяйское; но какимъ образомъ опасный человекъ и яростный демократъ Щетининъ будетъ торговаться съ *этими бестіями*—этого я ужь никакъ не умѣю взять въ толкъ.

— Я не говорилъ вамъ, что буду подражать разнымъ Плюшкинымъ и Ноздревымъ. Я буду дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ всѣ честные и хорошіе хозяева. Если мужикъ заломитъ цѣну совсѣмъ несообразную,—ну, тогда, разумѣется, я ему растолкую, что такъ нельзя, что это недобросовѣстно, что такимъ образомъ онъ рискуетъ остаться безъ работы. И тутъ же я ему объясню, какими выгодами онъ будетъ пользоваться, если согласится принять мои условія, составленныя къ нашему обоюдному удовольствію. Разговоръ со мною будетъ даже очень полезенъ для мужика; вмѣсто того, чтобы торговаться,—какъ вы выражаетесь,—съ *этими бестіями*, я просто буду читать моимъ возлюбленнымъ согражданамъ лекціи политической экономіи. Это развѣ дурно?

— Кромѣ траты времени, въ этихъ лекціяхъ не будетъ ничего дурного, по той простой причинѣ, что слушатели ваши, къ счастью для себя, не поймутъ и не захотятъ понимать ваши разсужденія.

— Въ настоящую минуту, я то же не понимаю васъ.

— Понять не трудно. Вамъ хочется убѣдить мужика въ томъ, что онъ ломитъ съ васъ несообразную цѣну, и поступаетъ недобросовѣстно. Вамъ хочется вложить въ его мужицкую голову такія понятія, вслѣдствіе которыхъ онъ считалъ бы своимъ священнымъ долгомъ вѣчно питаться хлѣбомъ и лукомъ, и вѣчно выбиваться изъ силъ исключительно для того, чтобы доставлять вамъ каждый день страсбургскіе пироги и бутылку лафита. Чтобы убѣдить мужика въ непреложности этого закона, надо отнять у него всякую способность размышлять; иначе онъ никакъ не повѣритъ тому, что его скромное и естественное желаніе улучшить свое положеніе составляетъ несообразность или недобросовѣстность. Если-бы онъ этому повѣрилъ, то онъ превратился бы въ идіота, что, конечно, было бы очень грустно. Если же онъ этому не повѣритъ, то ваше время и ваша лекція будутъ потрачены даромъ. Какъ бы ни была несообразна и недобросовѣстна та цѣна, которую слушать съ васъ му-

жить, — все-таки онъ, на эти заработанные деньги, не достовитъ себѣ ничего, кромѣ самыхъ необходимыхъ удобствъ жизни. Купитъ онъ себѣ сапоги, или новыя полушубокъ, или дугу; поправить, можетъ быть, избу, которая, того и гляди, задавитъ его вмѣстѣ съ семьєю; заведетъ онъ лишнюю корову, такъ что ему можно будетъ чаще прежняго хлѣбать молоко. И остальная его роскошь все въ томъ же родѣ. И зная это, вы все-таки будете ему доказывать, что стремиться къ новымъ сапогамъ, къ полушубку, къ коровѣ, къ направлению развалившейся избы съ его стороны и несообразно и недобросовѣстно, потому что такими стремлениями онъ можетъ довести васъ до такой печальной крайности, что вамъ придется, вмѣсто страсбургскихъ пироговъ кушать только швейцарскій сыръ, а вмѣсто благороднаго лафита пить за обѣдомъ скромное шато-марго, или даже, — чего боже унаси! — презрѣнный медокъ. И повернется увасъ языкъ читать возлюбленнымъ согражданамъ такія лекціи политической экономіи? А если повернется, — то будете ли вы имѣть достаточное право презирать разныхъ Плющихиныхъ и Ноздревыхъ, которые торгуются съ этими бестіями? Прочтите вы мужику вашу лекцію; она, разумѣется, на него не подѣйствуетъ. Вы тогда что сдѣлаете? — Вы тогда прищепите мужику къ стѣнѣ тѣмъ аргументомъ, что онъ, — несообразный и недобросовѣстный мужикъ, — *рискуетъ остаться безъ работы.* — Этотъ аргументъ подѣйствуетъ. Еще-бы не подѣйствовать! Аргументъ старый, испытанный, посѣдѣлый въ бояхъ, но вѣчно юный, прекрасный и убѣдительный! На этомъ аргументѣ, поражающемъ рабочаго человѣка (прямо въ желудокъ, построена вся европейская промышленность. Но когда вы будете употреблять этотъ убѣдительный аргументъ, вы ужь такъ и знайте, что именно вы дѣлаете. Вы тогда не думайте, что читаете возлюбленному соотечественнику лекцію политической экономіи. Вы тогда будьте увѣрены, что вы привели человѣка въ застѣнокъ, и вытряхиваете изъ него тѣ страсбургскіе пироги и бутылки лафита, которые будутъ появляться на вашемъ столѣ.

— Богъ знаетъ, что вы говорите! И кто вамъ сказалъ, что я намѣренъ торговаться. Что запросить, то я и буду давать. Ну довольны ли вы наконецъ?

— Да я и прежде былъ очень доволенъ. Мое дѣло — сторона. А что вы не будете довольны вашими доходами, — въ этомъ я могу

увѣрить васъ заранѣе. Если вы не будете водить вашихъ воловъ, бычковъ соотечественниковъ въ вынужденный застѣнокъ, — они обернутъ васъ до-пята въ самое короткое время.

— То есть, какъ же это? Небось потребуютъ съ разу по-сту рубль въ день?

— Зачѣмъ же съ разу и зачѣмъ же по-сту? Они тоже не сумасшедшія. Съ разу они увидятъ только, что вы — баринъ податливый, и что васъ можно забрать въ руки. И заберутъ.

— Какъ же это они меня заберутъ?

— Очень просто. Можно работать нао-вѣки слѣдъ, и можно работать спустя рукава. Можно вставать на работу въ четыре часа, и можно вставать въ семь часовъ. Можно тратить на обѣденный отдыхъ часъ, и можно тратить три часа. Можно держать рабочихъ лошадей въ чистотѣ, и въ порядкѣ, и можно держать ихъ чортъ знаетъ какъ. Можно обходиться съ инструментами бережно, и можно обходиться небрежно. Во-первыхъ, всякъ случаюхъ мѣткость и небрежность для работника выгодны, потому что сбарагаютъ его силы, а для хозяина убыточны, потому что количество добываемыхъ продуктовъ уменьшается, и рабочіе инструменты портятся. Когда работникъ ведетъ дѣло лѣнливо или небрежно, тогда хорошій хозяинъ съ него высказываетъ. Какъ же вы, по либеральности вашего образа мыслей, разыскивать не наизбрену, то хозяйство ваше все пойдетъ въ разбродъ, и произойдетъ именно то, что ваши работники заберутъ васъ въ свои руки. Вы ихъ будете кормить, одѣвать, обмывать, и постоянно будете оставаться въ чистомъ убыткѣ. Какъ вамъ нравится эта перспектива? И какъ вы полагаете, не поверотить ли вамъ обратно въ испытаннымъ и вѣрнымъ спасительной строгости?

— Не слушайте! Въ самомъ дѣлѣ: совсѣмъ безъ высканій обойтись въ хозяйственномъ дѣлѣ не возможно. Какъ-какая дисциплина совершенно необходима. Иначе вѣдь эта дѣль коромыслахъ пойдетъ. Лѣнь, грубость, пьянство — просто ходъ вонъ бытъ! Это даже и для нихъ самихъ скверно будетъ. Они совсѣмъ негодными станутъ.

— Еще-бы, разумѣется.

— Да. Ну такъ какъ же не разыскивать? Высканія у меня будутъ, и само быть, багради, мон не заберутъ меня въ руки.

— Все виды выжигания можно отнести къ двумъ категоріямъ: одни тѣлесныя, напримѣръ, дубини; другія — денежныя штрафы. Мужина можно бить или дубиной или полтиной. Вы которое изъ этихъ орудій намерены пустить въ ходъ?

— Я совершенно неспособенъ драться съ мужиками.

— Драть мужиковъ и драться съ мужиками двѣ вещи равныя. Но я не стану привязываться къ словамъ. И такъ вы склоняетесь къ полтинѣ?

— Если мужикъ своею небрежностью нанесъ мнѣ убытокъ, то онъ, по всей справедливости, обязанъ вознаградить меня за этотъ убытокъ. Брать съ него вознагражденіе значитъ приучить его къ осмотрительности и къ добросовѣтности.

— Именно такъ. Напримѣръ, у васъ идетъ уборка хлѣба, и вы пользуетесь сухою погодою, чтобы поскорѣе свезти съ поля всю вашу пшеницу; вамъ каждый часъ дорогъ, потому что — того и гляди начнутся дожди, хлѣбъ вымокнетъ, проростетъ, и убытковъ не оберешься. Каждое замедленіе работниковъ посягнетъ прямо на ваши карманы. И вдругъ вы узнаете, что работники вышли въ поле не въ четыре часа утра, а въ шесть. Разумѣется, надо взыскать съ каждого изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, по 5 копѣекъ штрафа за каждый упущенный часъ. Такъ или нѣтъ?

— По моему, такъ.

— Все хорошее хозяева, то есть, все благоразумные люди, смотрящіе на работника какъ на машину, доставляющую намъ удобства жизни, — совершенно съ вами согласятся. Но есть люди безразсудные, которые, по этому поводу способны наговорить много сантиментальнаго вздора. Они скажутъ, напримѣръ, что самый жалкій и зависимый батракъ — все-таки живой человекъ, и что у него есть свои органическія потребности, за удовлетвореніе которыхъ штрафовать не годится. Они скажутъ, что, работая цѣлый длинный лѣтній день, мужикъ измучился, что ему нанесла голову, что онъ долго не могъ заснуть съ вечера именно отъ головной боли, и что, поэтому, ему невозможно было подняться на работу въ четыре часа. Какъ все это наввно и смѣшно? Мужину нанесла голову — ха, ха, ха! — У мужика голова болитъ! — ха, ха, ха! — Мужину утромъ спать хочется — ха, ха, ха! — И шпенцы господской изъ за этого мочнутъ! — ха, ха, ха! — И доходятъ господскимъ изъ-за этого уменьшаться — ха, ха, ха! Убѣдительно васъ прошу!

раздѣлить со мною мою веселость. Съ какой стати вы предоставляете мнѣ одному удовольствіе смѣяться надъ безразсудными рѣчами безразсудныхъ людей.

— Я вовсе не считаю этихъ людей безразсудными, и несколько не намѣренъ смотрѣть на мужика, какъ на машину.

— Напрасно! Ну, такъ смотрите на него, по крайней мѣрѣ, какъ на злѣйшаго и коварнѣйшаго врага.

— И этого не хочу. Это еще гнуснѣе.

— Чего же вы, наконецъ, хотите? И какъ же вы, наконецъ, намѣрены смотрѣть на вашихъ батраковъ? Небось скажете — какъ на младшихъ братьевъ? Вотъ одолжите-то!

— Это, конечно, фраза избитая и опошленная. Много нужно храбрости на то, чтобы произнести ее серьезно. И однако же я все-таки провнесу ее: да, я твердо рѣшился смотрѣть на нихъ, какъ на младшихъ братьевъ.

— О мой добродѣтельный юноша! О мой храбрый и твердо рѣшившійся либераль! Какъ живо разлетится одно изъ двухъ: или ваше родовое имущество, или ваше благопріобрѣтенное братолюбіе! Вы подумайте хорошенько:—которое изъ этихъ двухъ сокровищъ для васъ дороже? И подумавши, рѣшите заранѣе:—съ которыми изъ нихъ вы намѣрены разстаться. И наконецъ, рѣшившись, дѣйствуйте смѣло и послѣдовательно, окончательно отложивши въ сторону несбыточныя надежды сохранить въ неприкосновенности оба сокровища разомъ. Вы не вѣрите тому, что я вамъ говорю?

— Не вѣрю.

— И намѣрены удержать и приумножить оба сокровища?

— Намѣренъ.

— Ну такъ слушайте же. Я предлагалъ вамъ смотрѣть на работника, какъ на машину. Вы отказались и прогулялись на счетъ братолюбія. Вашимъ отказомъ и вашею прогулкою вы подорвали основной принципъ *наемщины*, на которой должно держаться все ваше хозяйство. Наемщина не мыслима безъ двухъ условій: первое—борьба за рабочую плату; второе—борьба за исправность работы. Другими словами: надо торговаться и надо выскивать. Безъ этого не можетъ идти ни одно хозяйство, построенное на батрачествѣ. Если я смотрю на батрака, какъ на машину, мнѣ очень удобно и торговаться съ нимъ, и выскивать съ него. Я предлагаю ему ничтожную цѣну; онъ упирается. Что это значитъ?

Это значить, что машина, которую я тащу къ себѣ въ домъ, упирается по силѣ инерціи. Надо побѣдить это сопротивленіе энергическимъ усиліемъ, напримѣръ, стачкою нанIMATEЛЕЙ. Когда усиліе сдѣлано, и сопротивленіе побѣждено, тогда все обстоитъ благополучно. Хорошо ли работнику при ничтожной платѣ, и какимъ образомъ онъ ухитрится свести концы съ концами, и чѣмъ онъ будетъ набивать себѣ желудокъ—всѣ эти вопросы не имѣютъ ни малѣйшаго смысла, точно такъ, какъ не имѣетъ смысла вопросъ о томъ: приятно ли машинѣ стоять у меня въ комнатѣ. Такъ же удобно совершаются необходимыя взысканія. Что я дѣлаю съ машиною, когда она начинаетъ дѣйствовать неисправно? Я смазываю ее деревяннымъ масломъ. Что я дѣлаю съ лошадыю, когда она не желаетъ бѣжать рысью? Я смазываю ее ловкимъ ударомъ внута. Что я дѣлаю съ работникомъ, когда онъ работаетъ вяло и небрежно? Я также смазываю его достаточнымъ количествомъ розогъ, или, при извѣнчившихся обстоятельствахъ, вычетомъ изъ его задѣльной платы. Почему, отчего, зачѣмъ работникъ работаетъ вяло и небрежно—объ этомъ я не спрашиваю, точно также, какъ не интересуюсь размышленіями, страстями или огорченіями лошади, нежелающей идти рысью...

— Все это чистыя теоріи и утопіи. Вы меня нисколько не убѣдите. Я рѣшился твердо и пойду впередъ по тому пути, который я себѣ выбралъ. Дальнѣйшія возраженія съ моей стороны я считаю бесполезными, но мнѣ любопытно было бы знать,—такъ просто, изъ желанія посмотрѣть на воздушные замки,—къ какимъ положительнымъ теоретическимъ заключеніямъ вы ведете вашу аргументацію. Вы старались доказать, что надо выбрать одно изъ двухъ: братолюбіе или приумноженіе доходовъ. Представьте себѣ, что я убѣдился вашими доводами, и, послѣ зрѣлаго размышленія, твердо рѣшился выбрать, во что бы то ни стало, чистѣйшее братолюбіе. Что же мнѣ слѣдовало бы дѣлать?

— Работать.

— Работать! Хорошъ отвѣтъ! Вы скажите: что и какъ работать?

— Хорошъ вопросъ! Точно будто я могу заглянуть въ вашу шкуру, смотрѣть на вещи вашими глазами, думать вашимъ мозгомъ, и вообще понимать лучше васъ самихъ всѣ тончайшія особенности вашего ума, характера и темперамента? Я могу сказать вамъ только одно: къ чему вы расположены, тѣмъ вы и занимайтесь.

— А если я ни дѣла, ни денегъ, ни не расположенъ?

— Тогда у васъ и братолюбія быть не можетъ, и тогда дальнейшій разговоръ становится бесполезнымъ.

— Почему не можетъ быть братолюбія?

— Кто любить людей, тотъ хочетъ, во что бы то ни стало, принести имъ пользу, и, следовательно, чувствуетъ влеченіе ко всякой дѣятельности, способной, такъ или иначе, облегчить чело-вѣческія страданія. Если это влеченіе существуетъ, то затѣмъ остается только изъ многихъ полезныхъ отраслей труда, выбрать ту, которая соотвѣтствуетъ всего больше складу вашего ума. И такая отрасль непременно найдется, если только вы не идіотъ и не калѣва.

— Ну, положимъ, что такая отрасль нашлась. Дальше, что же?

— Дальше ничего. Будете жить, будете работать, будете приносить пользу, потомъ въ свое время умрете.

— Все это я и намѣренъ дѣлать у себя въ деревнѣ. Буду работать — то есть, заниматься хозяйствомъ; буду приносить пользу — устрою школу, больницу, образцовую ферму.

— Охота вамъ говорить о хозяйствѣ. Ну какой же вы агрономъ, какой же вы специалистъ? Попробуйте наняться къ комунибудь въ управляющіе: возьметъ ли васъ ктонибудь, и много ли дадутъ вамъ жалованья, и долго ли васъ продержатъ? Неужто вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что будете получать ваши доходы за ваши агрономическія труды, а не за то, совершенно независящее отъ васъ обстоятельство, что вамъ принадлежитъ извѣстное пространство земли. Вы будете жить въ деревнѣ доходами съ земли, которую обрабатываютъ за васъ другіе люди. Развѣ это значитъ жить собственнымъ трудомъ? Потомъ вы сюда еще прицелили школу и больницу. Если вы сами намѣрены сдѣлаться школьнымъ учителемъ, то вамъ и книги въ руки: только въ такомъ случаѣ надо удовольствоваться тѣмъ жалованьемъ, которое получаютъ сельскіе учителя. Больницу же вы никогда не устроите, потому что для этого вамъ пришлось бы отказаться отъ многихъ удобствъ жизни.

— Такъ, по вашему, что же я долженъ сдѣлать съ имѣніемъ?

— По моему, давно пора прекратить этотъ разговоръ. Поѣзжайте къ себѣ въ деревню, откажитесь отъ глухихъ фантазій, свойственныхъ петербургскому студенту, и превращайтесь поскорѣе въ образцоваго хозяина. Вы сами знаете очень хорошо, что для васъ въ жизни нѣтъ другой дороги.

Д. Рагозинъ.

КТО ВИНОВАТЬ?

(ПО ПОВОДУ РОМАНА ТОГО-ЖЕ НАЗВАНІЯ).

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten!
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt.

При встрѣчѣ съ романомъ: «Кто виновать»? эти задушевно грустныя строки невольно пришли на память мнѣ, а, можетъ быть, и многимъ другимъ людямъ, съ любовью переживавшимъ свѣтлыя и темныя годы нашего печатнаго слова, — и вся исторія послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ русской литературы, съ ея еще живущими и сошедшими въ могилы дѣятелями воскресла во всей своей горькой правдѣ передо мною. Нервный, раздраженный, преждевременно скользящій отъ злой чахотки въ гробъ Бѣлинскій; задумчивый и грустный, почти завидующій смерти своего друга Грановскій; ищущій новаго исходнаго пути, подавленный проклятыми вопросами, немѣющимися прямыхъ отвѣтовъ, доходящій до сумашествія Гоголь; застрѣленный въ глупой дуэли, глупо растратившій громадныя силы Лермонтовъ и десятки другихъ людей, болѣе или менѣе близкихъ къ намъ по времени, явились передо мною, и всѣ они были такими же недовольными жизнью, изстрадавшимися личностями, какъ и ихъ предшественники учителя. «Вы боитесь, пишетъ Кольцовъ въ своихъ письмахъ, въ этой правдивой исповѣди мученичества, — вы боитесь за меня, чтобы я скоро не потерялся. Это правда, и такая правда, какая она лишь можетъ быть, — не только черезъ пять лѣтъ, но и скорѣе, живя такъ и въ Воронежѣ. Но что же дѣлать? Буду жить, пока живется, работать, пока работается. Сколько могу, столько и сдѣлаю; употреблю всѣ силы, пожертвую, сколько могу; буду биться до конца-врая, приведу въ дѣйствіе всѣ

зависящія отъ меня средства. И когда послѣ этого упаду, — мнѣ краснѣть будетъ не передъ вѣмъ, и передъ самимъ собою я буду правъ... Здѣсь кругомъ меня татаринъ на татаринѣ, жидъ на жидѣ, а дѣлъ беремя: стройка дома, судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, посѣщенія, счета, расчеты, браки, ссоры. И какъ еще я пишу? И для чего пишу?—для васъ однихъ; а здѣсь я за писанія терплю одни оскорбленія. Всякій подлець такъ на меня и лезетъ, дискать писака-то и крылья опшибить». — «Дѣло вончено мною послѣднее и самое гадкое; слѣдственно, кредитъ отца теперь очищенъ совершенно. Прежде онъ боялся полиціи, и потому любилъ меня до излишества; а теперь она ему не страшна—и дожь его, и все у него въ рукахъ; такъ я, выходятъ, сталъ ему неуваженъ... Эта новость, и особенно эта непризнательность срѣзали меня глубоко». — «Какъ вы скажите: удерживаться ли мнѣ въ Воронежѣ дома, бросить ли все и ѣхать въ Петербургъ. Удерживаться дома—житье мнѣ будетъ плохое... Съ отцемъ уладиться легко—жениться, и онъ будетъ во мнѣ хорошъ. Но за то, надо взять тамъ, гдѣ ему будетъ угодно. Это значить пожертвовать собою, сгубить женщину и себя. Ѣхать въ Питеръ—онъ не дастъ ни гроша. Ну, положимъ, я найдусь туда пріѣхать; у меня есть вещей рублей на триста; этого достаточно. Но пріѣхавши туда, что я буду дѣлать? Наняться въ прикащики? не могу; отъ себя заниматься?—не на что. Положить надежду на мои стишонки: что за нихъ дадутъ! И что за нихъ буду получать въ годъ — пятаки на сапоги, на чай и только... Писать въ прозѣ не умѣю, а мнѣ тридцать три года. Вотъ мое положеніе... Что, если въ сорокъ лѣтъ придется нищенствовать?—Плохо!»—Кольцовъ ослабѣваетъ, хвораетъ, еле ходитъ, ему отказываютъ въ дровахъ, и онъ нхъ воруетъ по ночамъ въ своемъ собственномъ домѣ. Родные узнаютъ объ этомъ и общаются выгнать его по шеѣ изъ дома. Однажды у его сестры собираются гости и ватѣваютъ невинную игру: кладутъ на столъ дѣвущку, накрываютъ ее простынею и поютъ вѣчную память рабу божію Алексѣю... Во время самаго сильнаго разгара болѣзни страдальца онъ пишетъ: «Все начало ходить и бѣгать черезъ мою комнату; полы моютъ то и дѣло, а сырость для меня убійственна. Трубки, благовонія курятъ каждый день; для моихъ разстроенныхъ легкихъ все это плохо. У меня опять образовалось воспаление, сначала въ правомъ боку, потомъ въ лѣвомъ, противу сердца довольно опасное и мучительное. И здѣсь-то я струсилъ не на шутку. Нѣсколько дней жизнь висѣла на волоскѣ... А въ эту пору, у насъ вечеринки каждый день—шумъ, крикъ, бѣготня, двери до полуночи

въ моей комнатѣ ни минуты не стоять на ногахъ. Прошу не журить, — курятъ больше; прощу не благовоить, — больше; предъ мною не мыть покровъ, — молитъ»... Далѣе идетъ все то-же мученичество, странное, неминуемое, но непрерывное, продолжительное мученичество и наконецъ смерть... Прочтите письма Грановскаго, Бѣлинскаго, Гоголя, — всадъ все тоже и тоже. Вами овладѣваетъ ужасъ?.. Немножко шевелится вопросъ: «Отчего же эти даровитыя личности не жили, вѣдь повидимому живутъ сотни сотенъ людей, беззаботной, веселой, счастливой жизнью? Или за право на гениальность непременно нужно платить страдательными цѣлой жизнью? Въ такомъ случаѣ уже не лучше-ли было имъ затеряться въ эту безличную, безъимянную массу и подойти подъ ея крепечающую, придавливающую естественный ростъ человѣка стѣнку?..» Однако счастлива-ли сама эта толпа въ дѣйствительности? Вотъ передъ нами проходить по страницѣ давно знакомаго романа и не гениальныя личности, а просто честные, простые и даже нѣрѣдко простоватѣе смертные, Круциферскій съ женою, Бельтовъ и его мать, докторъ Круповъ, и всѣ они несчастливы, всѣмъ имъ что-то недостаетъ, завязъ тѣжела и нѣтъ никакого исхода на лучшей путь. Не предавайтесь какимъ нибудь либеральнымъ соображеніямъ, не думайте, что этимъ людямъ кто нибудь, пользуясь своею властью, силою загородилъ дорогу. Нѣтъ! Круповъ можетъ лечь въ гробъ, когда и гдѣ ему угодно, за какую плату ему вздумается и сколько его душъ захочется, крылья его не связаны и путь ему открытъ. Круциферскій можетъ съ утра до ночи бѣгать по урокамъ, получать за нихъ деньги и, въ случаѣ неплаты денегъ, жаловаться на несправедливыхъ плательщиковъ; даже это не возбраняется ему никакими существующими законами, а, напротивъ того, законъ требуетъ, чтобы справедливая жалоба истца была принята на рассмотрениеъ въ число текущихъ дѣлъ, — ну, а тамъ все, какъ слѣдуетъ, година черезъ два, три и разберется. Если жена можетъ хозяйничать, если есть изъ чего, можетъ нить, вязать, штопать, пользоваться законными ласками мужа, воспитывать, по принятымъ за руководства въ гимназіяхъ учебникамъ, своего Яну, составлять блестящіе планы о томъ, что она «будетъ въ золотѣ ходить, чисто серебро носить», и вообще быть вполне счастливою дамою. О положеніи помещиковъ Бельтовыхъ а даже совѣщусь и говорить, — такъ оно хорошо, они не только могутъ все дѣлать, но даже могутъ ничею не дѣлать, rien faire, такъ такъ просто сложить ручки и наслаждаться бездѣльемъ, вкушая лучшія произведенія землиц, добытыя, привезенныя, приготовленныя, поданныя на столъ каемми-то дру-

гими людьми, еще некупившими никакими податями права на бездѣлье. Изъ всего этого ясно видно, что многіе гибнуть не за свою гениальность и не потому, что кто-то сказалъ имъ: «Стойте здѣсь! вамъ здѣсь скверно, гадко, душно, а все-таки стойте и доживайте на мѣстѣ, перемѣнить его я вамъ не позволю.» О такой грубой и дикой силѣ не можетъ быть и рѣчи. Если-же эта грубая сила была бы дѣйствительно, то вы вѣрно не пожалѣли бы гибнущихъ, а разразились бы гомерическимъ смѣхомъ надъ ними, видя, какъ они не смѣютъ шелохнуться съ мѣста подъ вліяніемъ грознаго *стой!* Вообразите себѣ, напримѣръ, учителя Круциферскаго покорно умирающимъ голодною смертію по той только причинѣ, что директоръ гимназій, его ближайшій начальникъ запретилъ ему давать уроки на сторонѣ. Или вдругъ бы помѣщнику Бельтову отдали приказъ не работать, не служить, не ѣздить за границу, а существовать только въ деревнѣ и непремѣнно на крестьянскія деньги, и Бельтовъ, давясь чужимъ хлѣбомъ, томясь деревенскою скукою, убивая въ бездѣльи молодія силы, безропотно докорился бы негѣлому и несправедливому приказу. Развѣ эти негѣлости не были-бы смѣшны со всѣми своими невыносимыми страданьями? Но кто же разсмѣется надъ погибающимъ Бѣлинскимъ или надъ умирающею Любовью Александровною Круциферскою?.. Если мы пойдемъ дальше и взглянемъ попристальнѣе на всѣхъ остальныхъ, уже далеко не честныхъ и не развитыхъ дѣйствующихъ лицъ романа, вызвавшего эту замѣтку, то мы увидимъ, что и они не могутъ быть названы счастливыми. Многія изъ нихъ значительны, богаты, образованы, но ни одинъ развитый и мыслящій человекъ не захотѣлъ-бы помѣняться съ ними своимъ мѣстомъ, посидѣть въ ихъ шкурѣ, какъ говорится въ народѣ. О счастья въ обществѣ нерѣдко составляются довольно негѣпныя понятія, его смѣшиваютъ то съ матерьяльнымъ благосостояніемъ, то съ самодовольствіемъ. Это непростительная ошибка. Если бы счастье было матерьяльное благосостояніе, то разбогатѣвшій подлецъ и воръ могли-бы быть признаны вполне счастливыми людьми; но это признаніе странно уронило бы понятіе о человѣческомъ достоинствѣ и свело-бы на самую низкую ступень то общество, гдѣ подобныя мерзости могли-бы быть счастливыми, отъ такого общества пришлось бы бѣжать, какъ отъ шайки разбойниковъ, чувствующихъ, что для полноты счастья имъ недостаетъ еще одной важной послѣдней рубашки. Если-бы счастьемъ можно было назвать самодовольствіе, то отупѣвшіе до безропотности рабы и идіоты, всегда довольные собою, сдѣлались-бы предметами зависти для ум-

нѣйшаго человѣка, онъ желалъ-бы отдать свое развитіе за ихъ идиотизмъ, — это нелѣпость. Для полнаго человѣческаго счастья нужны не только матеріальное благосостояніе и самодовольствіе, но и сознаніе человѣка, что у него есть цѣль для существованія, что окружающее общество понимаетъ его и стремится къ той же цѣли, что онъ при первомъ своемъ недовольствѣ окружающимъ обществомъ можетъ свободно примкнуть къ другому избранному имъ союзу людей. Нарушеніе одного какого нибудь изъ этихъ условій дѣлаетъ человѣка несчастнымъ, хотя онъ часто по своей плачевной неразвитости и не сознается въ этомъ, но отъ посторонняго наблюдателя никогда не скроются нѣкоторые поступки этой личности, ясно свидѣтельствующіе о ея недовольствѣ жизнью. Плохо образованный мелкій чиновникъ, повидимому, совершенно доволенъ и своимъ пребываніемъ въ качествѣ живой машины на службѣ, и своимъ кружкомъ играющихъ въ картишки товарищей, и небольшими взяточками, дающими средства не умереть съ голода, чего не даетъ жалованье; но онъ почему-то, безъ всякой видимой надобности, сверхъ исполненія законныхъ обязанностей, налагаетъ на себя эпитимію униженія передъ высшими, онъ мучается завистью при успѣхахъ бойкаго новичка-сослуживца и старается подставить ногу каждому изъ товарищей. Вы думаете, что это не признаки его несчастья, а слѣдствія природной подлости и злостности? Нѣтъ, дѣло въ томъ, что передъ добрымъ человѣкомъ постоянно носится страшный призракъ отставки, оставленія за штатомъ. Онъ чувствуетъ, что онъ благоденствуетъ *покуда*, благоденствуетъ на *этомъ мѣстѣ*, но что его ждетъ гибель, какъ только ему представится необходимость сойти съ этого мѣста, вѣкъ котораго онъ нуль. Онъ и не жалуется-то на свою судьбу только потому, что ему сейчасъ же отвѣтятъ: «такъ перемѣните мѣсто, кто-жъ васъ держитъ?» Дѣйствительно, кто жъ его держитъ?..

Въ такомъ положеніи находятся всѣ лица романа и, скажу еще болѣе, всѣ мы. Я не стану разбирать этотъ превосходный романъ подробно, желающіе прочитать о немъ болѣе полный отзывъ, могутъ обратиться къ статьѣ Бѣлинскаго. Въ ней вполне вѣрно указано на значеніе автора романа, какъ на мыслителя-гуманиста. Моя замѣтка написана съ цѣлью высказать и тѣ мысли, на которыя наводитъ это искреннее произведеніе, и то глубокое сочувствіе, которое оно вызываетъ. Мысль, стоящая въ немъ на первомъ планѣ, высказана съ такою скатою ясностью, энергіею и часто грустью, что читателю вполне становится понятно, что авторъ этого произведенія пережилъ и разумно продумалъ всю опи-

санную имъ жизнь и, можетъ быть, терпѣль отъ ея невыносимыхъ диссонансовъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ его герои. Но въ его словахъ какъ нѣтъ сентиментальности, такъ нѣтъ и овлобленія или наглой старческой брани, появляющейся въ великихъ твореніяхъ взбаломученныхъ романистовъ новѣйшаго времени. Онъ просто взялъ людей со всеми ихъ ошибками, пороками и наивностями и указалъ ярко и твердо, почему родились въ людяхъ эти качества, почему заглокли другія болѣе прекрасныя. Нерѣдко любовь къ человѣку заставляетъ автора добираться всеми средствами до какой нибудь хорошей черты въ погибшемъ существѣ и показывать, что это погибшее существо при другихъ условіяхъ могло бы быть хорошимъ. Онъ отыскиваетъ сходство между благороднымъ лицомъ своей героини и лицомъ ея жосткаго и грубаго отца и прибавляетъ: «по ея лицу можно было понять, что въ Негровѣ жогли быть хорошія возможности, задавленные жизнью и погубленные ею; ея лице было объясненіемъ его лица; человѣкъ, глядя на нее, примирялся съ нимъ» (стр. 64). Разсказъ о раскаяннѣ гулякѣ и развратникѣ Бельтова-отца, поставившаго въ страшное положеніе свою будущую жену, дышетъ полнѣйшею вѣрою, что и въ погибшемъ человѣкѣ тлѣется искра добра и честности, что только нужно умѣть ее расшевелить и она вспыхнетъ яркимъ огнемъ (стр. 141). Сцена Бельтовой съ почтмейстеромъ, едва неувившимъ въ простотѣ своего сердца добрую женщину сперва горемъ, потомъ радостью, есть верхъ добродушія, юношески веселаго и откровеннаго (стр. 189).

Истинная художественность, какъ ее понимаютъ реалисты, состоитъ именно въ этомъ неподкупномъ отношеніи романиста къ его героямъ, и она-то доставитъ роману историческое значеніе: его будутъ читать, (какъ читаютъ «Семейную Хронику» Аксакова), когда описанная въ немъ жизнь будетъ смутнымъ преданьемъ; теперь же онъ имѣетъ для насъ значеніе современности, такъ какъ его дѣйствующія лица еще далеко не отжили своего вѣка. Спѣшу обратиться къ этимъ интереснымъ людямъ. Они хандрятъ, не знаютъ, какъ убить время, куда прислониться: бѣдныя боятся потерять мѣста, видя въ этомъ вопросѣ о своемъ *быть или не быть*, и ропщутъ на тяжесть нелюбимаго труда; богатые оставляютъ службу и затѣмъ ищутъ до конца жизни занятій. Бельтовъ, получившій очень высое образованіе, суется на государственную службу, дѣлается живописцемъ, хватается за медицину и нигдѣ ничего ему не удастся. Негровъ, не получившій никакого образованія, затѣванный родителями съ дѣтскихъ лѣтъ въ кавалерійскій полкъ,

тяготится службою и выходить въ отставку генераль-маіоромъ. Первый страдаетъ отъ своего развитія, стоящаго выше развитія остального общества; онъ подмѣчаетъ тѣ гадости и пошлости, которыхъ не можетъ по своей неразвитости подмѣтить остальное общество и сознается, наживъ озлобленныхъ враговъ, что «одинъ въ полѣ не вонь». Второй, при всей своей пустотѣ и мелочности, окончивъ въ 1812 году походы, не можетъ продолжать службы, не имѣя никакихъ нужныхъ для нея знаній; она безъ специальныхъ свѣденій въ военныхъ наукахъ съ его стороны должна была ограничиться одними разводами и парадами, то есть одною чисто внѣшнею и самую непривлекательною стороною. Нужно быть совершеннымъ идиотомъ, чтобы помириться съ какимъ нибудь дѣломъ на исполненіи одной его внѣшности. Человѣкъ, неумѣющій глубоко чувствовать и неимѣющій ни опредѣленныхъ взглядовъ на жизнь, ни убѣжденій, но обладающій способностью писать по триста рюймованныхъ строчекъ въ часъ и употребляющій въ дѣло эту способность, не есть поэтъ, но идиотъ и шарлатанъ. Къ чести генераль-маіора Негрова онъ не помирился съ своимъ положеніемъ и счелъ лучшимъ ржсать по гостямъ по своей волѣ, тѣмъ фигурировать на парадахъ по службѣ, служа игрушкою для всѣхъ подчиненныхъ, начиная съ унтеръ-офицера и кончая полковымъ адъютантомъ. Такой поступокъ заставляетъ насъ назвать его честнымъ по природѣ человѣкомъ. Но человѣкъ отличается отъ животнаго не одною способностью мыслить и говорить, а и потребностью трудиться. Человѣкъ безъ занятій не мыслитъ, какъ незамышляющая пространства матерія. Онъ, во что бы то ни стало, за неимѣніемъ готовой дѣятельности, изобрѣтетъ для себя новую, еще неизвѣстную, откроетъ свою Америку, можетъ быть очень нелѣпую, очень бесполезную и даже вредную для остальной части человечества — но все-таки откроетъ. На этомъ поприщѣ многимъ пришлось быть Колумбамъ. Старикъ съ разбитыми параличемъ ногами раскладываетъ цѣлый день прескучные пасьянсы или читаетъ еще болѣе скучные календари. Чиновникъ, зная по опыту, что всѣ пренія о важныхъ вопросахъ равняются витю веревочъ изъ песку по своей полезности, убиваетъ свободное время за игрою въ картишки. Провинціальный купецъ, имѣя мало дѣла, десять разъ на дню пьетъ чай и ругаетъ или бьетъ всѣхъ, начиная съ сидѣльца-мальчишки и кончая своею супругой. Это все занятія, изобрѣтенныя людьми, геройски спасающимися отъ бездѣлья. Понятно, что Негровъ, небывшій уродомъ въ семьѣ человечества, тоже всю жизнь изобрѣталъ подобныя занятія. Онъ кутилъ, покуда были силы и не

было жира; потомъ хозяйничалъ, не зная хозяйства, что не мѣшало ему важно хмуриться при этомъ дѣлѣ и служить игрушкой для камердинеровъ, поваровъ и управляющихъ; на время въ эротическомъ настроеніи онъ потѣшился связью съ одною изъ крѣпостныхъ, отъ которой родилась Любовь Александровна, героиня романа и крѣпостная дѣвка своего отца; въ видѣ занятія онъ строилъ планы, какъ сбыть съ рукъ свою наложницу и наконецъ, не спрашивая ея согласія, облагодѣтельствовалъ ее отдачею въ замужество за своего камердинера; далѣе онъ женился и, такъ какъ тутъ нельзя было выйдти въ отставку или отдать жену за повара, погрузился въ пасьянсы, въ куреніе съ глубокомысленнымъ видомъ трубки, въ мелкія тиранства надъ крѣпостною дочерью, надъ прислугой, надъ всѣми окружающими, и сталъ услаждаться слушаніемъ скандальныхъ анекдотовъ и сплетень разныхъ приживалокъ въ родѣ гувернантки его дѣтей, Элизы Августовны, незнавшей ничего кромѣ французскаго языка, на которомъ она не могла написать ни одной строки, не сдѣлавъ ошибки... Ну, вотъ она и сплетничала, получая за это кусокъ хлѣба, котораго бы не стали ей давать за ея ученныя свѣденія... Точно въ такомъ же безысходномъ положеніи находились и неразвитая воспитаніемъ жена Негрова, и притѣсняемая, презираемая всѣми его крѣпостная дочь и учитель его дѣтей Круциферскій, взявшій мѣсто для спасенія себя отъ голода. Круциферскій, наказанный людьми еще до своего рожденія, такъ какъ его мать испугалась одного сквернаго дѣла, касавшагося ея мужа, родился болѣзненнымъ существомъ. Болѣзненность и запуганность развились въ немъ еще болѣе при помощи бѣдности. Онъ сдѣлался мечтателемъ, немного сантиментальнымъ, немного смѣшнымъ; его уже мучили опасенія за будущее, когда настоящее было еще свѣтло; онъ надѣялся, что ему будетъ легче лежать въ гробу, если его жена станетъ посѣщать его могилу; даже объясниться въ любви онъ не сумѣлъ просто и не смѣшно, а, прочитавъ съ Любовью Александровною стихотвореніе Жуковскаго «Алину и Альсима», воскликнулъ: «будьте, будьте моею Алиной... я... я», больше онъ ничего не могъ вымолвить и уже черезъ минуту плакалъ, раскаяваясь въ своей непостижимой смѣлости. Любовь Александровна была вѣчно оскорбляема въ домѣ отца, прислуга даже въ ея добродушіи видѣла признаки холопскаго происхожденія; родня генерала злилась, что дѣвушку одѣваютъ порядочно; Глафира Львовна, жена генерала, начинала притѣснять дочь мужа за ея хорошенькое лицо, чувствуя, что ея собственная краснотца и глуповатая дочь не такъ хороша. Умныхъ и разви-

тыкъ людей дѣвушка не видала въ родительскомъ гнѣздѣ и развивалась подъ вліяніемъ всевозможныхъ попадавшихся ей книгъ. Она была раздражена на всѣхъ, питала что-то близкое къ ненависти ко всѣмъ и между тѣмъ упрекала себя за эту ненависть, за это отсутствіе любви. Молодому сердцу не легко достаются враждебныя чувства, они не скользятъ по его поверхности, какъ это бываетъ въ старости. Дѣвушкѣ не могъ не понравиться такой нѣжный и мягкій человѣкъ, какъ Круциферскій. Ей были отрадны первыя ласки и первый привѣтъ нѣжнаго юноши: они пробудили наконецъ въ ея сердцѣ то чувство, на которое она считала себя неспособною и мучилась этою мыслью. Счастье молодыхъ людей могло бы продолжаться вѣчно, и читатель могъ бы съѣздить любоваться на воркованье этихъ любящихъ другъ друга супруговъ, если бы не явился Бельтовъ. Этотъ человѣкъ не былъ приученъ прошлымъ къ безмолвной покорности, онъ раздражался непривлекательною дѣйствительностью и гадостями окружающаго общества, его волновали совсѣмъ не тѣ вопросы, какіе мучили Круциферскаго. Эти двѣ личности такъ же противоположны одна другой, какъ по тѣмъ же причинамъ были противоположны, въ первое время своего существованія, кружокъ развитого среди нищеты Бѣлинскаго и кружокъ выросшаго при болѣе веселой обстановкѣ автора разбираемаго романа. Вопросы Бельтова были тѣ самыя, которые мучили, хотя можетъ быть и не совсѣмъ ясно, Любовь Александровну, среди незаслуженныхъ обидъ и страданій. Вполнѣ понятно, что она отдалась всѣмъ своимъ существомъ этому товарищу по направленію мысли, по взгляду на жизнь. Еще яснѣе то, что и Бельтовъ, и она, и Круциферскій не нашли возможности выйти изъ этого положенія. Круциферскій, будь онъ иначе образованъ, не будь онъ запуганъ и задавленъ съ колыбели, могъ бы, напимѣръ, спокойно оставить жену и ѣхать куда нибудь въ другое общество добывать трудомъ деньги, какъ сдѣлалъ герой романа «Что дѣлать?», представляющій доказательство, что мы хоть немного, но все же ушли впередъ. Но гдѣ и кому былъ нуженъ въ то время какой нибудь Круциферскій, учитель провинціальной русской гимназіи? Ему открытъ путь на всѣ четыре стороны, во всѣ части свѣта, но на каждой сторонѣ стоитъ по столбу съ роковою надписью: голодная смерть! Его жена могла бы уѣхать съ Бельтовымъ за-границу; но была-ли бы она счастлива, составила-ли бы счастье своего возлюбленнаго? Конечно нѣтъ! Ни для нея, ни для него за-границей не нашлось бы дѣятельности, они прожили бы вдвоемъ годъ, два и наскучили бы другъ другу, какъ наскучить каждая жена мужу и

каждый мужъ женѣ, если они будутъ праздно. Любовь самая страстная не можетъ наполнить жизни человѣка, если онъ будетъ знать, что остальному обществу нѣтъ до него никакого дѣла, что это общество при первой надобности вытолкнетъ его изъ своего бужка, какъ ненужнаго лежебока, занимающаго уголь, годный для болѣе полезныхъ членовъ. А чѣмъ бы могли быть Бельтовъ и Круциферская, какъ не такими лежебоками, внѣ своей родины? Если бы этотъ романъ писался авторомъ въ болѣе близкое къ намъ время, то я увѣренъ, что развязка его была бы совсѣмъ иная, болѣе страдная. Въ былое же время, оставаясь вѣрными дѣйствительности, онъ по неволѣ долженъ былъ обречь Круциферскую на медленное угасанье въ чахоткѣ, ея слабачо духомъ мужа на пьянство, а Бельтова отправить на вѣчное праздное, скучное скитаніе за-границей, скитаніе до тѣхъ поръ, пока шальная судьба не взбѣситъ гдѣнибудь лошадей, не утопитъ корабля или не сдѣластъ какойнибудь другой подобной штуки, ованчивающей ненужными жизни скитаническими людьми... Все это въ порядкѣ вещей...

Читатель, вѣроятно, уже понялъ, кто виноватъ въ несчастіи всѣхъ этихъ лицъ, не даромъ же онъ читалъ на предыдущихъ страницахъ слова: «плохо воспитали, ничему не учили, оскорбляли со всѣхъ сторонъ» и тому подобное. Виноваты люди, виновата среда. Она плохо воспитала своихъ дѣтей, она не давала имъ дѣла, она враждебно относилась къ нимъ—вездѣ и всюду ея вліяніе отзывалось на ихъ судьбѣ. Съ такимъ тысячеглавымъ чудовищемъ трудно или, лучше сказать, невозможно бороться отдѣльной личностію, для этой борьбы нуженъ союзъ всѣхъ протестующихъ силъ, и вотъ потому-то гуманное чувство заставило въ сороковыхъ годахъ всѣхъ лучшихъ литературныхъ дѣятелей взглянуть съ горячимъ участіемъ на вліяніе среды на отдѣльную личностъ и на отношенія послѣдней къ средѣ. Эти дѣятели были по преимуществу беллетристы и публицисты, ихъ повѣсти и романы постоянно вышивались по этой канвѣ, она была подкладкою для ихъ произведеній. Заѣденный средою человѣкъ сдѣлался героемъ дни. Ему прощалось все, потому что въ лицѣ его среда убивала свободу и достоинство человѣческой личности, записывала ее въ число своихъ крѣпостныхъ рабовъ. Чѣмъ менѣе шансовъ къ освобожденію оставалось у заѣденной личности, чѣмъ болѣе были связаны ея человѣчныя дѣйствія, тѣмъ болѣе сочувствія доставалось на ея долю и на оборотъ, личность менѣе связанная въ своихъ поступкахъ пользовалась и меньшимъ сочувствіемъ. Такимъ образомъ самое сильное участіе возбуждалъ какойнибудь мужикъ

Антонъ-горемыка или бѣдный чиновникъ Аканій Акавіевичъ Башмачкинъ; горячее чувство честной любви къ человѣку заставило этихъ людей понять, сколько истиннаго трагизма можетъ быть въ потерѣ дешевой шинели или жалкой клячи. Это направленіе, вслѣдствіе тогдашняго положенія нашей литературы, рѣдко принимало у насъ суровый характеръ бичующей сатиры и безкомпаднаго обличенія, но по большей части наводило отгѣновъ грусти и какого-то элегическаго, нерѣдко сантиментальнаго тона, какъ, напримѣръ, въ «Бѣдныхъ людяхъ» г. Достоевскаго. Менѣе рѣзкое въ этой его формѣ, чѣмъ оно могло бы быть въ первой, оно, какъ нельзя болѣе, благотворно дѣйствовало на массу, не раздражая ее, но и не давая уснуть въ ней сознанию человѣческаго достоинства. Одинъ изъ болѣе талантливыхъ, послѣ автора романа: «Кто виноватъ», представитель этого направленія г. Тургеневъ сдѣлался положительно любимцемъ публики, его слово, тогда еще вполне задушевное и, если можно такъ выразиться, любовное, ловилось съ жадностью всѣми, кто былъ молодъ, свѣжъ и любилъ человѣка, не сирвавшая о томъ, къ какому поколѣнію, къ старому или къ новому, принадлежитъ этотъ человѣкъ по лѣтамъ.

Вотъ какъ смотрѣли лучшіе литературные дѣятели послѣдней половины сороковыхъ годовъ на личность человѣка. Они честно и смѣло указывали, что человѣку нѣтъ исхода на лучшую дорогу, покуда не улучшится сама среда. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ и еще больше событий. Европа пережила паденіе буржуазіи во Франціи и увидѣла новый блескъ этой буржуазіи, обрадованной словами: имперія есть миръ!—и въ тайнѣ съ восторгомъ понимавшей, что эта имперія есть война, то есть вооруженное охраненіе мирнаго процвѣтанія толстыхъ буржуа. За этимъ первымъ политическимъ переворотомъ совершилось множество другихъ, все столь же блестящихъ по газетнымъ извѣстіямъ и столь же несостоятельныхъ по сущности событій. Неаполитанская голодная чернь, шумно и восторженно привѣтствовавшая свое присоединеніе къ единой Италиі, чувствуетъ теперь тѣ-же недостатки, голодъ и притѣсненія, что чувствовала и прежде, и съ грустью думаетъ: хоть бы яркіе штаны солдатамъ оставили или выходъ какой нибудь парадный во дворцѣ учинили, что-ли, какъ было при королѣ Францискѣ I.. Эту несостоятельность всѣхъ переворотовъ и реформъ въ общественной жизни подмѣтила наконецъ и наука и признала ее вопросомъ, требующимъ немедленнаго разрѣшенія. Метафизика со всѣми своими хитросплетеніями, сводившая лучшіе умы съ ума до сороковыхъ годовъ, начала вытѣсняться полити-

ческой экономіею и историческимъ изслѣдованіемъ, которые занялись бытомъ народовъ, а не описаніемъ войнъ и парадныхъ выходовъ королей, какъ это дѣлалось прежде. Ученые спустились съ небесъ на землю и, переставъ удивляться пышности разныхъ палатъ, начали отыскивать причины, по которымъ у большей части человѣчества нѣтъ даже и своего угла. На помощь политической экономіи и исторіи подоспѣли естественныя науки, науки демократическія, какъ замѣтилъ Бокль, по самой ихъ сущности. Этимъ путемъ мало по малу выработались тѣ положенія о вліяніи среды и обстановки на личность, которыя съ такой неотразимой правдой высказаны у Бокля, Прудона, Лассала, Луи-Блана и многихъ другихъ ученыхъ новѣйшаго времени. Ихъ выводы безотрады; они прямо указываютъ, что всѣ частныя, изолированныя отъ общества, враждебно или равнодушно принимаемыя имъ ассоціаціи германскихъ и другихъ работниковъ; всѣ благодѣтельныя и просвѣщенныя реформы дѣятельнаго Карла III въ Испаніи, не пользовавшіяся сочувствіемъ соннаго коснѣющаго въ предрасудкахъ общества; всѣ революціонныя попытки Франціи, посылавшей нищихъ и пролетаріевъ драться во благо буржуазіи и охранять ея сундуки съ золотомъ, и всѣ другія тому подобныя попытки не повели и не могли повести ни къ чему личность въ ея стремленіяхъ къ освобожденію отъ заѣдающей среды, что, все это временныя, непрочныя улучшенія, иногда слишкомъ дорого стоящія; что только одна свободная наука, никѣмъ нестѣсняемая наука, одно умственное развитіе всего безъ изъятія общества, готоваго отречься отъ всѣхъ старыхъ и глупыхъ предрасудковъ, могутъ не только улучшить положеніе личности, но и спасти самое общество отъ гибели, такъ какъ въ концѣ концовъ оно, коснѣя въ предрасудкахъ, въ невѣжествѣ или обрекая на невѣжество одну какую нибудь часть своего цѣлаго, не можетъ надѣяться даже на свое собственное благосостояніе. Это благосостояніе, состоящее изъ денегъ, нажитыхъ эксплуатированьемъ заѣденныхъ личностей, приведетъ къ всеобщей нищетѣ, застою и деморализаціи, какъ и случилось въ Испаніи. Всякая эксплуатация чловѣка чловѣкомъ гадка по своей безнравственности и еще хуже по своимъ послѣдствіямъ съ точки зрѣнія чистаго утилитаризма, этой религіи, проклинаемой явно, исповѣдуемой тайно и совсѣмъ непонимаемой въ ея сущности эксплуататорами. Эксплуатация ведетъ эксплуатируемаго къ развращенію, къ стремленію избѣгать по возможности труда или исполнить его кое-какъ, а эксплуататора къ нерасчетливой, непроизводительной тратѣ нажитыхъ безъ работъ и усилій денегъ! Ко всѣмъ этимъ выводамъ, хотя и не во

всей ихъ полнотѣ и ясности, можно было придти, читая лучшія произведенія иностранныхъ и русскихъ беллетристовъ и публицистовъ той эпохи, когда написанъ романъ: «Кто виноватъ? У насъ авторъ названнаго романа, гг. Тургеневъ, Достоевскій, Бѣлинскій и многіе другіе писатели писали въ этомъ духѣ, г. Катковъ принадлежалъ душою къ этому кружку, г. Краевскій съ распростертыми объятями принималъ произведенія этого кружка... Конечно, это дѣлалось не по молодости лѣтъ, не по неопытности, какъ дѣлались подлости Чичиковымъ... Но «въѣзъ другой—другія птицы и у нихъ другія пѣсни,» говоритъ Гейне. Это понятно. Но поймете ли вы душевный переворотъ, совершившійся въ живомъ существѣ, когда тѣ-же птицы поютъ другія пѣсни, когда соловьи мѣняютъ свои трели на крики совы? Не станетъ ли вамъ и больно и стыдно за развитыхъ людей, когда они, упрекаемые въ измѣнѣ своему недалекому прошлому, цинически отвѣтятъ вамъ извѣстнымъ прищѣвомъ беранжеровскаго ветошника: *Vieux galons! vieux habits!* Такой фактъ совершился у насъ: старая ливрея снята, на людяхъ блеститъ дешевенькая мишура новыхъ галузовъ. Смѣшнѣе всего то, что они пародируютъ въ этихъ ливреяхъ, не имѣя повидимому господина, потому что кому-же нужны подобные слуги, бывшіе вчера тамъ, стоящіе сегодня здѣсь и неизвѣстно, гдѣ будутъ завтра? Многіе изъ людей сороковыхъ годовъ поютъ совсѣмъ не то, что пѣли прежде, а нѣчто такое скверное, о чемъ прежде они сами отзывались съ омерзеньемъ. Ихъ ужасала участь Круциферскаго, но когда новыи Круциферскій—не по характеру, а по своему положенію—Допуховъ нашелъ честный исходъ изъ своего положенія, тогда они пришли въ ужасъ и забросали его грязью. Имъ казались постыдными и жалкими ромовая бездѣятельность и безысходная подчиненность Глафиры Львовны Негровой, Любови Александровны Круциферской и другихъ дурныхъ и хорошихъ женщинъ, то унижавшихся, то развратничавшихъ, то сплетничавшихъ, то безропотно погибавшихъ въ празднои жизни,—но лишь только Вѣра Павловна Допухова (въ романѣ: Что дѣлать?) попробовала отарить мастерскую, такъ тотчасъ-же они закричали: разбой! и приложили всѣ старанія, чтобы осуществленіе этой мастерской въ дѣйствительности не могло состояться. Въ нихъ возбуждали участіе шути, пьяницы, обреченные на эти роли средой, Веретьевы, Петры Петровичи Каратаевы, Гамлеты Щигровскаго уѣзда, а энергическіе Базаровы и другіе новые люди, такъ или иначе, или съ ошибками дѣлающіе дѣло и освобождающіеся отъ цѣпей среды, подверглись избиенію. Самое сильное избиеніе досталось, на примѣръ, Колѣ Го-

робу въ романѣ: «Марина», напечатанномъ въ журналѣ г. Каткова. Этотъ преступникъ—колючко. Я говорю здѣсь о Горбичѣ—еще гимназистъ; онъ по мнѣнію автора романа развращенъ въ юнецъ, въ немъ убито все хорошее. Человѣкъ съ здравымъ смысломъ, встрѣчая подобнаго испорченнаго ребенка, непремѣнно долженъ ожидать, что за погибшаго начнется избиеніе той среды, которая развила такого нравственнаго урода. Но не чуть не бываетъ, по дѣлу оказывается, что этотъ нравственный уродъ самъ виновать въ своемъ уродствѣ и долженъ быть казненъ за это. Какимъ путемъ мышленія дошелъ до такого заключенія авторъ романа, г. Ключниковъ—неизвѣстно. Вѣришь всего, что онъ совсѣмъ не думалъ о томъ, что писалъ. Если онъ признаетъ предопредѣленіе, какъ фаталистъ, то мальчикъ не виновать и сердиться нужно не на него. Если онъ придерживается мнѣнія физиологовъ о передатчѣ дѣтямъ наслѣдственныхъ качествъ родителей, то опять тамъ нужно сердиться не на ребенка, а бичевать родителей за ихъ гадость. Если наконецъ онъ понялъ, то есть сумѣлъ понять, что все въ человѣкѣ зависитъ во-первыхъ отъ его физическихъ качествъ, то есть отъ здоровья, даннаго ему и поддержаннаго въ немъ родителями, во-вторыхъ отъ воспитанія, даннаго тѣми же родителями, въ третьихъ отъ окружающей его среды и обстановки, избранной опять тоже родителями, то онъ долженъ бы съ глубокою любовью, съ честнымъ человѣческимъ чувствомъ отнестись къ больному ребенку и позорнымъ клеймомъ заклеить—если ужъ такъ хотѣлось когонибудь клеймить—и отцовъ, и среду, загубившихъ его героя. Постыдно положеніе того, кто безъ стыда публично рѣшается бить больного и слабого, да еще сознается, что по его личному убѣжденію это больной, то есть нравственно погубленный человѣкъ. Это-то понимали у насъ лучшіе люди въ былые годы, теперь же Господа положенія со своими взбаломученными романистами не хотятъ этого знать. За то въ тѣ времена за честное указаніе обществу, какихъ погибшихъ людей оно приготовляетъ, никто не имѣлъ права негодовать; теперь же каждый честный человѣкъ долженъ съ отвращеніемъ отвернуться отъ побиванія слабыхъ и настойчиваго оправданія среды. Ее гладятъ по головкѣ; умалются надъ поэтической сценой, какъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ» одинъ изъ отарканекъ наслаждается грязной интригой съ одной изъ своихъ вѣрнопостныхъ, и бросаютъ камни въ Базарова за пробужденіе въ его молодой груди дѣйствительной страсти; къ средѣ холопски подслуживаются, потакаютъ ея праздности, невѣжеству и предрасудкамъ; говорятъ ей про новыхъ людей: «Вотъ негодяи, но ты не-

виновата въ ихъ негодности, мы ихъ избьемъ. Они не отъ тебя родились, не подъ твоимъ вліяніемъ развивались, не отъ твоего лицемѣрія теряли вѣрованія, не отъ твоего разврата потеряли къ тебѣ уваженіе, не отъ твоихъ притѣсненій озлобились, — нѣтъ! они упали съ неба съ готовыми убѣжденьями, характерами, пороками, чтобы побить тебя, незащитная страдалница. Но мы ихъ пришколимъ, а ты плати намъ за это деньги и давай теплыя мѣстечки!» Такъ-ли относится, напримѣръ, Диккенсъ къ средѣ, выставляя въ «Тяжелыхъ временахъ» негоднаго сына Градуленда, который не лучше какого нибудь Коли Горобца? И имѣетъ ли право молодое поколѣніе бросить въ Диккенса камень за выставленіе этой отвратительной личности? Нѣтъ, господа, и молодое поколѣніе, и сами Градуленды—сыновья и наконецъ англійское правительство съ сочувствіемъ смотрятъ на этого писателя, зная, что не злоба ступившаго стариканки, а честное стремленіе указать на язвы общества, ведило его перомъ; но за то Диккенсъ талантливъ, а не пигмей, недовольный появленіемъ болѣе развитыхъ, чѣмъ онъ самъ, людей. Талантливо и честно высказанное слово правды будить людей и заставляетъ ихъ взглянуть на свои ошибки, а подъ вашу пѣсню станеть ли общество хоть немного лучше воспитывать своихъ дѣтей или, повѣривъ, что люди рождаются негодными, ингилистами, махнетъ рукой и опять бросить дѣтей безъ присмотра, чтобы черезъ десятокъ лѣтъ снова начать проклинать ихъ неповиновеніе, ихъ—можетъ быть дѣйствительно сумасбродные—поступки, и этой вѣчной враждой тормозить всякое развитіе и отвращать и безъ того нашу невеселую жизнь?.. Отвернитесь, читатель, отъ всѣхъ этихъ людей...

Однако, кто же виноватъ?

Л. Шеллеръ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОТЪ,

Основанія политической экономіи, соч. Маклода, пер. съ англійскаго М. П. Веселовскаго 1866 г. — Краткій курсъ политической экономіи. Сиб. 1865 г. — Экономическая теорія Маклода, изслѣдованіе М. П. Веселовскаго 1865 г. — Политическія и общественная теоріи XVI вѣка, соч. Ю. Жуковскаго 1866 г. — Прудонъ и Луи-Бланъ, соч. Жуковскаго.

Въ прошлый разъ я указалъ на нѣкоторыя выдающіяся черты въ характерѣ юристовъ. Разбирая ихъ отношенія только къ двумъ юридическимъ вопросамъ, мы пришли къ тому заключенію, что для нихъ существующій фактъ — идеаль правосудія, что сегодня они признають справедливымъ то, что вчера считали незаконнымъ, что они, однимъ словомъ, наивны, непослѣдовательны и лицемерны. Теперь представляется мнѣ случай поговорить о другомъ разрядѣ ученыхъ мужей, о такъ называемыхъ экономистахъ. Есть люди, которые наивно думаютъ, будто юристъ и экономистъ — двѣ совершенно особыя породы. Относясь высокомерно и презрительно къ юристамъ, называя ихъ науку сплетеніемъ чепухи, какою-то ахиліей съ примѣсю метафизики, эти люди смотрятъ на экономистовъ съ нѣкоторымъ почтеніемъ и ихъ книжицы и трактаты считаютъ за дѣйствительную науку. И за что такая обида юристамъ? Чѣмъ они хуже экономистовъ? И чѣмъ экономисты лучше юристовъ? Рѣшительно ничѣмъ. И тѣ и другіе такъ похожи другъ на друга, что, мнѣ кажется, легче распознать двухъ Сіамскихъ близнецовъ, легче отличить правое ухо отъ лѣваго, чѣмъ юриста отъ экономиста или экономиста отъ юриста. Это двѣ одинаковыя стороны одного и того же предмета, это двѣ части одного и того же существа. Существо же это, слѣпленное изъ двухъ сходственныхъ поло-

виноиъ юриста и эконоииста, употребляется почтенной рутной въ качествѣ охраняющей силы благочинія въ наукѣ и жизни. Специальная обязанность этого двуличнаго существа состоитъ въ томъ, чтобы анархію дѣйствительной жизни приводить теоретически въ логическій порядокъ и увѣрять всѣхъ простаковъ, будто этотъ *выдуманнй* ими порядокъ существуетъ и въ дѣйствительности и будто всякій, кто осмѣливается въ немъ сомнѣваться, доказываетъ этимъ или свое крайнее невѣжество, или зловредную неблагонамѣренность. Что такъ именно поступають юристы—это, я думаю, достаточно ясно было доказано разборомъ отношеній ихъ къ суду присяжныхъ и къ вопросу о смертной казни; что такимъ же точно образомъ ведутъ себя и эконоиисты, въ этомъ не трудно убѣдиться изъ самаго поверхностнаго взгляда на исторію ихъ науки. Когда нововозникающая промышленность требовала себѣ поощренія и покровительства, эконоиисты сочиняли меркантильныя системы; когда фабриканты и купцы почти уже совсѣмъ подкопались подъ полуогнившее зданіе землевладѣльческаго феодализма, тогда эконоиисты, въ угоду побѣдителямъ и, въ то же время, желая сохранить наружное почтеніе къ старому кумиру, ехидно объявили, что будто вся сила общественной производительности заключается въ классѣ землевладѣльцевъ и что потому на этомъ классѣ должны лежать и всѣ налоги, а купцовъ и фабрикантовъ слѣдуетъ освободить отъ всякихъ податей. Когда же буржуазія окончательно окрѣпла и видимо начала тяготиться отеческою заботливостію о ней правительства, тогда эконоиисты открыто провозгласили меркантильную систему вопіющею негѣпостію, и съ либеральнымъ пафосомъ стали требовать полнаго невмѣшательства государства въ экономическія отношенія какъ народовъ, такъ и гражданъ. Однимъ словомъ, въ ихъ ученіяхъ и теоріяхъ, какъ въ зеркалѣ, отражались малѣйшія измѣненія настроенія духа того класса, который поилъ ихъ и кормилъ, погупалъ ихъ сочиненія, давалъ имъ пенсіи и лавровые вѣнки, т. е. ордена и тепленькія мѣста. И какъ бездушное зеркало нельзя обвинять за то, что оно, представляя различные предметы, не держится никакой опредѣленной идеи, не руководствуется никакой логикой,—такъ точно нельзя за это винить и эконоиистовъ. Въ этомъ случаѣ ихъ непослѣдовательность едва ли не превосходитъ сумбурность самихъ юристовъ. Вопросы, по существу своему совершенно тождественные, они рѣшаютъ діаметрально противоположнымъ об-

разомъ, смотря по тому, какое рѣшеніе требуется заводчиками и барышниками. Когда, напримѣръ, зайдетъ рѣчь о стачкахъ рабочихъ, у экономистовъ появляется на губахъ гѣна; тогда же, напротивъ, заговорятъ о стачкахъ фабрикантовъ, губы ихъ складываются въ самую сладенькую, одобрительную улыбку. Когда они трагуютъ о рабствѣ негровъ, рѣчь ихъ дышетъ благороднымъ негодованіемъ противъ жестокихъ притѣснителей, отнимающихъ у людей весь продуктъ ихъ труда и оставляющихъ имъ только нѣсколько крохъ, чтобы они не перемерли съ голоду. Когда же имъ приходится толковать о задѣльной платѣ, — высота которой, по ихъ же собственному признанію, почти всегда совпадаетъ съ самымъ низкимъ уровнемъ человѣческихъ потребностей, — тогда они начинаютъ распѣвать умиленные дифирамбы въ честь великой мудрости, гуманности и предусмотрительности своихъ читателей и кормителей. И разумѣется, если бы я вздумалъ перечислять всѣ противорѣчія, въ которыхъ, фатальнымъ образомъ, впадаютъ экономисты, въ качествѣ присяжныхъ защитниковъ даннаго *status quo*, то мнѣ пришлось бы исписать нѣсколько стопъ бумаги, и всетаки не дойти до конца.

Но это еще только одна черта сходства юристовъ съ экономистами. Есть другая гораздо болѣе существенная. На нее до сихъ поръ, какъ мнѣ кажется, никто еще не обращалъ должнаго вниманія. А между тѣмъ эту черту стоитъ замѣтить. Юристы и экономисты выводятъ всѣ свои теоріи и системы изъ одного принципа, одинаково любезнаго какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Вся наука юристовъ построена на началѣ *возмездія*, на томъ же началѣ основана и наука экономистовъ. У юристовъ только начало это, облеченное въ метафизическіе покровы, называется *амънемъ*, а у экономистовъ — *обмъномъ услугъ*. Первые выводятъ изъ своего верховнаго принципа всѣ возможныя и невозможныя системы уголовныхъ каръ и преслѣдованій; вторые — ученія о *рендѣ*, *рабочей платѣ*, о *капиталѣ*, *кредитѣ*, *процентахъ*, однимъ словомъ, всю свою науку. Принципъ этотъ оказался одинаково выгоднымъ, какъ для цѣлей юриспруденціи, такъ и для цѣлей политической экономіи. Съ помощію его, дѣйствительно, весьма удобно оправдать и жестокость уголовного законодательства, и анархію экономическихъ отношеній. «Зло за зло», говорятъ юристы; «услуга за услугу», говорятъ экономисты. Прекрасно. Но въ чьихъ же рукахъ находятся тотъ

закодированный аршинъ, которымъ мѣряются и зло и услуги? И гдѣ ручательство за вѣрность этой мѣры, за неподкупность критерія. Ростовщикъ грабитъ, фабрикантъ барышничаетъ, палачъ неистовствуетъ, — что же? — все это оправдывается и покрывается эластическими принципами юриста-экономиста. Ростовщикъ не грабитъ, но только требуетъ услуги за услугу, фабрикантъ не барышничаетъ, а только платитъ за трудъ то, что онъ стоитъ, и палачъ не неистовствуетъ, а только *вмѣняетъ* преступнику учиненное имъ зло.

Такъ рассуждаютъ юристы и экономисты, и рассуждаютъ, съ своей точки зрѣнія, совершенно справедливо. Имъ же лучше, что они попали на такую удивительную точку зрѣнія, съ которой все можно оправдать и поощрить.

Но есть, однако, одинъ пунктъ, съ котораго эти два Сіамскіе близнецы начинаютъ не походить одинъ на другого. Впрочемъ, несходство это не столько зависитъ отъ свойства этихъ самыхъ наукъ, сколько отъ тѣхъ вѣншихъ силъ, которыя держатъ ихъ у себя по найму, въ услуженіи. Карательная власть во всѣ вѣка и у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ по своимъ основнымъ принципамъ была совершенно однородна; ея требованія и цѣли всегда были почти одинаковы; а потому и прислуживающіе ей юристы во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ принуждены повторять все одно и то же, такъ что и наука-то ихъ представляетъ собою какую-то окаменѣлую формацию. Совѣтъ не то съ экономистами. Сила, содержащая ихъ на своихъ плечахъ, есть сила живая, подвижная, растущая не по днямъ, а по часамъ. Не прошло еще и вѣка, какъ она съ апломбомъ дебютировала на театрѣ человѣческаго прогресса, а уже теперь она является полною госпожею всего образованнаго міра. Теперь она все себѣ поработила, все поглотила, всему даетъ свой указъ, вездѣ распоряжается и повелѣваетъ. Эта сила—буржуазія, а орудіе ея—капиталъ. Разумѣется, и наука, живущая у нея на содержаніи, должна была раздѣлять судьбы своей кормилицы. Когда кормилица еще не успѣла вполне отрѣшиться отъ средневѣковыхъ представлений, высвободиться изъ подъ феодальнаго гнета, когда она еще чувствовала на себѣ нѣкоторое тяготѣніе *прошедшаго*, — тогда и наука экономистовъ на жадномъ шагу представляла примѣры робости, нерѣшительности и какой-то сдержанной осторожности. Но со временъ Адама Смита, со временъ даже Рикардо и Сея, положеніе буржуазіи измѣнилось, она

заняла аванпосты, она пустила глубокіе корни въ организмъ народной жизни, вмѣстѣ съ этими и наука экономистовъ становилась все буржуазнѣе и буржуазнѣе, все съ большею беззащитностью начала проповѣдывать свои мѣщанскія доктрины и наконецъ въ лицѣ Маклеода превратилась въ счетъ мелочной лавочки. Маклеодъ свелъ ее къ теоріи простого *обмѣна*. Обмѣнъ и барышничество—вотъ два единственные предмета, о которыхъ онъ говоритъ въ своихъ «Основаніяхъ политической экономіи». Кромѣ обмѣна и барышничества для него не существуетъ никакихъ другихъ экономическихъ явленій. Онъ находится въ полномъ самобольщеніи, когда увѣряетъ, что будто онъ, Маклеодъ, «положилъ новое основаніе науки», «провелъ новыя мысли и мнѣнія». Ни чуть не бывало. Его методъ и приемы изложенія не содержатъ въ себѣ рѣшительно ничего новаго: они свойственны всѣмъ экономистамъ и всѣмъ юристамъ только въ большей или меньшей степени, вотъ и все. Методъ этотъ очень простъ и имѣетъ нѣкоторую претензію на сходство съ методомъ естествоиспытателей. По видимому, даже это сходство дѣйствительно существуетъ. Экономистъ и юристъ, какъ и естествоиспытатель, изучаютъ факты дѣйствительной жизни, группируютъ классифицируютъ и выводятъ изъ нихъ общіе законы и правила, которыми въ свою очередь, съ помощью дедукціи, объясняютъ и освѣщаютъ весь экономическій или юридическій бытъ народа. Но сходство это, какъ я сказалъ, только видимое. Въ сущности его нѣтъ и быть не можетъ. Впрочемъ, причины этой коренной разницы заключаются не столько въ свойствѣ самыхъ приемовъ экономистовъ и юристовъ, сколько въ свойствѣ изучаемыхъ ими явленій. Естествоиспытатель имѣетъ дѣло съ фактами физической природы, съ фактами, возникшими помимо воли и вмѣшательства человѣка. Для него единственно важнымъ вопросомъ является вопросъ: какъ и почему существуетъ то или другое явленіе? вопросъ же о томъ, худо или хорошо это явленіе, полезно оно для человѣка или нѣтъ,—не имѣетъ для него никакого существеннаго значенія. Потому къ изученію явленій дѣйствительности онъ приступаетъ, такъ сказать, съ чистою совѣстью, безъ предвзятаго намѣренія доказать, во что бы то ни стало, что существующее дурно или хорошо. Совсѣмъ въ другомъ положеніи стоятъ юристы и экономисты. Если они не бездушные идіоты, то для нихъ не можетъ быть чуждымъ вопросъ: хорошо или худо существующее? Для всякаго дѣятеля, изучающаго общественную жизнь, вопросъ этотъ

неизбѣжно долженъ стоять на первомъ планѣ. Объективное отноше-
 ніе къ изучаемому предмету здѣсь едва ли мыслимо. Соціалистъ не
 можетъ относиться индифферентно къ общественнымъ явленіямъ и
 смотрѣть пассивно на общечеловѣческіе интересы. Это естественное
 стремленіе его—вносить свой субъективный взглядъ въ изученіе со-
 ціальныхъ явленій,—у юристовъ и экономистовъ обуславливается
 особыми экономическими соображеніями и чувствомъ возвышенной
 благодарности къ своимъ покровителямъ и питателямъ. Поэтому
 объ ихъ безпристрастїи и объективности мы не будемъ здѣсь
 распространяться: кому оно неизвѣстно и кто въ немъ сом-
 нѣвается? Но на этомъ еще не кончается различіе методовъ есте-
 ствоиспытателей и экономистовъ. Естествоиспытатели имѣютъ дѣло
 съ явленіями природы всегда и вездѣ дѣйствующей однообразно и
 правильно. Изъ такихъ явленій можно, разумѣется, выводить неиз-
 мѣнные и постоянные законы. Напротивъ, нѣтъ ничего постоянного
 и правящаго въ явленіяхъ жизни соціальной. Многое здѣсь зависитъ
 отъ простыхъ случайностей, многое отъ каприза и произвола нѣсколь-
 кихъ лицъ, уполномоченныхъ властью.—Война породила данный соціаль-
 ный порядокъ, войною онъ держится, война составляетъ его сущность.
 Эта постоянная, убійственная война,—война на поляхъ и водахъ, война
 въ лавкахъ и на фабрикахъ, война на рынкахъ, война въ деревняхъ
 и городахъ,—даетъ обширный просторъ личнымъ силамъ и личному
 произволу воюющихъ. Потому возводить въ законы порождаемая ею
 явленія—это значитъ возводить анархію въ принципъ, лицемеріе и
 ложь—въ вѣчный и неизмѣнный законъ! Такъ именно и посту-
 пають экономисты и юристы. Но, разумѣется, для того, чтобы убѣ-
 дить людей въ законности и разумности ежедневно совершающагося
 злодѣяства, необходимо представить это злодѣяство въ такомъ свѣ-
 тѣ, чтобы оно не казалось зломъ, т. е. къ фактамъ дѣйствитель-
 ности сдѣдуетъ примѣшать нѣкоторую долю вымысловъ собственной
 фантазіи; факты, подкрашенные этими вымыслами, теряютъ свою
 твердость, и дѣлаются упругими и эластичными, подобно яйцу, про-
 питанному уксусомъ. Тогда ихъ можно пропускать черезъ какое
 угодно горлышко бутылки. Такъ и дѣлають экономисты. Впро-
 чемъ, по мѣрѣ того какъ ихъ наемщики прїобрѣтають все
 большее и большее общественное значеніе, необходимость въ
 подобномъ подкрашиваніи становится все болѣе и болѣе излиш-
 дею. Съ кѣмъ имъ тогда церемониться, кого бояться? Вездѣ

и на всемъ лежитъ одинъ гербъ, все одѣлось въ одну ливрею, все молится одному кумиру. Слѣдовательно, не для кого и искажать дѣйствительность, если она у меньшинства находитъ себѣ полное одобреніе и оправданіе. Потому мы и замѣчаемъ нѣкоторый прогрессъ въ наукѣ экономистовъ. Съ каждой новой побѣдой буржуазіи, они становятся все беззащитнѣе и наглѣе. Курсель-Сенель идетъ дальше Бастіа, а Маклеодъ дальше Курсель-Сенеля и т. д. Маклеодъ видитъ, что стыдиться теперь уже некого, и что теперь настало время сорвать покровы вымысловъ съ безобразной дѣйствительности и открыто провозгласить эту безобразную дѣйствительность—чудомъ красоты, идеаломъ справедливаго и разумаго. Онъ самоувѣренно отвергаетъ всякіе проэкты улучшить и измѣнить данный строй экономическихъ отношеній. Къ чему улучшать *намлучшее*, и пытаться измѣнить *неизмѣнное*? Такъ это и должно быть для экономиста.

Поэтому вся теорія Маклеода сводится къ одному общему. Весь трактатъ его только и толкуетъ о цѣнахъ, о кредитѣ, о капиталѣ, о банкахъ, о вексельномъ курсѣ и денежномъ обращеніи. Его гораздо прѣвильнѣе было бы назвать *«теоріею капитала и кредита»*, чѣмъ *«Основаніемъ политической экономіи»*. Но, какъ я сказалъ, экономисты обращаютъ вниманіе только на тѣ явленія, которыя совершаются въ родственной имъ буржуазной сферѣ. Только эти явленія и считаютъ они достойными научнаго изслѣдованія и только ими они и ограничиваютъ свою науку. И на теоріяхъ Маклеода о капиталѣ и кредитѣ мы лучше всего можемъ провѣрить безусловную справедливость всего того, что я говорилъ выше объ экономистахъ и ихъ методѣ.

Въ современной жизни буржуазіи кредитъ играетъ самую видную, первостепенную роль. Кредитомъ буржуазія живетъ, въ кредитъ она затѣваетъ свои безумныя предпріятія, кредитъ обогащаетъ банкировъ, ростовщиковъ и фабрикантовъ, кредитъ давитъ и разоряетъ народъ и пролетаріевъ. Потому Маклеодъ и придаетъ кредиту особенно важное, даже не бывало важное значеніе. До сихъ поръ думали, что кредитъ не одаренъ никакою творческою силою, что онъ только сообщаетъ капиталамъ болѣе полезное употребленіе, не создавая однако ни копѣйки. Но экономисты ошибались, и ошибались умышленно. Имъ совѣстно было сознаться, что для большинства буржуазіи кредитъ дѣйствительно одаренъ творческою силою, что

для него онъ замѣняетъ капиталъ; а вѣдь капиталъ производителемъ,—это они признали и признаютъ, ни мало не красясь. Маклеодъ дѣлаетъ то же признаніе и относительно кредита: онъ утверждаетъ, что кредитъ столь же производителемъ, какъ капиталъ и трудъ. (См. стр. 74 и 75). Кредитъ не только приводитъ капиталы въ движеніе, онъ самъ представляетъ собою капиталъ. А что капиталъ есть сила творческая, въ этомъ, какъ я уже сказалъ, давно перестали сомнѣваться даже и робкіе экономисты.

Подвиги беззащитности Маклеода не ограничиваются однимъ только возведеніемъ кредита въ чинъ производительной силы. Въ ученіи своемъ о капиталѣ, рентѣ, цѣнахъ и рабочей платѣ безцеремонность его доходитъ просто до цинизма. До него экономисты, желая сохранить нѣкоторое приличіе, вводили въ опредѣленіе капитала понятіе о *трудѣ* и, цѣляясь за это понятіе, провозглашали законность процента. Маклеодъ считаетъ подобную уловку совершенно излишнею. «Капиталомъ», говорятъ онъ, въ обширѣйшемъ смыслѣ этого слова называется нѣчто такое, чѣмъ человекъ можетъ производить обороты, что онъ можетъ затратить въ видахъ извлеченія прибыли или что даетъ ему средство на полученіе дохода». (стр. 74); т. е. «слово *капиталъ*, въ пространномъ смыслѣ, прилагается болѣе къ способу употребленія известнаго качества, чѣмъ къ какому либо опредѣленному предмету» (стр. 77). Другими словами, капиталомъ называются такія вещи, которыми мы барышничаемъ; не понятіе о трудѣ, а понятіе о барышѣ и прибыли составляетъ сущность маклеодовскаго опредѣленія капитала. И такое опредѣленіе совершенно вѣрно дѣйствительности. Маклеодъ не стыдится показывать вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Буржуазія стала теперь въ такое положеніе, что ей нѣтъ надобности лицемерить. И она не лицемеритъ, она прямо говоритъ: обращать имущество въ капиталъ—значитъ брать за него болѣе, чѣмъ оно стоитъ, т. е. возвращать его себѣ съ нѣкоторою *прибылью*. *Прибыль* эта, разумѣется, берется съ труда, народъ является тою страдательной личностью, при вынужденномъ содѣйствіи которой имущество буржуа превращается въ капиталъ. Такимъ опредѣленіемъ капитала лучше всего характеризуется его роль и значеніе въ жизни общества. И только наглый цинизмъ ступѣвшихъ лавочниковъ можетъ назвать эту роль «великою» и это значеніе «благодѣтельными». Въ ученіи о рентѣ и заработной платѣ Маклеодъ также беззащитивъ, какъ и въ ученіи

о капиталѣ: Рентою называется, какъ извѣстно, та контрибуція, которую землевладѣлецъ взимаетъ съ земледѣльца за право пользованія и обработыванія его земли. Но на какомъ же разумномъ основаніи взимается эта контрибуція? Вѣдь право собственности, утверждаютъ моралисты, лежитъ въ *трудѣ*, слѣдовательно, кто влагаетъ въ землю свой трудъ, тотъ долженъ быть и ея собственникомъ. Какъ тутъ быть? Нечего дѣлать, для того чтобы не впасть въ противурѣчіе съ моралистами, экономисты вынуждены были немножко присочинить: они открыли въ землѣ, силою своей фантазіи, какія то «первоначальныя и неразрушимыя силы» (original and indistructible powers of the soil) (*), безъ которыхъ, будто-бы, трудъ земледѣльца не имѣетъ никакого значенія, и за которыя собственно земледѣлецъ и долженъ платить нѣкоторую контрибуцію землевладѣльцу, обладателю этихъ силъ. Теперь подобные вымыслы оказываются совершенно ненужными. Моралисты, подобные Мальтусу, увлеченные общимъ теченіемъ дѣлъ, давно уже скинули съ себя черную рясу и торжественно облеклись въ ливрею буржуазіи; проповѣдь ихъ не можетъ теперь стать въ противурѣчіе съ расчетами фабрикантовъ и лавочниковъ; они уже заранѣе дали свое согласіе и благословеніе на все, что угодно будетъ сдѣлать ихъ господамъ. Поэтому Маклеодъ, отвергая теорію «первоначальныхъ и неразрушимыхъ силъ земли», сводитъ ученіе о рентѣ къ ученію о капиталѣ и процентахъ. Рента — это вознагражденіе, которое платитъ земледѣлецъ землевладѣльцу за право обработыванія его земли, подобно тому, какъ заемщикъ платитъ заимодавцу за право пользованія его капиталомъ. «Первое необходимое условіе возникновенія ренты заключается въ томъ, чтобы извѣстное лице владѣло большимъ количествомъ земли, чѣмъ въ состояніи обработывать само. Землевладѣлецъ есть капиталистъ, капиталъ котораго заключается въ землѣ: подобно другимъ капиталистамъ, онъ или самъ торгуетъ на свой капиталъ, или отдаетъ часть этого капитала для оборотовъ другимъ лицамъ, при чемъ, за пользованіе капиталомъ, онъ, какъ и другіе капиталисты, пріобрѣтаетъ право получать проценты» (стр. 214). А почему съ земледѣльца и заемщика собирается контрибуція, въ видѣ ренты и процента, отвѣчать на это не трудно: потому что земледѣлецъ *нуждается* въ землѣ, заемщикъ — въ капиталѣ. И ясно и просто. Къ чему тутъ выдумыв-

(*) Рикардо. Principles of political economy and taxation, p. 53.

вать еще какія-то «первоначальныя силы». И безъ нихъ дѣло обходится весьма хорошо. Тою же ясностью и простотою, тою же милою откровенностью отличается ученіе Маклеода о цѣнахъ. Адамъ Смитъ, желая пріискать разумное основаніе мѣновой цѣнности предметовъ, желая установить прочный критерій для регулированія *объема*, высказалъ ту мысль, что будто цѣна предмета опредѣляется стоимостью издержекъ производства, или количествомъ единицъ затраченнаго на него труда. Но подобныя «основанія» и «критеріи» существовали только въ фантазіи Адама Смита. Въ дѣйствительности на нихъ не обращали ни малѣйшаго вниманія. Въ дѣйствительности господствовала полнѣйшая анархія, каждый хотѣлъ продать свою вещь дороже, чѣмъ она ему стоила, и въ то же время сбить, до возможнаго *минимума*, цѣнность продуктовъ своихъ ближнихъ. Свой трудъ цѣнился до крайности высоко, чужой — до крайности низко. При такомъ положеніи дѣла нельзя было и думать ни о какомъ разумномъ регулированіи цѣны. Она вполне и безусловно зависѣла отъ стеченія болѣе или менѣе счастливыхъ или несчастныхъ обстоятельствъ, отъ прихоти и капризовъ, отъ хитрости и ловкости покупающихъ и продающихъ. И Маклеодъ считаетъ ненужнымъ скрывать этотъ фактъ; онъ такъ таки прямо и говоритъ: цѣнность предмета опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, и что «не трудъ сообщаетъ ему эту цѣнность, а на оборотъ, цѣнность предмета привлекаетъ къ нему трудъ». (стр. 24). Ту же теорію спроса и предложенія онъ прилагаетъ и къ вопросу о заработной платѣ. До него экономисты, желая съ одной стороны, оправдать низкій уровень заработной платы, съ другой — доказать, что при опредѣленіи ея *не все* зависитъ отъ произвола фабрикантовъ и наемщиковъ, учили насъ, будто заработная плата опредѣляется стоимостью услуги, оказываемой рабочимъ, и цѣною съѣстныхъ припасовъ. Такъ напр. Рикардо говоритъ: «трудъ, подобно всѣмъ предметамъ, которые продаются и покупаются, и количество которыхъ можетъ быть увеличено или уменьшено, имѣетъ свою естественную и свою рыночную цѣну. Естественная цѣна на трудъ есть та цѣна, которая необходимо должна быть получаемая тружениками, для того чтобы они могли существовать и воспроизводить свой родъ безъ возрастанія или уменьшенія. (Principles of political economy and taxation, стр. 86). На самомъ дѣлѣ было не совсѣмъ такъ, на самомъ дѣлѣ работодатели ни мало не заботились о томъ, достаточна ли

плата, получаемая труженниками «для того, чтобы они могли существовать и воспроизводить свой родъ безъ возрастанія или уменьшенія». Но въ то время, когда Рикардо писалъ, экономисты чувствовали еще нѣкоторую потребность лицемѣрить и подтасовывать факты, потому что буржуазія тогда только боролась, а не властвовала и повелѣвала, какъ теперь. Теперь же, какъ я уже нѣсколько разъ повторялъ, нѣтъ нужды въ подобномъ лицемѣрїи и подтасовкѣ. Маклеодъ, не обинуясь, говоритъ, что всѣ эти такъ называемыя «естественныя цѣны»—глупости, и что цѣна рабочей платы, какъ и всякаго товара, *единственно и исключительно* опредѣляется спросомъ и предложениемъ (стр. 218—233). Такимъ образомъ, между работодателями и работодателемъ, — какъ и вообще между покупателями и продавцами, потребителями и производителями, — идетъ вѣчная война, успѣхъ которой обратно пропорционаленъ числу бойцевъ съ той и другой стороны. А такъ какъ работодателей всегда болѣе, нежели работниковъ, то, разумѣется, побѣдителями всегда остаются послѣдніе, а роль побѣжденныхъ всегда играютъ первые. Вотъ какія признанія дѣлаетъ намъ буржуазія, вотъ до чего доходитъ ея безстыдство и наглость, она теперь не скрывается: руками Маклеода она съ циническою улыбкой срываетъ съ себя свои ветхія рубища, сотканныя экономистами для прикрытія ея наготы, и нагло приглашаетъ всѣхъ наслаждаться и восхищаться ея нравственнымъ безобразіемъ. Однако, какъ ни смѣлъ Маклеодъ, и какъ ни мало онъ церемонится съ здравымъ смысломъ, — все-таки онъ не вполне еще отрѣшился отъ лицемѣрїи и трусливой нерѣшительности, — качество, обыкновенно присущихъ, въ большей или меньшей степени, всѣмъ экономистамъ и всѣмъ юристамъ. И прежде чѣмъ я кончу съ этимъ отважнымъ политико-экономомъ, мнѣ хочется упомянуть его въ робости и непослѣдовательности. На стр. 18 и 19, онъ говоритъ: «Война есть величайшее бѣдствіе для человѣчества; за то политическая экономія есть самый могучій противникъ войны. Монеполія въ торговлѣ есть одно изъ тяжкихъ социальныхъ золъ, за то политическая экономія есть самый отважный разрушитель монополій. Когда всѣ выводы нашей науки будутъ ясно поняты, и всѣ доктрины ея войдутъ въ сознаніе большинства людей, она приведетъ къ тому, что весь міръ изъ бойни и мясной превратится въ садъ изобилія и благосостоянія». О лицемѣрїе, о трусости! Чего вы боитесь, кто противъ васъ? Вы — наши хозяева, мы — ваши бат-

рани и слуги; въ вашихъ рукахъ общественное мнѣніе и матерьяльная сила, въ вашемъ распоряженіи цѣлыя фаланги экономистовъ, юристовъ, философовъ, публицистовъ и т. д.! Говорите смѣло, передъ вами все работѣствуетъ, и никто не посмѣетъ вамъ противорѣчить. Говорите: «мы живемъ среди полнѣйшей анархіи, среди нескончаемой войны, для насъ это выгодно, и потому мы признаемъ эту анархію за величайшее благо, мы считаемъ войну неизбѣжнымъ и притомъ мудрымъ закономъ человѣческаго общежитія. Миръ теперь представляетъ какую-то бойню, или мясную лавку, — и такъ это должно быть, и такъ это будетъ всегда, потому что, по нашимъ расчетамъ, это полезно и разумно. — И я думаю, скоро придетъ то время, когда буржуазія, устами какого-нибудь новаго Маклеода, провозгласитъ эти принципы открыто и громко, и тогда послѣднія триапы спадутъ съ ея, почти уже обнаженнаго тѣла, къ виду этихъ, ничуть несмѣлыхъ ожиданій, съ одной стороны, съ другой — въ виду беззащитной откровенности Маклеода, какимъ жалкимъ, мизернымъ и отсталымъ представляется намъ «Краткій курсъ политической экономіи», изданный въ «пособіе для слушающихъ лекціи по этому предмету». О, какъ я сожалею о васъ, господи, «слушающіе лекціи по этому предмету». Зачѣмъ это васъ всегда заставляютъ жевать пережеванное, зачѣмъ это всегда набиваютъ ваши головы всякимъ старымъ хламомъ? Такова воля начальства, покорно скажете вы, и скажете совершенно справедливо. Но я все-таки не понимаю, зачѣмъ же начальство непременно хочетъ, чтобы вы изучали политическую экономію по Гарнье, Курсель-Сенелю и Ивану Горлову? И зачѣмъ это оно не хочетъ, чтобы вы изучали «этотъ предметъ не по одному Гарнье, или Курсель-Сенелю, или Горлову, — а по всѣмъ, по тремъ вмѣстѣ? Не понимаю, а между тѣмъ такова именно его воля. «Краткій курсъ политической экономіи, изданный въ пособіе слушающимъ лекціи по этому предмету,» есть ни болѣе ни менѣе, какъ компиляція изъ сочиненій этихъ трехъ великихъ мыслителей XIX вѣка, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ собственныхъ соображеній неизвѣстнаго составителя компиляціи. Собственныя соображенія компиляторъ облачаетъ въ форму афоризмовъ, недопускающихъ возраженія, или въ форму пророчествъ. напр., «частная собственность сдѣлается формою, преобладающею въ нашемъ хозяйствѣ, едва только населеніе достигнетъ извѣстнаго соотношенія съ пространствомъ» (стр. 42). Пролетаріатъ не можетъ быть уничто-

женъ общественнымъ владѣніемъ, но можетъ быть, рано или поздно, вызванъ имъ, едва-ли не въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ при частной собственности (sic). Право собственности на землю лежитъ въ трудѣ, и также свято, какъ и всякая собственность (стр. 56). Всякая честно приобрѣтенная собственность достойна уваженія, (стр. 60) и т. д. По временамъ компиляція принимаетъ нравственно-описательный характеръ, и во многихъ мѣстахъ напоминаетъ афоризмы прописей, особенно въ томъ отношеніи, что нѣкоторые вопросы остаются совсѣмъ безъ отвѣта; за то другіе рѣшаются съ комическою самоувѣренностью. Напримѣръ, компиляторъ спрашиваетъ: какъ образуются капиталы?—и отвѣчаетъ словами Курсель-Сенеля: «трудомъ и воздержаніемъ». При этомъ онъ еще добавляетъ: «Самое важное накопленіе то, которое происходитъ отъ мелкихъ сбереженій.» Это добавленіе онъ дѣлаетъ въ томъ видѣ, чтобы имѣть возможность на стр. 93 отрекомендовать рабочимъ «сбереженіе и накопленіе, какъ наилучшее средство для борьбы съ капиталистами,» и при этомъ случаѣ не забываетъ упрекнуть социалістовъ за то, что они, по своей глупости, принимали существующій фактъ зависимости рабочихъ отъ капиталистовъ за необходимый, и считали его неотъемлемою принадлежностью порядка свободы соперничества» (стр. 93). Бѣдные вы, господа, осужденные слушать лекціи по этому предмету! Хорошо еще, что скромный авторъ «Краткаго курса» ограничился ролью компилятора; воображаю себѣ, что бы такое вышло, если бы онъ покусился на творческую дѣятельность,—вѣроятно нѣчто еще изумительнѣе и незабвеннѣе твореній Ивана Горлова. Къ счастью онъ благоразумно остерегся выказать свою оригинальность, и благо ему!

Жаль что г. Веселовскій, переводчикъ Маклеода, не послѣдовалъ его примѣру. Тогда онъ одною глупостью сдѣлалъ бы меньше. Но не всѣмъ людямъ суждено быть благоразумными. Не довольствуясь переводомъ «Основанія Политической экономіи» Маклеода, онъ вздумалъ еще издать особую брошюру подъ заглавіемъ: «Экономическая теорія Маклеода», изслѣдованіе М. П. Веселовскаго. Въ брошюрѣ, неизвѣстно почему названной «изслѣдованіемъ», авторъ ограничивается защитою теоріи Маклеода противъ нападокъ на нее берлинскаго ученаго Михаэлиса (въ статьѣ für Rückfall въ Vierle-

Jahresschrift für Volkswirtschaft und Kulturgeschichte, herausgegeben von I. Fauche und Otto Michaelis, 1863 J. Z. IV), и публициста «Современника», въ статьяхъ «Экономическая теорія Маклеода» и «Смитовское направление и позитивизмъ въ экономической наукѣ». Впрочемъ защита не блещетъ особою оригинальностью, а ограничивается болѣе вымыслами и ссылками на Милля. За то тамъ, гдѣ онъ пускается въ собственные соображенія, онъ становится смѣшопъ и комиченъ до жалости. Для примѣра я подѣлюсь съ читателями нѣкоторыми изъ его глубокомысленныхъ измышлений и открытій. Первое самое важное его открытіе состоитъ въ томъ, что въ мірѣ только и существуютъ капиталисты. Всѣ люди, всѣ двурукія существа — капиталисты, я, вы читатель, ваши слуги и знакомые — всѣ мы капиталисты. Васъ это удивляетъ; вы не вѣрите. Слушайте: «Если мы обратимъ вниманіе, что *«пара здоровыхъ рукъ»* и нѣкоторая смѣтливость, съ твердою наклонностью и привычкою къ труду, составляютъ капиталъ рабочаго, то гдѣ же проявится абсолютная некапитальность?» (стр. 46). Конечно нигдѣ, и я вполне согласенъ съ дальнѣйшимъ выводомъ, дѣлаемымъ г. Веселовскимъ изъ этого остроумнаго предположенія. Выводъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: «И такъ, съ *научной* точки зрѣнія (т. е. съ той, которая принимаетъ за капиталъ *«пару здоровыхъ рукъ»* и нѣкоторую смѣтливость) — вотъ уже истинно-научная точка!) нѣтъ, и не должно быть, различія между буржуазіей и простонародьемъ, между капиталистомъ и труженикомъ, въ смыслѣ особыхъ общественныхъ словъ: капиталистъ и труженикъ *суть отвлеченныя понятія* (что, читатель, второе открытіе, не правда ли, стоитъ перваго?), которыя почти не воплощаются въ чистомъ, непримѣсномъ видѣ. Банкиръ, ворочающій милліонами, и фабричный рабочій, дѣйствующій ткацкимъ станкомъ, оба, въ своемъ родѣ, труженики (радуйся, банкиръ, это тебѣ комплиментъ!), и оба въ своемъ родѣ капиталисты (теперь, труженикъ, тебѣ пришла пора радоваться, — это тебѣ комплиментъ). «Антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ болѣе кажущійся, чѣмъ дѣйствительный» (стр. 41). Это третье открытіе г. Веселовскаго. Вотъ что значить, когда русскій человекъ захочетъ быть оригинальнымъ экономистомъ, — что шагъ, то открытіе, да еще какое! Кому напримѣръ могло придти въ голову, что капиталистъ = труженику, а труженикъ = капиталисту, и что и тотъ, и другой не болѣе какъ отвлеченныя понятія. Вдо-

живенный такими удивительными открытіями, я тоже открываю, что г. Веселовскій есть тоже *отвлеченное понятіе*; отвлеченное, разумѣется, отъ здраваго смысла. На этомъ открытіи, которое, надѣюсь, ничѣмъ не хуже открытій переводчика Маклеода, я на нѣсколько минутъ расстаюсь съ нимъ и съ Маклеодомъ, и со всѣми экономистами, но только на нѣсколько минутъ, черезъ нѣсколько страницъ мнѣ опять придется вернуться къ нимъ.

Выше я показалъ, въ чемъ заключается разница между методомъ экономистовъ, въ родѣ Маклеода, и методомъ естествоиспытателей. Я сказалъ, что методъ естествоиспытателей непримѣнимъ къ изученію явленій соціальной жизни. Къ явленіямъ природы можно относиться объективно, индифферентно, къ явленіямъ общественной жизни слѣдуетъ относиться критически. Явленія природы можно возводить въ общія правила, въ болѣе или менѣе безусловные законы, явленія же современной дѣйствительности, *явленія общественныя* не могутъ и не должны быть возводимы въ законы: возводить ихъ въ законъ значить узаконять многое множество нелѣпостей, облеченныхъ въ принципы, благодаря ничѣмъ невозмущающейся рутинѣ. И такъ единственно возможный методъ изученія явленій соціального быта—это методъ критическій, причѣмъ само собой разумѣется, что эта критика должна быть толковою и всестороннею, не должна ограничиваться одною поверхностью дѣла, а должна стараться, разлагая явленія аналитически, доискиваться основныхъ причинъ, обусловливающихъ ихъ возникновеніе и развитіе. Такой разумный аналитико-критическій методъ не разъ уже былъ примѣняемъ къ изученію явленій соціальной жизни и привелъ ко многимъ открытіямъ, вовсе целестнымъ для экономистовъ и юристовъ. Такъ напримѣръ этотъ методъ привелъ нѣкоторыхъ соціологовъ и политико-экономовъ къ тому выводу, что всѣ явленія юридическія и политическія представляютъ не болѣе, какъ прямыя юридическія послѣдствія явленій жизни экономической; эта жизнь юридическая и политическая есть, такъ сказать, только зеркало, въ которомъ отражается экономическій бытъ народа. Или, говоря словами г. Жуковскаго, «то, что мы называемъ началомъ политическимъ, есть экономическое начало въ дѣйствиіи, то, что мы называемъ правомъ, есть экономическое начало оформленное, введенное въ обяза-

тельный для всѣхъ, положительный законъ.» Взглядъ этотъ не новъ, и въ нашу литературу онъ перенесенъ, какъ и все, что только есть въ ней хорошаго, изъ литературы западно-европейской. Еще въ 1859 г. извѣстный нѣмецкій изгнанникъ Карлъ Маркъсъ формулировалъ это самымъ точнымъ и опредѣленнымъ образомъ (*) (*Zur Kritik der Politischen Oekonomie* стр. IV, V). Теперь этотъ взглядъ сдѣлался почти общимъ достояніемъ всѣхъ мыслящихъ порядочныхъ людей, и едва ли умный человѣкъ найдетъ противъ него хотя какое нибудь серьезное возраженіе. Въ самомъ дѣлѣ доказать а priori вѣрность этого взгляда весьма не трудно. Личный интересъ, стремленіе къ улучшенію своего положенія, къ расширенію средствъ существованія, наслажденія и обладанія надъ міромъ бесспорно составляютъ главный стимулъ какъ въ дѣятельности индивидуума, такъ и дѣлаго общества. А такъ какъ улучшеніе благосостоянія человѣка и расширеніе его средствъ прежде всего выражается въ обеспеченіи его суммой вещей, или матеріальныхъ предметовъ, то отсюда естественно слѣдуетъ, что общее историческое стремленіе человѣка къ улучшенію своего положенія прежде всего должно выражаться въ интересѣ *экономическомъ*, который такимъ образомъ и составляетъ настоящую закваску, настоящее начало, своеобразно выражающееся въ правѣ и политикѣ. Великая практическая важность подобнаго міровоззрѣнія заключается въ томъ, что оно сосредоточиваетъ энергію и дѣятельность людей, искренно преданныхъ общественному дѣлу, около самыхъ насущныхъ животрепещущихъ интересовъ народа, и такимъ образомъ заранее обезпечиваетъ имъ сочувствіе и поддержку съ той стороны, съ которой она всего нужнѣе. Указывая на истинную причину, на истинный корень зла, оно предохраняетъ ихъ отъ дорогой, но всег-

(*) Вотъ его подлинныя слова: «Вся совокупность отношеній, касательно производства богатствъ (*Productionsverhältnisse*) образуетъ экономическую структуру общества, основной базисъ, на которомъ возвышаются въ видѣ построекъ политическія и юридическія отношенія. Почти тоже повторяется и въ другомъ мѣстѣ его книги (стр. IV). Исслѣдованія мои, говоритъ онъ, привели меня къ тому заключенію, что правовыя отношенія, равно какъ и формы государственнаго быта не могутъ быть понимаемы сами по себѣ, еще менѣе въ такъ называемаго всеобщаго развитія человѣческаго духа, но что они коренятся скорѣе въ матеріальныхъ, жизненныхъ отношеніяхъ, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру французскихъ и англійскихъ мыслителей XVIII вѣка, обозначалъ именемъ «гражданскаго общества» (*Bürgerliche Gesellschaft*) и что анатомію этого общества слѣдуетъ искать въ политической экономіи.»

да безплодной борьбы съ неизбежными послѣдствіями этой причины, и, доказывая въ то же время, что эта причина далеко не такъ фатальна и неизбежна, какъ думаютъ многіе, и что для устраненія ея достаточно доброй рѣшимости и яснаго пониманія дѣла, — она ободряетъ и возбуждаетъ къ прямой практической дѣятельности. Но не смотря на теоретическую вѣрность и практическую полезность этого взгляда, было сдѣлано еще очень мало серьезныхъ попытокъ приложить его къ изученію историческихъ явленій, относящихся до политической, юридической, религіозной и интеллектуальной сѣры общественной жизни. Одною изъ такихъ попытокъ является сочиненіе Ю. Жуковскаго: «Политическія и общественныя теоріи XVI вѣка», отрывки изъ котораго были уже напечатаны въ старыхъ №№ «Современника».

Авторъ, очертивъ въ немногихъ словахъ состояніе схоластики въ началѣ XVI в. и ея отношенія къ жизни тогдашняго общества, показавъ, какъ одновременно съ возникновеніемъ третьяго сословія явился первый протестъ противъ нея въ лицѣ французскихъ легистовъ, представляетъ намъ довольно подробную характеристику ученія Макіавели и описаніе утопіи Томаса Мора, которыхъ онъ считаетъ истинными реалистами XVI в., усмотрѣвшими будто бы и фальшивость и шарлатанство всѣхъ юридическихъ толковъ и зависимость ихъ отъ господствующей силы, отрицающихъ одинаково всякіе юридическіе толки, уничтожающихъ всякій безусловный дуализмъ и обличающихъ всеобщее лицемеріе» (стр. 158). Все это можетъ быть и справедливо относительно Макіавели; Макіавели дѣйствительно вполне отрѣшился отъ средневѣкового мистицизма; онъ видѣлъ добро и справедливость не въ отвлеченномъ принципѣ, а въ томъ, что выгодно, зло же и несправедливость въ томъ, что невыгодно. Разъ поставивъ себѣ извѣстную цѣль — именно достиженіе такого порядка вещей, при которомъ получило бы себѣ полное признаніе и примѣненіе старое правило: *volus populi suprema lex este*, — Макіавели не пренебрегалъ никакими уже средствами, ведущими прямо или косвенно къ этой цѣли. Понятіе объ истинѣ и справедливости сводится у него къ простому разсчету о полезномъ и цѣлесообразномъ; онъ отрицаетъ естественное право схоластиковъ, онъ отрицаетъ ихъ мистическую нравственность, онъ безъ дальнихъ околичностей возводитъ силу въ право, и потому вся его дѣятельность направлена къ тому только, чтобы сдѣлать изъ Италіи прежде всего *сильное единое*

королевство. Такимъ образомъ Маккиавели понималъ сущность права, и въ этомъ отношеніи его можно назвать истиннымъ реалистомъ. Но совсѣмъ другое дѣло Томасъ Моръ. Во взглядѣ на этого писателя я совершенно несогласенъ съ г. Жуковскимъ; Моръ рѣшительно нигдѣ не высказываетъ на право реального взгляда Маккиавели, да онъ и не могъ этого сдѣлать. Ревностный и глубоко-религіозный католикъ, пострадавшій даже изъ-за своихъ религіозныхъ убѣжденій, онъ не могъ стать выше тѣхъ схоластическихъ понятій о правѣ, которыя въ его время были господствующими понятіями, и ему, какъ мистика, *добро* представилось въ видѣ абсолютнаго закона категорическаго требованія нашей совѣсти. Правда Моръ былъ умный человекъ, и потому онъ понималъ, что главную причину несчастій и страданій современнаго общества слѣдуетъ искать въ неправильныхъ условіяхъ даннаго экономическаго *statu quo*. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ, дѣйствительно, реалистъ, но въ этомъ смыслѣ реалистомъ можно назвать и мистика Сентъ-Симона; однако этотъ реализмъ совсѣмъ не то, что реализмъ Маккиавели; реализмъ Маккиавели глубже и радикальнѣе, онъ раздвигаетъ кругозоръ нашихъ нравственныхъ убѣжденій, онъ окончателно освобождаетъ насъ отъ тяжелыхъ цѣпей схоластики, онъ сообщаетъ намъ здравый, трезвый взглядъ на такія явленія, о которыхъ въ его время никто, а въ наше только очень немногіе имѣютъ сколько-нибудь ясное понятіе. А между тѣмъ до тѣхъ поръ, пока этотъ реальный взглядъ не войдетъ въ сознаніе большинства, пока онъ не сдѣлается общимъ достояніемъ людей искренно преданныхъ общественному дѣлу, до тѣхъ поръ, какъ бы ни были прекрасны ихъ идеалы, эти идеалы навсегда останутся превосходными, но все же совершенно безплодными утопіями. До тѣхъ поръ, пока представителямъ народныхъ интересовъ будутъ добровольно связывать и опутывать себя схоластическими представленіями о добрѣ и справедливости, пока они не пронянутся мыслию, что право и справедливость только на той сторонѣ, гдѣ есть реальная возможность, т. е. совокупность всѣхъ средствъ—умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ—для осуществленія этого права,—до тѣхъ поръ всѣ ихъ благородныя стремленія не принесутъ никакой осязательной выгоды тѣмъ массамъ людей, интересы которыхъ они думаютъ защищать и оберегать.

Но впрочемъ Моръ едва ли и думалъ серьезно оберегать и защищать интересы массы. Покрайней мѣрѣ онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки хотя чѣмъ нибудь, хотя сколько нибудь осуществить свои благородныя утопіи. Онъ не вѣрилъ даже въ возможность этого осуществленія. Самъ г. Жуковскій говоритъ: «Томасъ Моръ видѣлъ, что законы Острова Утопіи заключаютъ въ себѣ множество нелѣпаго, особенно относительно способовъ веденія войны и религиозныхъ обрядовъ утопистовъ. Мы не думаемъ, чтобы онъ на самомъ дѣлѣ оправдывалъ всѣ подробности общественнаго устройства счастливаго острова. Произнося самъ послѣднее рѣшеніе надъ нимъ, онъ говоритъ, что, не оправдывая его въ цѣломъ, онъ признаетъ за Утопіей много здравыхъ установленій, принятіе которыхъ можетъ быть его лучшимъ желаніемъ, но на осуществленіе которыхъ онъ не рѣшается рассчитывать» (стр. 85). Онъ такъ мало рѣшался на него рассчитывать, что даже не постарался придать своей Утопіи хотя сколько нибудь практическій характеръ, облечь ее хотя въ сколько нибудь удобопримѣнимую форму. Потому его Утопія и не навлекла ему враговъ, не смотря на его рѣзкія выходы противъ злоупотребленій феодальныхъ господъ и католическаго духовенства. На нее смотрѣли, какъ на праздную шутку, на невинную шалость важнаго сановника. Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть опаснаго въ либеральныхъ измышленіяхъ любимаго канцлера одного изъ самыхъ жестокихъ и бессмысленныхъ королей? Нужно было быть слишкомъ наивнымъ, чтобы принимать за серьезное дѣло его выходы противъ лжи и зла, со всѣхъ сторонъ затоплявшихъ современное ему общество, онъ другъ деспота, вооружается противъ деспота зла, онъ вводящій рабство въ свою утопію и видѣвшій идеалъ семейнаго счастья въ семьѣ, устроенной по древне-римскому образцу, — онъ возстаетъ противъ притѣсненій феодаловъ и бароновъ, онъ, нападающій на чрезмѣрную суровость современныхъ ему уголовныхъ законовъ, предлагаетъ смертную казнь за нарушеніе супружеской вѣрности. Таковъ былъ этотъ сановный реалистъ.

Отъ характеристики Макіавели и Мора г. Жуковскій переходитъ къ реформациі, анабаптистамъ и крестьянскимъ войнамъ, — обо всемъ этомъ говорится очень поверхностно и неполно, на какихъ нибудь 27 страничкахъ. Тою же отрывочностью и неполнотою отличаются и двѣ послѣднія главы, въ которыхъ идетъ рѣчь о Кальвинѣ и его послѣдователяхъ въ Англіи и Франціи, о публицистахъ временъ ли-

ги, о Монтенѣ и Боденѣ. Самъ г. Жуковскій видимо сознаетъ эту неполноту и отрывочность, по крайней мѣрѣ въ заключительной главѣ онъ говоритъ, что нашъ (т. е. его) обзоръ литературы XVI вѣка не отличается полнотою и богатствомъ подробностей, «но, прибавляетъ онъ, наша цѣль заключалась вовсе не въ томъ, чтобы писать полную исторію политической литературы этого времени, а только узнать общій характеръ этой литературы!» Характеръ этотъ опредѣляется однако болѣе апіористическими разсужденіями автора, нежели представляемыми имъ фактами, — факты являются у него какъ нѣчто второстепенное, болѣе для иллюстрированія, чѣмъ для доказательства его выводовъ. Думаю, что въ этомъ согласится со мною всякій прочитавшій книжку г. Жуковскаго. Поэтому, на сочиненіе его едва ли можно смотрѣть, какъ на серьезную попытку приложить экономическій методъ къ исторіи политической литературы, это скорѣе теоретическое исповѣданіе экономическихъ и юридическихъ воззрѣній самого автора, чѣмъ научное изслѣдованіе, написанное съ точки зрѣнія этихъ воззрѣній.

О сущности же этихъ воззрѣній у «Современника» съ «Русскимъ Словомъ», какъ мнѣ кажется, не можетъ быть спору. Эти воззрѣнія составляютъ достояніе каждой порядочной литературы и, какъ видно, не были новостью для мыслящихъ людей даже XVI вѣка. И только у насъ, въ такихъ критическихъ *кварталахъ* и полемическихъ *стѣзжкахъ*, какъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ», могутъ появляться противники этихъ воззрѣній. Но что это за противники и что за возраженія—всякій видитъ, кто не лишенъ способности что нибудь видѣть. Для этихъ-то умственныхъ міоповъ г. Жуковскій сдѣлалъ едва ли не первую (въ нашей литературѣ) попытку ясно сформулировать и показать теоретическую вѣрность этихъ воззрѣній на нѣсколькихъ, довольно удачно выбранныхъ, историческихъ примѣрахъ.

Вотъ къ какому окончательному выводу приходитъ онъ въ заключеніи своей книги: «Мы видимъ, говоритъ онъ, совершенное пренебреженіе къ нравственнымъ основаніямъ тамъ, гдѣ дѣйствуетъ экономическій расчетъ. Люди пишутъ и выдаютъ сегодня за абсолютный нравственный догматизмъ то, отчего завтра отрекутся печатно, во имя новыхъ абсолютныхъ нравственныхъ положеній, и изъ всего этого въ наукѣ остается только рядъ тяжелыхъ усилій доказать вещи, никакъ не подчиняющіяся доказательству, не смотря на всѣ ста-

рапія; въ совѣстахъ совершенное недовѣріе до всякому научному догматизму и глубокое убѣжденіе во всеобщемъ шарлатанствѣ научныхъ догматиковъ, и полная увѣренность, что всѣмъ, что ни творится на дѣлѣ и пишется, руководить одинъ преднамѣренный обманъ» (стр. 160). И дѣйствительно, такое убѣжденіе вполне справедливо относительно большинства общественныхъ дѣятелей и писателей, дѣйствующихъ и пишущихъ, не во имя интересовъ народа, а во имя интересовъ той или другой *partii*. Эти писатели «выражаютъ обыкновенно полное равнодушіе къ практическимъ и теоретическимъ средствамъ, лишь бы эти средства помогали торжеству того интереса партій, который, въ концѣ концовъ, всегда представляетъ собою борьбу за большую власть надъ чужимъ трудомъ и вещами, т. е. борьбу экономическую. Побѣждающая партія сейчасъ слагаетъ свой собственный діалектическій толкъ, свой юридическій догматизмъ для защиты похищенной власти, какъ абсолютнаго права. И сколько борется партій, столько въ суммѣ является юридическихъ толковъ. Отсюда понятіе о томъ, что должно быть признано добромъ и зломъ, правомъ или неправомъ, сводится каждымъ изъ нихъ къ оправданію того, что есть, или къ чему стремится эта партія. Три главные политическіе интереса, кругъ другу противоположные, стоятъ однако на главномъ планѣ: интересъ феодальный, средняго сословія и большинства, и всѣ три представляютъ ничто иное, какъ три отдѣльные экономическіе интереса поземельнаго собственника, капиталиста и труда, лишеннаго земли и капитала, и у каждого свое право, свои юридическіе толки. У однихъ — схоластики, у другихъ — легисты, у третьихъ...» (стр. 158) у третьихъ — тѣ здравомыслящіе реалисты, которые съ одинаковымъ презрѣніемъ относятся и къ метафизикъ схоластиковъ и къ праву легистовъ. Пусть метафизики и моралисты толкуютъ намъ объ отвлеченной справедливости, пусть юристы утѣшаютъ насъ нескончаемымъ перечисленіемъ тѣхъ призрачныхъ правъ, которыми мы будто бы пользуемся! Реальность не поддается на эту удочку. Она знаетъ, что отвлеченная идея справедливости сама по себѣ еще ничего не значить, и что все ея значеніе, весь ея смыслъ зависятъ отъ влагаемаго въ нее содержанія. По понятіямъ схоластиковъ этимъ содержаніемъ было возмездіе (воздай каждому по дѣламъ его), по понятіямъ реалистовъ — польза. Далѣе, реалистъ понимаетъ, что всеобщая польза требуетъ устраненія анархїи, господствующей въ современномъ

общества, превращенія той вѣчной, ни на минуту непрерывающей-ся борьбы, которая дѣлаетъ изъ людей поочередно то рабовъ, то тирановъ. А это возможно только при полномъ *равносіи* силъ. Въ настоящее время всѣ люди *равноправны*, но не всѣ *равнослыны*, т. е. не всѣ одарены одинаковою возможностью привести свои интересы въ равновѣсіе, — отсюда борьба и анархія. Устраните этотъ вредный дуализмъ между правомъ фактивнымъ и правомъ активнымъ, осуществляемымъ, т. е. смотрите на право не какъ на какую-то идеальную потенцію, а какъ на реальную, дѣйствительную возможность удовлетворить своимъ потребностямъ, и тогда равноправность сдѣлается синонимомъ равносіія. Возможность удовлетворять своимъ потребностямъ определяется *силою* человѣка. Подъ силою же здѣсь подразумѣвается, конечно, не одно только развитіе его мышечной системы, не одна только крѣпость его мускуловъ, а вообще такое развитіе его организма, и такіа экономическія условія для жизни этого организма, при которыхъ организмъ имѣлъ бы *реальную возможность* (силу) удовлетворять своимъ потребностямъ.

Такимъ образомъ реалисты, сводя вопросъ о *правѣ* къ вопросу о *реальной возможности* ставить все дѣло на почву чисто экономической. Они ясно видятъ, что право только тогда и имѣетъ для человѣка какое-нибудь значеніе, когда оно осуществимо. По закону, напр., всѣ имѣютъ право кататься въ роскошныхъ каретахъ, упиваться каждый день шампанскимъ, читать Буно-Фишера и наслаждаться операми Сѣрова. Но въ дѣйствительности, право это реально, осуществимо, только очень для немногихъ. Поставьте всѣхъ въ одинаковыя условія по отношенію къ развитію и матеріальному обезпеченію, и вы дадите всѣмъ *дѣйствительную, фактическую* равноправность, а не ту мнимую, фактивную, которую изобрѣли сходостипи юристы съ нарочитою цѣлью морочить невѣждъ и обманывать простаковъ. Фактическая же равноправность есть равновѣсіе силъ, а равновѣсіе силъ устранить и уничтожить анархію въ современной жизни, и водворить въ современномъ обществѣ царство мира, порядка и всеобщаго благоденствія.

Но если вопросъ о правѣ сводится къ вопросу о тѣхъ экономическихъ условіяхъ, которыя опредѣляютъ степень развитія человѣческаго организма и его средства существованія, — то не ясно ли теперь, что роль юриста вполнѣ отождествляется съ ролью экономиста. Изученіе правъ человѣка и общества обращается въ изученіе

ихъ экономическаго быта, а изслѣдованіе вопроса о равенствѣ индивидуумовъ и народовъ разрѣшается въ вопросъ о ихъ матеріальномъ благосостояніи и о средствѣ къ болѣе равномерному распредѣленію богатствъ. Усилія юриста и экономиста сливаются такимъ образомъ въ одной дѣятельности: въ изысканіи средствъ къ умноженію матеріальнаго богатства людей (т. е. ихъ правъ) и его равномерному распредѣленію (т. е. равноправію). Такова должна быть цѣль истиннаго юриста и экономиста. Впрочемъ, извините, читатель, за не совсѣмъ удачный выборъ послѣдняго термина. Собственно здѣсь я имѣю въ виду не экономиста въ-обыденномъ смыслѣ этого слова,—мы видѣли выше, чѣмъ занимается экономисты—вопросъ о народномъ богатствѣ, а еще болѣе вопросъ о его распредѣленіи также мало интересуетъ ихъ, какъ мало онъ интересуетъ и современныхъ юристовъ. Но видите-ли, я остановился именно на этомъ терминѣ, за неимѣніемъ всякаго другого. А что-бы у васъ, читатель, не могло возникнуть на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, то я попрошу васъ обратиться къ другой брошюрѣ г. Жуковскаго, въ которой онъ знакомитъ васъ съ характеромъ дѣятельности двухъ лучшихъ представителей экономической теоріи и практики нашего вѣка, Прудона и Луи-Блана. Въ этой брошюрѣ авторъ ясно и толково излагаетъ главныя основанія экономической теоріи Прудона, описываетъ практическія попытки осуществить эту теорію, при помощи народнаго быта, и печальную судьбу этихъ попытокъ; далѣе рассказываетъ, съ меньшею только подробностью и обстоятельностью сущность системы Луи-Блана. И Прудонъ, и Луи-Бланъ имѣли передъ собою одну и ту же цѣль, только шли они къ этой цѣли различными путями, и различіе это вполнѣ объясняется ихъ взглядами на основную причину неправдъ современной экономической жизни. Луи-Бланъ видѣлъ эту причину въ неправильной организаціи *труда*, Прудонъ—въ неправильной организаціи *обмѣна*. Отсюда, первый признаетъ за радикальное лекарство противъ экономическаго недуга *ассоціацію*, такую ассоціацію, которая обезпечивала бы за каждымъ рабочимъ равное право на трудъ (реальное, а не фиктивное право) и сдѣлала бы рабочихъ собственниками производства. Для осуществленія этой цѣли онъ указываетъ три пути: 1) прямое правительственное вѣдѣтельство, т. е. устройство ассоціаціи помимо спроса, воли и самостоятельности рабочихъ; 2) посредственное правительственное вѣдѣ-

тельство, т. е. помощь правительства къ выгону рабочих существующихъ заведеній и основанію новыхъ; и наконецъ 3) личная самостоятельность рабочихъ. Третій путь, разумѣется, самый далекій и тернистый, два другіе болѣе прямы и гладки, и за это-то противъ нихъ болѣе всего и возстаютъ экономисты. Для пущей убѣдительности они прикидываются въ этомъ случаѣ даже крайними либералами и, вооружившись историческими фактами, стараются доказать полную несостоятельность правительственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія народа. Факты, приводимые ими, доподлинно вѣрны, но они доказываютъ совсѣмъ не то, что хотятъ доказать экономисты. Они доказываютъ только, что правительственная власть, руководимая людьми партіи, для которыхъ было выгодно *невмѣшательство*, никогда серьезно не вмѣшивалась въ экономическую жизнь народа, а если и вмѣшивалась, то исключительно въ интересахъ той партіи, которой эта власть служила. И партія, разумѣется, всегда оставалась въ выигрышѣ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда отъ этихъ людей требовали вмѣшательства въ интересы всего народа, они надѣвали на себя маску и дѣйствительно вмѣшивались, но вмѣшивались такимъ образомъ, что лучше было бы, если бы они совсѣмъ не вмѣшивались. Самымъ убѣдительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служить 1848 годъ. Временное правительство, состоявшее изъ людей партіи, всею душой и всѣми помыслами преданное интересамъ буржуазіи и капиталу, — но тѣмъ не менѣе обязанное дѣйствовать, по своему положенію, въ интересахъ рабочихъ и труда, выдумало свои національныя мастерскія, которыя должны были представлять собою яко бы практическое осуществленіе реформаторскихъ плановъ Луи-Блана. Въ сущности же это былъ, какъ извѣстно, только ловкій фокусъ. И такъ какъ фокусники были великіе шарлатаны, то фокусъ удался наилучшимъ образомъ. Какъ дважды два четыре было доказано, что правительственное вмѣшательство въ интересы рабочихъ и труда вредно и бесполезно, что система Луи-Блана никуда не годится, и что самъ Луи-Бланъ просто на просто мошенникъ, опасный политическій агитаторъ, или же фантазерствующій гауонецъ. И этотъ приговоръ свершили своею подписью почти всѣ французскіе экономисты, даже и Прудонъ вполне раздѣляя взгляды буржуазныхъ экономистовъ относительно вмѣшательства правительства въ экономическую жизнь народа. Впрочемъ и не на одномъ только этомъ пунктѣ онъ схо-

даны съ ними; скажу болѣе, онъ принималъ все основныя начала изъ лицемѣрной, продажной науки, подобно имъ, онъ смотрѣлъ на *обмѣнъ*, какъ на краеугольный камень *человѣческаго обществѣ*, какъ на верховный принципъ политической экономіи. Вся разница только въ томъ, что экономисты вполнѣ одобряютъ обмѣнъ, въ томъ видѣ, какъ онъ практикуется при современныхъ экономическихъ условіяхъ; Прудонъ, напротивъ, находилъ его несостоятельнымъ и нерациональнымъ. По его мнѣнію обмѣнъ долженъ быть устроенъ такимъ образомъ, чтобы мѣновая цѣнность вещи равнялась ея стоимости въ производствѣ и это можетъ быть достигнуто, какъ онъ думаетъ, при посредствѣ кредита, который даетъ работнику въ руки все средства и орудія труда. Но о кредитныхъ планахъ Прудона и объ его теоріи обмѣна я буду говорить въ другой разъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени должно выйти въ русскомъ переводѣ новое посмертное сочиненіе Прудона «О политической способности рабочихъ классовъ». Тогда мы и получимъ несколько практически осуществимы теоріи этого мыслителя, и несколько возможно установить при обмѣнѣ безусловную соразмѣрность между двумя разнокачественными величинами. Вопросъ этотъ въ высшей степени важенъ и серьезенъ, потому я и намѣренъ поговорить о немъ особо.

И. Ткачевъ.

ЧЕСТНЫЕ МОШЕННИКИ.

I.

Въ первой части «Міра мошенниковъ», о которой говорилось въ январской книжкѣ «Русскаго Слова» (Френологическая оцѣнка человѣческихъ поступковъ), Моро-Кристофъ выступаетъ, какъ мыслитель, какъ нравственный философъ. Онъ возмущается поведеніемъ Фантины и благосклонно смотритъ на развратъ свѣтскихъ дамъ; онъ толкуетъ о моральномъ принципѣ, какъ о точной математической величинѣ извѣстной всякому, но не указываетъ аршина, которымъ было бы можно опредѣлять человѣческую нравственность; онъ пускается въ френологію, хиромантію, физиогномику, какъ въ вспомогательныя средства для отличія честныхъ людей отъ мошенниковъ, и въ то же время заявляетъ сомнѣніе въ непогрѣшимости приводимыхъ имъ доказательствъ и почти готовъ самъ согласиться съ нелѣпостью своей кабастики. По сумбуру миѣній и непоследовательности Моро-Кристофъ служитъ лучшимъ образчикомъ либераловъ новаго времени т. е. такихъ людей, которые выросли на застарѣлыхъ понятіяхъ и, стыдясь ихъ, думаютъ подкрасить свою отсталость новыми мыслями, подслышанными ими у новыхъ людей. Моро-Кристофъ не только либераль, но и чиновникъ, дрессированный въ школѣ французскаго бюрократизма, что сообщаетъ его либерализму особенный оттѣнокъ той припущенной угодливости, замаскированной приличной внѣшностію, какую создаетъ только французская бюрократическая дрессировка. Если люди такихъ мыслительныхъ способностей и такого воспитанія, какъ Моро-Кристофъ,

выступают на литературное поприще, то они избирают своимъ девизомъ запретительный афоризмъ Наполеона I — «не подходи близко», заключающій въ себѣ всю цензурную сущность первой имперіи, и затѣмъ устанавливаютъ себѣ границу, за которую не долженъ переступить ихъ либерализмъ. Такъ если по мѣстнымъ соображеніямъ оказывается, что рубикономъ долженъ служить 1851 годъ, то при обсужденіи вопросовъ и событій, лежащихъ по ту сторону рубикона, они обнаруживаютъ весь свой либеральный пылъ и разрушительныя способности; но, перешагнувъ чрезъ рубиконъ, становятся кроткими агнцами и глубокомысленно отмалчиваются. Въ вопросахъ социальныхъ, экономическихъ, нравственной философіи они держатся той же самой теоріи. Они горячо и назидательно разсуждаютъ о томъ, о чемъ уже никто не споритъ, — но обходятъ тщательно все то, что близко касается запретнаго рубикона. Въ этомъ и заключается вся разница между либералами и людьми послѣдовательными. На основаніи своей чиновничьей логики, Моро-Кристофъ либеральничаетъ на счетъ Людовика XIV и въ то же время кувыркается передъ Наполеономъ III и всячески льститъ теперешнему французскому правительству, рассчитывая получить за свое фиглярство почетнаго легіона. Люди добродушные легко попадаютъ на удочку Моро-Кристофовъ, потому что либерала, плавающего въ золотой серединѣ, надо разсматривать со стороны послѣдовательности, а большинство на такую критическую операцію оказывается неспособнымъ. Подобную операцію я намѣренъ совершить надъ Моро-Кристофомъ, потому что его сочиненіе у насъ читается, нравится и, слѣдовательно, сбиваетъ довѣрчивыхъ людей съ толку.

II.

Моро-Кристофъ владѣлъ весьма драгоценными матеріалами, изъ которыхъ онъ по своему эклектизму не сумѣлъ ничего сдѣлать. Ему хотѣлось возбудить и порѣшить вопросъ, можетъ быть наибольшей важности для нашего времени, — вопросъ о проступкахъ и преступленіяхъ и о средствахъ сдѣлать людей нравственными; но приводя множество фактовъ, онъ не осмыслилъ ихъ никакимъ выводомъ и сказалъ давно всѣмъ извѣстную вещь, что люди безнравственны и что ихъ нужно сдѣлать нравственными. Все это совершенно справедливо и все-таки не даетъ отвѣта на вопросъ — какъ?

«Благодарение Богу, говорит Моро-Кристофъ, уже прошло то время, когда по улицамъ Парижа ходили разбойничьи шапки; послѣ закона 8 декабря 1851 г. самыхъ опасныхъ мошенниковъ и негодяевъ вывезли изъ всей Франціи въ Кайену». Конечно, послѣ такихъ мѣръ нужно ожидать, что во Франціи остались только добродѣтельные люди, но факты, приводимые М. Кристофомъ, говорятъ совсѣмъ иное: всякій годъ представляется въ ассизные и исправительные суды за проступки и преступления . . . . . 207,500 ч.

Людей виноватыхъ въ тѣхъ же проступкахъ и преступленіяхъ, но ускользающихъ отъ наказанія . . . . . 272,500 »

Негодяевъ, освобожденныхъ или убѣгающихъ изъ ссылки и центральныхъ тюремъ . . . . . 120,000 »

Всего ежегодно . . . . . 600,000 ч.

И въ этомъ числѣ не считаются еще *честные люди*, занимающіеся мошенничествомъ, но непреслѣдуемые уголовнымъ закономъ! А сколько ихъ? этого любопытнаго вопроса Моро-Кристофъ не рѣшаетъ; но если основываться на фактахъ, приводимыхъ авторомъ, и на оплакиваемой имъ нравственности, то слѣдуетъ заключить, что въ Парижѣ и во всей Франціи нѣтъ ни одного честнаго человѣка, что повсюду надувательство, обманъ, эксплуатація — въ семейной жизни, въ общественной, въ политической, въ торговлѣ, въ литературѣ. Какая же причина этого печальнаго состоянія общества, когда каждый изъ всѣхъ силъ долженъ держаться за концы, когда всѣ другъ друга обманываютъ и надуваютъ, и когда честные люди также рѣдки, какъ фунтовые алмазы?

Главнымъ двигателемъ людей на злое, говоритъ Моро-Кристофъ, денежная нужда. Но въ чемъ ея источникъ? Въ бѣдности? Нынче нѣтъ — отвѣчаетъ авторъ, а прежде можетъ быть, потому что нищета переступала часто за предѣлы бѣдности, и затѣмъ приводитъ факты: «государь, сказалъ разъ одинъ принцъ, кладя на столъ короля хлѣбъ, испеченный изъ корней, вотъ чѣмъ питаются ваши подданные, и онъ сказалъ правду. Каждые три или четыре года являлся голодъ и по дорогамъ валялись мертвые, со ртами наполненными травой, которой они питались». — А нынче — какая разница! восклицаетъ весело Моро-Кристофъ. «Дикое животное» Лабрюйера исчезло совсѣмъ, и повсюду — въ деревняхъ и городахъ — только люди; если же нищета еще царствуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то въ видѣ исключенія, и постоянно стремится перейти въ нормальные предѣлы бѣдности, неизбежной въ государствѣ и въ каждомъ человѣческомъ обществѣ». Прочитавъ эту фразу, опытный чи-

татель сейчас же закроет сочинение почтеннаго буржуа, потому что знает, что отъ господина, говорящаго подобный вздоръ, нельзя узнать ничего дѣльнаго. Почему же это, г. Моро-Кристофъ, вы порѣшили, что бѣдность неизбежна въ человѣческомъ обществѣ? Вы сами говорили, что прежде существовала нищета, а теперь она перешла въ бѣдность. Прекрасно! отчего же, если кончилась нищета, не кончиться и бѣдности? Въ какой книгѣ судебъ вы прочитали, что человѣчеству не слѣдуетъ двигаться съ того мѣста, на которомъ оно стоитъ теперь? Живите вы, съ своей несчастной логикой, въ тѣ времена, когда люди питались хлѣбами изъ корней, вы точно также стали бы утверждать, что ни одно общество не можетъ избѣгнуть ни нищихъ, ни людей умирающихъ съ голоду, ни хлѣба изъ корней. Теперь вамъ позволили бранить Людовика XIV, и вы обрадовавшись цитируете Вобана, Лабрюйера и Дюрюи и смѣтаетесь надъ Пьеромъ Леру и Викторомъ Гюго, указывающими вамъ печальные факты нашего времени. «Другое было въ средніе вѣка, въ это доброе старое время, къ которому стремятся извѣстные люди, желая привести насъ къ нимъ, какъ къ потерянному раю. (Ахъ какой вы радикаль, г. Моро-Кристофъ!) Но этотъ рай былъ не болѣе какъ адъ, въ которомъ кишѣла отвратительная бѣдность и рядомъ съ нею не менѣе отвратительное преступленіе». Послѣ такого сильнаго историческаго довода начинаешь думать, что Моро-Кристофъ будетъ рисовать современные райскія времена, и противъ всякаго ожиданія наталкиваешься на весьма печальный фактъ авторской сумбурности; по словамъ Моро-Кристофа, въ теченіе послѣднихъ тридцати-пяти лѣтъ число преступленій и проступковъ возрасло съ 7,000 до 32,000, и число осужденныхъ за кражу съ 9,000 до 40,000.—Читателю покажется, разумѣется, страннымъ, отчего число кражъ больше всего числа преступленій, но Моро-Кристофъ,* не обращая на эту мелочь никакого вниманія, замѣчаетъ, что увеличеніе числа преступленій указываетъ на необходимость новыхъ репрессивныхъ мѣръ. Опытный читатель снова приходитъ въ недоумѣніе и спрашиваетъ себя, отчего же если распрессивныя мѣры не помогли до сихъ поръ и не отъ нихъ уменьшилось число тяжкихъ преступленій во Франціи, то они должны уменьшить число кражъ? Но на этотъ вопросъ опытный читатель не найдетъ у автора «мира мошенниковъ» отвѣта, а неопытный и серьезно подумаетъ, что безъ репрессивныхъ мѣръ и безъ полиціи невозможно благоденствіе человѣчества.

Порѣшивъ, неизвѣстно на какихъ данныхъ, что причиной увеличившагося воровства вовсе не бѣдность, Моро-Кристофъ спраши-

ваетъ, а что же? и отвѣчаетъ, что обыкновеннѣйшей причиною кражи въ рабочемъ сословіи — стремленіе къ роскоши и къ матеріальнымъ наслажденіямъ. «Во внутренности Корсики нѣтъ воровъ, а почему? потому что тамъ единственно извѣстная роскошь — природа, удовлетворяющая всѣмъ потребностямъ жизни». Изъ чего и слѣдуетъ, что первобытное состояніе Моро-Кристофъ считаетъ самымъ блаженнымъ и полагаетъ, что ходить голымъ и питаться кореньями гораздо лучше, чѣмъ жить въ Парижѣ; въ такомъ случаѣ зачѣмъ было называть средніе вѣка адомъ? Далѣе Моро-Кристофъ спрашиваетъ самъ себя: «гдѣ совершается наибольшее число кражъ?—Разумѣется, въ мѣстностяхъ бѣдныхъ? Нѣтъ; въ мѣстностяхъ наиболѣе богатыхъ. Кто обыкновеннѣе всего занимается воровствомъ?—Бѣдняки, лишеныя всѣхъ средствъ существованія? Нѣтъ; напротивъ, лица, имѣющія наиблѣе обеспеченное положеніе? Или, можетъ быть, это лица недостаточно образованныя, несовершеннолѣтнія, неспособныя работать? Нѣтъ; напротивъ находящіяся въ полной силѣ физической, умственной и съ волей, слѣдовательно владѣющія всѣми средствами существовать честно». Однажды, разговаривая съ однимъ молодымъ человѣкомъ, отправлявшимся въ ссылку за кражу, Моро-Кристофъ былъ изумленъ, что ссылаемый служилъ ранѣе въ типографіи, получалъ въ день 10 франковъ. Выразивъ ему свое изумленіе, Моро-Кристофъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: «десять франковъ въ день составляетъ дѣйствительно кое-что для того, кто тратитъ пять; а для того, какъ я, кто тратитъ тридцать!.. Надо сообразить эту разницу». И на основаніи этого, воплівъ разсудительнаго отвѣта, Моро-Кристофъ строитъ свою теорію, что роскошь — причина лжи, обмана, кражи, и что если устранить роскошь, и воровъ и мошенниковъ подвергать одиночному заключенію, то честность насадится прочно въ человѣческихъ сердцахъ. Этыхъ указаній на исправительную теорію Моро-Кристофа и его взглядъ на причины безнравственности считаю достаточными для оцѣнки читателемъ силы глубокомыслія и сообразительности автора, рѣшительно неумѣющаго справляться съ фактами. И не думайте, чтобы Моро-Кристофъ для своихъ выводовъ пользовался статистическими данными, которые одни могли бы навести его на правильныя заключенія. Пріемъ Моро-Кристофа гораздо проще: онъ напримѣръ встрѣтилъ одного юношу, которому было недостаточно 10 франковъ въ день и затѣмъ выводитъ, что воруютъ только въ богатыхъ мѣстностяхъ, что не нужда заставляетъ людей обманывать и мошенничать, а стремленіе къ роскоши, и такимъ образомъ самъ не замѣтилъ, что онъ отвернулся сразу отъ 200,000 парижскихъ

нищихъ, которыхъ онъ, четырьмя страницами раньше, причислялъ къ категоріи мошенниковъ, и отъ всѣхъ тѣхъ бѣдняковъ, о которыхъ онъ самъ говоритъ, что нужда и голодъ довели ихъ до тюрьмы. Или, можетъ быть, онъ считаетъ роскошью желаніе ѣсть и носить зимой платье, въ которомъ бы не было холодно? Но спрашивается, почему роскошь принуждаетъ людей непременно обманывать и воровать, а не заниматься какимъ нибудь другимъ дѣломъ. Воровство и обманъ дѣло очень невѣрное, рискованное, опасное и трудное; воровать гораздо труднѣе, чѣмъ трудиться другимъ образомъ, потому что и воровство тоже трудъ. Почему же въ виду такихъ препятствій и опасностей люди, для удовлетворенія своего стремленія къ роскоши, пускаются на предпріятія рискованныя и трудныя и не избираютъ занятій честныхъ, которыми, по мнѣнію Моро-Кристофа, можно такъ легко удовлетворить потребности въ матеріальныхъ наслажденіяхъ? Люди эти конечно не такъ глупы, чтобы не-сообразить, что имъ выгодиѣе, и если они одинъ способъ дѣйствій предпочитаютъ другому, то очевидно, что должны быть и причины, которыя позволяютъ имъ дѣйствовать именно такъ, а не иначе. Вотъ этихъ-то причинъ философствующій чиновникъ и не коснулся, потому что ему было легче взять готовые рутинные взгляды, чѣмъ изъ своего систематическаго изложенія всѣхъ видовъ мошенничества и обмана вывести разсудительные вопросы и дать на нихъ разсудительные отвѣты.

Напримѣръ, Моро-Кристофъ говоритъ, что совѣтъ мошенника дѣйствуетъ въ разсчитанныхъ исполнѣ правилахъ его личнаго интереса. И эти-то правила и убиваютъ ее. Поэтому у мошенниковъ нѣтъ совѣсти. И затѣмъ въ подтвержденіе своего теоретическаго вывода Моро-Кристофъ приводитъ какъ разъ такіе факты, которые его опровергаютъ. Такъ нѣкій Буланже, у котораго, по словамъ Моро-Кристофа, была превосходно развитая пишка воровства, приведенный въ судъ за семь кражъ, давалъ отвѣты съ такимъ достоинствомъ, что конечно всякій, кромѣ рутинеровъ и либераловъ подобныхъ Моро-Кристофу, задался бы серьезнымъ вопросомъ и постарался бы разрѣшить его не устарѣлыми приемами людей, у которыхъ готовы на все казенные отвѣты, а на новый ладъ, на основаніи новыхъ научныхъ данныхъ.

— Этотъ господинъ укралъ у меня 400 франковъ, сказалъ одинъ изъ обвинителей, указывая на Буланже.

«Господинъ оскорбляетъ правосудіе, возразилъ гордо Буланже. Въ его старой, источенной червями конторкѣ, было всего тридцать су, которые я и отдалъ на другой же день одному бѣдному.

Разумѣется, если бы я зналъ, что господинъ такой шутникъ, то я бы конечно не сталъ тратить свое время, чтобы ломать рѣшетку у его окна. Нужно говорить правду.

— Буланже укралъ у меня, 1,500 франковъ, въ сообщничествѣ съ своимъ братомъ, убѣжавшимъ изъ Бреста, сказалъ другой обвинитель.

«Мой братъ неспособенъ меня обмануть, отвѣтилъ Буланже, потому что онъ отдалъ мнѣ на мою долю всего 450 франковъ. Секретарь суда запишетъ много больше того, что я долженъ лично этому господину. Это нехорошо.

«У честнаго человѣка нѣтъ ничего кромѣ его слова, заключилъ онъ, протянувъ руку президенту, послѣ того, какъ сообщилъ ему подробно обстоятельства одной кражи.»

Президентъ, объявивъ Буланже приговоръ, обрекавшій его на двадцатилѣтнюю каторжную работу, сказалъ, что ему дается три дня срока для обращенія къ кассационному суду. «Кассационный судъ! Это хорошо для новичковъ, отвѣтилъ Буланже; я прошу только одного, чтобы мнѣ возвратили 800 франковъ, которые конфисковали у меня и которые принадлежать мнѣ законнымъ образомъ.»

«Да, законнымъ! Эти буржуа должно быть кретины! сказалъ онъ въ отвѣтъ на общій смѣхъ публики.» И онъ вышелъ съ надменной осанкой, довольный тѣмъ, что говорилъ по совѣсти.

Что же это за странное явленіе, что человѣкъ съ полнымъ чувствомъ достоинства, считая себя правымъ, обвиняетъ своихъ обвинителей во лжи, считаетъ своей законной принадлежностью то, что онъ укралъ. Кромѣ распущенности нравовъ, которою Моро-Кристофъ старается объяснять всѣ подобныя явленія нравственнаго міра, нельзя не согласиться и съ мнѣніемъ тѣхъ, кто не отказываетъ людямъ, подобнымъ Буланже, въ сознаніи того положенія, которое ставятъ ихъ, въ собственныхъ ихъ глазахъ, наравнѣ съ людьми честными. Но все это непонятно для Моро-Кристофа, объявившаго коротко на-отрѣзъ, безъ доказательствъ, что у тѣхъ, кого онъ называетъ мошенниками, нѣтъ совѣсти... Объясненіе этого факта можно найти частью у самого Моро-Кристофа, а частью нужно поискать его въ другомъ мѣстѣ.

«Трудъ, говоритъ Моро-Кристофъ, этотъ священный символъ всего великаго, полезнаго, прогрессивнаго, блистательнаго, создающагося руками или мыслью на обширномъ полѣ эксплуатаціи человѣческаго генія — его отняли отъ насъ мошенники, они украли

его у насъ, они его присвоили.» Моро-Кристовъ выражается недѣло даже и для французскаго чиновника-литератора, но изъ послѣдующихъ его словъ можно понять что хочетъ онъ сказать такимъ высокопарнымъ тономъ. Дѣло въ томъ, что грабить, убивать, обманывать, воровать — мошенники называютъ *трудиться*. Одинъ воръ, встрѣтивъ на улицѣ рабочаго, просившаго милостыни, за немѣннѣемъ работы, сказалъ ему: «дѣлай какъ я — трудись!» и затѣмъ прибавилъ презрительно, осматривая проходящихъ, чтобы найти себѣ *дѣло*: тунеядецъ!

Совершенно непонятно, изъ-за чего Моро-Кристофъ такъ сердится на мошенниковъ и увѣряетъ, будто бы они украли у честныхъ людей трудъ. Конечно, если смотрѣть на трудъ мошенниковъ съ точки зрѣнія экономической теоріи, то ихъ дѣло будетъ не трудъ, а бездѣлье; но съ этой же точки зрѣнія и вся дѣятельность Моро-Кристофа и подобныхъ ему людей тоже бездѣлье. Никто изъ нихъ не создаетъ своими руками никакого полезнаго матеріальнаго предмета или полезной мысли, а только эксплуатируетъ другихъ и перемѣщаетъ въ свои карманы вещи и предметы, созданные чужими руками. Эксплуатація своего ближняго, противъ которой такъ ратуютъ мыслящіе люди нашего времени, развѣ честный трудъ, развѣ этотъ трудъ отличается чѣмъ нибудь въ сущности отъ труда воровъ? Если между трудомъ тѣхъ и другихъ есть разница, то отнюдь не въ сущности, а только въ формѣ, потому что воры присвоиваютъ себѣ чужую собственность непосредственно своими руками, употребляя вспомогательнымъ агентомъ хитрость и обманъ; а эксплуататоры при посредствѣ тѣхъ же союзниковъ заставляютъ эксплуатируемыхъ приносить имъ свою собственность добровольно. Поэтому было бы несправедливо безусловно обвинять однихъ и оправдывать другихъ, съ точки зрѣнія общественной справедливости и пользы... При спокойномъ разсудительномъ взглядѣ на дѣло Моро-Кристофъ могъ бы легко понять, что существуетъ только одна единственно-вѣрная точка зрѣнія на трудъ — социально-экономическая, но вовсе не та умозрительная, на которой стоитъ авторъ «міра мошенниковъ.» Съ его точки только удобно выдать на публику риторическими фразами и знаками восклицанія, но дѣло сказать невозможно; а такъ какъ весь «міръ мошенниковъ», вмѣстѣ съ Моро-Кристофомъ, смотрятъ на трудъ съ той же отвлеченной точки зрѣнія — или не имѣя понятія о социально-экономическихъ вопросахъ новаго времени или не умѣя ихъ разрѣшить, — то, разумѣется, они считаютъ свое дѣло таковымъ же

трудомъ, какъ и всѣ остальные трудящіеся люди, какъ и самъ Моро-Кристофъ. И дѣйствительно, развѣ всякій мошенникъ и воръ не употребляетъ тѣхъ же самыхъ мускульныхъ и интеллектуальныхъ процессовъ, чтобы добыть себѣ средства существованія, какъ и остальные люди? Развѣ онъ не ломаетъ головы надъ тѣмъ, чтобы придумать, какъ добыть денегъ; развѣ онъ не употребляетъ въ дѣйствительности иногда весьма усиленнаго, энергическаго мускульнаго труда, развѣ онъ не трудится иногда до поту лица, не досыпая и не доѣдая? Однимъ словомъ, развѣ онъ не дѣлаетъ всего того, что дѣлаютъ экономическіе производители? И потому всякій воръ, особенно если онъ имѣетъ въ виду эксплуататоровъ, мазуриковъ и надувалъ, совершенно правъ, считая свое дѣло трудомъ. Въ смыслѣ расхода силъ воровство трудъ несомнѣнный; оно не трудъ только съ точки зрѣнія экономической производительности; но многіе ли понимаютъ трудъ такимъ образомъ? А потому, за что же Моро-Кристофъ сочиняетъ свои декламации и обвиняетъ въ оскорбленіи понятія труда мошенниковъ, когда всѣ они и Буланже, которому достается болѣе всѣхъ, дѣйствительно убѣждены, что они работаютъ? Вотъ изъ какого основанія Буланже считалъ законнымъ владѣніемъ 800 фр., добытые имъ кражей.

Вопросъ о совѣсти или объ убѣжденіи всякаго вора и вообще преступника въ собственной правотѣ нѣсколько сложнѣе. И этотъ вопросъ былъ бы ясенъ для Моро-Кристофа, если бы онъ былъ знакомъ не съ той френологіей, о которой онъ разсуждаетъ въ первой части. По френологической теоріи Моро-Кристофа, человѣческій черепъ раздѣляется на маленькія клѣточки и уподобляется глобусу, на которомъ нарисована карта мелкихъ германскихъ владѣній? Каждая такая клѣточка соотвѣтствуетъ плюсу или минусу извѣстной умственной способности, т. е. если въ срединѣ клѣтки есть шишка, значитъ есть и соотвѣтствующая ей способность; если же шишки нѣтъ, то нѣтъ и способности. Этимъ путемъ были опредѣлены таланты Ласнера и другихъ лицъ, приводимыхъ въ примѣръ Моро-Кристофомъ. Нелѣпость этой теоріи была признана мыслящими людьми еще раньше новѣйшихъ изслѣдованій головного мозга. И прежде противники френологической географіи замѣчали весьма остроумно, что стоитъ только завести особые френологическіе чепчики и надѣвать ихъ новорожденнымъ и тогда по произволу можно создавать Ньютоновъ, Дарвиновъ, Мадзини и т. д. По новѣйшимъ же изслѣдованіямъ головного мозга оказывается, что черепъ въ разныхъ мѣстахъ имѣетъ разную толщину и внѣшнія его выпуклости не соотвѣтствуютъ внутреннимъ углубленіямъ;

извилины и возвышенія мозга точно также не соотвѣтствуютъ возвышеніямъ черепа; наконецъ ничѣмъ еще нельзя доказать, чтобы нервы, управляющіе извѣстными душевными состояніями и умственными способностями, исходили или оканчивались въ тѣхъ мозговыхъ возвышенностяхъ, которыя френологи сдѣлали сѣдалищемъ этихъ способностей.

Но кромѣ салонной френологіи, на которую ссылается Морю-Кристофъ, есть еще и другая, оказавшая дѣйствительно большую пользу современному развитію людей. Она первая обратилась къ систематическому наблюденію человѣческихъ способностей и къ практическимъ изслѣдованіямъ независимо отъ теоріи череповыхъ шишекъ. Галль и его ученики, вступившіе на путь опытнаго изслѣдованія, создали своими трудами небывалую до того времени психологію и сдѣлали ее однимъ изъ отдѣловъ естествознанія. Такимъ образомъ психологія прежнихъ моралистовъ и метафизиковъ опустилась изъ воздушныхъ предѣловъ на землю и превратилась въ знаніе понятное и доступное всякому человѣку, надѣленному хотя нѣсколько наблюдательностію. По ученію новыхъ психологовъ, каждый человѣкъ имѣетъ такъ называемые душевные органы или особые нервы, управляющіе извѣстными умственными отправленіями и чувствами. Въ каждомъ человѣкѣ находится непременно полный штатъ всѣхъ нервовъ, совокупность отправленій которыхъ создаетъ нашу душевную дѣятельность. Такимъ образомъ внутренній душевный аппаратъ всѣхъ людей созданъ по одному общему типу, и потому у всѣхъ людей однѣ и тѣ же страсти, однѣ и тѣ же составныя части ума, воображенія, памяти, однѣ и тѣ же стороны въ чувствахъ. Индивидуальное различіе между людьми заключается не въ отсутствіи извѣстныхъ нервовъ, съ ихъ отправленіями, а только въ различномъ размѣрѣ силы душевныхъ способностей и отправленій. Этимъ одинаковымъ въ существенныхъ частяхъ устройствомъ всѣхъ людей объясняется то, что кто изучитъ основательно одного человѣка—узнаетъ и всѣхъ людей.

Воровство, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть больше ничего, какъ наклонность къ приобрѣтенію, свойственная всѣмъ людямъ но обусловленная особенными обстоятельствами и выходящая изъ предѣловъ правилъ гражданскаго общежитія. Преступной считается только та наклонность къ приобрѣтенію, которая проявляется завладѣніемъ чужого имущества путемъ тайнственности или обмана. Въ сущности тотъ видъ наклонности къ приобрѣтенію, который на языкѣ юристовъ называется воровствомъ, составляетъ постоянно одинъ и тотъ же психологическій процессъ, совершенно неза-

висящий отъ предмета, на который онъ направленъ. Это значитъ, что сущность и характеръ душевнаго процесса одинъ и тотъ же—воруетъ ли воръ носовой платокъ или воруетъ въ церкви. И если положительныя законодательства устанавливають спеціальныя различія въ дѣлѣ воровства по суммѣ и по качествамъ похищенныхъ предметовъ, такъ это только потому, что существующая повсюду система наказаній построена на теоріи устрашенія. Только поэтому за воровство вещи болѣе цѣнной назначается наказаніе болѣе строгое, хотя въ ворѣ происходилъ совершенно одинъ и тотъ же психологическій процессъ при кражѣ кошелека съ 10, 20, 40 или 50 рублями. Здѣсь только случай устанавливаетъ размѣръ виновности.

Далѣе преступленіе зависитъ отъ естественнаго характера преступника въ связи съ внѣшними обстоятельствами. Въ этомъ отношеніи человѣкъ дѣйствуетъ, какъ камень, подчиняющійся въ своемъ паденіи закону тяжести. Всѣ великіе мыслители новаго времени выражали эту мысль. Напримѣръ Контъ говоритъ, что человѣческія дѣйствія опредѣляются точно такими же общими законами, какъ и всякія другія естественныя явленія. Если бы было возможно опредѣлить въ точности характеръ мышленія каждаго человѣка, какъ оно обнаруживается въ своемъ внутреннемъ и внѣшнемъ проявленіи, такъ что всѣ внутреннія пружины человѣка были бы совершенно ясны, а вмѣстѣ съ тѣмъ знать и всѣ дѣйствующія на человѣка внѣшнія обстоятельства, то можно было бы вычислить его будущее поведеніе съ такою же точностію, съ какою вычисляется затмѣніе солнца и луны. Пусть напримѣръ въ комъ нибудь является мысль сдѣлать кражу. На это стремленіе къ приобрѣтенію могутъ дѣйствовать разные мотивы, потому что ни одинъ психологическій процессъ не совершается въ человѣкѣ совершенно изолированно. На человѣка можетъ дѣйствовать страхъ, т. е. боязнь, что его поступокъ будетъ открытъ; честолюбіе или боязнь за нравственныя послѣдствія; тщеславіе—непріятность возбудить общую ненависть; человѣколюбіе, если человѣкъ боится, что обокраденный будетъ поставленъ въ какое нибудь трудное, несчастное положеніе; совѣстливость, когда воръ считаетъ свой поступокъ матеріальной несправедливостію. Какой изъ этихъ противодѣйствующихъ мотивовъ будетъ такъ силенъ, чтобы подавить стремленіе къ кражѣ, зависитъ исключительно отъ личнаго характера человѣка, т. е. отъ его органическихъ свойствъ, воспитанія, экономическаго и общественнаго положенія и тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится человѣкъ, замыслившій кражу. Какъ только всѣ эти обстоятельства дадутъ перевѣсъ его стремленію къ воровству

предъ всѣми остальными мотивами, человѣкъ поступитъ такъ же, какъ если бы его дѣйствіе было необходимымъ слѣдствіемъ естественнаго закона.

Душевныя способности человѣка распадаются на двѣ главныя основныя группы: на совокупность способностей, образующихъ интеллектъ или *мыслящее я*, и на совокупность способностей, образующихъ *я желающее*, или то, что иначе называется волей. Воля сама по себѣ совершенно слѣпа, потому что она изображаетъ собой исключительно стремленіе къ удовлетворенію желанія; точно также какъ интеллектъ совершенно безстрастенъ и индифферентенъ. Въ большей части случаевъ и у большей части людей воля не позволяетъ интеллектѣ собой повелѣвать, и у такихъ людей воля послѣ возбужденія идетъ непосредственно къ дѣлу, т. е. къ осуществленію своего стремленія. Такъ поступаютъ всѣ стремительные, горячіе люди, у которыхъ порывы желаній гораздо сильнѣе разсудка. Только когда воля удовлетворена, интеллектъ вступаетъ въ свои права и человѣкъ начинаетъ сознавать свой поступокъ. Въ моментѣ такого перевѣса стремительности надъ разсудочностію или воли надъ интеллектомъ находятся дѣти, мало развитые люди и даже цѣлыя народы. Изъ того, что воля слѣпа, а интеллектъ безстрастенъ, необходимо слѣдуетъ, что онъ безответственъ и не подлежитъ вѣнчанности за акты воли, дѣйствующей независимо отъ него. Вотъ въ чемъ разгадка непонятнаго Моро-Кристофу явленія, почему въ глубинѣ души каждаго преступника живетъ чувство, что онъ невиновенъ, что онъ не могъ поступить иначе и что онъ страдаетъ несправедливо. Эта теорія, неизвѣстная Моро-Кристофу, объясняетъ вполнѣ поведение Буланже и всѣхъ тѣхъ, кто, находясь въ его положеніи, дѣйствуетъ какъ онъ.

Къ подобному выводу Моро-Кристофу было невозможно притти потому что руководителемъ ему служилъ уголовный французскій кодексъ, и психологія французскихъ казенныхъ юристовъ, съ ея систематическимъ дѣленіемъ одного и того же внутренняго психологическаго процесса по внѣшнимъ случайнымъ признакамъ. Поэтому сочиненіе Моро-Кристофа есть не больше, какъ тотъ же самый французскій систематическій кодексъ, изложенный разговорнымъ языкомъ и украшенный анекдотами, служащими ему иллюстраціей. Нельзя сказать, чтобы Моро-Кристофъ искалъ фактовъ, опровергающихъ его собственную теорію. Онъ указываетъ на Генриха IV, бывшаго воромъ по страсти; Генрихъ таскалъ все, что попадалось ему подъ руку, но потомъ отсылалъ украденное къ владѣльцамъ и говорилъ о себѣ, что еслибы онъ не былъ королемъ, то не

непрелѣнно кончить бы жизнь на вислицѣ. Онъ не отвергаетъ того, что страсть къ воровству есть порокъ организациі и непреодолимой наклонности натуры. Онъ говоритъ также, приводя факты сентиментальнаго свойства, что нищета доводитъ людей до эксплуатаціи ближняго. Онъ указываетъ на глупость общества, позволяющаго себя обворовывать и обманывать, но обо всемъ этомъ упоминаетъ какъ-то вскользь, не дѣля выводовъ и заключеній. Тамъ же, гдѣ ему приходится предлагать рецепты для излѣченія общества, опутавшаго себя сверху до низу обманами, плутовствомъ и мошенничествомъ, онъ предлагаетъ обыкновенное средство всѣхъ моралистовъ—одиночное заключеніе, и ни разу не потрудился вникнуть поглубже въ тѣ многочисленные и разнообразныя факты, которые приводитъ самъ. Непонятный человѣкъ! И скучиѣ всего, что люди съ такимъ складомъ головы десятки тысячъ лѣтъ толкуютъ все одно и то же; они видятъ очень хорошо на практикѣ, что ихъ болтовня не приноситъ никому никакой пользы и, не смотря на то, поютъ все по прежнему свои старыя пѣсни, наводящія на всѣхъ разсудительныхъ людей тоску и уныніе. Чтобы не коснуться, какъ нибудь тѣхъ вопросовъ, къ которымъ Моро-Кристофъ считаетъ даже опаснымъ подходить близко, онъ прикидывается отшельникомъ и, рисуя ужасы и полней развратъ общества сверху до низу, принимаетъ веселую улыбку и даже трунить надъ пессимистами, которымъ будто бы мерещится все уже въ слишкомъ мрачномъ видѣ. Но читатель изъ послѣдующаго моего изложенія увидитъ, ктѣ больше правъ—оптимисты или пессимисты, и можетъ ли сдѣлать что нибудь одиночное заключеніе для такого общества, въ которомъ все это происходитъ совсѣмъ не отъ недостатка тюрьмъ или поблажки судей, а отъ недостатковъ самого общественнаго строя.

Мошенники совершенно правы, когда они называютъ свое дѣло трудомъ. Это трудъ дѣйствительный, опасный и утомительный;—опасный до того, что нужнѣя обстоятельство, которыя-бы принудили человѣка уподобиться крѣпости, осаждаемой постоянно непріателемъ въ образѣ полиціи. Каждый мошенникъ и воръ знаетъ хорошо, что можетъ ожидать его на томъ пути, по которому онъ идетъ,—и онъ все-таки идетъ, потому что идутъ всѣ и возвращаются некуда; потому что жизнь каждаго плута и мошенника слагается подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, которыя не даютъ ему возможности стать въ болѣе выгодное положеніе. Поступками и побужденіями всякаго плута управляетъ та же наклон-

ность къ приобрѣтенію, которая живетъ и во всемъ остальномъ чело-вѣчествѣ; и если одного она приводитъ въ тюрьму или на вислицу, а другого къ спокойной жизни, то совсѣмъ не потому, чтобы мошенникъ находилъ особенное наслажденіе жить въ тюрьмѣ или влачить свою жизнь среди страха и опасностей. Каждому дорога жизнь, и никто не хочетъ ходить весь свой вѣкъ по каленнымъ угольямъ. Если бы Моро-Кристофъ и другіе добродѣтельные либералы побыли бы въ кожѣ мошенника хотя одинъ годъ, то они бы увидѣли, какъ неизмѣримо спокойно быть добродѣтельнымъ и какъ подобный идеалъ счастья недостижимъ для чело-вѣка, идущаго другимъ путемъ. Вѣдь и въ каретѣ ѣздить спокойно, чѣмъ идти пѣшкомъ, а между тѣмъ сколько людей шлепаются по грязи и не могутъ послѣдовать мудрому совѣту Моро-Кристофа и пере-мѣнить безпокойное путешествіе на спокойное. Все дѣло въ томъ, что общественная жизнь слагалась не по тѣмъ моральнымъ право-ученіямъ, которыми измѣряютъ ее такіе храбрые мыслители, какъ Моро-Кристофъ.

Въ наши дни т. е. когда общество пережило уже громаднѣйшій періодъ своего историческаго существованія, и слѣдовательно имѣло довольно времени, чтобы его первоначальныя острия болѣзни перешли наконецъ въ сильныя хроническія страданія, эксплуатація чело-вѣка чело-вѣкомъ сложилась уже въ строго-организованное цѣ-лое, такъ что Моро-Кристофъ придумалъ назвать его «міромъ мо-шенниковъ».—Название не совсѣмъ вѣрное, ибо по неизмѣннѣй-шей раздѣлительной чертѣ между честностью и плутовствомъ, «міръ мошенниковъ» не такъ тѣсенъ, какъ это думаетъ Моро-Кристофъ.— Я не буду говорить о той первообразной формѣ экономической эксплуатаціи, которая проявляется въ видѣ грубаго насилія—убій-ства и грабежа, и начну съ послѣдующей, болѣе мягкой формы, находящейся въ болѣе близкой связи съ обыкновеннымъ житей-скимъ плутовствомъ и надувательствомъ. Эта ближайшая форма на русскомъ юридическомъ языкѣ называется воровствомъ-кражей и воровствомъ-мошенничествомъ.

Основной признакъ этого вида эксплуатаціи заключается въ томъ, что въ ней преобладаетъ по преимуществу интеллектуальный эле-ментъ, и честность заключается именно въ томъ, чтобы не оскорбля-ли насиліемъ лица, подвергающагося эксплуатаціи. Всѣ силы эксплуа-татора направлены на ловкое безобидное похищеніе чужихъ денегъ, вещей, драгоценностей. Такъ какъ дѣло это вовсе не легкое и тре-буетъ для успѣшнаго и безопаснаго его исполненія большой лов-

кости, то конечно для этого требуется не только большой навыкъ и специальное приготовленіе, но и оказалась необходимой система раздѣленія занятій, т. е. какъ разъ тотъ же самый экономическій приемъ, который дѣлаетъ успѣшной и всякую другую экономическую дѣятельность, пользующуюся правами гражданства.

Самое многочисленное семейство составляютъ карманники, специальное занятіе которыхъ заключается въ ловкомъ опоражниваніи кармановъ. Повсюду этотъ видъ воровства составляетъ первоначальную форму мошенничества, и каждый воръ дебютируетъ непременно въ качествѣ карманника. Отъ этого между карманниками очень часто попадаются дѣти и юноши, подготовляющіеся, опоражниваніемъ чужихъ кармановъ, къ поприщу болѣе обширному, требующему большей сообразительности, ловкости и силы. Между карманниками специальный видъ составляютъ воринки носовыхъ платковъ, дѣла самаго легкаго и менѣе всего рискованнаго. Войдя въ силу, карманникъ болѣею частію избираетъ другое занятіе. Самые рѣшительные изъ нихъ принимаются за воровство со вломомъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ, въ отсутствіе или во время сна прислуги и хозяевъ.

Менѣе рѣшительные воруютъ посредствомъ поддѣльныхъ ключей; занятіе это болѣе сложное и медленное, слѣдовательно съ потерей большаго труда достигаются меньшіе результаты. Чтобы воровать посредствомъ поддѣльныхъ ключей, внутри жилья, нужно имѣть довольно сложные инструменты т. е. отмычки и входить въ сношеніе съ прислугой или съ другими людьми, хорошо знакомыми съ расположеніемъ квартиры и съ тѣмъ, что въ ней есть плѣнительнаго для вора. Безъ предварительныхъ справокъ этотъ видъ воровства почти невозможенъ, потому что воръ подвергается слишкомъ большому риску, который можетъ далеко некупиться поживой.

Видоизмѣненіе этой специальности составляютъ промышленники, отворяющіе двери посредствомъ буравчика, коловорота или долота. Процессъ этотъ заключается въ томъ, что воръ проверчиваетъ въ наружной двери лавки или магазина рядъ отверстій, въ равномъ разстояніи одно отъ другого, и затѣмъ маленькой пилой перепиливаетъ промежутки между дырками. Въ образовавшееся такимъ образомъ большое отверстіе воръ просовываетъ руку и, отодвинувъ задвижки или засовъ, отворяетъ дверь. Изъ этого читатель видитъ, что эта специальность не есть самостоятельная; она служитъ вспомогательнымъ средствомъ, прокладывающимъ путь работѣ отмычками.

Такъ какъ характеръ воровской дѣятельности зависитъ отъ спо-

собностей и энергіи вора, то эти же самыя качества должны были отразиться и въ самыхъ воровскихъ приѣмахъ, создавшихъ и установившихъ разныя спеціальныя системы или отрасли воровства. Люди не энергическіе, нерасположенны къ насиліямъ, не любятъ ни фальшивыхъ ключей, ни взломовъ, ни провѣрчиваній; и потому они прибѣгаютъ или къ терпѣливому ожиданію или къ разнымъ видамъ хитрости, этому орудію слабыхъ людей. Напримѣръ, одни не употребляютъ никогда фальшивыхъ ключей и входятъ только черезъ отворенныя двери и окна, и затѣмъ подбираютъ то, что попадаетъ на глаза. Другіе являются въ домъ и выражаютъ желаніе переговорить съ тѣмъ или другимъ жильцомъ или просто ищутъ по лѣстницѣ незатворенной по оплошности двери. При удачѣ, воръ стягиваетъ, что попадетъ ему подъ руку, а при неудачѣ извиняется ошибкой или какою нибудь другой вымышленной причиною. Третьи входятъ въ магазинъ, спрашиваютъ матерію и, отвлекая вниманіе торговца, даютъ возможность своему товарищу стянуть какую нибудь штуку. Эти продѣлки научили магазины осторожности, и большіе торговые дома держатъ особенныхъ привазчиковъ, собственно для наблюденія за покупателями. Но иногда кража въ магазинахъ совершается при посредствѣ мошенничающихъ приказчиковъ, входящихъ въ сношенія съ ворами. Четвертые на балу или на какомъ нибудь публичномъ собраніи обмѣниваютъ свою старую шляпу, пальто или балоши на новыя, и этимъ способомъ обновляютъ всегда свой верхній туалетъ. Есть воры, занимающіеся спеціально кражей бѣлья съ плотовъ или въ то время, когда пѣчки везутъ его съ полосканья. Есть такіе, которые подрѣзываютъ у экипажей чемоданы и сундуки; эти же господа, выдавая себя за коммисіонеровъ, похищаютъ у неосторожныхъ путешественниковъ, имѣющихъ неблагоразуміе имъ ввѣряться, ихъ дорожныя мѣшки, пальто и вообще все, что имъ дадутъ на сохраненіе. Есть воры, обворовывающіе при посредствѣ наркотическихъ средствъ. Они знакомятся съ извозчиками или проѣзжающими по большимъ дорогамъ, подливаютъ имъ въ чай, въ вино, пиво сонныя капли и затѣмъ обчипаютъ своего уснушаго дорожнаго пріятеля. Есть воры, таскающіе исключительно серебро въ гостинницахъ или ресторанахъ. Въ концѣ обѣда они приклеиваютъ смолой или воскомъ ложку къ каждой сторонѣ столовой доски, потомъ рассчитываются и быстро уходятъ. Вслѣдъ затѣмъ является товарищъ вора, садится на его мѣсто и отклеивъ ложку препровождаетъ ее къ себѣ въ карманъ.

Всѣ эти способы, хотя и не требуютъ особенной силы характера, но невыгодны рискомъ отвѣтственности, которой подвергается воръ,

а потому, по мѣрѣ развитія общества, развиваются все болѣе и болѣе способы безопасной эксплуатаціи. Люди не особенно остроумные придумываютъ простые, безхитростные способы, рассчитывая на безхитростныхъ людей. Напримѣръ, они продають жетоны за золотую монету, мѣдныя кольца за кольца золотыя; они продають подъ видомъ контрабанды вещи и матеріи внутренняго приготовления; они ходять по домамъ съ просительными письмами, выпрашивая вспомошествованіе для бѣднаго семейства или бѣдной вдовы, или на какія нибудь выдуманые похороны. Въ послѣднее время явился еще новый способъ мошенничества, заключающійся въ эксплуатаціи самихъ воровъ. Мошенники этого сорта, по отношенію къ ворами разигрывая роль хищниковъ, пользуются готовой добычей. Зная превосходно воровской языкъ и всѣ тонкости воровской тактики, они слѣдятъ за воровомъ, и какъ только тотъ стянеть что нибудь, они подходятъ къ нему и протягиваютъ руку. Отказывать имъ нельзя, потому что они грозять полиціей. Возмущаясь этимъ насиліемъ, вору нѣсколько разъ думали освободиться отъ своихъ хищниковъ, но имъ этого не удалось, и они порѣшили установить съ своими преслѣдователями договоръ, по которому имъ выплачивается 15% съ украденной суммы и съ продажи украденныхъ вещей. Такимъ образомъ хищники, не рискуя рѣшительно ничѣмъ и не принимая никакого участія въ мошенничествѣ и воровствѣ, получаютъ хорошую прибыль.

Въ своемъ стремленіи къ возможно-безопасной и выгодной работѣ, мошенники начали оставлять рискованныя и требующія большихъ трудовъ мошенничества и такъ сказать облагороживали свое ремесло, придавая ему аристократическій характеръ. Отъ этого въ наиболѣе передовыхъ государетвахъ, гдѣ цивилизація и мягкость нравовъ стали опускаться въ массу народа, грубые и жестокіе способы эксплуатаціи, сопровождаемые убійствомъ и грабежомъ, становятся рѣже; но за то увеличивается число мошенничествъ, поднявшихся снизу кверху. Кромѣ большей безопасности переходъ въ высшія сферы доставляетъ и значительно большія выгоды. Мошенники высшаго полета посѣщаютъ спектакли, театры, концерты, балы по подпискѣ и вообще тѣ мѣста, гдѣ собирается богатая и образованная публика. Здѣсь ихъ ловкость бываетъ награждена всегда гораздо щедрѣе и съ гораздо меньшимъ рискомъ опасности, потому что приличныя манеры и одежда удаляютъ отъ нихъ подозрѣніе и недовѣріе. Поэтому мошенники высшаго полета относятся презрительно къ плутамъ и мошенникамъ обыкновеннаго

разряда, которымъ недостатокъ манеръ и виѣшняго воспитанія не позволяетъ опоражнивать аристократическихъ кармановъ въ цивилизованномъ обществѣ и вмѣсто этого принуждаетъ преодолевать большія препятствія и трудности, сопряженныя съ воровствомъ со взломомъ и съ путешествіями въ окна съ улицы.

Большая часть воровъ высшаго полета живутъ на собственныхъ квартирахъ съ собственной мебелью. Этимъ они отклоняютъ отъ себя подозрѣнія полиціи. Кромѣ того они не занимаются мелочами, а предпринимаютъ дѣла большія: двѣ, три хорошія работы обезпечиваютъ ихъ на цѣлый годъ и они живутъ, какъ настоящіе рантье. Для этого они не спѣшатъ и не горячатся, какъ мелочные ворюшки, перебивающіеся изо дня въ день, а терпѣливо выжидаютъ случая и дѣйствуютъ съ такой предусмотрительностію и осторожностію, изучаютъ такъ тщательно образъ жизни лица, которое они думаютъ обчистить, что работаютъ всегда навѣрняка. Во Франціи было много знаменитыхъ воровъ этого сорта, которые по нѣскольку лѣтъ вращались въ хорошемъ обществѣ, не навлекая на себя никакихъ подозрѣній. И теперь, имѣя своими сосѣдами въ оперѣ, въ Мабилѣ, въ концертѣ или въ другомъ общественномъ собраніи сосѣда, *vis-à-vis* или портнера приличной или даже элегантнои паружности, нельзя быть увѣреннымъ, что это не мошенникъ аристократическаго полета. Такой эксплуататоръ не только одѣтъ всегда прилично и говорить иногда на нѣсколькихъ языкахъ, но, смотря по дѣлу, онъ является то офицеромъ, то денди, то даже священникомъ.

Чтобы достигнуть однако такой ловкости, нужно кромѣ способностей получить еще свѣтское воспитаніе и приобрести навыкъ воровства. Извѣстный Картушъ понималъ это хорошо, и потому учредилъ особую школу, гдѣ для практики висѣло на веревкѣ соломенное чучело, въ карманѣ котораго лежалъ кошелекъ и бумажникъ. Чучело было обвѣшано колокольчиками и бубенчиками и при малѣйшей неловкости ученика чучело качалось и звѣняло. Мысль Картуша, какъ несомнѣнно правильная, была принята и послѣдующими поколѣніями воровъ, такъ что напримѣръ въ Лондонѣ и въ Парижѣ существуютъ подобныя школы и теперь. Въ Парижѣ одно время была заведена школа воровства однимъ знаменитымъ мошенникомъ, владѣвшимъ замѣчательною ловкостію въ опоражниваніи кармановъ. Когда этотъ господинъ былъ наконецъ пойманъ, то у него нашли списокъ 30 учениковъ, въ томъ числѣ 12 женщинъ.

Кромѣ ловкости рукъ, мошенники должны знать очень хорошо общество, среди котораго они дѣйствуютъ,—знать слабыя струны

людей, чтобы эксплуатировать ихъ съ успѣхомъ. Чаше другихъ плутовство совершается подь какой нибудь благочестивой формой, въ расчетъ на простоту благочестивыхъ людей.

Такъ извѣстный Шардонъ игралъ превосходно роль святоши и даже носилъ платье одного религіознаго ордена, когда былъ приговоренъ за первую кражу къ тюремному заключенію. Тотъ же самый Шардонъ былъ убитъ потомъ своими товарищами Ласперомъ и Авролемъ, хотѣвшими завладѣть деньгами, которыя онъ приобрѣлъ продажей набожнымъ людямъ религіозныхъ эмблемъ изъ стеклянныхъ нитей и разными религіозными сборами по подпискѣ. Между прочими лицами, королева Марія-Амалія пожертвовала Шардону, собиравшему подь видомъ брата милосердія, 10,000 франковъ на возстановленіе какого-то страннопріимнаго дома для мужчинъ. Подобнаго рода надувательства были особенно часты во Франціи, во время реставраціи, когда ханжество было въ большой модѣ и когда каждый порядочный человѣкъ считалъ непремѣннымъ долгомъ носить маску благочестія и притворной набожности. Плуты, воспользовавшись этой модой, принялись за эксплуатацію святошь, какъ за дѣло, приносящее тогда самыя большія выгоды. Мошенничество этого рода повсюду приноситъ и до сихъ поръ хорошіе барыши, до того, что въ 1854 году образовалось въ Парижѣ цѣлое общество съ идеальнымъ капиталомъ въ 4 милліона франковъ; называлось оно: *Церковь*.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ПОТЕРЬ И УБЫТКОВЪ, ПРИЧИНЕННЫХЪ ВЪ ЦЕРКВАХЪ ВОРОВСТВОМЪ, ПАДЕНІЕМЪ КОЛОКОЛОВЪ, МОЛНІЕЙ РАЗБИВШЕЙ ИЛИ ПОПОРТИВШЕЙ КОЛОКОЛА И ДРАГОЦѢННЫЯ ВЕЩИ, И ВОРОВСТВОМЪ ВЪ ДОМАХЪ СВЯЩЕННИКОВЪ.

Капиталъ общества четыре милліона.

Потомъ оказалось, что это была штука, придуманная для надуванья добродушныхъ святошь. Управляющій дѣлами общества называлъ себя виконтомъ де-ла-Ривьеръ, графомъ Жлзоръ и т. д., а въ дѣйствительности это былъ нѣкто Мао, сужденный за воровство и незаконное ношеніе почетнаго легіона. Товарищемъ его былъ нѣкто Папонъ, таинственная личность, ходившая въ костюмѣ доминиканца, хвалившаяся аудіенціею у Святѣйшаго отца и интимными связями съ большинствомъ членовъ святой коллегіи.

Всему этому вѣрили даже извѣстные французскіе кардиналы и содѣйствовали успѣхамъ никогда несуществовавшего общества своими рекомендаціями и покровительствомъ.

Другой любопытный фактъ этого рода составляетъ процессъ, въ 1858 году, аббата Видаля, обвиненнаго въ плутовствѣ и въ злоупотребленіи довѣріемъ. Онъ объявилъ, напримѣръ, объ основаніи сберегательной кассы для священниковъ, приносящей 8% прибыли. Кромѣ того всѣмъ священникамъ—вкладчикамъ, на все время пребыванія ихъ въ Парижѣ, предлагалась даровая квартира. Наконецъ онъ предложилъ, на извѣстныхъ выгодныхъ условіяхъ, высылать ему заказы на обѣдни и, разумѣется, при этомъ и деньги, а онъ бралъ на себя обязанность передать заказъ священнику, по желанію аборента. Въ короткое время онъ получилъ 33,194 заказа, а исполнилъ только 6,633, такъ что если считать каждую обѣдню лишь въ 1 франкъ, то у Видаля осталось въ карманѣ 26,560 франковъ. Обвиняемый сознался почти во всѣхъ обвиненіяхъ и показалъ, что сумма, которую онъ получилъ разными надувательствами отъ благочестивыхъ довѣрителей, составляетъ болѣе 100,000 франковъ. Любопытно, что судъ, обыкновенно казнившій вора за такую кражу смертію, приговорилъ Видаля къ трехлѣтнему тюремному заключенію, 500 франковъ штрафа и къ пятилѣтнему запрещенію исполненія духовныхъ обязанностей.

Въ этихъ случаяхъ простое, обыкновенное воровство неразвитыхъ и необразованныхъ мошенниковъ, заключающееся въ собственноручномъ перемѣщеніи ворами денегъ изъ чужого кармана въ свой собственный, переходитъ въ утонченную кражу, называемую на салонномъ языкѣ эксплуатаціей, и заключающуюся въ томъ, что обкрадываемые люди опараживаютъ сами свои карманы въ пользу своего вора. Этотъ видъ присвоенія себѣ чужой собственности распадается на самыя многообразныя и многоразличныя развѣтвленія и опутываетъ рѣшительно всю общественную жизнь и экономическій бытъ современныхъ цивилизованныхъ обществъ. Такъ какъ только деньги считаются въ общественномъ мнѣніи богатствомъ, то всякій гонится за ихъ приобрѣтеніемъ, не затрудняя себя вопросомъ, какъ смотритъ на деньги экономическая теорія. Вопросъ о трудѣ, какъ о личномъ производствѣ полезныхъ предметовъ, отодвигается на второй планъ, потому что большинство не имѣетъ ровно никакого понятія о сущности экономическихъ явленій и не подготовлено къ полезной экономической дѣятельности. И потому люди, имѣя передъ глазами только деньги и зная ихъ всемогущую силу, занимаются большею частію простыми

перемѣщеніемъ ихъ изъ кармана въ карманъ, употребляя всѣ силы своего ума на изобрѣтеніе легчайшаго и успѣшнѣйшаго способа совершенія такой операціи въ свою пользу. Эксплуатація проникаетъ повсюду, разрастаясь все болѣе и болѣе, и каждый, кто можетъ, старается нажить деньги безъ полезнаго для общества труда. Въ этомъ заключается основная сущность экономической дѣятельности сословій, не занимающихся полезнымъ мускульнымъ трудомъ и образующихъ по преимуществу потребителей, а не производителей. Поэтому вопросъ о трудѣ и объясненіе обществу, незнающему съ его экономической сущностію, его социальнаго значенія принадлежитъ въ наше время къ вопросамъ самой главной важности. Надобно толковать и толковать людямъ, на всевозможные лады и манеры, что простое перемѣщеніе денегъ изъ одного кармана въ другой, въ формѣ разныхъ видовъ эксплуатаціи, по большей части терпимой обществомъ по его неразумности, принадлежитъ въ сущности къ категоріи тѣхъ человѣческихъ дѣйствій, которыя на нижней ступени общественной лѣстницы изображаются таинственнымъ путешествіемъ ночного промышленника черезъ окно, для очистки комода оплошавшаго жильца. Едвали многіе изъ тѣхъ, кто занимается разными дозволенными и невинными эксплуатаціями и смотрящіе на міръ божій съ дѣтскимъ добродушіемъ кроткихъ и добродушныхъ овецъ, подозрѣваютъ, что по характеру своей экономической дѣятельности и по своему социальному значенію они находятся только въ первыхъ шеренгахъ того поля, задніе ряды котораго составляютъ ночные промышленники, добывающіе себѣ хлѣбъ отмычками.

Но пусть читатель не думаетъ, что такой порядокъ—вещь новая. И прежде была та же сущность, но размѣръ и характеръ формы, въ которой она проявлялась, были другіе. Теперь же становится очевиднымъ, что логика жизни уже близко подводитъ ошибочное экономическое основаніе къ его абсурду... Прежде эту ошибку замѣчали только люди сильнаго ума но; наступить время, когда се станутъ замѣчать и люди самыхъ обыкновенныхъ способностей. Случится это просто потому, что прежнее экономическое неразвитіе давало меньше простора эксплуататорамъ и ихъ являлось меньше; по мѣрѣ же того, какъ буржуазія составила всемогущее самостоятельное цѣлое, вытѣснившее прежнюю аристократію и повсюду давшее перевѣсъ своимъ идеямъ; по мѣрѣ того, какъ буржуазный экономизмъ разросся до исполннской формы современной индустріи и благодаря ей явилось невообразимое множество буржуа—явилась и денежная лихорадка, проявляю-

паяся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ эксплуатаціи ближняго подъ личиною честности. Всякій теперь стремится сдѣлаться буржуа и приобрести деньги. Денежный вопросъ — основной вопросъ нашего времени. Каждый, начиная съ миллионера и кончая бѣднякомъ, усиливаящимся продать вамъ на копѣйку спичекъ, хлопочетъ только о томъ, чтобы перенести деньги изъ чужого кармана въ свой собственный. При этомъ конечно выборъ средствъ соотвѣтствуетъ только размѣру собственной стремительности къ чужимъ деньгамъ, но не соображается нисколько съ другими обстоятельствами. У кого есть сила и энергія — тотъ просто отнимаетъ, у кого ихъ нѣтъ — пускаетъ въ ходъ хитрость, изворотливость и надувательство. Все это худо; но будетъ еще хуже, когда стремленіе къ денежному хозяйству разросется еще больше. И тогда-то наступитъ пора, когда увидятъ зло даже слѣпые и услышатъ о немъ глухіе, т. е. всѣ тѣ, кто нынче не въ состояніи видѣть, не смотря на то, что абсурдъ уже близокъ и не въ состояніи понять того, чему учатъ люди дальновидные.

Главные виды буржуазной эксплуатаціи: карточная игра, подлоги, банкротство, поддѣлка денежныхъ знаковъ, торговый и промышленный обманъ, фискальное воровство и литературное мазурничество.

У насъ запрещены азартныя игры и нѣтъ игорныхъ домовъ; но отъ этого карточная эксплуатація у насъ не меньше, чѣмъ за границей, и вся разница заключается только въ томъ, что за границей игра сосредоточена въ извѣстныхъ мѣстахъ: на водахъ и въ игорныхъ домахъ; у насъ же играютъ въ разбросъ, келейно, у знакомыхъ. Спросите любого игрока, и онъ вамъ отвѣтитъ, что играть приятно только *на интересъ* и этого довольно, чтобы понять ту основную силу, которая собираетъ людей за зеленые столы. На орѣхи играть никто не станетъ, точно также, какъ никто не станетъ играть, если онъ убѣжденъ, что проиграетъ. На этомъ основанъ предразсудокъ о счастья и несчастья, идущими чередой или періодически, и система выжиданья, то есть, что игрокъ, которому покажется, что для него наступилъ періодъ несчастья, перестаетъ играть, выжидая періода счастливой полосы. Слѣдовательно карточная игра по своей сущности не больше, какъ благовидная и дозволенная эксплуатація т. е., переводъ денегъ изъ одного кармана въ другой, неприносящая обществу ровно никакой пользы и недѣлающая его благосостоятельнѣе. Но помимо игры невинной, производимой людьми, какъ они говорятъ, для препровожденія времени, существуетъ игра, направленная сознательно на

выигрыши, и игра—плутовство, называемая шулерствомъ. Есть много людей, играющихъ счастливо и живущихъ картами. Правда господа эти не шулерничаютъ, но они играютъ почти на вѣрняка, потому что никогда не проигрываютъ, и слѣдовательно съ невиннымъ видомъ занимаютъ опоражниваніемъ чужихъ кошельковъ. Если подобнымъ господамъ сказать, что они занимаютъ эксплуатаціей, они примутъ обиженный видъ и назовутъ васъ или дерзкимъ или вольнодумцемъ. Но что же такое игра счастливаго игрока, сядящагося играть только тогда, когда онъ въ полосѣ счастья, какъ невѣрный расчетъ на выигрышъ и слѣдовательно рассчитанное, хотя и замаскированное, намѣреніе препроводить чужія деньги въ свой карманъ? Конечно шулера дѣйствуютъ хуже, потому что употребляютъ чисто воровскіе приемы и составляютъ только видоизмѣненіе карманниковъ. За границей людей этого сорта зовутъ греками. Они, какъ франкъ—массоны имѣютъ таинственные, условные знаки, по которымъ узнаютъ другъ друга, и если случай сведетъ нѣсколько такихъ массоновъ въ одно мѣсто, то они тотчасъ же образуютъ лигу и оберутъ всѣхъ, кто будетъ имѣть неосторожность сѣсть играть съ незнакомыми людьми.

Шулера принадлежатъ къ мошенникамъ высшаго полета и умѣютъ вести себя такъ ловко, что слывуть въ обществѣ за честныхъ людей. Они получаютъ приглашенія на вечера своихъ знакомыхъ, разумѣется, неподозрѣвающихъ, кого они приглашаютъ, и гдѣ нибудь въ столовой или въ отдѣльной комнатѣ устраиваютъ игру, въ то время какъ хозяйка занята съ своими гостями. Наибольше скандальная продѣлка шулеровъ случилась въ 1863 году въ Парижѣ у Баруччи. Въ числѣ лицъ болѣе извѣстныхъ у нея были на вечерѣ: де-Мирапда, камергеръ испанской королевы, маркизъ де-Винѣ, виконтъ де-Пуа, дюкъ де-Граммонъ, Павелъ Демидовъ и друг., извѣстный игрокъ Гарція и директоръ итальянскаго театра Кальцадо. Послѣ нѣсколькихъ партій, гдѣ на ставку шли десятки и сотни тысячъ франковъ, гости принуждены были обыскать Гарцію и Кальцадо и нашли у нихъ фальшивыя карты. Отъ шулеровъ отобрали деньги, которые они украли и предали ихъ суду исправительной полиціи. Французскіе юристы добродушно полагаютъ, что порокъ наказанъ, добродѣтель восторжествовала, и самое главное, что удовлетворено правосудіе; но именно послѣдній пунктъ и требуетъ доказательства. За что же бѣдняка Ламота, который, какъ было доказано судомъ, укралъ у одной женщины кошелекъ съ деньгами, потому что онъ самъ его жена и дѣти буквально умирали съ голоду, приговорили къ тюремному заключенію; за что тѣхъ, кто совершить

кражу вдвоемъ или въ большемъ числѣ лицъ, употребивъ при этомъ вспомогательные инструменты, отсылаютъ въ каторжную работу; а Гарцію и Кальцадо, сдѣлавшихъ кражу въ нѣсколько сотъ тысячъ и тоже при посредствѣ вспомоgetельныхъ инструментовъ—потому что какъ же назвать иначе фальшивыя карты — судили полицейскимъ порядкомъ.

Другой видъ аристократической кражи — подлогъ и нарушеніе довѣрія—только потому не составляетъ повседнежнаго явленія, что крупное довѣріе — вещь рѣдкая, что же касается до довѣрія мелочнаго, то оно въ повседневной жизни нарушается каждый часъ, и этому нарушенію никто не придаетъ особенной важности. Крупное нарушеніе, о которомъ я здѣсь говорю—обманы, воровство и подлоги казначеевъ и кассировъ. Должности эти даются или лицамъ испытаннымъ или представляющимъ обезпеченіе или ручательство. Но эти гарантіи не ведутъ ни къ чему, и каждый годъ, въ каждомъ европейскомъ государствѣ, найдется одинъ или два уголовныхъ процесса по случаю кражи или растраты казенныхъ или частныхъ денегъ казначеями и кассирами. Знаменитый процессъ этого рода былъ во Франціи въ 1832 году, по случаю похищенія главнымъ кассиромъ казначейства, Кесснеромъ 4,500,000 франковъ. Кража эта немедленно понизила государственныя ренты. Виновиный бѣжалъ и былъ приговоренъ заочно къ десятилѣтней каторжной работѣ и къ 1 милліону штрафа. Отчего же къ 1 мил., когда онъ укралъ 4¹/₂? Но уже таково европейское правосудіе, что подобныхъ вопросовъ предлагать ему не слѣдуетъ. Поддѣлка стоитъ рядомъ съ этого рода нарушеніемъ довѣрія. Поддѣлки такъ разнообразны, что ихъ всѣхъ и не перечислишь. Въ послѣднее время у насъ, на примѣръ, вошло въ моду измѣнять цифры суммъ на государственныхъ облигаціяхъ, т. е. къ сотнѣ прибавляется нуль и билетъ сбывается за тысячу. Очень обыкновенная вещь и поддѣлка духовныхъ завѣщаній и другихъ денежныхъ актовъ. Интересный фактъ этого рода приводитъ Моро-Кристофъ. Священника, сужденнаго за подлогъ, спрашиваютъ, какъ случилось съ нимъ такое дѣло и онъ очень наивно отвѣтилъ: «Одинъ умирающій хотѣлъ оставить мнѣ свое состояніе; но какъ это удостовѣрить? Какъ! я взялъ перо и водилъ рукой больного. Къ несчастію онъ испустилъ духъ, не успѣвъ сдѣлать подписи. Мнѣ же не слѣдовало идти дальше; но лукавый сдѣлалъ остальное моею рукой: онъ подписался за мертваго.» Или одной дѣвушкѣ захотѣлось получить наслѣдство отъ своей тетки внезапно умершей, и потому не сдѣлавшей завѣщанія. Дѣвушка спрятала покойницу, легла на ея мѣсто, и посла-

ла свою сообщицу за нотариусомъ и свидѣтелями, чтобы продиктовать имъ свою послѣднюю волю. Къ несчастію, когда завѣщаніе уже подходило къ концу, одинъ изъ свидѣтелей узналъ обманщицу. Но самый знаменитый изъ французскихъ поддѣльвателей былъ безъ сомнѣнія Колларъ. Онъ поддѣлалъ 73 фальшивыхъ банковыхъ билета, которые всѣ банкъ принялъ и выдалъ за нихъ деньги. Во Франціи осуждаютъ ежегодно за поддѣлку отъ 600 до 700 человекъ.

Люди съ талантомъ этого рода бываютъ обыкновенно весьма способными и энергическія личности, и изъ нихъ-то формируются фальшивые монетчики. Кто же не отличается рисовальными способностями и сильнымъ характеромъ, но владѣнетъ искусствомъ и рѣшимостію низшаго разряда, тѣ занимаются подлогами гражданскими и административными. Эти подлоги заключаются въ разнообразныхъ подправкахъ и подчисткахъ, въ продажѣ или залогѣ несуществующей собственности, въ фальшивомъ свидѣтельствѣ, въ невѣрномъ записываніи показаній и во множествѣ разныхъ мелочныхъ грѣховъ чиновниковъ, неперечисляемыхъ и непреслѣдуемыхъ ни однимъ уголовнымъ закономъ. Этого мало. Продѣлки такого рода во мнѣніи мало развитыхъ обществъ не только не считаются видоизмѣненіемъ плутовства и мошенничества, а напротивъ принимаются за несомнѣнное доказательство умственной ловкости и изворотливости, о которыхъ рассказываютъ съ удовольствіемъ и которыми даже гордятся. При такомъ умственномъ развитіи большинства нечего удивляться огромному числу ежедневныхъ мелочныхъ обмановъ и плутовству, существующему во всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ отношеніяхъ.

Въ торговлѣ ложь, обманъ, поддѣлки съ каждымъ днемъ становятся больше, разнообразнѣе и утонченнѣе. «Не обманешь—не продашь», говоритъ торговая мудрость, и вотъ купцы и лавочники, чтобы ихъ продажа шла успешнѣе, налегаютъ изъ всѣхъ силъ на обманъ и точно торгуютъ хорошо. Но нужно при этомъ отдать справедливость и легкомыслію покупателей. Плутъ продавецъ говоритъ всякому: «первый сортъ-съ; уступаю только для васъ; повѣрьте-въ убытокъ»—и легковѣрный покупатель вѣритъ всей этой лжи, которую онъ слышитъ почти въ каждой лавкѣ и совершенно довольный платитъ весело лишнихъ 30—50%. А таинственные караули и какіе-то іероглифы, выставляемыя на ярлычкахъ на товарѣ,—что это какъ не эксплуатація покупателей? Честные торговцы выставляютъ прямо цифры, и тогда всякій видитъ, не тратя времени на пустые разговоры и на выторговываніе, под-

ходитъ ли цѣна къ его средствамъ или нѣтъ. Ярлычки на товарѣ показываютъ сразу, какого полета торговецъ и имѣеть ли онъ виды на выживание денегъ, слѣдовательно эксплуатируетъ покупателя, или торгуетъ порядкомъ. Я уже не говорю про обвѣшивание, обмѣриваніе, продажу лежалаго, гнилаго, полинялаго товара. Гораздо хуже, что торговый и промышленный обманъ сталъ грозить нашему здоровью и жизни разными поддѣлками и фабрикаціями предметовъ первой потребности. Обратите вниманіе на петербургскій лавочный ржаной хлѣбъ, въ который хлѣбопеки ухитрились вводить большее количество воды, чѣмъ онъ долженъ имѣть. Какимъ способомъ они достигаютъ этого, я не знаю; говорятъ, что, посадивъ хлѣбы, они закрываютъ устье печи и замазываютъ заслонку, такъ что хлѣбы пекутся въ пару. Вѣроятно здѣсь совершается тотъ процессъ, что испекшійся хлѣбъ насыщается потомъ влажностью. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что петербургскій лавочный хлѣбъ очень дурень и кажется не допеченнымъ: И изъ-за чего весь этотъ обманъ. Изъ-за какойнибудь $\frac{1}{10}$ копейки прибыли на фунтъ.

Читатель скажетъ мелочь, потому что въ своемъ воображеніи онъ никакъ не въ состояніи представить такой денежной единицы. Но коротенькій расчетъ убѣдитъ его, что петербургскіе купцы, держащіе мелочныя лавки, знаютъ свое дѣло. Предполагая, что каждый изъ 700,000 петербургскихъ жителей съѣстъ въ день два фунта хлѣба, $\frac{2}{10}$ лишннихъ копейки, въ день, съ человѣка составлять въ годъ 511,000 рублей. На сколько рукъ раздѣлится эта сумма, я не знаю, но несомнѣнно то, что она подтверждаетъ вполне извѣстное правило всѣхъ расчетливыхъ людей, что изъ денегекъ составляются рубли, и что эта сумма по своему размѣру имѣеть дѣйствительную привлекательность. Но несомнѣнно также и то, что петербургскимъ жителямъ было бы выгодно употребить эти полмилліона въ годъ хотя бы на освѣщеніе отдаленныхъ частей города, на мостовую и на устройство многого хорошаго, чего въ немъ нѣтъ. Хлѣбные торговцы, торгующіе мукой и у насъ и за границей, продаютъ за-частую затхлую, попорченную муку. они примѣшиваютъ къ ней толченый алебастръ, обыкновенную известь, мелъ и даже песокъ. При печеніи бѣлаго хлѣба въ ходу тоже разныя примѣсы, болѣе или менѣе вреднаго свойства, и все это дѣлается безъ всякой мысли о томъ, что бура или какаянибудь летучая щелочная соль могутъ принести вредъ. Въ оправданіе торговцевъ можно сказать, что они не знаютъ, что дѣлаютъ; но это оправданіе имѣеть исключительно химическое значеніе, потому

что если торговцы не знают, какой происходит вред от алебастру или буры, то они очень хорошо знают, что эти примѣсы вовсе не мука, за которую они ихъ продаютъ.

Торговцы говядиною не отличаются большею снисходительностію къ своимъ покупателямъ. Въ продажѣ, напримѣръ, есть мѣсто, куда свозятъ всякія нечистоты и падалъ, и парижскіе жители увѣряютъ, что между мясными торговцами есть такіе искусники, которые умѣютъ превращать падалъ въ съѣдобное мясо. Въ какой степени это вѣрно—не знаю; но что въ Парижѣ вмѣсто зайцевъ и кроликовъ продаютъ кошекъ и котятъ, и вмѣсто мяса здороваго скота, мясо скота больного и чумнаго,—это несомнѣнно. Точно также несомнѣнно, что неопытному покупателю продадутъ собачину вмѣсто мяса серны. Вообще торговля мясомъ сомнительной свѣжести и отъ зачумленнаго, а нерѣдко и палаго скота распространена довольно повсемѣстно.

Поддѣлка вина вещь такая обыкновенная, что изъ ста человекъ, пьющихъ вино, можетъ быть, только одинъ пьетъ не фабрикованное. Въ одномъ Парижѣ живетъ 600 виноторговцевъ, занимающихся поддѣлкой винъ. Самую невинную примѣсь составляютъ вода и алкоголь. На эту примѣсь никто и не обижается, и всякій, покупающій дешевый хересъ, знаетъ очень хорошо, что онъ покупаетъ подкрашенную водку. Къ числу невинныхъ примѣсей принадлежатъ винокислая соль, ягоды бузины и стружки камышеваго дерева, разные сиропы, жженный сахаръ, сухіе плоды и т. д. Многіе изъ примѣсей совсѣмъ и нельзя узнать, не подвергая вина химическому анализу; другія же, напримѣръ, свинцовую окись обыкновенному покупателю, неимѣющему извѣстныхъ реагентовъ, сѣрной кислоты или сѣрнисто-водороднаго газа, опредѣлить совершенно невозможно, такъ что, являясь въ погребокъ безпомощнымъ и беззащитнымъ, покупатель принужденъ платить деньги за отраву, продаваемую ему какъ вино. Такого рода поддѣлки ускользаютъ обыкновенно отъ вниманія полиціи и она, по-крайней мѣрѣ, во Франціи, преслѣдуетъ только безвредныя, рѣзко бросающіяся въ глаза, поддѣсы, напримѣръ, такъ называемое разиропливаніе: плутовской терминъ, придуманный у насъ откупомъ, и обозначающій поддѣсъ воды. Считаютъ, что въ одномъ Парижѣ продается ежегодно воды, вмѣсто вина, 500,000 гектолитровъ или 61,400 ведръ.

Пиво, напитокъ, о введеніи котораго въ общее употребленіе такъ хлопчатъ моралисты, начинаютъ фабриковать именно такъ, чтобы отвадить отъ него. [Вмѣсто хмѣля кладутъ въ него сам-

нить, горчавку, бушельванъ и другія горькія вещества, даже солодъ замѣняютъ подмѣсами, такъ что въ настоящее время приходится пить зачастую пиво, сваренное безъ хмѣля и ячменя.

Россія не доросла еще до утонченной парижской поддѣлки молока и разводитъ его попросту водой, а сливки дѣлаетъ изъ молока, сгущеннаго мукой и подвращеннаго яичнымъ желткомъ; но французы умѣютъ дѣлать молоко изъ костянаго отвара, и хотя въ подобной жидкости нѣтъ ничего вреднаго, однако она все-таки не молоко, за которое ее продаютъ. Даже въ такой дешевый предметъ, какъ соль, подмѣшиваютъ постороннія вещества—гипсъ и разныя соли, остающіяся при добываніи химическихъ веществъ. Ваниль поддѣлывается жженымъ сахаромъ и перувіанскимъ бальзамомъ; прежній ренскій уксусъ замѣнился древесной кислотой, въ молотый кофе и цикоре подмѣшиваютъ жареный ячмень, рожь, въ порошокъ, въ шоколадъ кладутъ всякія гадости—картофельную муку, очищенный бараній жиръ; чай поддѣлывается хромовокислымъ свинцомъ, а для вѣскости подмѣшиваютъ мелкіе гвозди. Однимъ словомъ, нѣтъ такого предмета первой необходимости, который бы не фабриковался и не поддѣлывался изъ веществъ, немѣющихся съ нимъ ничего общаго. И обманъ, и отравленіе, свершающіяся въ такомъ видѣ, называются промышленностію и торговлею! Многіе изъ перечисленныхъ обмановъ у насъ не дѣлаются; но совѣмъ не потому, чтобы наши коммерческіе люди отличались предъ иностранцами высокой нравственностію. Не дѣлаютъ они этого просто потому, что во-первыхъ, не производятъ многихъ изъ перечисленныхъ предметовъ и получаютъ ихъ изъ-за-границы; а во-вторыхъ, что не владѣютъ еще настолько техническими знаніями, чтобы дѣлать утонченныя подмѣсы. Что же касается до нашихъ способностей въ промышленной и торговой эксплуатаціи, то откупъ показалъ, до какихъ громадныхъ размѣровъ она можетъ быть доведена, и какъ тоновъ русскій умъ, когда ему есть возможность развернуться. Но если мы не пускаемся въ подлоги и поддѣлки, требующіе научныхъ знаній, за то съ избыткомъ вознаграждаемъ этотъ недостатокъ обмѣриваніемъ, обвѣшиваніемъ, запросомъ и продажей негоднаго товара за хорошій. Наша торговая смѣтливость видишь всего въ московскомъ гостиномъ дворѣ, гдѣ какъ разъ сосредоточился весь геній русскаго торговаго остроумія.

Но нигдѣ эксплуатація не доходитъ до такого громаднаго размѣра, какъ въ нашихъ отношеніяхъ къ фиску или къ тому, что называется по-русски казной. Не у насъ однихъ, а во всемъ мірѣ фискъ и публика находятся между собой въ враждебныхъ отно-

ншеніяхъ. Причины этой вражды лежатъ въ отдаленной древности — въ первомъ налогѣ, которымъ правительства обложили народы. Съ тѣхъ поръ тянется вражда безъ-перерыву и проявляется рѣшительно во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ интересъ частныхъ лицъ сталкивается съ интересомъ казны. Частнымъ лицамъ, эксплуатирующимъ казну, кажется, что они берутъ изъ бездоннаго мѣшка, не принадлежащаго никому; но одни изъ нихъ не могутъ сообразить той круговой поруки, по которой все взятое изъ этого мѣшка должно быть наполнено тѣмъ же обществомъ, къ которому принадлежитъ самъ эксплуататоръ, и слѣдовательно онъ обворовываетъ не мѣшокъ никому не принадлежащій, а общество; другіе же хотя и понимаютъ, кому принадлежатъ деньги и съ кого пополняется всякая утрата, но соображал то обстоятельство, что въ случаѣ увеличившагося налога они заплатятъ все-таки менѣе того, что возьмутъ изъ казеннаго мѣшка и что своя рубашка ближе къ тѣлу, не видятъ ничего несправедливаго въ томъ, что ихъ кража будетъ разложена на другихъ. Во всѣхъ рѣшительно отрасляхъ промышленности и торговли, вездѣ, гдѣ только приходится платить казніѣ акцизъ, патентный налогъ, чиншъ подушныя и вообще всякіе платежи, подъ какими бы названіями они не существовали, каждый плательщикъ старается непремѣнно утаить хоть копейку. Только въ этомъ и причины, что расходы фискальнаго управленія, которые должны быть возмѣщены тѣмъ же самымъ обществомъ, доходятъ повсюду до такой громадной цифры. У насъ, напримѣръ, для полученія 148 милліоновъ расходуется по департаменту неокладныхъ сборовъ на ихъ взиманіе и на управленіе, т. е. въ сущности на надзоръ за правильностію дѣйствій 14 милліоновъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду наши лучшіе механики усиливается изобрѣсти приборъ для провѣрки выхода спирта, но ничего не придумали, такъ что правительство объявило конкурсъ за границей. Ничего бы этого не было нужно, если бы заводчики не старались эксплуатировать казны. И такъ во всемъ; всякій думаетъ стянуть съ казны хотя клочекъ шерсти и уклоняется отъ платежей. Конечно, чтобы измѣнились эти существующія повсюду странныя отношенія народа къ фиску, нужно, чтобы измѣнились отношенія фиска къ народу. А чтобы измѣнились эти отношенія, нужно, чтобы явились въ обществѣ другія понятія и взгляды на его собственную сущность и значеніе. Фактъ же настоящаго времени все-таки въ томъ, что эксплуатация фиска доходитъ повсюду до громаднаго размѣра, и какъ не бьются правительства уничтожить ее, но при теперешнихъ ихъ отношеніяхъ къ народу и при существующей повсюду

правительственной системѣ, никакія усилія людей власти не ведутъ и не поведутъ ни къ чему.

Эксплуатація, существующая въ литературномъ мірѣ, составляетъ неизбежно необходимое частное слѣдствіе повсюду дѣйствующихъ общихъ причинъ. Странно было бы предполагать, что если эксплуатація существуетъ во всѣхъ рѣшительно денежныхъ дѣлахъ, чтобы она не существовала въ литературномъ мірѣ, гдѣ тоже денежные дѣла и гдѣ двигаютъ людьми тѣже экономическія побужденія. Я знаю, что люди съ идеальнымъ взглядомъ на жизнь, требуютъ отъ литераторовъ идеальной нравственной чистоты; требуютъ, чтобы люди, проповѣдующіе гуманность, честность и правдивость, были бы и сами гуманны, честны и правдивы. Требованіе совершенно справедливое; но при современномъ порядкѣ живутъ, воспитываются и дѣйствуютъ всѣ люди, а слѣдовательно и литераторы, сдѣланные изъ той же глины, какъ и все остальное человѣчество. Вотъ почему въ горячемъ крикѣ и запальчивомъ размахиваніи руками ярыхъ защитниковъ пролетаріевъ рѣдко слышится искренность. Это не страсть, которой Сенъ-Симонъ приписывалъ всю силу,—страсть, пропикающая всего человѣка и выражающаяся не въ ярости, а въ сильномъ, спокойномъ и съ достоинствомъ движеніи впередъ, неуклоняющемся ни предъ какими препятствіями и не измѣняющемъ себѣ ни въ какихъ обстоятельствахъ и ни въ какомъ положеніи. Люди этого сорта не кричатъ, не напускаютъ на себя горячку; у нихъ въ каждомъ словѣ видна та спокойная сила, которая создается искренностію, происходящею отъ сильныхъ нервовъ и крѣпкаго мозга, которые не слабѣютъ отъ перваго вѣтра и никогда не мѣняютъ своего тона. Вотъ чего общество требуетъ отъ людей, взявшихъ на себя роль проповѣдниковъ правды и руководство другими. И люди такой нравственной силы и крѣпкаго мозга есть между литераторами; у нихъ точно между словомъ и дѣломъ нѣтъ разницы, чего они требуютъ отъ другихъ, то дѣлаютъ они сами, и непохожи на тѣхъ либеральныхъ мужей, которые будучи на словахъ Лопуховыми въ дѣйствительности держатъ своихъ жонъ подъ замкомъ. Но такихъ искреннихъ людей мало, и въ искренность ихъ литераторы-либералы и эксплуататоры обыкновенно не вѣрятъ; но за то вѣрять читающая публика, требующая, чтобы у всякаго пишущаго и проповѣдующаго писателя слово его не расходилось съ его дѣломъ, какъ и у этихъ немногихъ лучшихъ людей. Я знаю факты, гдѣ людей самой высокой правдивости и честности, либеральные глупцы заподозрѣвали во лжи, и въ этомъ заключается, конечно величайшее оскорбленіе, какое только можно нанести честному че

ловѣку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и печальный признакъ умственной убогости нашего времени. Воспитываясь въ практическихъ урокахъ эксплуатаціи съ самой молодости, намъ, людямъ времени, разумѣется трудно не носить его печати на себѣ, и вотъ почему насъ задѣваетъ чужое достоинство и чужая сила, и съ завистью глядя на тѣхъ, кто лучше насъ, мы хотимъ свести ихъ въ своему уровню, потому что сами не въ состояніи подняться до ихъ нравственной высоты. Въ большинствѣ случаевъ этотъ болѣзненно-нравственный процессъ совершается безсознательно и люди допускаютъ его въ себѣ только потому, что они сами не знаютъ, что дѣлаютъ. Съ той же безсознательностію дѣйствуютъ и тѣ писатели, которые, возставая противъ эксплуатаціи, ждуть въ сущности перваго теплаго мѣстечка, чтобы начать эксплуатировать другихъ. Впрочемъ людей этихъ въ безчестности заподозрѣвать нельзя, потому что въ тотъ моментъ, когда они говорятъ, они говорятъ искренно; ихъ органическій порокъ только въ томъ, что они отдаются легко всякимъ новымъ впечатлѣніямъ и во всю свою жизнь не могутъ приобрести устойчивости. Это больше ничего, какъ обыкновенные будничные люди, которымъ обстоятельства или способность писать дали возможность приняться за литературную работу. Во всѣхъ литературахъ они составляютъ большинство, занимающее середину между высшими, передовыми умами и характерами и тѣми литературными плутами, которыхъ, какъ кажется, у насъ еще мало, по крайней мѣрѣ меньше, чѣмъ во Франціи. Какъ извѣстному сорту ночныхъ промышленниковъ вспомогательнымъ средствомъ служить отмычка, такъ этимъ господамъ ихъ перо и навыкъ писать. Журналисты этого рода нападаютъ преимущественно на актеровъ и на богатыхъ представителей промышленности; первыхъ они преслѣдуютъ самой жестокой и несправедливой критикой и даже оскорбленіями, пока тѣ не подпишутся на одинъ или нѣсколько нумеровъ ихъ журнала, а относительно другихъ пускаютъ въ ходъ самыя разнообразныя инсинуаціи; то заподозрѣваютъ вѣрность ихъ предпріятій, то подвергаютъ сомнѣнію ихъ честность и способности, пока негоціантъ, чтобы спасти свой кредитъ, не заплатитъ имъ сколько нужно. Въ нашей журналистикѣ хотя дѣла и не дошли еще до подобнаго печальнаго положенія, но встрѣчается явленіе аналогичное въ охотѣ на подписчиковъ. Процессъ этой охоты заключается въ томъ, что съ наступленіемъ времени подписки извѣстные газеты и журналы стараются уронить своихъ болѣе счастливыхъ соперниковъ во мнѣніи публики, сочиняя вздорныя критикны и инсинуаціи въ русскомъ вкусѣ.

Если читатель отнесется внимательно ко всемъ окружающимъ его повседневнымъ явленіямъ жизни, анализируя ихъ сущность, то конечно согласится, что зло эксплуатаціи проникаетъ общество во всѣхъ отрасляхъ его дѣятельности, достигая особенно громаднаго размѣра въ его экономическихъ отношеніяхъ. Только привычка къ окружающей насъ повсюду эксплуатаціи дѣлаетъ насъ къ ней равнодушными. Однихъ потому, что они не умѣютъ относиться критически къ явленіямъ жизни, принимая все дѣйствительное справедливымъ и неизбѣжнымъ. Другихъ же потому, что они видятъ, что имъ не пробить стѣны лбонъ.

Только Моро-Кристофъ и подобные ему мыслители могутъ объяснять шутство, мошенничество и всякія разновидности эксплуатаціи стремленіемъ къ роскоши и къ матеріальнымъ наслажденіямъ. Но основная причина не въ этомъ, а въ неправильности экономическихъ и социальныхъ отношеній; въ томъ порядкѣ, по которому человѣкъ можетъ жить на счетъ человѣка. Какъ только измѣнятся въ обществѣ экономическія отношенія—исчезнетъ совершенно и эксплуатація, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ и всѣ преступленія, имѣющія источникомъ посягательство на чужой трудъ или на чужую собственность. Слѣдовательно вопросъ сводится къ иной организаціи экономическихъ отношеній и къ тому, чтобы трудъ человѣка вмѣсто того, чтобы направляться на бездѣлье и на присвоеніе результатовъ чужого труда, шелъ на непосредственное производство каждымъ полезныхъ предметовъ. А этого человѣчество достигнетъ только путемъ ассоціаціи и организаціей общиннаго труда. Нетерпѣливый читатель скажетъ, что этого ждать долго. Въ такомъ случаѣ оставайтесь при теоріи Моро-Кристофа, съ которой вы и до конца міра не придете ни къ чему хорошему.

И. Шелгуновъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Маленькіе люди смѣняютъ великихъ людей въ дѣлѣ фактическаго освобожденія негровъ.—Исправленіе американской конституціи. — Стремленіе самихъ негровъ къ упроченію своей свободы. — Энергія Джонсона, какъ дипломата.—Нападеніе испанцевъ на республику Чили.—Повтореніе старой исторіи докъ-Килота въ лицѣ испанскаго генерала Парехи.—Новый кризисъ испанскаго министерства.—Кто такой Примъ и въ чемъ состоитъ его планъ?

Давно я не говорилъ съ своими читателями о дѣлахъ въ Америкѣ, о результатахъ той великой драмы, которая *подготовлялась такъ долго, разыгралась такъ торжественно и кончилась такъ жалко. Главные дѣятели этой драмы почти всѣ сошли со сцены и, какъ обыкновенно бываетъ въ эпохи сильнаго народнаго возбужденія, послѣ героевъ вляются ничтожныя и мелкія личности, которымъ однакожь достается на долю слава ихъ предшественниковъ. Смерть Авраама Линкольна, повидимому, не могла представлять важнаго событія въ странѣ, гдѣ отдѣльная личность, какою бы властію ни была уполномочена, ничего не значить передъ той общественной волей, которая все творитъ и все рѣшаетъ. И дѣйствительно, Линкольнъ самъ по себѣ ничего не могъ сдѣлать, еслибъ даже обладалъ гениемъ и во сто разъ болѣе непреклонною энергіею. Какъ высшій представитель свободнаго народа, онъ былъ первый его слуга и исполнитель его желаній. Не во власти Линкольна было давать то или другое направленіе событіямъ, измѣнять ихъ сообразно съ своими личными

планами и на всемъ оставлять слѣды своего личнаго взгляда. Его дѣло было управлять ходомъ машины такъ, какъ требовали обстоятельства времени и воля народа. За всѣмъ тѣмъ отсутствіе этого честнаго дѣятеля скоро стало замѣтнымъ. Никто изъ его преемниковъ не могъ такъ страстно взяться за дѣло и такъ стойко выдерживать напоръ всевозможныхъ препятствій. Люди, смѣнившіе Линкольна, не поняли значенія предпринятой имъ реформы и запятали грязью чиновнической кляузы и интриги самую чистую и гуманную цѣль эманципации негровъ. Тамъ, гдѣ Линкольнъ дѣйствовалъ прямо и открыто, бездарный преемникъ его, Джонсонъ, сталъ употреблять неблаговидныя средства для торжества своихъ близорукихъ плановъ. Вотъ почему окончательное освобожденіе негровъ откладывается въ длинный ящикъ.

Конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ недавно началъ свою тридцать девятую сессію, и всѣ знали прежде, что онъ будетъ способствовать упроченію республиканскихъ идей даже болѣе предшествовавшаго конгресса. Кандидатъ партіи аболиціонистовъ на званіе президента, уже съ первымъ жребіемъ баллотировки успѣлъ соединить въ свою пользу четыре пятыхъ общаго числа голосовъ, и когда депутаты южныхъ штатовъ явились въ засѣданіе конгресса, чтобы принять въ немъ участіе на основаніи прежняго, исключительнаго права голоса бѣлой расы, то ихъ рѣшительно не хотѣли слушать, и прошеніе ихъ, въ полномъ засѣданіи, было поручено разсмотрѣнію особой комиссіи, которая, разумѣется, не одобритъ этой выходки.

Слѣдовательно, война все еще продолжается, и есть твердое основаніе надѣяться, что она не окончится, пока невольничество не будетъ отиѣнено, не только *официальнымъ* путемъ, но и на самомъ дѣлѣ. Необходимо, чтобы отъ этого чудовища не оставалось ни малѣйшихъ слѣдовъ.

Да и что сдѣлала нація со времени побѣды федеральнаго оружія, поднятаго для залеченія нечистой язвы рабства? Она сдѣлала очень немного, такъ какъ исправленіе конституціи, въ силу котораго отиѣняется невольничество, принято едва ли и тремя четвертями всего числа штатовъ, и за необходимой помощію нужно было обращаться въ штатамъ, въ сущности еще невольничьимъ, каковы обѣ Каролины, Георгія и Алабама.

Прежніе плантаторы дѣйствовали далеко неискренно и приняли исправленіе конституціи развѣ только для того, чтобы, прикрываясь

этой эгидой, распоряжаться будущностью прежних невольниковъ по своему юридическому усмотрѣнію. Каковы бы впрочемъ ни были политическія грѣзы сторонниковъ невольничества, исправленіе конституціи можетъ быть признано дѣйствующимъ закономъ государства: остается только выполнить кое-какія формальности. Рабство не существуетъ болѣе въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ юридическое право, и только немногіе невольники въ двухъ сѣверныхъ штатахъ Кентукки и Делаварѣ со дня на день готовятся къ освобожденію. Американская конституція, составляющая славу народа, не будетъ въ то же время и его безславіемъ.

Итакъ вопросъ видоизмѣняется. Теперь задача уже не въ уничтоженіи невольничества, какъ юридическаго права; иначе говоря, теперь дѣло не въ словахъ и бюрократической казуистикѣ, а въ самомъ фактѣ, такъ какъ слѣдствія этого позорнаго учрежденія ощутительны и понинѣ, и съ ними-то теперь надо дѣятельно бороться. Негръ признанъ за гражданина въ немногихъ штатахъ, а на Югѣ его даже не признаютъ за человѣка, ему отказываютъ въ правѣ судебного свидѣтельства, въ правѣ учиться читать, даже въ правѣ жениться и называться отцемъ своихъ дѣтей. Одновременно съ принятіемъ исправленія конституціи, Южная Каролина приняла также проектъ закона, по которому прежній невольникъ, становясь безответнымъ работникомъ, могъ быть проданъ, тѣлесно наказанъ, точно такъ же, какъ это было въ доброе старое время. Мало того, земли, обрабатываемыя свободными неграми, были у нихъ отняты, ихъ хижины сожжены, а роптавшихъ между черными просто-напросто разстрѣляли. Отсюда ясно, что сѣвернымъ аболиціонистамъ еще рано складывать руки подъ тѣмъ предлогомъ, что невольничество отменено *юридически*. Нѣтъ, оно еще существуетъ, возобновляется подъ разными формами, подобно баснословной гидрѣ, и возрождается изувѣрствомъ, ненавистью, жаждою мщенія и всѣми подобными страстями, бушующими въ душѣ побѣжденныхъ.

Притомъ, есть еще и теперь много такихъ простодушныхъ господъ, управляемыхъ деспотизмомъ привычки или воспоминаніями своего воспитанія, которые видятъ въ рабствѣ учрежденіе святое по преимуществу, и потому стараются поддержать его, руководясь какимъ-то особеннымъ чувствомъ долга.

Итакъ въ настоящее время необходимо рѣшиться на великій шагъ, — признать за негромъ его гражданскія права и слѣдователь-

но предоставить ему значеніе избирателя и избираемаго. Все это вполне логично, а между тѣмъ большинство республиканской партіи до сихъ поръ не умѣло сознательно уяснить себѣ характера своихъ собственныхъ дѣйствій. Умственное и нравственное развитіе этой партіи совершилось не такъ быстро, какъ этого требовалъ ускоренный ходъ событий. Во всѣхъ сѣверныхъ штатахъ, возобновившихъ свои законодательныя собранія, былъ поднятъ вопросъ о правѣ голоса черныхъ и о всеобщемъ политическомъ равенствѣ, но только одинъ штатъ рѣшилъ эту задачу въ смыслѣ справедливости: республиканцы другихъ штатовъ—Коннектикута, Уисконсина, Миннесоты, Миссури—раздѣлились на двѣ категоріи, изъ которыхъ сильнѣйшая порѣшила, что «безусловное могущество находится на сторонѣ бѣлой кожи».

Такимъ образомъ, между всѣми этими юными западными штатами, только одинъ успѣлъ постичь настоящей смыслъ переворота; но въ Новой-Англіи, Массачузетсѣ и четыре другихъ штата, еще до начала войны, уничтожили всякое гражданское различіе между разнокожими.

Такъ какъ выборы конгресса производились въ минуту самаго жаркаго республиканскаго настроенія, непосредственно за умерщвленіемъ Линкольна, то все заставляетъ насъ думать, что онъ разработаетъ вопросъ о черныхъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ это сдѣлали сѣверные штаты.

Одинъ изъ первыхъ, представленныхъ собранію, проектовъ относится къ дарованію права голоса цвѣтнымъ людямъ округа Колумбіи, и, судя по приему, которымъ былъ встрѣченъ этотъ билль, надобно ожидать его полного одобренія. Притомъ, конгрессъ имѣетъ свои самостоятельныя причины держаться этого направленія. Дѣйствительно, если южные негры не приобретаютъ права вотирования, то ужь это одно показываетъ, что бѣлое населеніе Юга, ясное — люди, еще вчера стоявшіе съ оружіемъ мятежа въ рукахъ, пользуются большими преимуществами сравнительно съ тѣмъ же населеніемъ, нарушавшимъ вѣрности Союзу. Если бы число представителей какъ на Югѣ, такъ и на Сѣверѣ, избиралось соразмѣрно съ общимъ населеніемъ, то неминуемо должно оказаться, что тамъ, гдѣ исключается черное представительство, бѣлое наоборотъ возрастаетъ вдвое. Въ справедливомъ сознаніи своихъ правъ, депутаты сѣверныхъ штатовъ не желаютъ допустить такого неравенства, видя

въ немъ свой прямой ущербъ, и потому естественно стремятся къ предоставленію права голоса бывшимъ невольникамъ и къ объявленію ихъ дѣйствительными гражданами.

Что же дѣлаютъ сами черные для пріобрѣтенія вмѣстѣ съ свободой права голоса, — того права, которымъ долженъ пользоваться всякій членъ республики? Само собою разумѣется, имъ никто не поможетъ, если они не похлопочуть о себѣ сами; имъ нечего рассчитывать на великодушіе и правосудіе американцевъ, если сами они не окажутся достойными свободы своими собственными добрыми качествами. Но, къ счастью, они не отдаются на произволъ судьбы въ настоящемъ критическомъ положеніи и ревностно хлопочуть о своей нелугочной эманципации. Очень многіе изъ нихъ обогащаются торговлей, въ чемъ заключается для нихъ вѣрное средство пріобрѣсть уваженіе промышленныхъ янки. Въ нѣкоторыхъ южныхъ городахъ, напримѣръ въ Нью-Бернѣ, въ Сѣверной-Каролинѣ, они даже пускаются въ крупные обороты, и многіе изъ нихъ извѣстны, какъ промышленники, банкиры, судохозяева. Надобно также прибавить, что южные негры хлопочуть о своемъ образованіи съ необыкновеннымъ увлеченіемъ: вмѣстѣ съ своими дѣтьми они посѣщаютъ школы, заведенные въ главныхъ городахъ массачузетскими учителями, даже открываютъ школы на свой счетъ и наконецъ повсюду собираются въ комитеты для завоеванія себѣ полной гражданской свободы.

Мы приводимъ первыя постановленія конвенціи негровъ въ Южной Каролинѣ.

«Принимая во вниманіе, что *знаніе есть сила* и что умный, образованный народъ никогда не можетъ носить цѣпей рабства или вновь подъ него подпасть, мы опредѣлили хлопотать о заведеніи хорошихъ школъ для серьезнаго воспитанія нашихъ дѣтей, а въ видахъ достиженія этой цѣли, мы будемъ жертвовать значительной частью нашихъ ежегодныхъ доходовъ, и вообще ревностно изыскивать всѣ средства, пригодныя для доставленія намъ степени и положенія цивилизованнаго народа.

«Мы опредѣлили также настойчиво убѣждать родителей и опекуновъ нашего подрастающаго поколѣнія заводить школы и посылать въ нихъ дѣтей. Не надобно забывать о насильственномъ невѣжествѣ и униженіи, которыя были нашимъ прошлымъ удѣломъ, и подумать о той великой будущности, какую мы можемъ себѣ приготовить.

«Теперь, когда навѣки устранено рабство, мы охотно изгонимъ изъ своего сердца всякое мрачное воспоминаніе, всякую ненависть къ тѣмъ, которые были виновны въ нашемъ порабощеніи; мы всѣмъ протянемъ дружескую руку и поставимъ главною своей цѣлью стараться возродить новое время единства, мира и братства между всѣми ближними.

«Мы твердо вѣримъ въ прочность національнаго правительства и со всею радостью готовы нести и нашу долю повинностей и налоговъ, въ полной надеждѣ, что недалеко то время, когда эти общественныя тягости будутъ для насъ обмѣнены на ихъ естественную цѣнность — на право представительства.»

Вотъ какъ говорятъ вчерашніе рабы, серьезно проникаясь мыслию свободнаго человѣка. Но прощая своимъ прежнимъ мучителямъ и полагаясь на національное правительство, они, тѣмъ не менѣе, прекрасно сознаютъ справедливость своего дѣла, что видно изъ ихъ «объявленія правъ и неудовольствій», въ которомъ сказано:

«Въ объявленіи американской независимости утверждается, что всѣ люди были созданы равными между собою, и что они надѣлены нѣкоторыми неотъемлемыми правами, какова жизнь, свобода и преслѣдованіе своего благосостоянія.

«Негръ также членъ человѣческаго рода, чего, конечно, отвергать никто не будетъ. Поэтому, мы, цвѣтные люди Южной Каролины и граждане Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, по должной справедливости требуемъ для себя правъ, означенныхъ въ объявленіи американской независимости.

«Эти положенія чувства справедливости, человѣколюбія были нарушены, а мы лишены естественныхъ правъ, основанныхъ на самыхъ условіяхъ нашей человѣческой природы; у насъ отняли право личной свободы, право защиты, какъ нашего тѣла, такъ и достоинства.

«Всѣ пути къ благосостоянію и ученію были для насъ закрыты, и, благодаря предрасудку господствующей расы, мы лишились права добиваться обезпеченнаго положенія въ жизни.

«Страшныя гоненія обрушились на насъ, и тѣла наши сдѣлались добычею истязаній. Насъ лишили и лишаютъ еще до сихъ поръ свободы въ выборѣ правительства, насъ подвергаютъ несправедливымъ поборамъ, мы должны были проливать свою кровь для радости тѣхъ, которые продолжаютъ держать насъ въ угнетеніи.»

Въ своемъ «меморіалѣ», обращенномъ къ конгрессу, конвенція цвѣтныхъ людей Южной Каролины выражается не менѣе энергично:

«Мы испрашиваемъ у васъ, господа, только одного правосудія.

«Поэтому прежде всего мы испрашиваемъ, чтобы сильная рука закона простиралась одинаково на всѣхъ жителей государства, чтобы жизнь и собственность каждаго были обезпечены и чтобы работникъ могъ вполне свободно продавать произведенія своего труда.

«Мы испрашиваемъ, чтобы правительство давало истинный смыслъ своимъ обязательствамъ, въ которыя оно вошло съ нами относительно поземельной собственности.

«Мы испрашиваемъ, чтобы три великія рычага всякаго образованнаго общества—школа, судъ и печать — дѣйствовали такъ же свободно въ Южной Каролинѣ, какъ въ Массачузетсѣ и Вермонтѣ.

«Мы испрашиваемъ, чтобы право голоса было предоставлено намъ наравнѣ съ бѣлыми жителями штата, потому что власть всякаго справедливаго правительства должна основываться на общемъ согласіи управляемыхъ.

«Мы испрашиваемъ, чтобы цвѣтные люди не были постоянно судимы бѣлыми и чтобы насъ не отстраняли отъ званія присяжныхъ, будь то въ силу обычая или особаго постановленія.

«Мы испрашиваемъ, чтобы, согласно съ положительною статьею конституціи Соединенныхъ Штатовъ, предоставляющею всякому гражданину право носить оружіе, это право и у насъ не было отнято.

«Мы протестуемъ противъ всякаго спеціальнаго кодекса для черныхъ, который или уже былъ или могъ быть введенъ впослѣдствіи правительствомъ штата, и требуемъ, чтобы насъ судили по тѣмъ же законамъ, по которымъ судятся наши сограждане.

«Право собираться въ мирныя конвенціи для обсужденія всѣхъ текущихъ политическихъ вопросовъ, право заниматься торговлей, земледѣліемъ и промышленностью, право достигать благосостоянія независимымъ трудомъ, право наконецъ развиваться всѣми средствами, предоставленными всякому свободному человѣку,—вотъ побѣды, которыхъ оспаривать у насъ не станетъ ни одно здравомыслящее правительство.»

Отсюда ясно, что президентъ Джонсонъ, такъ много старавшійся примириться съ бывшими мятежниками и такъ предупредительно убѣждавшій ихъ сдѣлаться опять членами Союза, долженъ былъ бы также заняться и чернокожими, которые почти одни имѣютъ право

назваться вѣрными американцами южныхъ штатовъ; ему бы слѣдовало отнестись прямо къ нимъ за помощью для «перестройки» государства и особенно не допускать обиднаго для негровъ предположенія, что, быть можетъ, они со временемъ должны будутъ очистить страну, какъ люди, съ которыми бѣлые никакъ не могутъ ужиться. Такое заявленіе было крайне нелѣпо. Справедливо, что по конституціи президентъ не могъ своимъ постановленіемъ создать цѣлый милліонъ новыхъ избирателей, не посягая на права конгресса; но онъ бы долженъ былъ по крайней мѣрѣ зорко наблюдать, чтобы точное правосудіе было оказываемо неграмъ, которые одни на Югѣ защищали цѣлость Союза; онъ не долженъ былъ бы предоставлять прежнимъ плантаторамъ права юридически распорядиться судьбою бывшихъ невольниковъ, и вмѣсто того, чтобы позволять отнимать оружіе и земли у недавнихъ ратниковъ Союза, ему бы слѣдовало поддерживать въ большихъ городахъ всѣ совѣщанія, имѣвшія прямую цѣлю покровительствовать освобожденнымъ изъ рабства; этихъ обязанностей правосудія и гуманности президентъ не выполнилъ. Еще будучи военнымъ губернаторомъ Тенесси, онъ произнесъ неграмъ довольно извѣстную рѣчь, въ которой восклицалъ: «я вашъ Моисей, я поведу васъ въ Обѣтованную землю.» Но это торжественное обѣщаніе осталось пустымъ звукомъ.

Но если Джонсонъ не понимаетъ смысла внутреннихъ событій, я, какъ близорукій бюрократъ, тормозитъ своими распоряженіями освобожденіе негровъ, если его *перестройка* штатовъ есть ничто иное, какъ исполненіе пустыхъ юридическихъ формальностей, то надо отдать ему справедливость, какъ отважному дипломату. Внѣшняя политика его отличается мужествомъ и самоувѣренностію. Слова, сказанныя имъ въ вступительной рѣчи, по отношенію къ Англіи, особенно поражаютъ мужественнымъ голосомъ правды, который лучше всѣхъ возможныхъ требованій денежнаго удовлетворенія или угрозъ дипломатическаго разрыва можетъ разоблачить британскую недобросовѣстность въ глазахъ самого англійскаго правительства. Теперь самъ Джонъ-буллъ видитъ ясно, какъ неблагородно было съ его стороны пользоваться временною слабостію Соединенныхъ Штатовъ, посылать въ океанъ пиратовъ и себялюбиво вредить американской торговлѣ. Англійскіе шкипера спокойно наслаждаются теперь награбленнымъ добромъ, благодаря своему правительству, непризнающему основательности американскихъ претензій, подъ тѣмъ умнымъ предлогомъ,

будто оно одно смѣетъ толковать международное право. Отвѣчая на это презрѣніе всякой правды, президентъ ограничивается только «заявленіемъ своего убѣжденія передъ конгрессомъ и передъ цѣлымъ свѣтомъ, что подобный родъ дѣйствій слишкомъ предосудителенъ въ мнѣніи международнаго трибунала.» При всемъ томъ онъ «не совѣтуетъ въ настоящее время прибѣгать ни къ какимъ домогательствамъ удовлетворенія, но прибавляетъ, что «въ будущемъ, дружба между двумя государствами можетъ основываться не иначе, какъ на принципѣ взаимной справедливости и довѣрія. Въ противномъ случаѣ, прибавляетъ онъ, американская нація дастъ почувствовать своему коварному другу, что у нея есть олотъ и люди, заставляющіе если не уважать справедливость, то, по крайней мѣрѣ, поступать прилично»...

Вотъ какъ благородно американская республика отвѣчаетъ правительству, которое своими происками такъ усердно старалось раздуть и продлить пламя военныхъ ужасовъ.

Что касается французскаго правительства, то мистеръ Джонсонъ обращаетъ къ нему, по поводу вмѣшательства въ мексиканскія дѣла, вполне толковую и безхитростную рѣчь, и если ея не пойметъ покровитель императора Максимилиана, то развѣ только потому, что онъ нѣсколько тугъ на ухо.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ, не прибѣгая ни къ какимъ околичностямъ, просто объявляетъ, что американцы не вмѣшиваются въ дѣла Европы только при условіи, чтобы европейскія правительства, съ своей стороны, не вмѣшивались въ американскую политику, и что, «по его мнѣнію, миру всего человѣчества можетъ грозить величайшее потрясеніе, если бы американскій народъ, выпущенный какою нибудь европейской державой, долженъ былъ защищать республиканскія начала отъ иноземныхъ посягательствъ.»

Прямой смыслъ этихъ словъ тотъ, что американское правительство потому только и соглашается не вмѣшиваться въ распоряженія Франціи по отношенію къ Америкѣ, что считаетъ мексиканскую имперію мимолетной прихотью одного дня, и твердо убѣждено, что, однимъ вліяніемъ своей организаціи и своихъ принциповъ, американская республика разгонитъ французскіе отряды. Джонсонъ не нуждается въ объявленіи войны, вѣря, что миръ и сила Союза представляютъ достаточныя ручательства для достиженія прямой цѣли этого государства, которая заключается въ его переорганизованіи.

Вотъ почему повѣренный Хуареса, генераль Логау, не получивъ отъ президента просимой имъ помощи двадцати-тысячнаго отряда, но одного слуха было достаточно, чтобы маршалъ Базенъ очистилъ двѣ сѣверныя провинціи Чикагуа и Синалоа, открывъ Хуаресу свободную дорогу внутрь Мексики.

Либеральныя войска, чувствуя, что ихъ поддерживаютъ симпатіи американцевъ, быстро собираются и начинаютъ дѣйствовать наступательно. Недавно они отважились приступить къ осадѣ сильно укрѣпленнаго города Матамороса. Впрочемъ «янки» и не думаютъ скрывать своихъ желаній и сочувствій. «Вы жалуетесь», писалъ американскій генераль Вейтцель одному изъ предводителей имперіалистовъ генералу Мехиа, что мои офицеры и солдаты ведутъ дружбу и радушное знакомство съ мексиканскими либералами. Но вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Либералы сражаются за свободу, и потому ихъ дѣло должно было возбудить живѣйшія симпатіи въ сердцахъ всѣхъ американцевъ. Если бы я даже и желалъ подавить эти симпатіи, то мнѣ было бы такъ же трудно это сдѣлать, какъ и остановить движеніе земли; но смѣю васъ увѣрить, что вовсе не такъовы мои намѣренія».

Слѣдуетъ также помнить, что Франція—не единственная европейская держава, воюющая въ Америкѣ съ республиканскими начальниками. Испанскіе *caballeros*, въ такой же мѣрѣ страстные до приключеній, какъ и въ эпоху покоренія Западной Индіи, кажется воображаютъ, что прежнія американскія вице-королевства все еще населены ацтеками, инками, чибчами и гуарами. Они потерпѣли позорное изгнаніе изъ санъ-домингской республики, куда, если имъ вѣрить, ихъ призвало желаніе народа, но при отступленіи эти господа, своимъ самохвальствомъ и донкихотствомъ, успѣли заставить думать, будто оставляютъ островъ безъ всякихъ понужденій. Затѣмъ, подъ какимъ-то глупѣйшимъ предлогомъ они овладѣли архипелагомъ Чинча и наложили на республику Перу контрибуцію въ пятнадцать милліоновъ, кромѣ суммы въ триста съ чѣмъ-то милліоновъ, которую испанское правительство рѣшило истребовать впоследствии. Президентъ Пезать, видно, смутно понимавшій, что безъ извѣстной доли смѣлости нѣтъ мѣста истинному благородію, трусливо повиновался наглымъ требованіямъ кастильскаго адмирала Парехи, и этой самой слабостью поднялъ въ своемъ отечествѣ междуусобную войну, которой суждено было егѣ

низвергнуть. После подобной победы, стоившей нескольким выходок хвастовства, адмиралъ Пареха и испанскіе министры ни въ чемъ болѣе не сомнѣвались. Они унижали одну за другой всѣ прочія испано-американскія республики, взявая съ каждой военную контрибуцію для пополненія своей опустѣвшей кассы.

Самой цвѣтущею между республиками Южной Америки съ полною справедливостію можно назвать республику Чили. Въ ней кипитъ быстро увеличивающееся народонаселеніе, въ ея распоряженіи находятся неистощимые рудники, прекрасные пути сообщенія, желѣзныя дороги, приморскіе порты; соразмѣрно съ цифрою населенія, чилийская торговля вдвое значительнѣе французской и вѣнгеро испанской.

Столько примапокъ заставили адмирала Пареху устремить на Вальпарайсо броненосныя суда: за предлогами дѣло не стало, и адмиралъ, усердно придумывая, изобрѣлъ ихъ цѣлую кучу.

17-го сентября, въ тотъ самый день, когда чилийцы справляли торжество своей національной независимости, вдругъ, къ общему ужасу, раздается вѣсть, что адмиралъ Пареха обложилъ своими судами городъ Вальпарайсо, и что если втеченіи четырехъ дней его наглыя желанія не будутъ выполнены работѣнно, то прибрежные города обратятся въ груды пепла и развалинъ. Это было ужъ черезъ-чуръ. Въ то же самое время всѣ чилийцы, соединившись въ одинъ общій голосъ, объявили войну Испаніи; всѣ партіи быстро примирились; члены конгресса, въ общемъ собраніи, отправились къ настоящему президенту, потомъ къ его предѣстнику, съ цѣлю заявить имъ, что всякое личное соперничество должно смолкнуть въ виду опасности отечества; патріотическія пожертвованія щедро потекли въ государственныя кассы и въ нѣсколько дней былъ собранъ національный заемъ. Всѣ здоровые люди, поощряемые своими матерями и сестрами торопливо составляли бригады, а женщины своими руками приготавливали національныя знамена для всѣхъ стѣнъ, угрожаемыхъ испанскими пушками. Иностранцы, которыхъ торговые интересы также подвергались сильному риску, соединились единодушно съ чилийцами; американскій посланникъ Нельсонъ объявилъ, что Испанія отвѣтитъ за всякій ущербъ, нанесенный въ войнѣ интересамъ его единосемцевъ, а командиръ одного судна Соединенныхъ Штатовъ, выплывъ далѣе въ рейдъ, помѣстился между испанской флотиліей и домами Вальпарайсо. «Стрѣляйте, если хотите,» ска-

залъ онъ, «но помните, что первые ваши выстрѣлы пошлутъ ко дну корабль великой сѣверной республики».

На этомъ-то дѣла и остановились. Пареха не осмѣлился привести свои угрозы въ исполненіе и ограничился захватомъ нѣсколькихъ торговыхъ судовъ, за которыя, конечно, рано или поздно ему придется расплатиться. Притомъ, онъ бы умеръ отъ голода и жажды со всѣмъ своимъ экипажемъ въ рейдѣ Вальпарайсо, если бы каждый день не покупалъ воды и сѣстныхъ припасовъ у тѣхъ же самыхъ чилийцевъ, которымъ объявилъ войну. Къ довершенію его неловкаго положенія, въ республикѣ Перу революція одерживаетъ верхъ, и первымъ своимъ постановленіемъ объявляетъ войну Испаніи; всѣ прочія испано-американскія республики послѣдовательно присоединяются къ Чили, а изъ Соединенныхъ Штатовъ является броненосный флотъ для поддержанія принципа невмѣшательства. Чтобы выставить испанскую политику еще болѣе въ невыгодномъ свѣтѣ, президентъ Джонсонъ назначилъ посломъ въ Чили генерала Кьяпатрика и предложилъ ему отправиться сначала въ Мадридъ, съ цѣлію представить испанскому кабинету желанія американскаго народа.

Итакъ все заставляетъ думать, что эта позорная интрига испанскаго министерства будетъ имѣть въ результатѣ только однимъ унженіемъ больше.

Желательно, чтобы хотя теперь республики Новаго Свѣта убѣдились въ истинѣ той мысли, что вся непобѣдимая ихъ сила кроется въ прочномъ федеративномъ устройствѣ, о которомъ онѣ мечтаютъ уже такъ давно!

Теперь приходится говорить еще объ одномъ, новомъ pronunciamento въ Испаніи. На этотъ разъ, однако, отъ этого pronunciamento надобно ожидать рѣшительныхъ послѣдствій, конечной развязки, такъ какъ дѣло идетъ просто-на-просто о перемѣнахъ въ самомъ правительствѣ. Мы, разумѣется, не видимъ здѣсь ничего похожаго на возмущеніе, но только слушаемъ революціонныя пренія.

Сказать правду, испанское правительство въ продолженіи шестидесяти лѣтъ употребило всѣ свои усилія, чтобы опротивѣть управляемому имъ народу. Ни одна нація не была такъ горячо привязана къ своимъ королямъ, какъ испанцы, и по своей натурѣ, и по привычкѣ; но въ то же

время, ни одна династія не обнаружила столько безтактности и неблагодарности, какъ династія Карла IV и его преемниковъ. Не разъ эта династія избавлялась отъ собственныхъ раздоровъ, только благодаря вторженію французовъ, напимѣръ при Наполеонѣ I-мъ и Людовикѣ XVIII. Въ послѣднее время, когда въ 1833 году возникли большія несогласія въ королевской фамиліи, королева-правительница и ея дочь, нынѣшняя королева, должны были искать спасенія въ кругу либеральной партіи, которая теперь сдѣлалась такою ненавистною О'Донелю. Это обстоятельство не должно быть выпускаемо изъ виду. Испанецъ отъ природы надѣленъ рыцарскими и монархическими воззрѣніями. Мысль, что на престолѣ сидѣть женщина, притомъ съ именемъ Изабеллы, которое когда-то принадлежало великой основательницѣ современнаго государственнаго быта Испаніи,—эта мысль обезоруживала многихъ враговъ правительства. Но это обаяніе теперь потеряло всякое моральное значеніе. Казалось бы, что ниже уже упасть нельзя, какъ отъ Карла IV до Фердинанда VII; однако цѣлый рядъ неспособныхъ министровъ сумѣли уронить испанскую династію еще ниже Фердинанда VII.

Съ 1834 года до настоящаго времени конституція испанскаго народа была не больше, какъ нескончаемой мистификаціей. Всякой реформы, всякаго отмѣненія злоупотребленія нужно было достигать возмущеніемъ или угрозами. Миновала опасность—министерство опять возвращалось къ произвольнымъ дѣйствіямъ; затѣмъ опять организовалось возстаніе, но уже посерьознѣе прежняго. Люди, стоявшіе во главѣ управленія, за неимѣніемъ руководящихъ идей и государственнаго взгляда на дѣла страны, попеременно хватались то за ту, то за другую партію, — нынче за либераловъ, завтра за клерикаловъ, наконецъ потеряли всякое довѣріе въ глазахъ народа, непонимавшаго, чего хотятъ его правители. Народъ ясно понималъ только одно, что его положеніе было одинаково худо какъ при министрѣ Норвеацѣ, такъ и при О'Донелѣ, какъ при господствѣ партіи клерикаловъ, такъ и либераловъ; и онъ пассивно сталъ смотрѣть на всякую пережѣну, совершавшуюся въ его средѣ и на его счетъ.

Эта предосудительная политика не допустила окончательнаго сформированія большой партіи гражданъ, въ которую вошли бы матеріальныя и умственныя силы среднихъ классовъ. Эти классы, какъ извѣстно, поклоняются возродившемуся конституціонализму

Англіи и утвердившему парламентариуму правительства Людовика-Филиппа.

Слѣдовательно, нужно было бы постараться развить въ народѣ основательныя политическія взгляды, чтобы создать мало-мальски порядочныя избирательныя учрежденія. Это было тѣмъ необходимое, что испанецъ, переставшій поклоняться сватынѣ абсолютной монархіи, очертя голову бросается къ крайнимъ идеямъ. Вотъ отчего католическая и монархическая Испанія такъ вѣрно идетъ по слѣдамъ Франціи.

Конечно, среднее сословіе не отказывалось отъ своихъ избирательныхъ правъ оофициально, но достаточно привести тотъ фактъ, что въ послѣдніе три года оно должно было три раза избрать представителей націи и три раза оно не подавало своего голоса, а между тѣмъ извѣстно, какъ дорожатъ этимъ правомъ вліятельные граждане. Это событіе, безпримѣрное въ парламентарной исторіи, заслуживаетъ быть разобраннымъ нѣсколько обстоятельнѣе.

Въ 1863 году избирательный корпусъ изъ 160,000 человекъ почти всею массою отказался отъ права голоса, не смотря на то, что его составляли привилегированныя лица. Парламентъ былъ избранъ только двумя-тремя тысячами избирателей, принадлежащихъ къ слущаюму и слѣдовательно зависящему отъ правительства сословію; разумѣется, парламентъ этотъ подвергся осмѣянію всей націи.

Новаая камера, избранная не на своемъ мѣстѣ услужливымъ меньшинствомъ, не могла имѣть никакого нравственнаго значенія: она была, такъ сказать, мертва еще до рожденія. Народъ не признавалъ никакихъ правъ за этимъ порожденіемъ министерскаго произвола. Виродоженіи цѣлаго года камера эта проповѣдывала въ пустынѣ, какъ вѣрное, но бесполезное орудіе власти, и наконецъ была закрыта тѣмъ самымъ правительствомъ, которое ее не доносило.

Теперь правительство, въ своемъ справедливомъ бездокопствѣ, рѣшилось проавзвестъ избирательную реформу, расширить кругъ ценза и обратиться къ содѣйствию способностей. Оно увеличило до 200,000 число избирателей. Ту самую реформу, на которую Людовикъ-Филиппъ не соглашался такъ упорно, что лишился короны, испанская королева сразу подарила своему народу. Можно было бы ожидать, что этотъ народъ жадно схватится за даруемую реформу, какъ за лакомую и давно ожидаемую добычу. Ничуть не бывало: народъ до нея и не дотронулся; онъ попрежнему ворчалъ и хмурился. Надоб-

но сознаться, что у народа бываютъ подчасъ свои капризы, что и онъ можетъ иногда удивить довольно страннымъ характеромъ. Въ 1864 году выборы имѣли тотъ же результатъ, что и въ 1863-мъ. Въ избирательныхъ коллегіяхъ избиратели блистали своимъ отсутствіемъ до такой степени, что въ Сарагоссѣ на 1400 избирателей считали 72, подавшихъ свои голоса, значить на двадцать по одному; въ первомъ барселонскомъ округѣ насчитывалось 28 голосовъ на 900 избирателей, что не составляетъ и по одному на тридцать. Въ Мадридѣ только двѣ пятыхъ всего числа избирателей участвовали въ подачѣ голосовъ, а между тѣмъ въ городѣ, служившемъ средоточіемъ двора, министерствъ, административныхъ учрежденій первой инстанціи и разнаго служилого люда, правительство имѣло подъ руками несравненно больше понудительныхъ средствъ, чѣмъ гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ.

Вновь избранный парламентъ, подобно своему предшественнику, проповѣдывалъ въ пустынѣ, также былъ вѣренъ и бесполезенъ, также проявлялъ только одинъ годъ, какъ однолѣтнее растеніе. Но передъ своей кончиной онъ долженъ былъ согласиться на новый избирательный законъ министра О'Донеля. Думая, что границы права вотированья еще недостаточно расширены, правительство сразу утrojило число избирателей, надѣясь, что этотъ смѣлый шагъ расположитъ или хотя нѣсколько приблизитъ къ политикѣ королевы средній классъ, которому лестно будетъ воспользоваться своимъ новымъ правомъ участія въ государственной администраціи. Опять разочарованье!

Новые избиратели нисколько не обрадовались тому праву, которое имъ даровали недавно такъ предупредительно, безъ всякой съ ихъ стороны просьбы. Изъ 600,000 избирателей только третья часть (можетъ быть нѣсколько больше) приняли участіе въ выборѣ членовъ настоящаго парламента. Но даже и изъ этого числа надобно вычесть около 70,000 чиновниковъ и другихъ подчиненныхъ правительству лицъ, которыя были допущены къ подачѣ голосовъ. Послѣ этой операціи, число лицъ, дѣйствительно участвовавшихъ въ выборахъ, можно означить высшею цифрою 150,000. Слѣдовательно новая камера также не могла присвоить себѣ значенія представительнаго собранія націи.

Итакъ, антагонизмъ между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ продолжался, съ каждымъ годомъ становясь сильнѣе. Од-

нако народъ не могъ же въ нѣкоторомъ смыслѣ исчезнуть и ступаться передъ правительствомъ. Въ этой борьбѣ между правительствомъ и цѣлымъ народомъ наконецъ очень естественно, должно было уступить правительство. Къ такому заключенію всѣ пришли ужь давно давно. Все это объясняетъ, какимъ образомъ нѣсколькимъ кавалерійскимъ и пѣхотнымъ отрядамъ, командуемымъ какимъ нибудь генераломъ, вздумалось стать во главѣ возстанія противъ правительства, которое никто не поддерживаетъ. Такимъ смѣльчакомъ явился нѣкто Примъ, провозглашая:

Единство Иберіи!

Долой камарилью, О'Донеля, сестру Патроциню и всю ихъ компанію!

Не нужно конскрипціи и организаціи войска по швейцарскому образцу!

Долой привиллегіи!

Загнѣмъ уже слѣдовала обычная формула: вивать, свобода!

Надобно согласиться, что всѣ могли предсказать уже давно день и часъ этого возстанія, что цѣлыхъ три мѣсяца оно было секретомъ этой старой кумушки Европы—секретомъ Полишинеля.

Всякій называлъ Прима душою предпріятія. Если бы Примъ не началъ этого дѣла, то его началъ бы непременно кто нибудь другой; можно даже было думать, что самъ О'Донель распотѣшитъ бѣлый свѣтъ и возмутится противъ своего же правительства.

Наконецъ Примъ слѣдуетъ только примѣру О'Донеля, который сдѣлался первымъ-министромъ при помощи сабли и заряженнаго ружья. Что же могло быть проще, если бы О'Донель ухватился и теперь за то же средство, которое такъ хорошо ему удалось въ первый разъ! Что могло быть естественнѣе, если бы онъ захотѣлъ подражать примѣру той собаки, которая несла въ зубахъ вкусную говядину и при нападеніи многочисленныхъ товарищей сожрала самыя лакомые куски, чувствуя себя не въ силахъ защищать цѣлаго. О'Донель много думалъ объ этомъ и, подобно всякому другому, серьезно взвѣшивалъ свое положеніе. Къ несчастью для перваго министра его всѣ знали насквозь, его увѣренія и прокламаціи никого не могли одурачить, и потому онъ долженъ былъ поневолѣ дѣйствовать единственнымъ оружіемъ — насиліемъ. Что же до его партіи — «либеральной уніи», — то она сдѣлалась предметомъ еще большаго недоброжелательства и презрѣнія, чѣмъ онъ самъ, если

только можно кого ишбуди больше презирать и ненавидѣть. Прими относительно еще молодъ, потому что ему только пятьдесятъ лѣтъ отъ реду, а для политическаго дѣятеля это — настоящая, цвѣтущая пора силы; притомъ же господинъ этотъ принадлежитъ къ числу самыхъ ловкихъ, отважныхъ и блестящихъ шарлатановъ нашего поколѣнія.

Чтобы понять, какъ безсилно правительство между всѣмъ этими военнымъ людомъ, какъ одиноко оно среди общаго народнаго недоброжелательства и какъ далеки его убѣжденія отъ взглядовъ націи, достаточно знать, что въ самую минуту возмущенія, которое ставило его въ такое опасное положеніе, потомки старыхъ рыцарей не придумали ничего лучше, какъ обратиться къ разнымъ каньямъ съ просьбою о помощи и защитѣ въ настоящее смутное время. Сестра Патрицианіо немедленно отыскала какого-то самозваннаго пророка, выписала его въ Мадридъ и, въ присутствіи всего двора, заставила его предсказывать будущее Изабеллы II. Все это походитъ на сонъ изъ тысячи одной ночи, а между тѣмъ въ Испаніи совершается на яву.

Чтобы дойти до твердо составленнаго рѣшенія не входить въ мирныя сдѣлки съ правительствомъ, партія прогрессистовъ должна была вынести за длинный рядъ лѣтъ много оскорбленій, презрѣнія и преслѣдованій, не смотря на всѣ свои попытки заслужить королевское благорасположеніе. Не надобно забывать, что въ 1843 году, такъ же какъ въ 1854 и 1856 годахъ, партія прогрессистовъ соглашалась лучше оставить торжество за реакціонерами, нежели пытаться испровергнуть правительство въ союзѣ съ демократами. Эта партія овружила королеву такою пышностію, что бѣдная Испанія расходуетъ на содержаніе двора не въ примѣръ больше богатой Англій. Разумѣется, только отчаяваясь въ выигрышъ своего дѣла, либеральные испанцы могли придти къ антидинастическимъ стремленіямъ.

Либералы сдѣлались антидинастическою партіей, но политическое положеніе Испаніи отъ этого не только не упростилось, но даже еще больше запуталось. Прогрессисты — партія антидинастическая, но это вовсе не значитъ, что они — республиканцы. Напротивъ, въ сущности они остаются сторонниками монархіи и ожидаютъ великихъ и богатыхъ милостей отъ португальскихъ Кобурговъ. Идея иберійскаго единства не заключаетъ въ себѣ ничего крайняго, наоборотъ,

это — самая консервативная идея съ перемежною однихъ внѣшнихъ условій. Монархія, потрясенная въ Испаніи послѣдними Бурбонами, говорятъ прогрессисты, можетъ быть поддержана только гаслядниками браганцкаго дома, которые представили доказательства своего практическаго смысла, не воюя, подобно многимъ другимъ, съ либеральнымъ направлениемъ ихъ времени. Фамилія Кобургевъ, назвавши своей столицею Мадритъ, принесла бы въ даръ Португалію, роскошный даръ, котораго напрасно добивались въ продолженіи многихъ столѣтій всѣ кастильскіе монархи.

Съ точки зрѣнія европейской политики прогрессисты швейцарскаго единства не могутъ быть также названы радикалами: это очень обыкновенные люди, желающіе привести Испанію къ тому же положенію, къ тѣмъ же учрежденіямъ, какими пользуются Португалія, Бельгія, Италія и Англія. Они разсуждаютъ, что Испанія поставлена въ необходимость выбирать между демократической и соціальной республикой съ одной стороны, и монархіей, ограниченной парламентарными учрежденіями, съ другой. Мы одни, говорятъ они безпрестанно и съ глубокимъ убѣжденіемъ, можемъ не допустить торжества республики на развалинахъ монархій Бурбоновъ. Надобно сказать также, что огромное большинство республиканской партіи вовсе не думаетъ выступать враждебно противъ дѣла Прима; напротивъ, республиканцы ему покровительствуютъ, надѣясь, что послѣ прогрессистовъ, дойдетъ и до нихъ очередь дѣйствовать; справедливо, однако, что если бы не прогрессисты, очередь дѣйствовать давно бы уже наступила для республиканской партіи. Ненависть къ клерикализму ослѣпляетъ республиканцевъ; они должны были бы знать, что держа сторону Прима, они ласкаютъ своего отъявленнаго врага, единственнаго, который можетъ съ ними справиться и поставить ихъ въ то темное, второстепенное положеніе, въ какомъ находятся люди ихъ убѣждений въ Англіи, Италіи и Бельгіи. Съ новымъ королемъ изъ Португаліи демократы достигнуть власти, но въ ущербъ самой демократіи.

Новую монархію демократы будутъ стараться укрѣпить всеми своими силами, тогда какъ король будетъ думать только, какъ бы набербовать для себя лучшихъ защитниковъ. Кто внимательно изучалъ исторію іюльскаго монархія, отгадаютъ почему; не хуже поймутъ это и тѣ, которымъ извѣстны военные подвиги Гарибальди въ пользу Виктора-Эмануэля, и которые вспомнятъ о побѣдѣ донъ-

Карлоса, одержанной имъ надъ войскомъ знати и клерикаловъ, при помощи демократической и народной партіи.

Изъ всего сказаннаго надобно заключить, что рано или поздно иберійское единство осуществится, достанется ли оно на долю Прима или когонибудь другого. Тутъ дѣло не въ личности, а въ логикѣ самыхъ событій.

Мимеходомъ будетъ встать замѣтить, что общественное мнѣніе въ Испаніи, какъ оно ни ничтожно, все же гораздо либеральнѣе и могущественнѣе, чѣмъ вліяніе правительства на ходъ событій. Известно, что ни королева, ни о'Донель вовсе не желали ссориться съ папой изъ-за признанія итальянскаго королевства, но общественное мнѣніе принудило королеву дѣйствовать противъ самыхъ завѣтныхъ ея убѣжденій, притомъ въ дѣлѣ вѣшной политики, которое можетъ назваться неважнымъ и второстепеннымъ. Тутъ вовсе не были замѣшаны какіе-нибудь промышленные, торговые или финансовыя интересы, напрашивавшіеся на признательность Виктора Эммануила, какъ государя владѣній Мархин и Умбри, отнятыхъ имъ у папы, или какъ монарха Обѣихъ-Сицилій, на которыя испанскіе Бурбоны имѣли какія-то наследственныя притязанія. Слѣдовательно, общественное мнѣніе въ этомъ дѣлѣ ничѣмъ не было заинтересовано, но оно все-таки принудило сдѣлать по своему королеву, когда-то сказавшую: «скорѣе мнѣ отрубить руку, чѣмъ заставить свѣрѣпить это моею подписью!» Однако она подписала, правда, съ горькими слезами. Бѣдная королева! Самые слезы были съ ея стороны новою ошибкой.

Этотъ фактъ ясно обнаруживаетъ, что если королева Испаніи остается покорной дочерью папы, то испанская нація, живая и дѣйствующая, уже вовсе не такова. Государственный совѣтъ и трибуналы первой инстанціи увидѣли необходимость объявить виновными епископовъ, архіепископовъ и всю священную братію, которая, дѣйствуя втайнѣ за одно съ королевой, протестовала противъ признанія итальянскаго королевства. Неужели же, въ этомъ случаѣ, испанская нація, ни съ того ни съ сего, влюбилась во вчерашняго Galantuomo и нынѣшняго обладателя Италіи? Нужно быть довольно наивнымъ, чтобы такъ думать. Нѣтъ, либеральная Испанія хотѣла только бросить камешекъ въ огородъ римскаго отца, — и дѣйствительно бросила.

Точно также общественное мнѣніе заставило Нарваца смириться,

когда его консервативная гоража донла до послѣднихъ границъ. Не смотря на все желаніе королевы удержать маршала во главѣ правдальства, не смотря на ая полнѣйшую антипатію къ О'Донелю, какъ къ бывшему вицельварскому мятежнику, нѣмогда приговоренному къ смертной казни за измену отечеству, Изабелла должна была уступить раздраженной столицѣ и призвать того же самаго О'Донеля въ организациі новаго министерства. Самъ О'Донель, преемникъ маршала Нарваца—этого страншаница реакціи, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, сталъ ждать революціи медовыя лещины, желая набросить на нее намордникъ, когда она будетъ пожирать это лащество. Но революціа ограничилась только признаніемъ италіанскаго королевства, а до новаго избирательнаго закона чуть дотронулась. Слишкомъ изродожительный голодъ до того раздражилъ аппетитъ чудовища, что оно не ѣло, а пожирало бросаемые куски, которые немощно быстро исчезали въ его объемистой, зубастой пасти. И чѣмъ больше оно жрало, тѣмъ больше жрать хотѣло.

Упорное равнодушіе къ праву голоса, охватившее демократическую партію, и востаніе Прима доказали, что О'Донель плохо рассчиталъ свой планъ раздѣлить прогрессистовъ на два враждебные лагера, которые бы истребили одинъ другого. Такое враждебное раздѣленіе существуетъ только между либеральной унией съ одной стороны и прогрессистами съ другой, между маршаломъ О'Донелемъ и маршадомъ Примомъ. Теперь матеріальный вопросъ уже рѣшенъ военнымъ счастьемъ; попытка Прима не удалась, и онъ бѣжалъ въ Португалію, гдѣ партія его принята вовсе не гостепріимно. Но, повторяемъ, дѣло не въ Примѣ, а въ настроеніи всего общества и въ стеченіи такихъ обстоятельствъ, которыя гораздо труднѣе побѣдить, чѣмъ отдѣльную партію. Во всякомъ случаѣ, страна еще далеко не успокоилась. Правда офенціозныя и офенціальныя газеты каждый вечеръ извѣщаютъ насъ, что возстаніе подавлено, истреблено, уничтожено, что мятежники укрѣпились въ Португалію, что ихъ окружали то въ горахъ, то на равнинахъ, что имъ преградили путь къ такому-то броду или къ такой-то линіи желѣзной дороги. Намъ извѣщаютъ, что все покорилось, что общественное мнѣніе проникнуто единодушнымъ негодованіемъ противъ зачинщиковъ, противъ этикъ враговъ семейныхъ основъ, религіи и собственности... но въ то же самое время насъ извѣщаютъ, что тамъ-то и тамъ-то было подавлено возмущеніе съ большой потерей прови, что

всѣ главные города находятся въ осажденномъ положеніи. Въ подобныхъ случаяхъ какъ для сторонниковъ вооруженія, такъ и для ихъ враговъ имѣется обильный запасъ формулъ и выраженій во всѣхъ канцеляріяхъ и во всѣхъ коллекціяхъ старыхъ периодическихъ изданій. У недовольныхъ жителей Мадрита не было прокламаций Прима; тогда они бѣвъ всякихъ затрудненій напѣвали на стѣнѣ крестнія прокламации викальварской инсurreкціи, вычеркнувъ только перомъ фамилію О'Донеля и замѣнивъ ее фамиліей Прима. Заграничныя газеты рядомъ съ оффиціальными депешами о подавленіи инсurreкціи Прима напечатали депеши, не менѣе оффиціальныя, которыми десять лѣтъ тому назадъ навѣщалось о подавленіи инсurreкціи О'Донеля. Говорятъ даже — справедливо или нѣтъ, рѣшить не беремся—что въ оба раза сигналъ къ возстанію былъ поданъ однимъ и тѣмъ же кавалерійскимъ полкомъ. Это обстоятельство вызвало довольно злой отвѣтъ одного сановитаго лица О'Донелю, который осыпалъ усердной бранью безсовѣстнаго мятежника Прима: «оно за око, зубъ за зубъ, кавалерія за кавалерію!»—Не зная, что-то запоетъ военная формула Приму—побѣду или поражение, мы, слѣдовательно, можемъ по отношенію къ нему стать въ положеніе самаго строгаго безпристрастія, и нисколько не затруднимся отвѣчать на вопросъ: кто же такой—этотъ Примъ? Его біографія не имѣетъ ничего назидательнаго. Люди всѣхъ партій и убѣжденій, анакомые съ первоначальной карьерой Прима, единодушно признаютъ его отъявленнымъ честолюбцемъ и думаютъ, что революція, видно, окончательно созрѣла, если онъ захотѣлъ быть ея вожакомъ. Не смотря на предпримчивость, смѣлость и необыкновенное личное мужество этого человѣка, его никакъ нельзя назвать энтузіастомъ или рубакой, очерта голову бросающимся въ опасности.

Нѣтъ, онъ рискуетъ своею головою, какъ спекуляторъ, измѣривъ свои силы и зная, къ чему стремится. Примъ родился простолюдиномъ. Девятнадцати лѣтъ отъ роду онъ вступилъ волонтеромъ въ королевскую армію, дѣйствовавшую тогда въ Каталоніи противъ карлистовъ. Всѣ свои чины до полковническаго включительно онъ получалъ на поляхъ битвы. Въ 1840 году, по окончаніи войны, онъ сдѣлался чрезвычайно популярнымъ лицомъ и въ народѣ, и въ войскахъ; онъ сталъ однимъ изъ любимцевъ радикальной партіи и самъ назвался радикаломъ. Все это, однако, не возымало ему въ 1842 году тайно примкнуть къ реакціонерамъ. Онъ согласился

состоять на жалованьи регентши Христины и, притворно щеголяя ультрадемократическими убѣжденіями, подалъ сигналъ къ возмущенію противъ Эспартеро.

Наконецъ-то каталонскіе демократы дагадались объ измѣнѣ Прима и о штуцѣ, которую съ ними сыграла Христина. Тогда они озлились противъ человѣка, котораго сами же подняли на щитъ, но этотъ человѣкъ былъ посланъ изрубить ихъ безъ пощады. Борьба эта продолжалась около года.

Примъ истребилъ демократовъ, своихъ прежнихъ друзей и сообщниковъ, разливъ по всему своему родимому краю потоки крови. За это его сдѣлали бригаднымъ генераломъ и осыпали цѣлой кучей шевговъ. Но тѣ самые реакціонеры, для которыхъ онъ работалъ, презирали его такъ же глубоко, какъ и демократы. Больно показалось ему свосить презрѣніе своихъ новыхъ союзниковъ: онъ началъ воевать и съ ними, и въ 1845 году былъ даже замѣшанъ въ заговорѣ противъ Нарваеца. Чтобы отъ него отдѣлаться, его назначили генералъ-капитаномъ въ Порто-Рико, гдѣ, по случаю возстанія негровъ, онъ запятналъ себя звѣрскою жестокостію, достойною губернатора въ родѣ Ира. Такъ какъ возмущеніе могло проникнуть и на датскій островъ св. Тома, онъ занялъ этотъ островъ безъ всякихъ церемоній, словомъ, дѣйствовалъ по турецки. Мы видѣли бѣдняковъ-негровъ съ антильскихъ острововъ: ихъ губы искривлялись злостію при одномъ его имени.

Въ эпоху крымской кампаніи, правительство, вторично желавшее спровадить Прима куда нибудь подальше, послало его въ лагерь союзниковъ, будто-бы для изученія ихъ стратегіи. Здѣсь-то онъ узналъ объ испанской революціи 1854 года и поспѣшилъ возвратиться на родину. Высадившись на берегъ въ Марсели и не имѣя еще ни о чемъ положительныхъ свѣденій, онъ вообразилъ себѣ, что на сторонѣ демократической партіи находились самыя вѣрные шансы успѣха, и потому издалъ манифестъ въ радикальномъ смыслѣ. Но въ Мадридѣ положеніе дѣлъ могло объясниться для него лучше: здѣсь онъ, не теряя много времени, круто повернулъ въ другую сторону и сталъ въ ряды сообщниковъ О'Донеля.

Въ 1859 году, викальварскій мятежникъ, сдѣлавшійся полно-властнымъ господиномъ Испаніи, поставилъ его во главѣ экспедиціи противъ Марокко. На этомъ маленькомъ театрѣ войны и противъ слабого непріятеля, онъ обнаружилъ, какъ говорятъ, качества да-

ревитого генерала. Эта война, на которую тогда было обращено внимание всей Испаніи, доставила ему самую блестящую репутацію въ арміи, въ народѣ, даже въ Каталоніи, его родинѣ, которая великодушно хотѣла забыть его прежнюю мѣтну.

Теперь онъ приобрѣлъ на столько силы, что самъ могъ сдѣлаться комоментомъ партіи, тѣмъ болѣе, что Эспартеро дряхлѣлъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Такъ какъ О'Донелль былъ вожакомъ либеральной униіи, то Примъ объявилъ себя главою прогрессистовъ, къ величайшему сокрушенію Олосаги. Ради этой партіи онъ въ продолженіи двухъ лѣтъ составлялъ заговоры, чтобы приготовить революцію, которою теперь управляетъ. Но всего болѣе Примъ показалъ себя находчивымъ человѣкомъ и тонкимъ политикомъ въ одномъ дѣлѣ по отношенію къ Мексикѣ, дѣлѣ, которое до сихъ поръ во многомъ остается неразгаданнымъ и которое удивило и Наполеона III, и королеву Изабеллу, и О'Донелля изобрѣтательной безнравственностью этого человѣка. Но Примъ умѣлъ вывернуться изъ этого позорнаго дѣла своевременно, притомъ съ такою поразительною ловкостью, что оне послужило только къ увеличенію его репутаціи въ Европѣ и его популярности въ Испаніи.

Не забудемъ, что онъ женился на богатой мексиканкѣ и взялъ за нею около десяти милліоновъ франковъ приданаго. Съ своимъ богатствомъ, своею шпагою, блестящею репутаціей, умомъ и крайней безнравственностью, онъ оказался способнымъ въ одно и то же время быть записнымъ злодѣемъ и пройти блестящую политическую карьеру.

Словомъ, онъ поддерживалъ и оставлялъ всѣ партіи, всѣ теоріи. Всѣ партіи и расчитываютъ на него, и ни одна не питаетъ къ нему довѣрія. Онъ кричалъ: вивать Христина!—вивать Эспартеро!—вивать О'Донелль! Потомъ: долой Христину! — долой Эспартеро! — долой О'Донелля! Съ 1856 года онъ не переставалъ горланить: вивать королева, но теперь онъ кричитъ: вивать иберійское единство, хотя все-таки продолжаетъ прежній крикъ: вивать королева! Вотъ почему королева, посылая противъ него пѣхоту, кавалерію и артиллерию, рѣшительно отказывается прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ противъ его собственной особы.

Все помогаетъ великимъ сорванцамъ при ихъ возвышеніи, даже самые пороки. Теперь Приму помогаетъ его военная репутація, его извѣстность, какъ храбраго человѣка, наконецъ худая о немъ славушка. Его всѣмъ извѣстное непостоянство внушаетъ каждой партіи

надежду, что онъ присоединится къ ней, забывивши всѣхъ прочихъ. Есть люди даже совершенно благонамѣренные, которые громко объявляютъ, что побѣда Прима необходима для порядка, прогресса, для матеріальныхъ интересовъ, наконецъ для самой свободы. Испанія, говорятъ они, выйдетъ изъ своего неопредѣленного положенія, въ которомъ на каждомъ шагу повторяются несогласія: власть не дѣлаетъ народу, народъ — власти; кредитъ, теперь въ концѣ погибшій, возстановится; промышленный трудъ, теперь вездѣ заснувшій отъ недостатка капитала и гарантій, заннптитъ съ новою силой. Эти люди громко требуютъ положить конецъ печальному кризису желѣзныхъ дорогъ, который разоряетъ и крупныхъ, и мелкихъ капиталовъ, который останавливаетъ промышленныя и торговыя операціи.

Они воображаютъ, что Испанія займетъ первое мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, благодаря желанному восшествію на настышскій престолъ португальской фамиліи. Имъ грезится въ блестящій перспективѣ англо-бельгійскій парламентаризмъ, имъ чудится, что они уже наслаждаются полусвободой подъ этою кобургскою конституціею, что они богаты, тепло одѣты, здоровы, и пользуются уваженіемъ...

А что касается до правосудія, нравственнаго добра, вещахъ, безъ сомнѣнія, очень почтенныхъ.... Э, да всему будетъ свое время!

«Вивать Примъ! Долой О'Донеля! кричалъ энтузіастъ Педро-Хиль, схватившись съ горяча за ружье.»

«Полно вздоръ молоть! сказалъ ему кумъ и другъ его Діэго: «неужели ты не понимаешь, что это тѣ же собаки, только съ другими ошейниками?..»

Такимъ образомъ мы еще разъ утверждаемъ, что ни одна партія въ Испаніи не понимаетъ ни прошедшаго, ни настоящаго своей страны и, какъ бываетъ со всѣми партіями, не можетъ возвыситься надъ тѣми мелкими интересами, въ которые рано или поздно уходитъ всякая политическая матерія. Съ лучшими желаніями народа у этихъ партій такъ мало общаго, что они не узнаютъ другъ друга въ критическія минуты, и потому всякое движеніе въ Испаніи ограничивается исключительно аристократическимъ кругомъ, гдѣ духъ рыцарскихъ приключеній еще до сихъ поръ сохранился. И пока не будутъ введены въ жизнь Испаніи новые элементы соціальной жизни, пока масса не проснется для дѣйствительныхъ реформъ, проходившия, подобныя Приму, будутъ держать въ своихъ рукахъ судьбу несчастнаго населенія Испаніи.